

**РӘСӘЙ ХАЛЫКТАРЫ ТЕЛДӘРЕ
ДИАЛЕКТОЛОГИЯҢЫНЫҢ КӨНҮЗӘК МӘСЬӘЛӘЛӘРЕ**

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ ЯЗЫКОВ
НАРОДОВ РОССИИ**

РФА ТЕЛ ҒИЛЕМЕ ИНСТИТУТЫ
РФА ӨФӨ ҒИЛМИ ҮЗӘГЕ
РФА ӨҒҮ ТАРИХ, ТЕЛ ҺӘМ ӨЗӨБИӘТ ИНСТИТУТЫ
БАШКОРТОСТАН РЕСПУБЛИКАҢЫ ФӘНДӘР АКАДЕМИЯҢЫ
БАШКОРТОСТАН РЕСПУБЛИКАҢЫ МӘҒАРИФ МИНИСТРЛЫҒЫ

Рәсәй халыктары телдәре диалектологияһының көнүзәк мәсьәләләре

XIV Бөтә Рәсәй фәнни конференция материалдары
(Өфө, 20-22 ноябрь, 2014 й.)

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
УФИМСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ УНЦ РАН
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Актуальные проблемы диалектологии языков народов России

Материалы XIV Всероссийской научной конференции
(Уфа, 20-22 ноября 2014 г.)

УДК 8:389:7(063)
ББК 81:83 82:85

Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XIV Всероссийской научной конференции. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. – 328 с.

ISBN 978-5-91608-118-3

В настоящем сборнике публикуются тексты докладов и выступлений участников XIV Всероссийской научной конференции “Актуальные проблемы диалектологии языков народов России”. В статьях нашли отражение актуальные проблемы тюркской, славянской, финно-угорской диалектологии, проблемы общего языкознания и смежных наук. Также публикуются материалы симпозиума по корпусной и прикладной лингвистике.

Сборник адресован лингвистам, фольклористам, а также учителям, преподавателям, аспирантам и всем тем, кто хочет узнать больше о диалектах языков народов России.

Ответственный редактор:

Ф.Г. Хисамитдинова

Редакционная коллегия:

Ф.А. Надршина, Ш.В. Нафиков, З.А. Сиразитдинов,
Р.А. Сулейманова, Л.К. Ишкильдина

Рецензенты:

д.ф.н., профессор Псянчин Ю.В.
д.ф.н. Жубаева О.С.

Составители:

Л.К. Ишкильдина, З.А. Сиразитдинов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник составлен из материалов XIV Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России». Организаторами научного форума выступили Институт языкознания РАН, Уфимский научный центр РАН, Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, Академия наук Республики Башкортостан, Министерство образования Республики Башкортостан. Конференция посвящена двум юбилейным датам: 90-летию со дня рождения известного башкирского языковеда, диалектолога, тюрколога, доктора филологических наук С.Ф. Миржановой (1924 – 2000), 65-летию со дня рождения башкирского лексикографа, кандидата филологических наук Н.Ф. Суфьяновой (1949 – 2012).

Материалы сборника объединены в три раздела: «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России», «Общие вопросы языкознания и смежные дисциплины», «Актуальные проблемы прикладной и корпусной лингвистики национальных языков». Тексты докладов и выступлений дают возможность глубже ознакомить научную общественность с проблемами диалектологии языков народов России, корпусной и прикладной лингвистики.

Статьи и публикации написаны на башкирском, русском, турецком, казахском и татарском языках.

I. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ РОССИИ

Назершина Ф.А., Өфө к.

СЭРИӘ МИРЖАНОВА ЯЗМАЛАРЫНДА ХАЛЫК ИЖАДЫ КОМАРТКЫЛАРЫ

Башкорт тел ғилеме, ғөмүмән төркият донъяһында, Сәриә Фазулла кызының исеме киң билдәле. Ул кырдтан ашыу ғилми хезмәт авторы. “Башкорт теленең көньяк диалекты” (М., 1979), “Башкорт теленең төньяк-көнбайыш диалекты (формалашуы һәм хәзерге торошо)” (Өфө, 1991; 2006) исемле рус телендә донъя күргән монографиялары – башкорт тел ғилемендәге фундаменталь хезмәттәр рәтендә.

Киң арауыкка таралған көньяк диалектының өс тармағын билдәләп (Эйек-һакмар һөйләше, Урта һөйләш, Дим һөйләше), уларзың һәр кайһыһының өн (фонетик) үзенсәлектәре, һүз төркөмдәре, лексикаһы буйынса төплө, ғилми нигезле тикшеренү үткәрзе. Шундай ук йүнәлештә Башкорт теленең төньяк-көнбайыш диалектындағы Каризел, Танып, Түбәнге Ағизел-Ык, гәйнә һөйләштәренә үзенсәлектәре ентәкле өйрәнелде. Башка халыктар (татар, фин-уғыр, рус) менән бәйләнештәр һөзөмтәһендә барлыкка килгән тел күренештәре яктыртылды. Бай фактик материал нигезендә башкорт теленең төньяк-көнбайыш диалектының фонетик һәм грамматик, айырыуса лексик үзенсәлектәре башкорт әзәби теленә лә хас тигән һығымта яһалды, был диалекттың башкорт теленең айырылғыһыз бер өләшө икәнлегә күрһәтелде. Бер үк вакытта ғалимә төбәктә йәшәгән татар, фин-уғыр халыктарының теленә башкорт теленең йөгөнтөһө булығын да дәлилләне.

Быларзан тыш, Сәриә Миржанова өс томдағы “Башкорт һөйләштәре һүзлеген”, “Башкортса-русса һүзлек”, “Башкорт теленең диалектологик атласын” төзөүселәрҙен берәһе.

Күрәүегезсә, Сәриә Миржанова ижадының төп йүнәлешә – тел ғилеме. Әммә ғалимә үзенең эшмәкәрлеген диалектология, лексикография өлкәләре менән генә сикләмәне. Дөйөм тел ғилемен өйрәнәүзә фольклор әсәрзәренең киммәтен аңлап, халык ижады үрнәктәрен йыйзы, йола, ғөрөф-ғәзәттәргә, тормош-көнкүрешкә бәйлә төрлө мәғлүмәттәр тупланы, был өлкәлә оғталык күрһәтте.

Сәриә Фазулла кызының фольклор язмалары ифрат бай мәғлүмәтлә, жанрзары буйынса күп яклы. Уларза әкиәт, риүәйәттәр, риүәйәт-леғендалар, йырзар, бәйәттәр, такмактарзың төрлө төрзәре, эпик әсәрзәр, мәкәл-әйтәмдәр, йомактар, йола фольклоры үрнәктәре бар.

Йыйған материалдарының бер өләшө ғалимәнең басылып сыккан хезмәттәрендә урын алһа, икенсә – шактай зур өләшө – машинкәнән үткәрелгән килеш Рәсәй фәндәр академияһы Өфө фәнни үзәгенә Ғилми архивында һаклана. Комарткылар 1958 йылда Башкортостандың көньяк, көньяк-көнсығыш райондарында язып алынған (Ф. 3. Оп. 2. 422, 423). Миржанова ул төбәккә комплекслы этнографик экспедиция ағзаһы буларак сәфәр кылған (етәксәһе – этнолог Раил Күзеев). “Алпамыша менән Барсынһылыу”, “Бабсак менән Күсәк”, “Изеге” эпостарының әкиәткә тартым өлгөләре (йыйыгусының әйтеүенсә, информанттар уларзы әкиәт тип һөйләгән), “Буранбай бәйәте” һ.б. ауыз-тел ижады комарткылары “Башкорт халык ижады” томдарына инеп китте.

Материалдар араһында әкиәттәрҙән күп булығы күзгә ташлана. Улар экспедиция әшләгән һәр районда тиерлек язып алынған. Текстар якшы сифатлы. Араларында һамаклы сюжеттар осрай (“Бей атмыш”, “Сүлмәғанай”). “Һуктырған һалдат” исемле бер сюжет хикәйәт тип һарыкланған.

Язмаларзың “Риүәйәттәр һәм леғендалар” тип аталған бүлегендә әһәмиәтлә мәғлүмәт һакланған бер нисә тарихи риүәйәт һәм “Башкорт кайзан килеп сыккан” тигән

этнонимик легенда килтерелә. Легенданың нигезендә кешеләргә төйәкләнер урын табып биреүсә изгелекле корт (бүре) мотивы ята.

Сәриә Миржанова ырыузар, ауылдар тарихына бәйле риүәйәттәрзе кағызға теркәүгә зур игтибар биргән. Уларза башка фольклор тупланмаларында һирәгерәк осраған йәки бөтөнләй сағылмаған мәғлүмәттәр бар. Мәсәлән, Күгәрсен районының Түңгәүер ауылында Ишкилдин Хәлиулланан язып алынған “Дүңгәүерләр кайзан килгәннәр” тигән риүәйәттә түбәндәге юлдар игтибарзы йәлеп итә: “Смак дүңгәүерләре без. Алар тукһан өйлә дүңгәүерләр булған. Шуларзан айырылып, яузан касып, ирле-бисәле ошонда килгәннәр. Теге дүңгәүерләр Изел буйындамы, йә Сыбар тау яғындамы, булғаннар”... Өзөктәге тукһан өйлә дүңгәүерләр тигәне, беззең уйлауыбызса, тәғәйен һанды аңлатмай, ә күплек төшөнсәһен, зур ырыу мәғәнәһен бирә һәм ирекһеззән Г. Потаниндың бер хезмәтендә теркәлгән *тукһан ике баулы кыпсак* тигән мәғлүмәттә хәтергә төшөрә. Унда был һүзбәйләнеш кыпсактарзың күп тармаклы, күп нәселле көслә кәбилә булыуын аңлата. С. Миржанова язмаларында “дүңгәүер” төшөнсәһе ауыл исемен генә аңлатмай, ул ырыу исемен дә сағылдыра. Был, Ейәнсура районының Байдәүләт ауылынан 1883 йылғы Бикжанов Басир Солтанморат улы (үсәргән ырыуы вәкиле) биргән мәғлүмәттәрзә асык күренә: “Төп башкортлар, йәғни семиродный доверенный: үсәргән, бөрийән, түңгәүер, катайлар...калғанын белмәйем”, — ти ул.

Ауыл тарихтарының һәр берендә тиерлек ырыу тамғалары, ара, нәсел атамалары кағызға төшөрөлгән.

Тарихи риүәйәттәрзә, нигеззә, казак барымталары, яузарза катнашкан батырзар (Сура батыр, Акназар); башкорт-рус бәйләнештәрә кеүек вакиғалар хақында һөйләнелә.

Экспедиция вақытында байтак йырзар язып алынған. Материалдарына бирелгән инеш өлөшөндә Сәриә Миржанова йыр жанрларының үзенсәлектәрен, уларзың башкарылыу рәүештәрен билдәләргә ынтылған, был тәңгәлдә, тәбиғи, төбәк атамалары ла күз уңынан ыскындырылмаған. Мәсәлән, әйтемнәү, һамаклау, һалмаклау, һармаклаузарзың көйһөз, бейеү ритмында һамаклап әйтеү рәүешендә башкарылыузарын билдәләй (Так называемые *әйтемнәү, һамаклау, һалмаклау, һармаклау* используются без напева, в ритме пляски, приговариваются как прибаутки).

Озон көйзәрзән “Урал”, “Ирәндеккәй”, “Һары ла сәс”, “Шафик”, “Ашказар”, “Ғилмияза”, “Зөлхәмирә” (“Зөлхәбирә”), “Шәүрә” һ.б. йырзар язып алынған, шулай ук ошо көйзәргә йырланған исемһез йырзар кағызға теркәлгән. Исемдәрә билдәлә булған йырзарзы С. Миржанова “атамалы йырзар” тип әйтеп китә.

Сәриә Миржанова материалдары араһында Баймак районының 1-се Эткол ауылында 80 йәшлек Зөлкәрнәева Хәшейә Байғужа кызы “Менәүәрә килән мәрхүмгә сығарылған йыр” тигән искәрмә менән ошондай бер йыр йырлаған.

Шунан бер куплет:

*Эткол ерләренә барған сакта,
Яным кеүек Менәүәрә, кем,
Былбыл булып сайрайзыр, кем.
Карурманнарынан ат үтмәй.
Менәүәрә һылыуым китте бик йыракка,
Яным кеүек Менәүәрә, кем,
Былбыл булып сайрайзыр, кем,
Хәл белешер инек – хат етмәй.*

Үкенескә каршы, йырзың магнитофон язмаһы юк. Баймак районына фольклорсылар аз сәфәр кылманы, әммә бындай йыр улар тарафынан кағызға ла, магнитофон тасмаһына ла теркәлмәгән. Шулай за был урында Хәшейә Зөлкәрнәева тексына айырым игтибар йүнәлтеүебез осраклы түгел. 1989 йылғы фольклор экспедицияһы вақытында, Дәүләкән районының Кызрас ауылында Ғәйшә Әкембәтованан (1930 йылғы) “Хәйрүләкәй” исемле йырзы көйө менән язып алырға тура килгәйне. Көй ноталары менән матбуғат биттәрәндә басылды, күренекле йырсы Ғәли Хәмзин

башкарыуында эфир тулкындары аша яңгыраны. Хәзер ул – кин билдәле йыр. Бына уның тексынан бер куплет:

*Тып-тып кына баскан туратыңды,
Йәнейем кеүек Хәйрүләкәй,
Былбыл булып һайра әле.
Йөз илле һум биреп тә һорарзар. (2 тапкыр)*

*Сит илдәргә китеп якишы йөрөһәң.
Йәнейем кеүек Хәйрүләкәй,
Былбыл булып һайра әле.*

*“Кайзан килгән” тип (шул) һорарзар,
“Кем балаһы” тип (шул) һорарзар,
Йәнейем кеүек Хәйрүләкәй,
Былбыл булып һайра әле.*

Ғәйшә Әкембәтованың әйтеүенсә, был йырзы ситкә китергә йыйынған Хәйрүләкәйгә төбәп, әсәһе йырлаган. Күренеүенсә, лирик геройзың ситкә китеү мотивы, йырзың кушымта өлөшө - ике текст өсөн дә уртақ һызат. Зөлкәрнәева тексында бойоғоу тойғоһо һизелһә, Әкембәтова йыры күтәренкерәк тонда. Йырзарзың көйзәре лә окшаш булыуы ихтимал. Текстарзағы ижектер һанының яқынлығы/уртақлығы бындай фараз кылырға мөмкинлек бирә. Көйзөң тәү башлап кайһы төбәктә сығарылыуын әле асықлайһы бар. Быны “Хәйрүләкәй”зең музыкаль тибын, стилиен өйрәнәү һигезендә музыка белгестәре билдәләй алып, моғайын.

Кағызға теркәлгән мәкәл, әйтем һәм йомактарзың күпселеге дөйөм алғанда кин билдәле үрнәктәр. Шулай за һирәгерәк ишетелгәндәре лә юк түгел. Мәсәлән: «Алабута аш булған, кыптыр тиртонлы баш булған», «Бәләкәс ирзән бөкөрө ир тыуар»; «Базарза алтмыш атаның балаһы бар, һәр кем танығанына сәләм бирә»; «Кулыңдағын һык тотһаң, күршең менән татыу булырһың»; «Карала карһанмаһаң, ақланда нәмә ашарһың?»; «Улға караған – урамға караған, киленгә караған – кирегә караған»; «Ил талап ауызға кергән хәлүәнән ер тарап табылған икмәк татлырак.

Йомактарзан: “Ары ла китәр ләплүм, бирә лә китәр ләплүм, Төрлө үлән башынан Төймә төйәр ләплүм” (Һарык). “Кых-тфү, кәкәй!” (Бысак, кайрау).

Сәриә Миржанованың 1958 йылдағы язмалары һақында фекер йөрөткәндә, ундағы этнографик материалдарзың күплегенә лә иғтибар итмәй булмай, сөнки улар – туй, күмеү йолалары, уйындар, хужалык төрзәре – бик ентекләп, төпсөнөп язып алынған. Күрәһең, экспедиция алдан ук бик һык әзерләнеп, ағзаларына асық бурыстар куйып үткәрелгән. Әлегә ғилми конференция материалдарында ғалимәненә экспедиция материалдары буйынса үзә язған отчеты басылғас, улар тураһында үзәбез алған тәһсираттар менән генә уртақлаштык.

Сәриә Миржанованың башкорт халык ижадын йыйыу эшмәкәрлеге һақында һөйләгәндә, уның башка төбәктәрзә язып алған материалдары һақында әйтмәү мөмкин түгел, сөнки уларзың кайһылары тарихи йыльязмаларға бәрәбәр.

С.Ф. Миржанованың “Башкорт теленең төһьяк-көнбайыш диалекты” исемле монографияһында, мәсәлән, фразеологизмдар, мәкәл һәм әйтемдәрзән тыш, ошо диалектка караған дүрт һөйләштең һәр берәһенең үзенсәлектәрен сағылдырыуы текст үрнәктәре – ауыл тарихтары – һақында бәйән кылыуы риүәйәттәр бирелгән.

Тегә йәки был ауылға башлап кем һигез һалған, унда һиндәй ырыузар, милләт кешеләре йәшәй, уларзың үз-ара мөнәсәбәттәре, бәйләнештәре, көнкүрештәре һиндәй булған, ер-һыу атамалары кайзан килеп сыққан һ.б. ошо типтағы һораузарға яуап алып була был риүәйәттәрзән.

Миһсал өсөн монографиянан кайһы бер өзөктәр килтерәйек.

Каризел һөйләшенән: *Иске Акпеләк ауылы тарихы.* “Беренсә Якуп килеп киләбутырған. Акбулат карт, кий (быныһы язып алыу мәлендә информант эргәһендә ултырған тыңлаусының репликаһы, асықлаусы өстәмәһе, булһа кәрәк – **Ф.Н.**). Башкыртның жире зур былған. Бертем аулы кырк сакрым мынан, Кизаһының йөз илле

сакрымка сузылган жире элгәре. Бертем йылгасына Кизазыдан килеб ултырганнар. Безнең ата-бабайлар урыстан, татардан түләткән йерне. Әрбалүтсиәге сәкле (революцияга саклы – Ф.Н.) башкырт үткәрмәгән мишәрне, Акбүләктән сыккан Шамырат, Козаш, тезелешеп Йүрзән буйына утырган башкырт.

Акпеләкнең нәселләре: Шәмекәй, Акпеләк, Балтин. Шәмекәй нәселен азбарында өс лары булыуынан беләләр. Өс лары булмаса – Балтин...” (1966 йыл Каризел районының Акбүләк ауылында Нурдәүләтов Хәйриланамдан, 1905 йылғы, язып алынған).

Танып һөйләшенән: Имән ауылы. “Без башкыртлар, төптән башкырт килгән. Типтәр былмады, бетнәй башкырт. Безен ата-бабайлар, зурәтәйләр килгән Йөрүзәннән, Бәрзәш, Шамырат йакларынан. Шуның өсөн безең Имән ауылы башкырт исемен күтәрә.

Имәннең йерләре күп булган. Псләк байары йере, Патлуп мишәрләре, Насарлар, Кизгән, Ишмәмәт, Нөркә йерләре безеке булган. Имән карт, Әмер карт, Усман карт килеп ултырган. Алар теләсә кайа утырып йөрөгән, - тип сүләй ейә әтәй. Ул менә, балам, элгәре башкортта йер күп булган. Изел, Ағизел, Каризел буйлары башкыртныкы былган. Башкырт элек-электән суғышып йөрөгән ук белә. Безнен Йык тауда акуплары бар. Бүрәнәләре булган таутүбән тәгәрәтеп йебәрергә. Имәндә нәселләр: Мотошлар, Сакалар, Памайлар, Тартайлар, Кәрмәннәр (1973 йыл Балтас районының Имән ауылында Сазретдинова Сабиранан язып алынған. Информант 1897 йылғы, грамоталы, “төрки” языуын якшы белгән).

Түбәнге Ағизел-Ык һөйләшенән: Бикбау ауылы, Бикбаул, Бикбул. ...Калмырза калкыуында кәберлек ташы бар. Казаннан килеп укып каранлылар, укый алмазылар. Бик иске. Иске йортно казыдылар Казан археологлары, сөйәкләр, тимер-томор казып алп киттеләр.

Калмырзага гел башкыртлар. Калмырзага безнең нәселне Боғазызан килгән тейләр изе. Безнең йәнәй якларында, Кама аръягында да жирләр былды. Бикбау ике очтан тора: 1) башкортлар, асабалар, урта тошо, 2) типтәр очо – теге як оч, кибла як. Типтәрләренең төбө чирмеш, мында зыяратлары былган.

... Безнең анда бер йер, мында бер йер, йергә тамға салынған, көрәк белән саласын да китәсең. (Татар АССР-ның Минзәлә р-ны. 1976 йыл, Кулова Минажа, 1890 йылғы, башкорт, Ситдикова Латифа, йәнәй ырыуынан, типтәр).

Татыш ауылының тарихына карата. Элке заманда иң башта мында өч карт килеп утырган: Татыш, Тәтәмәл, Тәнеч карт. Шулар килеп, башта утырган [тәү башлап ултырган – Н.Ф.] донжа йаралганда. Иске Моштода Ғәйнәтдинов Хәлуәлей сиксән тирәләрендә. Анда безнең шәжәрә булырға тиеш. Без ни башкырт тык башкорт инде, парут юк безнең. Татышның милләте башкырт былган, шуның өчөн башкырт исемен күтәрә. Без туң (чей) башкырт түгел, без прастуй башкорт инде. Түлке татар түгел.

<...> Пүгәчәү заманында Питер таудан Кызгалатау белә атышканнар, ук белә атышканнар. Бу тауны, әйтеү буйынча, өйөп ясаған былганнар, суғышыу өчөн биек булсын тип. Аралары дүрт-биш чакырым. Изел чыкмалы.

Укымыш былмагач, тамға ғына салдык. Безнең тамға – сәнәкнең чатына чапкан, Яны Татышта – эскәмбиә (1976 йыл Калтасы районының Татыш ауылында Кашапов Шәйхинурзан (1898 йылғы) язып алынған).

Гәйнә һөйләшенән: Башколтай (Кече Мүл) ауылы тарихы. Бу ауылға майтак кына, өч йөз йыллар была. Жирләре күп былган башкыртныкы. Шуңа аларны кенәз (тархан) тип йөрөткәннәр урыслар. <...>

Калтай дигән кеше былган. Аның ике улы была. Оло мулла, Кече мулла. Безнеке ауыл элке исеме – Кече Мүл. Кайаныва тигән аул бар, йырак түүл мынан. Аны Оло Мүл дип йөрөткәннәр. Калтай дигән аулда Калтай үзе торған. Сәвит былгач, без Башкырт Култай, ә тегенесе Урыс Колтой булып китте. Безең аул башлап утырган Изел (Кама) буйында, Нижний Мулда. Без татар түүл, башкырт, нәстәйәшши башкырт (1975 йылда Пермь өлкәһе, Пермь районының Башколтай ауылында Сәйдәшев Әмирзән, 1888 йылғы, язып алынды).

Төньяк-көнбайышта Сәриә Фазулла кызы тел берәмектәре рәүешендә мәкәл-әйтөмдәр, фразеологизмдарзы кағызга теркәгән. Араларында һирәк ишетелгәндәре бар. Мәсәлән, гәйнә башкорттарынан язып алынған мәкәл, әйтөмдәр араһында: “Күрше кеше – бүре теше”, “Кеше баласы – бүре баласы, бүреккә салып асрасаң да берекмәс”; таныптарзан: “Бәхетленең кунағы дөрөн-дөрөн” (сакырылған кунактарзың барыһының да килеүе, һуңламаузарына карата), “Мал иәсе тасторна” (Мал әйәһенә окшай, тигәнә) һ.б.

Халкыбызга “Зәр кәзерен зәркәр белер” тигән мәкәл бар. Ғалимәнең халык ижадына оло игтибары, уның күнел торошона, эске тәбиғәтенә лә бәйлә булғандыр, моғайын. Сәриә Миржанова башкорт халык йырзарын, романстарзы ифрат нәзәкәтле итеп, үзенә генә хас моң, йомшак тембр менән башкара ине (тауышы – лиро-драматик сопрано). Үзенә тыуған төйәгендә (Әбйәлил яктарында) яралған “Ғилмияза” йырын унан да моңлораҡ итеп башкарған кешене осырағырға тура килмәне миңә.

Сәриә Фазулла кызы Миржанованың, ақыл кеүәһенә күнел йылығын кушып, бөртөкләп йыйған фольклор-этнографик материалдарын, бөтәһен бергә туплап, айырым басма рәүешендә нәшер итеү көнүзәк бурыстарзың берәһелер.

Әзәбиәт

Миржанова С.Ф. Северо-западный диалект башкирского языка: формирование и современное состояние. – Уфа, 1991.

Надршина Ф.А. Рухи хазиһалар (Асылыкүл, Дим, Өршәк буйы башкорттарының фольклоры). – Өфө: БР мәзәниәт министрствоһы, Республика халык ижады үзәге, 1992. – 78 б.

Научный архив УНЦ РАН Фонд 3, опись 2, ед. хранения 423.

Рамазанова Д.Б., г. Казань

САРИЯ ФАЗУЛЛОВНА МИРЖАНОВА КАК МНОГОГРАННЫЙ УЧЕНЫЙ

Творческая деятельность известного башкирского лингвиста, диалектолога, лексиколога, тюрколога, доктора филологических наук С.Ф. Миржановой начинается с изучения живых народных говоров родного языка, а именно, уникального его кубалакского говора. Видимо, поэтому ее научная деятельность включает в себя различные стороны исследования башкирского языкознания, о чем свидетельствует приведенный ниже краткий перечень основных трудов. Как известно, одним из важных принципов общего языкознания является то, что изучение любого языка начинается с исследования его живого разговорного вида, во всем его многообразии форм. Изучение местных говоров является делом всей жизни С.Ф. Миржановой.

Автор придерживался основного принципа диалектологии: выявление и обобщение диалектных особенностей имеет важное научно-теоретическое значение для сравнительно-исторических исследований не только башкирского, но и других тюркских языков. При этом С.Ф. Миржанова справедливо считала, что изучение говоров способствует также и решению практических задач языкового строительства, усовершенствованию и унификации норм литературного языка, что в свое время являлось весьма актуальной. Ею системно описаны южный и северо-западный диалекты, из которых южный диалект вместе с восточным лег в основу современного башкирского литературного языка. Не менее сложный путь формирования прошел также и северо-западный диалект.

Значение опубликованных монографий по указанным диалектам заключается и в том, что они написаны на базе огромного фактического материала, собранного автором в полевых условиях, тщательно выверенного в сравнении со всеми диалектами башкирского языка, с данными других родственных языков. Так, например, в ее монографиях раскрыта богатая система не только именных частей речи, глагола, но и служебных слов (послелогов, частиц и др.), зачастую при описании говоров остававшихся недостаточно освещенными. Большое значение С.Ф. Миржановой придавалось анализу лексических особенностей говоров.

Вторым направлением научной деятельности С.Ф. Миржановой является самоотверженная работа в области лексикологии. На наш взгляд, подлинное значение

данного направления раскрылось особенно в последние десятилетия, когда в лингвистике активизировались исследования словарного состава языка с различных точек зрения, когда стала понятной роль лексико-семантической системы языка, в том числе лексики диалектов и говоров как важного источника. Следует подчеркнуть, что лексика, особенно лексика духовной и материальной культуры народа, уходит вместе с тем поколением, какое она обслуживала. Поэтому, на наш взгляд, особенно фундаментальный характер носит скрупулезно проведенные лексикологические исследования С.Ф. Миржановой, что является вторым важным направлением ее разносторонней научной деятельности. Башкирская диалектная система располагает целым рядом уникальных говоров, в которых обнаружилась богатая оригинальная лексика. Эти материалы и сегодня не потеряли своего научного значения. Они увидели свет в диалектологических словарях, в диалектологическом атласе башкирского языка.

Наряду с этим, необходимо подчеркнуть методичку научной обработки С.Ф. Миржановой накопленного лексического материала. Автор никогда не ограничивалась простой фиксацией, а рассматривала материал с различных точек зрения: по тематическим классам, генетическим группам, в ареальном и др. аспектах.

Автор впервые выделяет зональную диалектную лексику, изоглоссы которых охватывают территорию нескольких говоров или подговоров. Она выделяла тематические группы диалектов, относя к этнографической лексике, названиям частей тела человека, растений и др. Ученый рассматривала развитие диалектной лексики в связи с этноисторическими процессами [Миржанова 1979, 78].

В монографии в огромном количестве приводится диалектная лексика по тематическим классам, таким как животноводство, рыболовство, звероловство. Например, в области животноводческой лексики С.Ф. Миржановой зафиксированы редкие названия молодняка (*саңгәр*), стоянки стада в жару (*йатак*), *һебә* – мясо ложных ребер, *талак* – заворот кишок (у лошади) и др. В ее работах представлена богатая лексика, связанная с рыболовством: *суга*, *сеуә*, *зәүә* – вьюн, *суракай* – щука, *акбалык* – белая рыба и др.; автор обращает внимание на многовариантность, синонимичность названий ряда рыб: малька, вьюнка, щуки и др. В ик-сакмарском говоре, например, как заметила С.Ф. Миржанова, зафиксировано с фонетическими и морфологическими вариантами более 30 названий мальков.

Одним из важных сторон исследования лексики является исторический аспект. Выявление исторических пластов требует осведомленности об этнической истории носителей говоров. С.Ф. Миржановой удалось раскрыть этническую общность между носителями определенных говоров, что имеет важное значение для исторических, этнологических исследований [Миржанова 1976, 232–341; 1979, 152–153].

Большое место уделяется С.Ф. Миржановой изучению заимствованной лексики в диалектах башкирского языка. Автором раскрыты своеобразные семантические функции этих заимствований. Например: *зыбаный кутарыу* – поднять шум-гам, крик, ругань; *зәңкей башлы йәшел корт* – зеленый червь с черной головкой; *макам* – жилище и др.

Автор отмечает, что русизмов в говорах южного диалекта сравнительно немного. Однако представленный материал интересен в плане фонетической адаптации: *мижәк* – пиджак, *мәлем / мәйлем* – молевой сплав, *хатийа* – хотя и др. Автор считает, что русские слова являются поздними заимствованиями. Видимо, этим и объясняется их однозначность.

С.Ф. Миржановой уделено большое внимание изучению финно-угорских элементов в лексическом фонде башкирского языка. Автор прав в том, что связывает эти элементы с древними этапами в этнической истории башкирского народа [Миржанова 1971].

Одним из положительных сторон трудов С.Ф. Миржановой следует считать то, что в них автор уделяет достаточно большое внимание одной из важной и интересной части лексического богатства живой разговорной речи – фразеологизмам, поговоркам, которые придают своеобразный оттенок в оформлении диалектной специфики. В монографии

приведено большое число фразеологизмов (*бизгәк һугыу* – биться в лихорадке, *маза күреу* – лит. *ыза күреу* – мучиться, *алхалга кереу* – еле прийти в себя и др.), пословиц и поговорок (*йөргән аякка йүрмә эләгә* – кто не сидит сложа руки, то найдет себе на пропитание. *Этәмбәйзең ере тар, кызы матур – шуныһы бар* – у припущенников земли мало, но есть одно преимущество – девушки их красивы и др.).

Следует отдельно сказать об изучении С.Ф. Миржановой башкирских терминов родства. Эта важная как для лингвистики, так и для этнографии область имеет особое значение. Она отражает в себе закономерности формирования и развития духовной культуры носителей говоров. Кроме того, выяснение и определение терминосистемы, характерной для того или иного языка, диалекта или говора требует особенно тщательной работы по сбору материала, требует глубоких знаний духовной жизни народа, его обычаев и обрядов. Между тем, нельзя сказать, что исследователями уделяется достаточное внимание данной лексико-семантической категории. С.Ф. Миржановой же удалось описать термины кровного и свойственного родства в семантическом, ареальном и историческом планах [Миржанова 1979, 83–90; 1973]. В работе С.Ф. Миржанова устанавливает варианты терминов родства (*әни, инә, ана* – мать и др.), определяет ареалы их распространения и семантические различия в их функционировании. Такой подробный анализ системы терминов родства башкирского языка осуществлен впервые.

С.Ф. Миржановой собран, обработан и введен в научный оборот огромный диалектный материал. Данный материал в настоящее время, когда идут глобализационные процессы, приводящие к исчезновению языков, диалектов, становится еще более уникальным. Собранные и бережно зафиксированные ученым материалы будут служить науке, изучению истории древних племен, участвовавших в формировании башкирского и других тюркских народов.

Велико значение наследия ученого для новых поколений исследователей. Она мыслила с перспективой на будущее. Она поднимала проблемы исторической диалектологии, основы для решения которых были заложены еще в ее монографиях и других публикациях [Миржанова 1963; 1967; 1979; 1981; 2005; и др.].

Сария Фазулловна Миржанова участвовала как один из составителей таких фундаментальных работ, как диалектологические словари, «Диалектологический атлас башкирского языка» и др. Она внесла большой вклад в башкирскую лингвистическую науку. То, что обсуждение богатого творческого наследия С.Ф. Миржановой, как память о ней включено в программу нынешнего высокого форума, свидетельствует об актуальности выдвинутых ею идей и проведенных разработок, сохраняющих актуальность для развития языковедческой науки современности.

Литература

Миржанова С.Ф. Кубалякский говор башкирского языка // Башкирская диалектология. – Уфа, 1963. С. 128–133.

Миржанова С.Ф. Кубалякский говор башкирского языка. Автореф. дис... канд. филол. наук. – Уфа, 1967.

Миржанова С.Ф. Терминология родства в диалектах башкирского языка // Советская тюркология. № 4. – Баку, 1973.

Миржанова С.Ф. Финно-угорские элементы в говорах башкирского языка // Археология и этнография Башкирии. Т. 4. – Уфа, 1971.

Миржанова С.Ф. Этнолингвистические процессы на северо-западе Башкирской АССР // Развитие языков и культур народов СССР в их взаимосвязи и взаимодействии. – Уфа, 1976. С. 232–241.

Миржанова С.Ф. Южный диалект башкирского языка. – М., 1979. – 272 с.

Миржанова С.Ф. Некоторые вопросы исторической диалектологии башкирского языка // Всесоюзная тюркологическая конференция. Тезисы докладов. – Алма-Ата, 1976.

Миржанова С.Ф. О древних этноязыковых связях башкир и венгров // Советская тюркология. 1981. № 1. С. 37–48.

Диалектологический атлас башкирского языка (Миржанова С.Ф. – один из составителей). – Уфа: Гилем, 2005. – 234 с.

Рамазанова Д.Б. Названия одежды и украшений в татарском языке в ареальном аспекте. – Казань: Алма Лит, 2002. – 352 с.

Каримова Р.Н., г. Уфа

РОЛЬ С.Ф. МИРЖАНОВОЙ В ИЗУЧЕНИИ ДИАЛЕКТОВ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Формирование и развитие башкирского языка и его диалектов в сравнительно-историческом освещении (на общетюркском фоне)», проект № 13-14-02009.

Развитие башкирской диалектологии 50-90-х годов прошлого столетия теснейшим образом связано с именем известного диалектолога, тюрколога, лексикографа Сарии Фазулловны Миржановой.

Планомерную работу по изучению диалектов башкирского языка С.Ф. Миржанова начала с диалектологических экспедиций и научных командировок. Начиная с 1953 года она участвовала в 20 научных экспедициях и экспедиционных выездах по районам Башкортостана и сопредельных областей и республик. В результате ею был собран огромный материал, который составил базу для написания в последующем двух (кандидатская и докторская) диссертаций, двух монографий, четырех диалектологических словарей и множества статей. Кроме этого, С.Ф. Миржановой и ее коллегами-диалектологами создан богатый диалектологический фонд, на базе которого были подготовлены и изданы все крупные исследования не только по диалектологии, но и башкирскому языкознанию в целом. В частности, на материалах диалектологического фонда и картотеки толкового словаря подготовлены и изданы «Словарь башкирского языка» (в 2-х томах) [1993], «Башкирско-русский словарь» [1996], «Русско-башкирский словарь» (в 2-х томах) [2003], «Академический словарь башкирского языка» [2011-2013] и т.д. Что же касается С.Ф. Миржановой, то все ее труды, как уже говорилось выше, написаны на материале этого фонда.

С.Ф. Миржанова в составе диалектологической группы Института истории, языка и литературы принимала участие в подготовке и разработке новой темы «Башкирская диалектология». Группа разработала «Вопросник для сбора лексического богатства по башкирским говорам» [1959] и «Анкету для сбора диалектных материалов» [1961]. В дальнейшем эти анкеты, вопросники дали возможность сбору диалектного материала по всем уровням языка.

В ходе фронтального изучения башкирских говоров в течение двадцати лет группой диалектологов был собран огромный диалектологический материал, на основе которого был написан трехтомный диалектологический словарь [Словарь башкирских говоров 1967, 1970, 1985].

Один из первых основательных исследований С.Ф. Миржановой посвящается кубалякскому говору башкирского языка. Статья «Кубалякский говор» была написана на основе экспедиционных материалов 1953-1961 годов [Миржанова 1963, 128-130]. В данной статье С.Ф. Миржанова кубалякский говор рассматривает в составе восточного диалекта башкирского языка, определяет границы распространения данного говора: северная граница доходит до дер. Каипкул (Учалинский район); южная граница – до дер. Биккул (Абзелиловский район), западной границей является дер. Кудашман (Белорецкий район). Автор также рассматривает фонетические, морфологические и лексические особенности данного говора. В итоге, на основе материалов своих первых экспедиций, С.Ф. Миржанова в 1967 году защитила кандидатскую диссертацию на тему «Кубалякский говор башкирского языка».

Следующий этап работы С.Ф. Миржановой связан с изучением южного диалекта башкирского языка.

В монографии «Южный диалект башкирского языка» (1979) автор освещает историю изучения, описывает все говоры данного диалекта, указывает его отличительные черты. В данной работе С.Ф. Миржанова исследует фонетические, морфологические, лексические особенности южного диалекта. Анализируя демский говор, Сария Фазулловна делает выводы, что данный говор имеет такие лексические изоглоссы, которые выступают связующим звеном между северо-западными и восточными говорами башкирского языка [Миржанова 1979, 249]. Ученая отмечает, что в диалектной системе башкирского языка южный диалект является самым крупным диалектным ареалом как по территории распространения, так и по численности населения.

С.Ф. Миржанова долгие годы занималась также изучением северо-западного диалекта башкирского языка.

Комплексно исследовав этот диалект, автор приходит к выводу, что основу словарного состава северо-западного диалекта составляет общешкирская лексика, и что диалектные особенности северо-западного диалекта, общие с башкирским литературным языком, бытуют в области фонетики, в грамматике, лексики [Миржанова 2006, 289]. В данной работе отмечаются процессы взаимодействия, взаимовлияния и исторического развития тюркских языков Урало-Поволжья.

По сей день работы С.Ф. Миржановой по диалектам башкирского языка имеют теоретическое, историческое и практическое значения для башкироведения. Под влиянием литературного языка разговорный язык подвергается унификации, исчезают отдельные формы, слова, словесные комплексы, диалектные явления.

Весьма ценными представляются сегодня текстовые образцы речи, помещенные в монографии С.Ф. Миржановой. Они являются богатым, интересным, своеобразным материалом, дают большие возможности для изучения истории развития и современного состояния диалектов башкирского языка. Эти текстовые диалектные материалы по своему характеру и содержанию связаны с этнографией, фольклором башкир и представляют несомненный интерес для лексикографов, этнографов, фольклористов. Необходимо отметить, что исследования южного, северо-западного диалектов башкирского языка велись с фиксацией речи на магнитную ленту и составляют основу фонда электронных диалектологических материалов Института. Эти звуковые записи сегодня являются бесценными живыми источниками для современных исследований.

Из архивных аудиозаписей С.Ф. Миржановой, которые хранятся в электронном фонде отдела языкознания, представляют особый научный интерес записи 1960-х годов, зафиксированные в ходе экспедиционных выездов в Кигинский, Аскинский районы Республики Башкортостан.

В 70-е годы XX века начинается разработка «Диалектологического атласа башкирского языка». С.Ф. Миржанова приняла непосредственное участие в его разработке. Атлас состоит из двух частей. В первую часть включены вступительная статья, справочные материалы и комментарии к картам. В комментариях отражена линия распространения того или иного явления языка, определен регион функционирования форм с указанием их плотности, переходности, исчезновения, дана интерпретация картографируемого явления [Диалектологический атлас 2005].

Ряд работ С.Ф. Миржановой посвящен исследованию заимствований в башкирском языке [Миржанова 1966, 89-103; 1966, 90; 1973, 115-120]. Данную проблему автор освещает на примере русских, финно-угорских заимствований. Сария Фазулловна приводит интересные лексические единицы из русской диалектной системы. Например, в северо-восточных говорах башкирского языка наряду с такими башкирскими словами, как *тына*, *һыуһын*, встречается слово *ыпыуыт* в выражениях *бер тына*, *бер ыпыуыт* «промежуток в работе между двумя передышками» и делает вывод, что «не зная особенностей местных говоров, где бытует слово «уповод», можно ошибиться в определении этимологии этого слова» [Миржанова 1966, 90].

С.Ф. Миржанова опубликовала более 40 научных работ, посвященных различным аспектам башкирского языкознания. Они были опубликованы в диалектологических и языковедческих сборниках, республиканских и всесоюзных журналах. В них пересмотрены классификации башкирских диалектов и говоров, уточнены территории распространения того или иного говора, дана этническая привязка каждого описываемого говора.

С.Ф. Миржанова внесла большой вклад не только в диалектологию, но и лексикографию, ономастику, фольклористику и этнографию. В частности, с 1983 года она участвовала в составлении и редактировании коллективных трудов «Башкирско-русский словарь», «Русско-башкирский словарь» в 2-х томах.

Что же касается топонимии, то ее статья, посвященная финно-угорским топонимам Башкортостана, не потеряла актуальности и сегодня. Фольклорные материалы, собранные С.Ф. Миржановой включены в многотомный свод по башкирскому народному творчеству.

Подводя итоги, можно сказать, что исследования доктора филологических наук С.Ф. Миржановой имеют огромное значение в развитии башкирской лингвистики и вошли в золотой фонд башкироведения.

Литература

Академический словарь башкирского языка: в десяти томах. Т. I: (Буква А) // Под редакцией Ф. Г. Хисамитдиновой. — Уфа: Китап, 2011.

Академический словарь башкирского языка: в десяти томах. Т. II: (Буквы Б) // Под редакцией Ф. Г. Хисамитдиновой. — Уфа: Китап, 2011.

Академический словарь башкирского языка: в десяти томах. Т. III: (Буквы В-И) // Под редакцией Ф. Г. Хисамитдиновой. — Уфа: Китап, 2012.

Академический словарь башкирского языка: в десяти томах. Т. IV: (Буквы Й-К) // Под редакцией Ф. Г. Хисамитдиновой. — Уфа: Китап, 2012.

Академический словарь башкирского языка: в десяти томах. Т. V: (Буква К) // Под редакцией Ф. Г. Хисамитдиновой. — Уфа: Китап, 2013.

Башкорт теленең һүзлеге. 2 томда / Ә.Ф. Бейешев һ.б. I том (А–М). – М., 1993; II том (Н–Я). – М., 1993.

Башкортса-русса һүзлек / З.Ф. Ураксин һ. б. – М., 1996.

Башкортса-урысса, урысса-башкортса халык медицинаһы терминдары һүзлеге / Кәримова Р.Н. – Өфө, 2005.

Диалектологический атлас башкирского языка. – Уфа, 2005.

Миржанова С. Ф. Южный диалект башкирского языка. – Москва, 1979.

Миржанова С.Ф. Северо-западный диалект башкирского языка: формирование и современное состояние. – Уфа, 1991, 2006.

Миржанова С.Ф. Кубалякский говор башкирского языка. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа, 1967.

Миржанова С.Ф. Кубалякский говор // Башкирская диалектология. – Уфа, 1963. С. 128-130.

Миржанова С.Ф. Из наблюдений над русскими заимствованиями в диалектной лексике башкирского языка // Башкирская лексика. – Уфа, 1966. С. 89-103.

Миржанова С.Ф. Кубалякский говор в его отношении к другим говорам башкирского языка // Итоговая научная сессия Уфимского института истории, языка и литературы АН СССР за 1965 год. Тезисы докладов. – Уфа, 1966. С. 45-50.

Миржанова С.Ф. Финно-угорские элементы в говорах башкирского языка. // Археология и этнография Башкирии. – Уфа, 1971. С. 28-286.

Миржанова С.Ф. Старые русский заимствования в башкирском литературном языке // Вопросы башкирского языкознания. – Уфа, 1973. С. 115-120.

Муратова Р. Т. Символика чисел в языке и культуре башкир. — Уфа, 2012.

Русско-башкирский словарь / З. Г. Ураксин и др. Т. 1 (А – О). – Уфа, 2005; Т. 2 (П – Я). – Уфа, 2005.

Словарь башкирских говоров. Т. I. Восточный диалект. – Уфа, 1967.

Словарь башкирских говоров Т. II. Южный диалект. – Уфа, 1970.

Словарь башкирских говоров. Т. III. Западный диалект. – Уфа, 1987.

БАШКОРТ ҺӨЙЛӘШТӘРЕНДӘ ҮСЕМЛЕКТӘР АТАМАҢЫ

(С.Ф. Миржанованың “Башкорт теленәң төньяк-көнбайыш диалекты” хезмәте нигезендә)

Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ РБ: “Урал, история, культура” в рамках научно-исследовательского проекта “Идеографический толковый башкирско-русско-латинский словарь народных названий растений в башкирском языке. Синонимы”. Номер проекта 14-14-02014.

Бөйөк ғалим – филология фәндәре докторы, лексикограф, диалектолог – Сәриә Фазулла кызы Миржанованың фәнни мирасы иҫ киткес бай. Ул башкорт диалекттарын тикшерүгә, өйрәнүгә ғүмерен бағышлаған, башкорт телендәге өс диалекттың икәүһен төплө өйрәнәп, монография язған, ә уның өсөн Башкортостандың ғына түгел, ә сит өлкәләрең дә арқырыһын, буйын иңләгән автор. Был монографияларзың кайза һәм касан бақтырылыуы, ә ул йылдарзың фән донъяһы, бигерәк тә башкорт тел ғилеме, милли мәзәниәте, тарихы өсөн ниндәйерәк булғаны С.Ф. Миржанованың ижади юлы, хезмәте тураһында күп нәмә һөйләй.

С.Ф. Миржанованың беренсе монографияһы – “Башкорт теленәң көньяк диалекты” 1979 йылда Мәскәүҙә бақтырылһа, икенсәһенәң – “Башкорт теленәң төньяк-көнбайыш диалекты (формалашыу һәм хәзерге торошо)” исемле хезмәтенәң – язмышы ауыр була. Был хезмәт, язылып бөтөп тә бақтырырға әзер булған көйө бер нисә тиҫтә йыл бақтырылмай ятырға мәжбүр була. Ул 1991 йылда ғына Өфөнәң “Китап” нәшриәтендә донъя күрә. С.Ф. Миржанованың ул вақыттарза йөрөгәндә ниндәй уттар дөрләп янғанын, ниндәй уйзар уның аңын сорнағанын әле генә, кулың астында тарихи Башкортостандың төньяк-көнбайыш регионьында борон-борондан башкорттар йәшәгәнән, уларзың кайһы ырыузарға карағанын күрһәткән документаль-тарихи хезмәттәр булғанға күрә генә самалай алаһың. Ә беззәң бөйөк ғалимә Сәриә Миржанова апайыбыз шуларзы беләп, янып-көйөп, тел мәсьәләһән хәл итер көстәргә аңлатып еткерә алмағанына нисек көйөнгәндәр Сөнки, үкенәскә каршы, башкорт диалектологияһы фәнендә башкорт теленәң өсөнсө, төньяк-көнбайыш диалекты булыуы хәл ителмәйенсә калдырыла килдә. Был иһә төньяк-көнбайыш башкорттарының һөйләү телән дөйөм башкорт халык теле системаһынан ситләтеүгә, уларзың аңына «үзебез – башкорт, телебез – татар» тигән фекерзе һендереүгә килтерзе. Рәсми органдар за шул ук фекерзән сығып әш итте, ошо ерзәргә нигез һалған, быуаттар буйы йәшәп килгән ата-бабаларзың булмышы, рухи иҫтәлегә иҫәпкә алынманы.

Әйткәндәй, был монография әле лә үзенәң актуаллеген юғалтмаған, әленән әле уға әйләнәп кайтып мәрәжәғәт иткән, унан төрлө өлкәлә төрлө темалар өстөндә эшләгән хезмәткәрзәрзәң үзәрәнә кәрәк мәғлүмәттәрзе таба алған әһәмиәтле хезмәт булып кала килә. Киреһенсә, С.Ф. Миржанованың төньяк-көнбайыш башкорттарының телән сағылдырған был хезмәтенәң актуаллеге бигерәк тә хәзерге вақытта арта ғына. Ысынлапта, һәр төбәк башкорттарының, шул иҫәптән төньяк-көнбайыш башкорттарының, үзаны уянып китеп, “Без кем һуң әле? Беззәң ата-бабалар кайһы милләттән булған?” – тигән һорауға яуап әзләгән, нәсел шәжәрәһән төзөгән мәлдә арткандан-арта ғына бара. Имам әл-Бухари хәзисендә ошондай һүззәр бар: “... Каждый, кто называет себя сыном не своего отца, зная его, обязательно совершает неверие, и каждый, кто причисляет себя к народу, к которому он не принадлежит, пусть займет свое место в аду”.

Билдәле булыуынса, төньяк-көнбайыш башкорттарының һөйләү теле башкорт теленәң үзенсәлекле бер диалекты. Без ул регион башкорттарын милләте буйынса ла, тел йәһәтәнән дә (хатта уларзың балалары татар телендә укытылып, халык татарлашыуға дусар ителһә лә) башкорттар тип иҫәпләргә һәм үзебеззәң эшебеззә шунан сығып йүнәләш бирергә тейешбез, – тип яза Р.Шәкүр. – Әгәр шул караштан сығып фекер йөрөтһәк, башкорттарзың 74,4 проценты түгел, ә кәм тигәндә 95 проценты бөгөнгө көндә башкорт телендә һөйләшә, туған телән башкорт теле тип иҫәпләргә һаҡлы булып сыға [Хәйруллина 2002, 4].

Кыуаныска күрә, әлеге көндә тарихи Башкортостандың төньяк-көнбайыш регионун асаба башкорт ере, унда нигез һалғандарзың боронго башкорттар булғанын дәлилләгән тарихи-документаль һәм тикшерелгән материалдарға нигезләнеп язылған фәнни хезмәттәр байтак [Миржанова 1991; Хәйруллина 2002; Хамидуллин, Юсупов 2014, т. 1, 2]. Мәсәлән, ғалимдар Башкортостандың төньяк-көнбайыш этнографик районына ингән башкорттарзы 3 төркөмгә бүлеп карай: Ык йылғаһы бассейны; Түбәнге Ағизел; төньяк этнографик төркөмө. Беренсе төркөм Ык йылғаһы буйзарын һәм Татарстанды кайһы бер райондарын үз эсенә ала. Был төркөмгә *бүләр (биләр), байлар, юрмый, ирәкте, гәрә (гирей, гәрәй), йылан* исемле ырыулар инә. Түбәнге Ағизел буйында *йәнәй, гәрә, кырғыз, йылан, йәлдәк, дыуанай, қаңлы, каршын, тазлар, ыуаныш* ырыулары көн итә. Улар хәзерге Илеш, Дүртөйлө, Бөрө, Кушнаренко, Сакмағош, Благовар, Бакалы, Шаран, Туймазы райондарында, Татарстанды Минзәлә, Актаныш, Азнакай, Бөгөлмә, Мөслим һ.б. райондарында таралып ултырған. Төньяк этнографик төркөмгә *уран, гәйнә, балыксы, танып, ун* кәбиләләре карай. Был төркөмгә Борай, Балтас, Каризел, Аскын, Тәтешле, Яңауыл, Калтасы, Краснокама райондары һәм Пермь өлкәһе башкорттары инә [Хәйруллина 2002, 19].

Төньяк-көнбайыш башкорттары тураһында яңы хезмәттәр зә бар. Мәсәлән, С.И. Хамидуллин коллегалары менән берлектә башкорт ырыулары һәм уларзың тарихы тураһында күп томлы хезмәт языу өстөндә. Ике ырыу – *йәнәй* менән *гәрә (гирей)* ырыулары тураһында хезмәт басылып сыкты [Хамидуллин, Юсупов 2014, т.1, 2]. Был хезмәттәрзә *йәнәй* менән *гәрә (гирей)* ырыуларының тарихы, улар нигез һалған ауылдар, унда йәшәгәндәрзәң башкорттар булыуы тураһында тарихи-документаль мәғлүмәттәр һ.б. бирелгән. 1-се томдағы тарихи-документаль материалдар күрһәтеүенсә, Татарстан Республикаһының Ағрыз, Актаныш, Миңзәлә райондарында борон-борондан *йәнәйзәр* тәйәк иткән ауылдар, уларға қағылышлы фактик материалдар, шулай ук Сарапул уезында йәшәгән башкорттарзың ревизия материалдары урын алған [Хамидуллин, Юсупов 2014, т. 1, 35-99; 141-329]. 2-се томда Татарстан Республикаһының Актаныш районында, Башкортостан Республикаһының Илеш, Краснокама, Тәтешле, Яңауыл райондарында *гәрә (гирей)* ырыуы нигез һалған ауылдар, улар тураһында бик күп тарихи мәғлүмәттәр (ер акттары, ревизия материалдары, урман-гәрәйзәрзәң шәжәрәһе) һ.б. бирелгән [Хамидуллин, Юсупов 2014, т. 2, 75-469].

Шулай итеп, тарихи дәрәҗәлек өскә сыға, С.Ф.Миржанованың оло хезмәте уны тел яғынан дәлилләгән фәнни хезмәт булып сығыш яһай.

С.Ф. Миржанова диалект материалдарын оҫта йыйыусы ла, уларзы тейешле фәнни кимәлдә эшкәртеүсә лә булды. Был турала Сәриә Фазулла кызының экспедиция, командировкалар вақытында тултырған һораулыктары, шул нигеззә төзөгән картотекаһы күрһәтеп тора ине. (Миңә С.Ф. Миржанова менән Рәсәй фәндәр академияһының Тарих, тел һәм әзәбиәт институтында озақ йылдар бер секторза – диалектология һәм топонимика секторында эшләргә насип булды. – М.У.). Без был мәкәләбездә уның “Башкорт теленәң төньяк-көнбайыш диалекты (формалашуы һәм хәзерге торшо)” монографияһындағы тематик классификацияла айырым бүлек булған үлән исемдәрен карап китмәксез.

Сәриә Фазулловна был хезмәтендә 300-зән ашыу үсемлек исемдәрен килтерә [Миржанова 1991, 66, 122, 188, 269-270] һәм бында үзенәң күзәтеүзәрен дә бирә. Мәсәлән, үсемлек атамалары лексикаһының нигезен башкорт һүззәре тәшкил итә. Бына улар: каризел һөйләшендә: *карагай* «сосна», *карагас* «лиственница», *карагат* «смородина», *кураййеләк* «малина», *комалак* «хмель», *кымызлык* «кислица альпийская», *кесерткән* «крапива»; танып һөйләшендә: *андус* «девясил высокий»; *балтырған* «борщевник»; *бүре йемеше* «крушина»; *бүре йүкәсе* «волчье лыко», *дары* «просо», *зелле* «бересклет», *кайын йеләге* «земляника», *карагай* «сосна», *карагат* «смородина черная», *карагас* «лиственница», *курай йеләге* «малина», *комалак* «хмель», *кузгалак* «щавель», *кесерткән* «крапива», *кузлут* «жабрей», *курны* «отава», *муйыл* «черемуха», *мүк йеләк* «клюква», *курай* «курай».

Бынан тыш С.Ф. Миржанова һөйләштәрҙең фонетик һәм семантик үзенсәлектәрен сағылдырған үсемлек исемдәре булыуын, шуларҙың кайһыларының мишәр диалектында ла барлығын әйтә. Мәсәлән: каризел һөйләшәндә *ағас алма* «яблоко», *ағас алма ағасы* «яблоня», *йер алма* «картофель»; *акбаш*, *ак сискә* «1) подснежник, 2) ромашка»; *доул сискәсе* «лютик», *йаман үлән* «маленькое растение, растущее под крапивой, листья прикладывают на опухоль», *йөннөкэй // кыр кишере // саускан кишере* «бутень, дикая морковь», *кантууай* «кондовая сосна», *карагай мәндәше* «разветвленная сосна с толстой, рыхлой корой», *көркә* «хвойная шишка», *крәш*, *чиреш* «кряжистый», *каракаин /энәле каин* «боярышник», *кара йеләк* «черника», *кызыл йеләк* «брусника», *мүк йеләк* «клюква», *карга көпиәсе* «разновидность купыря», *куйан колак* «свербига лесная», *мешкә* «гриб», *күз мешкә* «чага, древесный гриб для лечения от сглаза», *соло суган* «семянной репчатый лук», *сәрәтә* «снить, съедобное растение», *тыскан сыбык* «чилига», *шартлама* «клубника», *шоморт* «черемуха», *муйыл* «дерево черемухи», *әнжә үлән* «ландыш», *эт муйылы* «крушина высокая с крупными черными ягодами», *эт йемеше* «бересклет», *этлек тамыры* – эзәби т. *этлек* «бубенчик лилиелистный», *әпрәм*, *әпрәкмән*, *әбрәкмән* «лопух», *кырмоук* «репей» һ.б.; танып һөйләшәндә фонетик һәм морфологик диалектизмдар: *бүтәкә* – эзәби т. *бүтәгә* «мятлик кистевидный», *зирек* – эзәби т. *йерек* «ольха», *зәрәтә* – эзәби т. *зәржә* «снить», *далга*, *талкә* – эзәби т. *талгәш* «гроздь»; *лыс* – эзәби т. *ылыс* «хвоя», сағ. *сыуаш*, удм., коми *лыс* – шул ук; *мәшкә* – эзәби т. *бәшмәк* – төньяк-көнбайыш. *мәшкәк* «грибы»; *сыршы* – эзәби т. *шыршы* «ель», *туйыз* (гәйнә, каризел, дим.) – *туйыз*, *тузыйыс* (урта.) «береста», сағ.: күбәләк. *туйыс*, төньяк-көнбайыш. *төйөс* «туесов»; *шомакай* – эзәби т. *шыма көпиә* «дягиль».

Лексик диалектизмдар эсендә айырым урынды кушма атамалар урын ала. Мәсәлән: *айыу ағачы* «бузина», *айу камыры* – эзәби т. *гәлийемеш* «шиповник»; *арыш инәсе* – эзәби т. *арыш атаһы* «спорынья»; *бака йапрагы* йәки (*үләнә*) – эзәби т. *йул япрагы* «подорожник большой»; *бүре йемеш* «крушина слабительная», *эт йемеше*, *эт муйылы* – эзәби т. *эт шоморто* «крушина ломкая, ольховидная»; *йел-даул чичкәсе* – эзәби т. *агыулы лютик* «лютик ядовитый»; *йорт үләнә* – эзәби т. *бәпкә үләнә* «спорыш»; *йукагач* «молодая липа»; *күкбаш* – эзәби т. *күк умырзайа* «синий тюльпан, подснежник»; *сарыбаш* – эзәби т. *һары умырзая* «горичвет»; *каз үләнә* «гусятник, гусяная трава», *карабай* «ромашка»; *корт үләнә* «мелиса, медовка, маточник, пчельник», *папабаш // бабайбаш* «одуванчик после цветения»; *сары чичкә // сөтүлән* «одуванчик во время цветения» һ.б.

Башка һөйләштәрҙә *бесән* һүҙе “сено” төшөнсәһен бирһә, гәйнә һөйләшәндә ул “трава” мәғәнәһендә йөрөй. Шуға ла *үлән* атамаһына *печин* һүҙе кушыла. Мәсәлән: *алма печин* «пижма»; *алама печин* «сорняк»; *бака печин* «лопушка, сорняк»; *кумалак печин* «вьюн»; *кыйаҡ печин // усука* «осока»; *кыл печин* «ковыль»; *сөт печин* «молочай»; *эрәк печин // эрәк чичкә* «тысячелистник», *кара печин* «трава с мелкими листьями, дымом и золой, которой лечат опухоли».

Шулай итеп, С.Ф. Миржанова көньяк, төньяк-көнбайыш диалекттарҙы фәнни яктан тикшергән, улар буйынса монография бастырып сығарған телсе-ғалим, диалектолог. Уның физикәр эше оҙак йылдар башкорт тел ғилемәнә хезмәт итер, йәш быуын ғалимдарына фәнни эштәрҙе ентәклә итеп башкарыу өлгөһө булып торор.

Әзәбиәт

Миржанова С.Ф. Южный диалект башкирского языка. – М.: Изд-во “Наука”, 1979.

Миржанова С.Ф. Северо-западный диалект башкирского языка (формирование и современное состояние). – Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1991.

Хамидуллин С.И., Юсупов Ю.М. и др. История башкирских родов. Еней. т.1. – Уфа, 2014.

Хамидуллин С.И., Юсупов Ю.М. и др. История башкирских родов. Гирей. т.2. – Уфа, 2014.

Хәйруллина М.Ф. Тамырҙарыбыз – тәрәндә. Төньяк-көнбайыш башкорттары. Уларҙың үткәне, бөгөнгөһө, киләсәге. – Өфө, 2002.

О ВАРИАНТЕ БАШКИРСКОГО ЭПОСА «АЛПАМЫША», ЗАПИСАННОМ С.Ф. МИРЖАНОВОЙ

В Башкортостане башкирский народный эпос «Алпамыша и Барсынхылу» преимущественно распространен в южных районах республики. В 1971 году в д. Салих Кугарчинского района видным башкирским диалектологом С.Ф. Миржановой был записан вариант эпоса от Нагимы Байгазаковой, которая, в свою очередь, усвоила его еще в детстве от своего отца, знавшего множество кубаиров, что свидетельствует о сохранении у башкир в начале XX века института сэсэнства. По сообщению С.Ф. Миржановой, сама Н. Байгазакова была малограмотной, поэтому запоминание ею эпоса еще раз подтверждает вышесказанное. Объем – 17 страниц.

Экспозиция традиционна, как в сказке. Отца Алпамыши зовут Олтанбей, мать – Бика. Барсин – дочь Айляр хана, царская дочь. Култаба – раб Олтанбея.

Уже в самом начале повествования даются сведения о жизни народа: «Былар ашлык сэсеп, мал кәтәп, ағай-энеләре менән бик иркен торғандар, ти» ('Они жили, говорят, очень привольно со своими родственниками, сеяли зерно, пасли скот'), то есть занимались не только скотоводством, но и земледелием. В то же время следует и древний мотив о большой семье: все родственники жили вместе.

Своеобразно передается мотив рождения Алпамыши. По поверью башкир, мужчине грешно видеть рождение ребенка. Поэтому когда подошло время, Бика отправляет мужа домой якобы за айраном. В страшных родовых муках она рождает мальчика длиной 7,5 карыш, у которого снизу и сверху было по два зуба и который уже умел разговаривать. Бика обрезает пуповину серпом. Испугавшись такого необычного ребенка, она заворачивает его в свое платье и оставляет в поле, а старику ничего не говорит. Когда же они приходят за ребенком, оказывается, что за день он вырос на 1 год. Кроме богатырского телосложения, у Алпамыши на голове была божественная отметина – золотой полумесяц, который в пасмурные дни светил, как солнце. Данное обстоятельство в варианте подчеркивается несколько раз и представляет интерес в том плане, что золотой месяц на темени персонажа мог быть олицетворением сил рода и отражать веру в охранение ими. Этот мотив, повторяющийся в 3-ем и 13-ом вариантах, привлекает внимание тем, что символ золотого полумесяца является тамгой ряда башкирских родов (таньпцев, унлярцев, тунгаурцев, а также айлинцев [Янғужин 1998]), а, как известно, тамги выполняли функцию тотемов, оберегов.

В варианте ярко выражены социальные мотивы. Отец Алпамыши был богат: у него было много скота. Алпамыша друзей одаривает лошадьми, самым преданным из которых оказывается сын бедняка Карын иле Кара Тукай (возможно, Кара 'черный' в антропониме указывает на положение в обществе данного персонажа).

В варианте имеется мотив волшебного превращения захудалого коня в прекрасного жеребца. Алпамыша тайком дарит Карын иле Кара Тукаю уздечку с серебряной бахромой отцовского коня Акколая. Надев ее вместо липовой уздечки, конь превращается в хорошего, игривого коня, а Алпамыша приобретает преданного друга.

Царская дочь Барсин влюбляется в Алпамышу, как только издала увидела его. В отличие от других вариантов, здесь Алпамыша не борется с Барсин, а становится первым в состязаниях по стрельбе из лука. Тут же Барсин подбегает к Алпамышу со словами: «Барымсағым ошо минең!» ('Вот тот, за кого я выйду!'), и они уезжают верхом на Акколае. Здесь более подробно по сравнению с остальными вариантами описываются свадебные обычаи: встреча невесты, уплата калыма.

Уточняется географическое место: герои доезжают к горе Аккиек, которая была границей их земель. На ней растет одинокий тополь, который, по тексту, был обиталищем доблестных людей: здесь они воевали, здесь же решались вопросы войны и мира. Данный мотив сопоставим, с одной стороны, с мифологическими представлениями о древе мира

вообще, с языческими представлениями алтайской версии, в частности, где дерево Байтерек (не случайно в башкирской версии дерево названо именно тирэк) почиталось как святое: молитвы, прочитанные возле него, быстрее будут услышаны Тенгри, так как корни дерева простираются до 9-го слоя неба, на одном из которых сидит Тенгри. А.М. Сулейманов, исследуя отражение понятия «дерево мира» в башкирском эпосе, отмечает, что данное понятие не находит прямого выражения в башкирском фольклоре [Сөләймәнов 1998, 38]. По нашему мнению, именно в эпосе «Алпамыша» мотив одинокого дерева (тополя или дуба) содержит указание на мифическое дерево мира. В этом плане заслуживает внимания устойчивость данного мотива в вариантах эпоса об Алпамыше. Выпадение же его в некоторых вариантах, скорее всего, свидетельствует о постепенном забывании смысловой нагрузки данного образа.

С другой стороны, на наш взгляд, здесь очевидна связь с исторической реальностью. Дело в том, что, как известно, между башкирами и казахами издавна совершались барымта – набеги племен с целью угона скота, умыкания женщин. Как свидетельствуют исторические источники, в XVI-XVIII вв. на южных и юго-восточных окраинах Русского государства для укрепления границ, подчинения кочевых народов были построены пограничные укрепленные линии [Башкортостан 1996, 469]. Об этом сообщается в легенде «История башкир»: чтобы пресечь набеги казахов, строится пограничная линия, а башкиры становятся служилым сословием, охраняют эту линию. В эпосе данный факт представлен развернуто, налагаясь на мифологическую основу: герои идут отражать нападение вражеского хана к определенной горе (Аккиек), которая является границей их земель. На этой горе растет одинокий тополь (священное дерево). Возле этого тополя (или дуба) в ожидании врага герой засыпает богатырским сном.

Во второй сюжетной линии сохраняются мотивы пленения героя во время богатырского сна, пробуждения героя от слез, письма на крыле гуся, мотив побратимства батыров, спасения с помощью дочерей хана. В отличие от других вариантов, прослеживается влияние ислама: Акколай оживает с помощью молитвы и спасает Алпамышу из зиндана.

Интересен этиологический мотив: хвост козы остался коротким из-за того, что когда выбирались из ямы, Ысыг улы Мысыг ухватился за хвост козы, но он оборвался: «Кәзәнең койроғо шунаң кысқа булып кала» («С тех пор хвосты у коз остались короткими»), а однорукий Ысыг улы Мысыг получает справедливое наказание за то, что предложил в зиндане зарезать козу и съесть ее: «Ысығ улы Мысығ шулай үлмәһә, яралы, зәғиф эзәмдәр үлмәс ине» («Если бы сын Исыга Мысыг так не умер, раненые, покалеченные люди бы не умирали»).

Заканчивается вариант счастливым финалом: Алпамыша вместе с Барсин и своим сыном живут припеваючи. Проводится связь с реальностью, так как говорится, что его род живет до сих пор.

2-ой вариант нам представляется также более поздним вариантом, так как героиня уже выступает не как активно действующее лицо, а дочь царя, хана. И, как подобает царевне, только наблюдает за действиями батыров. Однако здесь получают отражение и мифологические представления, наиболее часто встречающиеся в быту. К таковым относятся родинный обряд (грешно видеть отцу рождение ребенка, обрезание пуповины ребенка серпом), поверье күз тейеү ‘сглаз’ (Бика не пускает 25-дневного Алпамышу на майдан, боясь, что его сглазят), поверье ауырыу һуғылыу от прикосновения к посторонней вещи, вера в магическую силу слова (благопожелания: «Алпамышаның юлы изге булһын!» («Пусть удачным будет путь Алпамыши!»), - говорит Карын иле Кара Тукай, которому Бика дает чашу кумыса. Считалось, что благопожелания бедняков обычно принимались).

Имеются религиозные мотивы, но они явно привнесены позднее: приветствие по-мусульмански, волшебная сила листка, на котором написана молитва, оживляющая коня. Видимо, поэтому получили место философские размышления о божественной каре. В варианте отражена реальная жизнь башкирского народа. Например, можно увидеть, что

башкиры занимались скотоводством, охотой, были у них знания по народной медицине: упавшей с пятого этажа и ободравшей кожу Барсынхылу даже делают пересадку кожи (Ғәфәр ағаһының оса итенән битенә ямау һалалар), вставляют золотые зубы. В целом, очень своеобразный вариант, отличающийся полнотой и самобытностью мотивов.

Литература

Башкортостан: Краткая энциклопедия / Гл. ред. Р.З. Шакуров. – Уфа: Башкирская энциклопедия, 1996. - С. 469.

Сөләймәнов Ә.М. Башкорт эпостарында «донъя ағасы» төшөнсәһенен сағылышы // Сөләймәнов Ә., Рәжәпов Р. Башкорт халкының архаик эпосы. – Өфө: Гилем, 1998. 39-41-се бб.

Янғужин Р.З. Башкорт ырыулары. – Өфө: Китап, 1998.

Абубакирова Л.Ф., г. Уфа

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ БУДУЩЕГО ОПРЕДЕЛЕННОГО ВРЕМЕНИ В СИСТЕМЕ АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Этимологический словарь диалектизмов башкирского языка», проект № 14-04-00228.

В ныне живых языках и диалектах алтайской семьи имеется довольно большое количество различных моделей образования глагольных времен. Часты и случаи использования одного времени вместо другого. В монгольском, тунгусо-маньчжурском языках настоящее и будущее время выражаются формой настоящего-будущего времени посредством присоединения к основе аффикса монг. –*на*, тунг.-манчж.-*мби* [ГСМЯ 1951, 56; Аврорин 2000, 20]. В грамматике ойротского языка настоящее-будущая повествовательная форма, представляющая заявление о действии, как существующем факте, безотносительно к настоящему действию (так бывает, так было прежде, так будет впредь) представлена формой на *-т* [ГОЯ 1940, 185]. На настоящее-будущее время в алтайском языке указывает форма на *-ар*.

Во многих других языках мира вместо наиболее известных форм будущего времени также используется презенс: настоящее в значении будущего. Например, в русском языке использование настоящего времени позволяет описывать события в будущем: *Завтра идём в кино*.

В башкирском языке глаголы с показателем настоящего времени на *-а/-й* также могут указывать и на настоящее, и на прошедшее, и на будущее время, которые однако распознаются только через контекст. Их называют глаголами «общего» времени: 1. Мәжит Ғафури 1880 йылда *тыуа*, «Ғәлиә» мээрәсәһендә *укий*. 2. Иртәгә ул Өфөгә *бара*.

Среди всех временных форм тюркского глагола эта форма настоящего времени охватывает довольно большой ареал кыпчакских языков и является одним из древних типов настоящего времени в тюркских языках. Его следы и следы его рефлексов обнаруживаются и в огузских языках.

Помимо формы на *-а* необычайно широкое распространение в тюркских языках также получило настоящее-будущее время на *-ар, -ыр*: башк. *карармын* «я посмотрю», *алырмын* «я возьму». В тюркском праязыке, а также в древних тюркских языках, это время имело одновременно значение и настоящего, и будущего. Позднее в абсолютном большинстве тюркских языков за формой на *-ар, -ыр* закрепилось значение будущего времени.

В современных тюркских языках есть другая, зонально ограниченная форма будущего времени на *-(a) чак* (основа глагола + показатель *-ачак // -эчэк* (башк. *-асак // -асэк*). По мнению авторов книги «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков», в тюркском праязыке данной формы времени не было. В основе будущего времени этого типа лежит причастие будущего времени на *-ачак // -эчэк* [СИГТЯ 1986, 192].

История образования аффикса *-сак* подробно описана историками башкирского языка – проф. А.М. Азнабаевым и В.Ш. Псянчиным. По их утверждению, первый показатель аффикса *-сак -с* является древнейшим показателем множественного числа. – *a/ə* – широкие гласные, которые выражают значение неопределенности, а последний элемент – *к* (из *-э*) является древнетюркским показателем определенности, поэтому форма *аласак, килэсэк* выражает определенное категорическое действие и является определенной формой глагола будущего времени изъявительного наклонения [Азнабаев 1983, 60-61].

О происхождении *-ачак // -эчэк* существуют и другие гипотезы:

1) о связи этих аффиксов с существительными на *-ачак // -эчэк*, в значении которых содержится оттенок возможности: азерб. *йанажсак* «топливо», *йатажсак* «постель»;

2) с отглагольными прилагательными с аффиксом на *-ачак // -эчэк*, обозначающими склонность к чему-либо: ног. *мактаншак*, башк. *мактансык* «хвастливый»;

3) с прилагательными, обозначающих ослабленное качество: туркм. *йылыжсак*, башк. *йылымсак* «тепловатый»;

4) с существительными со значением уменьшительности: алт. *балачак* «ребёночек», хак. *туражсах* «домик».

Как отмечает Н.З. Гаджиева, источник возникновения будущего времени на *-чак/-чак* был где-то на юге. Оно распространено главным образом в языках южного ареала – узбекском, уйгурском, ногайском, кумыкском, каракалпакском, азербайджанском, турецком, гагаузском, туркменском [Гаджиева 1973, 193], в тюркских диалектах Ирана (Кашкайский, Сонкорский, Айналу и др.) и Афганистана (Афшарский), тогда как в некоторых кыпчакских языках эта форма отсутствует.

В современном башкирском языке, как и в азербайджанском, турецком, гагаузском и других языках огузской группы, форма на *-сак* наряду с формой на *-ыр* широко распространена во всех речевых стилях. Ср. башк.: *Шунан, миңең алты бүртә бейәмде кайза иттең тип, батша һинең башыңды кыркасак, – тигән.* (Башк.народные сказки). *Мунжак та үз дошмандары булган татарзар (йәғни нугайзар) менән башкорттарзың Кырым хандары менән хәбәрләшеүен асыклап, батшага хәбәр итәсәген белдергән* [Вәлиди 1994, 47]. *...Әсәймә хат яззым. Кисергән ауырлыктарзы аңлаттым, барыбер укыясакмын, шуның өсөн барыһына ла түзәсәкмен, тинем* [Вәлиди 1996, 69]. *«...Ни эшләргә миңә хәзәр? – тине ул эстән, үз-үзенә һорау куйзы, – заводка китергә тура киләсәк, әлбиттә...»* [Кейекбаев 1991, 321].

Пример из азербайджанского языка: *Бу күн сон сөзүнү дејәчәкдир.* – «Сегодня он скажет свое последнее слово».

Показатель *-чак* активно употребляется и в туркменских диалектах, но без указания на действующее лицо: *Эй, бәба, муны сатчакмы?* – «Эй старик, продашь ли ты ее?». Редкий тип будущего определенного времени — фонетический вариант *-сак* представлен в ногайском языке в форме *-айак*: *барайак* «он пойдет».

Тождество показателей будущего определённого времени в вышеуказанных языках — это родство языков-диалектов, восходящих к одному общему источнику. Для постановки вопроса об истории взаимоотношений башкирского языка и огузской группы тюркских языков необходимо обратиться к синхронному изучению их лингвистического и исторического развития на протяжении нескольких веков. Поскольку и предки башкир, и предки туркмен, турков, азербайджанцев наряду с другими тюркоязычными племенами тяготели к одним и тем же политическим, государственным, культурным и иным историческим образованиям, постольку можно предположить наличие и сохранение в их

языках каких-то общих элементов, регулярных соответствий, закрепленных совместной практикой длительного или постоянного территориального, социально-экономического, духовного и этнического контактирования, в свою очередь, поддержанного материальной близостью основных структурно-типологических характеристик данных языков. Исходя из этого, показатель будущего определенного времени на *-(a)сак* в башкирском языке, возможно, можно считать огузско-печенежским субстратом, что подтверждается и сведениями из истории народов Евразии, приведёнными ниже.

Оренбургский историк Л.И. Фutoryнский считает, что «...появление в Приуралье тюрко-башкирских племен связано с движением в середине I тысячелетия н.э. печенегов (объединение тюркских и сарматских племен). Восточное крыло печенежского объединения в Приуралье и Прикаспии как раз и составляли племена под общим названием "башкорт" [История Оренбуржья 1996, 23]. В казахской истории читаем следующее: «Кочевавшие вдоль левого берега Яика и Идиля огузские племена граничили с башкирами, буртасами» [Қазақ ССР тарихы 1980, 371]. Махмуд Кашгари (XI в.) упоминает печенегов среди огузских родов и отмечает сходные черты печенежского языка с языком болгар и сувар. Н.А. Баскаков включает печенежский язык в огузско-болгарскую подгруппу огузской группы тюркских языков. Примечателен тот факт, что даже этноним *башкорт* Д.М. Данлоп возводит к формам *beshgur, bashgur*, то есть «пять племён, пять угров». Так как *sh* в современном языке, соответствует *L(l)* в болгарском, следовательно, по мнению Данлопа, этнонимы *башкорт (bashgur)* и *болгар (bulgar)* эквивалентны [Dunlop 1959, 10].

Башкирский историк Р.Г. Кузеев происхождение башкир связывает с огузо-печенежской средой и выделяет три основных этапа башкиро-угорского взаимодействия. Первый этап был связан с историей древнебашкирских племён до их прихода в Волго-Уральский регион, которая «протекала в тесном контакте и при этническом смешении с тюркскими, сако-массагетскими, сармато-аланскими и угорскими племенами Приаралья и присырдарьинских степей» [Кузеев 1978, 178]. Здесь «во второй половине I тыс.н.э. произошло смешение части угров в тюркской среде, в частности в составе предков башкир» [Кузеев 1974, 204]. Второй этап связан с взаимодействием башкир и мадьяр на Южном Урале. «... в X в. началось активное взаимодействие двух компонентов – древнебашкирского компонента и болгаро-мадьярского компонента, — причём превалирование, доминирование древнебашкирского компонента было абсолютно ясным. Болгаро-мадьярский компонент постепенно ассимилировался, но эта ассимиляция затянулась до XV столетия» [Антонов 2012, 129]. Третий этап башкиро-угорского взаимодействия связан «с продвижением башкир на север, где они в XVI – XVII вв. ассимилировали часть вогулов и остяков (хантов и манси)» [Кузеев 1974, 237, 488]. Отсюда: «Угорское наследие этногенеза башкир выразилось в этнонимах «иштыкского» и «болгаро-мадьярского круга», а также в некоторых чертах материальной культуры, антропологического типа и языка главным образом восточных башкир, что объясняется их соседством и длительным общением с уграми Западной Сибири» [Антонов 2012, 131].

Если учесть, что формы определенного будущего на *-чак* нет в литературном казахском, диалектах казанских татар, ее нет в чувашском, хакасском, тувинском языках [Гаджиева 1973, 185] и, наоборот, эта форма активно употребляется во всех стилях речи башкир, то можно предположить, что форма будущего определённого времени на *-чак* — печенежско-огузско-болгарский суперстрат, который имеет зональный характер, и присущ тем диалектам современных башкир, которые имели более тесный контакт с носителями древнеболгарского языка. Будущее на *-ачак* не характерно для татарских диалектов. В заказанских говорах оно также не имеет широкого употребления; его можно наблюдать лишь в речи интеллигенции и представителей молодого поколения, владеющих литературным языком. В речи же более старшего поколения форма на *-ачак* редкое явление, в ней трудно наблюдать полную парадигму спряжения этой формы [Бурганова 1974, 7].

Говоря о башкирско-финно-угорских лексических параллелях, С.Ф. Миржанова отмечает, что «Сугубо специфические из них отмечаются в среднем, сакмарском, кизильском (юго-восточные говоры), гайнинском говорах, то есть в языке представителей тех башкирских племён, которые составили ядро древнебашкирского этноса» [Миржанова 1981, 44-45].

Таким образом, зональные особенности современного башкирского языка показывают его отношение к реликтовым образованиям, выявление которых позволяет определить их общий источник.

Литература

- Аврорин В.А. Грамматика маньчжурского письменного языка. – С.-Пб.: Наука, 2000.
- Азнабаев А.М., Псянчин В.Ш. Историческая грамматика башкирского языка. – Уфа: БГУ, 1983.
- Антонов И.В. Башкиры в эпоху средневековья (очерки этнической и политической истории). – Уфа: ИП Галиуллин Д.А., 2012.
- Бурганова Н. Б. О временных формах глаголов изъявительного наклонения в заказанских говорах. Материалы по татарской диалектологии. Вып. 3. – Казань, 1974. – С. 7-28.
- Вәлиди Туған Ә. Башкорттарзың тарихы. – Өфө: Китап, 1994.
- Вәлиди Туған Ә. Хәтирәләр. – Өфө: Китап, 1996.
- Гаджиева Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. – М.: Наука, 1973.
- ГОЯ = Грамматика ойротского языка. – М., 1940.
- ГСМЯ = Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. – М., 1951.
- Dunlop D. M. The History of the Jewish Khazars. – Princeton, 1954. [Электронный ресурс: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>].
- История Оренбуржья. (Учебное пособие)/ под ред. Л.И. Футорьянского. – Оренбург, 1996.
- Қазақ ССР тарихы. Т.1. – Алматы, 1980.
- Кейекбаев Ж. Туғандар һәм таныштар. – Өфө, 1991.
- Кононов А.Н. О происхождении *-ачак* // Тюркские этимологии. Ученые записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук. № 179. Вып. 5. – Л., 1954.
- Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. – Уфа, 1978.
- Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. – М., 1974.
- Миржанова С.Ф. О древних этноязыковых связях башкир и венгров // Советская тюркология, № 1. 1981.
- Нигматуллин М.М. Огузский пласт в татарском языке // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Т.1. – Казань, 1992.
- Серебренников Б.А. Система времен татарского глагола. – Казань, 1963.
- Современный татарский литературный язык. – М., 1969.
- СИГТЯ = Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – М.: Наука, 1986.
- Тумашева Д. Г. Хәзерге татар әдәби теле морфологиясе. – Казан, 1964.

Абубакирова Л.Ф., г. Уфа

К ВОПРОСУ О ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ ОРЕНБУРГСКИХ РУССКИХ ГОВОРОВ

Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Лингвистический атлас Южного Урала: Республика Башкортостан и Оренбургский край», проект № 14-04-00190

Статья посвящена вопросам изучения территориального распространения оренбургских говоров.

Впервые лингвогеографические сведения об Оренбургском крае находим у В.И. Даля в его статье «О наречиях русского языка» (1852 г.): «...Оренбургская губерния,

заселенная искони инородцами, большей частью кочевыми, наполнилась русскими двадцати губерний в течение последних 100 лет; поэтому общего наречия в губернии нет..., но у старожилов образовались уже некоторые особенности, т. е. такие характерные и устойчивые для их говора диалектные черты, которые позволяют уже отличить их говор от говора жителей других мест и объединить их говор с более близкими говорами», «...в Оренбургской губернии взял верх владимирский (северный) говор, т. е. говор, сходный с говором жителей губерний: Владимирской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Симбирской и отчасти Вятской и Пермской» [Даль 1989, 58].

В.И. Даль совершил продолжительную поездку по обширному Оренбургскому краю в первый год приезда, в 1833 г. В состав Оренбургской губернии (до 1865 г.) тогда входили земли современных Башкортостана, Челябинской, Самарской областей и Пермского края и др. общей площадью 1,5 млн. км. Следовательно, состав населения и границы губернии значительно отличались от сегодняшних и выводы Даля-диалектолога о типе и структуре говоров представляли собой своего рода синхронный срез оренбургского русского диалектного языка 30-х гг. XIX в. Согласно историческим материалам, на тот период значительную часть населения губернии на самом деле составляли переселенцы из северных, из приволжских губерний и из Сибири. Но уже через несколько лет, когда начался новый этап заселения края и население губернии стремительно стало увеличиваться за счет переселенцев из центрально-черноземных губерний – в основе своей севернорусские говоры начинают приобретать среднерусские или южнорусские черты.

Спустя ещё 100 лет, в первой половине XX в., исследователи двух институтов – Чкаловского и Бугурусланского, обследовав 150 населенных пунктов Чкаловской (Оренбургской) области, обнаружили на её территории 87 пунктов с говорами южнорусскими, 35 пунктов – с севернорусскими и 28 пунктов с среднерусскими говорами [Зорин 1956, 307].

О преобладании южнорусских говоров в пределах Оренбургской области писал в своей статье «Краткие сведения о говорах Чкаловской области», напечатанной в 1949 г. в «Бюллетене диалектологического сектора Института русского языка», известный диалектолог, доктор филологических наук, профессор Чкаловского пединститута В. И. Лыткин. В ходе полевых исследований в 1946 г. *южнорусские говоры* им были выявлены в восьми районах Чкаловской области: Гавриловский р-н (Студенцы, хутор Холодный), Краснохолмский р-н (с. Никольское), Павловский район (с. Павловка, с. Сергеевка), Шарлыкский р-н (с. Шарлык, Константиновка (другое название – Смоленка), Александровский р-н (с. Александровка), Покровский р-н (Верхняя Платовка, Покровка), Пономарёвский р-н (Романовка, другое название – Карболак), Чкаловский р-н (Подгородняя Покровка); населённые пункты с *севернорусскими* чертами – в трёх районах: Чкаловский р-н (Бёрды), Сакмарский р-н (Майоровское), Екатериновский р-н (Никольское); в пяти районах области были отмечены говоры со *среднерусскими* чертами: Гавриловский р-н (Александровка), Павловский р-н (Немятовка, другое название – Приютовка), г. Соль-Илецк, Буранный район (Буранное), Зиянчуриновский р-н (Лещево) [Лыткин 1949, 35].

О южнорусском происхождении говоров многих населенных пунктов Пономаревского, Матвеевского и других районов Оренбургской области писал Н.А. Мещерский в 1946 г. в работе «Южнорусские диалекты на северо-западе Чкаловской области (по материалам диалектологической экспедиции Бугурусланского государственного учительского института в 1946 г.)» [Мещерский 1949, 81].

Для лингвогеографического изучения говоров русского языка и их классификации громадное значение имело сплошное обследование их по единой программе. Со второй половины 30-х гг. в Ленинградском отделении АН СССР начались подготовительные работы по созданию диалектологического атласа русского языка (далее ДАРЯ), был составлен «Вопросник для создания диалектологического атласа русского языка» (1936). По Оренбургской области сбором материала для ДАРЯ занялись студенты и

преподаватели кафедры русского языка Чкаловского и Бугурусланского институтов. Кафедра Бугурусланского учительского института проводила работу в северо-западных районах Чкаловской области, кафедра Чкаловского пединститута – в остальных районах области вплоть до 57-го меридиана. Задачей Атласа была исследование лишь Европейской части России, и по этой причине восточная зона Оренбуржья, включая территории современных Саракташского, Кувандыкского, Адамовского, Гайского, Домбаровского, Кваркенского, Кувандыкского, Новоорского, Светлинского и Ясненского районов не вошли в программу экспедиций. Указанная зона долгое время была обделена вниманием исследователей, вероятно, ещё и потому, что заселение и освоение территории области в XVIII–XX вв. происходило с северо-запада на восток и юг. Между тем восточные и крайние южные районы Оренбургской области отличаются более суровыми природными условиями для жизни населения и ведения сельского хозяйства и потому стали активно заселяться (представителями разных национальностей) лишь в 30-е гг. XX в. Плотность населения крайних восточных районов области и сегодня остается невысокой и составляет менее 4 человека на 1 км², тогда как в центральных и северо-западных районах она составляет от 8 до 10 чел. на 1 км² [Атлас 1992, 22].

Широко развернув диалектологическую работу в 1947–1948 гг. под руководством доцента Никиты Александровича Мещерского, кафедра Бугурусланского института успешно закончила её в 1949 г. Энергично начала и проводила работу и кафедра русского языка Чкаловского пединститута под руководством зав. кафедрой языкознания, доктора филологических наук, профессора Василия Ильича Лыткина, опытного исследователя и хорошего знатока народных говоров.

Большое значение в деле развёртывания диалектологической работы по области имела Межобластная диалектологическая конференция, организованная в Чкаловском пединституте в мае 1946 года под председательством заведующего Куйбышевским межобластным кабинетом русского языка В.А. Малаховского. Летом 1950 г. на помощь Чкаловскому пединституту в собирании диалектологического материала приходят соседние институты, закончившие работу в своих областях: Куйбышевский, Уральский и Бугурусланский. Результатом многолетних исследований оренбургских диалектологов явились 4 диссертации (Н.И. Зорин, Б.А. Моисеев, Э.А. Московская, Л.В. Иванова), большое количество научных статей и студенческих дипломных работ, а также «Хрестоматия оренбургских говоров», «Оренбургский областной словарь» Б. А. Моисеева.

Таким образом, в целом лингвогеографическая изученность русских говоров в Оренбургской области в 70-е годы XX в. была достаточной, чтобы иметь возможность приступить к теоретическим и практическим обобщениям – к созданию лингвистических карт и атласов. Успешно справились с этой нелегкой задачей учёные-диалектологи многих урало-поволжских вузов, выпустившие, хотя и после большого перерыва, свои региональные атласы: Баранникова Л. И. Атлас говоров Среднего и Нижнего Поволжья. Саратов, 2000; Здобнова З.П. Атлас русских говоров Башкирии. Уфа, 2008; Зиброва Т.Ф., Барабина М. Н. Атлас говоров Самарского края. Самара, 2009 и др.

Однако с середины 70-х годов XX в. интерес к диалектологии в Оренбургской области стал постепенно угасать. Последние диалектологические экспедиции преподавателей, аспирантов и студентов Оренбургского госпедуниверситета состоялись в 1986 г. в Тюльганский, Саракташский и Оренбургский районы. Многие аспекты оренбургских русских говоров надолго остались неизученными.

Созданная нами таблица помогла охарактеризовать состояние оренбургских русских говоров в 60 – 70-е гг. XX в. Таблица, отображающая фрагмент сводной карты говоров, создана на материале 244 населенных пунктов из 26 районов Оренбургской области. Источниковый материал представляет собой список говоров с указанием территорий их распространения. В основной своей части он был извлечен в 70-х годах XX в. из архива Межобластного диалектологического кабинета В. А. Малаховского (Самара) и дополнен полевыми исследованиями и архивными материалами известного оренбургского диалектолога и топонимиста Б. А. Моисеева.

Данные, приведённые в таблице, показывают, что в пределах Оренбургской области в 60 – 70-е годы XX в. имели место все основные типы русских говоров, характерные для славянской территории: говоры северного наречия (в 49 насел. пунктах), говоры южного наречия (в 121 насел. пункте) и среднерусские говоры (в 77 насел. пунктах). Предки современного оренбургского русского населения – это переселенцы из северных, западных и центральных губерний Российской империи, и потому на территории одного и того же района и даже населённого пункта Оренбургской области можно наблюдать разнообразие говоров, зачастую перемежающихся, которые впоследствии образовали новые варианты местного языка. Однако, несмотря на разновременность переселения и территории размещения, русские говоры более или менее сохранили диалектные особенности, присущие языку населения губерний и уездов, откуда переселенцы эти прибыли [Мещерский 10, 81].

При предварительном нанесении табличного материала на карты обнаруживается, что северновеликорусские говоры неизменны в своих границах и занимают в пределах Оренбургской области:

1) северо-западные районы области*: Северный – 63%, Бугурусланский – 44%, Асекеевский – 37%, Бузулукский – 33%;

2) образуют своего рода языковое кольцо вокруг Оренбурга: Беляевский (Буртинский, Зианчуринский) – 100%, Сакмарский – 57%, Соль-Илецкий – 54%, Тюльганский – 40%, Саракташский – 38%, Переволоцкий – 29%, Оренбургский – 26%, Илекский (Краснохолмский) – 25%;

3) распространены в прежних форпостах, городах-крепостях, построенных на территории Оренбургской области в 1736–1743 гг.: Бузулукской, Переволоцкой, Чернореченской, Рассыпной, Татищевской, Оренбургской, Илецкой защиты, Бёрдской, Пречистенской, Воздвиженской, Красногорской, Верхне-Озёрной, Ильинской, Губерлинской, Орской (бывш. Оренбургской).

Говоры южного наречия, как показывают иллюстрирующие материалы, к середине XX в. были распространены в основном в центральной части области: Шарлыкский район – 100%, Октябрьский – 100%, Пономарёвский – 91%, Оренбургский – 93% и др.; на северо-западе области наблюдается – южно- и севернорусская чересполосица.

«Наблюдения, производившиеся диалектологами в 1930-х–50-х годах, показали, что в районах Куйбышевской и Оренбургской области встречаются южновеликорусские говоры, относимые ко всем основным группам южновеликорусского наречия, в зависимости от того, откуда именно переселялись на новые места предки современных носителей того или иного конкретного говора» [Русская диалектология 1972, 46]. Спустя полвека после последних масштабных диалектологических исследований экспедиция под руководством С. А. Мызникова из Санкт-Петербурга, происходившая в 2009 г., обследовав территории южных районов области и окрестности г. Оренбурга, также выявила «следующие характеристики русских говоров Оренбургской области: 1) преобладание говоров с южнорусскими фонетическими особенностями; 2) морфологические характеристики также являются южнорусскими; 3) в лексике имеется некоторое число лексем с ограниченной данным регионом территорией распространения» [Мызников 2010, 191].

Среднерусские говоры встречаются преимущественно среди потомков уральских казаков и простираются вдоль всей Оренбургской укрепленной линии, образуя причудливый коридор: Ташлинский (Мустаевский) – 100%, Первомайский (Тёпловский) – 100%, Бузулукский – 50%, Соль-Илецкий – 39%, Илекский – 37% и др.

По территории размещения, времени и принципу образования и некоторым другим признакам оренбургские говоры можно делить на две большие группы: говоры первичного (раннего) формирования – севернорусские говоры (30-е гг. XVIII в.–30-е гг. XIX в.) и говоры позднего формирования – южнорусские говоры (30-50-е гг. XIX в.– XX в.). С позиции современной лингвогеографии на территории Оренбургской области выделяются несколько групп оренбургских говоров: 1) краевой севернорусский говор (с неполным

оканьем); 2) сакмарский (оренбургский) казачий говор с оканьем; 3) уральский (яицкий) казачий говор с аканьем, исторически примыкающий к территории Уральского казачьего войска; 4) «новоилекский» с оканьем; 5) южнорусские говоры.

* «..В 40-60-х годах (XVIII в. – Л. А.) Оренбургская канцелярия «жалует» дворян землями по рекам Большому и Малому Кинелю с притоками, нижнему течению Тока и Боровке (территория современных Бузулукского, Бугурусланского, Северного и частично Грачёвского районов)... Здесь они основали поселения своих крепостных крестьян... В 1830 году бузулукский помещик Владимир Племянников писал, что старожилы Бузулукского уезда «переселились сюда в последней половине столетия, большею частью из Симбирской губернии,...и из смежных с ней районов Поволжья» (С. Попов. Заселение оренбургских степей // Южный Урал. 26 января 1982).

Литература

- Атлас Оренбургской области. – М., 1992.
- Баранникова Л.И. Атлас русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья. – Саратов, 2000.
- Даль В.И. О наречиях русского языка // Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1. – М.: Русский язык, 1989.
- Здобнова З.П. Типология русских говоров в Башкортостане (по данным лингвогеографии): Учебное пособие по спецкурсу. – Уфа, 1981.
- Зеленин Д.К. О говорах оренбургских казаков // Русский филологический вестник, 1906. Т. LVI. № 3-4.
- Зорин Н.И. Говоры Чкаловской области // Известия Чкаловского отдела Географического общества Союза ССР. Вып. 1. – Чкалов, 1948.
- Зорин Н. И. К истории изучения оренбургско-чкаловских говоров // Учёные записки Чкаловского гос. пед. института им. Чкалова. Вып. 8. 1956.
- Курбангалеева Г.М. О некоторых перспективах изучения лексики русских говоров Башкортостана // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы X региональной конференции. – Уфа, 2010.
- Лыткин В.И. Краткие сведения о говорах Чкаловской области // Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка. Вып. 6. – М.-Л., 1949.
- Мещерский Н.А. Южнорусские диалекты на северо-западе Чкаловской области (по материалам диалектологической экспедиции Бугурусланского государственного учительского института в 1946 г.) // Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка. Вып.5. – М., Л., 1949.
- Моисеев Б.А. Оренбургский областной словарь. 5698 слов и словосочетаний. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010.
- Моисеев Б.А. Хрестоматия оренбургских говоров. Учебное пособие. – Оренбург: изд-во ОГПУ, 2005.
- Мызников С.А. Русские говоры Оренбуржья в полиэтничном окружении // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. № 1 (58). 2010.
- Оренбургская область. Административно-территориальное деление. По состоянию на 1 сентября 1960 г. – Оренбург: Оренб.книжн.изд-во, 1960.
- Русская диалектология / под ред. Н.А. Мещерского. – М.: Высшая школа, 1972. С. 46. // Цитируется: Малаховский В.А. Несколько поправок к диалектологической карте русского языка (к вопросу о границах поволжского южновеликорусского «острова») // Ученые записки Куйбышевского пединститута. Т. 13. 1955.

ЯЗЫК ОРЕНБУРГСКИХ БАШКИР В ИССЛЕДОВАНИЯХ А.Г. БЕССОНОВА

Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ «Урал: история, экономика, культура» в рамках научно-исследовательского проекта «Формирование и традиционная культура юго-западной этнографической группы башкир», № 14-11-02019.

Один из первых исследований языка оренбургских башкир принадлежит замечательному ученому-тюркологу Александру Григорьевичу Бессонову (1848–1917), посвятившему всю свою жизнь изучению языка, этнографии и фольклора тюркских народов Урало-Поволжья. Родившись в 1848 г. в г. Вятке в духовной семье, он получает образование в школах духовного ведомства. После окончания местной школы А.Г. Бессонов поступает в Глазовское духовное училище. Здесь он кроме обязательного изучения греческого языка начинает проявлять свой большой интерес к татарскому и удмуртскому языкам. Окончив училище, поступает в Вятскую духовную семинарию, а позже заканчивает и Казанскую духовную академию. До поступления в академию А.Г. Бессонов какое-то время работает преподавателем в Казанской центральной крещено-татарской школе. Там он в совершенстве овладевает татарским языком и приступает к усвоению книжного арабского языка. По окончании Казанской духовной академии, прослушав курсы миссионерского отделения, А.Г. Бессонов твердо решает для себя посвятить свою жизнь служению делу просвещения инородцев, а для этого дополнительно изучить башкирский и киргизский (казахский) языки. С этой целью он направляется в г. Оренбург. В 1877–1881 гг. А.Г. Бессонов преподает педагогику, дидактику в Оренбургской татарской учительской школе, и одновременно работает инспектором инородческих школ и училищ.

Многолетняя работа инспектора, которая заставляла его постоянно передвигаться с одного места на другое, давала возможность для сбора языкового материала инородцев. В результате, 1881 г. он публикует свой первый научный труд: «О говорах Казанского татарского наречия и об отношении его к ближайшим к нему наречиям и языкам» [Бессонов 1881, 200]. Статья А.Г. Бессонова по прошествии больше века приобретает характер своеобразного документа по истории отдельных языковых явлений происходящих в Оренбургском уезде. Так, он исходя из своих наблюдений говора оренбургских башкир пишет, «...что наречие башкир, особенно живущих вблизи Оренбурга, в настоящее время почти тождественно с татарским наречием, или, по крайней мере, ближе к нему, чем наречие уфимских башкир. Это произошло, конечно, оттого, что в последние десятилетия казанские татары с особенной силой, в большом количестве хлынули к Оренбургу и к местностям, ближайшим к этому городу. Влияние татар к инородцам в бытовом и религиозном отношениях везде. Отатаривание оренбургских полевых башкир началось в очень недавнее время и на наших глазах сделалось совершенным. Наречие башкир Оренбургского уезда занимает среднее между чистым башкирским языком (языком горных башкир) и наречием уфимских башкир» [Бессонов 1881, 236].

Ученый констатирует возникновение своеобразного смешанного говора оренбургских башкир в результате тесного контакта с татарами. Приведем отрывок из его труда: «Главным отличием наречия оренбургских башкир от наречия казанских татар состоит в смягчении согласных звуков. Глухой губной согласный звук «п» казанского татарского наречия, там где он стоит в начале прямого слога перед гласным заменяется посредством ясного «б» – *босмак* ‘спрятаться, скрываться’, тат.-каз. *посмак* ‘подкрадываться, скрываться’, *бима* – каз.-тат. *пима* ‘валяные из шерсти сапог’. Перед глухой согласной фонемой обыкновенно стоит, как и в наречии казанских татар, *п* – *псән*, *псак*, *септй*, *псйй*.

Твердый гортанный звук в начале слова (как и в киргизском языке, в особенности когда предыдущее слово оканчивается на гласный или же полугласный звук) переходит в густое глубоко-гортанное придыхание: *гайнамак*, *гилен* – в тат.-каз. *кайнамак*, *килен*.

Сложный согласный звук *ч*, первым составным элементом которого служит твердый зубной звук *т*, изменяется, то есть отбрасывается от *ч* первый составной его элемент *т*, так говорится: *шыбагаиш*, *шыршы*, *шукыш* 'птичий клюв', вместо *чубагач* и *чыршы* тат.-каз. Бывает, что *ч* переходит в более мягкое *с*, потому что, тюркское *чим* произносится всегда мягче, чем русское *ч*: *сакрым* – тат.-каз. *чакрым*, *сэй* – тат. *чай*; *кисй* – тат. *кичй*, *псаин* – тат. *пчи*, *мйче* 'домашний кот', *пчйн* 'сено', *пчак* 'нож', *эсмйк* – тат. *эчмйк*, *сана* – тат. *чана*, *салгы* – тат. *чалгы*, *сйксаулйк* – тат. *чиклйук*, *сукмар* – тат. *чукмар*, *сынаяк* – тат. *чынаяк*, *ас* – тат. *ач*, *бакса* – тат. *бакча*, *суртан* – тат. *чуртан*, сыра 'лучина, пиво' – тат.-каз. *чыра* 'лучина', *сыра* 'пиво'; *сйнсмйк* – тат.-каз. *чанечмак*, *сыйырсык* – тат.-каз. *сыйырчык*, *сймйля* – тат.-каз. *чймйала*, *сйнеске* – тат.-каз. *чйнечке*, *сйука* – тат.-каз. *чаука*, *сйс* – тат.-каз. *сач*, *чач*.

Иногда в 3 лице *ш* и *с* переходят в третью степень смягчения в глубоко-гортанное придыхательное: *чймечь* 'ковш' – в тат.-каз. *чймеч*, *ычык* 'роса' – каз.-тат. *чык* (но *сык* 'выйди' – тат.-каз. *чык*). В некоторых словах употребляются одинаково как вторая, так и третья степень смягчения *сакма* и *гакма* – тат.-каз. *чакма*.

Дж у башкир переходит в *ж* тат. *уджау* в башкирском *ужау*.

Зубная *с* стоящая в начале слов, обыкновенно переходит в придыхание. *Гыйыр саумау*, *габан*, *габ*, *гйл*, *голймйк гуган*, *гатыусы*, *гаумыгынг* – тат.-каз. *сыйыр саумау*, *сабан*, *саб*, *сал*, *саумы син*. Изменение *с* на *г* в середине слова бывает после дефтонга: *гуйлймак* вместо *сусамак* 'жаждать'. После простой гласной в середине слов *с* обыкновенно остается: *гасы* – тат.-каз. *сасы* 'вонючий'.

З переходит в *дз* едва слышным *з*, если согласная предыдущего слова мягкая: *гудз* 'слово', *сюз*, *дур* – *зур гйдзгес* – *сйзгйч* 'цедилка, сито', *сизмйк* 'чувствовать', *кырмыска* – *кырмыска*, *ине* – *иде* [Бессонов 1881, 238].

Исходя из своих сравнительно-сопоставительных исследований, А.Г. Бессонов приходит к такому выводу: «...наречие оренбургских башкир разнится от татарского наречия почти во всех пунктах» [Бессонов 1881, 238].

В статье А.Г. Бессонов в сравнительном плане приводит примеры с языка пермских, осинских, мензелинских и уфимских башкир: «...пермские башкиры сохранили древние тюркские названия дней недели, забытые уже как оренбургскими, так и уфимскими башкирами. Эти названия следующие: *туган кйн* «понедельник», *атланган кйн* «вторник», *кан кйн* «среда», *коро кйн* «суббота (то есть сухой, пустой, беспутный день)». Названия остальных дней недели сходны с названиями, употребляемыми у др. татар: *кич атна* (каз.-тат. – маг. – *кичь атна*, у каз. крещ. тат. – *кече атна*, у уф., башк. – *атна кичь*) [Бессонов 1881, 233].

Обращает свое внимание исследователь и на говоры мензелинских и бирских башкир, выделяя в них отличия от татарского: «Наречие башкир Мензелинского и Бирского уездов отличается главным образом заменой татарского звука *з* посредством *д*, и наоборот, заменой звука *д* посредством *з*: *идйнь*, *идель*, *йдебь* у татар, *изянь*, *изель*, *йзеб* у мензелинских и бирских башкир» [Бессонов 1881, 232].

Сравнительно-сопоставительное изучение языка казанских татар с говорами оренбургских, пермских, осинских, мензелинских, уфимских башкир характеризуют его как большого знатока башкирского языка. Об этом же говорит изданный в 1907 г. «Букварь для башкир», составленный на основе кириллицы. Его алфавит состоял из 41 буквы, т.к. кириллицу он дополнил специфическими значками. Алфавит был создан с учетом фонетических особенностей башкирского языка. Обозначение башкирских специфических звуков выглядело так: *э* - *я*, *у* - *ю*, *ө* - *ё*, *ç* - *с* и т. д. Дано правописание букв, слов и предложений. Для каждой буквы выбраны соответствующие пословицы и поговорки. К примеру, возьмем букву *ө* - *ё*: «*Өйө барзың кйөб бар*» (У кого дом, тот с музыкой). Тексты упражнений для чтения состоят из различных хикаятов назидательного, дидактического характера, сказок и башкирских народных песен собранных А.Г. Бессоновым у Оренбургских башкир.

Самым главным достоянием букваря для того времени считалось то, что для быстрого обучения русско-башкирской азбуке, в ней помещалась таблица алфавита в сопоставлении с арабскими буквами. В книге приводились и параллельные примеры написания.

В конце букваря помещена статья «О звуках башкирского языка и принятых в этом букваре способах выражения сихъ звуков» [Бессонов 1907, 43-47]. Конец своей статьи Александр Григорьевич заканчивает так: «Арабская азбука сопоставлена нами с русской азбукой, примененной к башкирскому языку, с той целью, чтобы башкирские дети, изучающие как арабскую грамоту, так и русский язык с русской грамотой, могли вместе с тем выяснить для себя все особенности произношения (фонетики) своего родного языка, не стыдились бы его, а полюбили бы этот чудный, благозвучный язык» [Самойлович 1911, 47].

В целом, А.Г. Бессонов действительно, одним из первых, внес неоценимый вклад в историю изучения говоров башкирского языка, исследование которых остается одним из актуальных и по сей день.

Литература

Бессонов А.Г. О говорах казанского татарского наречия и об отношении его к ближайшим к нему наречиям и языкам // Журнал министерства народного просвещения. – С.-Пб.: Типография В.С. Балашова, 1881, Ч. 216, август, отд.2. С. 200-242.

Бессонов А.Г. Букварь для башкир. – Казань: Центральная типография, 1907. – 47с.

Самойлович А.Н. Отзыв о рукописном собрании татарских, киргизских и башкирских сказок А.Г. Бессонова // Отчет Императорского Русского Географического Общества за 1909 г. – С.-Пб.: Типография А.В. Орлова, 1911. С. 106-109.

Алишина Х.Ч., г. Тюмень

ТОБОЛО-ИРТЫШСКИЙ ДИАЛЕКТ СИБИРСКИХ ТАТАР: ИМЯ ДЕЙСТВИЯ

Особую форму неличных глаголов составляют формы, обладающие признаками как имени, так и глагола. Иногда эту категорию называют субстантивными формами глагола, отглагольными именами, инфинитивом или неопределенной формой глагола, а также существительным со значением аспекта, процесса действия. В последнее время наметилась тенденция обозначать ее именем действия. Основное в семантике имени действия – это значение действия, состояния, процесса. Как и все глагольные формы, имена действия обладают категорией залога, аспектами возможности и невозможности, отрицания, а также могут выражать характер протекания действия, передавать модальные значения, управлять падежами. Но в то же время они нейтральны в отношении категории времени и склонения. Способность склоняться по падежам и принимать показатели принадлежности, множественного числа, а также сочетаться с послелогом и модальными словами сближает имена действия с существительными.

Форма на *-ыу*, *-еу*

Данная форма имени действия выполняет широкие функции, принимая аффиксы различных падежей, сочетаясь с вспомогательными глаголами, модальными словами и послелогом.

1. Основной падеж

Кэртүб утысыу нестә пулмаган (Тм., Каск.) – Раньше мы не выращивали картофель; *Төн пуйы йөрөп цыгу қайтан цыққан* (Тм., Акияры) – Откуда вы научились гулять ночи напролет; *Пер сурап паг,ыу йуқ, пер әйтеу йуқ, үсегеснекеңә йәшәгән пуласыс* (Вг., Юрмы) – Ни спросить, ни сказать не желаете, живете по-своему; *Аның пелән кәпләшеу қыйыны* (Ярк., Краснояр) – С ним тяжело разговаривать; *Йатыр алтыннан ашау йарамайты* (Вг., Юрмы) – Перед сном нельзя есть.

Часто употребляется с послелогом *белән*: *Аны күреү белән масайып китте* (Ярк., Чечк.) – При виде его он обрадовался.

2. Родительный падеж

Келәм суг,ыуның қыйынныг,ы йуқ, станугың пулса булаты (Ярк., Курт.) – Половики ткать не трудно, был бы станок; *Уг,ыуыңның пайтасын суңыннан күрерсең* (Ярк., Тарх.) – Пользу своей учебы оценишь потом.

Д.Г. Тумашева (1977), Ф.Ю. Юсупов (1985) отмечают, что в тоболо-иртышском диалекте сибирских татар форма на *-ыу* в родительном и местно-временном падежах не употребляется.

3. Направительный падеж

Имя действия на *-ыу, -еу* в направительном падеже может выражать несколько значений:

а) значение инфинитива: *Аг,ыу сибегүгә тейеште* (Вг., Тукуз) – Принялся сыпать яд; *Пәйләүгә оста булмасам та ейерәм, цыйратам* (Тм., Емб.) – Вязать я не мастерица, но пряду, ссучиваю; *Пәтән Россията Манцыл мәтрәсәсе йаңа ысул белән уг,ытыуг,а гүцкән* (Тм., Емб.) – Ембаевское медресе одним из первых во всей России стало работать по новому методу;

б) значение временной взаимообусловленности действий, иногда к имени действия присоединяется аффикс: *-г,аца, -гәцә*: *Сеснең қайтуыг,ысқа пешеренеп қуйырмам* (Тм., Акияры) – К вашему возвращению приготовлю еду; *Игәнцә килегескәцә саг,ынып қалырым* (Ярк., Б. Чечк.) – До вашего следующего приезда я буду очень скучать; *Минең армиятән қайтыуга ницә йыл булты?* – Сколько лет прошло, как я вернулся из армии?;

в) значение причинно-следственных отношений: *Минең урам йөрөгүгә ите г,ысты* (Ярк., Карб.) – Он рассердился за то, что я гулял; *Паллар г,айтыуг,а масайты* (Ярк., Н. Каишк.) – Обрадовался возвращению детей;

г) модальные значения сомнения, опасения: *Қайтыуг,а қайтырсыс та, кире килеүе бар гуй?* (Тб., Байгара) – Уехать-то уедете, а как обратно приехать?; *Кәпне кәпләүгә әйбәт кәпләйте эшләүтән пулмаса та* (Вг., Тукуз) – Хотя работать не работает, говорит он красиво.

4. Винительный падеж

В винительном падеже глагольное имя выражает прямой объект действия: *Концертқа қатнашыуны қуйган қәсер* (Тм., Якуши). – Сейчас я не принимаю участия в концертах; *Машината эшләүне қыйынсынып трақтырг,а утырты* (Ярк., Ново-Каишкуль) – Работа на машине стала трудна, пересел на трактор.

5. Исходный падеж

Йатып қалыутан қург,ып йоқламай цықтым төн пуйы (Ис., Инг.) – Всю ночь не спала, боясь опоздания.

Обычно имя действия на *-ыу, -еу* употребляется в этом падеже в сочетании с деепричастием *қург,ып* – боясь.

Аурып китеүтән қург,ып парматым (Ярк., Б. Чечк.) – Боясь заболеть, я не поехал; *Төннә йөткереүеннән эшкәрә қург,ам* (Вг., Кобяк) – Очень боюсь его ночного кашля; *Самолет пелән йыг,ылыутан қург,ып пармайым Тарко-Салега* (Вг., Банш.) – Из боязни аварии самолета я не езжу в Тарко-Сале и т.д.

Но есть и другие случаи употребления: *Уг,ыутан қайтқац эшләй башлатым* (З-Ук., Н. Инг.) – Вернувшись с учебы, начал работать.

6. Местно-временной падеж

Кешене пер күреүтә тә белеп пулаты (Вг., Юрмы) – Человека с первого взгляда можно узнать, какой он; *Кеше алтынта әйтешеү тә г,ыйын* (Ярк., Варвара) – Ссориться перед людьми с ним тоже неудобно; *Син аңа әлеге қагасны йаса алмайымсың?* – Ты не можешь написать ему ту бумагу? – *Йасыр итем йасыута ней байта?* – Написал бы, но что за польза в написании?

Ф.Ю. Юсупов отмечает, что местно-временной падеж формы на *-ыу /-ыуда* в диалектах сибирских татар не зафиксирован [Юсупов 1985].

Имя действия на *-ыу* в сочетании с модальным словом *кәрәк* – “надо” – выражает необходимость совершения действия и выполняет функцию инфинитива: *Алтта таи түгел, аш утысау гәрәк тигән ите инәм* (Вг., Баиш.) – Сначала не посуду, а еду надо ставить на стол, учила меня мать; *Йәймә суг,ыу гәрәк* (Вг., Баиш.) – Половики надо ткать; *Тырнагүс цүпләү кәрәк көс йетсә* (Вг., Кобяк) – Осенью надо клюкву собирать.

Эта форма широко употребляется в речи сибирских татар: *Аптовысны йөрөтеү гәрәк ите* (Ярк., Карб.) – Надо сделать так, чтобы автобус ходил; *Йөрәгеңнең йылы сүсен айамау гәрәк* (Ярк., Б. Чечк.) – Не надо жалеть теплых сердечных слов; *Ницек йәшәү гәрәк эшләмәйен?* (Тм., Чикча) – Как можно жить, не работая?

Форма на *-ыш, -еш*

Имя действия на *-ыш, -еш* употребляется в глаголах движения: *қайтыш* – возвращение, *килеш* – приход, проезд, *парыш* – движение, *йөреш* – образ, стиль, походка.

Имя действия на *-ыш* употребляется обычно в местно-временном падеже: *Қайтышта кереп цыгың миңә, ней гал игән, кәпләрсес* – На обратном пути зайдите ко мне, расскажите, как у него дела.

Форма на *-ыш, -еш* принимает аффиксы принадлежности всех лиц единственного и множественного числа: *Йөрөшеңне перәйсе күреп пақсын ите* – Видел бы кто-нибудь, как ты ходишь.

Субстантивные формы на *-ыш/-еш* употребляются редко: *Минең таныш-пелешләрем кән тората* (Тм., М. Каск.) – У меня много знакомых в городе; *Алыш-пиреш пелән пайып қалғаннар* (Тм., Акияры) – Они разбогатели на купле-продаже; *Кереш-цыг,ышлар пөтсен инте* (Ярк., Б. Чечк.) – Надо прекратить эти хождения.

Имя действия на *-ыш, -еш* отрицательной формы не имеет.

Форма на *-мыш, -меш*

Форма на *-мыш, -меш* в значении имени действия встречается только в некоторых глаголах: *эшетмеш* – слышать, *күрмеш* – видеть, *әйтмеш* – сказать, *тыумыш* – родиться, *үсмеш* – расти.

Иногда употребляется с аффиксами падежа: *Тыумышыннан суг,ыр булып тыуган* (Ярк., Б. Чечкино) – От рождения слепой; *Қысымның тормошо әйбәт* (Ял., Н.Агъял.) – Дочь моя живет хорошо; *Үс күсе белән күрмәгән, кешенең әйтмеше белән қыйланаты* (Ял., Асл.) – Сам своими глазами не видел, действует по чужим словам.

Форма на *-гы кил-*

Эта древняя форма как имя действия в чистом виде не встречается. Она выступает в качестве модальных конструкций и выражает значение желания или намерения.

Менә инте парг,ым килеп торам (Вг., Юрмы) – Вот теперь хочу поехать; *Пәстә пейеге килеп китәте* (Тб., Турб.) – Иногда хочется плясать.

Во фразеологическом сочетании *ит қыстырг,ы* – человек, вызывающий раздражение, досаду /буквально: *ит* – мясо, *қыстыру-* жарить/; *Кәңцел гуй үсе тә, ит қыстыргы, ирсемәк* (Ярк., Чечк.) – Сама она болтливая, к досаде, бойкая.

Мне хочется играть

1 л. *Минең уйнаг,ым киләте*

Песнең уйнаг,ыбыс киләте

2 л. *Синең уйнаг,ың киләте*

Сеснең уйнаг,ыгыс киләте

3 л. *Аның уйнаг,ысы киләте*

Аларның уйнаг,ылары киләте

Как указывает М. Кашгарский, форма на *-гы, -гу* была характерна для языка чигилей, ягма, аргу, тухси и уйгуров. В письменных памятниках староузбекского языка форма на отмечена также в значении категорического будущего времени.

Литература

Ахатов Г.Х. Диалект западносибирских татар. –Уфа: изд.-во БашГУ, 1963. – 195 с.

Барсукова Р.С. Заболотный говор тоболо-иртышского диалекта татарского языка в сравнительном освещении. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2002.

- Гиганов И. Грамматика татарского языка, сочиненная в Тобольской главной школе учителем татарского языка Софийского собора священником Иосифом Гигановым. – СПб, 1801.
- Диалекты тюркских языков: очерки / Ин-т языкознания РАН.– М.: Вост. лит., 2010.– 633 с.
- История татарского литературного языка (XIII – первая половина XX в.). – Казань: Фикер, 2003. – 656 с.
- Миржанова С.Ф. Северо-западный диалект башкирского языка: формирование и современное состояние. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1991. – 296 с.
- Татарская грамматика. В трех томах. Т. II. Морфология. – Казань: Татарское книжное изд-во, 1993. – 397 с.
- Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар. – Казань: изд-во КГУ, 1977. – 294 с.
- Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар: опыт сравнительного исследования. – Казань, 1977.
- Шукуров Ш. История развития глагольных форм узбекского языка: настоящее и будущее время. – Ташкент, 1966.
- Юсупов Ф.Ю. Изучение татарского глагола. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1986.–287 с.
- Юсупов Ф.Ю. Неличные формы глагола в диалектах татарского языка.– Казань, 1985.
- Языки мира. Тюркские языки. Отв. ред. Э.Р. Тенишев. – М., 1996. – 542 с.

Список татарских населенных пунктов Тюменской области:

Аслана – Ялуторовский район	М. Чечк. – Малое Чечкино, Яркоковский район
Атьял – Новоатъялово, Ялуторовский район	Н. Каишк. – Ново-Каишкуль, Яркоковский район
Баишево – Вагайский район	Тарх. – Тарханы, Яркоковский район
Байгара – Тобольский район	Тукуз – Вагайский район
Варвара – Яркоковский район	Турб. – Турбинская, Тобольский район
Ембаево – Тюменский район	Чечк. – Большое Чечкино, Яркоковский район
Инг. – Верхний Ингал, Заводоуковский район	Чикча – Тюменский район
Карб. – Карбаны, Яркоковский район	Юрмы – Вагайский район
Каск. – Каскара, Тюменский район	Якуши – Тюменский район
Кобяк – Вагайский район	
Краснояр – Яркоковский район	
Курт. – Куртюганы, Яркоковский район	
М. Каск. – Малая Каскара, Тюменский район	

Ансатарова С.И., г. Бирск

СИСТЕМА ПАДЕЖЕЙ В МИШКИНСКОМ ГОВОРЕ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

Категория падежа была предметом изучения еще в первых исследованиях марийского языка. В грамматике марийского языка 1775 г. приводятся среди других падежей вокатив на **-em**, аблатив с показателем **-leč**, который образуется не от имени, а от местоимений и встречающийся при послелогох [Сочинения 1775, 1, 48].

Г. Габеленц вокативную форму на **-em** считает не чем иным, как существительным с суффиксом местоимения первого лица. Форму на **-leč** считает послелогом [1841, 126, 137].

М. Кастрен кроме традиционно выделяемых падежей отмечает наличие в марийском языке следующих падежей: исходный [-γ’č, -k’č], переходный [-γoč, -koč], лишительный [-te, -de], инструментальный [-ten, -den]. Далее М. Кастрен пишет, что аллатив, адессив, а также аблатив выражаются с помощью послелогов. Исследователь указывает на то, что в некоторых диалектах аблатив выявляется в форме **leč** [1845, 17-20].

Ф. Видеман, кроме общепринятых семи падежей марийского языка, включает в классификацию лишительный падеж (**-te**). Показатель **-leč** он предпочитает считать послелогом [1847, 38].

Наши первые отечественные исследователи В.М. Васильев и Г.Г. Кармазин тоже работали над этой проблемой. В.М. Васильев под восьмым падежом объединяет все послеложные конструкции [1927, 16-17].

Г.Г. Кармазин в своей работе указывает на наличие в марийском языке двух винительных падежей: винительный I с показателем **-m**, винительный II без показателя (неоформленный). Подобно В.М. Васильеву, ученый дает послеложные конструкции под одним падежом. В систему падежей, помимо всего, включает и исходный падеж [1925, 69-78].

Категории падежа посвящены работы М.Ф. Дружининой, Б.А. Серебренникова, Г.М. Тужарова, И.С. Галкина.

Проблемой категории падежа интересуются и зарубежные исследователи. Е. Кангасмаа-Минн посвятила свое сочинение марийскому генитиву [1966]. Предметом исследования А. Алхониеми был направительный падеж [1967]. Вопрос о марийских падежах затронут в работах П. Алвре [1986, 81-87].

Мишкинский говор марийского языка, как и большинство финно-угорских языков, принадлежит к числу многопадежных. В нем имеются следующие падежи:

1. Именительный (номинатив) ---
2. Родительный (генитив) **-n** (**-’n**, **-En**)
3. Дательный (датив) **-lan** (**-län**)
4. Винительный (аккузатив) **-m** (**-’m**, **-Em**)
5. Лишительный (абессив) **-te / -de** (**-teyeče**, **-deyeče**)
6. Совместный (комитатив) **-ye**
7. Отложительный (аблатив) **-leč**
8. Распределительный (дистрибутив) **-len**
9. Местный (инессив) **-šte** (**-što**, **-štö**)
10. Направительный (иллатив) **-ške** (**-ško**, **-škö**, **-š**)
11. Обстоятельный (локатив) **-eš**
12. Предельный (терминатив) **-šken**

В говоре отсутствует сравнительный падеж. Его функцию выполняет сочетание существительного с послелогом **ɣaj** 'как': *maska ɣaj* 'как медведь'. Категория падежа в говоре представлена несколькими рядами регулярных форм, каждая из которых является носителем определенного комплекса категориальных морфологических значений. Если в значении падежей нет отличий от литературного языка и других диалектов, не будем останавливаться на них.

Именительный падеж характеризуется отсутствием падежного форманта. Именительный падеж по своему значению и синтаксической функции не отличается от других наречий и литературного языка. Имя существительное в именительном падеже может иметь показатель множественности, суффиксы притяжательности: *’rβez* *’la* *’k mura* *’t* 'молодые поют', *l* *’šta* *’š joɣa* 'листья падают'; *poškude* *’m kits* *’m todolo* *’n* 'Мой сосед руку сломал'.

Родительный падеж. Грамматическим показателем данного падежа является суффикс **-n**. Имя существительное в родительном падеже выражает принадлежность тому или иному лицу или предмету. Например: *tel* *’m kujeyičke* *’šä* *’p lije* *’š* *’k* *’n*, *šurnu* *’n č* *’ɣ* *’š* *’že* *’äjβä* *’t lije* *’š* 'Если зимой березовых почек много, то урожай зерновых будет хорошим'; *ajmač* *’na* *’t šin* *’δ* *’aže* *’soko* *’r* 'И у Аймача глаза слепые'.

Дательный падеж. Его морфологическим показателем является суффикс **-lan** (**-län**). Дательный падеж многозначен. Основное значение – адресат действия. Дательный падеж не отличается от литературного языка и лугового наречия: *pamaš* *’š* *βüdlä* *’n kaje* *’m* 'К роднику иду за водой'. Дательный падеж используется для обозначения профессии: *kuɣo* *’iza* *’j učit* *’lla* *’n* *’šta* 'Старший брат работает учителем'.

Винительный падеж. Его морфологический показатель – суффикс **-m**. Форма винительного падежа употребляется для обозначения прямого объекта: *t* *’ye* *’peča* *’j βuβe* *’r kuβa* *’m rustu* *’n* 'Так Печай убил ведьму'; *säskä* *’š βüdü* *’m šaβe* *’m* 'Поливаю цветы'.

Форма винительного падежа в мишкинском говоре употребляется для обозначения профессии, занимаемой должности, рода занятий действующего лица: *m"j aršat"m "štena'm* 'Я работал кузнецом'; *dojark"m "štalte* 'Работала дояркой'; *tija'k βor"m "št"me_dene'oyo* 'Не всегда же жить воровством'.

Отличительной особенностью мишкинского говора является частое употребление неоформленного винительного падежа. Эта форма встречается перед инфинитивом: *βese_δeke'kaja't sorta' čüktä'š* 'К другим идут свечи ставить'; *ške'ada'k ademe'kuča'š kaje'n* 'А сам опять пошел людей ловить'; *imn'e taγanlašat tunem"m* 'Научился и коней подковывать'; перед деепричастием: *šido'sole'n košto'm* 'Сено косил'; *kuru'k on'd'e'n, kuku'k ot_li'j* 'Глядя на гору, не станешь ею'; *peče'peče'n jotke'ške'tolašem'il'e* 'Даже загоразивать приходилось самой'; перед причастием: *kütö'kütüšünä'tol"n_mo* 'Пришел ли наш пастух'; *pasu'kuralše'neralte'n kolte'n* 'Пахарь задремал'; перед отглагольным существительным с суффиксом **-maš**: *čod"ra'ruma'š – nele'paša* 'Лесоповал – дело нелегкое'.

Лишительный падеж. Грамматическим показателем является суффикс **-te /-de (-teγeče, -deγeče)**. Лишительный падеж может выступать в следующих значениях:

1. Указывает на возможность или невозможность совершения действия без какого-либо орудия, лица или определенного фактора: *ožno'kind"deγeča't šuko'šin'd'a'š perne'n* 'Раньше и без хлеба приходилось сидеть'; *imn'edeγeče'il"ša'toyo'l* 'Без лошади нет жизни'.

2. Объясняет причины какого-либо действия, явления: *oksade'ila'š pe'š nele'* 'Без денег жить трудно'; *tenijse'il"š"šte'pareγ-γ"deγeče'ile'n lekta'š kuštulya'koyo'l* 'В нынешние времена без картошки выжить нелегко'.

3. Обозначает количество, меру без какой-либо доли, части: *üste'l luke'š šin'd'a't_k"n, š"m ijdeγeče'marla'n o't_kaje (üdürü'm o't_nal)* 'Сядешь на угол стола, еще семь лет не выйдешь замуж (не женишься)'.

4. Указывает на предмет, без которого кто-либо или что-либо существует в реальной действительности: *bol"kddeγeče'kuze'ila't, älä'* 'Как живут без скота, не знаю'; *metri'izin'e'k aβa'-ačade'kušku'n* 'Метри с малых лет рос без родителей'.

Форма лишительного падежа в мишкинском говоре под влиянием литературного языка и средств печати в речи молодого поколения встречается мало. Для выражения значений лишительности в диалекте наряду с абессивной формой употребляется послеложная конструкция **deč posna**. Например: *kn'iya'_deč posna' škol"š oy"t_ko'št* 'Без учебников в школу не ходят'; *ada'k d'alu'k_deč posna' urem"ške'lekta't* 'Опять без платка выходишь на улицу'.

Абессивная форма является продуктивной в северо-западном и горном наречиях марийского языка [Иванов, Тужаров 1970, 108-110; Тужаров 1983, 173-183]. В некоторых говорах восточного наречия также встречаются формы лишительного падежа.

Совместный падеж. Его морфологическим формантом является суффикс **-γe**.

Совместный падеж выражает совместность, сопроводительность. Он указывает, что вместе с данным предметом (субъектом) совершает действие другой предмет (субъект) или они находятся в каком-то состоянии с первым [Тужаров 1977, 272]: *izižγe', kuγužγe'sabandoj"š kaje'n p"t"št* 'И взрослые, и дети ушли на праздник Сабантуй'; *d'azuža't uke', toža't uke' – βujžuγe'jom"n* 'Ни писем, ни чего – совсем пропал'.

В мишкинском говоре показатель комитатива **-γe**, как правило, стоит после притяжательного суффикса 3 лица ед. числа **-že**: *aβažγe', ačažγe'unala'üžE'n* 'И мать, и отца пригласил в гости'; *kuβažγe', jočažγe'kode'n kaje'n* 'И жену, и ребенка оставил'.

Форма совместного падежа продуктивна во всех наречиях.

Отложительный падеж. Грамматическим показателем аблатива является формант **-leč**. Е.И. Коведяева предполагает, что он был общемарийским, и доказывает это наличием во всех диалектах марийского языка неразложимых сочетаний: луг. **t"leč posna**, горн. **t"lec pasna** 'без этого'; луг. **tuleč posna**, горн. **tulec pasna** 'без того' [Коведяева 1987, 96]. В некоторых говорах лугового наречия сохранились формы отложительного падежа: *m"jl'ečet* 'от меня', *aβal'eč* 'от матери'.

Форма отложительного падежа выражает направленность обращения, действия от кого чего-либо: *sade`je`η jode`š kuβale`č* 'Тот человек спрашивает у женщины'; *me`jod`na`jumole`č r`skal`m`m* 'Мы просим у бога счастья'.

Аблатив также указывает на сравнение: *p`čkemšele`č p`čkem-še`aramaže`*, *sorta`m šuje`n š`nde`t*, *oγeš`ko`j* 'Темнее темного тальник, зажжешь свечу – и то не видно'; *a`j t`j`čeβe`r*, *t`j`čeβe`r*, *t`j`leče`t art`k`m`j`čeβe`r* 'Ой ты красив, ты красив, я красивее тебя'.

Когда формант аблатива употребляется с послелогом *βara*, *ožno*, то отложительный падеж выражает временное отношение: *e`r ero`k surta`n k`n`elm`le`č ožno`salda`t k`n`e`l kaje`n* 'Рано утром, до пробуждения хозяина, солдат ушел', *keč`βalle`č βara`ona`_`šte`il'e* 'После обеда не работали'.

В последнее время наряду с аблативной формой *-leč* в говоре активно функционирует послелог *deč* 'от', характерный для моркинско-сернурского говора лугового наречия и являющийся нормой лугового варианта литературного языка. Эта форма в настоящее время является малопродуктивной.

Ареал активного употребления форманта *-leč*, как указывает Е.И. Коведяева, охватывает территории Башкирской, Татарской, Удмуртской республик, Пермской и Свердловской областей [Коведяева 1987, 96-97]. В единичных примерах его можно встретить в северо-западном наречии: *saltakleč kod`m* 'освобожден от армии' [Иванов, Тужаров 1970, 192], в речи жителей Мари-Турекского района [Галкин 1964, 53].

Распределительный падеж. Морфологическим показателем его выступает суффикс *-len*. Основное значение – распределение предметов в равном количестве. Например: *kolole`n*, *kumlole`n imn`la`k šurnu`m naγγaja`t`il'e* 'По двадцать, по тридцать подвод возили зерно'; *ku`m`šüdülen`naloγ`m`tülena`_`il'e* 'По триста (рублей) платили налоги'.

Падеж в настоящее время мало употребителен. Встречается в кунгурском [Коведяева 1972, 29-31; 1991, 80], красноуфимском, калтасинском говорах [Коведяева 1987, 102].

В мишкинском говоре указанный падеж также мало распространен. В последнее время он заменяется формой литературного языка – послелогом *dene*: *ku`m olma`_dene`rijede`n lekte`* 'Раздал по три яблока'.

Предельный падеж. Морфологический показатель терминатива *-šken*. Он обозначает отрезок времени (с указанием его продолжительности), по истечении которого заканчивается какое-либо действие, событие (или же оно все еще продолжается с указанного времени). Во временном значении, выраженном при помощи суффикса *-šken*, присутствует оттенок приблизительности, неточности. Например: *ku`m`arn`aške`n kumal`_`t`il'e* 'В течение почти трех недель молились'; *ku`m`ij`ške`n βarman`_`m`pukše`n, jükte`n, sijle`n, una`_`šten`ašne`n* 'В течение почти трех лет Вармана кормил, поил, угощал, обхаживал, как гостя'. Данный падеж указывает также на предмет, являющийся пределом действия другого предмета: *k`dal`_`ške`n`üpšü`m`pune`n`sake`n* 'Почти до пояса повесила косу'; *mEländEške`n`βujžu`m`saβa`* 'Кланяется почти до земли'.

В луговом наречии для обозначения предельности времени и пространства служит послелог *marte* со значением 'до такого времени; до такого места'.

Падеж непродуктивен. В речи молодого поколения он заменяется послелогом *marte*, *γodsek*: *i`k`ku`m`n`_`l`ij`γodse`k`nEmä`_`t`uke`kumalma`š* 'В течение почти трех-четырёх лет вообще не молятся'.

Местный падеж имеет морфологический показатель *-šte* (*-što*, *-štö*). Основными являются следующие значения местного падежа:

а) обозначение места, предмета, внутри или на поверхности которого совершается действие или что-либо находится: *ö`rtšö`älä`kuško`kaje`n, ške`kolšo`_`γa`j`kije`n`surtuštužo`* 'Дух куда-то ушел, а сам, как мертвый, лежал дома'; *od`rašte`pu`düin`d`ä`ulu`_`t`* 'В лесу уйма дров';

б) обозначение временных отношений: *kuječe`aprel`_`šte`lije`š, i`k`arn`a`šujna`* 'Пасха бывает в апреле, продолжается неделю'; *n`ikola`j`zaman`_`šte`_`t`_`γe`lij`_`n`* 'В эпоху Николая так было';

в) обозначение профессии: *poža`rn`ik`_`šte`šoyošo`_`m`* 'Был пожарником (букв. стоял в пожарниках)'; *ku`m`i`j`briγad`i`r`_`šte`košto`* 'Три года ходил в бригадирах'; *doja`rk`_`šte`ki`_`t`_`ten`lüštümä`n`tuna`_`m`* 'Доярки вручную доили (букв. в доярке тогда вручную доили)'.

Направительный падеж. Грамматическим показателем его является суффикс *-ške* (*-ško, -škö*). Основное значение направительного падежа – направление действия в сторону какого-либо предмета: *sade kol'm š ko k kiš m p šta* 'На эту лопату положил обе руки'; *jumu n tuluško küse n r r kte n* 'Поднялся к божьему огню и грел'; *ize ener ške bole n tuška m* 'Вымою, спустившись к речке'. По своим значениям данный падеж не отличается от лугового и других диалектов восточного наречий.

Суффикс направительного падежа *-ške* зачастую выступает в усеченной форме без второго компонента *-ke*: *nele δüred m kujo čod ra š past re* 'Сильный-то дождь – направляй к лесу', *ške imn ž m bač š p šte n, kapka ümbä č ure m š lekte š* 'Взвалив свою лошадь на плечи, выходит поверх ворот на улицу'.

К основному суффиксу направительного падежа может добавляться суффикс *-la*, при этом значение сказанного изменяется. Такая форма обозначает или неопределенное направление действия, или движение к неопределенному объекту: *ola mo r r šk la š in δ m n kaj š* 'Уехал в сторону города', *č od ra šk la ro r ne n kaj št s* 'Гурьбой направились к лесу'.

Обстоятельственный падеж. Морфологическим показателем его является суффикс *-š* (*-eš*). Основное значение обстоятельного падежа – выражение места совершения действия, местонахождения предмета или субъекта: *mije n pura t, esenlasa t, š in δ t olme š, pe š käd Erle bere š* 'Заходят, здороваются, садятся на скамейки, на почетные места'; *βarma n t δ m numa l kaje n me šake š pet rena t* 'Варман засунул его в мешок и унес'; *iz ra k kapa n to r ala ša t pors n y na jere š pördäle š* 'Небольшого роста мерин купается в шелковистом озере'. По своей функции он в какой-то степени приближается к местному падежу, но есть и различия. Каждый из них имеет определенную грамматическую форму, которая выражает свое конкретное и индивидуальное содержание. Выбор падежной формы зависит от глагольного управления, лексического значения управляющего глагола и конкретного содержания предложения [Тужаров 1998, 63].

Таким образом, в мишкинском говоре сохранились древние формы падежей, такие как лишительный, отложительный, распределительный, предельный. В говоре отсутствует сравнительный падеж. Его функцию выполняет сочетание существительного с послелогом *raj*.

Литература

- Васильев В.М. Элементарная грамматика марийского языка. – Краснококшайск, 1927.– 75 с.
- Видеманн Ф. Опыт грамматики марийского языка. 1847/пер. Вейценфельда М.Я./Н. ф. МарНИИ оп.2. д.12. С. 38.
- Галкин 1964 = Галкин И.С. Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч.1. – Йошкар-Ола, 1964. – 203 с.
- Иванов, Тужаров 1970 = Иванов И.Г., Тужаров Г.М. Северо-западное наречие марийского языка. – Йошкар-Ола, 1970. – 216 с.
- Кармазин Г.Г. Материалы к изучению марийского языка. – Краснококшайск, 1925. – 152 с.
- Коведяева Е.И. Суффикс *-len* в кунгурском говоре восточного наречия марийского языка // Советское финно-угроведение. – Таллин, 1972. № VIII (1). С. 29-31.
- Коведяева Е.И. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам. Марийский язык. – М.: Наука, 1987. – 159 с.
- Коведяева Е.И. Кунгурский (пермский) диалект марийского языка // *Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica*. Heft 12. – Hamburg, 1991. S. 80.
- Сочинения, принадлежащие к грамматике черемисского языка. – С.-Пб., 1775. С. 1, 48.
- Тужаров Г.М. Грамматические категории имени существительного в марийском языке. Научный доклад ... доктора филол. наук. – Йошкар-Ола, 1998. – 80 с.
- Alvre P. Zu den finnisch-ugrischen I-Kasus // Советское финно-угроведение. – Таллин, 1986. № XXII (2). С. 81 – 87.
- Alhoniemi A. Über die Funktionen der Wohin-Kasus im Tscheremissischen // *SUST*. – Helsinki, 1967. – 375 S.

Castrén M.A. Elementa grammaticae tscheremissae. – Kuopio, 1845. S. 17-20.

Gabelenz H.C. Vergleichung der beiden Tscheremissischen Dialekte // Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. – Bonn, 1841. – Heft 1. S. 126, 137.

Kangasmaa-Minn E. The Syntactical Distribution of the Cheremis Genitive // SUST. – Helsinki, 1966.– 235 p.

Бекасова Е.Н., г. Оренбург

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ТЮРКСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ОРЕНБУРГСКИХ РУССКИХ ГОВОРАХ

Диалект, в отличие от литературного языка, принято рассматривать как достаточно гомогенную страту. Однако узуальная норма, открытость и проницаемость диалектных систем обуславливали проникновение в говоры инодиалектных и иноязычных элементов [Баранникова 1967, 45]. Безусловно, влияние иных языков на системы говоров не столь показательно, как в литературных языках, однако вследствие этого более показательно и значимо, поскольку все языки, по справедливому замечанию В.А. Жуковского, «имеют между собою некоторое сходство в высоком и совершенно отличны один от другого в простом, или лучше сказать, в простонародном» [Жуковский 1960, 411]. Именно поэтому исследование заимствованной лексики в диалектах позволяет определить те лексические «лакуны», которые заполнялись в результате живого общения народов, а затем и сохранялись с определённой степенью семантических изменений.

В связи с этим особый интерес представляют говоры территорий позднего заселения, в которых процессы интерференции и проницаемости проявляются достаточно интенсивно. В частности, к подобным системам относятся говоры весьма обширной территории Оренбургского края, исторически представляющего более крупный субъект Российской империи, но с неизменной пограничной зоной с разными народами и широким смешением этносов. Более того, формируясь за счёт выходцев различных российских губерний, Оренбуржье реализовало широкий спектр смешения диалектных особенностей, унаследованных от географически закономерных различий быта, обычаев, культуры. Первым это отметил В.И. Даль: «Оренбургская губерния, заселённая искони инородцами, большею частью кочевыми, наполнилась русскими двадцати губерний в течение последних ста лет; поэтому общего наречия в губернии этой нет; но у старожилков уже сложились некоторые особенности» [Даль 1998, т. 1, LXXIII]. При этом «хотя язык уральских казаков и нельзя назвать особым наречием, но у них много особенных выражений и оборотов, и говор их так отличителен, что уральца всюду узнать можно с первых слов» [там же]. Такая особенность формирования и бытования новых систем говоров обуславливала процессы интерференции: «в Саратовской и Оренбургской губерниях, населённых в нынешнем веке, и отчасти в последнее время, выходцами двадцати губерний, довольно легко, по наречию, узнавать происхождение переселенцев; затруднительнее это, когда старики уже вымерли, а молодое поколение исподволь привыкает к говору местному, особенно же если селение сбродное, из переселенцев разных мест, и молодёжь между собой освоилась и свыклась» [Даль 1998, т. 1, LI]. Наряду с этим происходит и нивелирование диалектных особенностей, так как «образованность и просвещение сглаживают постепенно различие наречий, проходя повсюду с уровнем своим» [Даль 1998, т. 1, LVI].

Эти наблюдения В.И. Даля подтверждаются современной ситуацией на территории Оренбургской области, где фактически разрушены системы перенесённых и вновь сформировавшихся говоров [Бекасова 2008; 2011]. Своеобразное «перемешивание» языков и культурных традиций происходит и сейчас, когда на смену одним переселенцам приходят другие, чаще всего из так называемого ближнего зарубежья.

Достаточно показательны в этом плане данные «Оренбургского областного словаря» Б.А. Моисеева, который создавался с 50-х XX в. до его публикации в 2010 г. В

состав словаря вошла лексика, собранная преимущественно в центральных и южных районах области. В качестве дополнительного материала использовались различные источники, как рукописные, так и печатные, относящиеся к дореволюционному и советскому периодам [Моисеев 2010, 4]. Такой временной период позволяет рассмотреть особенности лексического состава оренбургских диалектов и особенности его сохранности более чем за столетие.

Безусловно, такой подход к составлению словаря содействовал включению в него словарного богатства, в том числе и прежней обширной Оренбургской губернии, которое в своё время подвигло В.И. Даля на составлении своего словаря живого великорусского языка. Особый пласт в лексике оренбургских говоров составляют слова тюркского происхождения, которые, несмотря на незначительное количество (по нашим подсчётам, около 0,6 %), по своим тематическим группам и составу достаточно показательны как в плане взаимодействия народов, так и специфики смешения языков. Прежде всего обращает внимание тематическая определённость заимствований, которую отмечает и Б.А. Моисеев – «названия растений, диких животных, особенностей поверхности и климата данной местности. В производственной лексике большее количество казахских заимствований приходится на терминологию животноводства. <...> В бытовой лексике группа тюркских слов включает в себя названия различных кушаний: кушанья из муки и мяса, изделия из молока и др.» [Моисеев 2010, 14]. Всё это свидетельствует о том, что переселенцы охотно перенимали те достижения в области хозяйственной и бытовой жизни народов, которые были наработаны и отработаны их кочевым укладом в соответствующих природных условиях.

Безэквивалентная лексика в основном представлена терминами верблюдоводства, названиями национальных блюд и одежды. В частности, всё, что так или иначе связано с разведением верблюдов, обозначается тюркскими заимствованиями, например: *каспак*, *коспак*, *куспак* (1. Помесь одногорбого и двугорбого верблюдов. 2. Кастрированный верблюд, используемый на различных работах); *бута*, *бутак*, *бутакан* (верблюжонок); *илюк* (одногорбый верблюд с низким пологим горбом); *инген* (верблюд желтой масти) и др. В диалектных системах возможны определённые семантические преобразования, что определяется особенностями функционирования иноязычного слова, например: *куспак* – это рабочий верблюд (расширение значения ‘кастрированный верблюд’); *атан* (двугорбый верблюд, в башкирском и казахском языках ‘кастрированный верблюд’) и др. В ряде случаев это приводит к вариативному использованию исконной и заимствованной лексики, ср.: *чока /кочка* (горб верблюда) – *Если голодный верблюд, то чок нет у него. Есть верблюды с одной чокой и с двумя чоками. – У илюка тоже одна кочка, но полая. У куспака кочка всегда набок.* Возможно появление своеобразных трансплантатов (гетерогенов), состоящих из основ разной языковой принадлежности, например: *одночóкий верблюд* – верблюд с одним горбом; *двучóкий верблюд* – двугорбый верблюд.

Однако наиболее значимой по количеству единиц (более 30% безэквивалентной лексики) и их сохранности в современном русском языке является тематическая группа наименований еды. Заимствования названий блюд из зерновых, мяса и молока и сейчас положительно характеризуют национальную кухню казахов, башкир и татар, например: *буурсак* (сдобные поджаренные шарики или небольшие квадратики из теста); *белиш* (*белиши*) (круглый пирожок в виде ватрушки с мясом); *казы* (колбаса из конского мяса); *каймак* (сливки с топлёного (кипячёного) молока); *катык* (кислое молоко) и др.

Следует отметить, что незнакомые для русских кушанья активно перенимаются и входят в обиход, о чём свидетельствуют соответствующие контексты: *Мы сегодня ели саламат. Наварили саламаты, и на весь день хватило. Все татары салмой кормятся, мы тоже варим её. Мы всю войну салму ели. Бывало мать часто варила бижбармак, но мы ложками ели, а киргизы – руками. Выпьешь арьяну, и жажда не так одолевает. Так пить захотел! Пришел домой и две кружки арьяну выпил. Сарсу делают русские и киргизы, она сладкая, вкусная, её с чаем пьют. Ни один праздник без белишей не бывает, это первое*

наше кушанье и под. Широкое использование традиционных кушаний проживающих рядом народов нередко сопровождается свойственной диалектоносителям пониманием своей «особости», например: *Верхнегумбетцы* (жители с. Верхний Гумбет) называют нас саламатники, а мы их дразним черносливниками. *Кашу из муки салмой* называем, а в других местах говорят *затируха*. Такое приятие чужих реалий и претворение их в свою собственность определённым образом отражается и на словообразовании, например: *бижбармачить* (есть бижбармак), *саламатник* (любитель саламаты), *каймачок* (уменьш. от *каймак*).

Надо отметить, что в записях, лёгших в основу «Оренбургского областного словаря» Б.А. Моисеева, отсутствуют некоторые коннотации значений слов, отмеченные в словаре В.И. Даля, например: О дурно приготовленном кушанье говорят (*орнб.*): это какой-то бишбармак, крошево [Даль 1998, т.1, 85]; Арцеед, *бранно*, бурят, тунгус, монгол, кто ест арцу [Даль 1998, т.1, 24]. Более того, в печатных изданиях как XIX, так и XX века высоко оцениваются вкусовые качества национальных блюд: *Лежали киргизы* (*ред.* киргизы, киргиз-кайсаки – наименование казахов, принятое в литературных источниках дореволюционного времени), *пили кумыс, ели баранину да приготавливали из конского мяса «казы»* (в подстрочнике: казы – жирная, вкусная колбаса, любимое блюдо киргизов) (Известия Оренбургского отделения Русского географического общества. 1893. Вып. 2. С. 44); «*Работала пельменная. А в ней можно было купить горячие блины, пельмени, беляши. Вкусными они кажутся с мороза!*» («Южный Урал». 1961. № 31).

В отличие от рассмотренных групп безэквивалентной лексики, наименования одежды не столь распространены, однако в оренбургских диалектах используются как в прямом, так и в переносных значениях: *джаблук* (казахская меховая шапка), *жаулык* (белый платок, головной убор женщины (киргизки)), *купа* (длинное ватное пальто с частыми стёжками без покроя, которое обычно носили казахи), *джибага*, *джебага* (казахское пальто с мелкой стёжкой без покроя – *ирон.* Тяжёлая и неудобная верхняя одежда).

В оренбургские диалекты также проникала тюркская лексика, которая в ряде случаев могла иметь соответствующие русские эквиваленты. Прежде всего это касается наименований животных по возрасту, масти, породе, физическим характеристикам, например: *тай* (телёнок, жеребёнок по второму году); *тай огуз* (телёнок со второй весны); *кургаиш* (ягнёнок в возрасте 5–6 месяцев); *башмак*, *басмак*, *башмач*, (бычок в возрасте одного года); *башмачина*, *башмачка*, *кашарка* (тёлка по второму году); *таргил*, *таргыл* (1. Бык, корова тигровой масти, то есть красной (бурой) масти с чёрными полосами. 2. Крупный бык с длинными ногами), *адаец* (казахская порода лошадей), *кашкар*, *кошкар*, *кушкар* (некастрированный баран, баран-производитель) и др. Как видно из примеров, заимствования в основном касаются домашних животных – лошадей, коров и овец. Наименования других животных крайне редки, например: *карашпай* (ёрш), *битюк* (*ирон.* вошь, служит для замены русского слова *вошь*, признающего неприличным [Моисеев 2010, 22]). Особо следует отметить слово *куян*, зафиксированное в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля как «татар., *орнб.* – *ушкан, заяц*» [Даль 1998, т. 2, 230]. В словаре Б.А. Моисеева имеется уточнение: «1. Заяц, обычно в сочетаниях «куян слепой», «куян косою» [Моисеев 2010, 82]. Наши исследования прозвищ оренбуржцев показывают, что Куяном называют одинокого мужчину в возрасте, холостяка или вдовца, живущего на краю населённого пункта. Это свидетельствует ещё об одном значении слова, которое позволило ему закрепиться в русском языке и заполнить нужную семантическую лауну в качестве номинации матёрого зайца-самца, одиночки и отшельника [Бекасова 2013]. История слова *куян* в оренбургских диалектах позволяет определить причины заимствований: лишённое в принимающем языке этимона слово могло получить соответствующие «обертонь», которые так необходимы досконально описываемому окружающую действительность, семантически неэкономному диалекту.

В этом плане показательны заимствования из тюркских языков, обозначающих человека, где наряду с наименованиями по национальности заимствовалась лексика, которая использовалась при дифференциации характеристики человека. В первой группе встречаются как названия соседних народов, так и в их обозначении русских, ср.: *тамыр* (приятель, друг из казахов по отношению к русскому человеку), *адай*, *адаец*, *адонаец* (1. Казах (киргиз) адаевского рода), *кушпель* (кочующий казах), *джатак*, *жатак* (оседлый казах), *бурзянцы* (башкиры горных и лесных районов Башкирии), *апайка* (женщина-башкирка), нагайбак (крещёный татарин) – *урсак*, *урус*, *джытыр* (русский человек). В ряде случаев тюркизм обозначал человека по профессии и роду занятий, например: *базарбас* (главный распорядитель, устроитель базара), *шарабара* (тряпичник, утильщик, собирающий утильсырьё), *караван-баиш* (проводник каравана верблюдов), *карак* (стяжатель, вор). Большую группу составляют наименования бедного человека, нередко безотносительно к его национальной принадлежности: *христарай-сурай* (нищий, бедный, забитый, обездоленный человек (обычно киргиз)); *байгуж* (бедняк у киргизов); *буртас* (беднейший человек, нищий); *шарабар* (бедный человек).

Как уже указывалось, значения заимствованных слов нередко переносились и на русских людей, например: *буляк*, *булюк* – 1. Казах (киргизин), живущий в одиночку в степи вместе со своим семейством и скотом. 2. Уральский казак, который во время полевых работ жил с семьёй в степи (*Наши казаки тоже были буляки. Летом все жили отдельно, буляками*); *кара-чекмень* (бедный казах или не имеющий казачьих прав на земельные наделы русский крестьянин (мужик)); *барандач* – разбойник, грабитель (слово также стало прозвищем для жителей с. Благодословенки, так как некоторые из них в прошлом совместно с киргизами нападали на караваны, проходившие по Караванной дороге к Оренбургу); *аульный* парень – житель *аула* (Название частей некоторых русских сёл. Например, западная часть с. Угольного называется аулом. По объяснению жителей, в этой части села были маленькие домики, землянки и строились они без всякого порядка, как в казахском ауле).

Такая группа, несущая эмоционально-образную характеристику человека, широко представлена в оренбургских говорах, например, для обозначения детей: *бишара* (маленькие дети), *бельмешок* (грудной ребёнок). В этом случае важной составляющей востребованности заимствования является наличие значения ‘незнающего, не понимающего, беспомощного (человека)’, которое этимологически прозрачно в тюркских языках и знакомо оренбуржцам, ср. *Зашли к ним, а у них бишары полная изба: один в люльке, двое ползают. Петрович на все вопросы одно отвечает «бельмей», а сам всё понимает, притворился, значит*» (в сноске: *бельмей* – не знаю, не понимаю) (газета «Оренбургский край 1893. № 96).

Как уже указывалось, ряд подобных тюркизмов приобретает качества прозвищной лексики или используется в качестве прозвищ, например: *армайка* (шалунья, озорница); *курбан* (невысокий, но толстый человек); *чакмак*, *чекмак* (*перен.*, *груб.* дерзкий и нахальный человек); *баширница* (любительница устраивать шумные скандалы, драки); *адаец*, *адай* (невежественный, грубый и нахальный человек), *айдашка* (*пренебр.* девушка лёгкого поведения); *бистень* (прозвище мужчины, в переводе с каз. означает «пять копеек»); *салтык* (обычно в сочетании «немой салтык» – прозвище картавого, косноязычного человека) и др. Б.А. Моисеев в своём словаре даёт пример складывания «прозвищной легенды», которая раскрывает механизм семантических метаморфоз тюркизмов в оренбургских диалектах: *джюрбала* – «*ирон.* неповоротливый и нерасторопный человек. *Вон джюрбала идёт, с ноги на ногу переваливается.* В прошлом дети, увидев казаха в национальной одежде, из любопытства ходили за ним, подолгу рассматривали его. В таких случаях казах, желая избавиться от надоедливых ребят, обычно кричал на них: «Джор, бала!» В переводе с казахского это значит: «Пошёл, уйди, ребенок!». Сочетание двух слов, воспринятое местными жителями как одно, стало названием для казаха, затем и для русского человека» [Моисеев 2010, 40] .

В словаре Б.А. Моисеева также фиксируются лексические единицы, характеризующие особенности межкультурной коммуникации, в частности, указывается ряд тюркизмов, которые знали русские жители, но использовали исключительно в беседах со своими иноязычными соседями, например: *ит* (мясо), *джюлдас* (товарищ, попутчик), *аман* (обычно русские так приветствуют казахов – *Аман, Бисенгалей! Как живешь*); *кайда барасым* (куда пошёл, куда идёшь? Это выражение употребляют русские при обращении к казахам и казахи, когда они обращаются к русским. *Эй, кайда барасым?*) и др.

На наш взгляд, немаловажную, хотя и малочисленную группу, составляет лексика, свидетельствующая об эмоциональной стороне общения народов, где, возможно, «в силу большей простоты и определённости», как писал И.А. Бодуэн де Куртенэ [Бодуэн де Куртенэ 1963, 366], закрепляются тюркизмы, например: *айда-ка, айдак* (иди-ка. *Айда-ка сюда, что скажу*); *айдате* (идёмте, пойдёмте. *Айдате с нами на рыбалку*); *бары-бир, бар-бир* (Безразлично, всё равно. *Пусть что хотят говорят, а мне бары-бир. Дитоночек кричит, а ему бар-бир. Пурга поднимется, а ему бар-бир, он в поле едет*): *аптрак* – в сочетании «совсем аптрак» (измучиться, сильно устать, ослабеть – *Мой хозяин с поля шёл 12 километров, еле до дому дошёл, совсем аптрак*); *ульды* (1. Умереть, издохнуть (ср. ульген, ульге)). *Хорошую старую лошадь не резали: жалко было; а дожидались, когда она ульды*. 2. Порваться, погибнуть *Ну, теперь валенки ульды*); *тулаем* (1. Оптом (о купле и продаже продуктов, товаров). *Сколько тебе дать, если куплю тулаем? Отдашь картошку тулаем, возьму оба мешка*. 2. Группой, компанией. *Ходили в кино тулаем*) и под.

О степени вхождения слов тюркского происхождения в состав оренбургских говоров свидетельствует прежде всего их способность к словообразованию по моделям русского языка, например: *таёк, тайка, тайчина* (тай), уменьш.-ласк. *баשמачо́к* (башмак, басмак), *таргильый* бык, корова (таргил), *адаевский, адайский* (адаец), *кушпельский, кушпелец, кушпелинец*, (кушпель), *тамырить, тамырство* (тамыр), *шарабарничать* (шарабара), *барандач, барандицик, барантовать, барантовцик* (баранда), *курбастый* (курбан), *айдашка* (айда), *армайка, армайничать* (армай) и др.

Таким образом, тюркизмы заполняли соответствующие понятийные лакуны (например, связанные с верблюдоводством, некоторыми специфическими болезнями скота, особенностями кушаний, одежды и под.), конкурировали с наименованиями, которые могли быть в русских диалектах, а также фиксировались как слова, свидетельствующие о приятии проживающего рядом народа по общечеловеческим критериям. При этом некоторые слова тюркского происхождения, особенно связанные с наименованиями человека, переживали определённые семантические преобразования, которые при сохранении точек соприкосновения с бытом и культурой другого народа, позволяли обогатить собственные лексико-семантические возможности. В целом это подтверждает мнение И.А. Бодуэна де Куртенэ об обязательности смешения языков, которое им рассматривается как «начало всякой жизни как физической, так и психической» [Бодуэн де Куртенэ 1963, 363].

Литература

Баранникова Л.И. Русские народные говоры в советский период. – Саратов: Изд-во СГУ, 1967. – 206 с.

Бекасова Е.Н. «Напоющий источник» Оренбуржья // Пятые Большаковские Чтения. Культура Оренбургского края: история и современность: научно-образовательный и культурно-просветительный альманах. – Оренбург, 2011. С. 398–401.

Бекасова Е.Н. Бесценное пособие к познанию национальной биографии // Регионально ориентированные исследования филологического пространства. – Оренбург, 2008. С. 130–135.

Бекасова Е.Н. Лингвокреативный потенциал Оренбуржья: от Куяна до Ваучера // Уральский филологический вестник / Вып. 3. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Уральский государственный филологический университет», 2013. С. 5–12.

Бодуэн де Куртенэ И.А. О смешанном характере всех языков // Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 362–372.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. (второе издание, 1880–1882 гг.). – М.: Русский язык, 1998.

Жуковский В.А. О басне и баснях Крылова // Собрание сочинений: В 4 т. – М.; - Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1959–1960. Т. 4.: Одиссея. Художественная проза. Критические статьи. Письма / Подгот. текста и примеч. И. Д. Гликмана. – 1960. С. 402–418.

Моисеев Б.А. Оренбургский областной словарь. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. – 192 с.

Бүләкова Ф.М., Сибай к.

БАЛАЛАР ӨСӨН ЯЗЫЛҒАН ӘСӘРЗӘРЗӘ ДИАЛЕКТИЗМДАРЗЫҢ КУЛЛАНЫЛЫШЫ

Балалар әзәбиәте – һүз сәнғәтенәң айырылғыһыз бер тармағы ул. Шуға күрә бәтә әзәбиәткә хас булған художестволы образлылык канундары, шул иһәптән типиклаштырыу һәм индивидуалләштерәү күренештәрә, балалар өсөн язылған әсәрзәргә лә туранан-тура қағыла.

Билдәлә булыуынса, әзәби әсәрзәргә образдарзың индивидуаль һызаттарын асығырак күрһәтеүзә, айырыуса уларзың телен индивидуалләштерәүзә диалектизмдар зур роль уйнай. Күренекле тел белгесе, филология фәндәрә докторы М.Х. Әхтәмов билдәләүенсә, “был термин (*авт.* диалектизм) әзәби әсәрзәргә кулланылған диалект һүзәрән атау өсөн дә кулланыла” [Әхтәмов 2002, 104]. Әзәбиәт ғилемдә диалектизмдарзы һүзәрзәң географик үзенсәлектәрәнә нигезләнғән һүрәтләү сараларына индереп йөрәтәләр. Үзәрәнәң әсәрзәрәндә диалектизмдарзы дәрәс һәм урынлы кулланыу өсөн кәләм оһталары төрлө һөйләш үзенсәлектәрән якшы белеп эһ итергә тейеш.

Был мәкәләлә хәзәрә башкорт балалар прозаһында диалектизмдарзың кулланылыу үзенсәлектәрән өйрәнәү мақсат итеп куйылды.

“Диалектизмдар, берзән, әзәби телдәң үсешенә баһалап бәтәргәһөз бер сығанак әһмиәтән казана; икенсенән, улар геройзарға, һүрәтләнә торған вакиғаларға “урын, төбәк образы” өһтәргә һәләтлә” [Әхмәтйәнов 2004, 177].

Диалекталь һүзәрзә Сафуан Әлибаев үзенәң “Салауат сақырыуы” тигән пьесаһында бик оһта файзаланған. Әйтәйек, был сәхнә әсәрәнәң катнашыусылар исемлегендә *Лупыш*, *Жиндекәй*, *Сәркәш*, *Һондорай*, *Һалбыр* кушаматлы персонаждар за бар. Был кушаматтарзың барыһы ла диалекталь лексикаға карай. Мәсәләң, *лупыш* (*лупырыш*) – әй-мейәс һөйләшендә ауыр кәүзәлә (тучный), *һалбыр* – әрпеш (неряха), *сәркәш* – үзһүзлә (упрямый), *жиндекәй* (*енлекәй*) – бик кызыу (вспыльчивый) тигән мәғәнәлә кулланыла. Әсәр барышында был персонаждарзың холок-кылығы, характеры исеменә күрә – есеме рәүешендә асыла ла индә. Унда диалектизмдарзың бәтә төрзәрән дә оһратырға мөмкин. Миһал өсөн:

1) лексик диалектизмдар: *үрәндәтеү* (баланы мактап оһондороп ебәрәү), *һаптырлау* (туптырлау);

2) морфологик диалектизмдар: *шаттаныу* (шатланыу), *таһитандык* (таһландык), *йырзау* (йырлау), *балдар* (балалар), *тойолмай шай* (тойолмай бит);

3) фонетик диалектизмдар: *бумай* (булмай), *айзандырыу* (әйләндәрәү), *ниһитәп* (ни эһләп), *мында* (бында), *үрәнәү* (өйрәнәү), *жиндекәй* (енлекәй), *жәйә* (йәйә);

4) семантик диалектизмдар: *инәй* (әсәй), *быуай* (олатай) һ.б.

Шул ук вақытта авторзың фонетик диалектизмдарзы саманан тыш йыш куллыныуын да билдәләп китергә кәрәк. Дәрәсәрәгә, персонаждар телмәрәндә кулланылған һүзәрзә, һүзбәйләнештәрзә һөйләү үзенсәлеген һаклап бирәү күренешә күзәтелә: *ухәттем* (ул хәтлем), *әпкил* (алып кил), *апкайт* (алып кайт), *куйыптырып* (куйып тороп) һ.б.

Дөйөм алганда, автордың персонаждар телмәренә төрлө төркөмдәренә караған диалектизмдарҙы индереп ебәреүе аркаһында, укыусы Салауат районының Тәкәй ауылы һөйләше хаҡында ярайһы ук тулы мәғлүмәт ала ала. Шағир һәм прозаик Ғәбизулла Зариповтың “Бәрзе Балаһы” китабына ингән шул исемдәге повесында ла хәл-вакиғалар Башкортостандың Салауат районында бара. Китапка яҙған “Үз һүзлә бәрзе балаһы” тигән баш һүзендә языусы Әхмәр Үтәбай: “Әсәрзәге вакиғалар һәм мажаралар, Бәрзе Балаһының тәтелдәк мәрәкә әңгәмәләре – быллар барыһы ла шағирҙың бала сағы. Үзе йәшәгән Салауат районының Тирмән ауылында булған был хәлдәр. Әсәрзәге геройҙар барыһы ла шунда, үзенсәлекле шул ук һөйләштә тел-лөгәт бүлешәләр», – тип яза [Ғәбизулла 2001, 2]. Тел-лөгәт тигәндәй, һыу асты донъяһы хаҡында бәйән иткән был әсәр аша китап укыусылар һыу-һүл менән бәйлә байтак кына диалекталь рельеф атамалары менән танышалар. Әйтәйек, Бәрзе Балаһы үзенә сәйәхәтә ваҡытында йылғаның Үлгин тип аталған бер урынына барып сыға. *Үлген* һүзе әй, урта урал һөйләштәрендә “йылғаның тымыҡ кына аккан тәрән ере (омут)” тигәнде аңлата [Башкорт теленең диалектологик һүзлегә 2002, 432]. Был хакта автор үзе лә повестың “Үлгин. Мәрхәмәтлелек” тигән бүлегендә аңлатма биреп үтә. Ә бына “*Өс Тарбат*” тигән бүлектә иһә Бәрзе Балаһы “кайнап, ажғырып, күбекләнеп яткан Өс Тарбат” менән таныша. Автор *тарбат* һүзенә түбәндәге аңлатма бирә: “Йылғаның тау-таш араһында өскә бүленеп, яңынан килеп кушылған урыны” [Ғәбизулла 2001, 26]. Языусы шулай ук “Сихырланған кәгиттәр” тигән бүлектә таныш булмаған *кәгит* ихтионимын куллана. Автор үзе: “Кәгиттәр – үсеп еткән бәрзе балалары (*авт. хариус*)” – тигән аңлатма бирә [Ғәбизулла 2001, 21].

“Башкорт теленең академик һүзлегә”ндә (IV том, 2013) *кәгит* һүзенә фонетик варианты *кәгет* тип бирелгән. Аңлатмаһы – “корман балыктар ғаиләһенә караған йәшел һыртлы йока ғына йылтыр йылға балығы (синец)”. Был һүзлеккә *кәгет* (*кәгит*) һүзенә ‘бәрзе’ тигән мәғәнәһен дә индерергә кәрәктер.

Килтерелгән миҫалдарҙан ғына ла күренеүенсә, һүзәң бәсен һәм кәзерен яҡшы белгән Ғ. Зарипов, үзенә зур булмаған повесында байтак кына диалектизмдар кулланып, телебезҙе байытыуға, айырым һүзәрҙең онотолоп йәки бөтөнләй юғалып калмауына үз өлөшөн индергән.

Әҙәбиәт

Башкорт теленең академик һүзлегә / Ф.Ф. Хисамитдинова редакцияһында. IV том. – Өфө: Китап, 2013. – 881 б.

Башкорт теленең диалектологик һүзлегә (Рәсәй Фәндәр академияһы. Өфө фәнни үзәгенә Тарих, тел һәм әҙәбиәт институты). – Өфө: Китап, 2002. – 432 б.

Зарипов Ғ. (Ғәбизулла). Бәрзе Балаһы. – Өфө: Башкортостан “Китап” нәшриәте, 2001. – 48 б.

Әхмәтйәнов К.Ә. Әҙәбиәт теорияһы. Үзгәрешле 3-сө баһма. – Өфө: Китап, 2003. – 392 б.

Әхтәмов М.Х. Хәзәрә башкорт теле. Лексикология, фразеология, лексикография: Укыу кулланмаһы. – Өфө: Башкорт дәүләт университеты, 2002. – 208 б.

Вахитова А.Г., г. Бирск

МОНГОЛИЗМЫ В ГОВОРАХ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

История языка, в особенности история его лексики, тесно связана с историей народа – носителя данного языка. Процесс развития и формирования лексики происходит в языке во все периоды его функционирования. При этом ведущую роль играет своя исконная лексика, которая пополняется путем развития внутренних языковых ресурсов и путем заимствования слов из других языков. В башкирском языке встречаются заимствования из самых различных языков: арабского, персидского, русского и т.д. Все эти заимствования изучаются по школьной и вузовской программе. Особенный интерес представляют собой башкирско-монгольские языковые связи, однако монгольские

заимствования отдельно не изучаются. Их просто рассматривают как тюрко-монгольские лексические параллели.

Э.Ф. Ишбердин, изучивший историческое развитие лексики башкирского языка, предложил несколько критериев, способствующих выявлению монголизмов в башкирском языке. Относительно определения степени ареальной распространенности монголизмов ученый использовал лингвогеографический метод. По результатам исследования Э.Ф. Ишбердина монгольские заимствования в основном распространены в южных и восточных зонах территории проживания башкир.

К примеру, можно выделить следующие монголизмы: *конажын* “трехлетняя кобыла”, *мулда* “холка”, *небэ* “ложное ребро; кусок мяса, вручаемый как приз”, *нөгэр* “товарищ жениха, сопровождающий его в дом невесты”, *бурбай* “икры ног”, *дунала* “боярышник”, *һалһа* “клещ”, *эжегэй* “красный творог” и т.д. [Ишбердин 1986, 30-31]. В сальзигутском говоре, представители которого восходят к монгольским племенам, Н.Х. Максютлова обнаружила такие заимствования из монгольского языка: *алыйа* “жизнерадостный” – монг. *аила* “резвый, шаловливый”, *бойт* “далеко, отдаленно” – *буйд* “отдаленный, захолустный, безлюдный”, *далин* “богатство” – монг. *даалин(г)* “кошелек, чехол для табакерки”, *жыртан* “узкоглазый” – монг. *жийтан* “узкоглазый; кокетка” [Максютлова 1981, 245].

Узнать о том, как много вошло монголизмов в систему башкирского языка возможно после тотального сравнения лексического состава всех говоров с лексикой монгольских языков. При этом необходимо учитывать наличие слов в древнетюркском языке и в других тюркских языках, например, в огузских. Некоторые монгольские заимствования невозможно отличить от исконных слов, так как они претерпели структурные и семантические изменения, во многих случаях утеряны те или иные компоненты в структуре слова. Рассмотрим несколько монголизмов, функционирующих в диалектах башкирского языка [Вахитова 2008, 216].

Башк. (сакм.) *алакан*, монг. *алага*, *халаган*, п.-монг. *алаган*, *алага*, *алга* “ладонь”. Ср.: тур. диал., каз., ккалп., кирг., алт. *алакан*.

Исходя из некоторых источников, можно предположить, что это слово является фонетическим вариантом слова тюрк. *ал* “рука”. Однако, отсутствие данной лексемы в древнетюркском языке и наличие собственно тюркских *ус*, *айа* говорит о монгольском происхождении слова. К тому же, словообразование посредством афф. *-акан* необъяснимо на почве тюркских языков.

Башк. (сев.-зап.) *көлкай*, *көлкэй*, *көлөкэй*, (гайн.) *көлөкей* “жеребенок”, (караид.) *көлкә* “шишка еловая”, монг. *гөлөг* “почка, зародыш, росток, глазок клубня”. Тур. диал. *гули* “новорожденный щенок”.

Что касается, башкирских форм, то речь может идти о переаимствовании: т.е. тюрк. *күчүк* проникло в монгольские языки и в форме *гөлөг* обратно заимствовано в говоры башкирского языка.

Башк. (сев.-зап.) *капсал* “дебри, подводное углубление в береговом склоне”, (айск.) *капсал* “порог (на реке)”, монг. *хавцал* “ущелье, теснина, горный проход, подножье горы, балка”. В качестве производящей основы для создания этого слова выступает монгольский глагол *хавчи* – “ущемлять, жать, зажимать”. При помощи афф. *-л* в монгольских языках образуются слова с отвлеченным значением, т.е. монг. *хавцал* – буквально означает “ущемление, сжатие”.

Башк. *ейәнсәр* “внучка” < монг. *зээнцэр* “правнук, правнучка” < *зээ* “внук, внучка” + монг. *-нцар*.

Чётко выявленный в монгольском языке характер оформления вторичных основ (оформления корня аффиксами) способствует выделению монголизмов. В то же время известно, что морфемы отдельно от слов обычно не заимствуются. Ср.: монгольские словообразовательные аффиксы: *-нцар//цар*, *-сун*, *-л*, *-жин*, *-т(ай)*, *-гана*, *-тан*, *-лт* и т.д.

Башк. *конажын* “трехлетняя кобыла (корова)” < монг. *гунж(ин)* “самка трех лет”; башк. *дүнәжен* “четырёхлетняя кобыла (корова)” < монг. *дөнж(ин)* “четырёхлетняя (о

самке животных)”. В словах *гунж(ин)*, *донж(ин)* выделяется афф. **-ж(ин)**, который, по некоторым данным, считается реликтом выражения категории грамматического рода в монгольском языке.

В башкирском языке слово *саскау* “изморозь, иней” является заимствованием из монгольского языка. Башк. *саскау* < монг. *цас* “снег”, корневая морфема которого вычленяется в следующих монгольских словах: *ца-л* “седой”, *ца-га-ан* “бельмо”, *ца-й-ра* “белеть, светлеть”, *ца-га-с* “бумага”, *ца-й-вар* “беловатый, светлый”, *ца-н(г)* “изморозь”. Здесь все эти слова имеют общую семантическую основу – значения слов исходят от основного значения «белый».

Возможно, монголизмами являются следующие слова:

Башк. (демск., ток-соран.) *эмзэ* “вид горного дикого лука” – монг. *амса-* “пробовать, отведывать”. Эта лексема представлена в алт., хак., шор. языках: *амза-* “угощаться, пробовать”.

Башк. (сакм.) *азыр* “плоскогорье” – монг. *адарга* “холм”.

Башк. (сакм.) *йалагай* “мужская островерхая шапка” – монг. *жалага* “кисточка на шапке”.

Башк.(сев.-зап.) *өргэ-* “расплодиться, размножаться”, (средн.) *өргэ-* “разбогатеть” – монг. *эруке* “двор, хозяйство”. Ср.: алт. *өрөкө* “двор, хозяйство”.

Башк.(арг.) *өрөм* “кусочки сала, приправляемые в бишбармак”, (сальз.) *өрөм* “навар” – монг. *өрүме* “пенка с кипящего молока”. Ср.: алт. *өрөме*.

Таким образом, выясняется, что в фонетическом и лексическом составе, грамматическом строе башкирского языка немало монгольских форм, элементов. Наличие отмеченных монголизмов имеет важное значение в изучении истории формирования как башкирского, так и ряда других тюркских языков.

Литература

- Вахитова А.Г. Башкирско-монгольские лексические параллели. – Бирск: БирГСПА, 2008.
Вахитова А.Г. Башкирско-монгольские языковые связи (на материале лексики). – Уфа: Гилем, 2009.
Ишбердин Э.Ф. Историческое развитие лексики башкирского языка. – М.: Наука, 1986.
Максютова Н.Х. Башкирско-монгольские языковые связи (на материале сальютского говора башкирского языка) // Лингвогеография, диалектология и история языка. – Кишинев: Штиинца, 1981.

Иванов В.А., г. Москва

ПОДЗЫВНЫЕ СЛОВА В ФИННО-УГОРСКИХ И РУССКИХ ДИАЛЕКТАХ И ИХ СВЯЗЬ С НАЗВАНИЯМИ ЖИВОТНЫХ

Работа поддержана грантом РФФИ № 13-06-00884 «Исследование морфосинтаксических параметров межъязыкового варьирования в уральских и алтайских языках».

1. Подзывные слова как объект исследования

Живые народные говоры – как русские, так и финно-угорские, – чрезвычайно богаты словами-сигналами для клича и отгона животных, обобщенно называемыми подзывными словами. В «Словаре русских народных говоров» их насчитывается 246 [Кандакова 2003, 4], в «Ярославском областном словаре» – 458. Но при этом в литературный язык из них попадают лишь единицы; так, в «Словаре современного русского литературного языка» насчитывается всего девять слов клича (*гуль-гуль*, *гуля-гуля*, *кис-кис*, *тпрюси-тпрюси*, *утя-утя*, *уть-уть*, *ути-ути*, *цып-цып*, *цыпыньки-цыпыньки*), а также несколько слов отгона и команд (ср. *брысь*, *кыш*; *тпру*). По поводу особенностей фиксации подзывных слов в словарях см. также [Шляхова 2004].

Подзывные слова имеют статус лингвистической периферии и редко привлекают внимание исследователей. А. М. Пешковский вовсе выводил подзывные слова за рамки языка «как системы социальных знаков человеческого общежития» [Пешковский 1956, 168]. В грамматиках они либо вовсе игнорируются, либо упоминаются вскользь в связи с междометиями и звукоподражаниями. Подзывные слова традиционно входят в программы

обследования говоров, учитываются при составлении диалектологических атласов и словарей. Но в рамках диалектологии подзывные слова рассматриваются только как черта «индивидуального портрета» конкретного говора, их лингвистические свойства подробно не исследуются.

Специальных работ по подзывным словам в русских говорах насчитывается буквально единицы. Это прежде всего небольшие статьи [Германович 1954; Жбанкова 1959; Азарх 1977], раздел в книге [Германович 1966], диссертация [Кандакова 2003]. Работы по подзывным словам в финно-угорских говорах практически отсутствуют.

2. Лингвистические особенности и происхождение подзывных слов

По своей функции подзывные слова сближаются с междометиями (точнее, с императивными междометиями), с той только разницей, что адресованы они животным, а не людям. Также как и междометия, подзывные слова употребляются в синтаксически изолированной позиции – как «эквиваленты предложения». Этим определяется их просодическая самостоятельность, а значит и возможность для развития и сохранения нестандартных фонетических черт.

Среди таких черт можно отметить нестандартные «фонемы» и сочетания фонем (ср. губно-губной вибрант, обозначаемый обычно *mpr*-; губной шнальц при подгоне лошади). А.А. Реформатский относил подзывные слова к числу фактов «неканонической фонетики» [Реформатский 1966]. Экспрессивностью, эмоциональностью подзывных слов определяется убыстренный темп речи, бóльшая громкость звучания и особая интонация. Для слов клича характерно несколько повторов с растягиванием гласных в первых элементах: *у-утя-утя-утя*, *цы-ыпа-цыпа-цыпа* и т.п. При большом числе повторов возможна редукция некоторых элементов (например, утрата безударного гласного) и переразложение (изменение в структуре слогов), ср. русск.: *у-утя-утя-утя* – *уть-уть-уть* – *тю-тю-тю*, *оўса-оўса-оўса* – *ўса-ўса-ўса* – *саў-саў-саў*, *кабась-кабась-кабась* – *баська-баська-баська*.

Многие подзывные слова являются производными от подражаний звукам животных, что роднит их со звукоподражанием. Другим важным источником образования подзывных слов служат знаменательные слова, обозначающие обычно понятия, связанные с животными, ср. из русск.: *лапы-лапы* для подзыва гусей (от *лапа*), *сень-сень* для подзыва жеребят (от *сено*), *пéти-пéти* для подзыва петухов (от *Петя* – общеупотребительное имя для петухов), *оўса-оўса* для подзыва лошадей (от *овёс*) [Кандакова 2003, 125–127]. Особую роль здесь играют названия животных, ср. такие очевидные примеры из русск. как *кабась-кабась*, *каняш-каняш* или даже *струсь-струсь* (подзыв для страусов на Кубани). Образование подзывов от знаменательных слов происходит «неканонически»: за счет усечений или наращений основы, нестандартных чередований и т.д. Подробно о словообразовательных типах подзывных слов для коров и лошадей в русских говорах см. [Азарх 1977].

В случае подзывных слов имеет смысл говорить скорее не о словообразовании в морфологическом смысле, а о создании мотивированного знака, в своей форме (звучании) имеющего нечто общее со своим объектом. Это общее может выражаться как в сходстве с названием объекта (когда сигнал мотивирован названием животного), так и в сходстве с некоторой характеристикой объекта, а именно «голосом» (когда сигнал мотивирован подражанием крику животного).

3. Подзывные слова как часть изобразительной системы языка

Итак, среди отличительных особенностей подзывных слов следует выделить прежде всего следующие.

1. Высокая степень экспрессивности и эмоциональности.
2. Принадлежность к устной речи и народным говорам.
3. Большая вариативность по говорам.
4. «Неканонические» черты в области фонетики и морфологии.

6. Особая синтаксическая позиция и просодическое оформление.

7. Узкая, специфическая семантика: подзывное слово в конкретном говоре закреплено за одним видом животного. Смещения и пересечения, которые иногда могут происходить, получают обычно специальное объяснение. См. о сходстве подзывов для коров и лошадей в русских говорах [Азарх 1977, 227].

8. Мотивированность, то есть прямая связь между звучанием и значением.

Тем не менее, данные особенности, даже вкуче с весьма специфической функцией, не дают оснований согласиться с А.М. Пешковским, выведившим подзывные слова за рамки языка. Дело в том, что такие особенности свойственны значительному пласту лексики, который мы называем вслед за С.В. Ворониным изобразительной системой языка [Воронин 1982]. Подзывные слова, по нашему мнению, должны рассматриваться как составная часть изобразительной системы языка.

Изобразительными могут быть глаголы, существительные и другие «традиционные» части речи. Однако подчас определить частеречный статус изобразительного слова оказывается весьма затруднительно. Некоторые исследователи финно-угорских языков выступают за выделение подобных слов в отдельную часть речи [Кривошекова-Гантман 1964; Шибанов 2010]. В типологической литературе выделяется специфический класс идеофонов, представляющий собой, по сути, класс изобразительных слов с особым лексико-грамматическим статусом [Voeltz, Kilian-Hatz (eds.) 2001].

Неопределенный частеречный статус является следствием одного из интереснейших свойств изобразительной лексики – способности проникать во всевозможные зоны переходности [Бабайцева 2000] или, другими словами, зоны частеречного синкретизма. Частеречным синкретизмом называется возможность слов одной части речи принимать на себя некоторые грамматические признаки и функцию другой части речи. В похожем значении используются также термины модулирующая категория, кумуляция, конверсия, трансляция, репрезентация, транспозиция и др. [Кузнецова 2007]. Явления частеречного синкретизма следует отличать от грамматической омонимии (омоформ).

Проиллюстрируем данное положение несколькими примерами. «Грамматика современного удмуртского языка» [ГСУЯ 1962] относит слово *боз-боз* (выражает низкие звуки голоса) к междометиям. Тем не менее, в действительности в языке это слово может употребляться в функции наречия (ср. удм. диал. *боз-боз вераськыны* ‘говорить низко’, т.е. низким голосом) или прилагательного (ср. удм. диал. *боз-боз куара* ‘низкий голос’).

Обратный пример можно найти в «Грамматике мордовских языков» [ГМЯ 1962], где одно и то же слово мокш. *дубор-дубор* ‘с сильным топотом, грохотом’ рассматривается одновременно в двух разделах (о междометиях и о наречиях), причем в совершенно сходных употреблениях: ср. мокш. *дубор-дубор ласькихть иттне* ‘с топаньем бегут дети’; *дубор-дубор арды* ‘с грохотом едет’.

Широко демонстрируют данное свойство и русские эмоциональные междометия типа *ах, ох, ого-го* и т.п. Сближаясь с существительными, они получают возможность употребляться в соответствующих синтаксических позициях, ср. в позиции подлежащего: *Громкое «ой!» разбудило меня*. Слова *ах* и *ох* при субстантивации даже могут получать склонение (ср. *ахи, ахов* и т.д.). Возможно также употребление в позиции глагольного сказуемого (*Он ух его по голове*), присвяточной части сказуемого (*Характер у нее – ого-го!*) и некоторых других, см. подробный анализ в [Середа 2004].

Синкретические свойства подзывных слов как в русском, так и в финно-угорских языках остаются практически неисследованными. Далее будет рассмотрен один случай сближения подзывных слов с существительными, а именно, возможность употребления подзывного слова в качестве названия животного соответствующего вида.

4. Подзывные слова и их связь с названиями животных

Выше уже было сказано, что названия животных являются важным источником образования подзывных слов. Причем некоторыми авторами этот источник даже

переоценивается. В частности, академические русские грамматики указывают такой вариант происхождения подзывных слов как безальтернативный, что опровергается исследованиями говором. А вот возможность использования подзывных слов в качестве названия животных упоминается лишь эпизодически. Как справедливо отмечает А.И. Германович, подзывных слов, которые можно легко связать с бытовыми названиями животных, сравнительно немного [Германович 1966, 7]; к тому же направление образования в случаях вроде *цыпа* > *цып-цып*, *киса* > *кис-кис* может быть оспорено. Наоборот, известны случаи, когда название животного образовано от подзывного слова, ср. русск. диал. *тпруко́ня* ‘коровушка’ из *тпруко* ‘подзыв коровы’. Исследование данных финно-угорских говором и сравнение их с данными русских говором позволяет сделать вывод о том, что такая ситуация отнюдь не является редкостью.

Нами были исследованы в полевых условиях два финно-угорских говора: один мокшанский (с. Лесное Цибяево Темниковского района Республики Мордовия, центральный диалект) и один удмуртский (д. Шамардан Юкаменского района Удмуртской республики, бесермянское наречие). Полевая работа была поддержана грантом РГНФ №14-04-18043 «Экспедиция по сбору данных уральских и алтайских языков». Мы сравним данные по двум исследованным говором с имеющимися данными по другим говором этих языков, а также с данными по говором русского языка. Наши данные по удмуртскому языку будем соотносить со словарем [УРС 2008], по мокшанскому – со словарем [МРС 1998]; также будем придерживаться орфографии, принятой в этих словарях.

Подзывные слова для овец. В удмуртском языке в ходе полевой работы нами зафиксировано для подзыва овец слово *чиге-чиге*, что согласуется с данными словаря. В обследованном говором для названия овцы это слово не используется, однако в других говором зафиксировано слово *чигы* (детское) ‘овца, овечка’ при нейтральном названии овцы *ыж*. Для подзыва ягнят (а также иногда и овец) используется слово *пле-пле* (в др. говором также *бли-бли*, *блие-блие*, *плие-плие*), оно же в форме *пльы* служит для ласкового названия ягненка (при нейтральном *ыжти*). Ср. в этой связи коми-зырянское *баля* ‘овца’.

В мокшанском языке для подзыва овец нами зафиксировано слово *вяця-вяця* (в др. говором также *вяць-вяць*), которое используется одновременно и для названия овцы (при нейтральном *уча* ‘овца’). Ср. русск. подзыв овец *вечь-вечь*, *вец-вец*, *вячь-вячь* и существительное *вечка* ‘овечка’, а также глагол *вечет* ‘блеет’ (рязанские говором) [Жбанкова 1959]. Скорее всего, данный подзыв происходит от усеченного русск. *овечка*, хотя Т.С. Жбанкова предполагает звукоподражательное происхождение.

Подзывные слова для коров. В обследованных нами говором специальные подзывные слова для коров отсутствуют. Коров в хозяйстве обычно не более двух (чаще всего – одна), и они получают клички, которые и используются для подзыва. В то же время русские говором отличаются большим разнообразием подзывных слов для коров [Азарх 1977]. Однако это разнообразие сводится в основном к различным репрезентантам губно-губного вибранта, обозначаемого обычно *тпру-*. Этот вибрант зафиксирован нами в словах отгона коров удм. *тпруч*, мокш. *тпруга*. Последнее также используется как детское название теленка: мокш. *тпруганя* (при нейтральном *вазень* ‘теленка’), где *-ня* – уменьшительный суффикс. Тот же вибрант зафиксирован в слове удм. *тпруко́нь*, которое используется для успокоения коровы во время дойки и как ласковое название коровы, ср. удм. *тпруко́ньёс локто* ‘коровушки идут’ (при нейтральном *скал* ‘корова’). Интересно, что при употреблении в качестве существительного вибрант *тпру-* не меняет своего качества и остается нечленораздельным с точки зрения фонологии. Ср. выше русск. *тпруко́ня* ‘коровушка’ (вятские говором) [Азарх 1977].

Подзывные слова для лошадей. Губно-губно вибрант играет ведущую роль и в сигналах для лошадей как в русских [Азарх 1977], так и в финно-угорских говором. *Тпру* – общепринятый сигнал для остановки лошади – используется и в обследованных говором. В качестве сигнала дать задний ход используется удм. *тпрусь*. Зафиксировано также удм. *гулю-гулю* – подзыв жеребенка, слово *гулю* используется также в значении ‘жеребенок’ (при обычном *чуньы* ‘жеребенок’).

Подзывные слова для кошек. Для удмуртского языка нами зафиксирован подзыв кошки *пись-пись* при *писяй* ‘кошка’ (заимствование из тюркских языков). Интересно, однако, что подзыв *пись-пись* используется и в тех удмуртских говорах, где кошку называют словом *кочыш*. Также используется и общепринятое *кыс-кыс, кис-кис, кс-кс-кс* и т.п., ср. удм. *кыс, кысэ* (детское) ‘кошка’. Для отгона кошки используется удм. *пирыс* (ср. русск. *брысь*), оно же, по данным словаря, в некоторых говорах может служить наименованием кошки.

Подзывные слова для собак. Наиболее употребительным словом для подзыва собак в русских говорах является *куть-куть* с вариантами *кутю-кутю, кутют-кутют* и подобными; также употребляются и связанные с этим подзывом названия собаки или щенка [Германович 1954]. Для удмуртского языка нами зафиксирован подзыв щенка *куча-куча* и название *кучани* ‘щенок’; для мокшанского подзыв *кутю-кутю* и название *кутю* ‘щенок’, ср. в других говорах мокш. *кутерь* ‘щенок’.

Подзывные слова для домашних птиц. Для подзыва гусей нами зафиксированы удм. *дйго-дйго*, а также *дйго* в значении ‘гусь’ (при обычном *жэзег* ‘гусь’), мокш. *тега-тега* (*маци* ‘гусь’). Ср. русск. *тега-тега, тига-тига, диги-диги, дига-дига* и т.п., а также диалектные названия гуся *теги, тежиньки* [Германович 1954].

Для подзыва уток в мокшанском, как и в русском, используется *ута-ута, утя-утя* (мокш. *яксярга* ‘утка’), а в удмуртском *вити-вити*, используемое также и для наименования утки *вити* (при обычном *йёж* ‘утка’). Ср. русск. *вити-вити* для подзыва гусей (рязанские говоры) [Жбанкова 1959].

Для подзыва кур и цыплят в удмуртском зафиксировано *чипы-чипы*, используемое иногда также для наименования цыпленка (при обычном *курег* ‘курица’, *курегни* ‘цыпленок’). В мокшанском для подзыва используется *типа-типа* или *ципа-ципа* (*сараз* ‘курица’, *сараз лефкс* ‘цыпленок’).

В удмуртском также зафиксировано специально слово для подзыва птичьего молодняка (утят, гусят, цыплят) *тю-тю-тю*. Оно же в форме *тютю* или *тютюпи* используется для названия птичьего молодняка. Ср. русск. *ти-ти-ти* для подзыва цыплят (рязанские говоры) [Жбанкова 1959].

5. Выводы

В п. 3 было показано, что подзывные слова могут быть отнесены к так называемой изобразительной лексике, одним из характерных свойств которой является способность проникать в зоны частеречного синкретизма и принимать на себя некоторые признаки других частей речи. В случае подзывных слов это выражается в возможности употребления их в качестве названий животных соответствующих видов. В целом подзывные слова необходимо рассматривать как часть изобразительной системы языка.

Заметим, что этот вывод поддерживается также схожим свойством подражаний звукам животных (несомненная составляющая изобразительной системы), которые также могут быть использованы для наименования животных: ср. мокш. *гага* ‘гусь’, удм. *гагак* ‘гусь’, мокш. *мев* ‘кошка’, мокш. (детское) *авав* ‘собака’ и т.п.

Сравнение данных финно-угорских и русских говоров позволило выявить явные параллели не только между родственными языками, но также и между генетически далекими. Отсюда можно сделать вывод, что в исследованиях подзывов следует учитывать не только генетический, но и ареальный аспекты. Это также хорошо согласуется с представлениями об изобразительной лексике (ср. понятие пантопия в [Воронин 1982]).

Такое явление, как переход подзывных слов в существительные – названия животных, позволяет судить о наличии внутриязыковых связей подзывных слов, что указывает на их интегрированность в систему языка. В связи с этим отнесение подзывных слов к лингвистической периферии и невнимание к ним со стороны лингвистов кажется несправедливым. В ходе дальнейших исследований могут быть обнаружены и другие

особенности подзывных слов, не связанные напрямую с их основным употреблением как сигналов для животных. Таким образом, данный класс обязательно должен учитываться при исследовании лексического состава языка (говора, диалекта): в противном случае некоторые языковые реалии просто окажутся без удовлетворительного объяснения.

Литература

Азарх Ю.С. Подзывные слова для коров и лошадей в русских говорах // Диалектологические исследования по русскому языку. – М., 1970. С. 226–247.

Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка. – М., 2000. – 640 с.

Воронин С.В. Основы фоносемантики. – Л., 1982. – 244 с.

Германович А.И. Междометия русского языка: Пособие для учителя. – Киев, 1966. – 171 с.

Германович А.И. Слова клича и отгона животных в русском языке // Известия Крымского пед. ин-та, 1954. Т. 19. С. 207–328.

ГМЯ = Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Часть 1. Фонетика и морфология / под ред. Коляденкова М.Н., Заводова Р.А. – Саранск, 1962. – 376 с.

ГСУЯ = Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология / отв. ред. Перевошиков П.Н. – Ижевск, 1962. – 376 с.

Жбанкова Т.С. Подзывные и подобные им слова в рязанских говорах // Ученые записки Рязанского гос. пед. ин-та, 1959. Т. 25. С. 415–418.

Кандакова Е. Н. Подзывные слова как особая функционально-грамматическая группа (На примере ярославских говоров). Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Ярославль, 2003. – 193 с.

Кривошекова-Гантман А.С. Место изобразительных слов в системе частей речи коми-пермяцкого языка // Вопросы финно-угорского языкознания. Грамматика и лексикология. – М.; –Л., 1964. С. 112–121.

Кузнецова А.И. Вербальная репрезентация в уральских языках // Конференция по уральским языкам, посвященная 100-летию К.Е. Майтинской. Тезисы. – М., 2007. С. 120–126.

МРС = Мокшанско-русский словарь / Под ред. Б.А. Серебренникова, А.П. Феоктистова, О.Е. Полякова. – М., 1998. – 920 с.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956. – 511 с.

Реформатский А.А. Неканоническая фонетика // Развитие фонетики современного русского языка. – М., 1966. С. 96–109.

Середа Е.В. Место междометий в системе частей речи. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 2004. – 250 с.

УРС = Удмуртско-русский словарь / Кириллова Л.Е. (отв. ред.). – Ижевск, 2008. – 925 с.

Шибанов А.А. Наречия и подражательные слова в удмуртском языке // Вестник Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. 2010. Вып. 49, №34 (215). С.133–137.

Шляхова С.С. Дребезги языка: Словарь русских фоносемантических аномалий. – Пермь, 2004. – 226 с.

Voeltz F. K. E., Kilian-Hatz C. (Eds.) Ideophones. Typological studies in language 44. – Amsterdam/ Philadelphia, 2001. – 434 p.

Ильева А.А., г. Бирск

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЛЕКСИКИ БАЛТАЧЕВСКОГО ГОВОРА МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

Исследование лексики балтачевского говора марийского языка с точки зрения ее современного состояния является одной из важных проблем марийской диалектологии. Лексический пласт данного говора совпадает в основном с общенародной лексикой марийского языка. Вместе с тем принадлежность носителей говора к иной этнолингвистической группе, длительное проживание в иноязычном окружении, оторванность от основной массы марийского населения и сравнительно слабое воздействие литературного языка обусловили специфику говора и в области лексики.

В балтачевском говоре много локально окрашенных слов, которых нет в литературном языке. Внутри диалектной лексики можно выделить несколько типов слов в зависимости от того, что соответствует тому или иному диалектному слову в литературном языке. Основным словарным фондом марийского языка на всем протяжении его развития являются, прежде всего, исконно марийские слова. Они составляют большое количество слов, употребляющихся в настоящее время в нашем языке, и образуют основную часть его богатства.

По сходству слов, корней, аффиксов, фонетических, грамматических признаков, по сходству происхождения и развития марийский язык восходит к финно-угорской языковой семье. Финно-угорский праязык имел довольно богатую лексику. Распавшись на отдельные языки, он отдал им, в том числе и марийскому языку, значительную часть своего словарного запаса. Данные слова составляют основной словарный фонд и отражают различные сферы человеческой деятельности. Наличие одинаковых слов в других финно-угорских языках доказывает их происхождение из одного языка-основы и свидетельствует об их взаимодействии. Лексика говоров находится в состоянии непрерывного изменения и развития. В результате этого процесса часть слов уходит из активного запаса, т.к. степень устойчивости диалектных слов различна: одни сохраняются у всех носителей языка, другие у представителей старшего поколения [Ананьина 1989, 101]. Поэтому изучение диалекта в его современном состоянии является важной задачей диалектологов. В этом отношении наибольший интерес представляет заимствованная лексика, изобилием которого отличается балтачевский говор. Взаимный контакт и воздействие с языками других систем привели к проникновению в словарный состав балтачевского говора огромного количества заимствованных слов.

Лексика балтачевского говора отличается своеобразием, как и другие говоры восточного наречия марийского языка. Многовековое совместное проживание и культурно-исторические, экономические взаимосвязи с представителями других национальностей наложили определенный отпечаток на речь балтачевских марийцев, в частности, на лексику говора.

Как было сказано выше, словарный состав говора в своей основе содержит слова, восходящие к финно-угорскому языку-основе, к волжской и собственно-марийской лексике, например: мар. *шиньдья* 'глаз', удм. *син*, фин. *silmä*, эст. *silm*, морд. *сяльме*, хант. *sem*; венг. *szem*; мар. *кут* 'руки', удм. *ку*, фин. *käsi*, эст. *käsi*, морд. *кедь*, венг. *kez*; мар. *ур* 'белка', фин. *orava*, эст. *orav*, эрз. морд. *ур*, коми. *ур*, саам. *oarre*; мар. *лудо* 'утка', фин. *lintu* 'птица'; хант. *lönt*, манс. *lunt* 'гусь', венг. *lúd*; мар. *нормо* 'слепень', фин. *paarma*, венг., эст. *parm*, морд. *промо*, хант. *pirem* 'овод'; мар. *изай* 'брат', фин. *isä* 'отец', венг. *ös*, эст. *isa*, морд. *оця* 'брат отца', хант. *asi*; мар. *кем* 'сапоги', морд. *кеме*, коми *кõм* 'обувь', фин. *kenkä*; мар. *койа* 'сало', удм. *кõй*, фин. *kuu*, венг. *haj*, морд. *куя*; мар. *уй* 'год', фин. *ikä* 'возраст', венг. *ev*, эст. *igä* 'возраст', морд. *ие*, саам. *jâkke* 'год'; мар. *шымьт* 'семь', удм. *сидьым*, фин. *seitsemän*, венг. *het*, эст. *seitse*, морд. *сисем* мар. *мый* 'я', удм. *мон*, фин. *minä*, венг. *én*, эст. *mina*, *та*, морд. *мон*, хант. *ма* и др.

Как правильно отмечают Д.Е. Казанцев и Г.С. Патрушев, «финно-угорские слова в марийском языке занимают особое место. Этот словарный фонд явился той лексической основой, на которую в дальнейшем наслаиваются слова, заимствованные из других языков или же образованные на почве марийского языка путем суффиксации и словосложения» [Казанцев, Патрушев 1972, 72].

Собственно марийские слова составляют наиболее многочисленный пласт лексики балтачевского говора. К собственно марийским словам можно отнести существительные, образованные при помощи суффиксов:

–ер: *кожер* 'ельник' от *кож* 'ель', *нõлпер* 'ольховник' от *нõллõ* 'ольха', *пõньдьер* 'сосновый бор' от *пõньдõ* 'сосна'.

–аш: *быльыкаш* 'березовые прутья для веника' от *быльык* 'веник', *тубыраш* 'материал для платья' от *тубыр* 'платье', *луаш* 'деньги достоинством в десять рублей' от *лу* 'десять';

-лык: *шудылык* 'сенокос, участок, предназначенный для косьбы' от *шудо* 'сено', *порылык* 'доброта' от *поро* 'добрый';

-ем: *куклем* 'чищоба, новь' от *куклаш* 'корчевать', *кучем* 'ручка, рукоятка' от *кучаш* 'держать', *пöртом* 'вихрь' от *пöртäш* 'вертеться'.

Имена существительные, образованные от глаголов при помощи суффикса - *маш*: *куштымаш* 'пляска' от *кушташ* 'плясать', *ындырымäш* 'мучение' от *ындырäш* 'мучить', *чонымаш* 'стройка' от *чонаш* 'строить' и многие другие.

Несмотря на это имеются и специфические слова, обусловленные межъязыковыми контактами.

Пополнение лексического фонда происходило в основном за счет заимствований из тюркских и русского языков. Для нас лексические заимствования «это слова, пришедшие из инородного языкового континуума, получившие фонетическое и грамматическое оформление средствами языка – реципиента, как результат тесных языковых контактов, без массового перехода населения на другой язык (часто язык завоевателей, государственный язык с более высоким социальным статусом, более массовый язык» [Мызников 1994, 14].

Тюркские (башкирский, татарский, чувашский) и русские заимствования по своей семантике весьма разнообразны. Они содержатся во всех тематических группах лексики и терминологии.

Для балтачевского говора источником тюркских заимствований послужили средний диалект языка казанских татар и северо-западный диалект башкирского языка, с которыми исследуемый говор находится в тесном взаимодействии, например: *дьамагат* 'семья; супруга' – тат. *жәмәгат* 'семья', башк. *йәмәгәт* 'общество; супруг, супруга'; *äбий* 'тетя, бабушка, форма обращения к пожилым женщинам' – тат. *әби* 'тж', башк. *әбей* 'тж'; *байза* 'свояк, муж сестры жены' – тат. *баҗа*, башк. *бажа* 'тж'; *вор-карак* 'вор' – тат. *бур*, *карак* 'вор', башк. *бур* 'вор', *карак* 'вор', *обыр* 'обжора' – тат. мишар. *обыр*, лит. *убыр* 'оборотень; обжора', башк. *убыр* 'обжора', *мыштырдык* 'ленивый человек' – тат. *мыштыр* 'тж', чув. *мәштәрккә* 'неповоротливый человек'; *дәрман* 'сила, энергия' – тат. *дәрман* 'энергия, могущество', башк. *дарман*, *порысь* 'долг' – тат. *бурьч*, башк. *бурьс* 'долг'; *ойзья* 'хозяин' – тат. *хәжуа*, башк. *хужа* 'тж', *шакылдаташ* 'стучать зубами' – тат. *шакылдатырга*, башк. *шакылдау* 'стучать, стучаться', чув. *шакылтат* 'стучать, греметь', *дьой* 'шов, рубец' – тат. *йөй*, башк. *йөй* 'тж' и др.

Характерной особенностью заимствованных русизмов является то, что они выражают, как правило, те явления или понятия, для названия которых нет исконных слов в марийском языке, например: *беранде* < рус. *веранда*, *угыл* < рус. *угол*, *мочыла* < рус. *мочало*, *саслонга* < рус. *заслонка*, *көршек* < рус. *горшок*; *кырендыр*, *кләндер* < рус. *крендель*, *дрожжа* < рус. *дрожжи*, *пива* < рус. *пиво*, *кипке* < рус. *кепка*, *сәпит* < рус. *велосипед*, *кучур* < рус. *кучер*, *пакос* < рус. *покос*, *уржа* < рус. *рожь*, *товар* < рус. *топор*, *пычал* < рус. *пищаль*, *оператсе* < рус. *операция*, *кантор* < рус. *контора*, *учетыл* < рус. *учитель*, *рестан* < рус. *арестованный*, *китрий* < рус. *хитрый*, *семьк* < рус. *семик* и др.

В конце можно сказать, что заимствованная лексика из тюркских и русского языков прочно вошла в лексико-семантическую систему балтачевского говора. В результате чего балтачевский говор обогатил свой лексический потенциал.

Литература

Ананьина К.И. Лексические особенности в говорах мокшанского языка // Вопросы лексикологии финно-угорских языков. – Саранск, 1989. С. 93 – 103.

Казанцев Д.Е., Патрушев Г.С. Современный марийский язык. Лексикология. – Йошкар-Ола, 1972. – 177 с.

Мызников С.А. Лексика прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Обонежья. Дис. ... канд. филол. наук. - СПб, 1994. – 412 с.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ГОВОРА ОРЕНБУРГСКИХ БАШКИР

Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ “Урал: история, экономика, культура” в рамках научно-исследовательского проекта “Формирование и традиционная культура юго-западной этнографической группы башкир”, № 14-11-02019.

В августе 2014 года в Оренбургскую область была совершена экспедиция группой из 9 сотрудников Института истории, языка и литературы УНЦ ФАНО под руководством к.и.н. М.М. Маннапова в рамках проекта “Формирование и традиционная культура юго-западной этнографической группы башкир”. Эта комплексная экспедиция работала по сбору историко-этнографического, лингвистического, археографического, фольклорного и археологического материалов.

Последняя крупная диалектологическая экспедиция по исследованию башкирских говоров была совершена в 1975-77 гг. под руководством д.ф.н. Н.Х. Максютовой. Сбор материала был осуществлен на основе «Программы по сбору материала для диалектологического атласа башкирского языка». В ходе экспедиции были изучены также говоры отдельных населенных пунктов Оренбургской области.

По классификации Дж.Г. Киекбаева язык оренбургских башкир соединяет в себе черты двух самостоятельных говоров южного диалекта башкирского языка – юшатырского (по современной классификации ик-сакмарский) и демского. К первому ученый относит говор башкир, проживающих по рекам Сакмар, Юшатыр, ко второму – язык башкир по рекам Тук и Соран. По сути Дж.Г. Киекбаев первым отметил разнохарактерность данной лингвистической группы.

Башкирские говоры Оренбургской области стали объектом исследования Р.Г. Азнагулова, Н.Х. Максютовой, С.Ф. Миржановой.

Р.Г. Азнагулов в своей кандидатской диссертации «Языковые особенности башкир Оренбургской области» (1972 г.) говор делит на три подговора – тукский, соранский, нижнесакмарский. Эти подговора отличаются друг от друга отдельными фонетическими и лексическими признаками. При этом каждый подговор элементы, объединяющие их в один единый говор. Тукский говор характеризуется отсутствием гортанного спиранта *h* в начале слова и слога. Соранский подговор по употреблению *h* является смешанным, т.к. у одного и того же носителя наблюдается чередование *h ~ ç*. В нижнесакмарском подговоре наблюдается тенденция к более частому употреблению звука *h* по сравнению с глухим *ç* [Азнагулов 1972, 8].

С.Ф. Миржанова в своей монографии «Южный диалект башкирского языка» (1979) описывает и язык оренбургских башкир. Автор не выделяет данный говор как отдельную диалектологическую единицу, а рассматривает в составе ик-сакмарского и демского говоров южного диалекта. Башкир Оренбургской области по лингвистическим особенностям диалектолог делит на *сурянских* (деревни – Старогумерово, Габдрафиково, Кунакбаево, Кутлумбетово, Мрясово, Кутучево, Исянгильдино – Новосергеевского, Переволоцкого, Александровского районов Оренбургской области) и *токских* (деревни – Яиково, Ниж.- и Верх. Ильясово, Староюлдашево, Бахтиярово, Абдулово, Юлтыево, Курпячево, Старогумерово, Канчерово, Исянгулово – Красногвардейского, Александровского районов). Язык сурянской зоны С.Ф. Миржанова относит к ик-сакмарскому, а токской – к демскому говору. Особенность первой зоны в употреблении *h* в начале слова и аффиксов, *ç* – в интервокале, ауслауте, иногда и в начале аффиксов. В токской зоне согласный *ç* выступает во всех позициях.

Н.Х. Максютова в своем исследовании (1996) язык башкир Оренбургской области описывает как самостоятельный говор (оренбургский). Она делит регион на язык племен кыпчак, юрматы, бурзян, усерген. Эти регионы друг от друга отличаются в употреблении гласных *ы, е, о, е, у, и*, согласных звуков *с, ç, h, х, ж, й, з, м, б* [Максютова 1996, 200]. К

сожалению, автор не дает перечень исследованных населенных пунктов и конкретные границы данных регионов.

Нами был изучен язык северо-западных районов (Тюльганский, Саракташский, Александровский, Красногвардейский) Оренбургской области. В данной статье мы представляем лингвистический анализ двух (Александровский и Красногвардейский) районов. В исследование были включены такие башкирские села и деревни, как Канчиново, Курпячево, Исангильдино (Александровский р-н), Булатово, Юлтый, Верхнеильясово, Среднеильясово, Нижнеильясово (Красногвардейский р-н). По классификации С.Ф. Миржановой данные населенные пункты относятся к двум говорам: ик-сакмарскому и демскому, по Н.Х. Максютковой к одной – северо-западной зоне оренбургского говора. Мы пока затрудняемся в принятии той или иной классификации, т.к. нами не были исследованы только юго-восточные районы Оренбуржья.

Ниже мы представляем обзор фонетических и лексических особенностей двух районов.

Система гласных

Одной из основных вокалических особенностей исследуемого региона является лабиализация гласного «а» в первом слоге во всех говорах южного диалекта башкирского языка: *a°зу* ‘яд’, *a°гыш / a°гым* ‘течение, поток’, *a°зау* ‘коренной зуб’, *a°к* ‘белый’, *a°заш* ‘тезка’, *ha°кал* ‘нагрудное украшение’.

Говору данной территории характерно мягкорядность словоформ: *эз* ‘мало’, *эсе* ‘кислый’, *сырыш* ‘морщина’, *дирэн* ‘глубокий’, *айран / a°йрэн* ‘айран (напиток из разбавленного водой кислого молока или курута)’, *байрам / бэйрэм* ‘праздник’. Однако слово *шал* ‘шаль’ наоборот произносится в большинстве случаев твердорядно – *шал*.

Существует случай делабиализации *у > и, ы*, который трудно объясняется комбинаторными условиями: *уклау* ‘скалка’ > *иклау, ыклау*.

Наблюдается переход гласных *е, и > э*: *кәсәртке* ‘ящерица’ > *кәсәртке, йетем* ‘сирота’ > *йәтим, ирлән* ‘хомяк’ > *әрлән*.

Лексема *көнбагыш* ‘подсолнух’ подвержена регрессивной аккомодации *көнбагыш > комбагыш*.

В системе согласных

Для инициальной позиции характерно употребление звонкого «б»: *бысак* ‘нож’, *быскы* ‘пила’, *бышылдау* ‘шептать’, *бешереу* ‘варить, готовить’, *ботак* ‘ветка’, но *пыяла / пияла* ‘стекло’, *пумала* ‘помело’, чем говор примыкает к ик-сакмарскому говору башкирского языка.

В Красногвардейском районе были зафиксированы словоформы с анлаутным «п»: *псән* ‘сено’, *псәй* ‘кошка (кот)’, *пыйма* ‘валенок’, *пышылдау* ‘шептать’, *пышкыру* ‘фыркать’, *псрак* ‘грязь’, что говорит о существовавшей связи с демским говором башкирского языка или о проживании на данной территории переселенцев демских башкир.

В говоре оренбургских башкир происходит процесс сонантизации анлаутного *б > м* под влиянием следующего сонорного (как и в большинстве башкирских говоров): лит. *бына* ‘част. вот’ > *мына*, лит. *бынан* ‘отсюда’ > *мынан*, лит. *бында* ‘вот здесь, тут’ > *мында*.

Инлаутный губно-губной смычный «п» подвержен спирантизации *п > ф*: *меңъяпрак / меңяфрак* ‘тысячелистник’, *керпек / керфек* ‘ресница’, *япрак / яфрак* ‘лист’.

Губно-губной круглощелевой «w» выступает в анлауте собственных (исконных): *уак* ‘мелкий’, *уакларға* ‘измельчать’, *уалсык* ‘крошка»; и заимствованных лексем: *уахыт / уакыт* ‘время’.

Классифицирующей особенностью южного диалекта является *йоканье*, что присуще и исследованным районам: [йегет] ‘юноша, парень’, [йелән] ‘зиянь’, [йеләк] ‘ягода’, [йөз] ‘сто’, [йүгән] ‘вожжи’, [йәйәу] ‘пешком’ и т.д.

Отмечено варьирование начальных дентальных взрывных *т ~ д*: лит. *тарән* ‘глубокий’ – оренб. *тирән / дирән*; лит. *тулкын* ‘волна’ – оренб. *тулкын / дулкын*; лит.

түмәр ‘чурбан’ – оренб. *дүмәр / дүмбәр*; лит. *туңгак* ‘пень, кочка’ – оренб. *дүмгак / дүңгак*; лит. *туңарак* ‘круглый’ – оренб. *туңарак / түгарак / дүгарак*; лит. *тан* ‘тело’ – оренб. *тан / дан*; лит. *тирмән* ‘мельница’ – оренб. *тирмән / дигермән / дегермән* и др. Особо сильное варьирование дает лексема *тилебәрән* ‘белена, дурман’ – оренб. *дилбән / дилвән / дилегән / дилбегән / дөйлөгән*.

В исследуемых районах функционируют формы с инлаутным «д»: лит. *ете* ‘семь’ – оренб. *еде*, лит. *йэтас* ‘дужка (грудная кость у птиц)’ – оренб. *йэдас*. Слово *ете* ведет себя особым образом в тюркских языках вообще: ПТ **jēd̥ti* – др.-тюрк. *jet̥i* – ср.-тюрк. *jet̥i* – тур., гаг., туркм. *йеди*, аз. *йедди*, тат. *жиде*, кар. *йеди*, чув. *сиччĕ*, каз., калп. *жетти*, уйг., алт. *йәтти* и др. Этимология слова *ете* неясна. По вышеуказанным примерам видно, что по употреблению звонкого варианта (йэде) оренбургский говор имеет сходство с огузскими языками.

Слово *йэтас* скорее болгарского происхождения, т.к. лексема и с нею связанная традиция наблюдается у башкир, татар, чувашей, балканских болгар и македонцев. В говорах башкирского языка данная лексема отличается особой вариативностью: (лит.) *йэтас* ‘дужка’ – юж. диал. (лит.) *сәтәш* ‘дужка’ – кыз., ай. [шәтәш] – сев.-зап., дем. среднеурал., уршак. [йәзәс] – оренб. [йәдәс] – кыз., кубалаяк. [сәтәс / сәтәш].

Разнойой в употреблении «ç» и «h» в инициалиях аффиксов: лит. *акһак* ‘хромой’ – оренб. *а°қсақ / а°кһак*, лит. *акһау* ‘хромать’ – оренб. *а°қсау / а°кһау*, лит. *һарымһак* ‘чеснок’ – *һарымсақ / һарымһак / һарымтак*, лит. *тунһа* ‘порог’ – оренб. *тунһа / тунса*, лит. *анһын* ‘жёны родных братьев по отношению друг к другу’ – оренб. *анçын / анһын*, что говорить о довольно смешанном характере языка данного региона.

Формы с плоскошевым глухим «ç» *çыр* ‘морщина’, *çыкһа* ‘если выйдет’, *çырланған* ‘морщинистый’, *çука* ‘плуг’, *çуқыр* ‘слепой’, *çакал* ‘борода’, *иçем* ‘имя’, *инәсе* ‘его мать’, зафиксированные в деревнях Верхне-, Средне- и Нижнеильясово Красногвардейского района, свидетельствуют о том, что их население является представителями демского говора. Отмеченная Р.Г. Азнагуловым как тукский подговор, С.Ф. Миржановой как демский говор, Н.Х. Максютковой как язык северо-западного региона оренбургского говора, ç-зона [северо-западный лингвистический ареал] (деревни Канчирово, Курпячево, Юлтыево Александровского района), сейчас испытывает сильное влияние h-зоны (юго-восточный регион). Ç-звук, который когда-то превалировал в тукской зоне, сейчас вытесняется h-звуком.

В некоторых населенных пунктах Красногвардейского района зафиксировано явление метатезы: лит. *беләзек* ‘браслет’ – оренб. *безәлек*, лит. *ашатлау* ‘перешагивать’ – оренб. *аташлау*.

Примечательно то, что в исследуемом регионе употребляются аффиксы прилагательного –*ак*, –*как*, свойственные восточному диалекту: лит. *йока* ‘тонкий’ – оренб. (вост. диал.) *йокак*, лит. *кыска* ‘короткий’ – *кыскак*, лит. *сонтор* – оренб. *сонток*.

Лексика, обозначающая родственные отношения

Различаются от литературного языка и восточного диалекта лексемы, обозначающие родственные связи: лит. *эсэй* ‘мать’ – оренб. *инэй*; лит. *өләсэй* ‘бабушка’ – оренб. *эсэй*; лит. *атай* ‘отец’ – оренб. *а°тай*; лит. *апай* ‘старшая сестра; тетья (младшая сестра матери или отца)’ – оренб. *а°пай*; лит. *инэй* ‘тетя (старше родителей по возрасту)’ – оренб. *эвей*; лит. *олатай* ‘дед’ – оренб. *картатай / ка°рттай*; *кайны* ‘свекорь’, лит., оренб. *кәйнә* ‘свекровь’, лит. *кайны* ‘тесть’ – оренб. *бавай*; лит. *кәйнә* ‘теща’ – оренб. *кайната*, *эвей*; *ба°жа* ‘свояк’, лит. *бикәс* ‘младшая свояченица (младшая сестра мужа)’ – оренб. *бикә*; лит. *балдыз* ‘младшая свояченица (младшая сестра жены)’ – оренб. *балдыз*, *кайынһеңле*; *кәйнеш* ‘младший шури́н’, лит., оренб. *еңгә* ‘невестка (жена старшего брата)’, лит. *һеңле*, *кусты* – оренб. *туғаным* ‘обращение ко всем своим родным братьям и сестрам’.

Таким образом, северо-западная лингвистическая зона Оренбургской области когда-то характеризовалась принадлежностью к двум говорам башкирского языка (демский, ик-сакмарский). На современном этапе оренбургский говор сближается с ик-сакмарским говором южного диалекта башкирского языка.

Литература

Азнагулов Р.Г. Языковые особенности оренбургских башкир: Автореф. дис. . канд. филол. наук. – М., 1972. - 24 с.

Академический словарь башкирского языка / Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. Т.1-5. – Уфа, 2011-2013.

Батыршина Г.Р. Лексика родинного обряда башкир. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. – 158 с.

Валиева М.Р. Булгаризмы в апеллятивной лексике башкирского и мадьярского (венгерского) языков // Вестник ВЭГУ. № 3, 2014. С. 155-160.

Диалектологический атлас башкирского языка / под. ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. – Уфа: Гилем, 2007.

Ишегулова А.М. Диалектизмы в произведениях Я. Хамматова // Актуальные проблемы народов России. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2013. С. 60-61.

Ишкильдина Л.К. Фонема [д] в башкирском языке: функционирование, история развития // Вестник ВЭГУ. 2012. № 4. С. 152-156.

Ишкильдина Л.К. Чередование анлаутных фонем [й] и [ж] в диалектах и говорах башкирского языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России Материалы X региональной конференции. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010. С. 109-113.

Максютова Н.Х. Башкирские говоры, находящиеся в иноязычном окружении. –Уфа: Китап, 1996. – 288 с.

Миржанова С.Ф. Южный диалект башкирского языка. – М.: Наука, 1979. – 272 с.

Сулейманова Р.А. Башкорт телендәге кайһы бер антропонимдарҙың фонетик варианттары хаҡында // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России Материалы XIII международной конференции. Редакционная коллегия: Ф.Г. Хисамитдинова, Х.И. Багаутдинова, Ш.В. Нафиков, З.А. Сиразитдинов, Р.А. Сулейманова. –Уфа, 2013. С. 124-126.

Информанты:

Кучаров Ильяс Нуриевич, Александровский р-н, с. Канчирово, 1938 г.р.

Абдракова Гульзифа Бариевна, Александровский р-н, с. Курпечево 1958 г.р.

Габзалилова Фания Котлобулатовна, Александровский р-н, с. Канчирово, 1946 г.р.

Агишева Махмуза Рахметовна, Александровский р-н, с. Исангильдино, 1925 г.р.

Сарбаева Нурия Мухаматфатыховна, Александровский р-н, с. Исангильдино, 1949 г.р.

Бурангулов Малип Ибятovich, Красногвардейский р-н, с. Верхнеильясово, 1939 г.р.

Ильясова Ямиля Иблияминовна, Красногвардейский р-н, с. Среднеильясово, 1932 г.р.

Давлетова Миля Кафиловна, Красногвардейский р-н, с. Среднеильясово, 1940 г.р.

Сувалибаева Фатима Хайрулловна, Красногвардейский р-н, с. Нижнеильясово, 1927 г.р.

Ильясова Фазила Рахматулловна, Красногвардейский р-н, с. Нижнеильясово, 1928 г.р.

Каскинова Ильмира Хабибрахмановна, Красногвардейский р-н, с. Нижнеильясово, 1960 г.р.

Мамбетова Райса Сафиулловна, Красногвардейский р-н, д. Зиганник, 1945 г.р.

Кучаева Венера Гайфулловна, Красногвардейский р-н, д. Зиганник, 1942 г.р.

Каксин А.Д., г. Абакан

КОЙБАЛЬСКИЙ ГОВОР ХАКАССКОГО ЯЗЫКА: ТРАДИЦИОННЫЕ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ВОПРОСАХ ДОКУМЕНТАЦИИ

При описании этапов формирования общенародного хакасского (а потом и хакасского литературного) языка почти всегда отмечался особый языковой статус небольшого народа, жившего по рекам Бие, Уне, а также верховьям Енисея и среднему течению Абакана.

Другими словами, уже на этапе формирования хакасской народности говор койбал стоял особняком от наречий сагайцев и качинцев, составивших основу общенародного языка. В таком, обособленном, “отстраненном” от основного массива, положении этот

говор остается и сегодня, а это именно то положение (состояние), которое негативно влияет на “живучесть” языка. Происходит даже не ассимиляция (при которой постепенно стираются черты самобытности), а нечто похуже: язык (говор) просто исчезает.

Койбальский говор идеально подходит под определение языков, нуждающихся в срочной документации. При этом само собой разумеется, что документация и последующая обработка собранного материала должны быть произведены с помощью современных технических средств и соответствующих компьютерных технологий, методик, программ (например, Flex, ELAN). В этом плане заслуживает интерес опыт представления диалектологических текстов, собранных во время полевых экспедиций сотрудниками ИИЯЛ УНЦ РАН, в Машинном фонде башкирского языка [Сиразитдинов, Бускунбаева, Каримова 2010].

Для начала, прежде чем мы начнем готовиться к обследованию языка (говора) как миноритарного, исчезающего, мы должны охарактеризовать его по имеющимся материалам в качестве языка (говора) самобытного, интересного для изучения. Если подходить с таких позиций, можно сказать, что койбальский говор интересен хотя бы потому, что он – бывший самодийский, и этот субстратный характер обнаруживается уже при первом знакомстве с ним. Стоит только вслушаться внимательно:

Топленай масланы хайылдырган хайах, үсте:н де: хайах тифча:ла:р, хайзы хайылдыр салган, хайзы үстен салган тифча. Сметен потхы и:дівал, анаң үстүне талган урувс, умурталган то:ладыс. Чичинала: умуртох тифча, Чылтыгашефте:р, Миндибекофта:р олар умуртох тифча:ла:р. Хыйманы ник арах тудуф, ник арах суғуф о:дырага кирек, көмес суғуф, палгавзага. Па:рды се:чке: начыфча:м [Образцы речи койбалов 1992, 175-176].

Перевод отрывка на русский язык: “Топленое масло называют и хайылдырган (букв. растаявшее), и топленое масло, некоторые говорят (я) растаял масло, некоторые – растопил. Сделай сметанную потхы, наверх посыпать талган, талган из умурта (черемуховый). Чичининцы (жители Чичины) тоже умурт говорят, Мылтыгашевы, Миндибековы, они тоже умурт называют. Хыйма (толстые кишки лошади) держать крепко, натолкать посылнее (мясо), связать. Печень крошу в сечке” [Образцы речи койбалов 1992, 177].

Итак, констатируем, что записи образцов койбальской речи имеются. Но их мало. Далее, при “новом”, всестороннем исследовании койбальского говора необходимо обратить внимание на многие существенные аспекты. Например, имеет значение средний возраст носителей языка, возраст самых младших носителей. Если этот возраст – значительный, заранее предполагаем, что будем обращаться преимущественно к людям пожилого возраста.

С самого начала нужно определить и конечные цели и задачи экспедиционных поездок. Вполне возможно, что искомым результатом станет хранилище (языковой фонд, архив, корпус), которым могли бы пользоваться и языковой коллектив койбалов, и научное сообщество. Если представится возможность, следует зафиксировать народные песни, знания о ботанике (лингвистические), сказки, былички, бытовые рассказы, диалогическую речь. Результат помещается в архив, и в нем можно получить всю необходимую информацию.

Можно создать также аннотированный видеокорпус языковых ситуаций и аудиокорпус текстов разных типов и жанров. Важный вопрос: сколько часов будет в корпусе? Напр., 50 часов видеосъемки, из них 15% – транскрипция, остальное – перевод на два языка, а также – описание жестов, поморфемное глоссирование.

Новая экспедиция к койбалам должна быть тщательно подготовлена. Нужно заложить необходимые человеко-часы: сколько часов в день работать с каждым из информантов (количество информантов оценить заранее). Должна быть правильная логика: с самого начала понимать результат. Чтобы создать натуралистичный корпус, методы должны быть соответствующие: этнографический, метод эликации, методика организации коммуникативных ситуаций.

Перед выездом нужно собрать формальные сведения: что есть по данному языку. Детально описать проект – значит, ясно представлять:

- какая есть общая информация о языке (контекст языка);
- методы документации (ELAN, Flex, аннотирование, интервью, сбор, элицитация);
- условия записи и как будет аннотирован материал, какова будет подготовка к архивации;
- как язык используется в данном сообществе;
- понимать, что у каждого проекта по документации есть и научная составляющая; надо ясно представлять, каков ваш личный исследовательский интерес;
- этические моменты: надо знать, как вести себя в этом языковом сообществе;
- план работы (детальный), адекватно оценивать время, отводимое на проект;
- бюджет (иметь в виду оплату информантам, представлять, как состоится поездка, каким транспортом, как будут организованы питание, проживание, получение виз, прививки).

После завершения экспедиции незамедлительно все материалы тщательно обрабатываются, полученные данные систематизируются, и здесь главное – соблюдать следующие принципы:

- 1) последовательность;
- 2) описание этой последовательности;
- 3) снабжение метаданными (данными о данных);
- 4) формализация, структуризация данных (приспособление под компьютерные технологии);
- 5) создание копий;
- 6) разделение данных, находящихся в процессе обработки, и результирующих данных;
- 7) решение вопроса о том, как данные будут распределяться по файлам (выбор стратегии, вопросы удобства пользователя, возможностей автоматической обработки);
- 8) использование популярных форматов (например, лучше открытый, чем лицензируемый, и т.д.);
- 9) использование связей и “прозрачных” словосочетаний при именовании файлов;
- 10) объединение схожих файлов в группы (по некоторому явному принципу);
- 11) постижение смысла “компьютерно обоснованного” именования файлов (индексные – семантически нагруженные – смешанные);
- 12) прописывание принципов именования файлов;
- 13) имя файла должно быть максимально совместимым с различными операционными системами (Macintosh, Windows, Linux);
- 14) разграничение больших и маленьких букв, избегание пробелов;
- 15) регулярное производство и воспроизводство метаданных: записывать сразу свойства файлов и технические характеристики данных, информацию о носителе языка (и о языке), информацию об этапах обработки файла и авторах, содержание данных, контекст (обстоятельства, при которых были получены данные), ссылки на другие данные, отнесение метаданных к разным структурным единицам (ко всему проекту – к коллекции – к связке – к одному файлу), технические параметры файлов;
- 16) информация о носителе (язык, диалект, говор, дата рождения, возраст, место рождения, язык родителей и супруга или супруги, место рождения родителей, некоторые обстоятельства биографии, влияющие на отношение к языку);
- 17) информация об исследователях-предшественниках;
- 18) указание на тип (стиль) речи или текстов: нарратив, диалог, жанр (рассказ, легенда, сказка), детальное содержание;
- 19) указание на контекст (обстоятельства, при которых собраны данные);
- 20) хранение метаданных: в виде самостоятельно разработанных файлов или в виде специальной структуры метаданных;
- 21) возможность автоматического поиска (напр. записи одного и того же информанта, или в одной и той же деревне).

Также необходимо строго соблюдать этические аспекты исследований в поле: этика в научном сообществе играет немаловажную роль. Различаются:

- этика (культура) языкового сообщества (языковой общины),
- этика (культура) исследователя (научного сообщества).

Нужно объяснять информанту цели своей работы (и в глобальном смысле, и в процессе конкретных занятий). Вести только открытую запись. Консультироваться с информантом по всем неоднозначным вопросам, культивировать идею совместной деятельности. Положительно оценивать деятельность информанта; производить оплату.

Этика в научном сообществе предполагает также, что следует помнить об авторских правах и делать ссылки.

Наконец, следует помнить, что корпусная лингвистика есть создание корпуса (для лингвистов) и документация языка (для языкового сообщества). Получившийся корпус должен быть объемным, репрезентативным, размеченным (аннотированный, сгруппированный, разложенный по рубрикам-параметрам).

В результате правильно спланированной, удачно проведенной и осмысленной работы должно быть создано хранилище (архив), которым могли бы пользоваться и представители языкового сообщества (т.е. койбалы), и ученые (причем не только лингвисты, но и представители “заинтересованных” смежных наук – этнографии, этнопсихологии и др.). Конечно, идеальный результат – аннотированный видеокорпус языковых ситуаций и аудиокорпус текстов разных типов и жанров.

В завершение приведем мнение европейских исследователей, ведущих работу по документации миноритарных, исчезающих, экзотических языков: It is generally agreed that there are about 7000 languages spoken across the world today and at least half of these are under threat of extinction. This is mainly because speakers of smaller languages are switching to other larger languages and not passing on their heritage tongues to their children. They do this for perceived economic, social or political advantages, or because they feel ashamed of their ancestral language. The language can thus be lost in one or two generations, often to the great regret of their descendants.

Language loss is a world wide phenomenon diminishing linguistic and cultural diversity. Our goal is to make the most of the foundations laid down so far and to build on them for the future [HRELP Annual Report 2011, 2].

Литература

Образцы речи койбалов / Тексты записаны, переведены и подготовлены к печати Анжигановой О.П. // Хакасская диалектология: [Сборник статей] / Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. – Абакан, 1992. С.174-182.

Сиразитдинов З.А., Бускунбаева Л.А., Каримова Р.Н. О текстологической базе данных диалектологического подфонда “Машинного фонда башкирского языка” // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы X региональной конференции. – Уфа, 2010. С. 186-188.

Hans Rausing Endangered Languages Project (HRELP). Annual Report 2011 / University of London. – London, 2012. – 36 P.

Куулар Е.М., г. Кызыл

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ ДИАЛЕКТОВ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА

В настоящее время грамматическая система говоров и диалектов тувинского языка исследована не в полной мере. Изучение грамматического строя, в частности притяжательных аффиксов тувинских диалектов, в обобщающем плане очень актуально.

Во-первых, выясняются общие и отличительные стороны употребления аффиксов по говорам и диалектам, во-вторых, результаты исследования могут служить важным морфологическим основанием для классификации тувинских диалектов, в-третьих, результаты могут быть полезны при написании учебных пособий по истории языка, диалектологии и грамматики тувинского языка, при сравнительно-исторических, сопоставительных исследованиях тувинского и других тюркских языков.

По формам принадлежности тувинский язык не имеет особых отличий от других тюркских языков, об этом свидетельствуют следующие формы принадлежности в современных и древних тюркских языках:

Единственное число

1-е л. *-(ы)м, -(у)м*

2-е л. *-(ы)ң, -(у)ң, -(ы)н, -(у)н*

3-е л. *-(с)ы, -(с)у, -(з)ы, -(з)у*

Множественное число

1-е л. *-(ы)мыз, -(у)муз, -(ы)быз, -(у)буз, -(ы)быс, -(у)бус, -(ы)выз, -(у)вуз, -(ы)выс, -(у)вус*

2-е л. *-(ы)ңыз, -(у)нуз, -(ы)ныз, -(у)нуз, -(ы)гыз, -(у)гуз, -(ы)йыз, -(у)йуз, -(у)вуз.*

3-е л. *-(с)ы, -(с)у, -(з)ы, -(з)у.*

По истечении времени эта первичная схема, несомненно, подвергалась некоторым изменениям. Кроме того, имеются и другие, менее распространенные аффиксы принадлежности, которые встречаются в некоторых говорах и диалектах современных тюркских языков.

В данной работе излагаются выводы, полученные в результате изучения материалов исследования форм и особенностей употребления притяжательных аффиксов в различных тувинских говорах в сравнении с некоторыми тюркскими языками. Нужно отметить, что категория принадлежности в литературном тувинском языке, выражается двумя способами: синтетическим и смешанным. При первом способе к основе слова присоединяется специальный аффикс принадлежности, выражающий лицо и число обладателя предмета. Для сравнения сначала приведем аффиксы принадлежности тувинского литературного языка, эти аффиксы соответственно особенностям звукового строя тувинского языка, имеют свои звуковые варианты:

Единственное число

1 лицо *-м/ ... , -ым/...*

2 лицо *-ң/ ... , -ың/...*

3 лицо *-зы/ ... , -ы/...*

Множественное число

1 лицо *-выс/..., -ывыс/...*

2 лицо *-ңар/..., ыңар/...*

3 лицо *-зы/ ... , -ы/...*

Смешанный способ выражения принадлежности заключается в том, что принадлежность выражается сочетанием личного местоимения в родительном падеже с существительным, обозначающим предмет обладания, который принимает аффикс принадлежности соответствующего лица. При этом способе лицо и число обладателя предмета выражается дважды: через личное местоимение, стоящее в родительном падеже, и через аффикс принадлежности, стоящий в конце имени существительного, т. е. по способу тюркского изафета. Например, в словосочетании *сээң номуң* 'твоя книга' лицо и число обладателя выражены и в определении *сээң* 'твоя', и в аффиксе принадлежности *-уң*, который присоединился к определяемому *номуң* 'книга'.

В системе аффиксов принадлежности в говорах и диалектах тувинского языка наблюдаются специфические особенности, отличающие их от литературного тувинского языка и большинства других тюркских языков. Эти отличия касаются в основном в формах множественного числа.

Так, в бай-тайгинском говоре западного диалекта аффикс 1-го лица множественного числа имеет особую форму на *-мыс/...*, например, *увамыс* – лит. *угбавыс* 'наша сестра', *чонумус* – лит. *чонувус* 'наш народ', *эртэмчээннеримис* – лит. *эртэмденнеривис* 'наши ученые' [Доржу 2002, 41]. В этих словах после гласных *а, ы, у, и* основы начальный

согласный аффикса *-в-* перешел в *-м-*. Переходу начального *б-* в *м-* (< *-мыз*, *-миз*) аффикса 1-го лица множественного лица авторы Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков объясняют двойко: 1) *б-* в варианте *-ыбыз/ -ибиз*, оказавшись в интервокальном положении, мог превратиться в *м-*, 2) *б-* мог превратиться в *м-* после основ, оканчивающихся на *м*, *н*, *ң* [Серебrenников, Гаджиева 1986, 93].

В цэнгэльском диалекте тувинского языка (*авт.* речь этнических тувинцев Монголии) зафиксирован интересный случай относительно расположения аффиксов, основе существительного в первую очередь присоединяется аффикс принадлежности, а затем – множественного числа: *даай=ым=нар* 'мой дядя и другие' (здесь имеется в виду, семья дяди, либо мой дядя с детьми, либо с женой) – лит. *даайым суг*, *ээдж=им=нер* 'моя мать и другие' (моя мать с детьми или с отцом) – лит. *авам суг* [Хийс Гансux 2009, 9]. Аналогичный факт отмечается и в литературном башкирском языке, но только в терминах родства (*агай=ым=дар*, *атай=ым=дар*) [ГСБЯ 1981, 119]. Тем не менее, в указанном диалекте не исключается обычный порядок присоединения аффиксов множественного числа и 1-го лица: *даай=лар=ым* 'мои дядья'.

Как показатель принадлежности 2-го лица множественного числа в литературном тувинском языке принята форма *-ыңар/*, но в сут-хольском, дзун-хемчикском говорах центрального диалекта, также в речи этнических тувинцев Цэнгэла Монголии употребляется вариант *-ыгар*, *-игер*, отражающий диалектную особенность: *ажылыгар* – лит. *ажылыңар* 'ваша работа', *уруугар* – лит. *урууңар* 'ваша дочь', *малыгар* – лит. *малыңар* 'ваш скот', такую же форму имеет аффикс 2-го лица множественного числа глаголов повелительного наклонения, например, *көрүгер* – лит. *көрүңер* 'смотрите', *ажылдагар* – лит. *ажылдаңар* 'работайте', *одугар оккулугар* – лит. *одуңар оттулуңар* 'растопите (печь)'.

В тувинском литературном языке показатель принадлежности 2-го лица множественного числа образуется путем присоединения аффикса множественного числа *-ар/...* (< *-лар*) к аффиксу 1-го лица единственного числа *-ың/...* *-ңар / -ыңар* (< *-ың = -ар*). Диалектный вариант аффикса на *-гар / -ыгар*, видимо, сохранился от более древнего состояния языка. В пратюркском языке было два варианта притяжательного аффикса 2-го лица единственного числа – *-ң(-ың)* и *-г(-ыг)*, следовательно, в указанных диалектах показателю множественности *-ар/-ер* предшествует второй вариант аффикса *-г(-ыг)*. Встречался этот аффикс и в памятниках древнетюркской письменности. Следует сказать, что самое большое количество орхоно-енисейских памятников были найдены на территории Тувы. Встречается притяжательный аффикс *-гар/-ыгар* также в соседнем алтайском языке, нужно заметить, что вышеуказанные литературная и диалектная формы отличают тувинский и алтайский языки от других современных тюркских языков.

Форма принадлежности 3-го лица единственного числа как в тувинском, так и в других тюркских языках, является и формой множественного числа, передается она при помощи аффиксов *-ы/ -и* после согласных, *-сы/-си* после гласных. В тувинском языке начальный глухой согласный *с-* в аффиксе *-сы/-си*, оказавшись в интервокальном положении, превращается в звонкий *з*: *авазы* 'их мать', *дилгизи* 'их лиса', *ховузу* 'их поле', *өшкүзү* 'их коза'. А в северо-восточном (тоджинском) диалекте к некоторым словам, оканчивающимся на сонорный *-р*, присоединяется второй вариант аффикса принадлежности 3-го лица единственного и множественного числа: *агаарзы* – лит. *агаары* 'его климат', *чумурзу* – лит. *чумуру* 'его сычуг', *сүткүрзү* – лит. *сүткүрү* 'её молочность' [Чадамба 1974, 97].

Далее остановимся на смешанном способе выражения принадлежности. В этой области юго-восточный диалект тувинского языка, возникший в значительной степени под монгольским влиянием, занимает несколько обособленное положение. В говорах юго-восточного диалекта, т.е. в речи носителей тесхемского и эрзинского говоров, часто употребляется сочетание родительного падежа личного местоимения 1-го и 2-го лица множественного числа с существительным, обозначающим предмет обладания, без аффикса принадлежности: *сээң хой* – лит. *сээң хоюң* 'твоя овца (твое стадо)', *бистиң*

кижилер – лит. *бистиң кижилеривис* 'наши люди', *силерниң бажың* – лит. *силерниң бажыңыңар* 'ваш дом' и т.п. В предложении данное сочетание выглядит таким образом: *Бодумнуң уруглар ийи оол, ийи кыс* – лит. *Бодумнуң уругларым ийи оол, ийи кыс* 'Своих детей (четверо) два мальчика, две девочки'. Такие же сочетания можно встретить и в речи носителей терехольского говора (по П. Серен – диалект): *Суурнуң арэпоот кудуда* – лит. *Суурнуң аэропорту куду* 'Аэропорт села (находится) внизу (в нижней части села)'.

Однако, с формами третьего лица ни в эрзинском, ни в тесхемском говорах такие сочетания недопустимы.

Точно такой же способ выражения категории принадлежности зафиксирован в тофаларском языке и, по мнению В.И. Рассадина, данная форма встречается гораздо реже и присуща, скорее, небрежной речи, например: *Сиң боо кайда?* 'Где твоё ружьё?', *Бо бистиң аът* 'Это наш конь' [Рассадин 1978, 25].

В речи этнических тувинцев Кобдоского аймака Монголии также зафиксировано использование рассматриваемого способа, это явление можно продемонстрировать следующим примером: *Хемчик тывалар бистиң улус: эъттиң үзүү, сөөктүң сыйыы, ханның дамдызы дээр*. Ср. тув. лит. *Хемчик тывалары бистиң улузувус: [оларны] эъттиң үзүү, сөөктүң сыйыы, ханның дамдызы дээр бис* 'Тувинцы из Хемчика наш народ: (мы их называем) часть плоти моей, капля крови моей, осколок «остова» моего'.

Наши материалы показывают, что в речи этнических тувинцев Монголии встречаются два разных специфических способа выражения категории принадлежности: во-первых, она выражается при помощи сочетания существительного, означающего предмет обладания и оформленного соответствующим аффиксом принадлежности, с существительным или личным местоимением в родительном падеже, т.е. с помощью II-ого тюркского изафета; во-вторых, первый компонент имеет форму родительного падежа, а второй компонент изафета не оформляется аффиксом личной принадлежности. В связи с этим можно сделать предположение о том, что монголоязычные тувинцы юго-восточного диалекта и этнические тувинцы Монголии под влиянием своей монгольской речи употребляют типично монгольское выражение отношений принадлежности вместо тюркского изафета, ср.: *ээжийн алчуур* (от *ээж=ийн* – аффикс родительного падежа) 'мамин платок', *хөгшин аавын хонь* (от *хөгшин аав-*) 'овца дедушки', *ахын гутал* (от *ах-*) 'обувь брата' и т.д.

В отличие от вышеназванных говоров, в терехольском говоре употребляется иная форма тюркского изафета, т.е. в первом компоненте изафета, обозначающем собственные имена, аффикс родительного падежа вообще опускается, однако, ко второму его компоненту присоединяется аффикс принадлежности. В речи терехольцев допустимы сочетания слов *Света авазы* – лит. *Светаның авазы* 'Светина мама', *Уран-кыс уруу* – лит. *Уран-кыстың уруу* 'Дочь Уран-кыс', *хой хурганы* – лит. *хойнуң хураганы* 'ягненок овцы' и т.д. В предложении эти словосочетания употребляются следующим образом: *Света авазы чедип келди* вместо лит. *Светаның авазы чедип келди* 'Светина мама пришла', *Уран-кыс уруу бо-дур* вместо лит. *Уран-кыстың уруу бо-дур* 'Вот (она) дочь Уран-кыс'.

Что касается других тюркских языков, то в большинстве из них смешанный способ выражения принадлежности, в общем, сохраняется, но при наличии притяжательных местоимений аффикс принадлежности опускается, и это является нормой.

Ближайшей задачей в области диалектологии является сбор, систематизация и изучение грамматических особенностей говоров и диалектов тувинского языка, это позволит в дальнейшем создать полный вопросник по сбору материалов для дальнейших исследований.

Литература

- Доржу М.Д. Бай-тайгинский говор в системе диалектов тувинского языка. – Кызыл, 2002.
ГСБЯ = Грамматика современного башкирского литературного языка / ответ. ред. Юлдашев А.А. – М.: Наука, 1981. – 494 с.

- Куулар Е.М. Юго-восточный диалект тувинского языка. – Кызыл, 2012.
Рассадин В.И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. – Улан-Удэ, 1978.
Серебрянников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – М., 1986.
Хийс Гансук. Особенности тувинской речи жителей Цэнгэла. – Новосибирск, 2009.
Чадамба З.Б. Тоджинский диалект тувинского языка. – Кызыл, 1974.

Леонтьева Т.В., г. Екатеринбург

ЗООЛОГИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В ОБОЗНАЧЕНИЯХ ЧЕЛОВЕКА ПО ОБЩИТЕЛЬНОСТИ ИЛИ НЕОБЩИТЕЛЬНОСТИ (на материале русских народных говоров)

Стереотипные представления об особенностях поведения, образа жизни, облика представителей животного мира – диких зверей, птиц, насекомых, домашних животных и т. д., нередко служат основой осмысления объектов из других сфер действительности. Так, зоологическая метафора имеет место в лексико-семантических полях «Поведение человека», «Социум», «Политика», «Интеллект человека» и др. [Будаев 2008, 35; Кривошапова 2007, 119–213; Кривошапова и др. 2003; Леонтьева 2008, 143–161; Маслов 2013 и др.].

Вторичные обозначения общительного и необщительного человека также свидетельствуют о том, что носители русского языка при осмыслении этих качеств, особенностей поведения таких людей обращаются к образам животных, с которыми связаны определенные стереотипы. В данной статье мы остановимся на мотивационном анализе таких слов. Все они принадлежат русским народным говорам.

Для концептуализации общительности используется только один зоологический образ. Слово *табун* служит производящей основой для арх. *табунный* 'общительный (о человеке)' (*Марья такая активная, табунная женщина: все с людьми всегда*) [СРНГ т. 43, 207], арх. *табуиный конь* 'об общительном человеке' (*Она, девка, все, бывало, поет, она – табуиный конь*) [СРНГ т. 43, 208]. Носитель языка проводит параллели между способом обитания стадных животных и жизнью человека в социуме.

При осмыслении необщительности привлекается значительно более широкий ассортимент зоологических образов.

В основе ряда обозначений нелюдима лежат стереотипные представления о поведении дикого животного – пугливого, боящегося людей. Отсюда обращение к слову *ручной* с отрицанием: вят. *неруиной человек* 'о нелюдимом, необщительном человеке', ср. вят. *неруиной* 'норовистый, не привыкший к дому, дикий (о животном)' [СРНГ т. 21, 147].

Отметим сходство между однокоренными (с корнем *-дик-*) обозначениями животного и необщительного человека: арх., волог., рус. (литов.), рус. (латв.), рус. (эст.) *дикий* и *дикой* 'странный, неловкий, застенчивый; иногда шальной' (*Зять дикой, не людмяный; Дикой он, людей сторонится*) [СРНГ т. 8, 56], дон. *дикой* 'о необщительном, замкнутом человеке' [БТСДК 133], смол. *дикливый* 'застенчивый, пугливый' [СРНГ т. 8, 62], новг. *дикуша* 'застенчивая, нелюдимая женщина; дикарка' [СРНГ т. 8, 65] и др.

Поведение дикого животного отражено в буквальной основе фразеологизма *дикий как козёл* 'о нелюдимом человеке' [ЧРДФ 167], а также ряз., курск. *козиться* 'избегать людей, дичиться' [СРНГ т. 14, 65], поскольку стереотипы «козлиного нрава» – пугливость (в большей степени – козы) и упрямство (свойственно козлу), ср. олон. *козлиться* 'упрямиться, упорствовать' [СРНГ т. 14, 68], калин. *козлястый* 'упрямый' [СРНГ т. 14, 71], олон., нижегор. *козлы* 'ссора, нелады' [СРНГ т. 14, 70].

Представлениями о дикости и одиночестве обитающего в лесу, на не освоенной человеком, нередко враждебной ему территории, опасного для людей хищника, тем самым похожего на нелюдима, ни с кем не имеющего дружественных отношений,

мотивировано пск. *один как волк* 'об очень одиноком, нелюдимом и угрюмом человеке' [СПП 90], волгоград. *обрастать волчьей шерстью* 'дичать, становиться нелюдимым' [МСДГВО], ср. литер. *волком смотреть* 'смотреть недружелюбно, угрюмо, враждебно' [ССРЛЯ т. 2, 609]. От обозначения волка происходит и симб. *бирючина* 'угрюмый, нелюдимый человек' [СРНГ т. 2, 295], ср. симб. *бирючина* 'волк' и 'волк, медведь, иногда всякий зверь' [Там же] (заимств. из тюрк. [Фасмер т. I, 168]).

Образ животного, отличающегося грозным нравом и угрожающим видом, вызывающим ассоциации с хмуростью, сердитостью, неприветливостью человека, запечатлен в твер. *бык* 'о молчаливом, серьезном, имеющем как будто сердитый вид мальчишке' [СРНГ т. 3, 342], диал. (без указ. места) *быковатый* 'угрюмый, глядящий исподлобья' [СРНГ т. 3, 343], волог. *бычий характер* 'неприветливость, грубость в обращении' [СГРС т. 1, 247], ср.-урал. *пройти быком* 'о человеке, который проходит мимо с вызывающим видом, не отвечая на приветствие' [ЧРДФ 190]. Поэтому существительным *бык* закономерно мотивированы диалектные обозначения необщительного человека: курск., тул., влад. *быковатый* 'нелюдимый, застенчивый' [СРНГ т. 3, 343], влад. *быкonia* 'несмелый, застенчивый человек' (*Поешь. Что ты сидишь, как быкonia?*) [СРНГ т. 3, 344].

Экспрессивность калуж. *недоёный* 'угрюмый, замкнутый, застенчивый' [СРНГ т. 21, 20] усилена за счет его использования в виде характеристики лица мужского пола: *У ей все дети как дети, разговорчатые, а этот какой-то недоёный вырос, за рупь слово не вытянешь из него* [СРНГ т. 21, 20]. Такое словоупотребление нивелирует различия между образом коровы, которая беспокойна из-за избытка молока, и образом «сердитого» быка.

Еще одно мотивационное направление в диалектной лексике поля «Общительность» составляют слова, образованные по модели 'животное, укрывающееся под чем-либо' → 'нелюдим'.

В иллюстративном контексте, приведенном в словаре к орл., тул. *потурой* 'хмурый, угрюмый человек' (*Такой нелюдимый живет на свете, потурой да и только*) [СРНГ т. 31, 317], указано на свойство «нелюдимый». Слово является вторичной номинацией от диал. (тул., калуж., орл.) *потурой* 'крот' [СРНГ т. 31, 317]. Основанием для семантического переноса стал мотив «обитающий под землей», т. е. «прячущийся».

Внутренняя форма «под камнем» выявляется в сев.-двин. *подкаmeshник* 'водяное насекомое, обитающее под камнями', у которого развилось переносное значение: сев.-двин. *подкаmeshник* 'нелюдимый, злой человек' [СРНГ т. 28, 26].

Аналогичные отношения семантической производности можно реконструировать между перм. *закожурник* 'белый червь, живущий под корой деревьев' (*Была бы деревина с корой, под корой закожурники ходят, черви – закожурники белые*) [СПГ т. 1, 290] и перм. *закожурник* 'замкнутый, необщительный, скрытный человек' (*У нас его все как закожурника знают*) [СПГ т. 1, 290]. Сложность составляет то, что они зафиксированы в разных районах одной области и в словаре подаются как омонимы. Возможно, обозначение червя не было прямым источником для развития значения 'нелюдим', и номинатор шел напрямую от мотивировки «за кожурой». Однако связь с фауной еще раз подтверждается тем, что слово *закожурный* встречается в заговоре в ряду детерминантов болезней домашнего скота [СРНГ т. 10, 140].

Итак, зоологическая метафора появилась в результате наблюдений над внешним видом, образом жизни, поведением, средой обитания животных: лошади держатся табуном, козы пугливы, козлы упрямы, быки имеют устрашающий вид, волки, живущие в лесу, опасны для людей, крот обитает под землей, не показывается наверху, насекомые и черви прячутся под камнями, под корой. Обратим внимание, что речь идет о стереотипах восприятия, то есть о наиболее устойчивых чертах зоологических образов, в то время как другие их характеристики игнорируются.

Необщительный человек запечатлен лексическими средствами языка как имеющий сходство с пугливыми, либо мрачными, либо прячущимися представителями фауны;

общительный – со стадным животным. Значит, в анализируемом лексико-семантическом поле посредством зоологических образов реализуются четыре мотива:

- 1) «жить стадно» – «держаться вместе с себе подобными»;
- 2) «жить в лесу» – «быть неконтактным, диким»;
- 3) «иметь устрашающий вид» – «быть хмурым, не приветливым»;
- 4) «прятаться» – «скрываться, держаться в стороне от людей».

Каждый мотив представлен в двух вариантах: один сформулирован по отношению к животному (привлекаемому объекту сравнения), другой – по отношению к человеку (субъекту сравнения = номинируемому предмету).

Мотив понимается нами как интерпретирующая формула, которая раскрывает основание сближения образа номинируемого объекта с привлекаемым образом из другой сферы действительности, то есть содержащая объяснение того, по какому признаку (модулю) имеют сходство сопоставляемые объекты (в нашем случае – человек и животное). При этом во внутренней форме слова в случае вторичной номинации, как можно заметить, чаще не указывается мотив, который по своей природе обладает некоторой степенью абстракции, а содержится отсылка к предметному образу. Мотив требует экспликации и его корректное извлечение предполагает двойную формулировку мотива (для объекта и субъекта сравнения).

Литература

Будаев Э.В. Семиотический параллелизм политических метафор // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2008. № 26. С. 32–36.

Кривошапова Ю.А. Образы птиц и насекомых в русских обозначениях интеллекта человека // Птице: кодови словенских култура. – Белград: АБ Таш, 2003. С. 7–16.

Кривошапова Ю.А. Русская энтомологическая лексика в этнолингвистическом аспекте. Дисс... канд. филол. наук: 10.02.01. – Екатеринбург, 2007. – 161 с.

Леонтьева Т.В. Интеллект человека в русской языковой картине мира. – Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2008. – 283 с.

Маслов А.С. Использование индекса инвективности при характеристике зоометафор в современном русском языке // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. № 13 (156) 2013. Вып. 18. С. 51–58.

Источники и принятые сокращения

БТСДК = *Большой* толковый словарь донского казачества / Ростов. гос. ун-т; Ф-т филологии и журналистики; Каф. общ. и сравнительн. языкознания. – Москва: Русские словари: Издательство Астрель; Издательство АСТ, 2003. – 608 с.

МСДГВО = *Материалы* Словаря донских говоров Волгоградской области: архив (Волгоград).

СГРС = *Словарь* говоров Русского Севера / под ред. А.К. Матвеева. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001-2009. – Т. 1-4.

СПГ = *Словарь* пермских говоров / под ред. А.Н. Борисовой, К.Н. Прокошевой. – Пермь: Книжный мир, 2000–2002. Вып. 1–2.

СПП = *Словарь* псковских пословиц и поговорок / сост. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – Санкт-Петербург: Норинт, 2001. – 176 с.

СРНГ = *Словарь* русских народных говоров: в 44 томах / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова, С.А. Мызникова. – Москва; Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1965–2011. Вып. 1–44.

ССРЛЯ = *Словарь* современного русского литературного языка: в 17 томах. – Москва: Наука; Ленинград: Издательство АН СССР, 1948–1965.

Фасмер М. *Этимологический словарь* русского языка: в 4 томах / Макс Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – Москва: Прогресс, 1986–1987.

ЧРДФ = Алексеенко М. А. *Человек в русской диалектной фразеологии: словарь* / М. А. Алексеенко, О. И. Литвинникова, Т. П. Белоусова. – Москва: ИТИ Технологии, 2004. – 238 с.

ҚАЗАҚ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ ҒЫЛЫМЫНЫҢ АРНАБАСЫНДА

Қазақтың ұлттық лингвистикасының дамуы мен қалыптасуын сөз еткенде осы салаға бар күш-жігерін сарп еткен адамдарды еске аламыз. 1920-30 жылдары бұл бағытта танымсыз еңбек етіп, артына мол мұра қалдырған асыл жандардың бірі – Құдайберген Қуанұлы Жұбанов.

«Ол тілге деген қабілеттілігін жас кезінен таныта білді. 18 жасынан түріктің, арабтың, парсының ауыз екі сөйлеу тілі мен жазба әдебиетін меңгерген» [Әуезов 1957]. Төңкерістен бұрын-ақ өте жастай журналистікке бейімдігін аңғартқан Қ. Жұбанов 1914 жылдан Орынборда «Хусаиния» медресесінде оқып жүрген шағынан қазақ оқушы жастары шығаратын қолжазба журналға ат салысты. Сол күнде-ақ мақала жазып, газет беттерінде жариялады. Күйікқалада «Тез» атты қолжазба журнал, Темір қаласында тұрғанда «Ай» атты қолжазба журнал шығарып, өзі редакторы болды. Ол журналдарда сол кездің сорақы тәртіптерін әшкерелеу, халықты өнерге шақырумен қатар орыс жазушыларының шығармаларын насихаттады. Журналдың эпиграфы ретінде ол «Ай» деген өлең жариялады.

Қ. Жұбановтың ірі публицистикалық еңбектерінің бізге жетіп отырғандары: «Абай – қазақ әдебиетінің классигі», «Төңкеріс және қазақтың ұлт тілі», «Қазақ музыкасындағы күй жанрының пайда болуы жөнінен».

Енді міне, осы мақалаларға шама-шарқымызша тоқталып кеткенді дұрыс санадық. Қазақстанның Ресейге қосылуының прогрестік маңызын жетік білумен қатар, патша үкіметінің отарлау саясатының халықты қараңғылықта тұмшалап ұстауға тырысып баққанын, қаскөй саясаттың халықтың қоғамдық ой-санасының табиғи жетілуіне көп зиян тигізгенін жете зерттеген Қ. Жұбанов 1935 жылы «Қазақ әдебиеті» газетінде /20 ноябрь, №35 «Төңкеріс және қазақтың ұлт тілі» атты мақаласын жариялады. Ғалымның осы мақаладағы ой-қорытындылаулары өзінен жиырма жылдан астам уақыттан кейін жазылған академик А. Панкратовтың еңбектеріндегі тұжырымдарымен егіз қозыдай ұқсас екенін көргенде, Қ. Жұбановтың тарихты терең білетініне еріксіз тәнті боласыз, дейді Ә. Меңдекеев [Меңдекеев 1991, 220-229]

Бұл зерттеуде, проф. Қ. Жұбанов қазақ тілінің тұтастығын, біркелкілігін, сөз еткенде, тіліміздің бұл қасиеті қазақ халқының ішкі-сыртқы жағдайларымен байланысты ертерек, яғни XIV-XVIII ғасыр аралығында қалыптасқанын айтады.

Тілдегі мұндай тұтастық, бір өңділік тұрмыста ұзаққа созылған тығыз қатынас болғандығын көрсетеді. Ондай тығыз қатынас болмаса, өзі көп, неше түрлі елден құралған бір халықтың тілі мұншама бірікпеген болар еді» — дейді.

Қазақ елінің басын біріктіріп, 500 жылдай ыдыратпай ұстаған негізгі факторларға ғалым төмендегілерді жатқызады:

1. Шаруашылығы бірыңғай / мал шаруасы/ жерлес елдің шеттегі жаудан мал басын бірігіп қорғауы еді;

2. Көшпелі мал шаруашылығы және жер мүлкінің ортақтығы адамды бір орынға арқандамай, бір-бірімен араласуына, Ертістен көшіп, Сыр құлауына, Шудан көшіп Жайық келуіне толық мүмкіндік беретін еді;

3. Бір ру мен екінші рудың қонысқа, басқаға таласып үздіксіз жауласып, әр жауласудың нәтижесінде үздіксіз араласып, жарасып тұратын еді [Жұбанов 1990].

Қ. Жұбанов осы жағдайларға байланысты қазақ тілінде диалектілік ерекшеленушіліктің жоқ екенін, қазіргі «болар-болмас жарқыншақ» диалектілік құбылыстың кейін «Қазақтың жері кесіліп, көш жолы үзіліп, әр ру, әр ауыл, әр үй жерге арқандала» бастаған кезеңінде пайда болғаны жайлы батыл пікір айтады. *Бұл әйгілі очеркінде ғалым қазақ тілінің сом (монолитті) тіл екендігін, ондағы диалектілік жарқыншақтардың кейінгі төрт жүз жыл шамасында пайда болғанын бірінші рет айтқан. Бұл тоқтам осы күнгі «Қазақ диалектологиясы» деген пәннің бастауы деп тануға әбден лайық.*

Аталмыш мақаланың жазылу мерзімін бажайлап қарағанда, яғни 1935 жыл Қазақстанның автономия болып құрылғанына 15 жыл болатын. Ғалым осы мерекеге байланысты ой-қорытындыларын нақты тарихи ғылыми тұрғыдан бере білген. Дәл 1935 жылы профессор Қ.Жұбанов халық ағарту ісіне сіңірген айрықша қызметтері үшін «Қазақстанның 15 жылдығы» атты құрметті белгімен наградталған.

Қ.Қ. Жұбановтың «Төңкеріс және қазақтың ұлт тілі» атты мақаласында өрілетін сөз саптаулары мен өзіндік ерекшеліктерін саралай отырып, мынадай сөз тіркестерін екішеледік.

Ел-елдің ілгері басып жұрт қатарына қосылуы мен озат шығуының адам тарихы бұрын бір-ақ жолын білуші еді. Ол қазақтың мақалымен айтқанда, «біреу өлмей, біреу күн көрмейді»-нің жолы. Өйткені бір елдің ырысы екінші елдің сорына байланысты еді [Жұбанов 1990]. ... *тарих сахнасынан бір жола шығып қалу...* – елдік – мемлекеттік дербестігінен айырылу деген мағынада; *көзі шалмаған кәрі заман – бейнелі қолданыс*. ... Тарих кітаптарының көзі шалмаған кәрі замандардан бастап, 1917 жылға дейін бұл айтуды білмейтін суық заң еді [Жұбанов 1990, 9]. Басқыншылық саясатты түсіндіргенде ғалым былай дейді: *...Бәрібір, бұл да осы жәнмен өзгенің өлімін тауып, өлімтігіне шығып барып, басын көтерген болатын*. Ал прогресс деген ұғымды кестелі түрде «... *өнері, өрге жүзген осы күнгі Европа*» — деп береді. Саясаткерліктің әр кезеңдегі көрінісін айтқанда «...*айырмасы сол – мәймөңкөге шорқақ заман елдері қылығын қымтамай, ашық айтатын еді, бүгіндегілер бүркеншікті сүйеді*» — дейді. Шеңгелін салу – басқыншылық; *...Маньчжурияға шеңгелін салғанда, мәдениет бесігі – университет, кітапханаларды өртеп жатып, Жапония «мәдениет орнатқалы жатырмын»* деген [Жұбанов 1990, 9]. Баудай түсіру – Қазақ тілінің фразеологиялық сөздігіне [Кеңесбаев 1977] *оққа ұшу, бірі қалмай қырылу* – деп берілген. Мұнда Қ.Жұбанов «қырып жою» деген мағынада қолданған. *Жазықсыз нақақ жандарды баудай түсіріп жатып: «Тәртіпсіздікті жойып жатырмын»* депті. *Құрығын салу – тұзаққа түсіру*. Өзіне сөйлетсең Италия да, «Абиссиниядағы құл иемденетін тағылықты құртқалы» құрығын салып жатқан болады. *Азапқа белшесінен бата жүру* – езгіде, қанаушылықта болу, шексіз бейнет шегу. «Рас, қай кезде де иемденушілердің «болсын» дегенінен емес, капитал қоғамының өз заманымен, азапқа белшесінен бата жүре, қайбір колония елдерінің шаруашылығы, мәдениеті бір қос көтеріліп кететіні де бар», *қанын, сөлін барынша мол сору; - отар елдің рухани да, дүнауи да игіліктерін басы-байлы иемдену өрге бастырмау – тежеу, ірі адым – прогресшілдік сұр болып сақталу* – консерватизм «Ағылшын буржуазиясының Индия жері мен елінің қанын, сөлін барынша мол сору үшін орнатқан индустриясы неше жүз жылдай өрге бастырмай, сұр болып сақталып келген жергілікті шаруашылық қалпын да, қоғам салтын да ойран қылыпты. Индия жұртына қаншама қан жұттырған, улаған опат болып басталса да, Азия көрмеген *ірі адым* екенін, ақыры жақсылыққа маңдайлайтынын айта келіп ...» *тырнағынан аулақ қалатын* – бұғауына түспеу Империализм дәуірінде, империалист мемлекет тырнағынан аулақ қалатын ел бола алмайтынын сезбейтін болса керек [Мендекеев 1991, 6]. *Жебір тап* – қанаушы тап, эксплуататор шындығында жебір тап билеген қоғамда мәдениетті елдің мәдениеттілігінен өзге елдің көретін зияны көп... *түске кірмеу* – саяси-әлеуметтік тұрғыдан танылмау, беймәлімдік «...бір елдің кейін қалуына «өзі айыпты емес те болады екен» деп бұрын түске де кірмейтін еді [Мендекеев 1991, 1], *қоңсы қону* – шеңдесу, қатар түзеу Әңгіме жоғары мәдениет пен төменгі мәдениеттің қоңсы қонуында ғана емес, тап қатынастарының конкретжағдайында екендігіне көзі жетіп, сол конкрет жағдайларды талдап барып, классиктер осы пікірге келген, *қазанның күйесінше жүзу* – мәдени ауыс-түйістердің сипаты. Мәдениет қазанның күйесінше жұғатын нәрсе емес. *Шығандап кету* – *шырқау биікке көтерілу, іргесі құлау* – экономикалық базистің күйреуі. Рас, Ресейге қарамастан бұрын да қазақта шығындап кеткен мәдениет жоқ еді. Бірақ патша дәуірінде сол аз мәдениеттің өзінің іргесі құлауға айналып еді. *Бір тілім жерге байлану* – *крепостнойлық халге түсу, арқандаулы лақтай* – *жерге тәуелді болу от басынан басқаны көксемей* – *азаматтық ой-өрісі тарылу*; «... бірі мен бірінің қатынасы, кем болуы, әркім бір тілім жерге байланып, арқандаулы лақтай,

сонан басқа дүниенің барын сезбейді...» *кертартпа болмыстың негізгі тамырын құрту* – прогреске ұмтылу. Сондықтан, осы ұсақ қоғам организмінің іріленуі, осы ыдыраңқылық жойылып, елдің басы қосылуы – барлық кертартпа болмыстың негізгі тамырын құрту болмақ [Мендекеев 1991, 2-3], *ошақтың үш бұтына арқандау – отбасының қайғысынан басқаны көрмеу, азаматтық құқықтан айырылу*. Қазақ тұрмысына ана Индия еліндегідей шаруашылықты да, идеологияны да ошақтың үшбұтына арқандайтын жағдайлар аз емес-ті [Мендекеев 1991, 3]. *Тігістері сөгілу – қоғамдық қарым-қатынастың әлсіреуі*. «Осы тығыз қатынас кейін әлсіреп, қазақ елінің бірлігі ыдырап, қоғам организмдері ұсақталып, осыған сәйкес қазақтың бұрынғы тұтас мәдениетінің тігістері сөгіліп, ұсақталып, жарықшақталып, бытырауға айналғанын көреміз [Мендекеев 1991, 3]. *Ат арқасына мінері* – іске жарамды ер азаматтар. Елдің ат арқасына мінері тегісінде әскер еді [Мендекеев 1991, 4]. *Шет-пұшақ* – болар-болмас мансап, қоғам өмірінің мардымсыз құбылыстары. Қоғам организмінен шет-пұшағы, ел билігі қолына тигені ауылнай болысқа таласты» [Мендекеев 1991, 5]. *Арқандала бастау* – басы байлыққа көшу. Қазақтың жері кесіліп, көш жолы үзіліп, ру, әр ауыл, әр үй жерге арқандала бастады. *Мәдениет бірлігін сөгу* – рухани ыдырау Әр жердегі қазақ әр түрлі жағдайда жасап, мәдениет бірлігін сөуге айналды. *Үйтіп жеу* – басып алу. *Өйткені бір елді бір ел үйтіп жейтін бұрынғы заңның орнына, жаңа заң тудырған жаңа дүние пайда болды*. *Нәмәлтай әдебиет* – жартымсыз, болмашы *...нәмәлтай әдебиеті қазақ тілінің бұл ауруына ем қарай алмады* [Мендекеев 1991, 5]. *Тоғыта бастау* – варваризмге жол беру, тіл тазалығын сақтау. *Араб-парсы сөздерінен арашаламақ болып бастап тұрып, ақырында сол араб-парсы сөздерін олардың өздері тоғыта бастады*.

Бұл келтірілген мысалдарға көретініміз – проф. Қ. Жұбанов қазақтың халықтық тіліндегі небір шұрайлы қолданыстарға әлеуметтік-саяси астар беріп, оларды ғылыми-публицистикалық айналымға енгізген. Сол халық ұғымына етене таныс сөз орамдары арқылы ғалым тарихи, философиялық және экономикалық ұғым-түсініктердің мәнін жұртшылыққа тереңнен түсіндіре білген. Бұл кезеңде автордың қаламы мейлінше жетілген, стильдік қаламы барынша екшеленіп, алабажақ сөз саптауларды зерттеу объектісіне араластырмай, баяндайтын жайды бір қалыпты ширақ, әрі тартымды тілмен сөз етеді. Қаламының жүйріктігіне бағып, ара-тұра алаулатып-жалаулатып, публицистикадан билитристикаға ауысып кететін, немесе орынсыз жерде қиыстырып өлеңдете жөнелетін кейбір әсіре қызылшылдардай емес, Қ. Жұбанов кәнігі көсемсөз иесі бола отырып, сол тілдік мәтінді ғылыми таным деңгейінен төмендетпей, әрі оқырманын да жалықтырмай қомақты да, терең әлеуметтік мәселелерді ұтымды да көркем етіп, көкейге қонымды стильмен ғажайып етіп берген. Оның бұл еңбегі ғылыми публицистикалық стильдің тамаша үлгісі екені даусыз. Сөз соңында қазақ тіл білімінің теориялық негізін қалаушы, профессор Құдайберген Қуанұлы Жұбановтың диалектология ғылымы туралы айтқан пікірлері күні бүгінге дейін өз маңызын жоймағандығын атап өткіміз келеді.

Әдебиет

Әуезов М., Кеңесбаев С.К. Қазақ лингвистикасының негізін қалаушы //Қазақстан мұғалімі 1957, 5 желтоқсан, №50

Жұбанов Қ. Төңкеріс және қазақтың ұлт тілі // 1935 жылы «Қазақ әдебиеті» газетінде. 20 ноябрь, №35.

Кеңесбаев С.К. Қазақ тілінің фразеологиялық сөздігі. – Алматы. Ғылым, 1977. – 712 б.

Қ.Жұбанов. Шығармалар мен естеліктер. – Алматы, Өнер, 1990. – 208 б.

Мендекеев Ә. Сегіз қырлы бір сырлы // Зауал. – Алматы: Жазушы, 1991. 220-229 б.

Резюме

В статье рассматриваются проблемы становления казахской диалектологии как самостоятельного направления национальной филологической науки и вклад видного казахского ученого-филолога Жубанова К.К. в изучение и классификацию казахских говоров.

БАШКОРТ ТЕЛЕ ҺӘМ ӘЗӘБИӘТЕ ДӘРЕСТӘРЕНДӘ ДИАЛЕКТ ҺҮЗЗӘРЗЕҢ КУЛЛАНЫШЫ

Диалекттар һәм уларға караған һөйләштәр – әзәби телгә һут биреп, уны тулыландырып тороусы тамырзар. Халык телмәре – әзәби телде әленән-әле яңы элементтар менән байытыусы сығанак.

Көндәлек тормошта укыусылар ерле һөйләш телен кулланһа ла, уларға әзәби тел менән һөйләш айырмаһын аңлатыу – башкорт теле укытыусыһының төп бурыстарының береһе. Тел менән файзалана алыу, ижад итеү һәләтен үстәреү, дәрәс укырға һәм язырға өйрәтеү зә тел дәрестәренең мөһим бурысы булып кала. Шул ук вакытта телебезҙең матурлығын, үзенсәлектәрен күрһәтеү зарур.

Һөйләш үзенсәлектәре укыусыларҙың язма телмәрендә йыш кына сағылыш таба. Уларҙы фонетик, лексик һәм грамматик төркөмдәргә бүлеп карарға мөмкин.

Фонетик үзенсәлектәргә миҫалдар:

1) һузынқылар һәм тартынкы өндәргә бәйлә үзгәрештәр: *мынса* – әз. *мунса*, *кинғәсәй* – әз. *еңгәсәй* (солдатик), *анда-мында* – әз. *унда-бында*, *тыуған көнөң бенән* – әз. *менән*, *тауға бенәм* – әз. *менәм*, *кемуды?* – әз. *кемде?*, *йак,йок* – әз. *юк*;

2) редукция күренеше: *баяк* – әз. *баяғы* ук, *кайы* – әз. *кайһы*, *у* – әз. *ул*, *шан* – әз. *шунан*, *апкил*, *әпкил* – әз. *алып кил* һ.б.

Язма телмәргә сағылған лексик үзенсәлектәр, мәсәлә, *Минең һеңлем лауылдан* (әз. *кысқырып*) *һөйләшә*. *Без тәмле ашты йыпырабыз* (әз. *ашайбыз*) *ғына*. *Озақ һыу төшкәнгә, дерелдәтә* (әз. *өшөтә*). *Минең әсәйем икмәкте күпсетеп* (әз. *әсетеп*) *бешерә*. *Бер бала сәпиттә* (әз. *велосипед*) *йөрөй*.

Язма телмәргә сағылған грамматик үзенсәлектәр. Мәсәлә, күплек ялғаузарза: *Безең малайлар һәм кызлар бик дуҫ*. *Атлар өйөрө бер нимә лә булмағандай, тыныс кына, үлән ашауын белде*. *Йыйылышта өлкәннәр дүзем катнашты*.

Был башкорт балаларына ғына хас хаталар, сөнки урыҫ балалары бер вакытта ла диалект һүззәре кулланмай, сөнки улар һүзлектәр менән эш итә.

Оло быуын вәкилдәре менән һөйләшкәндә диалект һүззәрен күп ишетергә тура килә. *Бынау бала мейемде серетеп, башымды марама* (әз. *каңғыртты*) *итте*. *Насар укығас, кайтып хәзер борколдатып* (әз. *әрләп*) *алам әле*. *Рәхәтләнен һөйәк мөнжөнөм* (кимерзәм). *Картайһаң, йүнең (рәтең) бөтә икән*. *Сана бозок булғанда берәүгә лә кәрәкмәй ине, ә хәзер, йүнәткәс, этенә лә, бетенә лә кәрәк*. *Нимә бирләнһең, (еннәнһең)* (рус. *спиховать*), *үзең гәйепле*. *Такыр юлды* (әз. *тигез*) *ташламаһаң, барып етәһең*. *Нимә мактайһың, без төпәләүзен* (әз. *мактаузан*) *үттек инде*. *Һәлпелдәп, килеп еттем әле*. *Мышкылдауы* (әз. *мышлап*, рус. *сопит*) *буйынса, йоклай икәннен белдем*. *Был әйберең якшы, кер күтәрә* (әз. *тиз бысранмай*). *Шылтыратам, шылтыратам өйөнә, эт тә алмай* (әз. *берәү зә*).

Ризаһызлык белдерәү: *Шытып сығып* бара (кулсыр, тиктормас бала). *Киленем тағы һемтәңләп сығып китте* (күп, теләһә кайза йөрөү). *Нимә быстаңлап* (яйлап, хәләң бөтөп) *китеп бараһың?* *Күзе сипайып* (кысып), *миңә карап торасы*. *Күзеңә төкөрәйем, үңәсе элмәйеп* (ябык кешегә әйтелә), *бахыр булып йөрөй*. *Һөйәктәрең менән нимә шағырлап китеп бараһың?* *Сурытма, бунылдама* (күп тапкыр кабатлама), *һинһез зә мин беләм*. *Коронкона калгыры* (әрләү һүзе), *тыңламай сәпсимдә* (рус *һүзе совсем*). *Тызаңламай ғына* (борголанма) *ултыр*. *Тәмәкеңде боркотоп* (төтәтеп) *йөрөмә эргәмдә*. *Күзең таппайып* (зур асып) *ултыраһың*.

Өрләү һүззәре: *оро*, *урлаксы* – әз. *урлаусы*, *бур*; *йолкош* – насар кейенгән йәки насар ғаиләнән. *Өрләгәндә тағы ла түбәндәге һүззәр кулланыла: алаварман, хәйерсе, сүмейе, картишәк, ергенәңгер, шүмән, кәһәр һуккан*.

Рус теленән ингән һүзәр: *муклашка* (ударю), *сәпсим белый* (совсем), *әтү, ату, иту* (а то), *вит* (ведь), *ивет* (так ведь), *вәт* (вот, ведь), *навернай* (наверное), *маладис* (молодец).

Урыс балаларының башкорт һүзәрән кулланыуы: *айдате* – баш. *әйзәгез*, *кил манда* – баш. *кил бында*, *барыбыр* – баш. *барыбер*, *саям* – баш. сәләм.

Фразеологизмдар: *Әйтә бар*, *артынан һәрә бар* – вакытында әйт. *Сыбык осо туган* – алыс тыуған.

Укыусыларза йәнле һөйләү телмәрәнә карата кызыкһыныу уятыу максатынан без үз районыбыздың һөйләше буйынса һүзлек төзөүзе дауам итәбез.

Мәсәлән:

Авай бул – иғтибарлы
Аңшайып тора – карап тора
(окшамаған кешегә әйтелә)
Ауызыңды йырам – әрләнәһең йәки
тукмалаһың
Бизгытаһың – изәһың
Бирең кузған – асыуланған
бытылдак – күп һөйләүсе кеше
Бытырлығы сыга – күп һөйләй
Жарзылар егеттәрзе – тукманылар
Йылга сөмбәй – капыл тәрән
Йылы кулда – һыуык төшмәс борон
Йыпыра гына – тиз ашай
Кайырга китте – кайза
Кәмһетеү – кыйырһытыу
Когорлай – тамак төбө
Купырған була – мактана
Күзеңде ташпайтма – күзенде зур
асып карама
Ләх ята – тора алмай
Мөнжөү – кимерә
Мыжыма – күп һөйләнә

Нишә – нимәгә
Һерәйеп ултыра – бер нимәлә
эшләмәй
Һәр нәмәнең әтнәкәһе бар – һәр
нимәнең мәғәнәһе бар
Һуғыу – тондороу
Һукрана – һөйләнә
Сикәндәрә – өшөтә
Сөтөрләй, сөптөрләй – насар аға
Таш сәпләү – таш ташлау
Томаркы – эсе боркоп тора
Туймас калгыры – күп ашай
Туйтаңлау – атлау
Хемер сәйеңде – тиз эс
Шапылдап койма, шапылдама –
сәсрәтмә
Эсе көтөрләй, буғырлай
Эсе ный һынным – нык эсе
Әйвәт кенә – якшы
Әллеү – ауыртыуы белдерә
Әптәк-һөптөк балалары – теләһә
кемдең балалары
Әптәләнһең – кабаланаһы

Диалекттарзы өйрәнәүзең әһәмиәтен бөгөн бер кем дә кире какмай. Ерле һөйләш аша укыусыларға әзәби телде өйрәтеү – укытыусының төп бурысы.

Әзәбиәт

Абдуллина Ф.Ф., Псәнчин В.Ш. Әсә теле: Урта мәктәптең 8–9 синыфтары өсөн дәреслек. 4–се басма. – Өфө: Китап, 2004.

Академический словарь башкирского языка / под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. Т 1.- 432 с.

Башкортса–русса һүзлек / Ураксин З.Г ред. М.: Русский язык 1996.

Дилмөхәмәтов М.И., Нәзерғолов У.Ф., Сабирийәнова С.Ф., Ғәрәева Ғ.Ғ. Башкорт теленәң диалекттары һүзлегә. – Өфө: “Китап”, 2002.

Миржанова С.Ф. Северо–западный диалект башкирского языка. – Уфа: Китап, 2006.

Псәнчин В.Ш. Телдең күркәмлек саралары. – Өфө: Башкортостандың китап нәшриәте, 1984.

Ураксин З.Г., Ураксин Ю.З. Русско–башкирский словарь. – Уфа: Китап, 2002.

Һазыева Р.Н. Башкорт теленәң этнолингвистик һүзлегә. – Өфө: Башкортостан “Китап” нәшриәте, 2002.

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ БАШКИРСКОГО ДИАЛЕКТИЗМА
ЙӘШӘНГЕЗЕҮ ‘СЛЕЗИТЬСЯ’**

Башкирские диалектные слова *йәшәнгезеү, йәшәнгераү* ‘слезиться’ представляют из себя производные от древнетюркского *jāš* ‘слеза’ [ДТС], общетюркского **jāl* [Старостин 1991, № 21].

Типологически сходные словообразовательные явления наблюдаем и в русском глаголе *сле-зить-ся*, производном от основы *слеза*.

Наличие таких сходжений как монг. **nidün*; тунг.-маньч. **niā-sa*; кор. *nún* ‘глаз’, сравни монг. **ni-l-mi-sun*, алт. **niā(l’)-mūri* ‘вода глаза’, позволяет вести речь об алтайской этимологии тюркского, соотв. башкирского обозначения слезы, см. [Старостин 1991, № 21], ср. также пра алт. **niā* ‘глаз’ и **niālv* ‘слеза’ [EDAL 981-982, 1473].

В тюркологии и алтаистике имеется много работ по обоснованию семантической и фонетической связи слов в значении ‘глаз’ и ‘слеза’, где говорится об общем этимоне таких слов; так нан. *nasa-l* < тунг. **iasa* ‘глаз’ [Ramstedt 1949, 172].

Слова ‘глаз’ и ‘слеза’ относятся к наиболее устойчивым разрядам лексики очень многих языков мира, как правило не подвергающимся процессу заимствования [Долгопольский 1964].

Исследованиями в русле поиска общих элементов в рамках больших и/или сверхбольших этнолингвистических объединений (гипотетических макросемей) найдены многие лексические сближения с общей основой (корнем). Ниже привожу данные по четырем таким макросемьям, а именно **I.** ностратической, **II.** сино-кавказской, **III.** австрической, **VI.** америндской.

I. По ареалу урало-алтайских языков: фин. *nolki* ‘слизь’, чув. *śul* < **čāl* < **nāl* ‘слеза’ др. тюрк. *jāš* ‘слеза’ и т.д., монг. *nīl-bu(*r)-sun* ‘слеза’. На основе венг. *nyal* и алт. формы *nāl* общую УА форму можно восстановить в виде *nāl* [‘слеза’], см. [Porre 1977, 222-223]. Далее имеем фин.-угор. **näke-* ‘видеть’...- семит. **nkr* ‘осматривать’... [Долгопольский 1964, 3, № 15].

нивх. амурск. диал. *n-ax*, сахал. диал. *nigi-x* ‘глаз’ с отыменным суфф. из *nāk* ‘видеть’: фин. *näke* ‘видеть’, *näko* ‘лицо, внешность’, эст. *nagu* ‘вид’... [Bouda 1960, 383].

праинск. **ni, *ña-* ‘глаз’... [Вовин 1985, 20]. Также на материале палеоазиатских языков (по старой терминологии) имеющие общую основу ител. *nani* ‘глаз’, алеут. *nani-* ‘находить’ происходит из этимона **nani* [Swadesh 1964, 1276].

На ностратическом уровне обозначенные выше и подобные им формы слов возводятся к **[ñ]exa* ‘видеть’, либо к **näk[v]hê* ‘видеть, ощущать’ [Dolgopolsky 2008, № 1630, 1549].

II. Таксономические вопросы в рамках теории сино-кавказских языков опускаются, здесь даны сравнения лишь из некоторых языков данной гипотетической макросемьи:

атабаскские языки: като *-na* ‘глаз’, хупа *-na*, маттоле *-na, -na g-*, навахо *-ná*; чипчевьян *-nà-, -nàya...* [Shafer 1952, 16], навахо *-nāá* ‘глаз’ [Хойер 1960, 97].

Из языков Кавказа: кабард. *na* ‘глаз’, груз. и лазск. **nax* ‘видеть’... атапаск. *naga, naxai* и подобные [в значении] ‘глаз’ [Trombetti 1903, 165]. Ср. баск. *negar, nigar* ‘слеза’ ~ *nēwqū* ‘слеза’ [Nikolayev, Starostin 1996, 848].

III. Многочисленные примеры по языкам австрической языковой семьи с общей основой типа NVKV ‘быть видимым, видеть’ приведены в ‘глобальной’ сводке итальянского макрокомпаративиста А. Тромбетти [Trombetti 1920, 325]. Примерами могут служить *nako* ‘глаз’ из языка сесаке, в меланезийских языках (ветвь австронезийской семьи, по современной классификации) однокоренное слово *nago* имеет значение ‘лицо’.

Согласно новейшим исследованиям (Дж. Бенгстон, В. Блажек), корни которых уходят в работы XX века, айнский язык также следует причислить к кругу аустрических: сходство айнск. *nui* ‘глаз’ с приведенными выше примерами очевидно.

IV. Конкретные когнаты (однокоренные слова) тюркского обозначения *слезы* обнаруживаются и в такой гипотетической языковой сверхсемье как америндская. В примерах недостатка нет: по аборигенным языкам Северной Америки – ваппо, юки *naw-*, юрок и праалгон. *new* ‘видеть’, из языков Центральной и Южной Америки – аравакск. **nawi*, кечуа *ñawi*, миштек. **nui* ‘глаз’ [Swadesh 1959, 8], ср. Прото же **no* ‘глаз’, по языкам экваториальной ветви языков Южной Америки: карири *ne*, кампа *nie* ‘глаз’ и т.п. [Greenberg, Ruhlen 2007, 184].

Немецкий макрокомпаративист К. Боуда сравнивал аборигенный язык уаве (Центр. Америка) с уральской ветвью языков Евразии. По нашей тематике примером является уаве *niak, niag* ‘глаз’: нивх. *n'a-x* и т.п. из **ñäk* ‘видеть’, финск. *näke, nähdä* ‘видеть’ и т.д. [Bouda 1964].

Некоторые заключительные наблюдения

Ранее подобные схождения приводились А. Тромбетти [Trombetti 1928, 245]: ваппо *nao* ‘видеть’, алг. *näi-*, *naw*, нивх. *nju-* ‘видеть’; коптск. *nau*, юрок *neṣwo* ‘видеть’, фокс – *nāgi* ‘вид, внешность’, кри *-nāki* - ‘видеть’, атапаск. *naga, naḥa-i* ‘глаз’, нивхск. *ñax* ‘глаз’, сравни из сино-тибетских языков: бодо *nai, ne* ‘наблюдать’, *ni*, кит. **m-in* ‘лицо’ и подобные общие слова. В цитированной выше работе ученого от 1903 года коптское *nau* сопоставлено с тамил. *nōkku*, уральск. *näge-*, айнск. *nuk-aru* ‘видеть’ [Trombetti 1928, 165]. В своей часто цитируемой работе Тромбетти назвал [фономорфологические] типы *nak, nag* и подобные им ‘более распространенными’ (ит. *più diffusi*) в языках мира.

Итак, ностр. **nidV* ‘глаз; смотреть’ [Dolgopolsky 2008, № 1532], працентр. алт. **nē-* ‘видеть’ (по Блумфилду), праалт. *niā* ‘глаз’ < тюрк. **jāl* ‘слеза’, монг. **ni-dii*, тунг. **ñia-sa*, пракор. *ñi-n* ‘глаз’ (по Старостину) и подобные лексемы имеют некую единую, общию этимологию и едва ли представляют из себя продукт фактора случайного совпадения или общности контактного характера. Эскизно обозначенное выше общее происхождение, как предполагает автор, уходит своими очень древними корнями в существовавшую некогда в доисторическое время этноязыковую генетическую общность бореальных, иначе бореиских языков в ареале Старого и Нового света.

Литература

Вовин А. Реконструкция позднего айнского языка // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока, ч. 3. – М., 1985. С. 18-20.

Долгопольский А.Б. Гипотеза древнейшего родства основных языковых семей Северной Евразии с вероятностной точки зрения // Вопросы языкознания. 1964. № 2. С. 53-63.

ДТС = Древнетюркский словарь / Надеяев В.М., Насилов Д.М., Тенишев Э.Р., Щербак А.М. – Л.: Наука, 1969. – 677 с.

Старостин С.А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. – М.: Наука, 1991. – 298с.

Хойер Гарри. Лексикостатистика // Новое в лингвистике. Т.1. (Критический разбор). – М., 1960. С. 88-97.

Bouda K. Verwandtschaftsverhältnisse des Giljakischen // Anthropos, 55, 1960. S. 355-415.

Bouda K. Huavestudien/ Uralisches in Huave // Etudes finno-ougrienes I, 1964. S. 18-28.

Dolgopolsky A. Nostratic Dictionary. Cambridge: The McDonald Institute for Archaeological Research. 2008.

EDAL = Starostin S., Dybo A., Mudrak O. Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Vol. I – III. – Leiden, Boston, 2003.

Greenberg J.H., Ruhlen M. Amerind etymological dictionary. – Stanford: SUP, 2007.

NCED = Nikolaev S.L., Starostin S.A. North Caucasian Etymological Dictionary. – Moscow: Asterisk, 1994. – 1406 p.

Poppe N. The problem of Uralic and Altaic affinity // *Altaica*. – Helsinki, 1977. P. 221-225.

Ramstedt G. J. Studies in Korean etymology. – Helsinki, 1949.

Shafer R. Athapaskan and Sino-Tibetan // *Internat. J.Am.Ling.* 18. P. 12-19.

Swadesh M. The mesh principle in comparative linguistics // *Anthropological linguistics*, 1 (2), 1959. P. 7-14.

Swadesh M. Linguistic relations across Bering Strait // *American Anthropologist*. 1964. P. 1274– 1282.

Trombetti A. Delle relazioni delle lingue caucasiche con le lingue camito-semitiche e con altri gruppi linguistici // [I] *GSAI XV* (1902), [II] *GSAI XVI* (1903).

Trombetti A. *Comparazioni Lessicali // Saggi di glottologia generale comparata*. T.3. 1920.

Memorie della R. Accademia delle Scienze dell' Istituto di Bologna. Sezione di Scienze Storico-Filologiche, Ser. 2.

Trombetti A. Origine asiatica delle lingue e popolazioni americane // *Internation congress of americanists* 22 (1). – Roma, 1928. P. 169-246.

Саляхова З.И., г. Стерлитамак

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЗАЛОГОВЫХ ФОРМ ГЛАГОЛОВ В БАШКИРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ И В ДИАЛЕКТАХ

В башкирском языке в залоговую систему входят актив (основной залог), пассив (страдательный залог), рефлексив (возвратный залог), реципрок и социатив (взаимно-совместный залог), каузатив (понудительный залог).

Актив (основной залог) не характеризуется специальным показателем. С точки зрения структуры актив в башкирском языке представлен следующими типами глаголов:

1. Корневые, представляющие в основном односложные глаголы типа *яз-* «писать», *ал-* «брать», «взять», *һыз-* «чертить», *бар-* «идти», «ходить», «ехать», *бор-* «крутить», «вертеть» и т.д.

2. Производные глаголы, которые образуются:

от имен существительных и других частей речи, а также междометий, звукоподражательных и образоподражающих слов посредством специальных глаголообразующих аффиксов, наиболее продуктивными из которых являются аффиксы: *-ла/-лэ*; *-лан/-лән*; *-лаш/-ләш*; *-й*, *-ай/әй*; *-р*, *-ар/-әр*, *-ыр/-ер*, *-ор/-өр*; *-ылда/-елдә*, *олдә/-өлдә*). Например: *фекер-лэ* «размышлять»; *матур-ла* «украшать», *горур-лан* «гордиться», *озак-ла* «задерживаться»; *икешәр-лэ* «распределять по две», *мыяу-ла* «мяукать» и т.д.

Обычно принято считать, что в сферу актива входит нулевая залоговая форма переходных и непереходных глаголов. На самом деле сфера актива гораздо шире. В нее входят также и значительная часть глаголов, осложненных той или иной формой залога, но не имеющих значение данного залога. Ни один аффикс, посредством которого образуется тот или иной залог, не является исключительно залоговым. В ряде случаев эти аффиксы имеют в большей степени словообразовательное значение.

Необходимо отметить, что в некоторых диалектах в форме актива могут функционировать глаголы, осложненных тем или иным залоговым показателем, но не имеющих значение данного залога. Например, в демском говоре южного диалекта форма на *-ш* (*-ш* – показатель взаимно-совместного залога) употребляется в значении актива (основного залога): *аңнаша* вместо литературного *аңлай* «понимает», *йыуыша* вместо литературного *йыуа* («моет»), *тыңнаша* вместо литературного *тыңлай* «слушает», *тирләшә* вместо литературного *тирләй* «потеет»).

В башкирском языке пассив (страдательный залог) обозначает действие, которое совершается грамматическим объектом и переходит на грамматический субъект. Иначе

говоря, при страдательном залоге грамматическое подлежащее оказывается с логической стороны объектом, а грамматическое дополнение – логическим субъектом. Например. **Билдә укытыусы тарафынан куйылды.** Билдә является грамматическим субъектом, но логическим объектом, укытыусы грамматическим объектом, но логическим субъектом.

Выделение категории залога в башкирском языке производится по так называемым залоговым аффиксам, для пассива это: *-ыл/-ел, -ол/-өл; -н,-л; -ын/-ен, -он/-өн: яз – яз-ыл «будь написан», эс – эс-ел «будь испит», бизә – бизә-н «будь украшен», ал – ал-ын «будь взят»* и т.п. Примеры. *Йыһандар Рамазанов тигән исем дә ташка уйылмаган, тактага теркәлмәгән... Берәү зә теркәлмәгән* (М. Кәрим). *Матәм моңо яңгырашында алты табутты төшөрөп, тиз генә күмеп куйзылар; уба өстөнә тере сәскәләр һалынды* (Й. Солтанов).

Таким образом, характерным показателем пассива являются аффиксы *-л, -ыл/-ел*, которые характерны не только для башкирского литературного языка, но и отдельным говорам, которые свидетельствуют о древности этих аффиксов. В этом плане значительный интерес представляют работы Т.Г. Баишева [Баишев 1955], С.Ф. Миржановой [Миржанова 2006], Н.Х. Ишбулатова [Ишбулатов 2000], М.И. Дильмухаметова [Дильмухаметов 2005, 66-74], в которых излагаются залоговые формы, в том числе и пассивные формы, употребленные в диалектах и говорах башкирского языка. В башкирском языке в некоторых говорах значение пассива передается с помощью аффиксов *-лын, : йәшереп апкайтылынды. Туйылынды* (юго-восточный диалект); аффикс *-улы* употребляется в нескольких вариантах: *Шәм асыулы тора. Шәм асылулы тора. Шәм асылынулы тора.* Если в основе слова имеется звук *л*, то значение пассива выражается аффиксом *-н*: *Дәрес баиланды. Өй һалынды.* В айском говоре восточного диалекта, как отмечает автор, у некоторых глаголов, образованных аффиксами *-та/-тә/-за* страдательное значение передается аффиксом *-л* вместо *-н* литературного языка: *биктәл «закрываюсь» – лит. биклән, таштал «бросайся» – лит. ташлан, йөктәл «нагружайся» – лит. йөклән.* В кызылском говоре в некоторых глаголах страдательный залог оформляется аффиксом *-ылы*: *Йәшереп апкайтылынган нәмә «Вещь, которую притащили тайком».* Данный аффикс нередко выступает в качестве оформителя безличных предложений: *Туйынылган «Наелся».* В отдельных говорах форма одного залога может употребляться вместо других залоговых форм или иногда наблюдается сплетение показателей двух залогов. Например, в аргаяшском говоре глаголы типа *кайгылану «горевать, печалиться», эсенәү «пить, букв.: поить себя», ашану «есть, букв. кормить себя», тагыну «быть увешанной безделушками», нуйыну «киснуть», әзәрзәнәү «ругаться», базану «уставать», күсендерәү «переселяться»* имеют показатели страдательного и возвратного залогов.

В башкирском языке рефлексивные формы (возвратный залог) выражают действие, которое совершается самим субъектом и направлено им на себя самого, которые образуются с помощью аффиксов *-н* после конечных гласных: *ура-н-ыу- «кутаться», «укутываться»; телә-н- «клянчить»* и *-ын, -ен, -он, -өн* после конечных согласных глагольной основы: *яб-ын-ыу «укрыться»; йыу-ын-ыу «мыться»; ял-ын-ыу «упрашивать», «умолять».*

Например: *Әйзәгез, миңә торлакка барайык, – тип һөйләнә-һөйләнә, беззәң ризалықты ла көтмәй, етәккә алды ла тау битләүенән алып китте* (Н. Мусин). *Батиша кызарынган, ти, Тиреһенә һыймастай, Батиша бүртененгән, ти* («Урал батыр» эпосынан).

При употреблении рефлексивных форм в литературном языке и в диалектах наблюдаются определенные расхождения. Например, айский говор восточного диалекта характеризуется употреблением возвратного залога вместо основного: *ашан- «кушать»* вместо литературного *аша- «кушай»; теген-* вместо литературного *тек- «шить».* Часто вместо возвратного функционирует форма взаимного залога: *йыуыш* вместо литературного *йыу «умойся», «вымой»; тукмаш* вместо литературного *тукма «бей».* Некоторые глаголы

могут употребляться с аффиксами страдательного и возвратного залогов: *кайгыланыу* «горевать», *эсенеу* «пить», *ашаныу* «есть», *тагыныу* «быть увешанными безделушками», *базаныу* «установить» и т.п. В сальзигутском говоре возвратный залог образуется аффиксом *-ын/-ен, -н*: *һугыныу* «ткать» вместо литературного *һугуу*; *йанданыу* «тесать» вместо литературного *янлау*. В гайнинском говоре северо-западного диалекта возвратный залог передается аффиксом *-ын/-ен/-ан, -н (-ылын)*: *туйыныу* «наестся» вместо литературного *туйуу*; *йыгылыныу* «упасть» вместо литературного *йыгылуу*; *кузаныу* вместо *кузырау*; *йоклап кителенгән, күп ашап ташланылған* вместо литературного *йоклап киткәнмен, күп ашап ташлаганмын*. Рефлексивное значение передается с помощью аффиксов *-г, -ш, -лык, -ык*: *тотлогоу (тотлогон һөйләшә), тарыгыу* (в значении «тяготиться») в литературном – *тарһыныу*; в сальютском говоре *бошогоу* вместо литературного *бошоноу*; в айском говоре *биртегеу*, в кизилском говоре *биртенеу*. В некоторых случаях рефлексив оформляется аффиксом взаимного залога *-ыш/-еш*: *тырнашам* «чешусь» вместо литературного *тырнамам*; *буйашам* «занимаюсь покраской» вместо литературного *буянам, төпләшә* (в значении «копается», «выспрашивает») вместо литературного *төпсәнә*. Для говоров восточного диалекта характерно употребление глагола взаимно-совместного залога в возвратном значении *йыуынам – йыуышам*.

Реципрок и социатив (взаимно-совместный залог) в башкирском языке характеризуются аффиксами *-ыш/-еш, -ош/-өш; -ш*: *яз-ыш, тот-ош, ал-ыш, төзө-ш, осра-ш, косакла-ш, һөйлә-ш* и т.п.

Формы реципрока образуются от переходных глаголов, выражают действие совершаемое взаимно двумя или несколькими субъектами по отношению друг другу или в помощь друг другу: *Сыуакай әбей иртүк килеп Бибешкә өй йыйыштырышты* (З. Бишева). *Уның оло улы, атаһына каршы сығып, ат тугарышты* (З. Бишева). Актанты при реципрокной форме выражают взаимное действие с прямым объектом действия. Например: *Катындар ауызга-ауыз терәп шым гына хәбәр һөйләшен ултыралар* (Н. Дәүләтшина). *Катындар* – актанты, *хәбәр* – прямой объект действия, *һөйләшен* – взаимное действие, совершенное несколькими субъектами.

Социативные формы образуются от непереходных глаголов и сами имеют непереходное значение. Они выражают совместное действие, совершаемые несколькими логическими субъектами, которые грамматически могут быть и не выражены. Действие при этом совершается вместе с кем-либо, с чем-либо, совместно с кем – либо. *Башта без күңелле шаярышабыз. Унан нимәгәлер ызгышабыз* (М. Кәрим). *Балалар бөтәһе бер юлы шаулаша* башиланылар (З. Бишева).

В отличие от литературного языка, в башкирском народно-разговорном языке функции залоговых форм семантически не всегда дифференцированы. Наиболее активной является форма реципрока и социатива на *-ш*, которая выполняя функцию словообразования, может выходить в сферу актива, пассива и рефлексива, при этом исходная семантика слова может и не сохраняться. В литературном языке *ороу* «бить», «ударить», в разговорном – *орошоу* «ругаться»; в литературном языке *булуу* «быть», в разговорном – *булышыу* «придираться» и *булышыу* «помогать», в литературном языке *уңуу* «везти», в разговорном – *уңыша алмай* «не везучий», в литературном языке *яклайһың* «защищаешь» – в разговорном *яклашаһың* «защищаешь», в литературном языке *һызланам* (пассив) «страдаю от боли», в разговорном – *һызлашам*, в литературном языке *төпсәнәу* «выспрашивать», «копаться», в разговорном – *төпләшеу* и т.п. В башкирских говорах, в отличие от литературного языка, наблюдаются явления, где вместо формы одного залога употребляется форма другого залога, хотя по закону языка основа глагола не должна сочетаться с этой формой. Например: *Сылашмай, бер-беренә намыстатышып... «Не терпят друг друга, стыдят...»*. *Икенсе нейзәр менән бәйзәнешкән* «Связался с другими». *Миңә лә кызыша, Мәликәгә лә кызыша* «И на меня, и на Малику накричал». *Тәккә ауырзырыштырып кына ебәрә* «Только часто побаливает» и т.п. В таньпском говоре

аффикс *-ш* выступает не только в функции реципрока и социатива, но и в переходных и непереходных глаголах, когда глагол обозначает постоянное действие. Например: *Корт сагышты* вместо литературного *корт сакты* «пчела ужалила». *Бармак сәнсеишә* вместо литературного *бармак сәнсә* «палец колет», *эт теишләшә* вместо литературного *эт теишләй* «собака кусается», *ир һүгеишә* вместо литературного *ир һүгенә* и т.п.

Каузатив (понудительный залог) обозначает процесс, который исходит от активного субъекта с целью воздействия на лицо или предмет, в результате которого лицо должно будет совершить определенные действия, т.е. представляет собой подчинение основного субъекта действия другому субъекту или другим логическим субъектам. Например: *кыз бешерә* «девочка варит» (здесь логическим субъектом является *кыз* – девочка) и *кыззан бешерт* «заставь девочку варить» или «проси девочку варить».

Каузатив в башкирском языке характеризуется следующими наиболее продуктивными типами залогообразующих аффиксов от основы: *-дыр/-дер, -дор/-дөр; -тыр/-тер, -тор/-төр; -зыр/-зер, -зор/-зөр; -т:* *кал-дыр* «заставь остаться», «оставь»; *һүн-дер* «заставь гаснуть», «погаси», *яһа-т* «заставь сделать что-то» и т.п. Примеры. Зоотехник уларга быны якшы **төшөндөргән** (З. Бишева). Атайым мине, күтәрән сыгарып, йәшел бесән түшәлгән шул кырандаска **ултыртты**, яныма Оло инәйем йылышты (М. Кәрим).

Непродуктивными являются следующие аффиксы, образующие каузативные формы: *-гыз/-гез; -гоз/-гөз; -кыр/-кер, -кор/-көр; -ыр/-ер, -ор/өр; -ар/-әр; -һат/-һәт.*

Наряду с литературными формами в языке довольно часто встречаются диалектные формы каузативов, которые имеют свою специфику употребления. Например, в айском говоре восточного диалекта понудительный залог обычно употребляется в значении основного залога: *Изән буятам* букв.: «Заставляю красить пол» вместо литературного *Изән буяйым* «Крашу пол». Каузатив образуется при помощи аффиксов диалектного варианта: *-кыз, -каз, -кез, -гез, -тыр:* *йаткыз* вместо литературного *яткыр* «уложи»; *йеткез* вместо литературного *еткер*, *менгез* вместо литературного *мендер* «подними»; *тоткоз, тотказ* вместо литературного *тоттор* «заставь схватить что-либо»; *һыйгыз* вместо литературного *һыйзыр* «умести» и т.п. В аргаяшском говоре понудительный залог функционирует посредством аффикса *-ыз:* *Тәнәйзәрәңде утыз!* Вместо литературного *Кәйнештәрәңде ултырт!* «Посади своих младших девочек!». В сальзигутском говоре каузативные формы выражаются посредством аффиксов *-каһ/-кәһ, -кыһ/-кеһ, -геһ/-гәһ:* *йеткеһ* вместо литературного *еткер* «догоняй», *үскеһ* вместо литературного *үстер* «выращивай», *йаткыһ* вместо литературного *яткыр* «уложи», *коткаһ* вместо литературного *коткар* «спасай», *менгеһ* вместо литературного *мендер* «подними» и т.п.

Таким образом, в башкирском языке употребление залоговых форм в литературном языке и диалектах имеют свою специфику.

Литература

Баишев Т.Г. Башкирские диалекты в их отношении к башкирскому литературному языку. – М., 1955. – 112 с.

Дильмухаметов М.И. Категория залога в диалектах и говорах башкирского языка // Башкирская филология: к 70-летию со дня рождения академика АН РБ З.Г. Ураксина. – Уфа: Гилем. – 2005. С. 66-74.

Ишбулатов, Н.Х. Башкорт теле һәм уның диалекттары. – Өфө: Китап, 2000. – 212 б.

Миржанова С.Ф. Южный диалект башкирского языка. – М.: Наука, 1979. – 272 с.

Миржанова С.Ф. Северо-западный диалект башкирского языка. – Уфа: Китап, 2006. – 296 с.

О НЕКОТОРЫХ ГЕНОНИМАХ ЭХИРИТСКИХ БУРЯТ

Эхириты – одно из четырех племенных объединений бурятского народа. Исконная территория расселения бурят, расположенная на стыке сибирской тайги и центрально-азиатских степей, с давних пор находилась в центре важных этнических и политических событий в регионе. Она постоянно входила в составы последовательно сменяющихся государственных образований хунну, сяньби, жуужаней, орхонских тюрков, уйгуров, енисейских киргизов, киданей, монголов. Прибайкалье издавна было своеобразной «контактной зоной» [Нимаев 1994, 5] различных по происхождению племен – тунгусских, самодийских, тюркских, монгольских. Данные топонимии региона также свидетельствуют о наличии географических названий различного языкового происхождения: палеоазиатского, эвенкийского, самодийского, тюркского, монгольского, бурятского и русского [Мельхеев 1995, 9-61; Шулунова 1995, 56-60].

Первоначальное ядро эхиритов занимало степные участки на территории современных Качугского, Баяндаевского и Эхирит-Булагатского районов Иркутской области – верхний участок долин реки Лены, ее притоков Анги, Манзурки, Куленги, среднюю и верхнюю части долины реки Куды и бассейн реки Мурин от устьев до истоков. С ростом населения и в связи с межродовыми конфликтами, столкновениями с эвенками из-за охотничьих угодий, а также из-за периодических засух, в результате которых скот оставался без корма, началось миграционное движение на свободные территории Ольхонского и Баргузинского районов и в дельту реки Селенги.

Вопрос об этнической принадлежности древних икиресов / икирасов, упоминаемых в древнем памятнике монгольской истории «Сокровенное сказание монголов», предков современных эхиритов, еще не получил своего окончательного решения. Проблемой этногенеза бурят начали заниматься еще в 20-30-е годы XX столетия, но многие стороны этой проблемы до сих пор разработаны недостаточно [Долгих 1953, 42-44; Цыдендамбаев 1972, 287; Вяткина 1969, 13-15; Румянцев 1962, 53]. Анализ существующей научной литературы позволяет заключить, что начало становления монголоязычного ядра эхиритов относится к эпохе Киданьского и Монгольского государств. Но преобладание тюркских по происхождению родов в составе эхиритов несомненно. По мнению Б.О. Долгих, если булагаты были монголизированы задолго до прихода русских, то эхириты еще в XVII в. говорили на тюркском языке [1953, 45]. Ц.Б. Цыдендамбаев считает, что эхиритцы в целом с давних пор, не говоря уже о XVII в., являлись двуязычными. Иначе непонятно, каким образом потом они оказались бурятами по языку [1972, 291].

Сам этноним эхирэд, у Рашид-ад-Дина [т. I, кн. 1, 75, 78] *икирас*, в ССМ [Козин 1941, § 129, 202] *ikires*, в «Алтан тобчи» [Балданжапов 1970, 148] *икэр* – образован от др.-тюрк. *ekiz'*, *ikkiz* 'двойня, близнец', которое в свою очередь восходит к др.-тюрк. числительному *eki*, *iki* (*ikki*) 'два'. Бурятское *эхур* 'близнец, близнецы', ст.-монг. *ikire* 'двойня, близнецы', вероятно, заимствовано из тюркских языков. Если в тюркских языках числительное *eki/iki* образует целое словообразовательное гнездо: др.-тюрк. *ekigun* 'оба, вдвоем', *ekinti*, *ikilinč* 'второй', *ikidinki* 'находящийся по обе стороны, относящийся к двум', *ikigü*, *ikilä* 'оба, двое', *ikiläjü* 'во второй раз, снова', *ikinč*, *ikinci*, *ikindi* 'второй, другой', *ikirär* 'по два' [ДТС 167-168, 206-207], то в монгольских языках соотносительная основа отсутствует. Это в какой-то степени подтверждает гипотезу о ранней тюркоязычности эхиритов [Цыдендамбаев 1972, 287-288; Санжеев 1983, 50-51].

Этнонимы *икирес* и *икирас*, образованы от др.-тюрк. *ekiz/ikiz* по одной из наиболее распространенных этнонимических моделей в алтайских языках: *ekiz* + *ec/ ikiz* + *ac*. Ср. *чор-ос*, *ор-ас*, *ог-уз*, *тел-ес*, *гага-ис*, *гор-ал-ос*, *шор-ос* и др. [Цаплин 1975, 94]. Изменение *ekiz/ikiz* в *эхур* объясняется законом ротацизма – следствием озвончения [s/z] в

специфических условиях максимального ослабления артикуляции. Как известно, оно наблюдается в конце слов – позиции, способствующей значительной качественной модификации согласных в соответствии с принципом “восходящей звучности”: сильное начало, ослабленный конец: др.-тюрк. *boz* – бур. *боро* ‘серый’, др.-тюрк. *öküz* – бур. *ухэр* ‘бык’, др.-тюрк. *qobuz* – бур. *хүүр* ‘смычный музыкальный инструмент’ [Щербак 1997, 33, 43-47].

Разнобой гласных в окончаниях этнонимов *икирес /икирас* возможно объяснить сингармоническими вариантами первичного общего гласного слога в слове на основе закона сингармонизма: *ekiz + ec / ikiz + ac*.

Изменение же этнонимического форманта *-c* на *-д* (*икирес /икирас > эхирэд*), по мнению А.Г. Митрошкиной, произошло в связи с обобщением этих форм, при котором *-д* получил распространение вместо *-c* (1995, 258). Это могло быть обусловлено тем, что *-д* является наиболее частотным, тогда как *-c* присоединяется только к основам с краткими гласными и дифтонгами, причем после краткого гласного мог быть, кроме *-c*, и формант *-нууд* [Санжеев 1964, 59-60; Рассадин 1982, 74]. Возможно, определенную роль сыграло и чередование [д]/[с], регулярное в монгольских языках: ст.-монг. *dadu/dasu*, монг. *дада-*, бур. *дада(ха)* ‘привыкать’; монг. *улас*, бур. *улас /улад* ‘люди, народ; государство’; монг. *бос-*, бур. *бодо(хо)* ‘вставать’.

Традиционно эхиритов делили на 8 родов. Мы насчитали около 30 родовых групп, относящихся к эхиритскому племени. Эти цифры довольно условны, как условна граница между родом и подродом, между подродом и более мелкими (патронимическими) родовыми ответвлениями. Бурятская генеалогическая терминология не дает четкого определения понятиям «племя», «род», «подрод», «патронимические группы» [Семенова 2005, 16]. Для обозначения племени чаще всего употребляется слово *яһан* ‘кость, национальность, нация’, монг. *яс*, *яс үндэс*, калм. *яси* используются в том же значении. Этот же термин иногда употребляется для обозначения рода. Например, аларские буряты словом *яһан* обозначают и племя, и род: *хонгоодор яһан* ‘племя хонгодор’, *аихай яһан* ‘род ашхай’.

Термины *ураг* и *обог*, означающие ‘союз кровных родственников’, имеют древнюю историю. В XI-XIII вв. у монголов они различались по сфере употребления. Первый использовался для обозначения знатного рода: *Алтан уруг* «Золотой род» – род потомков Есугея-батыра, который раньше назывался Кият-Борджигин; Чингисханом ему было дано название «монгол» [Владимирцов 1934, 103]. Член Золотого рода обладал исключительными правами, даже император не мог единовластно его наказывать. В древнетюркском языке существовало слово *uruglug* ‘родовитый, знатный, благородный’ (*urug* ‘род, племя’ + *-lug*) [ДТС]. Др.-тюрк. *urug*, тур. *uruk*, башк. *уруу*, кирг. *уруи*, тув., тоф. *urug*, як. *руи* в древности имели значение ‘семя, зерно, косточка, плод’, впоследствии от него образовалось значение ‘род, поколение, потомство’; ср. др.-уйг. *urug qadas*, др.-кыпч. *urug tarig* ‘родня, родственники’ [СИГТЯ 308-368]. Очевидно, производящей основой этих слов явилось др.-тюрк. *ur-* ‘зачать, рожать, приносить потомство’ [ДТС].

Обычное понятие «род» обозначали словом *обог*, например, в «Сокровенном сказании монголов» – название родов «багарин обогтан», «салджиут обогтан» и т.п. [Монголой нюуса тобшо 1990, 32]. Термин *обог* возводят к др.-тюрк. *oba*, тюрк. *obaq, otaq, otag* [Владимирцов 1934, 46].

В наши дни термины *обог* и *омог* употребляются в значении ‘племя’, ‘род’, ‘фамилия’ только в Восточном Прибайкалье. *Ураг* функционирует повсеместно в языке бурят со значением ‘родственник’, ‘родня’. Кроме того, у западных бурят *ураг* обозначает подразделение рода, патронимию: *Малаа(н) (у)раг* – *Малаараг* ‘потомки Малана’.

Понятие «род» может обозначаться и терминами *уг*, *эсэгэ*, *эльгэн*. Слово *уг* ‘корень, начало, основа; происхождение’ входит в состав сложных терминов в качестве определения: *уг изагуур* ‘родовое начало, корень, национальность’, *уг үндэһэн* ‘корень

родства, начало’, *уг удамтай* ‘родовитый’. Термин *уг* в том же значении известен в монгольском и калмыцком языках. Находятся параллели и в сложных терминах: монг. *уг удам*, *уг гаралга* ‘источник, начало’; этот же корень в слове *угсаа* ‘происхождение, потомок, род’; калм. *уг тохм* ‘происхождение’, *угта* ‘родовитый, знатный’.

Основное значение слова *эсэгэ* – ‘отец’. Этим же термином некоторые буряты обозначают понятие ‘род’: *готол эсэгэ* – ‘готольский род’, *шаралдай эсэгэ* ‘шаралдаевский род’. Как правило, названия бурятских родов происходит от имени первопредка – ‘отца’ рода. У западных бурят существует также составной термин *эсэгэрэг* (от *эсэгэ* + (*у*)*раг* с заменой гласного второго компонента в соответствии с законом сингармонизма), обозначающий патронимическую группу людей.

Термин *эльгэн* по своему значению полностью совпадает с *ураг* и восходит, по одной из версий, к древнетюркскому *el* ‘племенной союз, племенная организация; народ’. На наш взгляд, вполне допустимы попытки возвести к древнетюркскому *el* современное бурятское *айл* ‘улус, община, местность, группа юрт, дом, семья’ в сочетании *аймаг айл* ‘семья с одной родословной’. В XI-XIII вв. *айл* значило ‘небольшая группа юрт’ [Владимирцов 1934, 171]. Если судить по старомонгольской форме *ajil*, то можно предположить, что *айл* представляет собой результат опрощения: *aj + el > ajil [айл]*. Тогда и в слове *аймаг* вычленяется элемент *ай-*. В бурятском языке слово *ай* имеет переносное значение ‘бесчисленный’: *ай түмэн* ‘множество чего-либо’. Можно предположить, что первичное этимологическое значение слова *айл* есть ‘много el(ов)’ [Бертагаев 1974, 48; Митрошкина 1987, 28].

Хоринские буряты свои внутриплеменные подразделения, патронимические группы называют термином *хүхүүр*. Г.Д. Санжеев считает, что этот термин является результатом контаминации омертвелой основы *кѳку-* (ср. др.-тюрк. *кѳки* ‘корень, происхождение’) и глагольной основы *кѳки-* ‘сосать (о грудных детях)’. Было бы заманчиво возвести термин *хүхүүр* к вышеуказанному древнетюркскому *ur-* и *uq* – др.-тюрк., алт., тув. ‘племя, род, происхождение’, от которого образованы тюркские племенные названия *иуир*, *оуиз*, *оуир* [Санжеев 1983, 51].

Еще один термин *соло* – имеет локальное распространение. Для обозначения рода его используют, в частности, буряты рода *Абзай* – *Абзай соло*. Бур. *соло*, монг. *цоло* означает ‘слава, известность, звание’. Т.А. Бертагаев предполагает, что первоначально *соло* имело значение: 1) ‘молва о ком-л., известность, слава’, а затем 2) ‘прозвище или кличка, данные кому-либо по роду его общеизвестной, популярной деятельности (не обязательно полезной)’. Постепенно значение слова расширяется, добавляется значение 3) ‘звание, титул, чин’, а затем еще 4) ‘хвалебная песня в честь победителя (к примеру, соревнования), ода’ [1974, 116]. Обычный человек мог ‘получить известность’ в первую очередь через принадлежность к какой-либо родоплеменной, а не социальной или профессиональной группе. В результате семантического сдвига, вызванного смежностью функций, слово *соло* получило значение ‘род’. Термин *соло* сохраняется в шаманских родовых призываниях:

Соло нэрэ Боохолдой, Из рода Бохолдой,

Сохоб нэрэ Дардаан. По (точному) имени Дардан.

С.П. Балдаев считает, что слово *соло* имеет древнее происхождение, оно сохранилось у родов, вышедших из Джунгарии [1970, 18].

Термин *удха* чаще используется в значении ‘происхождение, преемственность, наследственность’ и указывает не этногенетический, а социальный род: *бөө удхатай* ‘из рода шаманов’.

Можно предложить следующую схему соотношения: племя (*яһан*) < род (*яһан*, *хүхүүр*, *уг*, *омог*, *эсэгэ*, *соло*) < подрод или кость (*үг*) < патронимия (*ураг*, *эсэгэ*, *эсэгэрэг*, *эльгэн*).

Многие эхиритские родовые названия – генонимы – восходят к тюркским апеллятивам. Например, *Абзай*. Ц.Б. Цыдендамбаев сравнивает этот геноним «с тюрко-татарским словом *абзый* со значением обращения к старшему брату и к старшему мужчине, но оно могло некогда употребляться и со значением обращения к старшему вообще, в частности и к женщине, тем более, если она стояла во главе рода» [1972, 289]. А.Г. Митрошкина, сопоставляя *Абзай* с туркменским *Овез*, азербайджанским *Эйваз*, узбекским *Авез*, персидским *Аваз*, объясняет звуковые изменения: «Губно-зубной [в] закономерно перешел в губно-губной [б], поскольку в бурятском языке нет звука [в]; перед суффиксом *-ай* выпал [а]... Происходит это имя от арабского слова *авад* (в персидском произношении *аваз*) – ‘замена’. Так называли сына, родившегося после смерти предыдущего ребенка» [1987, 143]. Название еще одного эхиритского рода *хэнгэлдэр* этимологизируют по-разному, но в том, что геноним образован посредством тюркского суффикса множественности *-дэр*, мнения ученых совпадают [Долгих 1953, 44; Цыдендамбаев 1972, 289].

Следующие генонимы можно возвести к тюркским апеллятивам: *Айхай* – др.-тюрк. *aj* ‘месяц, луна’; *Алаан Балтай* – тюрк. *алан* ‘глупый’, кроме того, *аланы* – предки осетинов, состоявшие на службе у монголов; *Ахуурга* – др.-тюрк. *aq* ‘белый’; *Буура* – безоговорочно возводится к древнетюркскому *бур* ‘верблюд-самец’; *Баяндай* – от бур. *баян*, тюрк. *baj* ‘богатый’ + суффикс *-дай*; *Сондой* – др.-уйг. *sondi* ‘последний, поздний’; *Эдэгэ* – др.-тюрк. *iduq / iduq, iduqlu* ‘священный’, якут. *itiq* ‘жертвенный, священный’ или др.-тюрк. *отау* ‘шатер, жилище’, *ота* ‘разводить огонь’, тув. *одаг* ‘очаг, костер; охотничий стан, бивак’, кир. *отоо* ‘походная юрта, юрта новобрачных’, хак. *омах* ‘шалаш’, якут. *отуу* ‘шалаш, становище, костер в поле’, туркм. *омаг*, тур. *ода* ‘комната’, уйг. *отак* ‘юрта, охотничья сторожка’, стп.-м. *отуу* ‘род, поколение’, бур. *омог / умтэг* ‘балаган, шалаш на покосе’, ‘род, клан’; *Молоо* – др.-тюрк. *mul* ‘одно из 28 созвездий лунного зодиака’; *хэнгэлдэр* – суффикс *-дэр*, как считают исследователи, сигнализирует о былых связях носителей данного имени с тюркским этническим миром [Нимаев 1988, 36]; *Онгой* – др.-тюрк. *оп* ‘десять’, *оһ* ‘удел, доля’, ср. также *Оһуaj* ‘Юпитер’.

Этнонимы становились достоянием разных народов и разных языков и, естественно, при этом претерпевали фонетико-грамматические видоизменения. По этому поводу Ф.С. Цаплин пишет: «...имеющееся ныне разнообразие в большинстве этноназваний в алтайских языках является вариацией соответствующего прототипа, образование которого предположительно можно отнести к общегуннскому, общеалтайскому, общетюркскому или еще раннему периоду» [1975, 98].

Литература

- Балдаев С.П. Родословные предания и легенды бурят. Ч.1. Булагаты и эхириты. – Улан-Удэ, 1970. – 363 с.
- Балданжапов П.Б. Altan tobči. Монгольская летопись ХУШ в. – Улан-Удэ, 1970. – 415 с.
- Бертагаев Т.А. Лексика современных монгольских литературных языков на материале монгольского и бурятского языков. – М.: Наука, 1974. – 383 с.
- Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. – Л.: Изд-во АН, 1934. – 233 с.
- Вяткина К.В. Очерки культуры и быта бурят. – Л.: Наука, 1969. – 218 с.
- Долгих Б.О. Некоторые вопросы древней истории западных бурят//КСИЭ. 1953. № 1. С. 38–53.
- Мельхеев М.Н. Географические названия Восточной Сибири. – Иркутск: ИГУ, 1995. – 316 с.
- Митрошкина А.Г. Бурятская антропонимия. – Новосибирск: Наука, 1987. – 221 с.
- Митрошкина А.Г. Личные имена бурят. – Иркутск, 1995. – 376 с.
- Монголой нюуса тобшо. – Улан-Удэ, 1990. – 170 с.
- Нимаев Д.Д. Из истории формирования бурятской народности.– Улан-Удэ: ВСГИК, 1994.– 42 с.
- Нимаев Д.Д. Проблемы этногенеза бурят. – Новосибирск: Наука, 1988. – 169 с.

- Рассадин В.И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка.– М.: Наука, 1982.– 198 с.
- Рашид-ад-Дин. Сборник летописей: В 3 т.– М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946–1960.
- Румянцев Г.Н. Происхождение хоринских бурят. – Иркутск, 1962. – 22 с.
- Санжеев Г.Д. Некоторые вопросы этнонимии и древней истории монгольских народов // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. – Улан-Удэ, 1983. С. 47–69.
- Санжеев Г.Д. Старописьменный монгольский язык.– М.: Наука, 1964. – 91 с.
- Семенова В.И. Личные имена эхиритских бурят. – Иркутск: ИГУ, 205.- 186 с.
- Тадыкин В.Н. Об одном из древнейших способов словообразования в алтайском языке // Проблемы алтаистики и монголоведения: Мат-лы Вс. конф. Элиста, 17–19 мая 1972. – М.: Наука, 1975. С. 280–286.
- Цаплин Ф.С. Этнонимия в алтаистике // Проблемы алтаистики и монголоведения: Мат. Вс. конф., Элиста, 17–19 мая 1972 г. – М.: Наука, 1975. С. 92–106.
- Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. – 664 с.
- Шулунова Л.В. Ономастика Прибайкалья.– Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1995.– 204 с.
- Щербак А.М. Ранние тюрко-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.). – СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 1997. – 292 с.

Список сокращений:

- ДТС = Древнетюркский словарь / ред. В.М. Наделяев и др. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.
- СИГТЯ = Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / под. ред. Э.Р. Тенишева. – М., 1997. – 799 с.
- ССМ = Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. Т.1. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 619 с.

Уртегешев Н.С., Добринина А.А., г. Новосибирск

ЗВУКОТИП «Т» В АЛАРСКОМ ДИАЛЕКТЕ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА (ПО ДАННЫМ МРТ)

Работа выполнена при финансовой поддержке Сибирского отделения РАН (конкурс междисциплинарных интеграционных проектов фундаментальных исследований 2012-2014 г., проект № 121 «Сравнительные исследования артикуляционных баз коренных народов Сибири методами высокочастотной магнитно-резонансной томографии, цифровой рентгенографии и ларингографии высокого разрешения»).

В данной статье впервые дается описание согласным типа «т» аларского диалекта бурятского языка на инструментальном уровне по данным магнитно-резонансного томографирования (МРТ).

В программу МРТ были включены четыре словоформы *тархи* ‘мозг’ (рис. 1), *тэндэ* ‘там’ (рис. 2), *тиихэ* ‘делать так’ (рис. 3), *тиимэ* ‘такой’ (рис.4), в которых в инициальной позиции в схожих позиционно-комбинаторных условиях четко (без вариантов) произносятся исследуемые звуки.

МРТ-съемка производилась по методике, разработанной в ЛЭФИ им. В.М. Наделяева Института филологии СО РАН совместно с «Международным томографическим центром» СО РАН. Снимаемые звуки одновременно записывались на цифровой диктофон для контрольного протокола эксперимента и для последующего слухового анализа.

Для описания артикуляторных настроек согласных по МРТ использовалась методика разработанная для описания рентгенограмм В.М. Наделяевым [Наделяев 1980, 44-91; Селютина 1983].

Далее рассматриваются настройки модулирующих органов, описывается их работа при произнесении конкретных согласных звуков в языке аларских бурят.

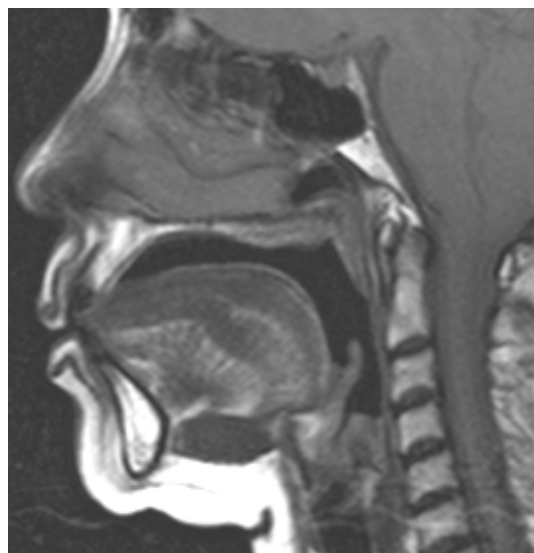
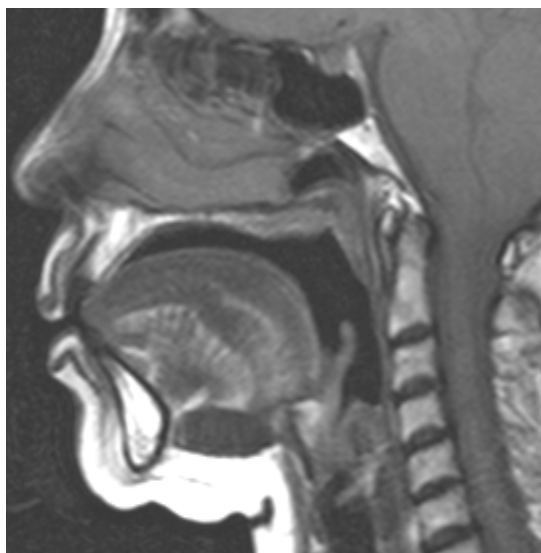

Рис. 1. Звук «t» в словоформе *тархи* ‘мозг’ Рис. 2. Звук «t» в словоформе *тэндэ* ‘там’

В словоформе *тархи* ‘мозг’ (рис. 1) смычный звук «t» находится в инициальной позиции перед широким неогубленным гласным. Расстояние между губным раствором больше, чем между зубным, что свидетельствует о нелабиализованной настройке согласного. Между передней частью спинки языка (сильнодорсальный фон) и альвеолами со смежным участком передней части твердого неба констатируется смычный фокус, что позволяет определить консонант как – переднеязычный альвеолярнопредденттвердонебный смычный. Между задней частью спинки языка и средней частью неба отмечается щелевой фокус, что свидетельствует о сильновеляризованной дополнительной артикуляции. Язычок свисает параллельно задней стенке глотке – звук неувуларизованный, но при этом плотно смыкается с задней стенкой фаринкса, полностью перекрывая вход в носовую полость. Таким образом, настройку можно определить как ртовую неназализованную. В нижней части глотки не зафиксировано мускульных напряжений, следовательно, согласный нефарингализованный. Некоторую помеху для прохождения воздушной струи из бронхов создает надгортанник – фактически третий фокус. При этом звук акустически воспринимается как слегка приглушенный.

По данным томографирования звук «t» в словоформе *тархи* ‘мозг’ можно определить как согласный переднеязычный сильнодорсальный альвеолярнопредденттвердонебный смычный ртовый умереннонапряженный нелабиализованный сильновеляризованный неувуларизованный неназализованный нефарингализованный приглушенный.

Схожую картину описания имеет настройка инициального согласного в словоформе *тэндэ* ‘там’ (рис. 2). Существенной деталью является наличие лабиализации и место локализации фокуса. Смычка образуется между кончиком языка и прилегающим участком спинки языка (активный модулятор) и лингвальным склоном верхних резцов с альвеолами (пассивный модулятор) – фон переднеязычный апикально-умереннодорсальный дентально-альвеолярный смычный. Судя по сильной степени напряженности спинки и корня языка, звук сильнонапряженный.

Таким образом, звук «t» словоформе *тэндэ* ‘там’ можно квалифицировать как согласный переднеязычный апикально-умереннодорсальный дентально-альвеолярный смычный ртовый сильнонапряженный лабиализованный сильновеляризованный неувуларизованный неназализованный нефарингализованный приглушенный.

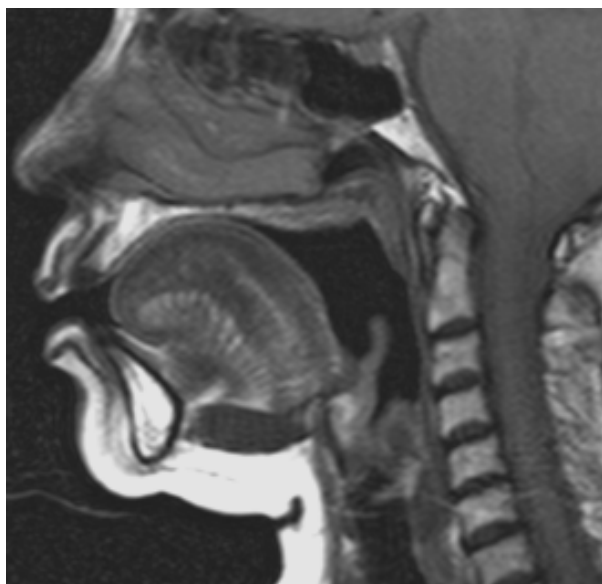

Рис. 3. Звук «t» в словоформе *тиихэ* 'делать так'

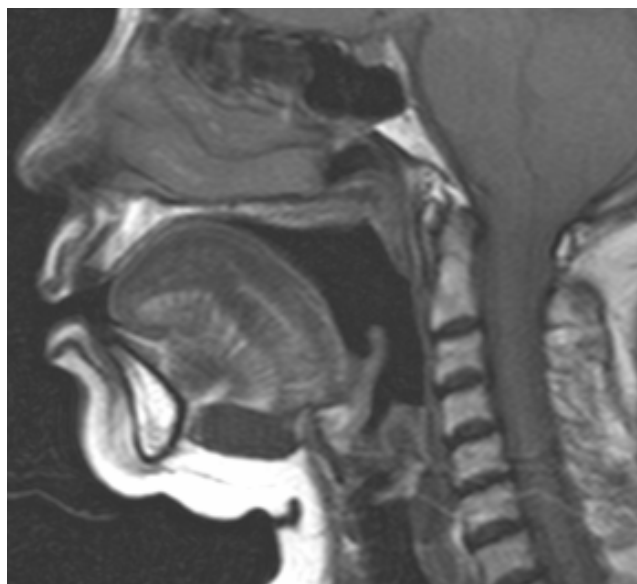

Рис. 4. Звук «t» в мягкорядной словоформе *тиимэ* 'такой'

Иную артикуляцию имеют анлаутные согласные типа «t» перед долгим гласным «i» в словах *тиихэ* 'делать так' (рис. 3) и *тиимэ* 'такой' (рис. 4). Рассмотрим детально. Судя по томограммам исследуемые консонанты нелабиализованные, так как губное отстояние больше зубного. В передней части ртовой полости констатируется основной фокус – длинная смычка между передне-средней частью спинки языка и альвеолами с передней частью твердого неба (рис. 4) и чуть короче – между передне-средней частью языка и передней частью твердого неба (рис. 3). Следовательно, в обоих случаях настройки переднеязычно-среднеязычные (альвеолярно-)переднетвердонебные смычные. Мягкое небо плотно смыкается с задней стенкой фаринкса, не пропуская воздух в носовую полость – неназализованный ртовый. Стенка фаринкса и корень языка в не напряженном состоянии – звук нефарингализованный.

Спинка и корень языка при артикулировании инициальных фонем в ненапряженном состоянии, следовательно согласные умереннонапряженные.

Надгортанник отстоит от корня языка, занимает срединное положение в глоточном резонаторе, не касаясь задней стенки фаринкса. Как и при предыдущих настройках (рис. 1-2) надгортанник создает помеху для прохождения воздушной струи из бронхов. Звук акустически воспринимается как слегка приглушенный.

Таким образом, согласные переднеязычно-среднеязычные (альвеолярно-)переднетвердонебные смычные ртовые умереннонапряженные нелабиализованные неувуларизованные неназализованные нефарингализованные приглушенные.

Обобщив все вышесказанное по настройкам типа «t», можно сделать следующие выводы:

1. В аларском диалекте бурятского языка выделяется две группы звукотипов «t»: переднеязычные дорсальные и переднеязычно-среднеязычные, при этом последние констатируются только в препозиции к долгому «i».

2. У всех вышерассмотренных настроек отсутствует увуларизация и фарингализация, не говоря о назализации, которая в принципе не характерна для смычных типа «t».

3. Все настройки приглушенные из-за среднего расположения надгортанника в глоточной полости.

4. Нехарактерной особенностью является наличие сильной веляризации у инициального согласного и в слове тархи ‘мозг’ (рис. 1), и слове тэндэ ‘там’ (рис. 2). В последнем случае было бы ожидаемым слабое смягчение.

5. Трудно объяснить, исходя только из позиционно-комбинаторного окружения, наличие лабиализации у начального консонанта в слове тэндэ ‘там’. Вероятно, эта лабиализация связана с историческим прошлым.

Литература

Наделяев В.М. Экспериментально-фонетическое рентгенографирование артикуляторных настроек гласных (Методические заметки)/ Приложение к статье «Артикуляционная классификация гласных» // Фонетические исследования по сибирским языкам. – Новосибирск, 1980. С. 44–91.

Селютина И.Я. Кумандинский консонантизм. – Новосибирск, 1983.

Диктор

Кузьмина Евгения Николаевна, бурятка. Родилась в улусе Шапшалтуй Аларского р-на Иркутской области. Образование – доктор филологических наук. Бурятским языком владеет с детства.

Хадыева Р.Н., г. Уфа

К ВОПРОСУ О ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ И НАРОДНОЙ РЕЧИ

В системе башкирского языка, одного из интереснейших тюркских языков, выделяют три территориальные разновидности — восточный, северо-западный и южный диалекты и говоры, распространенные не только в пределах Башкортостана, но и в других регионах России.

На сегодняшний день башкирскими диалектологами собран огромный научный материал о различных сторонах диалектной речи. На материалах лингвогеографического изучения диалектов башкирского языка издан 3-х томный словарь диалектов башкирского языка (Уфа, 1969, 1970, 1987), составлен хрестоматийный сборник “Образцы разговорной речи башкир” (Уфа, 1988), изданы сводный “Диалектологический словарь башкирского языка” (Уфа, 2002), “Диалектологический атлас башкирского языка” (Уфа, 2005), опубликованы монографии.

В настоящее время в связи с ростом интереса к народной культуре, к отражению истории в народном сознании, актуализируются лингвокультурологические исследования и диалекты рассматриваются как целостное культурно-коммуникативное образование [Батыршина, 2011; Каримова, 2005; Каримова, 2013; Уликанова, 2001; Хисамитдинова, 2010]. Такая работа вносит определенный вклад в разработку языковой картины мира башкир.

Народно-разговорный язык, диалекты являются ценнейшим культурным достоянием народа. В народных говорах, имеющих длительную историю, зафиксированы знания, веками накопленные носителями данной культуры. Народная речь хранит особые, не всегда выражаемые литературным языком знания: о традиционном семейном укладе жизни, о национальных обрядах, обычаях, народном календаре, о традиционном ведении хозяйства, о том как в народной традиции понимается мир и человек в нем.

Диалектное пространство формируется совокупностью территориальных языковых и культурных пространств. Лингвокультурологическое изучение помогает раскрыть единое масштабное лингвокультурологическое пространство. Например, наблюдается

сохранение одних и тех же обрядов и обрядовых терминов в культуре башкир Челябинской и Курганской областей, язык которых относится к восточному диалекту. Так, по сравнению с широко известным и общераспространенным обрядом "кот койоу" (отливание кот), обряд "һапылдатыу" (похлопывание большого ладонями по плечам, спине или груди и бокам в зависимости от разновидности болезни), фольклористами и диалектологами фиксируется редко. Этот обряд широко распространен среди башкир в Аргаяшском районе Челябинской области и, как отмечает исследователь З.И. Минибаева — в Курганской области [Минибаева, 2002, 159]. Зафиксированные нами тексты, заговоры, сопровождающие названный обряд, являются также общими для обеих областей.

Комплексный анализ семантических и лингвокультурологических характеристик диалектологических единиц расширяют и углубляют представления о развитии лексического состава башкирского языка.

Например, в гайнинском говоре сохранены и бытуют старинные собственно башкирские хозяйственно-бытовые термины, названия пищи, одежды, которые в литературном языке видоизменились: *камьит-куранта* – сбруя, *(х)әжәтлек* – уборная, *кыуырлык* – дрожжи, *иләмтек* – отруби, *сөгөн бәләш* – пирог с мясом, картофелем, *тәпләкәй* – большой пирог из творога, *аркалык* – тяжелый наконник с тремя рядами монет и чулпы на конце. «Аркалыкны жиын-желпегә тағасың» – аркалык надевается на праздники [Миржанова 1991, 276-278].

Если для сферы науки и техники необходим литературный язык как стандартизированный, нормированный, точный, то живая народная речь, говоры являются питающей силой национального языка. В диалектах широко представлены концепты и соответствующие лексические единицы, отражающие нравы, убеждения, свойственные той или иной группе общества; отношение к семье, к природе, к языку, быту; обозначены культурно-исторические процессы, ситуации, состояния, свойства и характер предметов. Такое свойство диалектов способствует обогащению национального литературного языка. Сужение языкового пространства до одного лишь литературного языка обедняет национальный башкирский язык и национальную культуру.

Необходимо бережное отношение к народной речи, родным говорам, придающим красоту, гибкость, остроту и силу национальному языку.

Литература

Батыршина Г.Р. Лексика родинного обряда башкир (этнолингвистический анализ). – Уфа, 2011. – 157 с.

Диалектологический атлас башкирского языка. – Уфа: Гилем, 2005. – 243 с.

Диалектологический словарь башкирского языка. – Уфа, 2002. – 432 с.

Каримова Р. Н. Башкирско-русский, русско-башкирский словарь терминов народной медицины башкир. – Уфа, 2005. – 120 с.

Каримова Р.Н. Башкирско-русский словарь терминов ткачества и рукоделия. Лексика материальной и духовной культуры. – Уфа, 2013. – 122 с.

Миржанова С.Ф. Северо-западный диалект башкирского языка. – Уфа, 1991

Минибаева З.И. Традиционная медицина//Курганские башкиры. Историко-этнографические очерки. – Уфа, 2002.

Уликанова Р.А. Личное имя как носитель этнокультурной информации//Межкультурная коммуникация: к проблеме формирования толерантной языковой личности в системе вузовского и школьного лингвистического образования: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Часть 2.— Уфа, 2001.— С. 100-102.

Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. – М., 2010. – 455 с.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОСТАВЛЕНИЯ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВАРЕЙ ЯЗЫКОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ В ЕВРАЗИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

Современное тюркское сравнительно-историческое языкознание может гордиться тем, что оно способно воссоздать в общих чертах праязыковое состояние лексики, отдаленное несколькими тысячелетиями от наших дней. Благодаря изысканиям многих поколений отечественных и зарубежных тюркологов, современная тюркская лексикология в состоянии достаточно адекватно выявить генуинный пласт словарного состава и корректно сепарировать его от разновременных субстратных и контактных (прямых и опосредованных) приобретений, реконструировать фонетическое звучание и семантику слова на разных диахронических срезах изучаемого языка и т.д. Архисложной, но увлекательной первоочередной задачей лексикологов-компаративистов является выявление генуинного (исконно тюркского) пласта лексики изучаемого языка, восстановление фонетического облика и семантики на праязыковом диахроническом уровне. На следующем этапе работы следует классифицировать выявленные праязыковые слова по лексико-тематическим группам. Результаты такой работы дают в руки исследователя чрезвычайно интересные факты которые могут быть положены в основу для создания атласа диалектов и диалектных словарей как отдельного региона, так и отдельных языков Российской Федерации в евразийском контексте.

Чрезвычайно интересны не только в сугубо лингвистическом, но и в историко-культурологическом аспекте лексические заимствования из объекта исследования в исторически контактировавшие иносистемные языки. Внешние связи языка для компаративиста не менее ценны, чем издательства письменных памятников, а при их отсутствии они же являются единственными достоверными свидетельствами истории языка.

Хронотопологическая стратификация заимствованной лексики, аспекты идеографической, когнитологической характеристики, этнолингвокультурологической интерпретации раскрывает панорамную картину исторических фактов предков башкир, татар и чувашей со многими народами Евразийского континента, что в свою очередь может указать на пути исторических миграций.

Как известно, начиная с 60-70-х годов XX века, отечественные тюркологи уделяют внимание изучению диалектов языков Урало-Поволжья.

Однако на современном этапе развития тюркологии, по сравнению с разработкой проблем фонетики, морфологии, заметно отставание разработки методологических аспектов тюркской лексикологии вообще, сравнительной и исторической лексикологии отдельных регионов в особенности. Недостаточно разработаны и сами методы исследования лексических единиц их семантики в плане идеографической когнитивной характеристики — наиболее сложного раздела языка. Это относится не только к тюркологии и алтаистике, но и к таким более развитым отраслям языкознания, как германистика, романистика, славистика.

Несмотря на сказанное, в современной тюркологической науке выявлено и накоплено значительное количество материалов: по животноводческой, земледельческой лексике, о табу и эвфемизмах, о терминах родства, антропинимов, флоре и фауне, и других отраслей ряда тюркских и алтайских языков. В этой связи следует отметить значительную активизацию за последние годы деятельность башкирских лингвистов [Хисамитдинова 2006; 2010; Муратова 2012; Каримова 2005; 2012; Сулейманова 2006; 2009; 2013; Батыршина 2008, 2011; Хадыева 2002; 2005]. Но в целом эти собранные материалы и отдельные исследования ждут своего теоретического осмысления и лингвокультурологического, идеографического, тезаурусного, корпусного и когнитологического обобщения в теоретическом плане.

Однако остается еще много неисследованных тематических и лексико-семантических групп, терминов, относящихся к различным сторонам жизни тюркских народов в прошлом и настоящем в методологическом осмыслении с позиции достижения теоретических проблем современной тюркологии и алтаистики. Сравнительно мало трудов, посвященных исследованию общих вопросов континентальной, когнитивной, идеографической и типологической тюркской, алтайской лексикологии. Современная лексикология, как и тюркологическая наука в целом, больше развивается вширь, но ей в значительной мере недостает глубины исследования. Большие задачи стоят перед тюркской и алтайской лексикологией в исследовании лексических структур как в синхронном, так и в диахроническом плане, каждый из которых, как известно, имеет свои специфические проблемы, требующие изучения лексических, а также семантических единиц в общетюркском, межатюркском и ареальном масштабах в евразийском контексте, а также в рамках каждого конкретного языка того или иного региона.

Абсолютно актуальными остаются проблемы теоретического и методологического характера исследований вышеуказанных вопросов связанных с идеографическим, когнитивным, тезаурусным прописанием лексического состава исследуемых языков Урало-Поволжья в евразийском контексте.

Методология как этнолингвистической так и когнитивной характеристики апеллятивных единиц тюркских и алтайских языков требует от тюркологов широкого развертывания теоретических исследований, как в общетюркском, алтайском, финно-угорском плане, так и на материале конкретных тюркских языков изучаемого региона. Это имеет, как указывает известный лексиколог К.М. Мусаев, важное методологическое значение, поскольку дальнейшее планомерное описание, классификация и исследование когнитивных сфер в рамках идеографического осмысления, что определяется, на наш взгляд, методологической базой исследования и теоретическими предпосылками.

Первичные исследования семантических, когнитивных и идеографических групп слов конкретных языков послужат основой для дальнейших типологических, этнолингвокультурологических исследований при условии, что они будут проведены по единой структуре и на единой методологической основе. При исследовании в частности диалектных систем конкретного языка отдельно взятого региона лексических групп или семантических полей выбор семантического поля или группы зависит от цели исследования. В том случае если поставлена задача выяснить исторические взаимоотношения данного языка с языком соседних народов в обозримом историческом прошлом, выбор падет естественно на «подвижные поля» лексики – группы слов, относящихся к так называемым миграционным терминам (названия домашней утвари, одежды, принадлежности быта, культурные термины и др). Более древние контакты языков могут быть засвидетельствованы в названиях частей тела животных или человека.

В частности, для разработки идеографического и когнитологического аспектов составления диалектологического атласа тюркских языков Урало-Поволжья, в данном случае башкирского языка, проблемы выделения исконно тюркского слоя лексики в первую очередь целесообразно.

Опубликовано немало работ, посвященных взаимодействию тюркских языков с другими близко- и дальнородственными языковыми семьями Урало-Поволжья. В то же время взаимодействие тюркской и алтайской семьи языков в целом между собой остается весьма слабо разработанной областью отечественной лингвистики. Ни фонетика, ни морфология, ни тем более синтаксис не в состоянии дать столь достоверные сведения об исторических связях исследуемых языков региона между собой в различные эпохи и на прилегающих территориях, сколько может дать диалектная и историческая лексика для их этнолингвокультурологической и когнитологической интерпретации. Об этом же говорят исследования ведущих специалистов-алтаистов, финно-угроведов в области индоевропейских, тюркских, финно-угорских языков.

Этнолингвокультурологические контакты между вышеуказанными тюркскими (resp. алтайскими) и другими языками с древнейших времен и до наших дней, на наш взгляд, проявляются более полно в рамках когнитивных сфер (здесь подразумевается идеографическая характеристика в рамках когнитивных сфер: **I. Природа** (Неживая, Живая); **II. Человек** (как физико-биологическое существо); **III. Общество** (человек как общественное существо); **IV. Познание** (а *приори*) – сравн. В.В. Морковкин, Ю.Н. Караулов, Т.В. Гамкрелидзе, Вяч.В. Иванов, Н.Ю. Шведова, Э.Р. Тенишев, Н. Шаймердинова, О.А. Корнилов, А.Г. Шайхулов и др.). Данное явление характеризуется в виде конкретных заимствованных лексем, что подтверждается материалами, выполненными на основе многоаспектных интерпретаций языков того или иного региона.

В настоящее время в исследованиях ведущих специалистов выявлено, как известно, немало общих слов в тюркских языках и в других алтайской семьи языков мира, эти общие слова принято называть "лексическими параллелями", которые, на наш взгляд, могут послужить исходным материалом для выяснения некоторых этнолингвокультурологических отношений между различными семьями языков, с одной стороны, и тюркскими языками – с другой. Наиболее часто исследователи обращаются к тюрко-монгольским параллелям в связи с гипотезой о генетическом родстве алтайских языков, внутри которых тюркские и монгольские языки признаются самыми ближайшими родственниками.

В отношении общей лексики при фонетических и грамматических общностях в каждом конкретном случае возможны, как известно, по крайней мере, четыре предположения или гипотезы, доказательство каждой из которых почти всегда сопряжено с определенными трудностями не только чисто лингвистического порядка, но и политического, идеологического и мировоззренческого характера. Общая лексика в языках А и В может свидетельствовать при всех фонетических и семантических сходениях о том, что: 1) языки А и В (или группа А и В) генетически родственны, общие слова являются исконными для этих языков и унаследованы от праязыка; 2) язык А заимствовал эти слова полностью или частично у языка В; 3) язык В заимствовал эти слова полностью или частично у языка А. 4) в языки А и В эти слова вошли из языка С [Мусаев 1984].

Теоретически все четыре гипотезы равновероятны. Трудности заключаются в доказательстве каждой из этих гипотез. Насколько трудно отличить исконные или генетически родственные слова от заимствований было отмечено А.М. Щербаком на материале общих слов алтайской семьи языков [Щербак 1963; 1997; 2005]. Таким образом, одной из проблем, которую надо решить в процессе изучения отмеченных групп лексики тюркских языков, является проблема разграничения древних заимствованных слов от исконно родственных, а также слов, вошедших в языки из третьего источника. Особенно остро стоит эта проблема в отношении тюрко-монгольских общностей и, далее алтайских, урало-алтайских и евразийских ностратических языков.

Достаточно интересных сведений о древнейшем состоянии тюркских языков может дать сравнительное исследование глосс, общих для тюркских языков и их древних соседей: индоевропейско-тюркских, афразийско-тюркских, китайско-тюркских (они сильно видоизменены как в тюркских, так и в китайских и других языках), уральско-тюркских, алтайско-тюркских (включая монгольские, тунгусо-маньчжурские, палеоазиатские, корейские, японские). Исследования этих глосс относятся к разряду поисковых, где и отрицательный результат может служить научным достижением. Для решения проблем контактов языков необходимо нужно использовать последние данные исторической и археологической науки.

При скудности или отсутствии исторических данных о прошлом тюркских народов лексика может дать сведения о древних местах обитания и хозяйственных особенностях тюркоязычных народов в дописьменную эпоху (например, о животноводстве, растительном мире, древних металлах), что обычно способствует уточнению этнической истории тюркоязычных народов.

Наиболее верным и испытанным методом исследования истории лексики конкретного языка представляется изучение лексики по тематическим группам и когнитивным сферам. При этом можно поставить своей целью установить природные условия, в которых проходила жизнь народа, его основные занятия, особенности хозяйства, жилища, общественно-политическое устройство, особенности древнейших верований народа. Все это проявляется в названиях предметов, понятий и явлений, относящихся к перечисленным сторонам жизни народа. Исследуя на богатом материале языка те или иные тематические группы слов следует реконструировать различные слои лексики, характеризующие его исторические взаимоотношения с другими языками, главные из них [СИГТЯ 1997, 724-734].

Таким образом, при составлении словарей диалектных систем и их говоров, а также исторической лексики Урало-Поволжья в евразийском контексте, который составляется на базе исследования идеографической, когнитивной интерпретации языков данных народов целесообразно широко использовать не только чисто лингвистические данные исследований по другим языкам, но и, как отмечалось выше, фактологические материалы по их истории, этнографии и археологии, литературе и фольклору данного народа и других тюркских и соседних нетюркских народов исследуемого региона, т.е. по этнолингвокультурологии. Подобный труд должен носить, на наш взгляд, комплексный историко-филологический характер, в нем языковые данные должны рассматриваться в непосредственной связи с историей народа – его носителя, что позволит обосновать много интересных и ценных выводов и предложений не только лингвистического, но и исторического характера. В конечном итоге все выше обозначенное даст основания установить методологические аспекты составления диалектных словарей языков Урало-Поволжья (на материале башкирского, татарского, чувашского, удмуртского, марийского и мордовского языков), их исторической лексики в евразийском контексте. Это, в свою очередь, даст основу для их этнолингвокультурологической интерпретации на современном этапе.

Литература

- Батыршина Г. Р. Башкирско-русский словарь лексики родинного обряда. – Уфа, 2008. – 56 с.
- Батыршина Г.Р. Лексика родинного обряда башкир (этнолингвистический анализ). – Уфа, 2011. – 157 с.
- Каримова Р. Н. Башкирско-русский, русско-башкирский словарь терминов народной медицины башкир. – Уфа, 2005. – 120 с.
- Каримова Р.Н. Башкирско-русский словарь терминов ткачества и рукоделия. Лексика материальной и духовной культуры. – Уфа, 2013. – 122 с.
- Миржанова С.Ф. Южный диалект башкирского языка. – М.: Наука, 1979. – 272 с.
- Муратова Р. Т. Символика чисел в языке и культуре башкир. – Уфа, 2012. – 116 с.
- Мусаев К.М. Лексикология тюркских языков. – М.: Наука, 1984. – 232 с.
- Серебренников Б.А. К вопросу о связи башкирского языка с венгерским. – Уфа: Изд-во БФ АН СССР, 1963. – 23 с.
- СИГТЯ: Л., 1997 = Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. Отв. ред. - член-корреспондент РАН Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 1997. – 799 с.
- Сулейманова Р.А. Башкирско-русский словарь-справочник личных имен и фамилий. – Уфа, 2013. – 364 с.
- Хадыева Р.Н. Этнолингвистический словарь башкирского языка. – Уфа, 2002. – 174 с.
- Хадыева Р.Н. Башкирская этнокультура и язык: Опыт воссоздания языковой картины мира. – М.: Наука, 2005. – 248 с.
- Хисамитдинова Ф. Г. Географические названия Башкортостана: Материалы для историко-этимологического словаря. – 2-е изд., испр. и доп. – Уфа, 2006. – 128 с.
- Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. – М., 2010. – 455 с.
- Шайхулов А.Г. Лексические взаимосвязи кыпчакских языков Урало-Поволжья в свете их историко-культурной общности (аспекты системно-идеографической характеристики на общетюркском фоне). – Уфа: Изд-во БашГУ и Института языкознания РАН, 1999. – 225 с.

Шайхулов А.Г. Структура и идеографическая парадигматика односложных корневых основ в кыпчакских языках Урало-Поволжья в континууме ареальной, межтюркской и общетюркской лексики (синопсис и таксономия когнитивной сферы «Природа» (неживая – живая)». – Уфа: Изд-во БашГУ, 2000. – 490 с.

Щербак А.М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. – С.П.: Изд-во «Наука», 1994. С. 191.

Щербак А.М. О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков // Вопросы языкознания, 1963. №3.

Щербак А.М. Проблемы ротацизма и перспективы дальнейшего изучения монгольских языковых связей // Советская тюркология, 1987. №3.

Щербак А.М. Об алтайской гипотезе в языкознании // Вопросы языкознания, 1959. № 6.

Шарина С.И., г. Якутск

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ДИАЛЕКТОВ И ГОВОРОВ ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА

Эвены – официальное название одного из малочисленных народов тунгусо-маньчжурской группы, расселенного на северо-востоке Азии. Эвенский язык относится к северной или сибирской группе тунгусской ветви тунгусо-маньчжурских языков.

Численность эвенов по данным Всероссийской переписи 2010 года составляет 21830 человек. По данным переписей населения, в 1959 году родным языком считали эвенский язык 77,5% эвенов, в 1989 году – 43,8%, в 2002 году – 37,6%, в 2010 году – 25,9%. Снижение количества лиц, считающих родным языком язык своего этноса, связано с распространением русского языка как языка межнационального общения повсеместно в районах проживания эвенов, а также распространением якутского языка как языка титульного этноса Республики Саха (Якутия).

В настоящее время эвены проживают в шести административно-территориальных образованиях Российской Федерации: в Магаданской области – в Ольском, Северо-Эвенском, Среднеканском, Сусуманском, Тенькинском районах и г. Магадане; в Хабаровском крае – в Охотском районе; в Чукотском автономном округе – в Анадырском, Билибинском районах и г. Анадыре; в Камчатской области – в Быстринском районе, в Корякском автономном округе – в Олюторском, Пенжинском и Тигильском районах, и пос. Палана; в Республике Саха (Якутия) – в Абыйском, Аллаиховском, Булунском, Верхнеколымском, Верхоянском, Кобяйском, Момском, Нижнеколымском, Оймяконском, Среднеколымском, Томпонском, Усть-Янском, Эвено-Бытантайском улусах.

Впервые один из диалектов эвенского языка (арманский) был зафиксирован достаточно давно, еще в 40-е годы XVIII века Я.И. Линденау. В «Сравнительном словаре всех языков и наречий» П.С. Палласа (1787-1789 гг.) представлены материалы по двум эвенским диалектам – ольскому и охотскому. В материалах экспедиции И. Биллингса (1795 г.) зафиксированы образцы речи среднеколымских эвенов.

С середины XIX века эвенский язык стал изучаться более активно. Материалы, собранные Г. Майделем и Ю. Штубендорфом в 1860-1870-е годы, опубликованные А. Шифнером, содержат краткое описание языка охотских и анадырских эвенов. В 1895 г. В.Г. Богораз собрал материалы у эвенов, расселенных в бассейне реки Омолон.

Далее на протяжении двадцатого столетия проводятся систематические исследования по многим эвенским диалектам и говорам. Изыскания, начатые в конце 20-х - начале 30-х годов прошлого века в масштабах всей страны были связаны с началом культурного строительства на Севере. Исследованием эвенских диалектов и сбором материалов занимались известные ныне исследователи В.И. Цинциус, В.И. Левин, К.А. Новикова, Л.В. Соболевский, Л.Д. Ришес. В последующие годы появились многочисленные работы диалектологического направления, усилиями ученых были

предприняты экспедиции в ряде районов проживания эвенков, относящихся к области распространения разных диалектов. Значительная часть результатов обследований представлена в ряде известных публикаций, в том числе монографических, которые появлялись на протяжении нескольких десятилетий в значительной своей части в Ленинграде. Первой и наиболее значимой среди них является работа В.И. Цинциуса «Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка», изданная в 1947 году [Цинциус 1947]. Очерк отражает особенности восточного наречия – ольского говора, который был принят за основу эвенского литературного языка, и отчасти камчатского говора. Работа до настоящего времени не утратила своей ценности. Подробное описание грамматического строя ольского говора эвенского языка мы находим в исследовании К.А. Новиковой «Очерки диалектов эвенского языка» [Новикова 1960].

Подробно освещает фонетические, морфологические, лексические и синтаксические особенности говоров и диалектов эвенского языка В.Д. Лебедев в монографиях «Язык эвенков Якутии» [Лебедев 1978], «Охотский диалект эвенского языка» [Лебедев 1982]. Он вводит в научный оборот уникальный лингвистический материал догдо-чебогалахского, улахан-чистайского говоров. Вторая работа В.Д. Лебедева нацелена на изучение охотского диалекта, который распространен на побережье Охотского моря от реки Улья на юго-западе до реки Иня на севере – востоке и вглубь тайги на север до реки Кетанда (Юдома), на площади около 50 тыс. кв. км. В данной работе выделяются языковые черты, которые свойственны всем трем группам охотских эвенков, т.е. охотскому диалекту как единому целому.

Монография В.А. Роббека «Язык эвенков Березовки» [Роббек 1989] посвящена исследованию особенностей языка эвенков с. Березовка Среднеколымского района. Особого внимания заслуживает здесь очерк морфологии. В отличие от других диалектологических работ, обрисовывающих только отличительные черты описываемого говора, здесь уточняются вопросы классификации разрядов некоторых частей речи, более полно и подробно рассматриваются категории глагола.

Выявлению фонетических, морфологических и лексических особенностей аллаиховского говора посвящен труд Х.И. Дуткина «Аллаиховский говор эвенков Якутии» [Дуткин 1995]. Автор отмечает 2 подговора внутри аллаиховского говора. В работе «Тундренный диалект западного наречия эвенского языка» [Дуткин 2009] Х.И. Дуткин излагает итоги изучения эвенских говоров Усть-Янского, Аллаиховского и Нижнеколымского районов, что позволило автору обобщить результаты и классифицировать тундренный и горнотаежный диалекты западного наречия. Автором специально подчеркивается указанная диалектная зона для исследования соответствующих явлений в лингвогеографическом контексте, поскольку в этих говорах фиксируются многие инновации.

Р.П. Кузьмина в своем исследовании «Язык ламунхинских эвенков» [Кузьмина 2010] выявляет особенности, свойственные ламунхинскому говору эвенского языка.

Особенности определенных говоров отмечены в отдельных публикациях А.А. Бурыкина, А.А. Даниловой, В.А. Петровой, В.С. Ермолаевой, С.И. Шариной. Несмотря на то, что усилиями исследователей собраны и опубликованы обширные и интересные материалы по многим лингво-территориальным объединениям эвенского языка, определенные диалекты и говоры эвенского языка еще не получили достаточно полного освещения в литературе, некоторые из них не имеют системного описания. Сложность описания говоров эвенков обусловлена, в частности, и тем, что указанные говоры характеризуются высокой степенью вариативности на всех языковых уровнях, что объясняется дву- и многоязычием носителей, влиянием якутского языка и др. В данной связи привлекают внимание исследователей и особенности контактирования диалектов и говоров в зонах языкового пограничья.

Не менее актуальной задачей является и классификация эвенских диалектов и говоров. В настоящее время известны несколько подходов к классификации эвенских диалектов.

Расхождения на уровне фонетических, лексических и грамматических признаков между эвенскими диалектными группами позволили выделить В.И. Цинциус 11 диалектов и говоров. По ее классификации, семь говоров относятся к восточному наречию – колымско-омолонский, ольский, камчатский, охотский, верхнеколымский, индигирский, томпонский. Три говора относятся к западному наречию – саккырырский (или саккырырский), ламунхинский и юкагирский. Отдельно выделяется арманский диалект [Цинциус 1947].

На карте эвенских диалектов, составленной К.А.Новиковой, отмечено 12 диалектов и говоров: восточное наречие – ольский, охотский, пенжинский, быстринский, анадырский, колымско-омолонский; среднее наречие – томпонский, момский, аллайховский говоры; западное наречие – ламунхинский и тюгесирский говоры; арманский диалект [Новикова 1960].

В «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» выделяются 15 наименований эвенских диалектов и говоров: восточное наречие – анадырский, быстринский, колымско-омолонский, ольский, охотский, пенжинский, северо-эвенский говоры; среднее наречие – анюйский, аллайховский, момский, томпонский говоры; западное наречие – саккырырский, тюгесирский и юкагирский говоры; арманский диалект [ССТМЯ 1975, 1977].

А.А. Бурькин выделяет 26 говоров и диалектов: восточное наречие - камчатский диалект (быстринский и олюторский говоры), окланский диалект, ольский диалект (пенжинский, гижигинский, таватумский, ольский, тауйский, прианадырский говоры, приколымский говор (говор эвенов Березовки и рассохинских эвенов, говор улахан-чистайских эвенов), тенькинский диалект; западное наречие – аркинский говор, усть-майский говор, ульинский диалект, верхнеколымский диалект, нижнеколымский диалект, индигирский диалект (оймяконский, томпонский, момский говоры), аллайховский диалект (говор), усть-янский диалект, саккырырский диалект (тюгесирский и ламунхинский говоры); арманский диалект [Бурькин 2004].

Представленные классификации значительно разнятся и по составу говоров, и по номенклатуре. В настоящее время все приведенные классификации нуждаются в уточнениях и дополнениях, основанных на новых данных по особенностям фонетики и надежно установленных особенностях морфологии, наиболее ярким особенностям говоров в части лексики.

Полевые исследования территориальных вариантов эвенского языка еще далеки от завершения. Наиболее хорошо изучен лишь восточный ареал проживания эвенов (Камчатка, Чукотка, Магаданская область, Хабаровский край). На территории же Якутии исследования не доведены до логического конца. Для воспроизведения полной картины диалектов и говоров эвенского языка возникает необходимость сбора материалов по отдельным говорам и диалектам. Имеющиеся в распоряжении исследователей языковые материалы по отдельным районам Якутии, таких, как Усть-Янский, Верхнеколымский, Нижнеколымский, Оймяконский, Томпонский количественно и качественно не отвечают требованиям, что мешает установить ареал распространения тех или иных диалектов, решения вопроса разграничения или объединения говоров среднего и западного наречий. Существенно при этом учесть то, что современные лингвистические границы говоров не совпадают с границами административными, и поэтому лингвистическое деление каждой территориальной единицы может быть осмыслено только при сопоставлении с диалектами соседних районов. Касательно эвенских говоров Якутии также выясняется, что наблюдаемый ныне лингвистический ландшафт может быть обусловлен уже не существующим географическим.

Итак, сегодня перед лингвистами стоят задачи выяснения территорий распространения отдельных говоров, системного описания говоров и диалектов эвенского языка, выявления их лингвистических особенностей, систематизации имеющихся данных. Требуется существенно дополненная и уточненная классификация, основанная на собственно лингвистических признаках говоров и диалектов, отличающих данные языковые формации друг от друга, предусматривается обобщение текстовых материалов по недостаточно изученным диалектам и говорам, в первую очередь, на территории Якутии. При этом важно учесть специфику функционирования эвенского языка в современных условиях и особенности этнокультурной ситуации.

Классификация диалектов и говоров эвенского языка должно основываться на собственно лингвистических дистинктивных признаках говоров и диалектов. В ней должны быть обобщены ранее предлагавшиеся лингвистические классификации диалектов эвенского языка, в которые вписываются некоторые говоры и диалекты, данные по которым в литературе отсутствовали или были недостаточно полными.

На современном этапе на исследователей языков малочисленных народов Севера ложится задача лингвистического обеспечения сохранения и развития исчезающих языков. В данной связи исследования по функционирующим ныне говорам и диалектам эвенского языка имеют прикладное значение для лексикографии, для разработки академической грамматики эвенского языка, а также для выполнения задачи максимально полного описания языков малочисленных народов Севера.

Литература

- Бурыкин А.А. Язык малочисленного народа в его письменной форме. – Санкт-Петербург, 2004.
Дуткин Х.И. Аллаиховский говор эвенов Якутии. – Санкт-Петербург, 1995.
Дуткин Х.И. Тундренный диалект западного наречия эвенского языка.– Санкт-Петербург, 2009.
Кузьмина Р.П. Язык ламунхинских эвенов. – Новосибирск, 2010.
Лебедев В.Д. Язык эвенов Якутии. – Л., 1978.
Лебедев В.Д. Охотский диалект эвенского языка. – Л., 1982.
Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. Часть I. – М.; - Л., 1960.
Роббек В.А. Язык эвенов Березовки. – Л., 1989.
ССТМЯ = Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. 1-2. – Л., 1975; 1977.
Цинциус В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. – Л., 1947.

II. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ И СМЕЖНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Абулгатина З.Р., г. Уфа

КАЛЫМ ТУЙ В СВАДЕБНОМ ОБРЯДЕ БАШКИРСКОГО И КАЗАХСКОГО НАРОДОВ

Свадьба – это комплекс обрядов, знаменующий заключение брака и создание семьи. Свадебные традиции, в отличие от других, хорошо сохранились у тюркских народов. Несмотря на то, что многие из них позабылись, тюрки продолжают следовать традициям предков.

“Сговор родителей о свадьбе детей”, “Калым”, “Перед малой свадьбой”, “Приезд тестя с тещей к отцу жениха”, “Обряд бракосочетания”, “Празднество туй”, “Вступление молодой в дом мужа” и другие виды обряда являют собой неотъемлемые части сложного многосоставного свадебного обряда. Проведение этих обрядов дает возможность ближе и лучше познакомиться жениху, невесте и их родственникам, укреплять взаимоотношения, что способствует дальнейшему благополучию новой семьи.

На примере башкирского и казахского свадеб интересен “Калым туй”. *Калым* (баш. *калым* < тюрк.) – плата, выкуп, уплачивающийся первоначально роду, позднее – родителям или родственникам невесты. Разновидность калыма – отработка жениха в доме отца невесты. Согласно устаревшим к настоящему времени представлениям эволюционистов XIX в., калым возник в период разложения материнского рода и смены матрилилокального брака патрилокальным браком. Калым являлся компенсацией роду невесты за потерю женщины – работницы и имущества, которое она уносила в род мужа [Султангареева 2006]. По современным представлениям калым наравне с приданым являлся вкладом двух родов в формирование общего имущества будущей семьи. Калым распространён у многих племён и народов мира. В России в прошлом калым существовал у некоторых народов Средней Азии, Сибири и Кавказа.

Бикбулатов Н.В. и Фатыхова Ф.Ф. рассматривают такой, схожий калыму, вид обряда, как калын. *Калын* – это повторение свадьбы, но уже на «стороне» жениха; родители жениха и вся его родня принимают у себя родственников невесты [Бикбулатов, Фатыхова 1991, 52]. Для южных районов это действительно «повторение» свадьбы, т.к. он проводится позже *туй*, местами значительно позже, иногда через 2-3 года. «На следующую осень» (после свадьбы, состоявшейся весной этого года) – сообщает информатор из деревни Таймасово Кумертауского района о своей свадьбе в начале века. Называют месяц, два месяца, несколько месяцев. Как видно, строгих сроков не было, каждый раз соотносились с реальными условиями, в первую очередь – экономическими, и проведение обряда позволял варьироваться в пределах нескольких лет. В исследованиях Р.А. Султангареевой семантика термина дается в народной этимологии: «калын означает толстый, т.е. требует больших усилий»; «в дом жениха приходит имущество, которое остается (кала) – поэтому такое название» [Султангареева 2006, 52]. На основе изучения вопроса Р.А. Султангареева уточняет срок калыма, который связывался с выплатой назначенного скота. В *калын туй* как и *калым туй* проводятся встречи гостей в поле, скачки за кот (кот сабыу), “көрэгэ асыу” (открытие свадебного боченка), хождение по домам (“сакырыу”) – ночные собрания угощений – “һаба йыйыу” (собрание хаба), обрядовые изгнания (кыуыу) гостей. Зеркальное отражение одинаковых обрядов в обоих сторонах Р.А. Султангареева связывает с утверждением идеи создания единства двух миров и обеспечением устойчивости брачного союза [Султангареева 2006, 54]. Называли *калын*, *калын туй*, *карышы туй* («встречная свадьба»), *кара-карышы туй* («ответная свадьба»)

[Бикбулатов, Фатыхова 1991, 53]. Этому способствовало, видимо, также существование терминов *мәһәр/мәһер* (сумма, необходимая для обеспечения разведенной жены или вдовы), пришедшего с шариатом, и *мал* (скот). Эти слова, особенно первое, почти полностью вытеснили *калын* [Бикбулатов, Фатыхова 1991, 53].

В северо-западной, восточной части центральной Башкирии бытует еще одно название выкупа, платы за невесту (независимо от того, как можно расценить расходы жениха – как компенсацию за приданое или расхода на проведение свадьбы) – *тартыу, тартыу аксаһы*. В этих районах слово *калын* (*калын*) не встречается в речевом обиходе населения. Кое-где слово *калын* забыто в значении обряда. Оно заменено приведенным выше термином *каршы туй*, иногда в этом значении употребляется словосочетание *егет ягындагы туй* («свадьба» в «стороне» жениха) [Бикбулатов, Фатыхова 1991, 55].

В ходе изучения выяснилось, что калым туй у башкир и казахов во многом похожи в идейно-функциональном плане.

При получении согласия отца невесты башкиры начинали переговоры о калыме, обсуждались размер, сроки выплаты. В размер калыма входили: несколько лошадей, крупный рогатый или мелкий скот, занавеси (*шаршау*), пара сапог, платки (у богатых из женский коралловый головной убор (*кашмау*), халат из черной китайки, обшитый красным сукном и галуном (*елән*). Все это шло в пользу невест, кроме лошадей, из которых одну половину получал отец девушки, а другая закалывалась на свадьбе [Сулейманов, Султангареева 1995, 392]. У северо-восточных башкир средней зажиточности калым состоял из 50-150 руб. денег, одной лошади, кобылы с жеребенком, двух коров с теленком и разной материи рублей на 15-20.

При сильно колеблющейся величине калыма размер его не падал ниже известной нормы, обуславливающейся обязательными со стороны жениха подарками: лошадь (*баш аты*) тестю, лисья шуба (*инә туны*) – теще, корова или баран на зарез в день свадьбы (*туйлык*), материал на платье невесте и деньги на обеспечение ее (*мәһәр*) [Сулейманов, Султангареева 1995, 393].

Казахи, как и башкиры, издревле придавали большое значение строгому соблюдению всех обрядов сватовства: обсуждали наследственные, родовые особенности, зодиакальные соответствия, благополучное время никаха и т.д. Традиции сватовства занимали время, затягивались на 10-12 лет. Обязательно устраивались взаимные одаривания.

Калым у казахов состоял из таких частей:

1. Бас жансы, что означает самое дорогое. Это были ружье, бойцовское снаряжение для боевых походов и барымты, быстрый конь, верблюд.
2. Кара мал – от 20 до 100 голов крупного рогатого скота.
3. Пу – плата за то, что жених встречался с невестой в ее ауле в первый раз – от 30 до 80 лошадей.
4. Той мал – скот для проведения тоя у невесты – от 20 до 70 лошадей [Фольклор казахского народа 2004, 73].

Количество скота варьировались в зависимости от состоятельности жениха. Для джигитов из бедных семей количество скота определялось один к пяти, один к десяти. Например, если он давал два верблюда, они считались как 20 верблюдов [Аргынбаев 2007, 73]. У башкир – «килен бүләге» (подарок снохе) йыртыш (раздают всем гостям лоскутки ткани), «кыз хақы» (цена за девушку).

Кроме положенного калыма и башкиры, и казахи должны были одаривать всех родственников будущей жены. У казахов одаривание снох девушки называлось «кейеу кеде», подарок девушке – «үйге кірер», всей родне дарил «жыртыс» - отрезки на платье [Фольклор казахского народа 2004, 73]. Отсюда у казахов такое выражение: «Невеста может быть без приданого, но жених без подарков не может обойтись». У башкир невеста получала от жениха так называемый "малый калым" – шаль, халат, платок, рубаху, сапоги и сундук. Заключение условия о размерах калыма отмечалось скромным угощением. Через

несколько дней жених вместе со своими родителями отправлялся в дом невесты и привозил подарки.

В нашем столетии в большинстве местах *калын*, как повторение свадьбы проводится редко и совершается на противоположной стороне.

В ходе изучения обряда выяснилось: башкиры и казахи придавали большое значение исполнению калым туя. Одаривание подарками показывало уважительное отношение жениха к отцу невесты, ее родственникам и способствовало укреплению семейств двух родов.

Сходство традиций, обрядов башкир и казахов свидетельствует об этногенетическом родстве и близости народов. Все это сопутствовало и заключению межнациональных браков.

Литература

Аргынбаев Х.А. Казак және орыс халыктарының тарихи-мәдени байманыстары. 2-ші бас.толық. – Астана: «Алтын китап», 2007. 10-ші том. – 242 б.

Башкорт халык ижады. Йола фольклоры. 1 том / Төз., башһүз авт. Ә.М. Сөләймәнов, Р.Ә. Солтангәрәева. – Өфө, «Китап», 1995.

Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф. Семейный быт башкир. XIX-XX вв. – М: Наука, 1991.– 189 с.

Султангареева Р.А. Жизнь человека в обряде. – Уфа: Гилем, 2006. – 345 с.

Фольклор казахского народа: сказки, пословицы, загадки, обряды, традиции. – Алматы: “Жазумы”, 2004. С. 70-85.

Аглонова Е.С., Сай С.С., г. Санкт-Петербург

ЧИСЛОВОЕ МАРКИРОВАНИЕ СКАЗУЕМОГО

(на материале башкирских устных текстов)

1. Постановка задачи

В башкирском языке согласование сказуемого с подлежащим по числу факультативно: в предложениях с подлежащим, выраженным именной группой с показателем множественного числа, финитное сказуемое может как иметь показатель множественного числа, так и не иметь его:

- (1) *bala-lar* *uqu-j* / *uqu-j-dar*
ребенок-PL учиться-PRS / учиться-PRS-PL
'Дети учатся' [Юлдашев (ред.) 1981, 252].

Таким образом, взаимодействие между именной категорией числа и согласовательным числом глагола не сводится к жесткому соответствию. Наша задача состояла в том, чтобы понять закономерности, регулирующие это взаимодействие, то есть выявить те условия, от которых зависит наличие или отсутствие согласования по числу подлежащего со сказуемым. Исследование было выполнено в рамках гранта Российского научного фонда «Грамматические категории в языках мира: иерархия и взаимодействие (типологический анализ)» (проект №14-18-03406).

Основной метод, практикующийся в полевых исследованиях различных языков, – так называемая «элицитация» (получение переводов изолированных предложений с языка-посредника, в нашем случае – с русского) – не мог дать сколько-нибудь надежных результатов при решении нашей задачи. Переводя стимульные предложения, билингвальные носители башкирского языка обычно калькируют русскую структуру клаузы, в результате возникает иллюзия обязательности числового согласования в башкирском.

Помимо этого, использование элицитации при помощи русского как языка-посредника неудачно еще в двух отношениях.

Во-первых, существует идея о том, что развитие и закрепление глагольного согласования в башкирском во многом обусловлено иноязычным влиянием [Юлдашев 1981, 252]. В этой связи интереснее обратиться к тем формам бытования языка, которые несут на себе печать иноязычного влияния в меньшей степени, т. е. к более спонтанным текстам.

Во-вторых, обязательное согласование может самим носителям языка казаться более «логичным» и поэтому становиться частотнее при повышении уровня самоконтроля. Видимо, именно с этим связано то, что во многих идиомах факультативное согласование по числу встречается в диалектных и других нелитературных разновидностях [Corbett 2000, 208; Creissels 2010]; ср. также наблюдение об обязательности числового согласования в языке башкирских газет [Дмитриев 2008, 207].

Поскольку наша задача состояла не в том, чтобы выяснить, какие конструкции носители языка считают «правильными», а в том, чтобы вскрыть имплицитные закономерности, действующие в естественной речи, мы последовательно использовали не элицитацию, а количественную корпусную методологию. Анализируя устные тексты, мы стремились выявить не столько жесткие правила, регулирующие выбор числовой формы сказуемого, сколько факторы, влияющие на вероятность использования показателя множественного числа на сказуемом.

Дальнейшее обсуждение организовано следующим образом. В разделе 2 описана процедура сбора и разметки материала. В разделе 3 представлены основные эмпирические обобщения, которые позволили сделать наши данные. Последний раздел 4 содержит краткие выводы.

2. Сбор и разметка материала

Источником материала послужила коллекция устных текстов, записанных и разобранных в ходе экспедиций 2011–2014 годов в дер. Рахметово Абзелиловского района Республики Башкортостан, организованных Санкт-Петербургским государственным университетом и Институтом лингвистических исследований РАН при поддержке Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. В ходе экспедиций были коллективно разработаны используемые здесь конвенции транскрибирования и поморфемного разбора башкирского материала. Экспедиция 2014 года была поддержана грантом фонда «Развитие фундаментальных лингвистических исследований» (проект А-22).

По преимуществу они представляют собой полуспонтанные нарративы: автобиографии, истории из жизни, сказки и легенды; также в микрокорпусе представлено несколько диалогов. Общий объем разобранных текстов – чуть более 1200 предложений (примерно 140 минут звучащей речи).

Мы извлекли из этой коллекции текстов все такие финитные клаузы, в которых либо сказуемое действительно содержало маркер множественного числа *-lar* (или его алломорф), либо мы могли бы ожидать – хотя бы теоретически – появления этого маркера в сказуемом. Финитными считались такие клаузы, в которых сказуемое выражено формой, способной возглавлять независимое предложение (чаще всего это была личная форма глагола). Таким образом, при составлении выборки мы ориентировались на семантику (в частности, на предложенные информантами русские переводы предложений). Так, в выборку попали все предложения, в которых реальным субъектом (выраженным или невыраженным синтаксически) было множество участников. В частности, попали в выборку все примеры, где подлежащее было выражено именем в форме множественного числа, даже если сказуемое при них не имело «согласовательного» показателя:

- (2) *hat-yp* *al-yw-sy-lar* *kil-de*
 продавать-CV брать-NMLZ-AG-PL приходит-PCST
 ‘Пришли покупатели’.

Основные типы подлежащих, учитывавшихся при составлении выборки, кратко перечисляются ниже в пункте е). Существенно, что мы отбирали все подлежащие, которые в принципе способны вызывать согласование в изучаемом нами идиоме. В частности, мы включили в выборку все примеры с подлежащими, выраженными собирательным существительным, хотя способность таких подлежащих вызывать согласование (ср. понятие «семантического согласования» [Corbett 2000, 187]) и не упоминается в грамматиках. Причиной такого решения стало то, что в наших материалах попадались примеры типа (3):

- (3) *bötä xalyq* *ila-p* *qara-p* *tor-yan da*
 весь народ плакать-CV смотреть-CV стоять-PC.PST-LOC
qajt-qan-dar
 приходит-PC.PST-PL
 ‘Они вернулись, когда весь народ стоял и плакал’.

Всего в выборку вошло 305 клауз, из которых в 230 сказуемое имело показатель плюралиса, а в 75 – стояло в немаркированной по числу форме.

Все отобранные клаузы были размечены по 10 признакам. Наличие/отсутствие маркера множественного числа на сказуемом воспринималось как «зависимая переменная». Остальные 9 параметров представляли собой те аспекты формального и семантического устройства клаузы, возможное воздействие которых на согласование по числу мы и хотели изучить. Список параметров был составлен на основе анализа литературы по башкирскому языку и типологических работ, посвященных факультативному согласованию по числу (см. ссылки ниже); он отражает и предварительные гипотезы, возникшие в ходе работы с материалом.

При отборе параметров предпочтение было отдано тем признакам, которые могли быть однозначно установлены эмпирически. Это уточнение необходимо, так как в литературе утверждалось, что выбор формы сказуемого может зависеть и от процессов осмысления (концептуализации) внешней действительности, например, от такого эфемерного признака, как дифференцированность категории подлежащего [Дмитриев 2008, 206]. С когнитивной и типологической точки зрения это утверждение выглядит правдоподобно, ср. [Corbett 2000, 209]. Однако эмпирическая его проверка затруднена из-за отсутствия доступа к процессам концептуализации. Помимо этого, примеры типа (3) заставляют усомниться в абсолютности этой закономерности: скорее всего, ‘весь народ’ (собирательное существительное) мыслится как однородная категория, однако здесь всё же используется множественная форма сказуемого.

Итак, при разметке использовались только относительно осязаемые параметры. Первые два из них касались синтаксической организации клаузы.

а) Неопределенно-личность. В этом столбце особым образом отмечались клаузы, которые мы относили к числу «неопределенно-личных». В таких клаузах отсутствует формально выраженное подлежащее, при этом оно не может быть однозначно восстановлено по контексту (ср. ‘Тогда нам хорошо платили’ и т.п.). Согласно [Юлдашев (ред.) 1981, 437], функцию сказуемого в неопределённо-личном предложении выполняет форма 3-го лица множественного числа. Интересно, что в наших текстах встретилось несколько клауз, которые по отсутствию подлежащего и по семантическим признакам соответствуют определению неопределенно-личных предложений, но в которых на сказуемом показатель плюралиса все же отсутствует:

- (4) *Äwdän-gä jebär-ä* *tor-yan* *ine* *beđ-đe elek*
 Авзян-DAT посылать-CV.IPFV стоять-PC.PST быть.PST мы-ACC раньше
 ‘Раньше нас посылали в Авзян’.

Существование такой редкой возможности отмечается в [Дмитриев 2008, 220–221] (Н. К. Дмитриев называет тот тип предложений, который мы описываем как «неопределенно-личные», «обобщенно-личными»).

б) Порядок слов. Здесь учитывалось то, появляется ли подлежащее в предложении до или после сказуемого, а также наличие других слов между ними. В результате различалось четыре случая: **SV, SXV, VS, VXS**. Для клауз, где подлежащее не было выражено эксплицитно, этот признак не применялся.

То, что наличие согласования сказуемого по числу с подлежащим может зависеть от порядка слов, часто отмечалось в типологической литературе, при этом согласование всегда более характерно для препозиции подлежащего [Corbett 2006, 180; Creissels 2010; Lemmolo (in press)].

Еще пять признаков касались подлежащего размечаемых клауз.

в) Одушевлённость. В данном случае имеется в виду не грамматическая категория (отсутствующая в башкирском), а семантический, или онтологический, признак: позиция субъекта на так называемой «иерархии одушевленности». По данному признаку противопоставлялось три типа подлежащих: люди, животные и неодушевлённые объекты.

Н. К. Дмитриев указывает, что в литературе популярна идея, согласно которой согласование сказуемого по числу в башкирском более вероятно, если подлежащее обозначает лицо; сам, впрочем, он скептически оценивает эту гипотезу [Дмитриев 2008, 206]. В типологической литературе также упоминались языки, в которых одушевленность является фактором, способствующим согласованию [Corbett 2006, 177–179]; в частности, такие сведения имеются для родственного башкирскому турецкого [там же 191].

г) Референциальный статус подлежащего. По этому параметру противопоставлялось три привычных типа именных групп [Плунгян 2009, 286]. Определенной мы считали именную группу, референт(а) которой слушающий может однозначно идентифицировать в пространстве дискурса. Если у подлежащего существует конкретный референт в реальном мире, но слушающий не может его однозначно идентифицировать, мы считали объект референтным (неопределенным). При отсутствии у подлежащего референта в реальном мире мы классифицировали подлежащее как нереферентное.

В литературе обсуждалось множество языков, в которых глагольное согласование зависит от референциального статуса подлежащего: чем он выше, тем больше вероятность согласования [Corbett 2006, 200 и далее; Konoshenko 2010], что и обусловило включение этого параметра в разметку.

Параметр референциального статуса субъекта не устанавливался для неопределенно-личных предложений. Вообще говоря, в башкирском языке, как и в русском (см. [Падучева 2012]), использование неопределенно-личных предложений говорит не о неизвестности (неопределенности), а лишь о несущественности референта субъекта для говорящего. Так, в диалоге о документах, необходимых для поступления в институт, зафиксирован следующий вопрос: 'Сертификаты не отдали еще?' Экстралингвистическая ситуация подсказывает, что отдать сертификаты могли бы школьные учителя, однако для говорящего эта информация неважна, важна лишь возможность получения сертификатов. Таким образом, теоретически референциальный статус «субъекта» в неопределенно-личных предложениях не всегда одинаков. Тем не менее, установление референциального статуса неназванного субъекта в неопределенно-личных предложениях затруднено, поэтому для таких предложений этот признак не использовался.

д) Данное/новое подлежащее. Как «данные» отмечались такие подлежащие, референты которых уже упоминались в предшествующем тексте и которые заведомо обладали определённой топикальностью; остальные подлежащие попадали в категорию «новых» [Levinson 1983, 88]. Этот параметр также не применялся к неопределённо-личным предложениям.

В типологической литературе отмечалось, что во многих языках согласование сказуемого более характерно для «данных»/топикальных подлежащих. В частности, часто согласование отсутствует или становится факультативным в «презентационных» конструкциях, т. е. в конструкциях, которые как раз и служат для введения в пространство дискурса новых референтов [Corbett 2006, 197 и далее; Creissels 2010; Iemmolo (in press)].

е) Структура подлежащего. Подлежащие в составе клауз, попавших в выборку, различались по внутреннему синтаксическому устройству. В общей сложности мы различали 16 типов: именные группы (ИГ), возглавляемые существительным с маркером множественного числа; ИГ, в которых существительное не имело маркера плюралиса, но сопровождалось количественным числительным или квантором; разного рода безвершинные ИГ; местоимения; несколько типов сочинительных и комитативных конструкций и т. д. (здесь нет возможности перечислить и проиллюстрировать все эти типы). В отдельную категорию были выделены случаи, когда эксплицитно выраженное подлежащее в предложении отсутствовало: сюда попадали как неопределенно-личные предложения, так и предложения, в которых подлежащее подвергалось эллипсису, но могло быть восстановлено по предшествующему контексту.

Интересно, что в наших материалах не встретилось ни одного примера, где подлежащее было бы выражено счетным (не собирательным) существительным без каких бы то ни было морфологических или синтаксических признаков множественности, но которое при этом отсылало бы к множественным референтам. Известно, - что показатель множественного числа в существительных в башкирском языке факультативен: форма типа *at* сама по себе «может выступать и в плане единичности, и в плане множественности» [Дмитриев 2008, 204], то есть обозначать как одну лошадь, так и несколько лошадей. Однако в наших материалах в позиции подлежащего вторая возможность ни разу не реализовывалась.

В литературе указывалось, что наличие/отсутствие согласования по числу может зависеть от структуры подлежащего. Например, утверждалось, что подлежащие вида «X *menän* Y» обычно требуют сказуемого с маркером плюралиса [Дмитриев 2008: 207; Porre 1964, 93]. Забегая вперед, заметим, что в наших материалах эта закономерность регулярно нарушается:

- (5) *äbej menän babaj jäšä-gän*
 старуха с старик жить-PC.PST
 ‘Жили-были старик со старухой’.

Еще одно ожидание состояло в том, что особым образом могут вести себя нулевые подлежащие: так, утверждалось, что в турецком языке при отсутствии эксплицитного подлежащего немаркированная по числу форма сказуемого обязательно обозначает единичность субъекта (при наличии подлежащего это не обязательно, как и в башкирском) [Corbett 2006, 190].

ж) Наличие следующего (однородного) сказуемого с тем же подлежащим в том же предложении. В ходе разметки отобранных примеров мы столкнулись с тем, что сказуемые с одним и тем же подлежащим в одном предложении могут маркироваться по-разному, как в примере (6), где первое сказуемое не присоединяет показатель плюралиса, а оставшиеся два – присоединяют. Возможно, такая закономерность связана с происхождением форм с суффиксами *-j*, *-al-ä*: эти формы презенса восходят к тому же источнику, что и омонимичные им – с синхронной точки зрения – деепричастия, не способные к согласованию [Дмитриев 2008, 140].

- (6) *jäš-tär uram-da jörö-j, es-ä-lär, huy-yš-a-lar*
 молодой-PL улица-LOC ходить-PRS пить-PRS-PL ударить-RECP-PRS-PL
 ‘Молодые на улице ходят, пьют, дерутся.’

Из-за подобных примеров мы решили проверить гипотезу о том, что для первого сказуемого маркирование менее вероятно, чем для последующих, следствием чего стало включение параметра ж) в разметку.

Еще два параметра разметки были связаны со свойствами сказуемого.

з) Тип/структура сказуемого. Мы отмечали то, выражено ли сказуемое формой глагола (и если да, то какой именно) или чем-либо еще. Напомним, что мы не рассматривали нефинитные сказуемые, в частности, деепричастия (они не могут присоединять показатель множественного числа [Дмитриев 2008, 175]) и причастия в составе зависимых оборотов – такие причастия присоединяют не личные, а притяжательные показатели. Особым образом отмечались составные именные сказуемые и сказуемые, выраженные так называемыми «модальными словами» [Дмитриев 2008, 63; Юлдашев (ред.) 1981, 438] *bar* ‘есть’ и *juq* ‘нет’ (в типологической литературе существуют указания на то, что для таких предикатов может быть особенно характерно отсутствие согласования с подлежащим [Lemmolo (in press)]). В общей сложности мы выделили 13 разных типов сказуемых.

и) Семантика предиката. По этому параметру мы разделили сказуемые на три класса, объединив здесь два бинарных признака. Во-первых, мы противопоставляли случаи совместного совершения действия раздельному (дистрибутивному), см. об этом противопоставлении, например, [Corbett 1992; Kemmer 1993]. В последнем случае ситуации, охватывающие отдельных членов множества референтов субъекта, возникают в разное время и / или в разных местах и/или участники действуют по-разному:

- (7) *tör-lö* *versija-lar* *bašla-n-a*
разновидность-ADJ версия-PL начинать-REFL-PRS
‘Появляются разные версии’.

В случае если участники одновременно и единым образом принимали участие в одной и той же ситуации, мы дополнительно учитывали семантику самого предиката. В качестве коллективных мы отмечали предикаты, лексическая семантика которых предполагает множественных участников, при этом действие совершается каждым участником одновременно со всеми остальными и не может совершаться без других участников (ср. понятие “naturally collective verbs” в [Kemmer 1993, 91]):

- (8) *ular* *ber* *ber-e-he* *menän duθlaš-a-lar*
тот.PL один один-Р.3-Р.3 с подружиться-PRS-PL
‘Они друг с другом подружились’.

К последней категории – совместные – мы отнесли случаи, когда сами по себе предикаты допускали дистрибутивную интерпретацию, но в конкретном случае множественные участники принимали участие в действии в одном и том же месте и в одно и то же время:

- (9) *unuŋ ir-e, unuŋ ul-y käber-gä bar-a-lar*
тот.GEN муж-Р.3 тот.GEN сын-Р.3 могила-DAT идти-PRS-PL
‘Её муж, её сын ходят на могилу’.

Признак совместности / раздельности участия в действии упоминается в существующих описаниях башкирского языка как фактор, воздействующий на выбор формы числа сказуемого. Утверждалось, что, если действие совершается каждым участником по отдельности, то используется форма множественного числа, а если выражается действие некой группы в целом, то сказуемое стоит в немаркированной по числу форме [Дмитриев 2008, 206; Рорре 1964, 91–93]. Приведенные выше примеры (7) и (9) показывают, что эта закономерность по крайней мере не абсолютна: в (7) версии возникают по одной и все же используется немаркированная по числу форму сказуемого, в (9) муж и сын посещают могилу вместе и все же используется форма множественного числа.

Особый статус коллективных предикатов по отношению к согласованию отмечается [Юлдашев (ред.) 1981, 252], где говорится, что исторически согласование по множественному числу было нехарактерно для глаголов с суффиксом *-u*, имеющих коллективное значение.

Итак, имеющаяся в нашем распоряжении выборка из 305 реально зафиксированных клауз была размечена по девяти параметрам, потенциально влияющим на согласование. По поводу большинства из этих параметров у нас были исходные гипотезы, основанные либо на суждениях, представленных, но обычно не обоснованных сколько-нибудь подробно, в описаниях башкирского или других тюркских языков, либо на общетипологических ожиданиях. Интересно, что одно из типологических обобщений состоит в том, что, хотя набор факторов, воздействующих на факультативное согласование, в различных языках не совпадает, вектор их воздействия там, где они присутствуют, всегда одинаков. Например, считается, что с наличием согласования может коррелировать одушевленность, но не неодушевленность, тематичность, но не рематичность и т. д. [Corbett 2006,183].

3. Результаты

3.1. Сказуемое в предложениях с неопределенно-личной семантикой (см. параметр «а»), как и ожидалось, почти всегда имеет маркер плюралиса:

- (10) *serial-y-n* *ike* *tapqyr* *kür-hät-te-lär*
 сериал-Р.3-АСС два раз видеть-CAUS-PST-PL
 ‘(Этот) сериал два раза показывали.’

Единичные исключения (6 случаев из 102 неопределенно-личных предложений) – см. (4) выше – показывают, что закономерность носит не абсолютный характер, но примеры типа (10) фиксируются несоизмеримо чаще.

Учитывая общую факультативность показателя множественного числа в башкирском, а также отсутствие подлежащего в неопределенно-личных предложениях, можно заключить, что показатель плюралиса на сказуемом в таких предложениях является не столько согласовательным маркером, сколько как раз маркером неопределенно-личности. В частности, он сигнализирует и то, что реальные исполнители действия являются людьми (см. об одушевленности раздел 3.3). Осталось отметить, что в наших материалах неопределенно-личные предложения весьма частотны: на них приходится 96 из общего числа в 230 примеров, где на сказуемом был маркер плюралиса. Возможно, это частично отражает специфику собранных нами текстов, но все же эту пропорцию необходимо иметь в виду при описании природы глагольного маркера числа.

3.2. Показатель согласования ни разу не появился на сказуемых, выраженных модальными словами *bar* ‘есть’ и *juq* ‘нет’: всего было 4 таких примера (отличие от конструкций с другими сказуемыми оказывается статистически значимым, точный критерий Фишера, $p \approx 0.01$):

- (11) *ike* *balam* *bar*
 два ребенок-Р.1SG имеется
 ‘У меня два ребенка.’

Помимо этого, в наших материалах такие предикаты не согласовывались и по лицу. Возможно, в изучаемом идиоме эти предикаты вообще не участвуют в согласовании, поэтому такие конструкции, как и неопределенно-личные предложения, в дальнейших подсчетах не учитываются (впрочем, в предложениях, подобных (11), подлежащее не может быть определенным или данным, что перекликается с параметрами, обсуждаемыми ниже).

Видимо, воздействие параметра «тип сказуемого» (з) не ограничивается названной закономерностью. Так, в нашей выборке было две клаузы с формой будущего времени на –*asaq* и в них обеих не было согласования по числу (хотя в принципе эта форма присоединяет суффикс плюралиса [Дмитриев 2008, 146]). Однако, поскольку таких клауз было только две, мы не могли доказать, что эти формы отличаются от других временных форм в аспекте согласования, поэтому далее эти конструкции учитываются наравне со всеми другими.

Итак, далее при подсчетах рассматривались только 199 клауз (из которых в 65 на сказуемом отсутствовал показатель множественности).

3.3. Из 199 оставшихся клауз в 14 подлежащее реферировало к неодушевленным объектам и еще в 3 – к животным (ср. параметр «в»). Ни в одной из этих 17 клауз на сказуемом не появился маркер плюралиса, см. (7) выше. Несмотря на незначительность количества примеров, для обоих этих классов субъектов существует по крайней мере статистическая связь с отсутствием маркера плюралиса на сказуемом (точный критерий Фишера, $p < 0.05$). Далее эти 17 примеров рассматриваться не будут.

3.4. На оставшихся в поле рассмотрения 182 клаузах было установлено, что наличие маркера плюралиса коррелирует с данными (признак «д» выше) и определенными (признак «г») подлежащими (после «отбрасывания» примеров, обсужденных в пунктах 3.1–3.3, в выборке не осталось конструкций с нереферентными подлежащими, все подлежащие были либо референтными неопределенными, либо определенными). Данные, иллюстрирующие эти закономерности, приведены в Таблице 1.

Для обоих изученных признаков различия оказываются статистически значимыми (критерий χ^2 , в обоих случаях $p < 0.01$), но можно предположить, что параметр данности, то есть факт упомянутости референта подлежащего в предшествующем дискурсе, играет большую роль, чем определенность. Ясно, что два параметра внутренне связаны: данные референты почти всегда являются определенными, но определенность может задаваться не только предшествующим упоминанием, но и, например, благодаря энциклопедическим знаниям. Однако можно попытаться разделить два фактора; например, рассмотреть только конструкции с «новыми» (неупомянутыми) подлежащими. Оказывается, что среди «новых» подлежащих и определенные, и референтные неопределенные субъекты сочетаются со сказуемым без маркера плюралиса примерно в одинаковом проценте случаев (5 из 12 конструкций для определенных подлежащих, 21 из 44 для неопределенных). Итак, из факторов дискурсивного плана ключевую роль, видимо, играет данность подлежащего: для данных подлежащих почти всегда предпочитается появление маркера плюралиса на сказуемом (83% случаев), для новых обе грамматические возможности примерно равновероятны (54%). Действие следующих факторов будет рассмотрено для этих двух случаев по отдельности.

Таблица 1.

Данность/определенность подлежащего и согласование

	немаркированное сказуемое		сказуемое с маркером PL	
	N	%	N	%
«данное»	22	17%	104	83%
«новое»	26	46%	30	54%
ВСЕГО	48	26%	134	74%
определенное	23	20%	94	80%
неопределенное	25	38%	40	62%
ВСЕГО	48	26%	134	74%

3.5. Для клауз с данными одушевленными субъектами ключевую роль, по-видимому, играет наличие/отсутствие выраженного подлежащего (см. параметр «е» выше). При отсутствии выраженного подлежащего на сказуемом почти обязательно используется маркер множественного числа (49 клауз из 51), см. (12), при наличии эксплицитного подлежащего (чем бы оно не было выражено) это менее обязательно (55 клауз из 75).

(12) *aḍaq* *zəjan-də* *qapla-nə-lar* *inde*
 потом вред-ACC покрывать-PST-PL уже

{Левый контекст: преступников поймали и они признали свою вину.} ‘Потом (они) возместили ущерб.’

Этот факт можно интерпретировать двояко. С одной стороны, нулевое выражение субъекта можно считать проявлением наивысшей степени активированности (топикальности) референта в дискурсе, ср. [Givón 1995, 379]. В этом смысле обсуждаемую тенденцию можно считать дальнейшим проявлением закономерности, обсуждавшейся в 3.4: более активированные, «данные» референты с большей вероятностью вызывают согласование. С другой стороны, сам по себе факт отсутствия выраженного подлежащего (независимо от причин этого отсутствия) тоже может играть роль, см. ниже.

3.6. В соответствии с изначальной гипотезой (см. параметр «ж»), в таких предложениях, где к одному подлежащему относится несколько однородных сказуемых, появление маркера плюралиса наиболее вероятно на непервых сказуемых. Другими словами, нами зафиксировано сравнительно много (одиннадцать) предложений, структура которых напоминает пример (6), где первое сказуемое не имеет маркер согласования, а последующее – имеет, а предложений с зеркальной структурой (согласование на первом сказуемом и отсутствие на последующих) нам не встретилось.

3.7. Вопреки изначальной гипотезе семантика предиката (в аспекте совместности/раздельности действия, см. параметр «и» выше), как выяснилось, никак не влияет на вероятность выбора между двумя типами оформления сказуемого. Так, после «отбрасывания» клауз, в которых форма сказуемого, видимо, определяется сильными факторами, почти не допускающими вариативности (см. разделы 3.1–3.3), в выборке из 182 клауз было 48 клауз (26%) со сказуемым без маркера плюралиса. Этот показатель был почти одинаков в клаузах, в которых действие осуществлялось раздельно, (26%) и в клаузах, в которых действие осуществлялось совместно, (27%). Данных для коллективных предикатов было слишком мало (всего пять примеров, во всех присутствует согласование по числу) для того, чтобы делать какие-либо надежные выводы, но даже имеющихся примеров достаточно для того, чтобы поставить под сомнение высказывавшуюся ранее гипотезу о том, что такие предикаты обычно избегают согласования по числу.

3.8. Единственный изученный параметр, который пока не упоминался в разделе 3, – это порядок слов в клаузе («б»). Действие этого параметра было изучено на выборке, получившейся после учета пунктов 3.1–3.3 (182 клаузы), при этом дополнительно были отброшены клаузы, в которых отсутствовало выраженное подлежащее, что привело к формированию выборки из 128 клауз. Основная гипотеза, которая проверялась в связи с порядком слов, касалась возможных особенностей клауз, где подлежащее линейно следует за сказуемым. Увы, таких клауз в выборке оказалось всего 7, и сделать о них какие-либо выводы было невозможно. Также мы отбросили еще 7 конструкций, отнесение которых к определенному порядковому типу было затруднено.

Однако при разметке примеров мы дополнительно учитывали еще один параметр: наличие (SXV) или отсутствие (SV) какого-либо дополнительного материала между подлежащим и располагающимся за ним сказуемым. При рассмотрении этого параметра по отношению к 114 оставшимся клаузам нами был получен неожиданный результат: оказалось, что в конструкциях типа SV согласование в подавляющем большинстве случаев отсутствовало (24 случая из 29), как в примерах (2), (5) и (7), в то время как в конструкциях типа SXV на сказуемом в подавляющем большинстве случаев (69 из 87) маркер множественного числа появлялся, как в примере (13).

(13) *unda jäšä-gän* *bašqort-tar* *ða* *küb-eräk*
там жить-PC.PST башкир-PL же много-CMPR
rus-sa *höjlä-š-ä-lär*
русский-ADV говорить-RECP-PRS-PL

‘Живущие там башкиры в основном говорят по-русски.’

Разумеется, наблюдаемое различие статистически значимо (критерий χ^2 , $p << 0.001$). Более того, различие оказывается значимо, даже если по отдельности рассмотреть только данные подлежащие и только новые подлежащие (точный критерий

Фишера, $p \ll 0.001$): в обоих случаях сказуемые, расположенные дистантно по отношению к подлежащему, получают маркер плюралиса чаще, чем контактно расположенные подлежащие (ср. аналогичное наблюдение, правда касающееся конструкций со сказуемым перед подлежащим, для каирской разновидности арабского в [Corbett 2000, 210]).

Возможно, параметр порядка слов (наличие «промежуточного» материала) не воздействует на выбор глагольной формы напрямую, а лишь косвенно связан с ним по каким-либо дополнительным причинам (например, порядок слов SV особенно характерен для конструкций с глаголами движения и возникновения, которые часто встречаются в «презентационных» конструкциях). Тем не менее эмпирическая закономерность налицо: контактное наличие подлежащего, в котором уже так или иначе присутствует идея множественности, является фактором, уменьшающим вероятность появления маркера согласования на глаголе.

4. Обобщения и выводы

В башкирском языке показатель множественного числа не может появляться на глаголе, если подлежащим является именная группа, в которой никак не выражена идея множественности участника. Однако этот показатель появляется на финитном сказуемом не во всех клаузах, где подлежащее реферирует к множественному участнику, а лишь в некоторой их части. Таким образом, глагольный маркер множественного числа в целом является факультативным, а форму третьего лица без этого маркера следует считать не столько формой единственного числа, сколько дефолтной формой.

К числу факторов, способствующих появлению маркера плюралиса на глаголе (перечисляются без указания силы действия факторов и иерархических отношений между ними), относятся: а) присутствие неопределенно-личной семантики (предполагающей, в частности, отсутствие выраженного подлежащего); б) наличие языкового материала между подлежащим и сказуемым; в) личная референция подлежащего (противопоставлено случаям, когда подлежащее реферирует к животным или неодушевленным объектам); г) определенность и особенно д) «данность» (предупомянность в предшествующем тексте) подлежащего; е) нулевое выражение подлежащего. К числу факторов, коррелирующих с отсутствием маркера плюралиса на сказуемом, помимо признаков, зеркальных по отношению к тем, что были перечислены выше (а-е), относятся ж) наличие последующих однородных сказуемых в составе того же предложения и з) принадлежность сказуемого к зоне утверждения или отрицания существования субъекта. Наконец, вопреки ожиданиям, оказалось, что фактор и) – совместность / раздельность осуществления действия – не оказывает воздействия на выбор формы сказуемого.

Видимо, восемь выявленных факторов частично связаны друг с другом и позволяют сделать обобщения. Одно из обобщений типологически весьма тривиально: согласование по множественному числу более вероятно, если подлежащее имеет высокую степень индивидуированности, что особенно характерно для одушевленных (в), определенных (г) и данных (д) субъектов и, наоборот, совершенно нехарактерно для конструкций с экзистенциальными предикатами («з»). Видимо, в конечном счете все эти параметры можно считать проявлением топикальности, а то, что топикальные подлежащие чаще вызывают глагольное согласование, чем нетопикальные, типологически хорошо известно, см., например, [Iemmolo (in press)] и приводимые там ссылки.

Однако другое обобщение, которое можно сделать на основе собранных наблюдений, типологически менее тривиально. Оно состоит в том, что в башкирском языке появление маркера множественного числа на сказуемом предпочитается в тех случаях, когда это не создает избыточности. В частности, появление маркера множественного числа особенно характерно для неопределенно-личных конструкций (а) и других случаев, когда в клаузе нет выраженного субъекта (е), – в этих случаях маркер плюралиса на сказуемом оказывается единственным носителем идеи множественности в

составе клаузы. В случае если семантика множественности выражается в предложении более одного раза, статистически предпочтительны такие конструкции, где маркеры множественности не располагаются слишком близко друг к другу, ср. параметры (б) и (ж).

Таким образом, в башкирском языке глагольный показатель числа можно трактовать не столько как единицу, «копирующую» грамматические признаки подлежащего, сколько как маркер, обладающий некоторой самостоятельностью относительно именной множественности. Не вполне очевидно, таким образом, что число глагола (сказуемого) в башкирском это собственно **согласовательная** категория, т. е. что его суть состоит в маркировании на мишени грамматических признаков контролера (см., впрочем, обзор случаев несовпадения числовых признаков у контролера и мишени в [Corbett 2000, 178–217]). Вполне вероятно, что более перспективен анализ категории числа глагола как категории, обладающей собственным денотативным потенциалом (ср. обсуждение категории «несогласовательного» числа глагола, например, в [Durie 1986]).

Литература

- Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка (переизд.). – Москва: Наука, 2008.
- Падучева Е.В. Неопределённо-личное предложение и его подразумеваемый субъект // Вопросы языкознания, № 1. 2012. С. 27–41.
- Плунгян В.А. Общая морфология. Издание 3-е. – М.: УРСС, 2009.
- Юлдашев А.А. (ред.). Грамматика современного башкирского литературного языка. – М.: Наука, 1981.
- Corbett G.G. A typology of number systems. European Science Foundation Programme in Language Typology: Theme 7, Noun Phrase Structure: Working Paper no. 15. 1992.
- Corbett G.G. Number. – Cambridge: CUP. 2000.
- Corbett G.G. Agreement. – Cambridge: CUP. 2006.
- Creissels D. 2010. Fluid intransitivity in Romance languages // Archivio glottologico italiano, Vol. 95, № 2. P. 117–121.
- Durie M. 1986. The grammaticization of number as a verbal category // V. Nikiforidou et al. (eds.). Proceedings of the Twelfth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. – Berkeley: University of California. P. 355–370.
- Givón T. Functionalism and grammar. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1995.
- Iemmolo G. Subject agreement suspension from Old to Modern Tuscan: between syntax, morphology and information structure.
- Kemmer S. Marking oppositions in verbal and nominal collectives // Faits de langues, № 2. 1993. P. 85–95.
- Konoshenko M. Person-Number Agreement in Mande: Synchronic Hierarchies and Their Sources. Доклад, представленный на конференции Association for Linguistic Typology (ALT10). – Leipzig, 2010.
- Levinson S.C. Pragmatics. – Cambridge: CUP. 1983.
- Poppe N. Bashkir manual. – Bloomington: Indiana University. 1964.

Бакланова И.И., г. Пермь

РУССКАЯ РЕЧЬ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ОКРУГА КАК ИСТОЧНИК ОБРАЗНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ

Работа выполнена при финансовой поддержке грантов РГНФ № 13-14 59008 «Русские говоры Коми-Пермяцкого округа: особенности функционирования и развития»; № 14-04-00437 «Свое» и «чужое» в условиях межкультурного взаимодействия (на материале памятников письменности, живой речи и ономастики Пермского края)».

В настоящее время активизировался интерес к изучению разговорной речи, в том числе диалектной. Особого внимания заслуживают территории, на которых проживают разные народы. Так в Пермском крае предметом пристального внимания ученых стал

Коми-Пермяцкий округ (далее КПО) – территория проживания коми-пермяков и русских. Сегодня большая часть коми-пермяков говорит по-русски, хотя степень владения русским языком различная. Как отмечает И.А. Подюков, «в результате длительного исторического взаимодействия народов в регионе сложился уникальный этнокультурный комплекс материальной культуры ... Это привело к тому, что роль в самоидентификации этнического самосознания и родного языка оказалась в ряде случаев весьма условной» [Подюков 2013, 16].

В данной статье мы рассмотрим лишь один из аспектов русской речи КПО – фразеологию. Материалом для статьи послужили записи русской речи, полученные во время экспедиции в Юсьвинский район Коми-Пермяцкого округа в 2014 году. Этот район имеет много русских населенных пунктов, тем не менее русская речь этого района – это результат активного билингвизма. Русские в речи сохраняют фонетические и грамматические особенности коми-пермяцкого языка, коми-пермяки активно заимствуют лексику у русских. В качестве информантов выступают носители русской речи, которые могут быть либо русскими, либо русскоговорящими коми-пермяками.

Русская речь богата устойчивыми единицами, и речь анализируемой зоны – не исключение. Начнем с устойчивых сравнений. Сравнение – слово или выражение, содержащее уподобление одного предмета другому, одной ситуации – другой. Сравнение передается в речи с помощью разных средств, одним из которых являются фразеологизмы сравнения. В данной работе мы придерживаемся определения, данного в статье К.Н. Прокошовой: сравнительные фразеологизмы – «такие словесные комплексы, которые обладают сравнительной семантикой и структурно и семантически характеризуются признаками компаративности в виде лексико-синтаксических элементов – различных простых и сложно-составных сравнительных союзов» [Прокошева 1974, 105]. Сравнение в говорах делается на основе разных явлений, действий, признаков. Большая часть устойчивых сравнений помогает понять уклад жизни и быт русского народа в прошлом, представления о культуре и вере крестьян: *На мотоцикле ездит/ как верхом на коне; Ходит как уточка/ нигде не шевельнется; Юбку из холста замочишь/ дак как луб стоит; Утром станем/ постель у нее как листочек/ чистая, ровная; Утром вышла / они [поросята] как ломтики лежат/ замерзли; Он у нас ходит чатырём.*

Некоторые устойчивые сравнения сегодня требуют пояснения. Так, слово *луб* в сравнении *как луб* обозначает ‘кору липы’. В русской народной сказке «Заячья избушка» у лисы изба была ледяная, а у зайца – лубяная, т.е. сделанная из коры липы. Слово *луб* встречается у В.И. Даля в значении ‘подкорье, исподняя кора., липовое, идущее на кровли (под тесь), на мочала, а с молодых лип на лыко’ [Даль 1979, 270]. Форма слова *чатырём* этимологически неясна. Ни один пермский словарь не дает этого устойчивого сравнения, хотя модель, по которой он образовано, типична для пермских говоров: *ходить коровой, березой, кандибобером* и проч.

Русская речь КПО не только формирует устойчивые сравнения, в ней мы находим слова – средства сравнения, известные в других районах Пермского края. Так, в Оханском районе употребляется сравнение *как коточик*, не зафиксированное ни одним пермским словарем: *Бегат как коточик* (О бойком человеке). Слово *коточик* встречается у В.И. Даля и известно русскоговорящим коми-пермякам. Нами зафиксировано это слово в следующем значении: *коточик* – ‘инструмент для плетения лаптей с металлической насадкой с закругленным широким крючком, шило’ [Даль 1979, 179].

В русской речи КПО мы нашли не только устойчивые сравнения, но и другие фразеологические единицы: *на худой лошаде не увезти* ‘О большом количестве чего-либо’: *Худому лошаде не увезти/ столько у меня мерёж/ я рыбачить люблю*. Данный фразеологизм зафиксирован в русской речи коми-пермяка, поэтому отражает грамматические коми-пермяцкие особенности. Фразеологизм *жить обезьяны годы* ‘Жить до глубокой старости’ известен в пермских говорах и зафиксирован в «Словаре пермских говоров» в варианте *обезьянский век жить* [Словарь пермских говоров 2000, 81].

Глаголы движения, активно используемые в пермской диалектной фразеологии, встречаются и в русской речи КПО: *уйти в свою жизнь* 'Умереть', при этом развивается мысль о том, что движение – это жизнь, а смерть – конечный пункт движения. Смерть, широко представленная во фразеологизмах с глаголами движения, мыслится как возвращение домой: *домой поехать* 'Умереть'. Смерть связана с землей, а значит умирать – это книзу идти, идти (пойти) на поклон. «Древняя мифологема «земля-прародительница», божество, в чрево которого возвращается умерший, восстанавливается в народных выражениях *землю накормить* 'умереть', *земля зовет*», в наших материалах умереть – *в землю идти* (уйти), *в землю пойти* [Подюков 1990, 62].

Интересны и другие фразеологизмы *слеза слезу бьет* 'О состоянии, при котором человек сильно плачет' (*бригадир как зачижгала/ зачижгала* [закричала] // *корма-то не хватают/ у меня слеза слезу бьет*); *язык с собой* [носить] 'О способности хорошо говорить' ([Хорошо поговорили] *А чё язык-от с собой ведь*). Фразеологизм *язык с собой* [носить] зафиксирован во «Фразеологическом словаре пермских говоров» [Прокошева 2002, 430].

Народная фразеология отражает все стороны человеческой деятельности, не осталось без внимания и здоровье человека: *руки к роту не подходят, есть только глазами* 'О состоянии здоровья, при котором нет сил принимать пищу'.

Личные, семейные отношения тоже стали предметом образного осмысления: *вожжи крепче держат* 'О необходимости строже контролировать мужа/жену или какие-либо другие отношения' (*Счас уж чё говорить/ изменял [жене]/ надо было вожжи крепче держать*). Фразеологизм *нарушить род* 'Сделать аборт' касается очень личной темы, которая завуалирована образным выражением.

Изучение речи жителей КПО требует внимательного подхода, если нам необходимо знать, из какого языка заимствован фразеологический оборот. Так, устойчивое сравнение *как листочек* известно русским говорам и зафиксировано в «Большом словаре русских народных сравнений»: *тонкий как листочек, трястись как кленовый лист, закружиться как листья, падать как листья* и другие. В говорах нашей зоны это сравнение сочетается по-другому: *чистый, ровный как листочек*. Известно, что в коми-пермяцком языке это сравнение тоже имеется.

Анализ русской речи жителей Коми-Пермяцкого округа показывает, что проявления образности типичны для говоров (и наверное, русской речи в целом), но материал записан новый, интересный. Наличие такого корпуса образных средств в записях трехдневной экспедиции говорит о том, что русская речь сельских жителей – это сокровищница образных средств. Актуальность исследований в этой области бесспорна: фразеологизмы аккумулируют народную мудрость, устойчивые сравнения наиболее точно дают представление о народной жизни. В области устойчивых образных единиц сохраняется пласт лексики, обозначающей такие предметы, которые ушли из обихода, но сохраняются в народной речи.

Литература

Бакланова И.И. Образность устойчивых сравнений в пермских говорах // Современные проблемы культурно-языковой регионалистики: Материалы Межвузовской научной конференции (г. Пермь, 26-28 ноября 2012 г.). – Пермь, 2012. С.5-8.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – Т. 2. – М.: Русский язык, 1979.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. – М., 2008.

Подюков И.А. Народная фразеология в зеркале народной культуры. – Пермь, 1990.

Подюков И.А. О формировании групп русских говоров на территории Коми-Пермяцкого округа // Русская речь Коми-Пермяцкого округа: хрестоматия / Авт.-сост. И.И. Бакланова, О.В. Гордеева, А.С. Лобанова, И.А. Подюков, И.И. Русинова. – Пермь, 2013. С.8-23.

Прокошева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров. – Пермь, 2002.

Словарь пермских говоров / под ред. А.Н. Борисовой, К.Н. Прокошевой. В 2-х т. – Пермь, 2000-2002.

Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / под ред. И.А. Подюкова. – Пермь, 2006.

Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области / под ред. Ф.Л. Скитовой. – В 6-ти вып. – Пермь, 1984-2010.

КОНСТРУКЦИИ С СЕНТЕНЦИАЛЬНЫМИ АКТАНТАМИ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ (МАТРИЧНЫЕ ПРЕДИКАТЫ МЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ)

1. Введение

Настоящее исследование посвящено проблеме выбора стратегии оформления сентенциальных актантов в башкирском языке. По определению, данному в [Noonan 2007, 52], сентенциальным актантом называют предикацию, которая является актантом некоторого предиката. В этой работе рассматриваются только те конструкции, которые зависят от матричных предикатов, входящих в семантическую зону мыслительной деятельности (напр., 'думать', 'знать', 'понимать'). Сентенциальные актанты, представляющие собой косвенный вопрос, в рамках данной работы не рассматриваются.

Цель исследования – определить, с какими стратегиями оформления сентенциальных актантов сочетаются башкирские глаголы из данной семантической зоны, и выяснить, с чем связан выбор той или иной стратегии. Используемый материал был собран методом элицитации в июле 2014 года в деревне Рахметово Абзелиловского района Республики Башкортостан.

2. Стратегии оформления сентенциальных актантов

В ходе полевой работы возможные способы оформления башкирских сентенциальных актантов были объединены в две основные стратегии.

1. Стратегия с номинализацией

Стратегия 1: родительный/именительный падеж субъекта зависимой клаузы + одна из номинализаций, имеющая поссесивный показатель (в соответствии с лицом и числом субъекта) и стоящая в падеже, которого требует матричный предикат (винительный/дательный).

1. *malaj-u äsä-he-neŋ maŋazin-ŋa kit-kän-e-n* мальчик-Р.3 мать-Р.3-GEN магазин-DAT уходить-РС.PST-Р.3-ACC *bel-ä* знать-PRS 'Сын знает, что мать ушла в магазин.'
2. *bala-lar ekzamen bir-ew-đär-e-nä ataj äsä-lär* ребенок-PL экзамен давать-NMLZ-PL-Р.3-DAT отец мать-PL *uŝan-a* верить-PRS
3. 'Родители надеются, что дети сдадут экзамены.'

Для этой стратегии возможно употребление следующих номинализаций:

- «причастие прошедшего времени» на *-ŋan* (РС.PST): маркирует предшествование или одновременность действия зависимой клаузы действию главной клаузы;
- составная форма на *-ŋan-ləq* (РС.PST-NMLZ): редко используется; кажется, взаимозаменяема с причастием на *-ŋan*;
- номинализация на *-w* (NMLZ): маркирует одновременность или следование;
- «причастие будущего времени» на *-asaq* (FUT): маркирует следование;
- «причастие будущего времени» на *-r* (POT): этот показатель среди собранных примеров не встретился, но его употребление возможно (см. [Генералова 2013]).

2. Стратегия с *tip*

Стратегия 2: винительный/именительный падеж субъекта зависимой клаузы + финитная глагольная форма с одним из временных показателей (в примерах зафиксированы РС.PST, PST, PRS, POT), при этом личный показатель, обязательный в независимых предложениях, может как присутствовать *Bulat jaqŝu eŝlä-ne-m tip uŝla-j* Булат хороший работать-PST-1SG сказать.CV думать-PRS 'Булат думает, что он хорошо поступил', так и отсутствовать *uqu-t-uw-sy min öj-gö eŝ-te eŝlä-ne* читать-CAUS-NMLZ-AG я дом-ADJ работа-ACC работать-PST *tip uŝla-j* сказать.CV думать-PRS 'Учитель предполагает, что я вчера сделал уроки.'; зависимая клауза присоединяется с помощью союза *tip*, восходящего к деепричастию от глагола *tiew* 'говорить'.

3. *Bulat* *jaqşu* *eşlä-ne-m* *tip* *ujla-j*
 Булат хороший работать-PST-1SG сказать.CV думать-PRS
 ‘Булат думает, что он хорошо поступил’.

4. *uqy-t-uw-sy* *min* *öj-gö* *eş-te* *eşlä-ne*
 читать-CAUS-NMLZ-AG я дом-ADJ работа-ACC работать-PST
tip *ujla-j*
 сказать.CV думать-PRS
 ‘Учитель предполагает, что я вчера сделал уроки’.

3. Выбор между стратегией 1 и стратегией 2

Грамматикализация форм глагола ‘говорить’ в единицу, использующуюся для присоединения сентенциальных актантов, свойственна многим языкам мира [Hopper, Traugott 1993, Ханина 2001]. Оказалось, что в башкирском языке матричные предикаты мыслительной деятельности, сочетающиеся со стратегией 2, не могут использоваться со стратегией 1, а, например, *bel-* ‘знать’, обычно использующийся со стратегией 1, в сочетании со стратегией 2 изменяет свое значение на ‘думать’ *Gölnara üđ-em matur jyrļa-j-ym tip* Гульнара сам-P.1SG красивый петь-PRS-1SG сказать.CV *bel-ä* знать-PRS ‘Гульнара думает, что она хорошо поет’.

5. **uqy-t-uw-sy* *hinej* *janjlyş-qan-uy-dy*
 читать-CAUS-NMLZ-AG ты.GEN ошибаться-PC.PST-P.2SG-ACC
ujla-j
 думать-PRS
 ‘Учитель думает, что ты ошибся’.

6. *Gölnara* *üđ-em* *matur* *jyrļa-j-ym* *tip*
 Гульнара сам-P.1SG красивый петь-PRS-1SG сказать.CV
bel-ä
 знать-PRS
 ‘Гульнара думает, что она хорошо поет’.

На сочетаемость грамматикализованных форм глагола ‘говорить’ с матричными предикатами вроде ‘говорить’ или ‘думать’ в тюркских языках может влиять фактор допустимости в семантике матричного предиката «компонента говорения» [Ханина 2001]. Действительно, в башкирском языке *tip* часто употребляется «в функции союза», соединяя «предложения, заключающие прямую или косвенную речь» [Юлдашев 1981, 358].

В настоящем исследовании выдвигается следующая гипотеза: стратегия 1 сочетается с теми матричными предикатами, которые в башкирском языке являются фактивными, то есть в качестве пропозиционального актанта вводят клаузу, содержание которой относится к пресуппозиции (в этой работе используется определение фактивности, данное в [Kiparsky, Kiparsky 1971, 147]). Стратегия 2 сочетается с нефактивными матричными предикатами; некоторые фактивные глаголы могут использоваться с этой стратегией, но в таком случае они меняют свое значение на нефактивное.

В целом данное предположение не кажется неожиданным. Так, похожие выводы были сделаны М.Ю. Князевым для калмыцкого языка: сентенциальные актанты, вводимые деепричастиями глагола ‘говорить’, «не могут употребляться в контексте, где имеет место истинность зависимой предикации. В этом случае употребляется причастное дополнение» [Князев 2009, 536].

Выдвинутую в данном исследовании гипотезу подтверждают собранные данные (см. таблицу).

Таблица

	Основное значение	Стратегия 1		Стратегия 2	
		Ok	*	ok	*
bel-	<i>Знать</i>	20		3	2
aŋla-	<i>Понимать</i>	8	1	3	1
hið-	<i>Знать</i>	5			
hiðen-	<i>догадываться</i>	3			
iθlä-	<i>Помнить</i>	1		1	
yʃan-	Верить	4			
ujla-	Думать		2	27	
iθäplä-	Считать			1	

В таблице курсивом выделены глаголы, которые в русском языке являются фактивными. Числа соответствуют количеству примеров, в которых данный матричный предикат сочетается с той или иной стратегией (были рассмотрены только те примеры, в которых действие зависимой клаузы предшествует действию главной клаузы). Обозначению “ok” соответствуют употребления, естественные для башкирского языка; обозначению “*” – употребления, недопустимые в башкирском языке.

Интересен матричный предикат *yʃan-*: русский глагол *верить* фактивным не является, в башкирском *yʃan-* сочетается только со стратегией 1. При этом он не может вводить предикацию, содержание которой оценивается как ложное **äsäj beð butqa-ny aša-p böt-kän-ebed-gä*. На основании этого представляется возможным сделать вывод о том, что башкирский глагол является фактивным.

7. **äsäj beð butqa-ny aša-p böt-kän-ebed-gä*

мать мы каша-ACC есть-CV закончиться-PC.PST-P.1PL-DAT

yʃan-a

верить-PRS

‘Мать верит, что мы съели кашу (но мы не съели).’

4. Выводы

В результате проделанной работы были выделены две основные стратегии оформления сентенциальных актантов с матричными предикатами мыслительной деятельности в башкирском языке: 1) стратегия с номинализацией и 2) стратегия с финитной глагольной формой и комплементаризацией *tip*. Была выдвинута гипотеза о том, что на выбор стратегии влияет фактивность матричного предиката: стратегия 1 сочетается только с теми матричными предикатами, которые в башкирском языке являются фактивными.

Литература

- Hopper P., Traugott E. Grammaticalization. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
 Kiparsky P., Kiparsky C. Fact // D. Steinberg & L. Jakobovits (eds.). Semantics: An interdisciplinary reader. 1971. P. 143-173.

Noonan M. Complementation // Shopen T. Language typology and syntactic description. Vol. 2. Cambridge University Press, 2007. P. 52-150.

Генералова В.А. Выбор стратегии оформления синтаксических актантов в башкирском языке // Тезисы Десятой Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей (21-23 ноября 2013 г.). – СПб., 2013. С. 13-15.

Князев М.Ю. Синтаксические дополнения в калмыцком языке // ACTA LINGUISTICA RETROPOLITANA: Исследования по грамматике калмыцкого языка. Т. 5, часть 2. – СПб.: Наука, 2009. С. 525-581.

Ханина О.В. Грамматикализация глагола речи в «подчинительный союз» при конструкциях с синтаксическими актантами // Русская филология. Вып. 12. – Тарту, 2001. С. 125-129.

Юлдашев А.А. (ред.). Грамматика современного башкирского литературного языка. – М.: «Наука», 1981.

Баязитова Ф.С., Казан к.

ХАЛЫК ТРАДИЦИЯЛӘРЕН ЭТНОЛИНГВИСТИК ЯКТАН ТОРГЫЗУ: ТУЙ ПЕРСОНАЖЛАРЫ

(жирле сөйләш һәм фольклор текстлары ясылыгында)

Работа выполнена при финансовой поддержки РГНФ в рамках проекта “Создание электронного ресурса по этнолингвистическим (диалектно-фольклорным) материалам татарского языка” (проект 14-04-12024).

Туганлашучы һәр ике якның теләге–туйларны истә калырлык матур, тыныч итеп, ил йоласы буенча үткәрү. Шунның өчен туйларда кызның һәм егетнең эти-әниләре, туганнарыннан башка, чакырылган кунаклар арасынан махсус вазифа үтәп, туйның барышын күзәтеп, ярдәмләшеп торучы кешеләрне дә билгеләп куя торган булганнар. Татар теленең жирле сөйләшләрәндә әлегә темага караган бик күп борынгы сүзләр, атамалар табылып тора.

Аргыш – туйда иң олы, дәрәжәле кеше, туй башлыгы. Бу сүз татар диалектларының пермь, красноуфим һәм керәшен сөйләшләрәндә, күрше башкырт сөйләшләрәндә лә кулланыла. Алтай, хакас, ойрот телләрәндә *аргыш* иптәш, дус мәгънәсен белдерә. (Баскаков 1966, 103). Туй башлыгы булу – жаваплы һәм мактаулы эш, аңардан үз авылының йолаларын яхшы белү сорала. *Аргыш* булган кеше туйга үз исеменнән зурлап, матурлап әзерләнгән күчтәнәч – чәкчәк яки баллы бавырсақлар алып килә, туйның бар ягын уйлап, хәстәрән күреп куя. Жирле сөйләшләрәндән мисаллар китерәбез: – *Аргышның ике жақ әжилкәсеннән қач-қоч (аркылы-торкылы) бистәр (сөлге) бәйләгән була. Аргыш булган кеше туй кунақлары арасында айырылып торырға тийеш (каз.ар.-қри).* – *Безнең әниләр аргыш ыйы, аргыш дигәнәм – туй башлыгы инде. Аргышка туйда әжырлылар:*

Бийкәй тауларның башында

Өлгерә микән сабан ашлығы.

Сиңа әжырламыйча кемгә әжырлыым,

Син бит бу туйларның башлығы.

–Аргыш булган кеше үзе алып килгән күчтәнәчне табынга шулай ук әжырлап чыгара:

Кыр капкасын чыккан чакта

Атым керде арышка.

Кода-кодачалар сезгә әйтәм:

Сүз бирегез инде аргышка.

Өстемдәге постау бишмәтемне

Чөйләрдән чөйләргә әлмим дә.

Шушы күчтәнәчне тапшырмагач,

Аргыш булып туйга килмим дә.

Арғыш қодалар перм., к.-уф.кыз йортындагы туйга егет ягыннан, егет йортындагы туйга кыз ягыннан бара торган парлы кунақлар. Алар туй башлығы вазифасын да үтилер.

–“Арғыш, төшмәсен сезгә қарғыш”, – диг тә жырылағаннар туйда арғыш қодаларға (перм.).

–Арғыш қода – туйны аппаручы, кейәү йақтан қуйалар. Арғыш қода төп қода белән түргә утыра, йақын быратыңны (ир туганыңны) қуйасың арғышка. Қодаларны жыйып, қараптырып жәртә, жырылап, күләп (к.-уф.).

Туй башы – турбаслы сөйләшәндә (Башкортстан): туй башлығы. Чаг.чуваш теләндә: той посе – туй башлығы(Родионов, 1982,92).

– Туй башы булып барасыз, диделәр.Қызның инәләре билгеле инде туй башы итеп кемне қуйасы килә. Туйчы – нагайбәк-керәшен сөйләшәндә (Чиләбе өлк.) – туй башлығы. – “Туйчы эзләргә кирәк булыр ике жәкка да”, – диг сөйләшәләр инде болар. Туйчы булып барырлық туганнары сыразы ышандыра. Тамада – әстерхан сөйләшәндә: туйны алып баручы; тамақ ата>тамада. – Туйларда тамада булды. Әйтеп қуйасың, син менә килгән қода белән қодағыйға сүз бирәсең. Йақынына, дусларына сүз бирә. Шул кеше, уртада торып, ашатып-әчкәзеп йөри. Тамада булды.

Туй йегетләр, туй қызлар нократ сөйләше (Киров өлк.) туйда катнашучы егетләр, кызлар. Чуваш теләндә: туй ачисем – туй егетләре (Сироткин 1965,29).

Туй йегетләр, туй қызлар булғалады туйда.Алар қызны йәрәшкәчен, сөлге биргәчен дә туйны хәстәрләмә йабышалар. Туй йегетләр туй алашаны кийендермә йабыша, туй кызлар қызашқа йөрмә йабыша.

Жыйын ағасы, тақ ағасы – әстерхан сөйләшәндә туй башлығы. Тақ – ятак, карават. (Дастаннар 2001,126). – Жыйын ағасы итеп алдан әйтеп қуйалар. Қайа утыртмага, бийетмәгә беләде жыйын ағасы, тәртипләп алып барады туйны. Жыйын ағасы булмаса, туй тарқау булады.

Тақ ағасы туйны алып баручы, аны сайлап қуйалар тақ ағасын. Синең урыныңнан қузғаласың килә икән: “Тақ ағасы, өрәхсәтме? – дисең. Ул: “Өрәхсәт”, – дисә, син чығып китәсең.

*Кыз бала кияүгә барганда, аңа киңәш биреп, өйрәтеп тору өчен, үз әти-әтисеннән башка тагын бер сердәш , яқын кеше кирәк була. Менә шуның өчен элекке туйларда аерым кешеләрне икенче “әни” итеп билгеләп куя торган булганнар. Татар халқының аерым төркемнәрендә бу йола әле дә саклана. Мәсәлән, Башкортстанның Салават һәм Кыйгы районында, Урта Уралда (к.-уф.) *борондық инәй*, керәшен сөйләшләрендә *кыйаматлык* сүзләре билгеле. Татар халқындагы бу йолалар һәм аларға караган сүзләр очрақлы күренеш кенә түгел, тамырлары бик ерактан килә һәм алар татар халқының башка халықлар белән борынғы уртақлықларын, бәйләнешләрен дә чагылдыралар. Мәсәлән, *борондық инәй башкырт*, үзбәк, каракалпакларда да кулланыла торган сүз (Бегжанов 1966, 194). Түбәндә Урта Урал (к.-уф.) сөйләшәненнән мисаллар китерелә.*

Борондық инә(й), борондық ата қуйу (к.уф): –Борондық инә, борондық ата қуйу – борынғылардан қалған гәреф. Иске сүз инде элекеләрнең. Без үлсәк тә, безнең балаларыбыз алар белән қатышып тора.

Тастымал элү – тастымал бүләк итү була инде.

Борондық инәй белән күрешү: – “әни” диг күрешәсең борындық белән. “Менә бу синең борындық әнийең булыр, тастымал элөп қуй, – диләр. Борындық инәйнең туйда вазифалары: – Борындық инәй килен кешенең авызына көмеш тәңкә қаптыра. – Туй төшкәндә, қапқадан керткәндә, борындық инәй булыр кеше сарық тотып тора. Ул сарыққа қызны тайандыра. Сарық ул тайансық була киләнгә – Кийәше белән парлап, қызны қунаққа сақыра борындық инәй. Борындық инәйгә тастымал элә килен кеше. Әле дә бар қый ул. Борындық әтей (к. –уф.) туйда борындық әни итеп куелган кешенең ире. – Борындық әти булган кешегә күлмәк, инә булган кешегә тастымал бирәләр. Борындық әтей булган кеше, туй көймәсеннән төшкәндә, қызны күтәреп мендәргә бастыра. –

Борондық әтей, диләр. Ул борондық инәйнеке хатыны була қый. Борондық әтей, борондық инәйне күп кеше эшләми хәзер. Борондық әтей булган кешегә татар ышитаны тектем төпле итеп. Кулым оста қый, йылы эсвитер бәйләп бирдем. Менә без әтейле – қызлы булдық. Борындық қызым, борындық кейәү (к. –уф). Борындық инәй итеп куелган кеше килен белән кияүне шулай атап йөртә. – Борындық қызы белән борындық кейәүне қунаққа сақыра борондық инәй. Сақыралар да мал биреп қайтаралар. Сарық бирәләр инде күберәген. Менә китә тормыш, қатышып тораң. Борондық қарт әни, борондық қарт әти – (к.-уф.) борондық қыз белән борондық кияүнең балалары борондық әни, әти булган кешегә шулай эндәшәләр. – Минең инәйемнеке борондық инәсе булган. Ул безнең йасалма қарт әни, борондық қарт әни була. – Борындық қарт әни дип без қорт бирдек, алар сарық бирде, буваз сарық. Күрешкән инәй, күрешкән әтей (к. –уф.) шул ук борондық әни, борындық әтигә эндәшү сүзләре. – Күрешкән инәй дип борондық инәйгә тастымал эләбез. Күрешкән инәйнең ирен күрешкән әтей дип әйтәбез. Күрешкән инәйгә шул вакытында ук бүләк салаң. Арта ул үзенең өйенә сақырғанда ул сийә бүләк бирә. Күрешкән инәй дип кемне йаратасың, шуны қуйалар әтей-инәй итеп. Арта аны гүмергә әтей-әней дип әйтәң.

Себер татарларының том диалектында безгә тағын түбәндәге сүзләрне, йола терминнарын язып алу мөмкин булды. *Аталық, үкел ата, инәлек* (том.) туйда кияү белән кәләшкә икенче әни, икенче әти итеп билгеләп куелган кешеләр. – *Аталық, инәлек қуйалар, ыризалық сорайлар қыздан. Малай йақтан абыйсы бар – ул аталық була тоған, үкел ата дигәннәр. – Аталық утызайлар, қыз өчен ул жавап бирәй: “Бардыңба – бардым, алдыңба – алдым”. Малайдан да, қыздан да сорайлар өч қатар. Аталық қыз йақтан қуйалар. Аталық ул күптән түгел генә өйләнгән кеше, йәш кеше була. Был сүзләр башкырт диалектларында ла бар.*

Қыйаматлық – керәшен сөйләшләрәндә кулланыла торган сүз: туйда икенче әни итеп куелган кеше; һәрвакыт кияү белән кәләш янында булып, аларны тәрбияләп йөрүче хатын-кыз. Ул, гадәттә, өйләнешүчеләрнең туган тиешле кешесе була. – *Жегет жағыннан бер тутасымы, жиңгәсеме була қыйаматлық. Шунда алып қайталар қызны башта, аннары жегет жортына алып қайталар. – Ата-ана хезмәтен үтәүче кешеләр инде алар, қыз өчен бер тайаныч булалар қыйаматлықлар.*

[Туйда, қыйаматлық булган кешене шаяртып, аңа төрлечә жырлар жырлаганнар]:

*Шықыр ғына шықыр сайысқан
Тәрәзә башларына ла жабышқан.
Қыйаматлықлар ла булыр өчен
Өч көн қарабодайлар чабышқан.*

[Қыйаматлық та жавапсыз қалмаған]:

*Қарабодайлар чабар ыйым,
Қарабодайлары ла атлықлы.
Жырлыыйм әле мин жырларны
Қыйаматлықлар булу шатлықлы.*

Қыйаматлық [<гарәп. кыямәт+-лық] булган кеше, исеменнән үк күренгәнчә, бу гаиләнең никахына кыямәт көненә кадәр шаһит булып торырга тиеш, дип исәпләгәннәр. Қыйаматлық булган хатын-кызга яшь килен аны зурлап *әнки* дип, аның иренә *әтки* дип эндәшә. Қыйаматлық әнки туйда *баш бәйләтү* йоласын башкара, яғни кәләшнең кыз чактагы баш киёмнәрен салдырып, хатыннар кияргә тиешле мәләнчәкләр, түгәрәк йаулықлар бәйләтә, чәчләрен икегә аерып үрә. Қыйаматлық итеп яшь кешеләр куелган очракта да кияү белән килен аларга *әтеки, әнеки* дип, ә қыйаматлық үзе киленгә *қыйаматлық қызым* дип эндәшкән.

*Қыйаматлық қызым, үз қызым,
Чәчләреңне тарап үр, қызым.
Ата-анаң йорты қалды инде,
Күзләреңне ачып күр, қызым.*

Қыйаматлық булган кешеләргә кияү белән киленнең балалары *әнеки әби, әтеки бабай* дип зурлап эндәшкәннәр. Қыйаматлық – гомер бие бу ир белән хатынның ин ышанычлы дусты, киңәшчесе һәм таянычы булырға тиеш. Ир белән хатын яки килен белән кайнана арасында кайбер низаглар килеп чыкса, қыйаматлықка серләрен сөйләгәннәр. Ул исә һәр ике якны да, көйләргә, тынычландырырға, килештерергә омтылган.

Қыйаматлық – тарихи яктан башка халықлар белән бәйләнешне дә күрсәтә торган сүз. Мәсәлән, башкорт теле диалектларында: *кыйаматлық атай, кыйаматлық әсәй* (Максютова 1976, 256), *гыйаматлық, кыйаматлық*, башк. әдәби – *кейәмәтлек* (Миржанова, 1979, 107). Чуваш телендә *хайматләх/хайматләк: хайматләх анне, хайматләх ати; мари телендә: кийамат ава, кийамат ача* – кыяматлық әни, кыйаматлық әти (Федотов 1996, II, 320).

Жирле сөйләшләрдә, халық телендә рухи культурага караган бик зур тарихи катлам сакланып калган. Эчтәлеге һәм тел байлығы ягыннан туй йолалары аеруча үзенчәлекле. Биредә шуның бик аз гына өлешенә күзәтү ясалды. Төрле диалектлардан, ерактагы архаик зоналардан махсус программа белән тупланган текстлар, фольклор үрнәкләре йола терминологиясен, халық традицияләрен өйрәнү өчен ышанычлы фәнни чыганақ булып калалар.

Әдәбият

Баскаков Н.А. Диалект черневых татар (туба-кижи): Грамматический очерк и словарь. – М., 1966.

Баязитова Ф.С. Туй йолалары лексикасы (жирле сөйләш һәм фольклор текстлары ясылыгында). – Казан: Паравитта, 2011. – 976 б.

Бегжанов Т. Термины родства в муйнакском говоре каракалпакского языка // Вопросы диалектологии тюркских языков. – Баку, 1966.

Дастаннар. – Казан: Мэгариф, 2001. – 175 б.

Максютова Н.Х. Восточный диалект башкирского языка. – М., 1976.

Миржанова С.Ф. Южный диалект башкирского языка. – М., 1979.

Родионов В.Г. Вопросы жанровой классификации чувашского фольклора // Чувашский фольклор. Специфика жанров. – Чебоксары, 1982.

Сироткин М.Л. Чувашский фольклор // Очерк устно поэтического народного творчества. – Чебоксары, 1965.

Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х тт. Т.2. – Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1966. – 509 с.

Беласарова Ж.Т., Алматы (Қазақстан)

ҚАЗАҚ ТІЛІНДЕГІ КӨПТІК ЖАЛҒАУЫНЫҢ СИПАТТАМАСЫ

Түркі тіл білімінде қосымшалардың құрылымы туралы әртүрлі ғылыми пікірлер бар. Солардың ішіндегі ең басты әрі беделді пікір профессор Э.В.Севортянның пікірі деп есептелді. Ғалымның пайымдауынша, қосымшалар негізінен үш түрге жіктеледі:

- сөз тудырушы;
- сөз түрлендіруші;
- функциональды жұрнақтар.

Осы жүйеде зерттеу көптеген түркі тілдерінің грамматикалық еңбектерінде сақталған. Әсіресе, кеңес кезінде жазылған ғылыми еңбектердің зерттеулердің көпшілігінде осы бағыт сақталады.

Ал түрік тілінде екі түрлі жалғау бар деп есептеледі: чеким (аффиксы словоизменения – жалғау) және йапым (аффиксы словообразования). Чекимге (аффикс словоизменения) кіретін жалғаулар: көптік, тәуелдік, септік, жіктік жалғаулар.

Қазақ тіліндегі қосымшалардың бөлінісі А.Ысқақовтың пікірінше мынадай болған: “мағыналары мен қызметтеріне қарай, сөзден сөз тудыратын қосымшалар (морфемалар) жұрнақтар деп, сөз бен сөзді байланыстыратын категориялар болғандықтан, грамматикалық категорияға жатқызылады” [Ысқақов 1992, 30]. Бұдан әрі ғалым жұрнақтарды мағынасы мен қызметіне қарай сөз тудыратын және форма тудыратын жұрнақтар деп екі салаға бөледі де, жалғауларды сөйлемдегі жеке сөздерді өзгертіп, түрлендіру арқылы оларға белгілі грамматикалық мағына үстейтін морфологиялық формалар ретінде танып, оларды дәстүрлі грамматикадағыдай төрт түрге бөледі:

1. септік жалғау;
2. тәуелдік жалғау;
3. көптік жалғау;
4. жіктік жалғау.

Сөздің морфологиялық құрылымына басты назар аударған ғалымның бірі Ә.Ибатов түркітанудағы әртүрлі ғылыми ойларды талдай келе, мынадай ой айтады: “Біздің ойымызша, сөздің морфологиялық структурасы (құрылымы) дегенді негізгі екі жікке бөліп, оның алғашқысын сөздің негізгі, яғни сөздің лексика-семантикалық бөлігі, екіншісін сөздің түрлендіруші (безендіруші) яғни грамматикалық бөлігі деп қараған жөн” [Ибатов 1994, 51]. Ғалым қосымша морфемаға жұрнақтар мен жалғауларды жатқызып, жұрнақтарды сөз тудырушы және функционалды жұрнақтар деп бөліп көрсетеді. Сөйтіп, XIV ғасыр жазба ескерткіштері тіліндегі сөздердің құрамын мағыналы және мағынасыздығына қарай бөлшектеп жіктейді де, осы үлгідегі сияқты сөздің лексика-грамматикалық бөлігі және грамматикалық бөлігі деп күрделі екі топқа айырады.

Тарихи тұрғыдан және қазіргі тіл тұрғысынан алғанда тілдік бірліктердің мағынасы бар екені белгілі. М. Томанов көптік жалғауы мен көптік категорияны терең зерделей келе, олардың мынадай тәсілдер арқылы берілетінін анықтайды:

- морфологиялық тәсіл арқылы;
- лексикалық тәсіл арқылы;
- синтаксистік тәсіл арқылы.

Түркі тілдерінің қай-қайсысында да көптік ұғымды білдіретін тұлғалардың сипаты ортақ болып келеді. Қазіргі түркі тілдерінде де, көне жазба ескерткіштерінде де жекелікті, бірлікті білдіретін тұлғалар жоқ, тек көптік мағына беретін *-лар, -лер, -лар* тұлғалары бар. Көне түркі жазбаларында көптік мән тек осы тұлғалар арқылы ғана емес, лексикалық тәсіл арқылы және синтаксистік тәсіл арқылы да беріліп, әртүрлі семантикалық сипатта жұмсала алған.

Ескерткіштерде көптік мағынаны білдіретін өзге де тұлғалар бар. Олар мыналар: *-т, -ан*. Мысалы: *тарқан-тарқат, оғлан-оғул-ан* т.б.

М. Томанов ОрхонЕнисей ескерткіштерінде көптік жалғауының екі түрі *лар, т* кездесетінін жазады [Томанов 1988, 136]. Ғалымның пікірінше, көне түркі жазбаларындағы көптік жалғауының нолдік тұлғамен немесе лар тұлғасымен келуінің өзіндік ерекшелігі мен бір-біріне қарама-қарсы қойылатын жағдайлары болған. Лар тұлғасы негізінен бөлектік көптік мағынаны беруде және жақты білдіретін сөздермен бірге қолданған. Көбінесе –лар тұлғалы көптік мағына белгілі бір сөздермен бірге ғана қосылып жұмсалған. *Лар* қосылып жұмсалатын сөздердің өзіндік ерекше семантикасы болған. *Лар* тұлғасының белсенді қолданысы әрі оның мағыналық жағынан дамуы кейінгі кезеңнің жемісі болуы да ықтимал.

Ал көптік мағынаның жалғаулықсыз түрі жинақтық мағынаны берген. Әрі бұл өте жиі қолданған. Көптік жалғауының жасырын келген жолы түркітануда әлі де зерттей түсуді қажет етеді. ҚазМУ Хабаршысының 1999 жылғы № 33 санында жарияланған А. Айғабылұлының “Қазақ тіліндегі грамматикалық сан-мөлшер категориясы бар ма?” деген мақаласында осындай ғылыми мәселе көтерілгені белгілі.

Көптік пен бірлікті ажырату көне түркілер заманынан бері бар екені де аян. Көптік жалғауының жалғаулы және жалғаусыз түрінің сипаты мен ерекшелігі бар.

Түркологтардың пікірінше, көптік категориясының жалғаусыз түрінің мағыналық сипаты бұрын терең болған да, -лар тұлғасының мағынасы кейін кең дамыған. С. Исаев көптік мағынаның жалпылық, дерексіздік мағынаға қарай дамуын көрсетеді. Мағыналық дамудың бұлайша дамуының да өзіндік танымдық сипаты бар. Кез-келген жеке-дара нәрсенің қайдан шыққаны, қалай болғаны, кім не екені деректі болады да, зат не құбылыс көбейген сайын ол туралы түсінік те кеңейіп, бірте-бірте дерексіздене береді. Демек, көптік жалғаудың жалпылық, дерексіздік, абстрактылық мағынаға ұласуы оның грамматикалық мағынасының дамуы деп түсіндіріле алады.

Түрколог ғалымдар көптік жалғаудың тарихы туралы біраз пікірлер білдірген. Поляк ғалымы Т. Ковальский *-лар* көптік жалғауының тарихи қалыптасу жолдары туралы айтылған ғылыми жорамалдарға толық талдау жасай келе, *-лар* аффиксінің арғы төркіні бірнеше, көп деген сияқты лексикалық бірлік болуы мүмкін деген ой айтады, деп сілтеме жасалады.

В.А. Богородицкий көптік тұлғасының қалыптасуын III-жақ жіктеу есімдігі мен *-ар* жұрнағының арасындағы ығысу процесі нәтижесінде болған деп есептейді [Богородицкий 1953, 16].

Н.А. Баскаков зерттеулерінде *-лар* аффиксінің тарихи дамуын талдай келе, оны құранды тұлға ретінде қарастырады. *-Лар* тұлғасы *-ла*, *-ле* дүркіндік, қайталаулық мағына беретін тұлға мен келер шақ есімшенің *-р* тұлғасының бірігуі арқылы жасалған деп қорытынды жасайды. Яғни бұл тұлғалардың бірігуі арқылы форманың ішкі семантикасы дами келе, көптік мағына қалыптасқан деп шамалайды.

А.М. Щербак X-XII ғасыр жазбаларын талдай келе, *-лар* жалғаулы сөз көбінесе изафеттік сыңарда келіп, кейін даму барысында ғана жекелей сөзге жалғанып келгенін жазады. Осыған ұқсас пікірді В.Г. Кондратьев те айтқан. Автордың айтуынша көптік жалғаулы сөздер көбінесе қос сөздер жасаған: “Употребление аффикса *-лар* лишь с существительными, имевшими определенную семантику, и объясняет очень широкое употребление парных сочетаний в языке памятников древнетюркской письменности. В дальнейшем в связи с универсализацией использования *-лар* необходимость в парных сочетаниях отпала” [Щербак 1977, 39].

Сонымен көне түркі тілінде көптік мағына жалғаусыз берілген де, жалғаулы түрі қос сөздер мен изафеттік ыңғайда қолданыс тапқан. Көбінесе көптік мағына лексикалық тәсілдер арқылы орындалған. Ал аталған мағынаның *-лар* түріндегі формаға алмасуы кейінгі дәуірдің жемісі де, оның мағыналық жағынан жан-жақты дамуы қазіргі тіліміздің жеткен жемісі деп түсінеміз. А. Ысқақов анықтаған көптік жалғаудың грамматикалық қызметіне қарай семантикалық мағынасы мен стилистикалық реңінің он екі түрлі [1992, 43] болып дамуын тек осылай түсіндірген орынды болар еді.

Көне түркі тіліндегі көптік жалғауының тарихи сипаты қазақ тілінде де сақталған деуге толық негіз бар.

Қазіргі қазақ тілінде оның мынадай сингармониялық варианттары бар екені белгілі: *-лар*, *-лер*, *-дар*, *-дер*, *-тар*, *-тер*. Сонымен бірге ол тек зат есімге ғана емес, басқа сөз таптарына да жалғана береді: *мына+лар*, *келген+дер*, *отырғандар*, *келгендер*, *олар*, *бұлар*, *сондайлар*, *қарағандар*, *жазғандар*, *сақтанғандар*, *сүйенгендер*, *сүйінгендер*, *осылар т.б.*

Демек, бұдан шығатын қорытынды – тілдегі көптік жалғауының жалпы семантикалық сипаты мен олардың өзіндік мағыналық даму жүйесі бар.

Көптік жалғауының бұл тұлғалардан өзге де тарихи ескерткіштерде кездесетін бірнеше түрлері бар. Олар: *з*, *қ*, *л*, *м*, *н*, *р*, *с*, *ч* тұлғалары. Аталған формалар тек көне жазба мұрағаттарда ұшырасқанымен, қазіргі түркі тілдерінде жеке грамматикалық тұлға ретінде жолықпайды. Тек кей сөздердің құрамында бөлінбейтін бөлшек ретінде ғана кездеседі. Бұл көптік тұлғалар жөнінде Б.А. Серебренников пен Н.З. Гаджиева еңбектерінде толық айтылып, нақты деректер негізінде дәлелденген. Көптік формаларының мұндай көне

тұлғаларының кейбірі мысалы, *з, қ, т* тұлғаларының мағынасы қазақ тілінің маманы М. Томанов еңбектерінде де аталады. “*T* қосымшасы Орхон-Енисей жазбаларында атақдәрежені, чинді білдіретін азынаулақ сөздердің ғана құрамында кездеседі” деп жазған автор оған мынадай мысалдарды келтіреді: *тарқантарқат, шадапыт, тігінтігіт* т.б.

Ал *з* тұлғасы туралы М. Томановтың өзіндік көзқарасы бар. С.Е. Маловтың “*біз*” сөзінің құрамына қарап *з*-ны көптік тұлғасы ретінде қарауын қарастыра келе, мынадай ой айтады: “...Махмуд Қашқари дәуірінде сіз есімідігінің сыпайылық мәні мен көптік мәні қатар жүрген. Түркі тілдерін зерттеушілердің кейбірі бұл қосымшаны ескі дәуірдегі екілік категориясының көрінісі деп те қарайды. Айталық, ауыз, көз, егіз сөздері қосқос немесе екі бөліктен тұратын атаулардың бәрі бірдей зға аяқталмайды. Мысалы, *құлақ, аяқ, қол, бет* т.б. *з* ға аяқталатын атауыш сөздер санаулы, *көз, егіз* т.б. Екінші жағынан зға аяқталатын сөздердің рға бітетін етістік варианттары бар. Мысалы, *көзкөр, семізсемір, атызайыр, қарыз қайыр* т.б.”. Ғалымның терең пайымдауынша, рз дыбыстарының мұндай сәйкестігі рз дыбыс тіркесінің жіктелуінің, яғни түркімонғол бірлестігінің қалдығы болса керек.

Қазіргі қазақ тілінің деректерін барлағанда көптік мағына беретін мұндай тұлғалар сақталмаған. Тек кейбір лексикалық бірліктердің құрамында сақталып қалуы ықтимал. Бірақ оның өзі өзінің әуелгі көптік мағынасынан ажыраған.

Әдебиет

Ысқақов А. Қазіргі қазақ тілі. 1992, 30 б.

Ибатов Ә. Сөздің морфологиялық құрылымы. – Алматы: Ғылым, 1994.

Томанов М. Қазақ тілінің тарихи грамматикасы. – Алматы, 1988.

Богородицкий В.А. Введение в татарское языкознание. – Казань, 1953.

Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. – Л.: Наука, 1977.

Резюме

В статье рассматриваются вопросы формирования окончаний множественного числа в казахском языке в историческом и сравнительном освещении. Передача категории множественности в древнетюркском языке через парные слова и изафеты наблюдается и в казахском языке в виде реликтовых явлений. Автор прослеживает развитие системы множественности, описывает семантические свойства и значения данной категории.

Бембеев Е.В., г. Элиста

«СКАЗАНИЕ О ХОЖДЕНИИ В ТИБЕТСКУЮ СТРАНУ МАЛОДЕРБЕТОВСКОГО БААЗА-БАКШИ» КАК ИСТОЧНИК ОНОМАСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СТАРОПИСЬМЕННОГО КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 14-04-18006 «е» «Этнолингвистическая карта монголов северо-западного Китая: язык и традиционная культура кукунорских ойратов».

Имена собственные в лексическом составе языка противопоставляются апелляциям, т.е. всем остальным словам, и составляют существенную часть лексикона любого языка. В настоящее время наука об именах собственных – ономастика – весьма актуальна, поле для исследований здесь чрезвычайно широко и может дать немалый объем информации лингвистического, исторического, этнографического плана. Обширный материал для исследований в разных областях науки, среди них история, археология, этнография, социология, культурология, и, конечно, лингвистика, предоставляют памятники письменной культуры. Письменные памятники сохраняют бесценную информацию, как в области грамматики, лексики, так и в немаловажной специфической части лексикона – ономастики. Изучая ономастическую лексику в памятниках письменности, можно постичь все многообразие языковых проявлений, раскрыть диахронные аспекты исследования лексикона.

В последнее десятилетие в монголоведении активно разрабатываются ономастические проблемы на материале письменных памятников. Так, В.И. Рассадин относительно монгольского средневекового памятника письменности «Сокровенное сказание монголов» (XIII в.) отмечает, что «(памятник) фиксирует огромный пласт лексики монгольского языка 750-летней давности, поэтому для сравнительно-исторической монголистики предоставляет бесценный фактический материал» [Рассадин 1995, 109].

В калмыковедении ярким образцом по изучению лексического и грамматического строя языка на материале письменного памятника является работа Б.Х. Тодаевой «Опыт лингвистического исследования калмыцкого эпоса «Джангар». В предисловии касательно языка памятника, Б.Х. Тодаева отмечает, что «Фиксируя слова во всех формах словоизменения и словообразования, словарь языка эпоса носит характер собственно лингвистической обработки материала. Тем самым он создает предпосылки для изучения лексико-семантического и морфологического строя калмыцкого языка в рамках, очерченных материалами памятника нарицательным, во всех языках есть имена собственные для обозначения людей и географических объектов, во всех языках имена собственные характеризуются специфическими структурно-семантическими особенностями» [Тодаева 1976, 4].

В настоящей статье рассматривается ономастическое пространство памятника старокалмыцкой письменности «Сказание о хождении в Тибетскую страну малодербетовского Бааза-бакши». Предметом нашего исследования служат собственные имена (антропонимы и топонимы), зафиксированные в тексте письменного памятника. «Хождение» является публицистическим произведением, где каждое слово несет определенную семантическую нагрузку. В произведениях такого рода аудитория получает своеобразно скомпонованную, прошедшую предварительно через непосредственное восприятие и переработанную идейно-художественным опытом автора-современника информацию. Согласно этому в тексте сочинения используются определенные выразительные средства и лексика, характерные для жанра данного произведения. Лексико-семантическое своеобразие языка «Хождений» заключается в том, что, являясь произведением «географической» литературы, в нем в огромном количестве изобилуют топонимы, гидронимы, ойконимы, оронимы и т.д., а также в зависимости от сословной принадлежности автора к буддийской церкви и оттого, что путешествие было осуществлено к буддийским святым местам, произведение богато буддийско-религиозными терминами и именами. По этому поводу справедливо высказывание А. Позднеева о том, что «Бааза-багши пишет преимущественно о буддийских монастырях и кумирнях, о святых местах, мало уделяя внимание описаниям внешнего вида городов, степени их населенности, промышленном и торговом значении, ограничиваясь, порой, простой номенклатурой урочищ» [Позднеев 1897, XII-XIII]. Между тем в памятнике есть некоторые сведения и подробности об отдельных городах, народах и необычных явлениях, заинтересовавших его во время пути.

Маршрут следования Бааза-багши можно легко восстановить по тем населенным пунктам, через которые он проехал. Так в сочинении зафиксированы такие названия населенных пунктов и местностей: *Sagsuun* «Сарепта» (Саксон – название немецкой слободы), *Aqaš balyasun* (2) «г. Царицын», *Šartuu ƙo:rod* (2) «г. Саратов», *Qazan* (3) «г. Казань», *Perem* «Пермь», *Yeƙatiring-buurƙa* «Екатеринбург», *Tümen* «г. Тюмень», *Iyebleb* (4) «ст. Евлев», *Ƙarasnoyar* (5) «г. Красноярск», *Irƙudski* (6) «г. Иркутск», *Bayariski* (6) «ст. Боярск», *Berqaniya Musa:bai* (6) «ст. Верхняя Мысовая», *Kiyagtu* (7) «г. Кяхта», *Küre:* (13) «г. Урга», *Alašan* (10) «Алашань, название местности», *Gümbum* (14) «мон. Гумбум», *Ordos* (24) «Ордос, название местности», *Šara kerem* «Китайская Великая стена», *Bangžan-žing* (26) «Банжан-джинг название местности», *Amdo:* (35) «Амдо, название местности», *Sayidam* (39) «Цайдам», *Lqasa* (72) «г. Лхаса», *Bodala* (75) «Потала, зимняя резиденция Далай-ламы», *Be:žing* (87) «г. Пекин», *Qankuu* (117) «г. Ханку», *Singya-po:r* (117), *Ƙolomba* «Коломбо» (столица Шри-Ланки). «г. Сингапур», *Suyece* «Суэц», *Ƙongstangtin-nopol* «Константи-нополь», *Odisa* (117) «г. Одесса», *Rostob* «Ростов», *Ƙala:či-du* «в Калач, в Калаче», *Caricin* (118) «г. Царицын», *Sali:ngki* «Солянка (ставка князя Тундутова)».

По пути в Тибет он проехал почти через всю Сибирь, а обратная дорога пролегла через северный Китай, Пекин и затем морем вокруг Индии, через Коломбо, Суэцкий канал, Стамбул (Константинополь), Одессу, Ростов.

Следует отметить, что передвигаясь в пределах России, населенные пункты и географические названия он фиксирует кратко. Например: «21 örüün 7 caslai Tümen gedeg balyasun-du irebe bide» [Позднеев 1897, 4] – «21 числа в 7 часов утра прибыли в город Тюмень». Однако по мере приближения к Тибету его путевые заметки приобретают более распространенную форму. Так, он приводит некоторые этнографические и фольклорные сведения о той или иной местности, народах, населяющих эту местность. Например, проезжая через земли «верхних монголов» (Дээд монгол) он пишет: *Ene yazar-tu bayigsan De:dü mongyolcuud, Burqan šažitai, mongyol qudma bičigtei, quičin yangzuni mel manai dörbön oyirodiyın yangžutai bayigsan sanaži. Aduun teme:n ükür qonin yama:n iyimi maltai* [Позднеев 1897, 51]. «Верхние монголы, проживающие в этих краях, исповедуют буддизм и имеют монгольскую письменность, быт их такой же, как и наш – ойратский. Содержат пять видов скота – верблюдов, лошадей, коров, овец и коз».

В произведение часто встречаются наименования водных объектов, которые встречались на пути следования: *Ižiliyin yol* (2) «р. Волга», *Qami yol* (3) «р. Кама», *Oob yol* (3) «р. Обь», *Tura: yol* (4) «р. Тура», *Irčis müren* (4) «р. Иртыш», *Bayikal dala* (6) «оз. Байкал», *Suqatu yol* (18) «р. Сухату», *Šang dalai* (24) «оз. Шанг», *Dayitung müren* (26) «р. Дайтунг», *Bayan yol* (50) «р. Байн», *Kökö nuur* (54) «оз. Кукунор», *Sösöni yol* (55) «р. Сёсён», *Qabtaıai ula:n müren* (57) «р. Хабтагай Улан», *Buqa yol* (62) «р. Буха», *Pungda yol* (70) «р. Пунгда», *Pembüü yol* (71) «р. Пембю», *Rareng yol* (70) «р. Паренг», *Nayıži yol* (72) «р. Найджи», *Müli nuur* (87) «оз. Мюли», *Uu müren* (85) «р. У», *Yangbažan yol* (99) «р. Янгбазан», *Teng yol* (118) «р. Дон».

В памятнике автор приводит около двадцать наименований этнонимов: *agilcan* (65) «англичане», *piling* (65) «англичане», *bura:d* (19) «буряты», *balbu* (76) «непальцы», *yolog* (65) «голоки», *qalimag* (51) «калмыки», *kitad* (14) «китайцы», *mongyolcuud* (46) «монголы», *ostiyag* (4) «остяки», *oros* (65) «русские», *ordos* (24) «ордосы», *oyirad* (95) «ойрат», *piling* (65) «англичане», *qalqa* (12) «халха-монголы», *qoton* (22) «хотоны», *qoyiqoi* (36) «хойхой», *tangyad* (28) «тангуты», *töböd* (52) «тибетцы», *dörböd* (48) «дербеты, название одного из ойратских родов», *torıuud* (48) «торгуты, название одного из ойратских родов», *ö:led* (18) «элюты, название одного из ойратских родов», *kači* (73) «качийцы», *mangyad* (31) «татары». Здесь он приводит свои наблюдения, так об остяках (устаревший этноним хантов) он пишет: «29-dü Surıyudtu gedeg isatangca piristen os-tiyag gedeg ulus ekeleži üzegdebe. Mel qalimag küüne: čira:tai, biden qalimag kümün geži sana:d qalimaya:r üge surqula: biden, ese mede:d bayiba. Tege:d orosa:r surqula:, ostiyag gedeg ulus biden gebe. O:biyin yola:r bayidag ulus žigen. Zarim-ni kires-tei, zarim-ni kires ügei kere modon za:gtu nemer qorıu metııyın yuuman keži aba:d, modoni ang, usunai zaıyasu angna:d, töüge:r teži:l ke:d bayidag ulus ži» [Позднеев 1897, 4]. «29 числа на пристани станции Сургут стали появляться лица остяков. Лицом очень похожи на калмыков. Мы подумали, что они калмыки и спросили у них по-калмыцки, но они нас не поняли. Тогда спросили по-русски, они сказали, что они остяки. Живут они (остяки) по бассейну реки Обь. Некоторые крещенные, некоторые нет. Живут в лесу, промышляют охотой и рыболовством, тем и питаются».

А описывая тангутов, он проводит в качестве информации рассказы сопровождавших его людей. «*Ene tangyad ulus qara sarlag ükür, tangyad šodong qoni maltai. Aduun olan biši gene. Gebe cö:n cö:n aduun bayidag žige. Qara banag gertei. Ene geriyın yangcuni, sarlagiyın no:sa:r öböre:n neke:d kegsen qara örmöge:r uya:d kegsen yeke cačir ger, dotoroni dunda:su qoyor baqana:r de:gše:n tula:d, yaža dörbön tala:sani de:se:r tata:d, yazartu yada:su ša:ži uya:d, tere de:süyigi öndör modo:r tulži orqogsan. Nige tala öüdetei, dörbölžin qara cačir bayınai. Dotoroni šabar zuuqa ke:d töüni de:re, toıo:ya:n nere:d qoto:n keži uuna. Zaluu ulusni, uu qangcutai, utu qormoyitai qonin arısun debeliyigi, nücügün beyede:n ümüse:d, dorodu qormo:giyini öbödügiyin doro dörbön quruıa:n düngge ülde:ge:d de:güüre:n büsü*

büsele:d yabuna. Cayan işigei tögöriг malayai öndör şobyor oroyituyigi ümüsüne. Ömönö büsüide:n, arşim düngge utu tömöртеi žibsag gedeg neretei qutuya köndölöng zöügsen, iyimi yangzutai... Qulayai yeketei ulus žigen. De:remdü olan yabuži, olan küün alagsan küügi ba:tur sayin ere geži, qoşuun-da:n aqa:luulži, noyon gedeg nere ögödeg gene. Ugtai noyon küün qobur ulus kebtei...» [Позднеев 1897, 43]. «Эти тангуты разводят сарлыков (яков) и тонкохвостых тангутских овец. Говорят, что некоторые держат немного лошадей. Живут в черных банаках. Эти банаки представляют собой большие палатки, покрытые грубой и редкой шерстяной тканью, растянутые с четырех сторон веревками из сарлычьей шерсти, которые крепятся к кольям, внутри установлены два столба, которые поддерживают эту платку. Вход с одной стороны. Вот такая четырехугольная палатка. Внутри находится глиняная печь (очаг), на которой готовят пищу в котле. Мужчины носят длинные шубы, с длинными рукавами, которые одевают на голое тело. Носят белые длинные островерхие круглые шапки из войлока. Спереди на ремне носят с аршин длинной ножи, называемые жибсаг... Отличается большой наклонностью к разбойничеству. Говорят того, кто убил больше всего людей и провел больше всего разбойных нападений, ставят во главе хошуна и дают ему звание правителя. Говорят, что наследных правителей очень мало».

Среди топонимических названия встречаются названия стран: *Turkayin* «Турция, турецкий», *Singga-po:r* «Сингапур», *Agilcan* «Англия, английский», *Yebropayin* «Европа, европейский», *Oros nutuy* «Российское государство, Россия», *Kumad* «Китай».

В тексте большое количество терминов, относящихся к названиям буддийских храмов, монастырей, кумирен, а также названия учений: *Žarong kaşuur suburyan* (9) «субурган Жаронг Кашур», *Daši-Lqonbo* (112) «Даши Лхунбо, название монастыря», *Co:қа mican* (95) «Цока мицан, монголоязычная община в монастыре Брайбун», *Duyang* (88) «главный монастырь», *Ѓomong dacang* (38) «монастырь Гоманг», *Berebüng* (38) «Брайбун, название одного из крупнейших монастырей Тибета», *Gebiliyin Rito:d kiyid* (96) «Гебилийн Ритод, название монастыря», *Norbo lingқа* (75) «Норбу Линка, летняя резиденция Далай-лама», *Alaşani 3 yeke kiyid, Yamun kiyid, Baruun kiyid, Zöün kiyid* «Три Больших Алашанских монастыря – Ямун кийд, Барун кийд, Зюн кийд» и др.

Ayuşқayin cebang (10) «Аюшкайн Цебанг, название религиозного учения», *Şažai-gün-la* (9) «Шажай-гюн-ла, название религиозного учения», *Ѓanggi-luuru lung* (9) «Ганги-луури лунг, название религиозного учения», *Ѓangžuur* (46) «Ганджур, название религиозного учения», *yaşog* (1) «грамота», *Zongkabayin gegenei küür* (85) «прах Цзонкапы», *takil* (86) «обряд жертвоприношения», *Ѓadan Lqažman* (79) «Гадан Лхазман, название религиозного учения», *Baridi qubilyanai yoro:l* (32) «Парита хубилгана йорол, название религиозного учения», *Dorži žodba* (9) «Доржи Жодва, Алмазная сутра, молитвенник».

Источником информации, средством хранения и перманентного аккумулирования информации обладают антропонимы, которые также имеют место в тексте памятника: например: *Zöün-yariyin noyon Dabayiçid* «Зюнгарский нойон Давачи», *Žalsarai* «Жалсарай», *Şirab Žimbü* «Шираб Жимб», *Sangži* «Санжи», *Dorži* «Дорджи», *Yonzan* «Йонзан» и т.д.

Собственные имена, зафиксированные в памятнике письменности «Сказания о хождение в Тибетскую страну малодербетовского Бааза-бакши», – это уникальный по своему составу и характеристикам пласт лексики. Ономастический материал, представленный в тексте показывает, что имена собственные играют весьма важную роль в формировании исторических, географических и этнографических знаний об изучаемой территории. Топонимический материал почти всегда однозначно определяет этническую принадлежность населения территории, от которого мог быть зафиксирован данный топоним. В таких случаях – а их подавляющее большинство – имена собственные, особенно топонимы и антропонимы, имеющие одинаковую языковую принадлежность, становятся надежным средством этнической идентификации населения территории и в определенной мере позволяют делать выводы о характере этнических контактов. Однако

вопросы, связанные с этимологией, с анализом структурно-семантического содержания, состава и функций онимов калмыцкого языка все еще остаются за рамками специального изучения и систематизации.

Литература

- Лосев А.Ф. Философия имени. – М., 1927. – 254 с
Лунный свет. Памятники калмыцкой литературы. 13 – начало 20 века / Сост., перевод, предисловия к текстам, словарь А.В. Бадмаева. – Элиста, 1991.
Рассадин В И Тюркские элементы в языке «Сокровенного сказания монголов» // Тайная история монголов сб. науч статей. – Новосибирск, 1995.
Сказание о хождении в Тибетскую страну Малодербетовского Бааза-бакши / Калмыцкий текст с переводом и примечаниями, составленными А.М. Позднеевым. – Спб., 1897.
Тодаева Б.Х. Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар». – Элиста, 1976.

Биликова М.З., г. Улан-Удэ

ДЕЕПРИЧАСТИЯ МОНГОЛЬСКОГО И ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКОВ В ФУНКЦИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Современный монгольский и турецкий языки относятся к разным группам алтайской семьи языков. Морфология данных языков, близкая грамматическая структура и синтаксический строй позволяет говорить о родственных связях. При этом, несмотря на некую близость и схожесть, при изучении синтаксических отношений могут возникнуть некоторые сложности. Данная статья посвящена одной из возможных осложнений, которые могут возникнуть при изучении синтаксических функций деепричастий в монгольском и турецком языках.

Общеизвестно, что роль деепричастий в построении различных морфологических и синтаксических конструкциях, также как и причастий, весьма велика. Именно деепричастные формы являются теми средствами, при помощи которых осуществляются сложносочиненные и сложноподчиненные связи между главным и второстепенными сказуемыми в сложных предложениях различного типа.

Основной функцией деепричастий является определение действия через действие, выполняя тем самым обобщенную обстоятельственную функцию.

Как известно, обстоятельство это зависимая синтаксическая позиция в составе словосочетания (предложения) или словоформа с признаковым значением, занимающая данную позицию. Обстоятельство характеризует действие или состояние со стороны условий осуществления, а также определяет активный или пассивный признак в качественном, либо в количественном отношении. Кроме этого, обстоятельство, будучи второстепенным членом предложения, служит для характеристики признака или указания на пространственно-временную локализованность чего-либо.

В монгольском и турецком языках в функции обстоятельства встречаются наречия, качественные прилагательные, имена существительные и числительные, изобразительные слова, некоторые причастия и причастные конструкции, а также деепричастия и деепричастные конструкции. В монгольском языке обстоятельственную функцию чаще выполняют обстоятельные деепричастия и деепричастия смешанной группы, в турецком языке все деепричастные формы, кроме деепричастий на *-(y)ip* и на *-(y)arak*.

Как в монгольском, так и в турецком языках наблюдаются случаи употребления сопутствующих деепричастий в функции обстоятельств образа действия. В основном в данной функции сопутствующие деепричастия выступают, если предшествуют непосредственно определяемому глаголу, например, монг. *гэтэл Дагдангийн эхнэр зургаан ханатай том гэгчийн цагаан гэрээс гарч ирээд, их л хүйтэнээр хялайн*

харж...нуруун дунд нь цохиж **аваад**... (Д. Нацагдорж. Цагаан сар ба хар нулимс) «вдруг, жена Дагдана, выйдя из огромного шестистенной белой юрты, холодно покосившись... ударив по спине...». В приведённом примере соединительное (**гарч**), слитное (**хялайн**) деепричастия обозначают не действия, которые предшествуют или происходят параллельно последующему действию, а характеризуют его с точки зрения образа действия. В турецком языке сопутствующие деепричастия *-(y)ip* и *-(y)arak* также могут выражать обстоятельство образа действия, например, *...diye bana sesi titreyerek söyledi* «...сказала мне дрожащим голосом» (досл. «дрожа голосом, сказала»), *koşup gitti* «выбежал».

Как упоминалось выше, монгольские обстоятельственные деепричастия, в отличие от сопутствующих, выполняют только функции обстоятельств условия, цели, предела, образа действия, времени и т.д. [Санжеев 1963, 239]. Например, *...яаран ташуурыг тулан босмогц, ар талаас гэнэт буугийн дуу тасхийж даруйцаар хоёр удаа дуугарахад*... (Д. Нацагдорж. Үзэгдээгүй юм) «...как только торопливо встал, опираясь на кнут, вдруг сзади два раза прозвучал выстрел...»; *...ном унишихаар хүүхнийг дагалдан, түүний гэрийн зүг одов* (Д. Нацагдорж. Ламбагуйан нулимс) «...следуя за девочкой, чтобы читать молитвы, пошел в сторону его дома»; *...энгэр дээрээ төвд үсэг бичсэн цагаан бөс хадсаныг үзвэл, үнэхээр сэжиглэлтэй*... (Д. Нацагдорж. Үзэгдээгүй юм) «...а если посмотреть на белую ткань с тибетскими буквами на груди, действительно подозрительно...»; *Зуны цагт баруун дамнуурчны таван гудамжны шавар үлэмж, үнэр ханлах нь үнэхээр түмэн багц хүжийг шатаавч үл дарагдмаар* (Д. Нацагдорж. Ламбагуйан нулимс) «Запах издаваемый излишней грязью пяти улиц западного квартала носильщиков в летнее время, не перебить, даже если и зажечь десять тысяч пучков благовоний».

В сложных предложениях обстоятельственные деепричастия образуют подчинительную связь. Кроме того, обстоятельственные деепричастия с зависимыми словами составляют зависимую предикативную единицу, выражающую обстоятельственные отношения, где сами деепричастия непосредственно выполняют функцию сказуемого.

В турецком языке к деепричастиям, выполняющим только обстоятельственную функцию, относятся следующие формы: деепричастие на *-(y)a*, деепричастие на *-(y)alı* и деепричастие на *-casına*, которые выражают в предложении обстоятельства образа действия, времени, например, *halk bağıra çağıra kaçmağa başladı* [ПГТур.яз. 2005, 297] «Люди, крича и стеновая, бросились бежать»; *üniversiteyi bitireli arkadaşlarımla hiç görüşmedim* [Э.Г. 2005, 28] «С тех пор, как я закончил университет, с друзьями так и не виделся»; *toprakların arasında sanki yalvarcasına köylünün yüzüne bakıyormuş* [З.О.2 2003, 13] «на земле [она] словно умоляя, смотрела в лицо крестьянина».

Деепричастия смешанного характера монгольского языка также достаточно часто выполняют функции обстоятельства времени, предела, образа действия, например, *...ирснээс хойш хэдэн жилийн дотор ер ч амарсангүй, бие сэтгэлийн зовлонг цадтал үзжээ* (Д. Нацагдорж. Цагаан Сар ба хар нулимс) «в течение нескольких лет, с тех пор как приехала, ни разу не отдохнула, горести и страдания испытала с излишком» (досл. «...досыта попробовала»); *...даруй морио ташуурдан харайлгаж, исгэрэн хатируулсаар одов* (Д. Нацагдорж. Хөдөө талын үзэгдэлэн) «тотчас ударив кнутом коня, насвистывая, умчался рысью»; *...чаргаа чирсээр гэртээ харина* (Д. Энхтуяа. Мөсөн хотхон) «возвращаются домой, волоча за собой санки».

В турецком языке, деепричастия с аффиксами *-dikça*, *-madıkça*, *-(y)ınca*, *-(y)ıncaya kadar*, *-madan*, *-maksızın* и глагольная форма на *iken* подобно монгольским деепричастиям смешанного характера могут выполнять в предложении функции обстоятельств условия, причины, цели, времени и т.д. Например, *Can: baba, sen yaşlandığında ben de seni buraya mı getereceğim? diye sorunca dünyası başına yıkıldı* [З.О. 2003, 26] «как только Джан спросил: «отец, когда ты состаришься, я тоже тебя сюда принесу?» словно что-то внутри

него перевернулось»; *çünkü annesi konuşurken ağzından çil çil altın saçılıyormuş yere* [З.О. 2003, 30] «Потому что, когда его мама говорила, из её рта на землю падало золото»; *Kyle'i tanıdıkça onu daha çok sevdim* [З.О.2 2003, 74] «По мере того, как узнавал Кайли, я его полюбил ещё больше».

Таким образом, как в монгольском, так и в турецком языках в обстоятельственной функции встречаются фактически все деепричастные формы. Однако некоторые из них выступают в функции обстоятельств чаще других.

Литература

- З.О. = Одемиш Зейнел. *Hayatın penceresinden*. (Из окон жизни). ч. 1. – Улан-Удэ, 2003. – 86 с.
З.О.2 = Одемиш Зейнел. *Hayatın penceresinden*. (Из окон жизни). ч. 2. – Улан-Удэ, 2003. – 86 с.
МШӨ = Монголын шилдэг өгүллэг. Монголын зохиолчидын эвлэл. – Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар. 1975; 1981. – 720 с.
ПГТур.яз. = Щека Ю.В. Практическая грамматика турецкого языка. – М.: Изд-во Восток-Запад, 2007. – 666 с.
Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. – М., 1963. – 260 с.
Э.Г. = Гениш Эйюп. Глагольные формы в турецком языке. – М.: Ленанд, 2005. – 120 с.

Валиева М.Р., г. Уфа

БУЛГАРИЗМЫ ПОВОЛЖЬЯ В АПЕЛЛЯТИВНОЙ ЛЕКСИКЕ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Формирование и развитие башкирского языка и его диалектов в сравнительно-историческом освещении (на общетюркском фоне)», проект № 13-14-02009.

Настоящая статья посвящена описанию некоторых болгаризмов в говорах башкирского языка и их тематической классификации.

Булгаризмы вошли в башкирский язык в результате контакта башкир с булгарами и их добрососедских отношений. Археолог и историк В.А. Иванов отмечает, что авторы средневековых географических сочинений однозначно сообщают о башкирах в Приуралье начиная с X века и локализуют «страну башкир» на достаточно определенной территории, ограниченной с запада пределами Волжской Булгарии, а с востока – Уральскими горами, а позже «областями Сибирь и Ибирь» [Иванов 1994, 123].

В результате длительного проживания на смежных территориях у народов Поволжья сложилась определенная общность в их материальной и духовной культуре, в их хозяйственной деятельности. Такая общность проявляется в апеллятивной лексике языков народов Поволжья и Приуралья. Обычно языковеды лексику, характерную только народам Поволжья, считают болгарским наследием. Исходя из сказанного, перед собой мы поставили цель попытаться выявить болгарскую лексику народов Поволжья в башкирском языке.

Из путевых записок средневековых путешественников и сведений современных археологов известно, что башкиры и булгары занимались земледелием, охотой, рыболовством, бортничеством, скотоводством (башкиры также и коневодством), лесными промыслами, чем и определяется состав производственной лексики. Исходя из всего сказанного мы проводили сбор лексического материала по соответствующим темам.

1. Булгарские ихтионимы и наименования рыболовных снастей.

Изучению ихтионимов и лексики рыболовства данного ареала в семантическом, словообразовательном, этимологическом аспектах посвящены работы башкироведа Ш.В.

Нафикова, чувашеведа Е.А. Лебедевой, татароведа О.Н. Бятиковой, угроведов Э.И. Пекшеевой, С. В. Соколова и др.

В начале 80-х годов XX в. Е.А. Лебедева защищает диссертацию на тему «Чувашские названия рыб» (опыт сравнительно-исторического анализа). Хотя основной целью ее и не был сбор ихтионимов болгарского происхождения, эта проблема нашла определенное место в ее диссертации. По ее мнению, возможно, с болгарским языком связана этимология следующих ихтионимов: баш. *корман*, тат. *корбан*, чув. диал. *хорман* 'лещ'; баш. *һазан*, тат. *сазан*, чув. *сасан*, болг. *шаран* 'сазан'; баш. *бикре*, тат. *бикрә*, чув. *пёкрё* 'осётр', баш. *һыла*, тат. *сыла*, чув. *шялә*, венг. *süllö* 'судак' и др., которые свойственны языкам Урало-Поволжья, а также и венгерскому языку [Лебедева 1983, 13-16].

Мы считаем, что основным критерием в исследовании болгаризмов Поволжья должно быть наличие того или иного слова в болгарском и мадьярском языках. Исходя из сказанного нами выявлены следующие ихтионимы болгарского происхождения: баш. *сеуә*, *сөгә* (лит. *укбалык*, *марсен*, *бикре*), тат. *чөгә*, чув. *шёке*, мар. *сүгö*, венг. *kecsege*, болг. *чига* 'стерлядь'; баш. *опто*, тат. *опты*, чув. *әптә* 'язь'.

Кроме того в Поволжском ареале употребляются отдельные названия рыболовных снастей, которые также могут быть болгарского происхождения: баш. *нәрәтә*, чув. *нерет*, венг. *nereto* 'нерето'; баш. *йылым*, чув. *силем*, тат. *жылым*, удм. *жылым*, мар. *йылым* венг. *gyalom* 'невод'; баш. *сәнске* (лит. *һалдау*), тат. *сенчке*, *сенеске*, чув. диал. *ченске*, *ченчёке*, болг. диал. *чанчка* 'острога, приспособленная для ловли рыбы на мелких местах или с берега'.

Мы предполагаем, что общие наименования рыб и названия рыболовных снастей тюркских языков (башкирского, татарского, чувашского), а также в тюркских заимствованиях финно-угорских языков Поволжья (марийского, удмуртского, мордовского) могли возникнуть в эпоху Волжской Булгарии, так как в других тюркских языках, в том числе и в соседнем казахском, имеют совершенно другие наименования.

2. Булгарские орнитонимы.

Башкирские орнитонимы были исследованы Э.Ф. Ишбердиным. Чувашские орнитонимы в этимологическом аспекте рассматриваются в работах Л.П. Петрова, Н.И. Егорова. Наши исследования показали, что среди башкирских орнитонимов есть наименования птиц, которые восходят к болгарскому языку, на что указывает распространение названия только у народов Поволжья. К числу таких наименований мы отнесли следующие: баш. *сәүкә*, тат. *чәүкә*, чув. *чакак*, мар. *цәнгә*, удм. *чанга*, мокш. *чавка*, эрзя. *чавка*, болг. *чавка*, венг. *csoka* 'галка'; баш. *кәлмәргән*, *калмәргән*, *халмәргән*, *галмәргән* (лит. *тимертырнак*), венг. *halaszsas* 'скопа'; баш. *курпысык*, *курпысак*, чув. *кәрәпчак*, диал. *кәрмәчак*, мар. *курмызак* 'вальдшнеп'.

В итоге отметим то, что перечисленные птицы распространены в Приволжском ареале и все болгарские орнитонимы, кроме наименования галки *сәүкә*, относятся к среднебулгарскому периоду.

3. Булгарские фитонимы.

Башкирские фитонимы не подвергались комплексному исследованию со стороны лингвистов. Отрывочные диалектологические материалы можно найти в работах татарских и чувашских исследователей по данной тематике. В конце 90-х годов увидела свет работа Ю. Дмитриевой «Опыт сравнительно-исторического и ареально-типологического изучения флористической лексики чувашского языка». Ею изучены наименования чувашских флористических терминов и их этимология. Автор считает, что отдельные фитонимы, общие для татарского, башкирского, чувашского и венгерского языков, не наблюдаемые в других тюркских и финно-угорских языках, могут быть остатком болгарского языка. Например: баш. *шоморт*, тат. *шомырт*, чув. *сумырт* 'черемуха'; баш. *ерек*, тат. *зирек*, чув. *джирек*, венг. *eger(fa)* 'ольха', баш. *карама*, тат. *карама*, чув. *хурама* 'вяз'; баш. *миләш*, *мышар*, тат. *миләш*, чув. *пилеш*, венг. *tadar berkenye*, мар. *пызлә*, *пизлә*, удм. *палзэь*, морд. *пизёл* 'рябина'; баш. *билсэн*, тат. *билчән*, чув.

тицен, венг. *mezsei*, мар. *tisän* ‘бодяк полевой; осот’; баш. *бәтнәк*, тат. *пытнык*, *мөтлөк*, чув. *пётнёк*, мар. *пўтнъык*, удм. *бутник* ‘мята (название растения, цветы желтоватые, крупнее, чем у мяты)’; баш. *әрем*, тат. *әрем*, чув. *армути*, венг. *իրօտ* ‘полынь’ и т.д. [Дмитриева 1996, 3-12]. Её список дополним нашими примерами, которые относятся к растительному миру: баш. *орлок*, тат. *орлык*, чув. *вәрләх* ‘семя’; баш. *кый* (*үләне*), мар. *кышкы*, эрз. *кай*, удм. *кый* ‘сорняк’, венг. *kigyók* [кийдок] ‘змея’; баш. *әкәлә* (лит. *сәтләүек*), мокш. *кяле*, *келе*, ‘желудь, шишка’; баш. *какы*, тат. *какы*, чув. *хухә*, венг. *kaka* ‘свербига’ и т.

4. Булгаризмы в наименованиях пчел и пчеловодческого инвентаря.

В 1975 г. Ф.Ф. Илембетов опубликовал статью на тему «Лексические параллели в терминах пчеловодства у тюркских и финно-угорских народов Поволжья и Приуралья», где приведен и проанализирован определённый объём материала по общей апеллятивной лексике народов Поволжья по наименованиям пчелы и пчеловодческого инвентаря. К данной тематике относятся следующие слова: баш. *һоро корт*, *әре корт*, тат. *соры корт*, чув. *сара хурт*, мар. *шуремукиш*, венг. *here teh* ‘трутень’; баш. диал. *менгеиш* (лит. *иңкеиш*); мар. *мекиш*, *мукиш*, морд. *мекиш*, венг. *hjszteh*, *teh* ‘шмель’; баш. *дыраиш*, *драж*, *тыраж*, тат. *тыраж*, венг. *darazs*, *azsar* ‘шершень’; баш. *норлау* ‘червить, червление пчел внутри улья’, *нор*, *мор*, *мыр*, диал. *нумыр*, тат. *ныр* ‘червяк, личинка’, чув. *нара* ‘личинка жука’, мар. *нор* ‘червяк’, удм. *нумыр* ‘червяк’, коми *номыр* ‘червяк’, венг. *műsz* ‘личинка’; баш. *кирәм*, мар. *керем* ‘лезиво, сплетённое из кожи; ремень, который употребляется бортником при лазании на дерево *солок агасы*’; баш. диал. *бәрез*, удм. *прич*, коми *пэриз*, венг. *riго* ‘пешня, употребляется при выдалбливании борти и улья’ и т.д.

Башкиры кроме пчеловодства (*умартасылык*) занимаются и бортничеством (*солок* или *солоксолок*). По мнению Ф.Ф. Илембетова, термин *солок*, как название борти, встречается, кроме башкир, только у пермских татар *чолык* и у марийцев *шолык*. Также термин *кирәм* ‘лезиво, сплетённое из кожи ремень, который употребляется при лазании на дерево’ встречается только у башкир и марийцев – *вопи керем* [Илембетов 1975, 64]. Мы нашли ещё одно слово, которое бытует только в башкирском и марийском языках: баш. *һурнак*, диал. *һорнак*, *һорнас*, мар. *сурний* в значении ‘пчела, которая ворует мёд из чужих ульев’. Возможно, лексемы *солок*, *кирәм*, *һурнак* (*һорнак*, *һорнас*) являются собственно башкирскими словами, которые заимствованы пермскими татарами и марийцами. К тому же башкиры бортничеством (первоначальной формой пчеловодства, основанной на содержании пчёл в дуплах деревьев для получения мёда) занимались издревле и по сей день у них практикуется такая форма пчеловодства.

Также следует сказать о лексеме *утар* в значении ‘пасека’. Слово *утар* в значении ‘пасека, пчельник богатый растительностью и цветами для пчёл’ имеется в башкирском, чувашском и марийском языках. Данная лексема в значении ‘пасека’ употребляется в гайнинском говоре башкирского языка. В других тюркских (киргизском, казахском, каракалпакском, ногайском, туркменском) и монгольском языках слово *утар* употребляется в значении ‘пастбище’.

Итак, некоторые башкирские наименования пчел и пчеловодческого инвентаря имеют общую семантику и структурную особенность с чувашским, марийским языками. Терминология, связанная бортничеством, наблюдается только у башкир и их незначительное количество заимствовано марийцами.

5. Булгаризмы в бытовой лексике башкир.

Кроме вышеприведенных болгарских апеллятивов, в языках Поволжья, нами выявлено около двух десятков наименований из швейной, прядильной и ткацкой терминологии. Однако данный лексический пласт, следует считать относительно позднебулгарским явлением, который не наблюдается в болгарском языке: баш. *шуре*, тат. *шуре*, чув. *шуря*, *сёрё*, венг. *csere* ‘цевка, катушка, шпулька’; баш. *етен* [йетен], тат. *житен*, чув. *йетен*, мар. *йытын* ‘лён’; баш. *көнийәлә*, тат. *көнжәлә*, чув. *кенчеле*, мар.

кунчыла ‘пучок взбитой шерсти’; баш. *hoça*, диал. *çoça*, тат. *coca*, чув. *сӓса, асӓ* ‘челнок’; баш. *каба*, тат. *коба*, мар. *кава*, удм. *кубо* ‘прялка’ и т.д.

Хочется отметить, что производная специализированная и бытовая лексика, в том числе их диалектные синонимы, является бесценным богатством языка. Однако данная лексика постепенно выходит из употребления, переходя в относительно пассивный разряд общенародной лексики с ограниченной сферой употребления, и из-за появления и широкого распространения новой техники и технологий.

В заключении статьи отметим, что нами собраны общие лексические параллели, которые распространены только среди народов Поволжья возможно являются болгарским наследием.

Литература

Академический словарь башкирского языка. В десяти томах. I – VI тома / под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. – Уфа: Китап, 2011 – 2014.

Батыршина Г.Р. Терминология родинного обряда башкир (этнолингвистический анализ). Дисс. канд. фил. наук. – Уфа. 2008. – 203 с.

Болгарско-русский словарь. – М.: Русский язык, 1975. – 768 с.

Бятикова О.Н. Лексика рыболовства в татарском литературном языке. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. фил. наук. – Казань, 2003. – 214 с.

Валиева М.Р. Булгаризмы в апеллятивной лексике башкирского и мадьярского (венгерского) языков // Вестник ВЭГУ. № 3, 2014. С. 155-160.

Диалектологический словарь башкирского языка. – Уфа, 2002. – 432 с.

Дмитриева Ю. Опыт сравнительно-исторического и ареально-типологического изучения флористической лексики чувашского языка. Автореф. дис... канд. филол. наук. – Чебоксары, 1996. – 29 с.

Иванов В.А. Откуда ты, мой предок? (Взгляд археолога на древнюю историю Южного Урала). – Санкт-Петербург: ТОО «Грань» – УНЦ РАН, 1994. – 124 с.

Илембетов Ф.Ф. Лексические параллели в терминах пчеловодства у тюркских и финно-угорских народов Поволжья и Приуралья // Вопросы финно-угроведения. Выпуск VI. – Саранск, 1975. С. 63–69.

Ишбирзин Э.Ф. Башкортостан коштары (белешмә китап). – Өфө, 1986. – 168 б.

Ишбердин Э.Ф. Наименования птиц в башкирских говорах // Вопросы башкирского языкознания. – Уфа, 1973. С. 146 -159.

Ишкильдина Л.К. Историческое развитие консонантизма башкирского языка (на материале диалектов). Автореферат дисс. ... канд. фил. наук. – Уфа, 2013. – 28 с.

Лебедева Е.А. Чувашские названия рыб (опыт сравнительно-исторического анализа). Автореф. дис... канд. филол. наук. – Уфа, 1983. – 24с.

Нафиков Ш.В. Принципы номинации, структура и происхождение названий рыб в башкирском языке (Синхронная и сравнительная характеристика). Автореф. дис... канд. филол. наук. – Уфа, 1987. – 24 с.

Норманская Ю.В. Растительный мир. Деревья и кустарники. Географическая локализация прародины тюрков по данным флористической лексики // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pdf factory.com> (дата обращения 01. 09. 2014).

Пекшеева Э.И. Ихтионимы и лексика рыболовства в марийском языке. Автореф. дис... канд. филол. наук. – Йошкар-Ола, 2012. – 233 с.

Петров Л.П. К этимологии чувашских орнитонимов // Чувашский язык: проблемы исторической лексикологии. – Чебоксары, 1986. С. 27 – 42.

Петров Л. П., Егоров Н.И. К этимологии чувашских орнитонимов // Чувашский язык: история и этимология. – Чебоксары, 1987. С. 83 – 101.

Петров Л.П. Чувашская орнитономия и история ее формирования. Дис... д-ра. филол. наук. – Чебоксары, 1995. С. 12-147.

Русско-венгерский словарь. – Будапешт, 1957. – 1968 с.

Сулейманова Р.А. Русско-башкирский словарь-справочник для работников предприятий бытового обслуживания. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2007. – 112 с.

Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х томах. – Чебоксары, 1996.

Шайхулов А.Г. Мотивирующие основы в названиях растений татарского и башкирского языков // Татарская лексика в семантико-грамматическом аспекте. – Казань, 1988. С. 107-114.

Шайхулов А.Г. К методике выявления мотивирующих признаков номинаций в семантических микросистемах фитонимов // Лексика тюрских языков в сравнительно-историческом аспекты. Материалы конференции. – Казань, 1986. С. 100-124.

Генералова В.А., г. Санкт-Петербург

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЕ МАРКИРОВАНИЕ СУБЪЕКТА В КОНСТРУКЦИЯХ С СЕНТЕНЦИАЛЬНЫМИ АКТАНТАМИ

Конструкцией с сентенциальным актантом (КСА) называется такая ситуация, в которой одна из валентностей предиката, называемого матричным, заполнена предикацией, а не именной группой: «syntactic situation that arises when a notional sentence or predication is an argument of a predicate» [Noonan 2007, 52]. Субъектом сентенциального актанта (СА) называется субъект зависимой клаузы в КСА.

- (1) *Bulat* [Ural-*dəŋ* Zöhrä-ne jarat-əw-ə-n] *ujla-j*
Булат Урал-GEN Зухра-ACC любить-NMLZ-P.3-ACC думать-PRS
'Булат думает, что Урал любит Зухру'.

Как видно из примера, в башкирском языке субъект СА может оформляться показателем генитива (родительного падежа). Появление этого показателя вариативно. Так, не запрещены обе следующие фразы:

- (2) *hajər-ðar* /^{ok}*hajər-ðar-ðəŋ* *ülän aša-w-ə* *jaqšə*
корова-PL /корова-PL-GEN трава есть-NMLZ-P.3 хороший
'Хорошо, что коровы едят траву'.

Выявить, какие именно параметры взаимодействуют друг с другом в ситуации дифференциального маркирования субъекта СА, и было целью нашего исследования.

Феномен дифференциального маркирования известен в языках мира и, в частности, в башкирском языке, как на морфологическом, так и на синтаксическом уровне. Например, широко известно и хорошо исследовано дифференциальное маркирование объекта. Если можно говорить о явлении дифференциального маркирования в целом, представляется возможным предположить, что существуют некоторые параметры, способствующие развитию вариативности в определённой ситуации. Поэтому представляется возможным провести параллель с маркированием объекта и заметить, что наиболее значимыми параметрами, способными влиять на выбор формы, являются одушевлённость и референциальный статус объекта. Референциальным статусом называется соотносённость речевой единицы с объектом реального мира. Некоторая единица может выступать как нереферентная или референтная, а референтная – как неопределённая или определённая. Определённой называют такую единицу, которую слушающий однозначно соотносит с некоторым объектом реальной действительности: “Speakers code a nominal referent as definite when they assume that it is identifiable or accessible to the hearer” [Givón 2001, 459]. Тогда неопределённый референт – это такой, который слушающий может соотносить с объектом реальной действительности, но не может точно идентифицировать, а нереферентный – тот, который слушающий не может соотносить с объектом реальной действительности. Иногда категория определённости выражается эксплицитно средствами грамматической системы (например, с помощью артикля), иногда референциальный статус единицы определим исключительно в контексте. Так, существует шкала определённости, на которой расположены местоимения, имена собственные и прочие имена. Это говорит о том, что некоторые единицы (местоимения и собственные имена)

имеют постоянный референциальный статус (выступают как ингерентно определенные), а остальные имена меняют его в зависимости от употребления.

Кроме общих параметров существуют и такие, которые могут влиять на дифференциальное маркирование только в КСА, открывая возможность вариативности только в этом случае. Закономерно, такие параметры связаны с особенностями конструкции, в рамках которой они действуют. Как отражено, в частности, в исследовании Н.В. Сердобольской, важнейшие параметры такого рода – это семантика зависимой предикации и форма главного предиката.

Семантику зависимой предикации часто выделяют как отдельный параметр, способный оказывать влияние на оформление актантов в КСА: «Семантические свойства зависимой ситуации (факт vs. ситуация, временная референция ЗП, нахождение в пресуппозиции vs. ассерции, потенциальная vs. реальная ситуация и т.п.) регулируют выбор оформления зависимого предиката. Основная цель, которую ставят при исследовании семантики зависимой ситуации в полипредикативных конструкциях, — объяснить выбор оформления ЗП. Менее известен тот факт, что семантика зависимой ситуации может определять выбор оформления ее актантов» [Сердобольская 2005, 144]. Н.В. Сердобольская выделяет около десяти возможных значений, из которых в нашем исследовании рассматриваются пять: факт, пропозиция, генерическая ситуация, событие при предикате восприятия и потенциальное событие. Некоторые из этих терминов не всегда употребляются в одном значении, поэтому нам кажется необходимым пояснить их. В этой работе мы следуем Н.В. Сердобольской в определении этих терминов. Прежде всего, определим, что такое *событие*: «Событие (или ситуация в узком смысле) отражает непосредственное восприятие человеком действительности и обладает свойствами локализованности во времени, длительности» [Сердобольская 2005, 138]. Например:

(3) *Я вижу, что Булат гонит коров в поле.*

Из определения Сердобольской видно, что возможно выделение видов событий по их локализованности во времени, например, *точечные, длительные, хабитуальные, потенциальные*.

Следует проводить чёткую границу между событием и фактом: «Факт тяготеет к пресуппозитивному компоненту высказывания; он сохраняет истинность при отрицании главного предиката» [Сердобольская 2005, 139]. Например:

(4) *Ты знаешь, что Булат гонит коров в поле.*

(5) *Ты не знаешь, что Булат гонит коров в поле.*

Также «выделяется понятие пропозиции в ассерции высказывания. Такой контекст отличается от фактивного рядом свойств: например, ЗП в ассерции не сохраняет истинность при отрицании главного предиката» [Сердобольская 2005, 139]. Например:

(6) *Правда, что Булат гонит коров в поле.*

(7) *Неправда, что Булат гонит коров в поле.*

Приводя данные для нескольких языков, в частности, для узбекского, Сердобольская отмечает следующую зависимость: «фактивный контекст требует генитива субъекта, в отличие от события, где чаще возникает номинатив. Пропозиция допускает в равной мере генитив и номинатив» [Сердобольская 2005, 144].

В башкирском языке зависимый предикат КСА может оформляться семью показателями, которые можно разделить на две группы по степени синтаксической интеграции – способности зависимой предикации обладать свойствами независимой. К первой группе (с низкой степенью синтаксической интеграции) относятся пять показателей: три показателя, традиционно называемые в грамматиках «показателями причастия»: *-r* (POT), *-asaq* (FUT) *-yan* (PC.PST); — показатель номинализации *-w* (NMLZ) и составной показатель *-yan-laq* (PC.PST-NMLZ), состоящий из причастного показателя и продуктивного суффикса номинализации (сам по себе этот суффикс номинализации присоединяется к словам различных частей речи и образует в основном

абстрактные существительные). Первые три перечисленных показателя («причастные» показатели) омонимичны показателям финитных форм, однако в составе КСА соответствующие формы ведут себя как нефинитные, поскольку они присоединяют показатели притяжательности и падежа. Отметим, что падеж номинализованного предиката зависит от управления МП и всегда совпадает с падежом, в котором в аналогичной ситуации стоит именная группа; появление показателя принадлежности вариативно.

- (8) *Bulat* *Ural-ya* *ömötlän-ä*
 Булат Урал-DAT надеяться-PRS
 ‘Булат надеется на Урала’.
- (9) *äsä-he* *ul-ä-nəŋ* *tið* *qajta-w-ä-na*
 мать-P.3 сын-P.3-GEN быстрый приходит-NMLZ-P.3-DAT
ömötlän-ä
 надеяться-PRS
 ‘Мать надеется, что её сын скоро вернётся’.

Ко второй группе (с высокой степенью синтаксической интеграции) относятся показатели *-p* (CV) и *-r-ya* (POT-DAT). СА с предикатами в такой форме не имеют собственного подлежащего, и потому не рассматриваются в этой работе.

Разные матричные предикаты могут сочетаться с различными стратегиями оформления СА. Интересно отметить, что набор доступных при том или ином конкретном матричном глаголе стратегий оформления СА может меняться в зависимости от того, в каком именно значении использован глагол. Следующие примеры иллюстрируют допустимость стратегии с показателем *-r* (POT) при глаголе *kür-* ‘видеть’ в случае его употребления в переносном значении (близком к ‘понимать’) и её запрет при этом же предикате, употреблённом в прямом значении:

- (10) *Azamat* *Zöhrä-neŋ* *həjər* *haw-ər-ä-n* *kür-ä*
 Азамат Зухра-GEN корова доить-POT-P.3-ACC видеть-PRS
 ‘Азамат видит, что Зухра будет доить коров’.
- (11) * *Azamat* *mašina-nəŋ* *kil-er-ä-n* *kür-ä*
 Азамат машина-GEN приходит-POT-P.3-ACC видеть-PRS
 ‘Азамат видит, как подъезжает машина’.

Тем не менее, форма главного предиката не является достаточной для однозначного выбора формы субъекта СА. Поиск других признаков и стал целью нашего исследования. Исследование проводилось в д. Рахметово Абзелиловского района республики Башкортостан. Основным методом работы был перевод предложений с русского языка на башкирский носителями языка и оценка правильности предложений, построенных исследователем на башкирском языке. В результате были сформулированы предпочтительные варианты маркирования субъекта СА в зависимости от изменения значений различных параметров и их взаимодействия. Поскольку речь идёт о явлении, относящемся к узусу, а не к норме, имеет смысл говорить скорее о тенденции к наличию или отсутствию маркера в определённой ситуации и о предпочтении в конкретных случаях одного варианта (с маркером) или другого (без маркера), чем о возможности или невозможности употребления той или иной формы в том или ином случае.

Было выявлено четыре основных параметра: *одушевлённость*, *референциальный статус*, *семантика зависимой предикации* и *форма зависимой предикации*. В зависимости от того, какое значение принимает каждый из этих параметров, можно сделать вывод о выборе формы субъекта СА.

Параметр *одушевлённость* принимает значения *одушевлённый* и *неодушевлённый*. При внешней простоте установление значения параметра в отдельно взятой фразе может представлять затруднения. Некоторые из них разрешаются благодаря шкале одушевлённости (известная также как *иерархия Сильверстайна*), на которой различные

имена располагаются в зависимости от того, могут ли они проявлять свойства одушевлённых, и если могут, регулярно ли это происходит. Получается, что при отсутствии чёткого бинарного деления на одушевлённые и неодушевлённые, у концов шкалы как правило видны наиболее «чистые» типы, а в середине – более затемнённые, с большой долей вариативности. Иногда одушевлённость того или иного слова можно определить исходя из его морфологических особенностей (ср. в русском языке определение одушевлённости некоторых существительных по форме винительного падежа: *стол – стол, посол – посла*). В башкирском языке такой возможности нет, поэтому семантические критерии определения одушевлённости становятся более важными. Для чистоты эксперимента во всех предложенных носителях языка предложениях субъекты располагались по возможности как можно ближе к концам шкалы иерархии одушевлённости. В минимальных парах в качестве неодушевлённых предъявлялись неживые объекты, в качестве одушевлённых – именованная людей:

(12) *uqə-t-əw-sə* *avtobus-təŋ huŋla-w-ə-na*
 читать-CAUS-NMLZ-AG автобус-GEN опоздать-NMLZ-P.3-DAT
asəwlan-a
 сердиться-PRS
 ‘Учитель разозлён из-за того, что автобус опоздал’.

(13) *uqə-t-əw-sə* *uqəwsə-nəŋ huŋla-w-ə-na*
 читать-CAUS-NMLZ-AG ученик-GEN опоздать-NMLZ-P.3-DAT
 сердиться-PRS
asəwlan-a
 ‘Учитель разозлён из-за того, что ученик опоздал’.

В таких контекстах, в целом, при одушевлённых субъектах немаркированная форма субъекта запрещалась в 70% случаев, а при неодушевлённых – в 10% случаев (на материале 10 примеров). Запретов на маркированную форму выявлено не было. Таким образом, можно сделать вывод, что одушевлённые субъекты СА чаще требуют маркирования показателем родительного падежа.

Второй параметр – *референциальный статус* – может принимать значения *нереферентный, неопределённый, определённый* (см. выше). В условиях методики элицитации этот параметр особенно сложен для проверки. Как известно, референциальный статус актанта определяется и изменяется в дискурсе, а вырванные из контекста предложения, обычно предлагаемые в ходе элицитации, лишают говорящего возможности определить их место в нарративе. Восприятие таких фраз носителями неоднородно: одни воспринимают их как общие утверждения, другие как единичные случаи. Количественные данные, полученные в результате исследования, показывают, что число разрешённых и запрещённых немаркированных форм примерно одинаково для каждого значения параметра *референциальный статус*. Обычные минимальные пары предложений могут быть предложены только со специальными словами «все», «какой-то», «этот», задающими необходимый экспериментатору референциальный статус. При видимом удобстве этого способа такие пары всё-таки трудно назвать минимальными, поскольку такие фразы различаются и по параметру *семантика зависимой предикации*.

Эти трудности свидетельствуют о том, что либо референциальный статус не даёт достаточных оснований для предпочтения одной формы другой, либо не может быть выявлен. Поэтому было принято решение рассмотреть взаимную зависимость референциального статуса и семантики зависимой предикации.

При нереферентном субъекте немаркированная форма допустима чаще, чем при референтном. Однако в случае, если СА имеет семантику потенциального события, немаркированная форма при нереферентном субъекте запрещена.

- (14) *min kürše-lär-ðeŋ / *kürše-lär kürše-lär-gä*
 я сосед-PL-GEN / сосед-PL сосед-PL-DAT
jarðam it-ew-e-n bel-ä-m
 помощь делать-NMLZ-P.3-ACC знать-PRS-1SG
 ‘Я знаю, что соседи помогают своим соседям’.
- (15) *min kürše-lär-ðeŋ / *kürše-lär kürše-lär-gä*
 я сосед-PL-GEN / сосед-PL сосед-PL-DAT
jarðam it-ew-e-n telä-j-em
 помощь делать-NMLZ-P.3-ACC хотеть-PRS-1SG
 ‘Я хочу, чтобы соседи помогли своим соседям’.

При определённом субъекте СА, напротив, немаркированная форма в большинстве случаев запрещена, но если СА имеет семантику пропозиции, отсутствие маркирования допускается.

- (16) *Bulat *Azamat / ^{ok}Azamat-təŋ Öfö-nän qajt-kanyn*
 Булат Азамат / Азамат-GEN Уфа-ABL приходит-PC.PST
kür-ä
 видеть-PRS
 ‘Булат видит, что Азамат вернулся из Уфы’
- (17) *Azamat-təŋ / ^{ok}Azamat Öfö-nän qajt-qany*
 Азамат-GEN / Азамат Уфа-ABL приходит-PC.PST
döröθ tügel
 правда NEG.AUX
 ‘Неправда, что Азамат приехал из Уфы’.

Эти данные позволяют сделать вывод о том, что референциальный статус влияет на выбор формы субъекта СА и что в целом нереферентные субъекты чаще выступают в немаркированной форме, а референтные – в маркированной родительным падежом. Однако в результате взаимодействия параметра *референциальный статус* с параметром *семантика зависимой предикации* эта зависимость не всегда прослеживается явно.

Для оценки зависимости оформления субъекта от формы зависимого предиката были выбраны две формы, наиболее универсальные по своим значениям и по сочетаемости с различными матричными предикатами: *-yan* (PC.PST) и *-w* (NMLZ). По своей природе стратегия с показателем *-yan* (PC.PST) связана с прошедшим временем. Тем не менее, она иногда допустима и при дезидеративных матричных предикатах (*telä*- ‘хотеть’, *ömötlän*- ‘надеяться’), предполагающих СА, кодирующий ситуацию следования:

- (18) *Bulat Azamat-təŋ Öfö-nän qajt-qan-ə-na*
 Булат Азамат-GEN Уфа-ABL приходит-PC.PST-P.3-DAT
ömötlän-ä
 надеяться-PRS
 ‘Булат надеется, что Азамат приехал из Уфы’.

При глаголах речевой и мыслительной деятельности зависимая предикация с показателем *-yan* (PC.PST) обозначает ситуацию предшествования в плане настоящего или прошедшего времени или одновременности в плане прошедшего времени. Так, предложение, в котором МП оформлен показателем *-yan* (PC.PST), может быть интерпретировано двояко:

- (19) *Zöhrä Rifat-təŋ Öfö-lä uqə-yan-ə-n*
 Зухра Рифат-GEN Уфа-LOC учиться-PC.PST-P.3-ACC
opot-qan
 забывать-PC.PST

^{ok} ‘Зухра забыла, что Рифат учился в Уфе’.

^{ok} ‘Зухра забыла, что Рифат учится в Уфе’.

Стратегия с показателем –w (NMLZ) наиболее универсальна. Она употребляется независимо от отнесённости ЗП времени с различными по значению матричными предикатами.

Поэтому именно эти две стратегии были выбраны как диагностические для выявления зависимости оформления субъекта от формы зависимого глагола. Оказалось, что различия есть, хоть и незначительные. Форма с показателем –yan (PC.PST) в целом чаще используется с субъектом без маркера падежа.

Так, например, в пропозиции со значением фактивности при определённом субъекте немаркированная форма допустима, если форма предиката образована с помощью показателя –yan (PC.PST), и запрещена, если форма предиката образована с помощью показателя –w (NMLZ).

(20) *Bulat bəl qəð-ðar-ðəŋ / qəð-ðar*
Булат этот девочка-PL-GEN / девочка-PL
Öfö-gä kit-kän-e-n bel-ä
Уфа-DAT уходить-PC.PST-P.3-ACC знать-PRS
‘Булат знает, что эти девушки уехали в Уфу’.

(21) *Bulat bəl qəð-ðar-ðəŋ / *qəð-ðar*
Булат этот девочка-PL-GEN / девочка-PL
Öfö-gä kit-ew-e-n bel-ä
Уфа-DAT уходить-NMLZ-P.3-ACC знать-PRS
‘Булат знает, что эти девушки уехали в Уфу’.

Тем не менее, однозначно утверждать, что влияние оказывает именно форма ЗП, не стоит. Так, при взаимодействии с параметром одушевлённости форма, как кажется, не оказывает никакого влияния на выбор формы субъекта:

(22) *uqə-t-əw-sə avtobus-təŋ / abtobus*
учитель-CAUS-NMLZ-AG автобус-GEN / автобус
huŋla-w-ə-na / huŋla-yan-ə-na
опоздать-NMLZ-P.3-DAT / опоздать-PC.PST-P.3-DAT
asəwlan-a
сердиться-PRS
‘Учитель разозлён из-за того, что автобус опоздал’.

В СА с неодушевлёнными субъектами, напротив, первой спонтанно выдается форма номинатива, а второй – форма генитива, вне зависимости от формы предиката.

По результатам исследования можно сделать вывод о том, что при сложении значений всех параметров наибольшая вероятность появления маркированной формы будет при одушевлённом определённом субъекте в предикации с глаголом на –yan (PC.PST) со значением события восприятия, наибольшая вероятность появления немаркированной – при неодушевлённом нереперентном субъекте в предикации со значением генерической ситуации. Тем не менее, по-прежнему представляется целесообразным говорить не о запрете или безусловном предпочтении некоторых форм, а о дифференциальном маркировании форм субъектов сентенциальных актантов.

Литература

Сердобольская Н.В. Синтаксический статус актантов зависимой нефинитной предикации. Дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2005.

Givón T. Syntax: An introduction, Vol. 1. – Amsterdam/Philadelphia, 2001.

Noonan M. Complementation // Shopen T. (ed.). Language typology and syntactic description, Vol. 2. – Cambridge: CUP, 2007.

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА ГОРОДА В РАМКАХ ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ДИСЦИПЛИН

(на примере использования эргонимов в различных социальных сферах г. Уфы)

Проблема языка города – одна из актуальнейших тем современного языкознания. Нам выпало жить в эпоху исторических изменений. Меняется архитектура городов, их социально-демографический состав, уходят в прошлое старые традиции, уклад жизни. За эту четверть века изменился русский язык и, как следствие, речевой облик современного города.

Сотрудники правоохранительных органов одни из первых, кто примеряет социальные изменения на себя, а потому разговор о системе «языке города» в рамках занятий по дисциплинам «Риторика» и «Русский язык в деловой документации» в институте МВД остается актуальным. Выпускники именно такого вуза постоянно сталкиваются с самыми разными языковыми проблемами: грамотным оформлением текстов различного стилевого характера; общением с людьми разных социальных слоев.

Известный языковед Ф.П. Филин, многие годы посвятивший изучению языка как общественного явления, писал: «Язык – создание общества, и в нем все общественно. Что же в таком случае нужно понимать под социолингвистикой? Пока что в этот термин вкладывается различное содержание, границы которого очень неясны. По-видимому, за ним нужно закрепить два значения: 1) изучение зависимости языка, его структуры от общества, иначе говоря, социальной обусловленности языковых явлений; 2) изучение общественных функций языка, его роли в обществе, воздействия на общество. Разумеется, оба эти значения тесно связаны друг с другом и составляют единый комплекс проблем» [Филин 1981, 154].

Языком города занимаются многие исследователи. Существуют «языковые портреты» Екатеринбурга, Москвы, Омска, Перми, Санкт-Петербурга, Саратова, Уфы, Челябинска и других городов. Например, ученые рассматривают язык уральского города как объективную данность – во всем его многообразии, выявляются черты городского койне, его структура и функции, устанавливаются своеобразие письменного кода города и специфика устной речи уральцев в разных сферах ее бытования, исследуется структурно-смысловая специфика разговорного текста [Яковлева 1996, 50].

Термином «лексика города» можно назвать «существующий в употреблении жителей одного города круг номинативных единиц, связанных со спецификой городского устройства и быта» [Емельянова 2007, 42]. В отличие от синонимических терминов «лексика города», «слово городской среды», «языковой код города» (по которому опознается местный житель), терминологическое сочетание «семиотика города» более точно и емко выражает понятие.

Е.А. Яковлева предложила видеть в городе одну из активных сторон перманентно длящегося коммуникативного акта, который непрерывно продуцирует особого рода урботекст, обладает локально окрашенными признаками. Этот «текущий» в пространстве и времени уникальный продукт мыслеречевой деятельности создавался когда-то жившими в городе людьми и продолжает создаваться и сегодня в результате духовной и материальной деятельности горожан. Впоследствии, отделившись от своих «авторов», урботекст осознается уже как вполне самостоятельная и самобытная сущность, проявляющаяся внешне в виде характерных языковых примет типа урбонимов (урбанонимов), тюркизмов и других.

Весь урботекст как бы состоит из реплик бесконечного диалога (важная черта), субъекты которого равноправны. Перманентно текущий диалог происходит между городом, с одной стороны, и «коллективным горожанином» (собираемый образ уфимца) – с другой [Яковлева 1996, 64].

Все богатство нашей истории связано с именами города. Имена города – названия улиц, площадей, объектов культуры, кинотеатров, парков, памятников, а также других объектов, интересных в плане пространственной ориентации – своего рода огромная книга, текст которой сочиняется на протяжении всего времени существования этого населенного пункта. Подобные названия при их лингвокультурной «расшифровке» помогают восстановить историю города, место его расположения, социально-экономический статус и многие другие «секреты». Как правило, подобные имена являются своеобразными носителями идеологии и символики прошлого и настоящего, своего рода словесными памятниками.

Для сотрудника правоохранительных органов важно умение выделять общие и характерные черты в социальной, экономической, демографической, бытовой организации современного города. В свою очередь, мы позволили себе выделить эргоним (название делового объекта, в рамках данной статьи – это слова на вывеске) как один из наиболее интересных видов урботекста, лингвистические исследования структурной организации которого еще не стали в полной мере объектом научного исследования. Мы считаем, что вывеску можно рассматривать как лингвистическую единицу и применять к ней основные понятия лингвистической науки. Конкретизируя центральные проблемы социолингвистики на нашем объекте, мы можем определить параметры исследования вывески с точки зрения социолингвистики: 1) социальная обусловленность вывесок; 2) функции вывесок; 3) воздействие вывесок на общество. В рамках данной статьи рассматривается первый аспект: социальная обусловленность вывесок-текстов (на примере вывесок города Уфы).

Социальные сферы использования эргонимов в Уфе очень разнообразны, что обусловлено, в первую очередь, полиэтничностью столицы Башкортостана. Здесь проживает большое количество различных народностей: башкиры, русские, татары, украинцы, чуваша, марийцы, белорусы, мордва, евреи, немцы и др. На указанных языках издаются республиканские газеты, еженедельники, называются клубы, ассоциации, телепередачи, а также магазины, кинотеатры, общества с ограниченной ответственностью и другие общественные предприятия (в очередной раз подтверждая необходимость понимания социолингвистических проблем современным сотрудником правоохранительных органов).

В основном же в рамках Уфы мы наблюдаем вывески на башкирском и русском языках, причиной тому служат прочно установившиеся политические, культурные, экономические, производственные и прочие связи в течение долгого времени проживающих совместно башкир и русских. С другой стороны, эти два языка являются государственными в РБ.

Итак, социальные сферы использования эргонимов:

- 1) сфера хозяйственной деятельности (фирма «Мир», баня «Юындыр»);
- 2) сфера общественно-политической деятельности («Областной совет профсоюзов», ассоциация башкирских женщин «Ак калфак»);
- 3) сфера быта (кафе «Нэркес», магазин «Аккош», аптека «Табиб»);
- 4) сфера организованного обучения («Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы»);
- 5) сфера художественной литературы (магазин «Белая река», редакция «Китап» / «Книга»);
- 6) сфера эстетического воздействия («Башкирский государственный театр оперы и балета», художественная галерея «Сангат», театр «Нур»);
- 7) сфера обслуживания (ресторан «Тансулпан», гостиница «Ак Тау») и пр.

Мы видим, что эргоним охватывает практически все сферы человеческого общения. Среда общения также широка и разнородна, начиная с семейного и заканчивая общечеловеческим. Несмотря на то, что сферы и среды находятся за пределами языка, они интересуют нас как конкретные условия непосредственного «местопребывания» вывески.

Знание социальных условий проливает свет на более глубокое понимание общественной сущности вывески и общественных условий ее функционирования и развития.

Изучать вывески познавательно, они несут знания о культуре, жизни, языке живущих совместно народов. Это объясняется ещё и юридической необходимостью выполнять вывески на двух языках – русском и башкирском: Ашхана / Столовая, Асык / Открыто, Ябык / Закрыто, Икмэк / Хлеб, Азык-түлек / Продукты, Каймакхана / Блинная. Русскоговорящий полицейский обязан понимать значение башкирских наименований, не растеряться перед входом в учреждения с вывесками «Балык», «Китаптар», «Сәйхана», «Кош» («Рыба», «Книги», «Чайная», «Птица»).

Таким образом, посредством эргонима можно увидеть глубокую связь между представителями разных народностей, что явно говорит о важности изучения вывески-текста. Вывеска как составляющая языка города несет большую социолингвистическую нагрузку, поэтому необходимо уметь выполнить (либо воспринять) ее с точки зрения социальной, культурной, информативной заданности. Рассмотрение эргонимов в контексте языка города помогает приблизить изучение языковых дисциплин в юридическом образовательном учреждении к рангу необходимых знаний, так как каждый полицейский, в силу своей профессии, обязательно сталкивается с немалым количеством деловых учреждений. Умение охарактеризовать предприятие на основе анализа представленного на вывеске эргонима становится важным умением, при этом немаловажным условием оказывается понимание юристом системы «языка города».

Литература

Аюпова Л.Л. Языковая ситуация в Республике Башкортостан: социолингвистический аспект. – Уфа, 1998.

Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика. – М., 1987.

Емельянова А.М. Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтничного города (на примере названий деловых, коммерческих, культурных, спортивных объектов г. Уфы). – Уфа, 2007.

Способы номинации в современном русском языке. – М., 2002.

Узиков Ю.А. Исторические памятники Уфы. – Уфа, 1999.

Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. – М.: Наука, 1981.

Языковой облик уральского города: сборник научных трудов. – Свердловск, 1990.

Яковлева Е.А. Город – урботекст – коллективный горожанин: к проблеме составления коммуникативной модели // Вестник Башкирского государственного университета. №2. 1996.

Жамсаранова Р.Г., г. Чита

ТУНГУССКИЙ ГЕНОНИМ ДУЛИГАТСКИЙ: ЯЗЫКОВАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

Статья подготовлена при поддержке Гранта РГНФ 13-04-00040.

Родовые названия тунгусов Нерчинского уезда представляют собой бесценный ономастический материал для изучения не только языков и культур народов Средневековья исторической Даурии, но и истории региона, этносов Северной Азии в целом. Языковая стратификация генонимов тунгусского населения Даурии, число которых по данным ревизии XVIII в. насчитывало 49 родовых названий, позволила выделить и такие родовые названия, этимология которых относит часть этноязыкового состава тунгусов к тюрко-самодийским племенам Западной Сибири.

Любопытным оказалось изучение генонимов «Дулигатский» тунгусов Нерчинского округа названия XVII-XIX вв., вариации которого – *Дулигарский / Дулигатский* составляют весомое количество. Так, по ревизии от 1816 г. таковых насчитывалось семь родов: Первудулигарский зайсана Алексея Истомина, Втородулигарский, Дулигатский род старшины Ивана Николаева, Первудулигарский отдельного десятка десятника Семена Суханова, Первудулигатский десятника Баканчи Домаева, Первудулигарский

дополнительный Афанасия Епова, Первотулигарский шуленги Берекея Масюкова [ГАЗК, ф.1, оп.1/5, д.17513].

В последующем численность родов уменьшается, и, наконец, в документах второй половины XIX в. уже нет упоминания о родах тунгусов. Вместо них появляются документы о «государственных крестьянах», приписанных в ведомства сереброплавильных и горнорудных заводов Нерчинска. Историк-исследователь Т.Б. Уварова в своем труде «Нерчинские эвенки в XVIII-XX веках» пишет, что «в XX в. каких-либо значительных перемещений коренного населения в Даурии не происходило, не отмечено здесь также событий, которые могли бы вызвать резкое сокращение численности жителей этих мест. Однако эвенкийское население «внезапно исчезло». В начале XX в. из общего числа конных тунгусов лишь три группы продолжали именовать себя тунгусами и говорили на родном языке: маньковские (в верховьях реки Газимур), борзинские (на реке Борзе, притоке Аргуни) – обе группы жили на территории бывшей Маньковской родовой управы – и джидинские, бывшие кучидские или еравненские (в южной части современного Баунтовского района Бурятии)» [Уварова 2006, 36].

Этот факт «исчезновения» эвенков или тунгусов на территории Нерчинского округа возможно объяснить процессами ассимиляционного порядка, когда за весьма короткий период тунгусов и некоторую часть инородцев Нерчинского уезда посредством их русификации «превратили» в русскоязычное крестьянское население. К ревизии 1858 г. тунгусы Дулигатских родов имеют полностью русскую антропонимическую систему [ГАЗК, ф. 1о, оп. 1, д. 17621].

В результате русификации тунгусов, в частности, Дулигатских родов путем их крещения, а значит, и смены именника на русские антропонимы, и возникло большинство ойконимических русскоязычных названий Забайкалья – Бронниково, Савватеево, Кокуй-Комогорцево, Ложниково, Пельменево, Татаурово, Номоконово и проч., что может свидетельствовать о практике традиционного родоплеменного расселения автохтонного населения Нерчинска, которая продолжалась вплоть до XX в. [Жамсаранова 2010, 204-207].

При лингвистическом анализе собственно генонимных названий Дулигарский/Дулигатский обнаруживается, что в морфологической структуре генонимов помимо русского суффикса *-ский* также возможно выделение суффиксов *-gar* и *-gam*. Следует особо сказать об аффиксах *-gar* названия Дулигарский и *-gam* (от монг. аффикса мн. ч. – *(g)aad*) генонима Дулигатский, которые отражают в языковом отношении время функционирования генонима.

Заметим, что тунгусоязычный аффикс *-gip/-gar* сопоставим с адъективным аффиксом $\square ar \parallel -gar \sim \square ir \parallel -gir$, последний из которых зафиксирован также в словарях монгольского и в памятниках письменно-монгольского языков. Л.В. Дмитриева отмечает, что «отмечаемый в тюркологической литературе как очень редкий отыменно-отглагольный аффикс имен разного значения на *-gar* в азербайджанском языке, предположительно соотносимый исследователями с непродуктивным аффиксом *-гыр* в кыпчакских и некоторых других тюркских языках,... а также ряд этнонимов с неясной пока этимологией, может быть генетически связан с указанным выше монгольским аффиксом» [Дмитриева 1979, 170]. Поэтому не исключено, что аффикс *-gip/-gar*, будучи словоформой древнего алтайского языкового сообщества, имел ареальную распространенность, «оформляя» этнонимы и генонимы, функционировавшие в определенный исторический период на определенной территории, «оставшись» в последующее время в качестве тунгусоязычного аффикса.

Известно, что «слово в алтайских языках, с точки зрения его морфологической структуры, представляет собой не простое сочетание корня и суффикса, а сложное сочетание морфем со строго закрепленными за этими морфемами лексическими и грамматическими значениями» [Баскаков 1981, 48]. Распространенным аффиксом множественности в тюркских языках является, например, аффикс *-лар*. В тунгусской

генонимии Нерчинска название Дуларский зафиксировано в ведении Маньковской инородной управы, где помимо других по данным 1829 г. были приписаны Перводулигарский и Втородулигарский роды. Согласно распространенному тюркскому аффиксу *-лар* к тунгусским генонимам тюркского языкового происхождения относится лишь одно название – Дуларский. Геноним Дулар в «Сравнительно-сопоставительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» зафиксирован как название одного из солонских родов.

Исходя из сопоставления морфологических показателей генонимов Дулигарский/Дулигатский и Дуларский, полагаем, что последний является генонимом более позднего временного порядка, нежели Дулигарский/Дулигатский. Территориально близкими к населению исторической Даурии являются тюркоязычные народы Западной Сибири, в языках и диалектах которых, как современных, так и ныне исчезнувших народов, могут быть обнаружены языковые явления, объясняющие некоторые вопросы морфологического строения нерчинских генонимов.

Таковыми являются исследования по языку томских татар, под которыми А.П. Дульзон подразумевал «тюркоязычное население, которое проживало на Томи до Кузнецка и в прилегающих к ее устью прибрежных районах Оби в самом начале XVII в., т.е. к моменту присоединения этой части Западной Сибири к России» [Дульзон 1956, 297]. Он отмечает, что суффиксы *-лар* (*-ляр*), как и *-тар* (*-тяр*), *-нар* (*-няр*) употребляются для образования множественного числа в яуштинском диалекте томских татар. Кроме диалектов томских татар, А.П. Дульзон отметил наличие этих аффиксов в языках и диалектах народов соседних регионов: шорском, чулымско-тюркском, карагасском, камасинском, койбальском, кызыльском, сагайском, бельтирском, качинском, кюэрикском, черневом [Дульзон 1956, 346].

Ц.Б. Цыдендамбаев писал, что в современных монгольских языках суффиксу множественного числа *-лар* соответствует *-нар* [Цыдендамбаев 1972, 188]. Как видно, родовое название тунгусов Дулар, к примеру, не успело претерпеть изменения в своей морфоструктуре, оставшись «тунгусским», а не «монгольским» по сравнению с Дулга.

Однако сделать предположение о языковой принадлежности генонима Дуларский только на основании тюркского характера морфемы *-лар* было бы несколько преждевременно. Возникает вполне закономерный вопрос об этноязыковой принадлежности основы генонимов *ду-*. А.П. Дульзон отмечает, что аффикс *-лар* (*-ляр*) употребляется после основ на гласный и на ряд согласных. В связи с этим замечанием выделение в тунгусских генонимах Дуларский/Дулигатский основы *ду-* представляется вполне обоснованным. Среди нерчинских генонимов имеется целый ряд таких с основой *ду-*: Ду-ли-гарский, Княже Ду-ли-гарский, Перводу-ли-гарский, Ду-ли-гарский Домаева, Второду-ли-гарский, 1 Ду-ли-гарский Епова, в которых аффиксом множественности выступает аффикс *-гар*.

Выделение корневого *ду-* в ряде тунгусских генонимов Нерчинска объяснимо относительно древним возрастом генонимных названий. Понимание этого предполагает обращение и поиски адекватного объяснения в ряде тюркологических теорий по поводу этапов развития языков. Н.А. Баскаков, комментируя дискуссионный характер гипотезы об урало-алтайской языковой семье, пишет, что «не менее спорной теорией В.Л. Котвича и его последователей является теория о первичной двузвучной структуре тюркского корня, который якобы первоначально состоял для многих слов из двух фонем типа СГ (CV), т.е. из согласного и гласного» [Баскаков 1981, 48-49]. Справедливо указывая на то, что это суждение В.Л. Котвича основано на материалах письменных древних памятников орхон-енисейской и уйгурской письменности, которые не отражают полного звучания слов вследствие их несовершенства передачи на основе старых несовершенных систем алфавита, тем не менее, Н.А. Баскаков склоняется к мысли об объективности этой теории.

Наличие лексических вариативов генонимов с корневым *ду-* в совокупности с фактом письменной фиксации посредством архивных документов ГАЗК одного из этих названий – с последующим согласным *-л-* (Дуларский, Дулигарский / Дулигатский и проч.) позволяет предположить, что генонимы с основой *ду-* сформировались или, что объективнее, отразили разные периоды развития тюркских языков, для которых были характерны явления ротацизма и ламбдаизма. Эти предварительные выводы, обоснованные на некоторых постулатах теорий Л.В. Котвича, Н.А. Баскакова и др. о процессах развития тюркских языков, являются одним из моментов, приводимых в качестве доказательной базы о тюркоязычном происхождении тунгусских генонимов с основой *ду-*.

Лексико-семантический анализ корневой основы генонимов Дуларский, Дулигарский/Дулигатский, Дуройский, Дурулгуйский *ду-* предполагает семантическую связь с апеллятивом древнетюркского языка *jül* ‘источник, ручей’ [ДТС], от которого в последующем в разных тюркских языках образовались производные гидронимические термины, например, алтайское *дьюл* ‘вода’, средне-чулымское, шорское, хакасское *чул/шул* ‘вода; река’ [Малолетко 1992, 74-75].

В своей версии по поводу возможности семантизировать онимы Дулар и Дулигат от апеллятива *дьюл* ‘вода’ мы основываемся на сведениях Плано Карпини и Рубрука о так называемых «водяных монгалах» или *су-моалах* [Алексеев 1932, 17]. Францисканский монах Гильом де Рубрук в апреле 1254 г. посетил Каракорум – столицу монгольской империи. В своей книге, где и могли найти отражение полученные им сведения от итальянцев, побывавших до него в Северной Азии, он пишет: «... там жили народы по имени Су-Моал, т.е. Моалы вод, ибо су значит вода. Они живут рыбной ловлей и охотой, не имея никаких стад, ни крупных, ни мелких ...» [Алексеев 1932, 17].

В комментарии к сочинению Г. де Рубрука приводятся данные о том, что «су-моал» означает “монголы вод”. О загадочных “монголах вод” упоминают и восточные историки, писатели – Вассаф (Абд-Алла-ибн-Фэдл-Алла-Вассаф), Абульфа. Плано Карпини отличал «су-монгалов», т.е. водяных монголов от «йека-монгалов» “великих монголов” [Алексеев 1932, 18]. Н.Н. Козьмин считал, что эти су-монгалы могли стать «основным элементом еще не сформировавшейся в эпоху Чингис-хана бурятской народности» [Алексеев 1932, 18]. Мы же полагаем, что су-монгалы были именно тем этническим субстратом, из которого в последующие века выделились разные народы и народности урало-алтайской языковой общности, не исключая и бурят, и башкир, и угорские народы Поволжья, прародина которых связана с Центральной Азией.

Дом Дулга выделился и возвысился в начале VI в. н. э. с 552 по 745 года и правил всеми народами Северной Азии. «Предки Дулгаского рода представляли побочную линию Дома Хунну и прозывались Ашина» [Алексеев 1932, 18]. Поэтому не исключено, что поздние *дулигаты* (*дулга*) и *дулары* (*дулу*) – это «осколки» кочевых конфедераций, входивших в состав некогда могущественных империй хунну, тюрков и монголов.

Мы склонны предполагать наличие связи названий Дулу/Дулга с т.н. «су-моал». Древнетюркское *jül* ‘источник, ручей’ семантически аналогично тюркскому апеллятиву *су* ~ *сув-/суба* ‘вода’. Эти лексико-семантические вариативы апеллятивного ряда обозначения воды в тюркских языках подтверждает высказанное Б.А. Серебренниковым мнение о характерном звуковом ряде для тюрко-монгольских языков, когда «анлаутный *j* в тюркских языках или сохранился, или преобразовался в *з*, *ц*, или исчез, а в монгольских языках изменился в *d-*, вероятно, через промежуточную ступень *з* (*j* > *з* > *d-*)» (см. об этом: [Новикова 1979, 105]).

Поэтому и представляется возможным объяснить наличие лексических вариаций *jül* / *дьюл* и *су* ~ *сув-/суба* ‘вода’ как семантически синонимичных апеллятивов, что и послужило базой этимологической версии, объясняющей появление наименования «водяные монгалы», под которыми подразумевались Дулу/Дулга. Вероятность этого предположения выявляет наличие лингвистических явлений конвергентного плана,

обусловленных характером ареально-языкового союза. Не исключено, что и тунгусские генонимы Нерчинского уезда XVII-XIX вв. проявляют эти языковые моменты диахронной конвергенции, позволяющей соотнести все эти родовые названия в один этимологический ряд. Наличие *d-* в анлауте позволяет говорить о функционировании генонимов с основой Дул- в монгольский период истории Даурии, тогда как генонимное Тулуягирский – в тюркский или, что корректнее, на тюркской языковой почве.

Подтверждает этот вывод и высказывание Н.Я. Бичурина о том, что название одной из ветвей Дома Хунну – Дулга является монгольским названием, что обосновывает нашу гипотезу об опосредованном влиянии контактирующих языков ареального союза на образование лексической формы «тунгусских» родовых названий с основой *ду(л)-/ду(р)-*, где монгольский аффикс «вторичен» по отношению к тюркской основе онимов.

Таким образом, тюркоязычное происхождение генонимов Дулигатский / Дулигарский представляется достаточно обоснованной гипотезой. Исключается тунгусо-маньчжурское происхождение генонимов, и соответственно, сопоставления большей части тунгусского населения Нерчинска с эвенками или эвенками. Отдельного внимания и исследования заслуживают антропонимы тунгусов, особенно фамилии «лучших людей» родового объединения, такие как Епов (т.е. Эпов) или Домаев. Наши изыскания в области забайкальской антропонимики позволяют в краткой форме определить их как имена, этимология которых восходит к уралоязычным этносам – удмуртам (например, оним Эпов от удмуртского родового имени Эбга), самодоязычным племенам Тюмедь (см.: Потанин, 1883), которые «остались» в историографии под племенным названием Туматы или хоритумат(ы) конфедерации монголов. В этнографии народов Сибири предки современных селькупов были известны как *тюм-куп(ы)*, т.е. «земля-человек».

Почему древнее сознание «северного варвара», как называли их жители Поднебесной в Средневековье, определило свое племенное название как «земля-человек»? Попутно заметим, что в морфоструктуре такого древнего этноним как *чжурчжэнь*, так и в средневековом этнониме остяко-самодийцев (так ранее называли селькупов) *тюмэлькоп/чюлакум/чумылькуп* вычленяется общая корневая основа *чю/чу/тю-/ту-* ‘земля; глина; страна’.

Вероятным мотивировочным признаком этимона поздних этнонимов *тюмэлькоп/чюлакум* стал, возможно, факт этнографического прошлого остяко-самодийцев, населявших всю Сибирь, - «раньше остяки в земляных карамо жили». К тому же собственный материал по этимологии селькупов также предполагает наличие “земляных людей”. Как отмечает П. Хайду, среди селькупов, как северных групп, так и южных имеется несколько самоназваний: *söl--söt* ‘земляной человек’ или во втором значении ‘таежный человек’ у северных групп, тогда как значение южноселькупского *t’ijje-gum* или *t’ijgum* означает ‘земляной человек’. Васюганско-тымская форма *č’ūmilgur* также связана, по мнению П. Хайду, с апеллятивом ‘земля’ [Хайду 1985, 133-134].

Забайкальские археологи отмечают наличие многочисленных жилищ полуземляночного типа в культуре племенных объединений *шивей*, занимавших значительную территорию в районе Верхнего Амура и в бассейнах рек Онона, Ингоды, Шилки, Аргуни. Центром расселения *шивей* на территории Забайкалья считают бассейн р. Шилка, где археологами были найдены самые крупные могильники (до 100 погребений в каждом) и укрепленные поселения-городища. По форме эти городища и жилища-землянки напоминают аналогичные сооружения приамурских племен *мохэ*, с которыми *шивей* находились в тесных контактах [История.. 2001, 19].

Подобный полуземляночный тип жилища был, по-видимому, известен у народов Сибири давно, еще со времен хунну [История Сибири 1968, 244]. Н.Я. Бичурин писал о жителях «Илу (ныне Гиринь), живших в селениях, не имевших царя и управляемых старшинами, которые сами жили по лесам, а их подчиненные в вырытых землянках; и чем дом почетнее, тем глубже были землянки» [Бичурин 2002]. Земляночный тип жилья отмечен в качестве одного из наиболее распространенных типов жилищ в землянках по берегам рек у предков самодоязычных селькупов, о чем свидетельствуют находки

археологов в поймах рек Западной Сибири. Подобный тип жилищ у предков и у самих селькупов подробно описан в работе Г.И. Пелих [1972].

В лексико-семантическом отношении к древнему этнониму *чжурчжэнь* примыкает относительно недавний по времени своего функционирования этноним *хори-тумат*, известный из летописного текста по истории монголов «Сокровенное сказание монголов» 1240 г., упоминаемый в XIX в. известным путешественником и исследователем Монголии Г.Н. Потаниным как один из этнонимов ойрот-дюрбютов - Тюмедь [Потанин 1883, 667]. Упомянутый этноним, ставший позже в преданиях ойротов эпонимом Тюмедь, лексически сопоставим с племенным названием *хори-тумат* XII-XIII вв., где корневая основа Тюмедь и *тум-ат тюм-/тум-* имеют, на наш взгляд, общее языковое происхождение. Корневая основа этнонимных *тумат* и Тюмедь *тум-/тюм-* лексически аналогична корневому элементу самоназвания селькупов *тюмкуп* 'селькуп' *тюм-*, где финальное *-куп* означает 'мужчина; человек' в селькупском языке [СРДС].

Племена Дахань или Дамо, согласно Н.В. Кюннеру, являлись предками забайкальских дахуров / дагуров / дауров. В китайских источниках этнонимным дахань, вероятно, было передано изначальное *tha-tha* (ср. да-да-нь или татар), которым обозначались т.н. Лесные народы Средневековья. Нам остается лишь добавить, что в работах забайкальских археологов артефакты, например, бурхотуйской археологической культуры «связываются [ими] с племенами отуз-татар (по руническим надписям), или шивэй (по китайским хроникам)». К подобного рода погребениям, аналогичным бурхотуйской и по времени, и по культурным фактам, археологи И.И. Кириллов, Е.В. Ковычев, О.И. Кириллов относят и находки т.н. дарасунской культуры, датируемые VI-IX вв. н. э., т.е. периодом активных контактов и с уйгурами, и с соседним Китаем [Кириллов 2000, 72-74].

Изучение антропонимов, особенно исторических, как, например, Домаев (варианты Домашевский, Домуев, Дамаев, Дамасов, Тамоев, Томских и проч.) с опорой на исследования в области ономастики как синкретичной науки способно заполнить лакунарные явления, как в истории народов региона, так и в области исторического языкознания региональных языков.

Источники

- Государственный Архив Забайкальского края, ф.1, оп.1/5, д.17513;
Государственный Архив Забайкальского края, ф. 1о, оп. 1, д. 17621;
Селькупско-русский диалектный словарь / под ред. В.В. Быконя. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. – 348 с.
Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому словарю: в 2 т. / отв. ред. В.И. Цинциус. – Л.: Наука, 1975. – Т.1. – 672 с.; Т.2. – Л., 1977. – 992 с.
Древнетюркский словарь / под ред. В.М. Наделяева [и др.]. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.

Литература

- Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей XIII-XVII вв. Т.1. / Введ., ред. и коммент. М.П. Алексеева. – Иркутск: КрайГИЗ, 1932. – 368 с.
Баскаков Н.А. Алтайская семья языков и ее изучение. – М.: Наука, 1981. – 135 с.
Бичурин Н.Я. Статистическое описание Маньчжурии, Монголии, Восточного Тюркистана и Тибета // Статистическое описание Китайской империи: В 2-х ч. – М.: Вост. Дом, 2002. – 464 с.
Дмитриева Л.В. Из этимологии названий растений в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках // Исследования в области этимологии алтайских языков. – Л., 1979. С. 135-191.
Дульзон А.П. Диалекты татар – аборигенов Томи // Ученые записки. – Томск, 1956. – Том XV. С. 297-379.
Жамсаранова Р.Г. Региональная модель этнического общества (диахронный аспект) // Социальная теория и антропологические вызовы XXI века: Социальная антропология в научных и образовательных практиках современного общества: Сборник научных статей I

междисциплинарного научного симпозиума с международным участием. – Чита: ЧитГУ, 2010. С. 204-207.

История Сибири. Т.1. –Л., 1968. – 454 с.

История Восточного Забайкалья. Читинская область: учебное пособие / отв. ред. И.И. Кириллов. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2001. – 283 с.

Каховский В.Ф. Происхождение чувашского народа. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2003. – 463 с.

Кириллов И.И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье / И.И. Кириллов, Е.В. Ковычев, О.И. Кириллов. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. – 176 с.

Малолетко А.М. Палеотопонимика. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1992. – 264 с.

Новикова К.А. Названия домашних животных в тунгусо-маньчжурских языках // Исследования в области этимологии алтайских языков. – Л., 1979. С. 53-134.

Пелих Г.И. Происхождение селькупов. – Томск, 1972. – 422 с.

Потанин Г.Н. Очерки северо-западной Монголии.– СПб, 1883. – Вып. IV. – 1024 с.

Уварова Т.Б. Нерчинские эвенки в XVIII-XX вв.– 2-е изд. доп.– М.: ИНИОН РАН, 2006. – 172 с.

Хайду Петер. Уральские языки и народы / пер. с венгер. яз. Е.А. Хелимского. – М.: Прогресс, 1985. – 430 с.

Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные (историко-лингвистическое исследование). – Улан-Удэ, 1972. – 662 с.

Исакова А.А., г. Тюмень

ГОДОНИМЫ СЕЛА ЕМБАЕВО ТЮМЕНСКОГО РАЙОНА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

В период реформирования и оптимизации местного самоуправления Тюменской области 22 татарские деревни получили статус административных центров. Село Ембаево (тат. название Манжел) также входит в число этих объектов.

Село Ембаево основано в начале 17 веке бухарцами – выходцами из городов Средней Азии. Бухарские купцы привозили в Сибирь шерстяные, шелковые ткани, сушеные фрукты, кожаные изделия и скот.

В документах 19 века село Ембаево называлось Ембаевским или Ембаевскими юртами «юрт» – по-татарски означает – поселение, деревня.

По данным на 1912 г., основную часть населения Ембаево составляли бухарцы – 1295 чел, и только 49 татар здесь жило. Татарскую национальную школу открыли в Ембаево в 1928 г. и объединили с медресе. Язык жителей был исследован Д.Г. Тумашевой еще в 1960 году и был зафиксирован тюменский говор тоболо-иртышского диалекта сибирских татар. История села Ембаево нашла освещение в работах Ф. Валева, И. Гарифуллина, Р. Ишимовой, А. Менгара, А. Рахимовой. Большинство исследователей отмечают то, что большую роль сыграл уроженец села Ембаево, купец I гильдии, меценат Нигматулла хаджи Сейдуков (Кармышаков) в становлении населенного пункта. Комоним Ембаево мог возникнуть от антропонима Ембай – Енбай. По мнению историков неоф. комоним означает мэнзил: ар. суц. – 1) место остановки, привал. 2) жилище, квартира, помещение 3) степень, положение. При адаптации в языке сибирских татар лексема приняла фонетическую форму с заднерядной огласовкой, метатезой – [л], [н], ассимиляцией з и ц: малцын. Малцын: малчы – купец, скотовод. Возможно, исходную композиту изафет I «Йампай малцы» развели по языкам – рус. Ембаево, тат. Малцын. Лексико-грамматические отношения в изафетной конструкции – зависимый компонент обозначает профессию лица, выраженного господствующим именем: либо конкретизируется посредством своей профессии – малцы Йампай [Алишина 1999, 289].

По мнению многих исследователей, взаимодействие татарского языка с русским привело к массовому заимствованию тюркских топонимов русским языком. Тюркские гласные, йотированные сочетаниями «у + татарский гласный» при переходе географических имен в русский язык, заменяются русскими гласными.

[a]>[e]: Йампай – Ембаево

Оним Йамбай образован сложением основ йам «почтовая служба» и бай в значении владыка, присоединился к онимам у сибирских татар [Алишина 1999, 149].

Как известно, годоним – вид урбанонима, название линейного объекта в городе, в т.ч. проспекта, улицы, линии, переулка. Годонимия – это совокупность годонимов [Подольская, 52]. Годонимы Ембаево отражают историю не только села с момента основания и до настоящего времени, но и страны в целом.

По данным всероссийского справочника «Банк городов» на территории села Ембаево представлено 103 единицы годонимов.

Анализируя годонимы села Ембаево, мы пришли к выводу, что наибольшее количество улиц названы по номерному признаку (ул.1-я, 2-я, 3-я и т.д.). Данная тенденция объясняется модой того времени (30-40-е годы), когда во многих городах и селах появились целые номерные микрорайоны. Часть годонимов названы по принципу, характеризующим местоположение объекта. Улицы, названные по принципу связи с другими географическими объектами (ул. Исетская). Годонимы, названные по принципу местоположения улицы, рядом с природными объектами (ул. Болотная, Полевая, Луговая, Береговая, Лесная, Приозерная). Названия, данные по занятиям жителей – ул. Геологическая, Депутатская, Энтузиастов, Механизаторов, Медиков, Железнодорожников, Рабочая). Единичные номинации, мотивированные названиями общественных заведений (ул. Школьная). По принципу функциональной нагрузки улицы можно выделить следующие годонимы – ул. Дачная, Главснабовская, Дорожная, Фабричная, Школьная. Наблюдаются флористические названия – ул. Вишневая, Малиновая, Яблочная, Грушевая, Клубничная, Земляничная, Фруктовая, Цветочная, Плодовая, Ягодная, Рябиновая, Черемуховая). Название, мотивированное временем существования самой улицы (ул. Новая). Некоторые годонимы мотивированы названием цвета (ул. Зеленая, Розовая, Малиновая, Красная). Часть годонимов, мотивированно названием частей света (ул. Западная, Восточная, Северная, Южная). Примечательно то, что в именовании улиц наблюдается национально-культурный компонент. Названия-посвящения, образованные от имен известных татарских деятелей (ул. М. Джалиля, Туташа, Биктимирова, Ахтямова, Салихова). Ембаево – единственное село района, где улицы названы именами лучших учителей местной школы: Г. Ахтямова, С. Биктимирова, А.Салихова. По предложению С. Биктимирова, в селе улицы названы и в честь татарских великих поэтов: Габдуллы Тукая, Мусы Джалиля, Хади Такташа.

Годонимы села Ембаево в значительной мере помогают представить историко-культурную биографию села и отражают все те топонимические тенденции, которые характерны для страны в целом.

Литература

Алишина Х.Ч. Историко-лингвистическое исследование ономастикона сибирских татар: на материале Тюменской области: дис... д-ра филол. наук. Казань, 1999. 626 с.

Алишина Х.Ч. Ономастикон сибирских татар – Тюмень – Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1999. – 240 с.
Иваненко А.С., Булатов К.В. Окрестности Тюмени. – 2-е изд., перераб. – Тюмень: Издательская фирма «Слово», 1988. – 240 с.

Исмагилова Г.Х. Языковые особенности наглядно-информационной атрибутики города в рамках реализации закона о языках республики Татарстан. Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2011. – 173 с.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М., 1988.

Суперанская А.В. Структура имени собственного. – М.: Наука, 1969. – 208 с.

Суперанская А.В. Что такое топонимика? – М.: Наука, 1984. – 182с.

ЕЩЕ РАЗ О ГИДРОНИМЕ «АШКАДАР»

На сегодняшний день много написано о названии реки Ашкадар, прославленной в одноименной башкирской народной песне. В первый раз гидроним, кажется, упоминается в сочинении арабского географа XII в. Абу 'Абдаллаха Мухаммада ал-Идриси. Он писал, что в стране внешних басджиртов «от города Гурхан до города Карукийа по реке Анхадара восемь дней, а по суше – шестнадцать переходов на запад» [Коновалова 2006, 123]. В комментариях современный исследователь И.Г. Коновалова пишет, что река Анхадара относилась, скорее всего, к бассейну Нижней (?) Волги. Она допускает возможность отождествления этой реки с р. Ашкадар. Хотя, по ее мнению, «пока единственным аргументом в пользу такого отождествления является схожесть названий» [Коновалова 2006, 253]. При этом она допускает ошибку, называя р. Ашкадар правым притоком Белой. Как известно, р. Ашкадар является ее левым притоком.

В преданиях юрматынских башкир, живущих по берегам Ашкадара, название реки объясняется с точки зрения башкирского языка. Сохранились сведения, что будто бы оно произошло от слов «ашка зар булдык» («наелись», с. Аюсы Стерлитамакского района РБ), или «аҫ казаныңды (йылға буйында)» («подвесь казан», с. Старый Четырман Федоровского района РБ) и т. д. [Камалов, Камалова 2007, 206; Исянгулов 2001, 116; НА УНЦ РАН. Ф. 57. Оп. 1. Д. 29. Л. 241–242]. Очевидно, все эти объяснения относятся к так называемым народным этимологиям. Между тем еще известный тюрколог Д.Г. Киекбаев писал о том, что Ашказар (Ашка даръя) соответствует персидским словам асык, саф (ак) йылға (белая, чистая река) [Киекбаев 1966, 115]. Это мнение получило известность и вошло в «Словарь топонимов Республики Башкортостан» [2002, 35]. Лингвист А.А. Камалов, ссылаясь на Д.Г. Киекбаева, считает, что гидроним произошел от персидских слов «Кашка» и «даръя», что означает «чистая (белая) река» [Камалов, Камалова 2007, 208]. Археолог Р.Б. Ахмеров обращает внимание на то, что на языке таджиков термин «ашк» означает слезы, плач, на курдском «эшк» имеет такое же значение. Таким образом, по его мнению, Ашкадар – это «река слез» [Ахмеров 1994, 93–94].

Однако, следует отметить, что в письменных источниках встречается антропоним «Ашхадар». Например, во II в. н.э. в Армении правил царь по имени Ашхадар. Позднее, как писал армянский «Геродот» Мовсес Хоренаци, царь Армении Трдат (Тиридат) III (правил в 287–330 гг. н. э.) женился на дочери царя аланов Ашхадара Ашхен [История 1893, 128]. На имя царя обратил внимание современный испанский исследователь А. Алемань. По его мнению, армянская форма заимствовано из сарматского (аланского) *xšart-dār*, и сравнивает с парфянским *šahr-dār*, средне-персидским *šahr-yār* – «владелец, государь» [Алемань 2003, 389]. Этимологию антропонима Алемань возводит, таким образом, к древнему титулу.

В башкирском эпосе «Урал-батыр» говорится о том, что названия крупных рек Башкортостана произошли от имен сыновей первопредков Урала и Шульгена. В связи с этим, возникает вопрос, не восходит ли «Ашказар» также к антропониму? Как видно, имена армянского и аланского царей очень близки к названию реки.

Следует отметить, что в 1940–1950-е гг. в археологической литературе много писали о пребывании алан в Башкортостане в период раннего средневековья. В первую очередь, данную точку зрения отстаивал вышеупомянутый Р.Б. Ахмеров. Возможно, допустимо отождествление так называемой турбаслинской археологической культуры (V–VIII вв. н. э.) с поздними сарматами – аланами. В последние годы получают известность версии о переселении населения данной культуры с Кавказа или с Приаралья (как известно, аланы жили и в Приаралье) [Сунгатов 1998; Хамидуллин 2013, 160–163]. Участие древних ираноязычных племен в этногенезе башкирского народа сегодня практически ни у кого не вызывает сомнений.

Таким образом, возможно гидроним «Ашкадар» восходит к ираноязычному антропониму – имени собственному Ашхадар, так как древние имена нередко являются титулами.

Литература

- Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. – М.: “Менеджер”, 2003. – 608 с.
- Ахмеров Р.Б. Наскальные знаки и этнонимы башкир. – Уфа: Китап, 1994. – 112 с.
- История Армении Моисея Хоренского / Новый перевод Н.О. Эмина. – М., 1893.
- Исянгулов Ш.Н. Старый Четырман: Историко-краеведческое издание. – Уфа, 2001. – 191 с.
- Камалов А.А., Камалова Ф.У. Башкорт теленең тарихи-этимологик топонимик һүзлеге. – Өфө: Китап, 2007. – 344 б.
- Киекбаев Ж.Ф. Хәзерге башкорт теленең лексикаһы һәм фразеологияһы. Укыу кулланмаһы. – Өфө, 1966.
- Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: текст, перевод, комментарий. – М., 2006.
- Научный архив Уфимского научного центра Российской академии наук (НА УНЦ РАН). Ф. 57. Оп. 1. Д. 29. – Л. 241–242.
- Словарь топонимов Республики Башкортостан / состав. Камалов А.А., Шакуров Р.З., Ураксин З.Г., Хисматов М.Ф. – Уфа, Китап, 2002. – 256 с.
- Сунгатов Ф.А. Турбаслинская культура (по материалам погребальных памятников V–VIII вв. н. э.). – Уфа, 1998. – 168 с.
- Хамидуллин С.И. Бурджаны в истории Евразии.–Уфа: Гилем, Башкирская энцикл., 2013.–224 с.

Исәнголова Г.А., Өфө к.

БАШКОРТ ТЕЛЕНДӘ АПТЫРАУЗЫ, ҒӘЖӘПЛӘНЕҮЗЕ БЕЛДЕРГӘН ЫМЛЫКТАР

Хәзерге башкорт телендә ымлыктар катмарлы һәм бәхәсле һүз төркөмдәренен береһе булып тора. Улар башкорт телендә генә түгел, ә башка төрки телдәрҙә лә оригиналь һүзәр төркөмөн тәшкит итәләр. Башкорт тел ғилемендә ымлыктарҙы өйрәнеүгә Н.Х. Ишбулатов [Ишбулатов 1962, 108-111], З.К.Ишмухаметов [Ишмухаметов 1965], М.В. Зәйнуллин [Зәйнуллин 2002, 365-369], М.Х. Өхтәмов [Өхтәмов 1979, 62], З.Г. Ураксин [Ураксин 1979, 88-93], Д.С. Тикеев [Тикеев 1981, 31-33] һ.б. зур өлөш индерзеләр.

Ымлык тип кешеләрҙең хис-тойғоларын, эске кисерештәрен һәм теләк-ихтыярын, теге йәки был вакиғаға, эш-хәлгә мөнәсәбәтен белдерә торған һүзәр атала. Улар телмәргә эмоционаллек, экспрессивлык бизәге бирәләр, уның тәьсир итеү көсөн арттыралар. Ымлыктар кешенең тойғо-кисерештәрен, ихтыярын иң кыска, иң йыйнак формала белдерәү һәләтлегенә эйәләр.

Башка һүз төркөмдәренән айырмалы рәүештә, ымлыктар номинатив функцияға эйә түгелдәр, шул ук вақытта улар ошо телдә һөйләшеүсә кеше өсөн башка һүзәр кеүек үк аңлайышлы булалар.

Хәзерге башкорт телендә иң зур төркөмсәне аптыраузы, ғәжәпләнеүзе белдергән ымлыктар тәшкит итәләр. Мәсәлән: *а-а, аба, абау, ай, ай-ай, ай-бай, ай-буй, ай-һай, ай-йй-йй, ай-һай-һай, атак, аһ-аһ, аһа, бәй, бынагайыш, бәрәкәт, бәс, әттәгенәһе, бәрәмәс, оһа, оһо, уй-бай, уһу, һай, һе, һу, һы, эй, әй* һ.б. Миҫалдар:

Аба, аб-ба, аб-ба-а. Миҫалдар: *Аб-ба!* Кем һине эштән бушатылды ти? (Ә. Хәким). *Аба-ба-а!.. Ожмахтағы Кәүсәр ишимәләренең һыуы тиер инем, әгәр ул*

һыузы татып караганым булһа... (М. Кәрим). Аб-ба-ба, мәшәкәтле эш икән ул! (Ф. Иҫәнғолов).

Абау. Миҫалдар: Абау, әллә үзегезгә кайтманы ламы? (Н. Мусин). Абау! Был тиклем матурлык менән кәзимге әзәм араһында нисек йәшәмәк кәрәк?! (Т. Ғарипова). – Абау, калай өшөгәнһең! – тип бышылданы ул (М. Кәрим). Абау, уҫалһың да, зурайғас, нисек булырһың икән һин! (З. Бишшева).

Ай. Миҫалдар: Ай, камсыларға нисек түззегез? (Б. Бикбай). Дауыл сыкһа, Талкаҫ, а-ай, уҫал ул, кәмәне күтәрә лә һуға, ти, ул (З. Бишшева).

Ай-ай. Миҫал: Ай-ай, бөгөнгө һыуык өтә генә (Һ. Дәүләтшина).

Ай-бай, ай-бай-бай. Миҫалдар: Ай-бай, мәсәләне бигерәк каты куйһың (Н. Мусин). Ай-бай, күпте беләһең... (Б. Бикбай).

Ай-буй. Миҫалдар: Ай-буй, тап мәрийә шул! (З. Бишшева). Ай-буй, ай-буй! Быуындарым ерзе тоймай! (З. Бишшева).

Ай-һай. Миҫалдар: Ай-һай, бигерәк зур ауыл икән ул (Ф. Иҫәнғолов). Ай-һай, үзе лә сая икән (М. Кәрим). Ай-һай, алдашырға бик оҫта икәнһең! (Ф. Иҫәнғолов). Ай-һай, һиндәй мәкер үззәрәндә (Д. Бүләков).

Ай-һай-һай. Миҫал: Икенсеһе: “Был нимә! Борон, ай-һай-һай, һиндәй зә яман койондар булған, тизәр! (Ә. Хәким).

Ай әттәгенәһе: Миҫалдар: Ай әттәгенәһе, харап түземһез кеше икәнһең дә баһа, малай (З. Бишшева). Әй әттәһе, туғанкайым Диләкәй, һин дә баһа! (Һ. Дәүләтшина).

Ай-йй-йй, ай-йй-йй. Миҫалдар: Ай-йй-йй... уйлаганын эшләргә ярата торған үз һүзле кыз... (И. Абдуллин). “Ай-йй-йй-йй... Днепрзың күптән былай йәйелгәнә юк ине, хәйерлеге булһын...” – тип карттар йылғаға һокланып та, хәүефләнеп тә карап алдылар (И. Абдуллин). Ай-йй-йй, кара әле, кайһылай умырып каба! (Ф. Иҫәнғолов).

Алла-бисмилла. Миҫал: Эй алла-бисмилла, бынауы кейәүзе әйтәм, көндө лә, төндө лә, ял иткәнде лә белмәй зә баһа!.. (З. Бишшева).

Атак. Миҫалдар: Атак, бынауында, миңең йәнәштә, бер буш урын бар за баһа! (Ф. Иҫәнғолов). Атак! Иҫке ауыздан яңы һүз (Т. Ғарипова). Атак, калалағы хезмәткәр булһа ни? (Һ. Дәүләтшина). Атак, калай мәрийә кызы кеүек булғанһың да куйғанһың, балам! (З. Бишшева). Атак! Һин бала ғына икәнһең дә баһа (М. Кәрим).

Атакай, атакайым. Миҫал: Атакай! Еленгенәндең шешеге... (Т. Ғарипова).

Аһ. Миҫалдар: Аһ, әсәһе тора бит... (Д. Бүләков). Аһ! Хәзер платформа ла гәмәлдән сыккан икән! (Ф. Иҫәнғолов). Аһ!.. Хашиим?! Һин бында нишләйһең?! (Т. Ғарипова). – Аһ! – Фәүзиә ишектән инеп килгән ирле-катынлы кешеләргә әйләнеп караны. – Эт өрмәне лә... (Т. Ғарипова).

Аһ-аһ. Миҫалдар: – Аһ-аһ, һүз менән һыйлайым түгелме һуң үзегеззе, – тип өтәләнеп, түрьякка инеп китте (Д. Бүләков). Аһ-аһ, юксы... Ул йомоктоң ауызынан һүз сығамы ни, әйтә һиңә (Н. Мусин). Аһ-аһ, шамбы икән шул... (Т. Ғарипова). Ни өсөн иң якшы кешеләрге һәләк итмәкселәр?! Аһ-аһ... (З. Бишшева).

Аһа. Миҫалдар: Аһа, кара әле безең Иштуғанды, калай һыланып-һыйпанып ебәргән! (З. Бишшева). Нәсимгә әйткәс, ул да: “Аһа, икеләнеп тора тиме кеше? Китсе, кемгә тейә ундай бәхет!” – тип өгәтләргә тотондо (Ә. Хәким). – Аһа. Ярай улай булһа, әйзә, кенәгәләрзе ал, тегендә барайык, – тине (Һ. Дәүләтшина).

Батюшки. Миҫал: – Ой, батюшки! – тип кыскырып ебәрзе. – Бигерәк тәмле икән дә баһа! (М. Кәрим).

Бынагайыш. Миҫал: Бынагайыш! Исеме бөтә республикаға билдәле языусы ябай бер хезмәткәрзе урамда кәтәп торһонсо әле (Ә. Хәким).

Бәй. Миҫалдар: Бәй, күрмәй зә торамсы. Һин түгелме һуң, Уйылдан? (Н. Мусин). Бәй, миңе һин, һыу эсеп кенә йәшәй, тип уйлайһыңмы ни? (Д. Бүләков). Бәй, Гөлбаныу үзе лә һуң был? (Т. Ғарипова). Бәй, был Якуп та баһа! (М. Кәрим).

Бәс. Миҗалдар: Бәс, шулай итеп... Ташиландык, беззе аста калдырып, түбәнһетә, кәмһетә түгелме? (М. Кәрим). Бәс, шулай булгас, такмактың төртмәһе үзенә лә төртлә (Ф. Иҗәнғолов). Бәс, “йәшигем килмәй...”, һәр бер бәндә “йәшәйем” тип тырышып-тырмашып ята (Р. Камал).

Иһи-и. Миҗалдар: Иһи-и, харап бит эштәр! (Ә. Хәким). – И-һи, нескә билкәй, - ти ғәзәл күбәләк, - улар күңел биреп эшләй, шуға күрә арыһалар за һукранмайзар (М. Кәрим). И-һи! Күпме гүмерзәр үтеп китте! (М. Кәрим).

Ну, ныу. Миҗалдар: Ну, малай!.. Ә нимә, һиңә мине тукмарға куштылармы? (Д. Бүләков). Шәймарзан ошоларзы күзәтеп торзо ла һызгырып ебәрзе: - Ну, эш-тә-әр! (Д. Бүләков). Ныу шыттыра, малай, ныу шыттыра! (Д. Бүләков).

О-һо. Мәҗәләһ: О-һо, дүрт сәғәт ул эсәлә нисек түзәһең? (Д. Бүләков). Һаумы, балыксы?! Оһо-о, апарук һелтәгәнһең! (Ф. Иҗәнғолов). Оһо! Алыҗ икән шул (Ф. Иҗәнғолов).

Тәүбә. Миҗал: Тәүбә-тәүбә! Шайтан һөйләтә һине былай (Ф. Иҗәнғолов).

Тәүбә-ыстағафирулла. Миҗал: Тәүбә-ыстағафи-рулла! Былай булла, ул мәңге туймаҗ! (Т. Ғарипова).

Уй-бай. Миҗалдар: Уй-бай. Нимәшәһең һин, Ихсанбай? (Т. Ғарипова). Уй-бай... Аппетиты шәп шул минең Жозефинамдың (Т. Ғарипова).

У-һу-у. Миҗалдар: У-һу-у... Шулай ук тиме?! (Т. Ғарипова). У-һу-у! Фәүзиә шәл тышынан бүрекме кейгән, таҗтармы ураган (Т. Ғарипова).

Үәт әй. Миҗалдар: Үәт әй, баҗалкылык! (Ә. Хәким). Ышанырһыңмы, юкмы, үәт әй! Искәндәр Моразымовтың улы – корреспондент!.. (Ә. Хәким).

Фу әттә. Миҗал: Фу әттә. Ысынмы ла ысынмы! (Һ. Дәүләтшина).

Йә хозай, уй хозайым. Миҗалдар: Йә, хозай! Искәндәрзең үземе тип торамсы! (Ә. Хәким). Йә Хозай! Өнәмә, төшәмә?! (Т. Ғарипова). Уй хозайым, улары кемдәр икән тағы? (Һ. Дәүләтшина).

Һай. Миҗалдар: Һай-һай, серәкәйзәр мыҗгып торалар (М. Кәрим). Һикһән йәш – һикһән йыл көрәш... йәшәү өсөн көрәш... һай-й... (З. Бишева).

Һе. Миҗалдар: Һе, кызык. Керһен инде, улай булгас (Д. Бүләков). Һе, картлас, бында ла килтереп сәпәгәндәр бит, укыйык әле (Д. Бүләков). – Һе, бик кызык икән, – тип һуззы (Һ. Дәүләтшина).

Һи. Миҗал: Һи... “туйыс”ты өйрәндек тә инде? (Т. Ғарипова).

Һу, һу-у. Миҗалдар: – Һу-ууу, озамай таң ата бит инде, – тине ул, сәғәтенең капкасын кабат билкәп (Н. Мусин). Һу-у... быны бөткәнсе әле... (Т. Ғарипова).

Һы. Миҗалдар: Һы! Катын тигәне – Ғәлимә (Т. Ғарипова). – Һы... Бынагайыш! – тиештеләр тегеләр (Ә. Хәким). Һы-ы-ы... Күп кәрәкме? (Т. Ғарипова).

Һәй. Миҗал: Һәй, минең һиңә барып сыгырға йыйыныуымды кайзан белдең? (Д. Бүләков).

Ыста. Миҗалдар: Ыста-а-а... Һин өйзәһеңме ни?! (Т. Ғарипова). Ыста! У нимә эштәп Хашим мында буһын? (Т. Ғарипова). Ыста, был беззең Ғәлимә түгелме? (Т. Ғарипова). Ыста-ыста. Кем әйтте быларзы? Кемдән ишеттең?! (Т. Ғарипова).

Ыстағафирулла. Миҗалдар: Юксы, ыстағафирулла, үзебеззең Әтәс тыкрыгынан килтерзек һугандарзы! (Д. Бүләков). Ыстағафирулла, йәшәй-йәшәй килеп еттек бит. Кәпә-кәндөз кеше талар былар (Д. Бүләков).

Ыстағим. Миҗал: Ыстағим!.. Ошо тиклем һине көтөп бер үзе ултырамы икән ни? (Д. Бүләков).

Әбә. Миҗалдар: Әбәә, юк тиһең бит әле (Н. Мусин). Әб-бә, шулай укмы ни? (Н. Мусин). – Әб-бәә, быныһы бигерәк хәтәр булды бит әле, – тине карт (Н. Мусин).

Әй. Миҗалдар: Барһак, әй-й-й... кешенең күплеге!.. (З. Бишева). Кит, әй! Кара әле! Бына бер әкәмәт! (М. Кәрим).

Әстәғәфирулла. Миҗалдар: Әстәғәфирулла! Нисек... һыгып алмалы еүеш бит ойоктарың! (Т. Ғарипова). Әстәғәфирулла! Кайзан килгән ул үзеңә үзең кәләш әйттереү

йолаһы? (М. Кәрим). Әстәғәфирулла! Был беззең Кәшифулла ла баһа (М.Кәрим). Әстәғәфирулла! Каттыныңды киске сменаға ебәрергә гәрләнмәйһеңме? (Ф. Иҫәнғолов).

Әт-тә-тә. Миҫал: Әт-тәтт-тә!.. Кара һин уны, карт тәрәне (Д. Бүләков).

Әһә. Миҫал: Әһә, бына нисек икән! (Н. Мусин). – Әһә, Кызырас эреләнгән. Кызырас серъезныйланган, – тип көлөштөләр малайзар (З. Бишева).

Ләкин телдә тик кайһы бер һөйләш вәкилдәре тарафынан ғына кулланылған ымлыктар за бик күп. Миҫалдар карап үтәйек:

А-а (гәйнә, мейәс, һакмар) аптырау ымлығы. Мәсәлән: А-а! Кайзан гилеп сыкты был (һакмар).

Абы (тук-соран, һакмар) аптырау ымлығы. Мәсәлән: Абы, тағы йыуа башланы (һакмар).

Абһә (төнъяк-көнбайыш, урта урал) аптырау ымлығы. Мәсәлән: Абһә, кем анда (урта урал).

Ай-хай (каризел) гәжәпләнәү ымлығы. Мәсәлән: Ай-хай! Шуның менән бөтөр микән?

Айы (гәйнә) гәжәпләнәү ымлығы. Мәсәлән: Айы, ни былашаң?

Апбә! (каризел) аптырау ымлығы. Мәсәлән: Өстәлгә китереп бәрә, апбә!

Ба (гәйнә) – гәжәпләнәү ымлығы. Мәсәлән: Ба, Мөкәрәмә түтәй килә.

Бысык-бысык (урта) нык аптыраузы белдерә. Мәсәлән: Бысык-бысык, кайзан килеп сыктың әле?

Бә (тук-соран) аптырау ымлығы. Мәсәлән: Бә, кунаклар ней бер нәмә лә ашаманылар.

Бәләш (кызыл) аптыраузы белдерә. Мәсәлән: Бәләш, кайтып та киткәнме?

Бәрәй (әй) гәжәпләнәүзе белдергән һүз. Мәсәлән: Бәрәй, атаһы Ишморат бит.

Бәрәк (дим, каризел, урта, урта урал, һакмар) гәжәпләнәүзе белдергән һүз. Мәсәлән: Бәрәк, аяктың ауыртканын белмәйем үзем (урта урал).

Бәрәкәт (дим) гәжәпләнәүзе белдерә. Мәсәлән: Бәрәкәт, шул булдымы инде рәхмәтең?

Бәрәмес (дим) гәжәпләнәүзе белдергән һүз. Мәсәлән: Бәрәмес, ашың сыуыған да.

Бәрәс (дим, каризел, урта) гәжәпләнәүзе белдергән һүз. Мәсәлән: Бәрәс, шуны ла белмәгәс?

Бәсә (әй) гәжәпләнәүзе белдергән һүз. Мәсәлән: Бәсә, килеп сыкһаң, безгә лә кер.

Бәсәк (төнъяк-көнбайыш) аптыраузы белдерә. Мәсәлән: Бәсәк, һин кайзан килеп сыктың әле.

Ғалтак (гәйнә) аптырау ымлығы. Мәсәлән: Ғалтак, ни булды?

Инәкәй (дим, мейәс, әй) куркыузы, аптыраузы белдергән ымлык. Мәсәлән: Инәкәй, харап кына булдым.

Инәкәйем-атакайым (төнъяк-көнбайыш) куркыу, аптыраузы белдергән һүз. Мәсәлән: Инәкәйем-атакайым, шуның менән бөтһә ярап ине.

Йаа (гәйнә) гәжәпләнәү ымлығы. Мәсәлән: Йаа, нисек кенә бөтөр был эи?

Күсек-күсек (урта) аптыраузы белдергән һүз. Мәсәлән: Күсек-күсек, күрмәй зә калдым.

Менагый, менәгый (каризел, урта урал) гәжәпләнәү ымлығы. Мәсәлән: Менәгый, йалкытты бит, кыуып та сыгарып бумай (урта урал).

Менәтрә (төнъяк-көнбайыш) гәжәпләнәү ымлығы. Мәсәлән: Килмәй калған икән, менәтрә.

Мә (гәйнә) гәжәпләнәү ымлығы. Мәсәлән: Мә, кайалар икән?

Ой-бой! (тук-соран, урта) аптырау катыш кәнәгәтләнәүзе белдергән һүз. Мәсәлән: Ой-бой, бик күп акса бирзеләр (урта).

Бйй (арғаяш, салйоғот) аптырау һүзе. Мәсәлән: Бйй! Ништәйең?

Бныкый (гәйнә) аптыраузы белдергән ымлык. Мәсәлән: Бныкый, мине алдаған да.

Ыста (кызыл, һакмар) аптырау ымлығы. Мәсәлән: Ыста, ул да мындамы?!

Әсәк (кызыл, әй) аптырау, куркыу ымлығы. Мәсәлән: Әсәк, бушка тертелдәп барамсы (кызыл).

Миҫалдарзан күренеуенсә, саф эмоцияны белдереүсә ымлыктарза дөйөм генә сағылған эмоция төсмөрзәре һөйләмдәрзә конкрет төшөнсәгә әүерелгән, уларза хис-тойғоға, кисерешкә сәбәпсә булған объект, эш башкарыусы, процесс тулыһынса сағыла.

Башкорт телендә ымлыктар интонация һәм эмоциональ мәғәнә кимәлдәре яғынан күп төрлөләр. Кайһы бер ымлыктар бик сикләнгән, тар мәғәнә генә белдерһәләр, икенселәре – күп мәғәнәгә әйәләр, хатта, ситуацияға карап, капма-каршы мәғәнә бирә алалар, сөнки ымлыктарзың тәбиғәте бөтә тулылығы менән бәйләнешле телмәр эсендә асыла. Ләкин бәйләнешле телмәрзән һәм конкрет ситуациянан ни тиклем генә бойондорокло булмаһындар, кешенәң хис-тойғоһо мәғәнәһез булмаған кеүек, ымлыктар за айырым алғанда бөтөнләй мәғәнәһез өн кушылмалары түгел. Кеше үзенәң хис-тойғоларын белдереү өсөн ымлыктарзы нисек етте шулай кулланмай, ә үзенәң ошо вақыттағы кәйефен сағылдырырлык ымлыкты һайлай.

Шулай итеп, ымлыктар кешеләрзәң хис-тойғоларын, эске кисерештәрен һәм хыял-ихтыярын, теге йәки был вакиғаға, эш-хәлгә мөнәсәбәтен белдерә торған оригиналь һүззәр төркөмө.

Әзәбиәт

Башкорт теленәң академик һүзлеге / Ф.Г. Хисамитдинова редакцияһында. 1 том. - Өфө: Китап, 2011. – 432 бит; 2 том. – Өфө: Китап, 2011. – 568 бит; 3 том. – Өфө: Китап, 2012. – 864 бит; 4 том. – Өфө: Китап, 2012. – 944 бит.

Башкорт теленәң диалекттары һүзлеге. – Өфө: Китап, 2002. – 432 бит.

Башкорт һөйләштәре һүзлеге. 1 том. Көнсығыш диалект. - Өфө, 1967; 2 том. Көнъяк диалект. - Өфө, 1970; 3 том. Көнбайыш диалект. - Өфө, 1987.

Грамматика современного башкирского литературного языка / под ред. Юлдашева А.А.. – М.: Наука, 1981. – 495 с.

Зәйнуллин М.В. Хәзәрге башкорт әзәби теле. Морфология.– Өфө: БДУ, 2002.– 388 б.

Ишбулатов Н.Х. Хәзәрге башкорт теле. Һүз төркөмдәренәң бүленеше. – Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1962. 108-111-сә бб.

Ишегулова А.М. Эмоциональная лексика в произведениях Я.Хамматова // Урал-Алтай: через века в будущее. – Уфа, 2014. С. 42-44.

Ишмухаметов З.К. Звукоподражательные слова башкирского языка. Автореф. дис... канд. филол. наук. – Уфа, 1969. – 21 с.

Тикеев Д.С. Ымлыктарзы өйрәнәү // Башкортостан укытыусыһы, 1981, № 10. 31-33-сә бб.

Ураксин З.Г. О междометиях и их классификации // Исследование по грамматике современного башкирского языка. – Уфа, 1979. С. 88-93.

Әхтәмов М.Х. Башкорт теленәң грамматикаһы. 2-сә киҫәк. – Өфө: БДУ, 1979. – 80б.

Ишегулова А.М., Өфө к.

Н.Ф.СУФИЯНОВА – ТЕЛ ҺӘМ ФӘН ФИЗАКӘРЕ

Күренекле лексикограф, филология фәндәре кандидаты Нәсимә Фәтих кызы Суфияноваға ошо көндәрзә 65 йәш тулған булып ине. Телселәр, башкорт филологияһы мәсьәләләре менән кызыкһыныусылар Нәсимә Фәтих кызын Өфө ғилми үзәге Тарих, тел һәм әзәбиәт институтында озак йылдар хезмәт итеп, башкорт телен тикшерәүгә, үстәрәүгә, камиллаштырыуға зур өлөш индергән ғалимә, тәҗрибәле лексикограф тип белә. 1973 йылда Нәсимә Фәтих кызы Өфөгә килеп, Башкорт дәүләт университеты Башкорт теле һәм әзәбиәте факультетының ситтән тороп белем алыу бүлегенә укырға инә һәм Тарих, тел һәм әзәбиәт институтында лаборант булып эшләй башлай. Башкорт дәүләт университетын тамамлағандан һуң, 1986-1990 йылдарза аспирантурала укый. 1998 йылда

уның кандидатлык диссертацияһына нигезлэнгән «Башкорт телендә күп мәғәнәле һүзәр проблемаһы һәм уларҙы һүзлектә сағылдырыу» монографияһы донъя күрә. Был хезмәтендә ғалимә башкорт телендәге күп мәғәнәле һүзәрҙе тикшерә.

Нәсимә Фәтих кызына күренекле ғалимдарыбыз, лексикографтар – И. М. Агишев, Г. Д. Зәйнуллина, Э. Ф. Ишбирзин, З. К. Ишмөхәмәтов, Т. Х. Күсемова, Ф. Миржанова, З. Ғ. Уразбаева, З. Г. Ураксин, У. М. Яруллина менән бергә эшләргә насип була һәм ул кырк йылға яқын ғүмерен ошо институтка, башкорт лексикографияһына бағышлай. Ул зур академик һүзлектәр: «Башкортса-русса һүзлек» (1996), «Хәзәрге башкорт теленәң аңлатмалы һүзлегә» (2004), ике томлыҡ «Русса-башкортса һүзлек» (2005), «Башкорт теленәң академик һүзлегә»н (2011) төзөүҙә катнаша.

1999 йылда «Башкортостан Республикаһы халыктарының телдәре тураһында» БР Законы кабул ителеүе һәм башкорт теленәң дәүләт теле статусы алыуы телсе-ғалимдар алдына яуаплы бурыстар куйҙы. Дәүләт телен өйрәнәү һәм өйрәтәү өсөн һүзлектәр һәм ошо йүнәлештәге укыу-укытыу әсбаптары төзөү мәсьәләһе көн тәртибенә килеп баһа. Ул «Башкортостан Республикаһы халыктарының телдәре тураһындағы» Законды ғәмәлләштерәү комиссияһының Терминология хезмәте ағзаһы буларак Закондың төп положениеларын йыйынтыҡ [Ураксин һ.б. 2000; Хисамитдинова һ.б. 2006] итеп сығарыуҙа катнашты. Дәүләт теле буларак башкорт телен ғәмәлгә индерәү буйынса бихисап эштәр башкарҙы: радио, телевидениела сығыштар яһау, семинарҙарҙа катнашыу, лекциялар үткәрәү тиһеңме, Нәсимә Фәтих кызы барыһына өлгөрҙө.

Тормош алға киткән һайын һәр тармак зур үзгәреш кисерә. Был үзгәрештәр телдәлә сағылыш таба: яңы атамалар барлыкка килә, милли терминология үсә. Башкорт теленәң ижтимағи функцияһын үстәрәү максатында һуңғы вақытта терминологик һүзлектәр төзөүгә зур игтибар бүленә. Ғалимәнәң йәмғиәт тормошоноң төрлө өлкәләренә караған «Урыһса-башкортса педагогика һәм психология терминдары һүзлегә» (Өфө, 2002), «Башкорт теленәң аңлатмалы һүзлегә (башланғыс синифтар өсөн)» (Өфө, 2005, авторзаш Ураксин З.Ғ., Сиразитдинов З.Ә.), «Урыһса-башкортса сауҙа һәм дөйөм тукланыу терминдары» (Өфө, 2005), «Урыһса-башкортса, башкортса-урыһса урман эше терминдары һүзлегә» (Өфө, 2007, авторзаш Ураксин З.Ғ., Уразбаева З.Ғ.), «Мәзәниәт хезмәткәрҙәрә өсөн урыһса-башкортса, башкортса-урыһса һүзлек» (Өфө, 2009) кеүек хезмәттәрәнәң донъя күрәүе халкыбыз өсөн оло кыуаныс булды.

Һүзлек төзөү – вак эш, ул төзөүсәнән телдә яқшы белеү генә түгел, түземлек, бөтмөрлөк, үз теленә һөйөү талап итә. Һүзлек төзөүсә үз теленәң бөтә матурлығын, нескәлеген күрһәтергә тейеш. Нәсимә Фәтих кызы башкорт әзәби телен, уның диалекттарын яқшы белгән, һәр һүзгә, уның мәғәнәһенә, төсмөрөнә игтибарлы лексикограф булды. Ғалимә тарафынан беренсе тапкыр «Урыһса-башкортса педагогика һәм психология терминдары һүзлегә» төзөлә. Һүзлектә рус телендәге бөтә терминдарға тәржемәнән һуң аңлатмалар бирелгән. Мәсәлән, *адаптация – адаптация, яраклашыу (организм төзөлөшөнәң, функцияларының, уның ағза һәм күзәнәктәрәнәң билдәле бер шарттарға яраклашыуы)*. Рус телендәге терминдарға һүзмә-һүз тәржемә табылмаған осракта һүзбәйләнәш менән күрһәтелгән: *восприятие – кабул итеү, задатки – һәләт билдәләре* һ.б. Шулай ук башкортса синонимдар менән дә күрһәтелеп киткән: *индивид – индивид, шәхес, зат; навык – күнекмә, таһыл, оһол* һ.б. Педагогика һәм психология күренештәрә анатомия, физиология төшөнсәләренә нигезләнә. Нервы эшмәкәрлегә, фәлсәфә һәм социология фәндәрә менән дә бәйлә. Шуға күрә, был һүзлек педагогия институттарына ғына түгел, психология, философия, социология өлкәһендә эшләүселәргә файзалы хезмәт булды.

«Урыһса-башкортса сауҙа һәм дөйөм тукланыу терминдары» (Өфө, 2005) һүзлегендә дөйөм тукланыу даирәһендә йыш кулланылған һүзәр алынған. Автор һүзәрҙә тематик төркөмдәргә бүлә, мәсәлән, азык-түлек магазины төркөмөнә – ит, һөт азыктары, еләк-емеш, әсемлектәр һ.б. ризыктарҙы белдергән һүзәр ингән. Универмаг төркөмөндә

тукымалар, бизэнеү-төзэнеү өсөн кэрәк-яраклы вак төйәк, уйынсыктар һ.б. аңлаткан һүзәр урын алған. Иң мөһиме – теге йәки был һүзәң кулланылышы диалогтар ярзамында биреләүе телде өйрәнеүселәр өсөн бик уңайлы.

«Медицина терминдарының русса-башкортса аңлатмалы һүзлөгә» (Өфө, 2007) бигерәк тә игтибарға лайык. Башкорт телендә донъя күргән тәүге энциклопедик характерзағы медицина терминдары һүзлөгә билдәле ғалимдар М. Т. Азнабаев, В. З. Ғүмәров менән берлектә төзөлгән.

Бар нәмәнең дә башкортса атаманы бар, был медицина терминдарына ла кағыла. Тик ул һүзәр онотолған, кулланылыштан сығарылған, алмашка сит телдәрзән үзләштерелгән һүзәр ингән. Был медицина һүзлегендә баш һүзәргә хәзерге көндә телдә кулланылып йөрөгән башкортса эквиваленты тәкдим ителә. Мәсәлән: *анемия – аз канлылык, выпуклая линза – линза, оптик быяла (оптик ясмык), глазное дно – күз эсе төбө (күз төбө), матка – балайткы, паралич – фалиж*. Газета, журналдарза, ғәзәттә, «холера», «чума» тип язылған ауырыу атамалары ла башкортса исемдәрән тапкан был һүзлектә.

Терминдарзың йәйәләр эсендә латинса тәржемәһе, һуңынан башкортса тулы аңлатмаһы бирелә. Һүзәрзәң мәғәнәһе укыусыларға тулы, аңлайышлы итеп бирелгән. Ошо һүзлектән генә лә Нәсимә Фәтих кызының оҫта тәржемәсе булыуын күрергә мөмкин. Һүзлектән бер нисә миҫал килтереп китәйек: *глазница (орбита) [orbita] күз соқоро, күз ояһы (эсендә күз алмаһы, мускулдар, күреү нервыһы, һ.б., нервылар, күз майы, кан тамырзары урынлашқан урын); фурункул [furunculul] фурункул, сикан (сәс кабы һәм уның тирә-яғындағы туқымаларзың, стафилококтар инеүзән нык эренләп шешәүе)*. Һүзлек 30 000 самаһы терминды үз эсенә алған. Был зур хезмәт медицина хезмәткәрзәренә, медицина менән кызыкһыныусыларға, ошо профилдәге укыу йорттарына, ғөмүмән башкорт халкы өсөн ифрат файзалы кулланма булды.

Башкорт теленәң кулланыу даирәһен киңәйтеү максатында, телде көндәлек аралашыу кимәлендә белергә теләүселәр өсөн һөйләшмәлектәр төзәү эшен дә күз уңынан ыскындырманы. Уның «Русса-башкортса һөйләшмәлегә» [Хисамитдинова, Суфиянова 2008] донъя күрзе. Был һөйләшмәлектә сәләмләшәүзе, үтенәүзе, ғәфү үтенәүзе, рәхмәт әйтеү кеүек әхлак кағизәләрен үз эсенә алған этикет лексикаһы бирелгән.

Кала һәм район үзәктәрәндәге урам исемдәрәненәң язылышындағы хаталарға ла битараф кала алманы ғалимә. Республикағағы калаларзың расланған урам, бульвар, тыкрык атамаларын йыйып «Русско-башкирский словарь названий улиц городов Республики Башкортостан» [Хисамитдинова и др. 2008] һүзлөгә төзәлә. Һәр кала тарафынан расланған урам исемдәрәндә төрлөлөк күзгә ташлана, мәсәлән: һандар менән аталған урамдар төрлөсә язылған, йәки тәржемәләре төрлө: *переулок 1-й Гоголя (Белорет калаһында), 2-переулок Некрасова (Стәрлетамак калаһында); Маршал Жуков урамы (Өфө калаһында), К. Жуков урамы (Бәләбәй), Жуков урамы (Бөрө калаһында); улица Мирная – Татыу урам (Нефтекамск калаһында), Тыныс урам (Стәрлетамак калаһында), Тыныслык урамы (Сибай калаһында)*. Авторзар тарафынан һүзлектә ошондай атамаларзың язылыштары, тәржемәләре бер төрлө итеп тәкдим ителгән. Был һүзлек калаларза, район үзәктәрәндә урам исемдәрән дәрәс тәржемә итеп, хатаһыз язырға ярзам итә.

Өлегә көндә Рәсәй Фәндәр академияһы Өфө ғилми үзәге Тарих, тел һәм әзәбиәт институтының тел ғилемә бүлегә хезмәткәрзәре филология фәндәре докторы, профессор Фирзәүес Ғилмитдин кызы Хисамитдинова етәкселегендә күп томлы «Башкорт теленәң академик һүзлөгә»н төзәү эше алып барыла. Йөкмәткәһе яғынан да, эшләнешә йәһәтенән дә, һүз байлығы менән дә айырылып торған был хезмәттә башлап ебәрәүгә зур көс һалды Нәсимә Фәтих кызы. Һүзлектә төзәүсә телселәр төркөмә менән беренсә томды башлап ебәрзе. Һүзлектә материал туплау, һүзлектәң төзәү принциптарын эшләү, лексик статьяларзы төзәү, уларзы ултырыштарза тикшәрәү, һиндәйзәр бер фекергә килеп мөхәррирләүзе ул үзәнә генә хас тасыллык менән аткарып сыға торғайны. Һәр бер һүззән

нисә мәғәнәгә бүленгәнән, ниндәй төсмөүзәргә бүленгәнән карап сыға ине. Йәш белгестәрҙе лә һәр бер һүзгә карата һаксыл, иғтибарлы булырға өндәне. Был хезмәт дауам ителә, әлегә көндә уңышлы һөзөмтәләре күрәнә лә башланы инде: һүзлектәң тәүге биш томы төзөлөп, баһылып сықты. Иң кызғанһысы, һүзлектәң тәүге томын, эшенең һөзөмтәһен күрә алманы ғалимә. Эштең иң ауырын төпкә егелеп тарткан ғалимәбез арабыҙҙан китте.

Институтта баһылып сыккан ғилми йыйынтыктар, һүзлектәр, күбәһе Нәсимә Фәтих кызының катнашлығында баһылды, уларҙың байтағында мөхәррир буларак катнашты. Ул тел ғилемә бүлегә менән етәкселек итергә, институтта үткәрелгән ғилми-практик конференцияларҙа сығыштар яһарға, төрлө ойошмаларҙан килгән коллегаларының хезмәттәренә баһалама, күп һанлы мәкәләләр язырға ла өлгөүзә. Башкорт тел ғилемәһенә индергән хезмәттәре өсөн ул «Башкортостан Республикаһының атказанған мәҙәниәт хезмәткәре» исеменә лайыҡ була.

Ғалимәһең күнел түрәндә әсә телен төрлө яклап өйрәнәү, уның һүз байлығына һаксыл карау, нәфислегә менән һоклану һәм ғорурлану тойғоһо булды. Үзенең бөтә егәрләгән һалып, зиһенән эшкә кушып, бөтә көсөн, күнелен биреп эшләне. Йомшаҡ күнелле, баһалҡы, эшһөйәр ғалимә үзенең аҡыллы кәңәштәре һәм асыҡ йөзө менән һәр һак безнең хәтерәбезҙә.

Әҙәбиәт

Академический словарь башкирского языка: В 10 томах. / Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. – Уфа: Китап, 2011. Т. I. – 432 с.

Ураксин З.Г., Хисамитдинова Ф.Г., Юлдашбаев Ю.Х., Суфиянова Н.Ф. Башкортостан Республикаһы халыктары телдәре (документтар йыйынтығы). – Өфө: Ғилем, 2000. – 132 с.

Хисамитдинова Ф.Г., Суфиянова Н.Ф., Вахитова Р.К. Башкортостан Республикаһы халыктары телдәре (документтар йыйынтығы). – Өфө: РҒА ӨҒҮ ТТӘИ, 2006. – 164 с.

Хисамитдинова Ф.Г., Суфиянова Н.Ф. Русско-башкирский разговорник с этикетными выражениями. – Уфа: Эдвис, 2008.

Хисамитдинова Ф.Г., Сиразитдинов З.А., Суфиянова Н.Ф. Русско-башкирский словарь названий улиц городов Республики Башкортостан. – Уфа: ГУП РБ «Уфимский полиграфкомбинат», 200. – 312 с.

Каримова Г.Р., г. Уфа

СЕМАНТИКА НАЗВАНИЙ ЖИВОТНЫХ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

В башкирском языкознании зоологическая лексика освещалась в исследованиях Э.Ф. Ишбердина (1970), Дж. Киекбаева (1966), С.Ф. Миржановой (1979), Н.Х. Максютковой (1976), У.Ф. Надергулова (2000), Ш.В. Нафикова (1987), З.А. Хабибуллиной (2004), Ф.Г. Хисамитдиновой (2010), а также в этнографических исследованиях А.Ф. Илимбетовой (2012) и в ряде других исследованиях башкирских ученых. Лексика башкирского языка, связанная с домашними животными, представляет большой интерес с точки зрения этнолингвистики.

Слово *мал* восходит к древнетюркскому *мал* «имущество, достояние, богатство» [ДТС 1969, 335], в башкирском языке употребляется в значении «скот, скотина». В «Словаре башкирского языка» слово *мал* означает «скот»: «Тормош кәрәге өсөн йортта асралған хайуан. Скот, скотина. Вак мал. Эре мал. Током мал. Йорт малы. Һуғым малы. һб». [Словарь башкирского языка 1993, 782]. От слова *мал* образуются следующие названия домашних животных: *йылҡы малы* «лошадь», *һарыҡ малы* «овца», *һыйыр малы* и т.д. В собирательном значении употребляется слово *мал-тыуар* «скот». Как отмечает У.Ф.

Надергулов, “слово *мал-тыуар* в различных фонетических вариантах имеется в азербайджанском, турецком, туркменском, балкарском, караимском и кумыкском языках” [Надергулов 2000, 20]. Различение домашних животных на мелкий и крупнорогатый скот передается словосочетаниями *эре мал, вак мал*.

Слово *мал*, в пословицах и поговорках, имеет значение “богатство, имущество, состояние, добро”. Например: “*Баш һау булһа, мал табылыр*” “Было бы здоровье, а богатство найдется”. В башкирском языке эти понятия обозначают словосочетания *мал-мөлкәт, мал-милек: мал-мөлкәтле йәшәү* “жить самостоятельно, богато”, *мал табыу* «добывать деньги, богатство», *мал бүлешәү* «делить богатство» и др. В башкирском языке существуют фразеологизмы со словом *мал* “скот”: *ата малы* – атанан балаға калған мөлкәт “имущество, оставшееся от отца”, *мал артынан кыуыу* – бар көскә байлык йыйыу “копить богатство”, *мал булыу* – ауырығандан һуң аякка баһыу “поправиться, выздороветь” и т.д.

В “Мифологическом словаре башкирского языка” Ф.Г. Хисамитдиновой слово *мал* означает: “**Мал** – кот, имущество, богатство. В башкирской мифологии божий дар, доля. *Кыз малы* – доля девушки; *атай малы* – наследство. Происхождение слова, возможно, связано с алтайской эпохой. *Mal* ‘имущество’, ‘богатство’” [Хисамитдинова 2010, 211]. Ф.Г. Хисамитдинова отмечает более 16 словосочетаний со словом *мал* (**мал бабалары** (иргиз.), **мал имләү, мал инселәү, мал кото, мал сонғолого** (среднеурал.), **мал теле, мал тоттороу, мал хужасы** (среднеурал.) и т.д. Все слова имеют мифологическое значение, например: **мал кото** – породистый, хороший скот, предназначенный для разведения; избранный, отмеченный свыше скот; *досл.* жизненная сила скота. *Якшы токомло малды мал кото тигәндәр, уны һатырға, булэк итергә ярамаган.* – Породистую скотину называли *мал кото* (т.е. обеспечивающая благополучие скота), такую скотину нельзя было продавать, дарить [Хисамитдинова 2010, 211]. По народному представлению, «кот» (источник жизни, счастье, благо), может существовать отдельно или находиться на рогах, шерсти животного или же «кот» скота и хозяев могут сохранить кости, череп, рога скота. Чтобы «кот» не покинул хозяина, когда скот подвергается сглазу, окуривают животное, или, чтобы сохранить благополучие, при дворе оставляют клочок шерсти, волос животного после продажи кому-либо.

В башкирском языке имеются названия животных, связанные с различными обрядами и т.д. Например, *һуғым малы* – скот предназначенный на убой. Слово *һуғым* восходит древнетюркскому *сок* – бить, забивать скот. В народе предпринимаются большие предосторожности при забое скота. По поверью, нельзя показывать нож животному перед забоем, так как «животное все понимает, от этого мясо портится», нельзя одному человеку проливать много крови животных, т.е. нельзя часто резать скот *йыш салыусы булырға ярамай, күп кан койоузың коһоро төшә* «падет возмездие на пролившего много крови (животного)». В этих названиях обрядов прослеживаются древние тотемистические мировоззрения. Народ избегал мести животных.

Обрядовый характер несут названия традиционных праздников *һуғым* «осенний забой скота и приглашение гостей по этому поводу», *баш итенә сақырыу* (букв. «приглашение на мясо головы») “весенний праздник угощения гостей мясом головы”, обычно коня/лошади или другого крупного скота, зарезанного осенью. В основе проведения данных праздников, возможно, лежит, с одной стороны, боязнь мести животных за нарушение табу, основанного на тотемистических воззрениях: разделение мяса между множеством людей является обманом духа покровителя животного, которому трудно будет найти виновного. С другой стороны, напоминает древние обряды жертвоприношения во имя здоровья, благополучия живых людей и избежания бедствий. Одновременно обряд связывается и с культом предков: в обычае «баш итенә сақырыу» наблюдается поминание предков, в их честь читается молитва. Р.Н. Хадыева отмечает, что: «В народной культуре башкир также существует поверье, что делиться добычей,

благополучием со множеством народа увеличивает, умножает будущее благо, открывает путь к новой пище: «киләһе ризыкка юл аса». В данном случае домашний скот выступает в значении «богатства», «блага» [Хадыева 2010, 208].

Ф.А. Надергулов отмечает, что: “На свадьбах башкир большое место занимали обряды, связанные с домашними животными. После определения дня свадьбы родители молодоженам выделяли животных на убой для проведения свадебных торжеств, которые назывались *туйлык мал, туйлык, туй*. За невестой вместе с женихом приезжали его родители или близкие родственники. Привозили подарок – какой-либо скот, который назывался *һөйһөн*. При проходах в дом жениха родители невесты одаривали свою дочь домашним скотом, который назывался *игәт*” [Надергулов 2000, 22]. Во время встречи невесты она должна была спускаться с повозки, опираясь на скотину, подаренную родителями жениха. С этого момента данный скот считался собственностью молодых и назывался *таянсык* “опора”, от слова *таяныу* “опираться”. За невесту родители брали выкуп, в основном в виде скота, этот скот назывался *мәһәр малы*. Таким образом, наличие вышеназванных терминов показывает, что в прошлом создание самостоятельного хозяйства молодой семьи начиналось с домашних животных, подаренных родителями.

В башкирском языке есть также названия, связанные с культом животных. Например, за благополучный исход каких-либо жизненно-важных событий заранее давались обеты: либо обещали какой-либо скот отдавать живым малоимущему, либо, зарезав его, угощать родственников и соседей; иногда обещали, зарезав скот, выбросить его в лес или в степь – на съедение зверям. Для осуществления этих обетов заранее определяли конкретных животных. В башкирском языке их называют словосочетаниями *арнау мал, тәгәйен мал, нәзер малы, корбан малы, инсе мал*. Во избежание несчастий проводится обряд, который называется «мал инселәү» - завещание скота кому-либо, т.е. назначение хозяина отдельному животному, которое имело магическую силу защиты скота.

Таким образом, у башкир домашние животные имели сакральное значение, к ним выработалось особое отношение. *Мал* «скот» воспринимался как символ богатства и благополучия. Зоологическая лексика башкирского языка свидетельствует о месте животноводства в хозяйстве башкир. В терминах проявляется отношение народа к домашним животным, отражаются особенности его хозяйствования, верования и обычаи. Язык сохраняет в словах и словосочетаниях связанные с названиями животных сведения о верованиях, представлениях, нравах народа.

Литература

Батыршина Г.Р. Терминология родинного обряда башкир (этнолингвистический анализ). Дисс... канд. фил. наук. – Уфа, 2008. – 203 с.

Батыршина Г.Р. Терминология родинного обряда башкир (этнолингвистический анализ). Автореф... дис. канд. фил. наук. – Москва, 2008. – 24 с.

ДТС = Древнетюркский словарь / В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. – Ленинград: Наука, 1969. – 677 с.

Илимбетова А.Ф. Культ животных у башкир. Дисс... канд.ист. наук. – Уфа, 2006.

Ишбердин Э.Ф. Названия домашних животных и птиц в башкирских говорах. Автореф ... канд.фил. наук. – Уфа, 1970. – 24 с.

Киекбаев Дж.Г. Лексика и фразеология башкирского языка. – Уфа, 1966. – 108 с.

Каримова Р.Н. Башкирско-русский, русско-башкирский словарь терминов народной медицины. – Уфа, 2005. – 120 с.

Надергулов У.Ф. Животноводческая лексика башкир. – Уфа, Гилем, 2000. – 186 с.

Нафиков Ш.В. Принципы номинации, структура и происхождение названий рыб в башкирском языке. Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Уфа, 1987. – 22 с.

Максютова Н.Х. Башкирские говоры, находящиеся в иноязычном окружении. – Уфа: Китап, 1996. – 84 с.

Максютова Н.Х. Восточный диалект башкирского языка в сравнительно-историческом освещении. – М.: Наука, 1976. – 288 с.

Миржанова С.Ф. Южный диалект башкирского языка. – М.: Наука, 1979. – 272 с.

Словарь башкирского языка. II том / под редакцией А.Г. Бишева. – М.: Русский язык, 1993. – 860 с.

Уликанова Р.А. Личное имя как носитель этнокультурной информации // Межкультурная коммуникация: к проблеме формирования толерантной языковой личности в системе вузовского и школьного лингвистического образования: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Уфа: БГУ, 2001. С. 100-102.

Ураксин З.Г., Уликанова Р.А. Мир животных в личных именах башкир / Межкультурный диалог на евразийском пространстве: язык и литература в межкультурной коммуникации народов. – Уфа, 2002. С. 184-185.

Хабибуллина З.А. Лексика современного башкирского языка в сравнении с языком древнетюркских письменных памятников: на материале названий, относящихся к животному миру. Автореф. ... канд. фил. наук. – Уфа, 2004.

Хисамитдинова Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка. – М., Наука, 2010. – 455 с.

Хадыева Р.Н. Этносемантика животных в башкирском языке // История и культура народов Евразии: прошлое, настоящее, будущее. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 120-летию со дня рождения видного ученого-тюрколога и общественного деятеля Ахмет-Заки Валиди Тогана. Часть 2. – Уфа, Гилем, 2010. С. 208-2011.

Кобенко Ю.В., г. Томск

РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ В ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ: КРИТИКА СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ И ИССЛЕДОВАНИЙ

Общественная и научная дискуссия о жизни и судьбе немцев на постсоветском пространстве в настоящее время производит впечатление если не исчерпанной, то, во всяком случае, предельно неактуальной. Это объясняется, с одной стороны, экономико-политическими тенденциями последних двух десятилетий, недвусмысленно поставивших во главу угла в этнолингвистике такие макропроблемы, как американизация, политизация коммуникативных сред, креолизация, пиджинизация, образование и эволюция дискурсов и мн. др. Данные преобразования ещё раз доказывают превосходство социальной компоненты в эволюции языков и их изучении и предполагают практику преимущественно социолингвистического подхода к описанию симптоматических явлений. Этнолингвистическая плоскость становится, тем самым, не только частным случаем исследования, претендующим не более чем на решение отдельной, главным образом сопутствующей задачи, но и представляется целиком зависимой от социолингвистического контекста рассуждений. Безусловно, наука не должна ограничивать себя задачами авангардистского толка, ведь немалую роль в понимании социального в языке сыграли именно дисциплины интралингвистического уклона, среди которых заслуживают упоминания этногерменевтика, диалектология, лексикология и пр. Однако наука и не вправе возводить в традицию и без того каноническое отставание от динамики социо- и этногенеза, известное по состоянию социолингвистических, лексикографических, ортологических и др. исследований. Усугубляет ситуацию появление в лингвистике молодых направлений, обнаруживающих обильное и неподтверждённое реальным научным запросом количество кандидатских и докторских диссертаций с модными терминами «концепт», «дискурс» с довольно размытыми выводами и совершенно нулевой аппликативностью для дальнейшей исследовательской практики.

Ещё более соблазнительными стали так называемые исследования в области ареальной лингвистики на материале языковых форм российских немцев. Электронный каталог веб-сайта dissercat.com изобилует названиями с синтаксической схемой «Концепт

«...» в ... дискурсе российских немцев (населённого пункта)». Авторы данных работ используют в качестве материальной базы, якобы, собранные ими во время экспедиций образцы прецедентных текстов информантов и выдают семантический анализ данных речевых продуктов за научную новизну. Подобное можно встретить и в практике изучения исчезающих языков (специальность ВАК РФ 10.02.02 – языки народов Российской Федерации), где ставка делается на неосведомлённость экспертных комиссий и членов диссертационных советов и незнание ими реальной фактологии.

К сожалению, написание статей, посвящённых критике таких диссертаций, не сможет полностью искоренить указанную проблему в обозримом будущем. Необходима объёмная, широкомасштабная дискуссия межрегионального, а возможно, и межгосударственного характера, стороны которой будут оперировать естественным средством научного поиска – обоснованным сомнением. На данный момент задачей предлагаемой статьи является обоснование такого сомнения в пункте достоверности и выверенности полученных результатов – параметре диссертационного исследования, ставшим для ряда современных учёных обычной формальностью.

Чтобы продемонстрировать, как минимум, небезосновательность доводов, будут приведены результаты *деперсонифицированных* исследований, выполненных на материале языковых форм российских немцев Томской области. В 2013 году к защите в одном из вузов города Томска были представлены сразу две диссертации с указанной синтаксической схемой. Диссертанты заявляли исследование «ключевых концептов» в концептосфере российских немцев, представленных концептами «Familie» и «Heimat»; декларировали в качестве материальной базы аудиокорпус, собранных в экспедициях текстов объёмом более 20 часов исключительно немецкой диалектной речи и претендовали на специальность 10.02.04 – германские языки (в номенклатуре ВАК РФ).

На первый взгляд, валидность таких базовых параметров диссертационной работы, как объект, предмет, корпус материалов, не вызывает сомнения. Однако приведённые формулировки, как показывает фактический материал, рассчитаны на непосвящённых.

Во-первых, по материалам Всероссийской переписи населения 2010 г. российские немцы, проживающие в Томской области, составляют менее 1% (т.е. 0,9%) населения (8 687 человек) [Роскомстат 2010]. Согласно данным статьи В.М. Кресса «Томская область и Германия» (2006), размещённой на сайте Администрации Томской области, «в подавляющем большинстве это люди без знания языка их исторической родины, просто рождённые с немецкой фамилией и ни разу не слышавшие немецкую речь. Если и есть говорящие, то это исключительно пожилые люди с плохой речью вообще, переселенцы из бывшей Поволжской республики (*АССРНП – комментарий наш*), расформированной в 1941 г., где они и родились, и высланные в Сибирь» [Кресс 2006]. Следует подчеркнуть, что бывший губернатор Томской области В.М. Кресс, будучи российским немцем, сам прибегал к услугам германистов-переводчиков при подготовке к «Германо-российским правительственным консультациям» в 2006 г. В реальности немецкий металект (с различными лингвистическими возможностями интерпретации) используется этническими немцами на встречах с другими представителями своего этноса и исключительно с дискурсивной рамкой «язык предков». Это могут быть творческие вечера, на которых исполняются старинные немецкие песни и шванки, кстати, уже практически неизвестные в самой Германии, читаются пассажи катехизиса и библии или другие письменные источники. Однако такую форму «владения» нельзя считать диалектной и, следовательно, представляющей какой-либо научный интерес. Здесь речь идёт об использовании немецкого литературного языка (главным образом ФРГ) российскими немцами, и все рассуждения о «концептах» автоматическими лишаются смысла.

Во-вторых, даже если ставка делается на так называемых «бабушек» – слово, ставшее термином в немецкой островной диалектологии именно благодаря критикуемым работам, – то исследователь, если он добросовестный, должен признаваться себе в том, что информанты – в лучшем случае билингвы, так как выросли и всю жизнь прожили в

СССР и/или России. При этом эта особая форма билингвизма, обозначаемая в социолингвистике добавочной (аддитивной), т.е. при которой иностранный компонент языковой ситуации, будь он хоть родным языком, дополняет базовый экспонент – русский, на котором поголовно говорят этнические немцы, – и никоим образом не выступает для него фундаментом на первично русскоязычной территории. Оба указанных довода доказывают, что речь информантов в современном её варианте – не может быть чисто немецкой и её нельзя безоговорочно использовать не то чтобы для исследования так называемых «базовых» концептов, но и в качестве материальной базы для работы в области германского языкознания. К тому же изучение концептосферы, тем более в ситуации аддитивного билингвизма с русским языком, предполагает номенклатуру специальности ВАК 10.02.19 – теория языка.

В-третьих, следует особо подчеркнуть, что отправной точкой исследования всех ныне существующих языковых форм российских немцев, в том числе и в Томской области, стала докторская диссертация *Андрея Петровича Дульзона* «Проблема смешения диалектов по материалам говоров села Прайс» (1939), выдающегося исследователя языков и культур Сибири, внесшего значительный вклад в мировое языкознание. А.П. Дульзон исследовал унифицированный говор выходцев из 129 различных населённых пунктов Германии, проживавших до высылки в Томск в Поволжской республике. Вот, что пишет в своей монографии «Томская лингвистическая школа А.П. Дульзона» биограф Андрея Петровича Т.В. Галкина: «Анализируя процесс образования немецкоязычного говора, учёный выделил факторы, имеющие решающее значение для направления этого процесса, и основные случаи образования немецкоязычного говора, за что получил высокую оценку языковеда В.М. Жирмунского» [Галкина 2003, 40–47]. Однако, как можно видеть по списку литературы, современные учёные не только не упоминают труд А.П. Дульзона, но и охотно присваивают себе «родоначальство» в исследовании «концептов бабушек», изрядно украшая пункт научной новизны во введении своих работ словом «впервые». Помимо этого, диссертанты активно упражняются в словотворчестве, вводя в аппарат неизвестные и сомнительные понятия «ключевой концепт», «базовый концепт», «народный концепт» и т.п. Складывается впечатление, что в основном континууме (в ФРГ) концепты «не народные» и «не базовые», что «базовые концепты» можно изучать исключительно через речь российских немцев и что существуют «ключевые концепты» к пониманию чего-то такого, о чём совершенно умолчал А.П. Дульзон в своём фундаментальном труде.

В-четвёртых, изучение текстов диалектоносителей, если допустить наличие немецких диалектов в Томской области, вероятность чего на основании вышеизложенных фактов ничтожна, ещё не делает автора работы лингвистом. Якоб и Вильгельм Гримм, сделавшие для немецкого языка и культуры несравнимо больше всех современных учёных вместе взятых, остались в истории немецкого языка простыми фольклористами. Как видно, собиране и записывание текстов «бабушек» с выведениями определённых «концептов» «учёности» не прибавляет.

Так что же конституирует учёного, способного написать труд, востребованный, обладающий научной новизной, теоретической значимостью и достоверностью полученных данных? И какие подходы и исследования сегодня нужны, чтобы с пользой для науки и общества, – а следовательно, и для себя, – отслеживать динамику функционирования языковых форм российских немцев в Томской области?

Безусловно, основным и незаменимым качеством следует признать исследовательское мужество. Это и есть главный научный подход к подавляющему количеству насущных и осязаемых проблем в современном языкознании, крохотная часть

которых была приведена в начале статьи. Именно исследовательское мужество, противопоставленное оппортунизму и поиску личной выгоды (прибавка за степень), позволяет признать всяческое исследование языковых форм немецкой речи в Томской области (да и на всём постсоветском пространстве) сегодня изначально неактуальным. В социолингвистике существует правило, согласно которому непопулярные формы языка (около или менее 1% *говорящего(!)* населения) не могут считаться компонентами языковой ситуации, безусловно, в силу гибридизации и обязательного наличия билингвизма с титульным языком (ср. статистику Роскомстата выше). Мировая лингвистика более 10 лет назад признала факт языковой смерти немецких островных зон в России, Украине, Казахстане, Пенсильвании, Австралии, Южной Африки и т.д. [Mattheier 2003, 17], так что использовать динамику угасания следует преимущественно для характеристики текущей языковой ситуации. Описание последней в районе проживания этнических меньшинств делает исследование прозрачным и честным, открывает дополнительные перспективы для анализа других языковых ситуаций в пределах более крупных административно-территориальных формаций или коммуникативных сред. Выводы, полученные в ходе таких исследований, могут быть использованы при составлении этнографических справочников и карт, для лексикографической литературы, получения статистической информации и историографических данных. Учитывая существенный вклад российских немцев в развитие Томска и Томской области, исследование этнолингвистических характеристик их быта на сибирской земле необходимо осуществлять с должной тщательностью и ответственностью.

Литература

- Галкина Т.В. Томская лингвистическая школа А.П. Дульзона. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2003. – 320 с.
- Кресс В.М. Томская область и Германия // Tomsker Gebiet: сайт администрации Томской области. 2006. [Электронный ресурс].
- Роскомстат. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. [Электронный ресурс].
- Mattheier K.J. Sprachinseltod: Überlegungen zur Entwicklungsdynamik von Sprachinseln // Deutsche Sprachinseln weltweit: interne und externe Perspektiven / Hrsg. v. Keel W.D., Mattheier K.J. – Frankfurt am Main u.a.: Peter Lang, 2003. – 325 S.

Кузьменко Е.А., Драгой О.В., Худякова М.В., г. Москва

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ О ВОСПРИЯТИИ КАТЕГОРИИ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ НОСИТЕЛЯМИ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Введение

В настоящее время большинство носителей башкирского языка билингвальны, то есть часто используют для общения русский язык. Как и во всех ситуациях, когда какой-либо язык становится *lingua franca*, русский язык подвергается значительным изменениям, как можно видеть, например, на материале исследования дагестанского русского [Даниэль 2013]. В то же время башкирский язык также оказывается под влиянием русского языка (ср., например, исследование билингвизма носителей испанского, владеющих английским языком в [Gollan et al. 2012]), и в этом исследовании мы попытались выявить это влияние.

Гипотеза нашего исследования заключается в том, что под влиянием русского языка те грамматические категории, которые есть в башкирском языке, однако отсутствуют в русском, будут хуже восприниматься современными носителями

башкирского языка, то есть либо аграмматичные конструкции будут восприняты как грамматичные, либо совершенно правильные с точки зрения грамматики башкирского языка конструкции будут казаться носителям неестественными.

В качестве материала для исследования была выбрана категория эвиденциальности, которая морфологически маркируется в башкирском языке, однако не выражена морфологически в русском.

Эвиденциальность в башкирском языке

В башкирском языке различается прямая и непрякая засвидетельствованность говорящим какого-либо события. Под прямой засвидетельствованностью понимается ситуация, которую говорящий лично наблюдал. Под непрякой засвидетельствованностью понимается ситуация, когда говорящий лично не видел ситуацию, о которой говорит, однако знает, что эта ситуация была, так как:

1. ему об этом кто-то рассказал – репортатив;
2. в восприятии ситуации были задействованы другие органы чувств. а не зрение, например, слух – перцептив;
3. об этой ситуации можно догадаться – инферентив.

В грамматике под ред. А.А. Юлдашева [Юлдашев 1981] противопоставляются «прошедшее неопределённое» время (глагольное окончание **-уап** и его алломорфы, непрякая засвидетельствованность) и «прошедшее определённое» время (глагольные окончания **-дә** и его алломорфы, прямая засвидетельствованность). Такая система является распространённой среди тюркских языков [Aikhenvald 2006].

Дизайн эксперимента

Для эксперимента были взяты 48 ситуаций, и для каждой ситуации была составлена пара предложений, одно из которых создаёт контекст непрякой засвидетельствованности, следовательно, в нём используется глагольная форма с окончанием **-уап**, а другое – прямой засвидетельствованности, в котором используется глагольная форма с окончанием **-дә**:

Предложение с контекстом засвидетельствованности	с	Таргетное предложение, в которой используется глагольная форма	Предложение с контекстом непрякой засвидетельствованности
--	---	--	---

Мы с Тимуром вместе сдавали экзамен.

Тимур получил на экзамене пятёрку.

Я встретил вечером радостного Тимура.

Также мы решили проверить, различается ли восприятие носителями башкирского языка различных типов предложений с непрякой засвидетельствованностью, поэтому контексты непрякой засвидетельствованности создают три типа ситуаций:

1. инферентив: Ильдар пришёл с руками в земле. Он посадил в саду яблоню.
2. репортатив: Я встретила Ильдара. Он сказал, что посадил в саду яблоню.
3. перцептив: Я услышала стук топора. Ильдар срубил в саду яблоню.

Для каждого из 96 предложений было составлено парное предложение, в котором форма на **-уап** была заменена формой на **-дә** и наоборот. То есть из всех имеющихся предложений половина была грамматически неверной, так как в них не сочетались контекст и глагольная форма, а другая половина была верной.

В итоге эксперимент состоял из 2 экспериментальных блоков:

- 96 предложений на **-уап**
 - 48 предложений с контекстом прямой засвидетельствованности
 - 48 предложений с контекстом непрякой засвидетельствованности

- 96 предложений на -да

- 48 предложений с контекстом прямой засвидетельствованности

- 48 предложений с контекстом непрямой засвидетельствованности

Эти 4 типа предложений были распределены на экспериментальные листы методом латинского квадрата [Федорова 2008].

Каждое предложение состояло из 3 частей:

1. Контекст
2. Таргетное предложение
3. Хвост

Ниже можно видеть пример экспериментального предложения:

*Арсландың фатирының тәзрәләрендә ут кабынды. Арслан эштән **кайткан** да, һәм әле киске аш ашай.*

‘В окнах квартиры Арслана зажётся свет. Арслан **вернулся** домой с работы и теперь ужинает.’

Контекст	Таргет	Хвост
----------	--------	-------

Наш эксперимент содержал в себе два компонента:

1. Суждение о грамматичности (grammaticality judgment) – дочитав предложение, носитель выносит суждение о грамматической правильности высказывания.
2. Чтение с саморегулировкой скорости (self-paced reading) – предложение появляется на экране пословно, и носитель читает предложение с удобной для него скоростью. Этот метод является распространенным в психолингвистике [Jegerski 2014]. Его эффективность объясняется тем, что скорость чтения текста напрямую зависит от скорости его обработки в мозге. Таким образом, получив данные о скорости чтения предложений носителями башкирского языка, мы можем выяснить, вызывает ли категория эвиденциальности сложности на более глубоком уровне, чем суждение о грамматичности.

Дизайн эксперимента предполагал, что, встретив грамматически неправильное предложение (e.g. контекст прямой засвидетельствованности, но глагол в форме «прошедшего неопределённого» времени по Юлдашеву), носитель станет медленнее читать, так как его мозг не сможет правильно обработать предложение. При этом носитель мог сказать, что предложение является грамматически правильным (и это значит, что его восприятие категории эвиденциальности искажено) или грамматически неправильным (канонический носитель).

Также каждый носитель заполнял анкету, в которой указывает, какой язык (русский или башкирский) он использует в определённых ситуациях.

Результаты

В ходе эксперимента нами было опрошено 11 человек, проживающих в деревне Рахметово Абзелиловского района Башкортостана.

В компоненте “оценка грамматичности предложения” не было обнаружено статистически значимой разницы между ответами, относившимися к предположительно неправильным предложениям, в которых контекст и глагольная форма не соответствовали друг другу, и верными предложениями. Многие носители заявили, что все предложения являются грамматически верными.

Более интересными являются результаты чтения с регулировкой скорости. Эта часть эксперимента была выполнена нами при помощи программного обеспечения Linger¹. В Таблице 1 можно видеть, что нейтральная скорость чтения (скорость чтения

¹ <http://tedlab.mit.edu/~dr/Linger/>

контекста) составляет приблизительно 1, 033 слова в секунду. Предложения с глагольными формами читались даже быстрее в тех случаях, когда контекст и форма совпадали (Cs-Vs – контекст и глагольная форма прямой засвидетельствованности, Cns-Vns – контекст и глагольная форма непрямо́й засвидетельствованности). В тех же случаях, когда контекст и глагольная форма не совпадали, скорость чтения падала (Cs-Vns – контекст прямой засвидетельствованности, глагольная форма непрямо́й засвидетельствованности, Cns-Vs – контекст непрямо́й засвидетельствованности, глагольная форма прямой засвидетельствованности).

Таблица 1. Контекст и глагольные формы – средняя скорость чтения одного слова.

context	Cs-Vs	Cs-Vns	Cns-Vns	Cns-Vs
1, 033	0,951	1,095	0,811	1,260

Важно также отметить скорость чтения хвостов – частей предложения после целевой глагольной формы. Из Таблицы 2 видно, что хвосты в целом читаются быстрее, чем начало предложения, однако и в них видно падение скорости чтения в случае несоответствия контекста и глагольной формы.

Таблица 2.

Хвосты – средняя скорость чтения одного слова

Cs-Vs	Cns-Vns	Cs-Vns	Cns-Vs
0,767	0,724	0,957	1,114

Можно заключить, что, несмотря на то, что тестирование предложений на грамматичность показывает, что грамматически неверные предложения не являются неправильными в восприятии носителей, то есть категория эвиденциальности разрушается под влиянием русского языка, чтение с регулировкой скорости демонстрирует, что все же грамматически неверные предложения вызывают трудности у носителей при чтении.

Для большей достоверности результатов нам необходимо в будущем опросить носителей башкирского языка, живущих в городской среде, которые подвергаются большей интеграции в русскоязычное общество, чем жители деревни.

Литература

Грамматика современного башкирского литературного языка/Под ред. Юлдашева А.А.– М.: Наука, 1981.

Даниэль М.А., Добрушина Н.Р. Русский язык в Дагестане: проблемы языковой интерференции // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». В 2-х т. Т. 1: Основная программа конференции. Вып. 12 (19). – М.: РГГУ, 2013. С. 186-211.

Фёдорова О.В. Основы экспериментальной психолингвистики: принципы организации эксперимента. – М., 2008.

Aikhenvald A.Y. Evidentiality in grammar. – 2006.

Gollan T.H., Weissberger G.H., Runnqvist E., Montoya R.I. and Cera C.M. Self-ratings of spoken language dominance: A Multilingual Naming Test (MINT) and preliminary norms for young and aging Spanish–English bilinguals. *Bilingualism: Language and Cognition*, 15, 2012. pp 594-615.

Jegerski J. Self-paced reading // J. Jegerski and B. VanPatten (Eds.), *Research methods in second language psycholinguistics*, 2014. pp. 20-49.

СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА КОМИ–ПЕРМЯКОВ. ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ №13 –1459008.

Способы образования имен собственных с глубокой древности содержат информацию о различных интересных этнических составляющих, которые сегодня представляют большой научный интерес. Именования коми–пермяков можно рассматривать с двух позиций: современные собственные имена, соотносимые с русскими именованиями, и личные имена, в которых сохранились архаичные способы их образования. Последние являются богатым источником для этнокультурных исследований.

Основоположителем исследования коми–пермяцкой антропонимии является А.С. Кривошекова–Гантман (1969, 1975, 1977). Антонина Семеновна рассматривала собственные имена коми–пермяков в диахроническом аспекте. Она анализировала историю образования коми–пермяцких личных имен, устанавливала приемы приспособления заимствованных из русского языка имен, рассматривала модели образования народных форм имен. После неё вопросами собственных имен коми–пермяков исследователи системно не занимались, а появляющиеся время от времени отдельные статьи (Лобанова А.С., Никонова М.Н., 2004; Лобанова А.С., Шляхова С.С., 2010) лишней раз убеждают, что данная проблема представляет большой интерес и актуальна для современного коми–пермяцкого языкознания.

Известно, что имя собственное может заключать в себе различную информацию: связь лица с отцом, матерью, родом, семьей, характеристику различных качеств, информацию о национальности, роде занятий, происхождении из какой-либо местности, сословия. Заметим, что и функции антропонима в речи коми–пермяков очень разнообразны: это и номинация, и идентификация, и разного рода дифференциации.

Сегодня в структурном отношении коми–пермяцкие собственные имена существуют в двух основных формах: в сложных и однословных. В зависимости от ситуации и различных экстралингвистических факторов носитель может иметь как сложное, так и однословное наименование. Рассмотрим несколько примеров.

Например, **Кетова Нина Григорьевна** – исходный денотат.

Дериваты: *Нина Григорьевна, Бёбёв Нинка, Кирич Нинка, Вячик Нинка, Нинка, Ниндуль, Ерекнича.*

1) *Нина Григорьевна* – вариант, употребляющийся крайне редко в официальной обстановке.

2) *Бёбёв Нинка* (Нинка дура) – пренебрежительная оценка связана с определенными поведенческими особенностями человека.

3) *Кирич Нинка, Вячик Нинка* – варианты, образованные по типу «имя мужа + собственное имя» (Кириллом звали первого мужа, Вячеславом – второго). Используются довольно часто, но не в качестве обращения.

4) *Нинка* – дериват имени собственного, часто выступает в качестве вокатива.

5) *Ниндуль* – вариант, использующийся в кругу семьи или близкими людьми. Производная от варианта *Нина* с семантикой уменьшительно–ласкательности.

6) *Ерекнича* – прозвище, оно не используется в качестве вокатива, возникло по роду деятельности (бытует мнение, что занимается знахарством).

Следующий пример. **Тупицын Анатолий Иванович** – исходный денотат.

Дериваты: *Анатолий Иванович, Вуки Толя, Толя, Заклёт Толя.*

1) *Анатолий Иванович* – вариант, употребляющийся исключительно в официальной обстановке.

2) *Вуки Толя* – дериват собственного имени, компонентами которого являются

имя матери и собственное имя: *Вуки* «Лукерья» + Толя. Причиной появления данного варианта является отсутствие законного отца у анализируемого субъекта.

3) *Толя* – используется в семейном кругу, а также людьми, являющимися близкими к субъекту лицами.

4) *Заклѐп Толя* – вариант собственного имени, образованный путем присоединения к имени собственному прозвища: *Заклѐп* от рус. «заклепать» (любит повторять это слово).

Приведённые примеры демонстрируют и в семантическом, и структурном плане разнообразие вариантов собственного имени. Большое влияние на появление различных дериватов оказывает то обстоятельство, что в сельской местности (а коми–пермяки в большинстве своем сегодня проживают на селе) люди довольно хорошо знают друг друга, им известны все родственные отношения, характер и поведенческие особенности человека. Всё это может отразиться в составном наименовании имени.

Весьма распространенными среди коми–пермяков являются собственные имена со словами–уточнителями: *пиян* «ребёнок, дитя, сын», *зон* «сын», *ныв* «дочь», *увтыр* «род, люди», *зять, монь* «сноха», *пӧлӧс* «сорт» и др. Например, такой вариант, как *Заклѐп Толя пиян* информирует, что речь идет о единственном сыне Толи, который имеет прозвище *Заклѐп*; вариант *Митит Катя монь* содержит информацию о том, что речь идет о снохе (*монь*) Екатерины Дмитриевны, досл. «сноха Кати, дочери Митрия (Дмитрия)». Следует обратить внимание на порядок слов в многословном наименовании коми–пермяка. Он значительно отличается от русского варианта. Все компоненты, относящиеся непосредственно к имени, занимают препозицию и являются определениями по отношению к нему. В русском языке противоположный порядок слов. Ср.: к.–п. *Бӧбӧв Нинка* – досл. *Дура Нинка* – рус. *Нинка–дура*.

Собственные имена с различными уточняющими словами могут быть четырёх – и пятикомпонентными, например, *Кукань Мишка Миков увтыр* «семья Николая, сына Михаила по прозвищу Кукань (Телёнок)», *Пон кулись Кона Петра пӧлӧс* «род, семья Петра, сына Коны по прозвищу Пон кулись "собак вспарывающий"». Необходимо заметить, что именованья коми–пермяков со словами–уточнителями не функционируют в семейном кругу: ими пользуются люди, не входящие в семью именуемого. Это объясняется тем, что, хотя негативная оценка содержится не во всех именованьях, скорее всего они воспринимаются как прозвища.

Составные собственные имена коми–пермяков очень употребительны в речи, и можно утверждать, что они несут большую этнолингвистическую нагрузку. Остановимся на некоторых примерах:

1. Дериват, содержащий перед уточняемым антропонимом имя отца: *Митит Катя* «Катя, дочь Дмитрия – Екатерина Дмитриевна», *Филип Санко* «Санко, сын Филиппа – Александр Филиппович», *Сеня Валя* «Валя, дочь Сени – Валентина Семеновна» и т.д. Можно сказать, что приведенные варианты наиболее употребительны, они характерны для всех возрастов и любого социального положения.

2. Собственные имена, компонентами которых являются имя матери и собственное имя: *Моння Анна* «Анна, дочь Монни», *Вуки Толя* «Толя, сын Вуки (Лукерья)», *Мари Олѣшка* «Алѣшка, сын Марии» и т.д. Как уже говорилось выше, причиной появления данного варианта является отсутствие законного отца ребенка; *мирон* или *мироння* называют их коми–пермяки.

3. Варианты, образованные постановкой перед личным именем имени деда: *Борис Колька* «Колька, внук Бориса», *Опонь Вась* «Вася, внук Афанасия», *Петра Мишка* «Мишка, внук Петра». Данные дериваты могли быть образованы по нескольким причинам: 1) имя деда становилось заменой имени отца, если отец ребенка уходил из семьи, а ребёнок был рождён в браке (имя деда могло прикрепляться как по материнской, так и по отцовской семье); 2) если отец рано умер или погиб, когда ребёнок был еще

маленьким; 3) для обозначения рода, идущего от имени деда. Такие варианты личных имен может анализировать только тот, кто точно знает происхождение или семейные обстоятельства именуемого человека, так как дериват собственного имени по внешнему виду соотносится с первым примером (имя отца + уточняемый антропоним).

4. Личные имена, состоящие из компонентов: имя деда + имя отца + собственное имя, например: *Опонь Толя Иван* «Иван, сын Толи, сына Афанасия», *Вуки Толя Людка* «Людка, дочь Толи, сына Лукерьи». Эти именованья несут большую информацию по сравнению с выше приведёнными, хотя являются менее употребительными.

5. Наименования, в составе которых замечены фамилии, например: *Мошон Серга*, *Мошон Нюрка* «Мошинов Сергей, Мошинова Александра», *Пянков Галя* «Пянкова Галя» и др. Фамилия в указанных примерах присутствует при условии, что семья недавно прибыла в данную местность.

6. Собственные имена, одним из компонентов которых является прозвище: *Роч Вовка* «русский Вовка», *Зігзаг тияннэз* «дети человека по прозвищу Зігзаг», *Позволь Людка* «Людка, дочь человека по прозвищу Позволь» и т.д. Такой вариант появляется в тех случаях, когда семейное прозвище закрепляется не за одним поколением, а за несколькими.

Таковы основные способы образования собственных имен коми–пермяков. Обязательным правилом является соблюдения порядка слов в образовании именованья коми–пермяков. Практически все варианты применяются в речи чужих друг другу людей.

Однословные собственные имена, являясь русскими по происхождению, принимают практически ту же вариативность, что и исходные антропонимы: наличие субъективной оценки в имени, полные и сокращенные варианты и др. Национальные признаки и особенности начинают появляться в многословных вариантах собственного имени при их фонетическом приспособлении к речи коми–пермяков: *Ёгорика Дуся* «Дуся (Евдокия), жена Егора», *Парам Петрика Полинка* «Полинка, жена Петра, сына Парамона», *Плюшкиника Галя* «Галя, жена мужа по прозвищу "Плюшкин"».

Таким образом, варианты и способы образования собственных имен коми–пермяков – вопрос не столько лингвистический, сколько психо– и этнолингвистический. В принципах их создания и функционирования содержатся национальные корни самобытности народа.

Литература

Кривошекова–Гантман А.С. Коми–пермяцкие имена и их использование в художественной литературе // Лингвистическое краеведение Прикамья. – Пермь, 1977. С. 33–41 (статья на коми–пермяцком языке).

Кривошекова–Гантман А.С. Русские имена в употреблении коми–пермяков // Третий международный конгресс финно–угроведов. Ч. 1. Акта лингвистика. – Таллинн, 1975. С. 550–552.

Кривошекова–Гантман А.С. Личные имена коми–пермяков // Ученые записки ПГПИ. Т.66. – Пермь, 1969. С. 171–194.

Лобанова А.С., Никонова М.Н. О вариантах функционирования личных имен в коми – пермяцком языке // Этническая культура и современная школа: Материалы областной научно – практической конференции (22 – 23 апреля 2003 г., Кудымкар). Вып. 1. – Пермь: Изд. - во ПОНИЦАА, 2004. С. 195 –199.

Лобанова А.С., Шляхова С.С. Коми–пермяцкий язык конца XIX – начала XXI вв.: стилистические аспекты // Труды института языка и традиционной культуры коми –пермяцкого народа. Вып. VI. – Пермь, 2010. – 483 с.

СЕМАНТИКА ЧИСЛА ДВА В СОСТАВЕ ТЮРКСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта “Нумерологические фразеологические единицы в тюркских языках (лингвокультурологический анализ)”, №12-34-01232.

Числительные в тюркских языках активно выступают как словообразовательный компонент в составе топонимов, антропонимов, этнонимов, фитонимов, этнографической лексики и т.д., что наблюдается в тематических словарях [Каримова 2006, 2013; Хисамитдинова 2010; Сулейманова 2013]. Особо отмечена фразеобразовательная активность в трудах лингвистов-тюркологов [Гизатуллина 2004, Елешева 1989, Муратова 2010, 2012]. В предыдущих работах автора сделан анализ фразеологических единиц с компонентами-числительными *четыре, семь* [Муратова 2014]. Используя материал, представленный в вышеуказанных источниках, а также словари тюркских языков, в данной статье рассмотрим тюркские нумерологические единицы с компонентом *два*.

В алтаистике принято считать, что первоначальное значение тюркского числительного (ПТю **ejki* ‘два’) было ‘ближайший, следующий’, и связывать его с ПКор **rəki* ‘следующий’, др.-яп. *rəka* ‘другой’ [Рамстедт 1957, 92-93; ИБН 1, 322]. Э.Р. Тенишев выдвигает гипотезу, что числительное *eki* ‘два’ произошло от встречающегося в орхонских памятниках глагола *er-* ‘следовать, преследовать’ [СИГТЯ 1988, 165]. Таким образом, по различным гипотезам, понятие *eki* ‘два’ подразумевает число, следующее за числом один, ближайшее к числу один.

В современных тюркских языках число два имеет следующие фонетические вариации: тур., аз., туркм., хак. *iki*; тат., башк. *ike*, тув. *iji*; шор. *ijgi*; як., узб. *ikki*; чув. *ikkə*; кбалк., кум., кар., кирг., ног., алт. *eki* // *ekki*, ккалп. *jeki*; каз. *eki*.

Самое распространенное значение числа два в составе тюркских фразеологических единиц – “непостоянство”, “раздвоенность, отсутствие единства”, “двойственность разных явлений”: башк. *ike ujlau* ‘сомневаться’ (досл. думать два раза), *ike jöthlö* ‘двуличный, лицемерный’, *ike jöthlö bysaq* ‘и вашим и нашим’ (досл. нож с двумя лезвиями); *ike ut arahynda (qalyu)* ‘(остаться) меж двух огней’, *ike arala jöröu* ‘непостоянство, неустойчивость’ (досл. ходить между двумя точками), *tajaqtuŋ ike oso* ‘палка о двух концах’, алт. *eki sagyshtu* ‘двуличный’, кар. *eki jüzli* ‘двуличный’, тув. *iji arynnug čoruk* ‘двурушничество’, туркм. *ikijüzli* ‘двурушник, лицемер / двурушнический, двуличный’, *ikigepli* ‘обманщик, лжец, лгун / обманчивый, лживый’, узб. *ikki ürtada* ‘меж двух сторон (между двух огней)’. чув. *ikke pitle укё нутлё ёун* ‘двуличный человек’, *ikke majla kastar* ‘быть изменчивым, непостоянным (о человеке)’, каз. *eki züzdı* ‘двуличный’ (досл. с двумя лезвиями).

В некоторых фразеологических единицах для придания стилистической окраски (наивысшая степень проявления действия или признака) применяются названия парных органов (глаза, уши, ноги, руки и т.д.) в сочетании со словом *два*: тув. *iyi kyrym (dort) synar* ‘честное слово’ (досл. мои две локтевые кости перломаются), *iji kulakka koŋga bolur* ‘сильно надоесть, прожужжать все уши’ (досл. быть звонком для двух ушей), *iji karak soglur!* ‘честное слово!’ (досл. мои два глаза пусть высохнут), *iji karaam kuskun soktaar* ‘честное слово’ (досл. пусть ворон выклюет мои два глаза), *iji karaam daalyktaar* ‘удивительно, удивляюсь’ (досл. мои два глаза скачут галопом), *iji but kyrynga turar* ‘помочь выбраться из трудного положения, оказав материальную помощь, поставить на ноги’ (досл. стоять на двух ногах), туркм. *iki gözüŋ agu* ‘дорогой, милый’, *iki egniŋden gum sovurmak* ‘метать громы и молнии’ (досл. через оба плеча пыль вздымать), *iki ajagyŋny bir gonza sokmak* ‘всполошиться’ (досл. засунуть обе ноги в одно голенище), узб. *ikki ojoyini bir etikka tiqmok*

‘упорно настаивать на чем-либо, упорно требовать чего-либо’ (досл. засунуть обе ноги в один сапог), *ikki qülini burniga tiqib qolmoq* ‘остаться ни с чем’ (досл. остаться с засунутыми в нос двумя пальцами), каз. *eki ezui eki qulayunda* ‘радостный, довольный’ (досл. уголки рта доходят до ушей).

Число *два* в составе тюркских фразеологических единиц может выступать двояко: оно может передать значение малого количества либо, наоборот, большого количества.

Противопоставление чисел *один* и *два* может привести в фразеологические единицы сочетания диаметрально противоположного значения “много” – “очень мало, отсутствие чего-либо” или “одновременность действий”: башк. *iki jatyp ber töšönä inmäu* ‘ни разу не вспомнить’ (досл. два раза ложиться и ни разу во сне не видеть), *ber july ike qujan artuñan quyu* ‘гоняться за двумя зайцами’, *ber july ike kätänep qojroyon totou* ‘убить двух зайцев’ (досл. управлять двумя лодками), чув. *ikkä mulkača xuyala* ‘гнаться за двумя зайцами’, тат. *ike aljarkuç bəjləu* ‘работать за двоих’, як. *ikki kuobaуу ekkiret* ‘гоняться за двумя зайцами’.

Есть такие противопоставления, где фразеологическая единица приобретает значение “много, частотность действий”: башк. *ike hūththey berehendə* ‘что ни слово (очень часто)’, узб. *ikki gapning birida* ‘что ни слово; очень часто’, тув. *iji xoldaar* ‘делать что-л. кое-как; на живую нитку’ (досл. двумя руками (делать)).

В следующих фразеологических единицах число *два* передает значение малого количества: башк. *ike athum* ‘в двух шагах, очень близко’, *šul ike arala* ‘тут же, в один миг’, кар. *eki sezde* ‘вкратце’, туркм. *iki barmak jaly* ‘очень короткий, очень маленький’ (досл. (с шириной) в два пальца), уйг. *ikki čamdām jərdə* ‘в двух шагах’, як. *ikki xaamyulaax sirgə* ‘совсем близко, недалеко, в двух шагах’, кирг. *eki ooz söz menen* ‘в двух словах’, *eki ele kadam zerde* ‘в двух шагах’.

Есть такие фразеологические единицы, где *два* выражает “сходство, подобие предметов или лиц”: башк. *ike tamsu hyu keyek* ‘как две капли воды’, тув. *sugnuñ iji damdyzu* ‘как две капли воды’.

В некоторых фразеологических единицах заложены космогонические воззрения тюрков о наличии двух миров: башк. *ike donja – ber mörjə* ‘всё равно’ (досл. два мира – одна труба), узб. *ikki dunjo bir qadam* ‘очень близко’ (досл. расстояние между двумя мирами – один шаг), *ikki zaхon ovrasi* ‘иметь неопределенное положение’ (досл. *мыкающийся между двумя мирами*).

Таким образом, в тюркских фразеологических единицах число *два* применяется для передачи следующих значений: 1) непостоянство; 2) наивысшая степень проявления действия или признака; 3) очень мало; 4) очень много. А также в них отражаются представления тюрков о наличии двух миров.

Литература

Академический словарь башкирского языка (в 10-ти томах) / Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. Т.1. – Уфа: Китап, 2011. – 432 с.

Академический словарь башкирского языка (в 10-ти томах) / Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. Т.2. – Уфа: Китап, 2011. – 568 с.

Академический словарь башкирского языка (в 10-ти томах) / Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. Т.3. – Уфа: Китап, 2012. – 864 с.

Академический словарь башкирского языка (в 10-ти томах) / Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. Т.4. – Уфа: Китап, 2012. – 944 с.

Академический словарь башкирского языка (в 10-ти томах) / Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. Т.5. – Уфа: Китап, 2013. – 888 с.

Валиева М.Р. Булгарские мифонимы башкирского языка // Вестник Челябинского государственного университета. – Челябинск, 2014. №10. С.37-42.

Елешева А. Фразеологические единицы с компонентами-числительными в казахском языке. Автореф. дисс. ... к.ф.н. – Алма-Ата, 1989. – 23 с.

Гизатуллина Л.Р. Нумерологические фразеологические единицы в английском и татарском языках. Автореф. дисс. ... к.ф.н. – Уфа, 2004. – 24 с.

ИБН = История башкирского народа. В 7-и томах. Т.1. / В.В. Овсянников, В.К. Федоров, Ф.Г. Хисамитдинова. – М.: Наука, 2009. – 400 с.

Каримова Р.Н. Башкирско-русский словарь терминов ткачества и рукоделия. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2013. – 122 с.

Каримова Р.Н. Башкирско-русский, русско-башкирский словарь терминов народной медицины. – Уфа: Гилем, 2005. – 120 с.

Муратова Р.Т. Фразеобразовательная активность числа семь в тюркских языках // Урал-алтай: через века в будущее. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С.68-70.

Муратова Р.Т. Семантика числа четыре в тюркских фразеологизмах // Ахнаф Харисов и актуальные проблемы башкирской филологии. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С.171-173.

Муратова Р.Т. Символика чисел в языке и культуре башкир. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. – 180 с.

Муратова Р.Т. Этнокультурная семантика чисел башкирского языка // Проблемы востоковедения. № 2. 2010. С.103-108.

Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. – М.: Изд-во иностр. лит., 1957. – 255 с.

Сиразитдинов З.А., Бускунбаева Л.А., Ишмухаметова А.Ш., Ибрагимова А.Д. Информационные системы и базы данных башкирского языка. – Уфа: Книжная палата РБ, 2013. – 116 с.

СИГТЯ = Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология /отв. ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 1988. – 560 с.

Сулейманова Р.А. Башкирско-русский словарь-справочник личных имен и фамилий. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2013. – 364 с.

Хисамитдинова Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка. – М.: Наука, 2010. – 452 с.

Список сокращений:

досл. – дословно; языки: аз. – азербайджанский, алт. – алтайский, башк. – башкирский, каз. – казахский, кар. – караимский, кбалк. – карачаево-балкарский, ккалп. – каракалпакский, кирг. – киргизский, кум. – кумыкский, ног. – ногайский, ПКор. – пракорейский, ПТю. – пратюркский, тат. – татарский, тув. – тувинский, тур. – турецкий, туркм. – туркменский, узб. – узбекский, уйг. – уйгурский, хак. – хакасский, чув. – чувашский, шор. – шорский, як. – якутский.

Нафиков Ш.В., Ишкильдина Л.К., г. Уфа

ЭТИМОЛОГИЯ БАШКИРСКОГО СОМАТИЧЕСКОГО ТЕРМИНА *ТЫРНАК* ‘НОГОТЬ’

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта “Формирование и развитие башкирского языка и его диалектов в сравнительно-историческом освещении (на общетюркском фоне)”, проект № 13-14-02009.

I. В башкирском языке имеется соматический термин *тырнак* с двумя главными значениями: 1. ноготь, 2. коготь (у птиц и животных) [Толковый ... 1993, 434]. Данный термин представляет из себя исконное тюркское слово, поскольку во всех тюркских языках для обозначения понятий ‘коготь, ноготь’ используются одни и те же слова *тырнак*, иногда *тырмак* (в киргизском и уйгурском), в чувашском *çĕrне*, в тувинском однокоренное *дыргак* ‘когти; расческа’, в хакасском *тыргак*, якутском *тыңырах*, в азербайджанском *дырнаг* ‘ноготь; копыто’. Др.-тюрк. *tyrḡaq* ‘коготь, ноготь’ показывает, что на протяжении большого периода времени внешняя и внутренняя форма лексемы почти не претерпела каких-либо изменений. В тюркологии принята этимология: ПТ **dyrḡaq* ‘ноготь, коготь’, ср. ПТ **dyrḡa-* ‘скрести, царапать’; (ср. Räsänen 1969, 465; СИГТЯ 1997, 258) [Дыбо 2006, 828].

Таким образом в башкирском и других тюркских языках *тырнак* является словом-derivатом, отглагольной формой. На уровне алтайской реконструкции в

“Этимологическом словаре алтайских языков” [EDAL 401] известно **čjuri* (~ -a) ‘царапать’. Интерес представляет корейский рефлекс этого этимона, а именно **čūr* ‘напильник’. Прямым соответствием последнему в башкирском выступает слово *сар* ‘точило’, дериват *сарла-* ‘точить’.

В современной алтаистике имеется и другая реконструкция, автор которой С.А. Старостин [Старостин 1991, 270]: **t'ur* 'V ‘ноготь; копыто’ – ТМ **tüpa*, кор. **tòph* и т.п. С семантикой ‘ноготь’ в башкирском языке слово с подобной основой отсутствуют, однако известно диалектологическое *тәнәй* ‘лап(к)а’. Последнее можно рассматривать как рефлекс указанной выше реконструированной формы. Семантически ‘ноготь, копыто, лапа’ относятся к одной ЛСГ.

II. Семантика тюркского обозначения ‘ногтя / когтя’ представляет также интерес с точки зрения этимологических связей. Так, в чувашском языке название пальца *pürne*, диал. *porne*, тат. диал. *parnak* имеет прямую аналогию с ностр. *p/a/r/ä* ‘ноготь’ через алтайский рефлекс *para-(ηa)* ‘большой палец’ [Иллич-Свитыч 1976, 362]. Другой известный ностратист А. Долгопольский [1964, 12] этимологию слова палец описал в виде и.-е. **per(st)-* > ст. слав. *прѣсть* ‘то же’ = алт. **per* ‘большой палец’ = картв. **p̄r̄sxa* ‘ноготь’ = сем.-хам.: хауса *farče* ‘ноготь и др.’; далее ученый и.-е. **gʷozd(h)-* ‘гвоздь’ = финно-угор. *kürče-* ‘ноготь’ [Долгопольский 1964, 16]. Сравнение названия когтя в фин. *kunte* и рус. *коготь* указывает на общую, единую основу. С точки зрения ностратики башкир. *бармак* ‘палец’, церк. слав. *перст* и рус. *гвоздь* могут соотноситься друг с другом в смысловом (изначальном) отношении.

Понятие ‘коготь’ в алтайских языках передает и реконструкт **k'jüçü* [EDAL], рефлексом (аналогом) чего в башкирском языке является глагол *кысы-* ‘чесаться’, семантика которого близка к *тырна-* ‘царапать’, о чем см. выше. За пределами алтайских языков в качестве сближений можно привести примеры из языков Северного Кавказа со значением ‘ноготь’, а именно аварск. *kʷač'*, дарг. *kač'a* и т.п.

Башкирское *тәнәй* ‘лапа (у животных)’ в языках аборигенов Америки может в качестве лексической (этимологической) параллели иметь реконструкт **tap* ‘рука, палец’ (по М. Рулену).

III. Слово *тырнак* ‘ноготь’ как соматизм относится к основному словарному фонду, обладает большой устойчивостью к различным диахроническим изменениям [Долгопольский 1964, passim], мало подвержено процессам заимствования. Эти особенности дают компаративистам основания для привлечения лексемы к обширным сравнениям, которые могут выходить за рамки отдельной языковой семьи, ветви и/или макросемьи, примеры чему авторы старались показать в представленных кратких тезисах.

Литература

Долгопольский А.Б. Гипотеза древнейшего родства языков Северной Евразии (проблема фонетических соответствий) // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. – М.: Наука, 1964. С. 1-14.

Дыбо – 2006 = Дыбо А.В. Лексикостатистические списки тюркских языков // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык – основа. Т 7. – М.: Наука, 2006. С. 860-877.

Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь (1 – 3). Указатели. Т 2. – М., 1976.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Т 4. Лексика / под ред. Э.Р. Тенишева. – М., 1997.

Старостин С.А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. – М.: Наука, 1991. – 298 с.

Толковый словарь башкирского языка: в 2-х томах / под ред. А.Г. Бишева (на баш. яз).
Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН. – М.: Рус. яз, 1993.

EDAL = Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A. Etymological Dictionary of the Altaic Languages; Brill Academic Publishers, 2003.

Räsänen M. Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türk Sprachen. – Helsinki, 1969.

Список сокращений

аварск. – аварский, алт. – алтайский, дарг. – даргинский, диал. – диалектный, картв. – картвельский, ЛСГ – лексико-семантическая группа, nostr. – ностратический, и.-е. – индоевропейский, рус. – русский, сем.-хам. – семито-хамитский, ст. слав. – старославянский, тат. – татарский, ТМ – тунгусо-маньчжурский, фин. – финский, финно-угор. – финно-угорский.

Новгородов И.Н., г. Якутск,
Ишкильдина Л.К., г. Уфа

ОБ УСТОЙЧИВОМ СЛОВАРНОМ ФОНДЕ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Публикуется при поддержке РГНФ, грант №14-04-00346 «Устойчивый словарный фонд тюркских языков».

Работа продолжает цикл публикаций об устойчивом словарном фонде тюркских языков [Новгородов 2012, 219].

В этой работе предпринята попытка описания устойчивого словарного фонда башкирского языка.

Словарный материал представлен из “Русско-башкирского словаря” под редакцией З.Г. Ураксина (2005). Башкирский словарный материал дается в круглых скобках: вначале том, а затем страница. В написании статьи также использовались материалы различных трудов и электронный ресурс [Башкирско-русский словарь 1996; Ахметьянов 2005-2007; Академический словарь башкирского языка 2011-2014; Машинный фонд башкирского языка].

Прежде чем приступить к исследованию следует представить общие сведения об изучаемом языке и его носителях.

Башкиры (башк. *башкорттар*) – тюркоязычный народ Южного Урала, проживающий на современной территории Республики Башкортостан и в одноимённой исторической области. Численность в мире – около 2 миллионов человек. В России по данным Всероссийской переписи населения 2010 года проживает 1 584 554 башкир, из них 1 172 287 – в Башкортостане. Национальный язык – башкирский. Письменность на основе кириллицы. Традиционная религия – ислам суннитского толка.

Известно, что башкирский язык относится к кыпчакской группе тюркских языков.

Далее представлен устойчивый словарный фонд башкирского языка, согласно списка проекта «Типология заимствования»: http://en.wikipedia.org/wiki/Leipzig%E2%80%93Jakarta_list

- 1 ant муравей *кырмыска* (I, 588);
- 2 arm/hand рука *кул* (II, 334);
- 3 ashзола *көл* (I, 398);
- 4 back спина *арка* (II, 444);
- 5 big большой *зур, оло, дәү* (I, 98);
- 6 bird птица *кош* (II, 233);
- 7 to bite кусать *тешләү* (II, 549);
- 8 bitter горький *әсе, асы* (I, 244);

- 9 black черный *кара* (II, 626);
 10 blood кровь *кан* (I, 507);
 11 to blow дуть (о ветре) *иҫеу* (I, 306);
 12 bone кость *һөйәк* (I, 496);
 13 breast грудь *имсәк* (I, 252);
 14 to burn (intransitive) гореть *яныу* (I, 242);
 15 to carry нести: *ташыу* [Башкирско-русский словарь 1996, с. 596];
 16 child (kin term) ребенок *бала* (II, 309);
 17 to come приходиться *килеу* (II, 172);
 18 to crush/to grind раздавить/ молотить *изеу, тартыу, ваклау, онтау* (I, 578);
 19 to cry/to weep плакать *илау* (II, 60);
 20 to do/to make делать *эшләу* (I, 268);
 21 dog собака *әт, күбәк* (II, 419);
 22 to drink пить *эсеу* (II, 59);
 23 ear ухо *колак* (II, 574);
 24 to eat есть *ашау, ейеу* (I, 313);
 25 egg яйцо *йомортка* (II, 675);
 26 eye глаз *күз* (I, 232);
 27 to fall падать *йыгылыу, ауыу* (II, 9);
 28 far далеко *алыс, йырак* (I, 258);
 29 fire огонь *ут* (I, 741);
 30 fish рыба *балык* (II, 336);
 31 flesh/meat мясо *ит* (I, 592);
 32 fly муха *себен* (I, 589);
 33 to give давать *биреу* (I, 257);
 34 to go идти *барыу* (I, 404);
 35 good хороший *якшы, һәйбәт* (II, 607);
 36 hair волосы *сәс* (I, 168);
 37 hard твёрдый *каты* (II, 489);
 38 he/she/it/him/her он/она/ оно *ул* (I, 755);
 39 to hear слышать *ишетеу* (II, 409);
 40 heavy тяжелый *ауыр* (II, 529);
 41 to hide прятать *йәшерәу* (II, 232);
 42 to hit/to beat бить, ударить *һуғыу* (I, 86);
 43 horn рог *мөгөз* (II, 326);
 44 house дом *өй, йорт* (I, 292);
 45 I/me я *мин* (II, 673);
 46 in в - представлено аффиксом местного падежа *да-да, та-та*;
 47 knee колено *тубык* (I, 471);
 48 to know знать *белеу* (I, 397);
 49 to laugh смеяться *көлөу* (II, 413);
 50 leaf лист (дерева) *япрак* (I, 532);
 51 leg/foot нога *аяк* (I, 701);
 52 liver печень *бауыр* (II, 55);
 53 long длинный *озон* (I, 282);
 54 louse вошь *бет* (I, 177);
 55 mouth рот *ауыз* (II, 332);
 56 name имя *исем, ат* (I, 420);
 57 navel пупок *кендек* (II, 235);
 58 neck шея *муйын* (II, 643);
 59 new новый *яңы* (I, 701);

- 60 night ночь *төн* (I, 704);
 61 nose нос *танау* (I, 702);
 62 not нет [йук] (I, 650);
 63 old старый *карт, оло, кары* (II, 456);
 64 one один *бер* (I, 743);
 65 rain дождь *ямгыр* (I, 288);
 66 red красный *кызыл* (I, 501);
 67 root корень *тамыр* (I, 490);
 68 rope веревка *бау, аркан* (I, 131);
 69 to run бежать *йүгергеу* (I, 63);
 70 salt соль *тоз* (II, 431);
 71 sand песок *ком* (II, 53);
 72 to say сказать *айтеу, тиеу* (II, 389);
 73 to see видеть *күреу* (I, 146);
 74 shade/shadow тень *күләгә* (II, 494);
 75 skin/hide кожа/ шкура *тире* (II, 645);
 75 small маленький *бәләкәй* (I, 545);
 77 smoke дым *төтөн* (I, 308);
 78 soil почва *тупрак* (II, 443);
 79 to stand стоять *тороу* (II, 465);
 80 star звезда *йондоз* (I, 388);
 81 stone/rock камень *таш* (I, 443);
 82 to suck сосать *имеу* (II, 436);
 83 sweet сладкий *татлы* (II, 402);
 84 tail хвост *койрок* (II, 599);
 85 to take брать *алыу* (I, 103);
 86 thick толстый *калын* (II, 504);
 87 thigh бедро *бот* (I, 63);
 88 this это *был* (II, 670);
 89 to tie завязывать *бәйләу* (I, 334);
 90 tongue язык *тел* (II, 674);
 91 tooth зуб *теш* (I, 400);
 92 water вода *һыу* (I, 159);
 93 what? что? *ни?* (II, 633);
 94 who? кто? *кем?* (I, 512);
 95 wide широкий *киң* (II, 644);
 96 wind ветер *ел* (I, 136);
 97 wing крыло *канат* (I, 511);
 98 wood древесина *үзәгәс* (I, 302);
 99 yesterday вчера *кисә* (разг. *кисәге*) (I, 190);
 100 you (singular) *һин* (II, 527).

Установлено, что, в основном, устойчивый словарный фонд башкирского языка восходит к тюркской лексике или образован на её базе. Примеры:

- 1 ant ‘муравей’ *кырмыска* (I, 588), ср. як. *кымырдагас*;
 2 arm/hand ‘рука’ *кул* (II, 334), ср. др.-тюрк. *qol*;
 3 ash ‘зола’ *көл* (I, 398), ср. др.-тюрк. *kiil*;
 27 to fall падать *йыгылыу, ауыу* (II, 9), ср. турк. *аг-*;
 42 to hit/to beat бить *һугыу* (I, 86), ср. хак. *сох-* 1) бить кого-либо; 2) заколоть на
 мясо;
 58 neck шея *муйын* (II, 643), ср. хак. *мойын*;
 61 nose нос *танау* (I, 702), ср. турк. *тана* ‘ноздря’;
 63 old старый *оло* (II, 456), ср. др.-тюрк. *ulu* ‘большой’;

75 small маленький *бәләкәй* (I, 545); образовано от *бала* ‘ребенок’ (ср. тур. *bala*) и уменьшительно-ласкательного аффикса *-кай* и т.д.

В устойчивом словарном фонде башкирского языка обнаруживаются заимствования наряду с синонимами тюркского происхождения, примеры:

5 big большой *зур* (< перс. *zūr, zor* ‘сила, мощь’), *дәү* (< перс. *dēv, dīv* ‘див, дэв’) (I, 98), ср. *оло* < тюрк.: др.-тюрк. *ulu*;

28 far далеко *алыс* (I, 258) ‘далеко’; ‘далекий (на горизонте)’; ‘горизонт’ < монг. *алс* ‘даль, горизонт’, ‘далекий’, ‘далеко’, ср. *йырак* < тюрк.: др.-тюрк. *iraq*;

35 good хороший *һәйбәт* (II, 607) < араб. *haibät*, ср. *якшы* < тюрк.: др.-тюрк. *jaqšï*;

56 name имя *исем* (I, 420) < араб. *ism*, ср. *ат* < тюрк., др.-тюрк. *at*.

Как показывает анализ, устойчивый словарный фонд башкирского языка восходит к тюркскому лексическому фонду и в нём обнаруживаются процессы иноязычного влияния.

Литература

Академический словарь башкирского языка / под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. I – V тома. – Уфа: Китап, 2011 – 2014.

Ахметьянов Р.Г. Этимологический словарь татарского языка / в 2-х томах. – Бирск: Бирский гос. пед. ин-т, 2005 – 2007.

Башкирско-русский словарь / под ред. З.Г. Ураксина. – Уфа, 1996. – 881 с.

Машинный фонд башкирского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://mfbl.ru/mfbl/bashxuz> (дата обращения: 10. 09. 2014)

Нафиков Ш.В. Список М.Сводеша по башкирскому языку (диалектный материал) // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России Материалы X региональной конференции. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010. С. 140-145.

Нафиков Ш.В. Урало-алтайские параллели некоторых лексем из 100 словного списка М. Сводеша // Урал – Алтай: через века в будущее Материалы IV Всероссийской научной конференции, посвященной III Всемирному курултаю башкир. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010. С. 223-225.

Новгородов И.Н. О наиболее устойчивой лексике // Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы: Всероссийская научно-практическая конференция (Казань, 19-21 октября 2012 г.): Труды и материалы / под. ред. Р.Р. Замалетдинова. – Казань: Отечество, 2012.

Русско-башкирский словарь. В 2-х томах / под. ред. З.Г. Ураксина. – Уфа: Башкирская энциклопедия, 2005.

Нурғалина Х.Б., г. Сибай

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОНИМИИ

Метонимия, как яркий символический троп, остается категорией описательной. Она создаёт и усиливает зрительно осязаемые представления, будучи при этом способом не прямой, а косвенной характеристики явления. В отличие от сравнения метонимия отмечает все сопутствующие признаки, очищая, типизируя основной для данной ситуации признак. Ю.М. Лотман определяет акт метонимии как выделение существенно-специфического и элиминирование несущественного [Лотман 1994, 36].

Метонимические связи переходят в метафорические, что представляет собой особый механизм эвристических функций языка, т.е. функций, направленных на поиск решений. Это становится возможным благодаря тому, что метонимические замены,

опираются на определённую более или менее устойчивую семантическую модель [Апресян 1993, 16]. Компрессия, сжатие информации в пределах одной общей смысловой структуры выступает основным фактором появления метонимии в языке [Бускунбаева 2008, 61]. Так, метонимические сдвиги во многих случаях связаны с сокращением словосочетаний, т.е. внешне подобны таким фактам изменения значений, которые обусловлены контекстными связями слов. Но все же главным условием для образования метонимии является отсутствие словесного объекта [Ишбердин 1986, 30]. Но как отмечают исследователи, не только имена нарицательные участвуют в образовании метонимических явлений, но и собственные имена, составляющие культурно-ономастический фон, легко вовлекаются в процессы переноса наименования по сходству и по смежности [Сулейманова 2006, 28; 2009, 235].

Метонимический перенос устанавливает связь между названиями материала и предмета. Метонимические стилистические приемы содержат также большой изобразительно-выразительный потенциал, придавая наименованиям наглядность или ненаглядность и тем самым усиливая коннотативную сторону обозначения, они могут нести разнообразные тонально-выразительные качества: небрежность, ироничность, шутливость тона, хитрость и хитроватость звучания, лукавство и т.д. Обертонны или тоны благодаря метонимическим приемам в целостном высказывании могут быть самые неожиданные.

Метонимия это отношение между двумя типами лексических значений – предметно-логического и контекстуального, основанное на выявлении конкретных связей между предметами. Например, в английском языке слово *bench*, основное значение которого – скамья, употребляется как общий термин для понятия юриспруденции; слово *hand* получило значение – рабочий; слово *pulpit* – кафедра (проповедника) означает духовенство; слово *press* – от значения типографский пресс получило значение пресса, печать, а также – газетно-издательские работники. Метонимия лежит в основе немецкого *Bluse* – юная девушка, представленная и в атрибутивных группах *halbe Bluse* – совсем юная девочка и *heisse Bluse* – юная темпераментная и веселая особа, *toller Pullover* – симпатичная, привлекательная девушка. Башк. *һынау* – экзамен произошло от значения испытание. Рассмотренные метонимии являются регулярными, относятся к языковой системе. В башкирском языке выделяются до 10 продуктивных видов метонимии данного класса [Суфьянова 1998, 80-82].

Метонимии могут быть и индивидуальными, проявляющимися только в процессе речи. Такие классы метонимии выступают стилистическими средствами, характеризуются образной связью между двумя объектами, образными переносами. Например: *Ак панама, килеп туктағас та, ин элек Анна Констанивна менән күреште* (С. Агиш). – Белая панاما, в первую очередь, поздоровалась с Анной Константиновной.

Механизм метонимических переосмыслений представляет собой перенос наименований явлений, предметов и их признаков по их смежности или шире по их связи в пространстве и времени [Арутюнова 1990, 30]. Метонимия обращает внимание на индивидуальную черту, позволяя адресату речи идентифицировать объект, выделить его из области наблюдаемого, отличить от других присутствующих с ним предметов (метафора обычно дает сущностную характеристику объекта). Например, англ. *in dry dock* – без работы; на мели; *a flag of distress* – сигнал бедствия. Нем. *Vorurteil stützt die Throne, Unwissenheit – die Altäre*. – Предвзвешенность поддерживает троны, невежество – алтари. *Wissen ist nichts, Vorstellung ist alles*. – Знание – ничто, воображение – всё.

Специально выделяется большая по объему метонимическая группа синекдоха, устанавливающая связь переноса между частью и целым (*pars pro toto*) и целым и частью (*toto pro pars*). Напр.: нем. *Ich ruhre keinen Finger dafür* – не выполнять работу; *alle Sterblichen* – все люди; башк. *эшсе кулдар* – рабочие, *кейем-һалым* – костюм, пальто и т.д.

Известные осложнения связаны и с различием проявлений антономасии в сопоставляемых языках, что сопровождается неизбежными преобразованиями при переводе. Антономасия – это тоже вид метонимии. Общим термином «антономасия»

называется особое использование собственных имен: переход собственных имен в нарицательные (типа Дон Жуан), или превращение слова, раскрывающего суть характера, в собственное имя персонажа (такого рода имена в последнее время получили название прецедентных), или замена собственного имени названием связанного с данным лицом события или предмета: англ. *Joe Bloggs* – заурядный, обычный человек; средний американец; *a Jimmy Woodser* – человек, пьющий в одиночку; *Good-time Charlie* – гуляка, повеса, прожигатель жизни; *Sally Lunn* – сладкая булочка (по имени женщины кондитера, жившей в конце XVIII в.); нем. *der billige Jakob* – пьяница, *einen Karl machen* – гулять, веселиться; башк. *йәйәүле Мәхмүт* – безлошадный, *Камыр батыр* – робкий человек.

Применение того или иного переводческого приема для перевода антономасии зависит не только от языковых, но и, как во многих других случаях, от культурных различий.

Метонимия как прием вторичной знаковой номинации основывается на реальной связи объекта номинации с тем объектом, название которого переносится на объект номинации.

Литература

Апресян В.Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций. – М.: “Инфра – М”, 1993. – 264 с.

Арутюнова Н.Д. Метафора в языке чувств // Язык и мир человека. – М., 1990. – 385 с.

Бускунбаева Л.А. Закономерности речевой экономии и их отражение в башкирском языке. – Уфа, 2008. – 140 с.

Ишбердин Э.Ф. Историческое развитие лексики башкирского языка. – М.: Наука, 1986. – 151 с.

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М., 1990. – 173 с.

Сулейманова Р.А. Антропонимы современного башкирского языка и тенденции их развития. Дис. .. канд. фил. наук. – Уфа, 2006. – 194 с.

Сулейманова Р. А. Башкирская антропонимия в контексте тюрко-башкирской культуры. / Феномен Евразийства в материальной и духовной культуре, этнологии и антропологии башкирского народа. Уфа, 2009. С. 235-236.

Суфьянова Н.Ф. Проблемы многозначности в башкирском языке и ее лексикографическая разработка. – Уфа: Гилем, 1998. – 102 с.

Нәзерғолов М.Х., Өфө к.

ХІХ БЫУАТ БАШКОРТ МЕМУАР ЯЗМАҒЫНЫҢ КАЙҒЫ БЕР ТЕЛ ҮЗЕНСӘЛЕКТӨРӨ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и РБ “Урал: история, экономика, культура” в рамках научно-исследовательского проекта № 14-14-02604 (ер).

Рәсәй фәндәр академияһы Өфө ғилми үзәге Тарих, тел һәм әҙәбиәт институтының кулъязмалар һәм иҫке баҫма китаптар фондында ХІХ быуат уртаһында зауряд хорунжий (хорунжий вазиғаһын ваҡытлыса башкарыусы – М.Н.) Ғосман Ишмөхәмәт улы төзөп калдырған бер кулъязма китап һаҡлана. Уның хаҡында ошо юлдарзың авторы башкорт һәм рус телдәрәндә бер нисә мәкәлә баҫтырҙы [Нәзерғолов 2003, 2011, 2013]. СССР Фәндәр академияһының Башкортостан филиалы 1952 йылдың сентябрәндә ойшоһторған тарихи-этнографик экспедиция тарафынан Стәрлетамак районы Елембәт ауылынан (хәҙер был ауыл Стәрлебаш районына карай) табып алып кайтылған был язма комарткы тарихсылар, этнографтар һәм әҙәбиәтселәр өсөн генә түгел, башкорт теленә диалекттарын һәм һөйләштәрән өйрәнәүселәр өсөн дә кызыклы һәм әһәмиәтле сығанак булып тора.

Башкорт мемуар әҙәбиәтенә матур бер үрнәге булған был әсәр башкорт, татар, казак, карағалпак һәм башка кайғы бер төрки халыктары өсөн уртаҡ әҙәби тел булып хезмәт иткән иҫке төрки (дөрөсөрәге, иҫке төркиҙең Урал-Волга варианты) телендә язылған. Шул әҙәби телдә традицион калыптары, морфологик һәм синтаксик нормалары кулъязманьың тәүге юлдарынан уҡ айырым-асыҡ күзәтелә.

Автордың үз заманы мәзрәсәһендә ярайһы уҡ төплө белем алғанлығы күренеп тора. Текстта саф башкорт һәм дөйөм төрки һүзҙәре менән бер катарҙан ғәрәп һәм фарсы лексикаһы ла зур урын алған. Ғосман Ишмөхәмәт улы, башкорт полктарының 1830-1834 йылдарҙағы хәрби походтарында катнашып, хәтирәләренең күп өлөшөн шул вакифаларға арнаған кеше буларак, рус телендәге хәрби терминдарҙы һәм, ғөмүмән, рус һүзҙәрен дә йыш куллана.

Шуныһы характерлы, автор үҙенең хәтирәләрен иҫке төркисә “саф китап телендә” генә язмаған, кулъязма башкорт йәнле һөйләү теленә хас лексик-грамматик формаларға ифрат бай. Мәсәлән, заманының традицион язма телендәге “чәчү” урынына – “сәчәү”, “мал көтү” урынына – “мал асырау”, “чакырышу” урынына – “сакырышыу”, “суңыраҡ” урынына – “суңгараҡ”, “чәчәк” урынына – “сәчәк”, “чакрым” урынына – “сакрым” һүзҙәре кулланылған. Шулай уҡ халкыбыҙҙың йәнле телендә әле лә йәшәгән “ситча күлмәк”, “суйылған сугым”, “тире ыслау”, “кағызлата”, “таза достоин”, “сәкмән”, “сапраклы эйәр”, “йәрәшкән жәмәгәт”, “ер-сыу башы”, “йәндән өмөт калмау” ише һүзҙәр һәм һүзбәйләнештәр йыш осрай.

Кулъязма тексындағы һөйләмдәр зә бик үзенсәлекле. Улар араһында тулы булмағандары, йәғни һөйләмдең ниндәй зә булһа баш киҫеге төшөрөп калдырылғандары, зур урын тота. Был да, мәғлүм булыуынса, күберәк халықтың йәнле һөйләү теленә хас. Автордың һөйләм башында “ләкин”, “әммә” һүзҙәре урынына йыш кына “иллә” һүзөн кулланыуы ла йәнле телмәр, урындағы һөйләш традицияларының йоғонтоһонан килә. Хәйер, быға ышаныу өсөн кулъязманан түбәндә килтерелгән өзөккә иғтибар итеү зә етә:

“... Ул уҡ ваҡыт (1800 йылдар башы – М.Н.) башкорт халкының бай заманы, арыштан ашыҡны аз ғына сәчеп, мал асырап тереклек кылыр ирделәр. Жәй фасылында (миззелендә) күберәк кымыз эчмәк һәм кыш көнләрәндә ит, май, корот ашамак илә (менән) чәй эчкән. Һәм ситче күлмәк кейгән кемсәнә (кеше) юк ирде. Ирәнләр һәм хатынлар да. Аслан (бөтөнләй) чубар тастар ураған хатын юк ирде. Келәпеш, кашбау һәм сакал бәйләнер ирделәр. Иллә күлмәкләре киндер кейәр ирделәр. Һәм жылән урынына да бәгзеләре аҡ киндердән чаба(н) тегеп кейәргә ирде. Жәй көнөндә кымыз сатқан, кыш көнөндә суйылған сугымның тиресене һәм майыны сатқан кемсәнә аслан улмаз ирде. Сугымның тиресене ыслап, аяқларыға кейәр ирделәр. Һәр йылны май числасы ахыр көнләрәндән калмай иртә күчеп, туй, жыйун, байрамға сакырышып, жәй фасылының күберәген ашамак-эчмәк, уйнамак-көлмәк илә гиш-гишрәттә үткәрер ирделәр...”

Күренеүенсә, башкорт халкының XIX быуат башындағы тормош-көнкүрешенә, кәсеп-шөғөлөнә, кейем-һалымына, ашамлык-эсемлектәренә кағылышлы кызыклы мәғлүмәт һаклаған был юлдарҙа бөгөнгө милләттәштәрәбез өсөн архаизм булып яңғыраған һүзҙәр зә урын алған. Мәсәлән, “тастар” тигән һүзәң оло йәштәге катындар ябынған бер осо сигеүле озон яулықты аңлатканын фәкәт кайһы бер өлкәндәр генә белеүе мөмкин. “Сапан” (текста “чапа(н)”), “кәләпүш” (текста “келәпеш”), “кашмау” (текста “кашбау”), “һакал” (текста “сакал”) һүзҙәренең дә мәғәнәһен хәзәргә йәштәр араһынан белеүсә һирәк.

Ғосман Ишмөхәмәт улының әрме сафтарына алынуына бәйле юлдар за үзенсәлекле теле, стиле һәм лексикаһы йәһәтәнән иғтибарҙы йәлеп итә:

“... 1830-нчы йылға киткәч малдав хезмәтенә кантонымыз Локманға [Башкирская энциклопедия 2007] нәрәт килеп, ике йөз дә 75 кешеләрне , һәр командаларға йөрөп, ишле һәм таза дастоин кемсәнәләрне һәм илдәге бәйгегә йөрөй торған яхшы атларны яуға алып, бер казакны ун туҡыз душлар төзөкләндереп чығарырга әмер ителде. Ағамыз Әбүбәкерне ул уҡ хезмәткә тәгәйен кылдылар. Күк чәкмән, күк салбар, аҡ шапка һәм сапраклы эйәр, һәм мылтык, кылыч, сөнгө илә. Башка илләрдә атны мурдән алынды. Иллә безләрне(ң) етемлекемез сәбәпле атны алып бирмәделәр. Өч баш бейәләр биреп, ауылымыз Үзәнбай ағанан күк атны алдык.

Ағамыз мәрхүм Әбүбәкерне ул уҡ хезмәткә тәгәйен ителгәндин кезин (элгәре) аның йәрәшкән жәмәгәте бар иде. Жибәрмәлек жәһәтәндән качып килеп, аның урынына жалаюций бән юлландым. Дурт күз иглағанча, сән ике күз иғларсың, дәйү...”

Башкорттарҙы хәрби хезмәткә сакыртыу һәм яуға озатыу тураһында һүз йөрөтөлгән был юлдарҙа “наряд” (текста “нәрәт”), “команда”, “достоин” (текста

“дастоин”), “душ”, “казак” (текста “казак”), “шапка”, “желающий” (текста “жсалающий”) кеүек рус һүзәренең кулланылыуы, - әлбиттә, тәбиғи күренеш. Шулар араһынан “жсалающий” һүзе айырыуса диккәттә тарта. Билдәле булыуынса, әлеге вақытта үз теләге менән һуғышқа китеүселәрзе илебеззә “доброволец” тип атайзар. Күрәһең, VIII-XIX быуаттарза ошо һүз урынына йәки уның синонимы булып “жсалающий” һүзе йөрөгән.

Был мәкәләлә без Ғосман Ишмөхәмәт улы кулъязмаһының бәләкәй генә бер өлөшөнә байкау яһанык. Комарткыны тел-стиль йәһәтенән ентекләрәк һәм тулырак өйрәнәүзе лингвистар, диалектологтар киләсәктә мотлак аткарыр, тигән өмөттә калабыз. Уның асылмаған серзәре күп әле.

Әзәбиәт

Войсковой старшина Локман Усман улы Ибраһимов ул йылдарза VII башкорт кантонының башлығы булып торған // Башкирская энциклопедия. В 7 т. Т.3. З – К / Гл. ред. М.А. Ильгамов. – Уфа, 2007. С. 313.

Надергулов М.Х. Мемуар башкирского воина // Военная история башкир. Энциклопедия / Гл. ред. А.З. Асфандияров. – Уфа, 2013. С. 249.

Надергулов М.Х. Интереснейшая рукопись // Материалы Международной конференции “Этногенез. История. Культура: I Юсуповские чтения. 2011”. – Уфа, 2011. С.185-193;

Нәзәрғолов М. Киммәтле хәтирәләр // “Ағизел”, 2003, № 12. 109–119-сы бб.

Нәзәршина Ф.А., Өфө к.

ИРЕК КИНЙӘБУЛАТОВ ИЖАДЫНДА ГРАЖДАНЛЫК МОТИВТАР

Оло һәм бай тарихлы башкорт шиғриәте донъяһына Ирек Кинйәбулатов узған быуаттың 70-се йылдарында “Баһыу юлы” (1970), “Сыйырсыктар бала осора” (1973) тигән шиғыр йыйынтыктары менән килеп инде, инде лә был мөхиттән бер касан да айырылманы. Һайлаған юлынан тайпылмай ил, халык, шәхестәр язмышына бәйлә уйланыузар менән һуғарылған әсәрзәр ижад итеп, уларзы мәғәнәлә исемдәр менән баһтырып сығарзы: “Һөйөү иртәһе” (1988), “Мин башкорт” (1993), “Арғымакта” (1998), “Заман тауышы” (2008), “Ғүмер китабы” (2013).

Укыусы иғтибарына тәкдим ителгән был мәкәләлә шағирзың барлык йыйынтыктарын байкау максаты куйылманы. Бында шул баһмаларзан куйылған темаға ярашлы айырым үрнәктәр генә һайлап алынды.

Тормоштоң әллә күпме һынаузарын үтеп, хәзерге башкорт шиғриәтенең иң алғы һызыктарында килгән Кинйәбулатовтың караш офоктары ифрат киң, фекерләү юсыктары тәрән тамырлы. Шуға ла уның поэзияһында халкыбыз тарихындағы төрлө осорзар шандауы, хатта фән телендә «кешеләр аңындағы мифологик вақыт» тип нарыкланған дәүерзән ауаздары ла ишетеләп кала. Был күренеш хәбәр һөйләү аша түгел, ә теге йәки был шиғырзың, поэманың «тукумаһына индерелгән образдар аркылы һүрәтләнә (Ер-Кеше, Йәншишмә, изгеләштерелгән коштар, толпарзар). Тарихи вакиғалар (ихтилалдар, һуғыш...), унда катнашқан билдәле шәхестәр (Алдар батыр, Караһакал, Юлай улы Салауат, Зәки Вәлиди...) һақында уйланғанда ла Ирек Кинйәбулатов бөзрә һүзәр менән түгел, ә бороңғолок, хәтер, хәтерлелек, хәтерһезлек кеүек тәрән мәғәнәлә төшөнселәр менән эш итә. Был йәһәттән кәләм остаһының «Шүлгәнгә ингәндә» тигән шиғыры айырыуса иғтибарзы яулай. Уны укығанда шағирзың әске донъяһындағы илаһи тойғолары, тулкынланыуы һиңә күсә, бар булмышыңды яулап алып, Шүлгән мәмерйәһенең серле донъяһына тарта:

Инәм иң бороңго олатамдың

Хозай үзе биргән кыуышына.

Ырыуымдың якты донъяларға,

Бәлки, ул шаһиттыр тыуыуына.

Укып инәм белгән доғаларзы,

*Хозай асын куйган ишегенә.
Күз Һалайык әле мәңгелеккә —
Ырыуымдың серле бишегенә...*

Булат Рафиковтың «Караһакал» романын укығас иһә, шағир күңелендә тәрән хистәр менән һуғарылған «Кан хәтере» тигән шиғыр ярала:

*Башкорттарзың канын күп кайнаткан
Башкорттарға булған канһызлык.
Халык кай сак өһһөз тороп калған,
Ә хәтере күскән канына.
Акылыма һыймай — халкым күпме
Йәшен түккән, канын ағызған.
Бына — кандан канға күсә килгән
Кан хәтере төшкән кағызға.*

Яйык ярындағы Бүгәслетаузы ла шағир «Ил улына (Пугачевка, уның йөзөндә Салауатка) һәйкәл» итеп күзаллай:

*...Салауаты кеүек якын күреп,
Күз өстөндә торған каш итеп,
Бер тауына халык исем биргән,
Ярзың таузарына баш итеп,
Яйык өстөндәге каш итеп.*

«Яйык өстөндәге каш» — образы ла ниндәй бит әле! Үзенсәлекле, Кинийәбулатовса әйтелгән метафора-сағыштырыу.

«Үпкәләмә, Каруанһарай» шиғырында шағир хәтерһезлектен хәүефле күренеш икәнән искәртеп, укыусыны йәнә уйландыра. Йырза әйтелгәнсә, «уйландырып кына калмай, моңландыра» ла. Сәбәбе – ижтимағи, социаль проблемаларзың әхләки-әтик йүнәләштәге уйзар менән тығыз бәйләнештә бирелеүендә. Әйткәндәй, был Ирек Кинийәбулатовтың шиғриәтенә гөмүмән хас һызат.

Әлбиттә, шағир ижадының төп образы (персонажы түгел) – уның үзе йәшәгән Замана, карашын ул (Замана) берсә үткәндәргә төбәй, берсә киләсәккә йүнәлтә. Юткамы ни шағир: «Күңелемде ниңә берзәй борсой — Тәүтормош та, бөгөн, киләсәк тә?» — тип үз-үзенә һорау куя. Ошо күсәгилешлек фәлсәфәһе күзлегенән дәүеренең йыльязмаһын төзөй, «Ирек Кинийәбулатов шиғриәте» тигән тылсымлы мөхитте булдыра.

Ирек Кинийәбулатовтың ижады тарихи йүнәләшле, фекерле булығы менән иғтибарзы йәлеп итә. Йәмғиәт өсөн әллә ни әһәмиәте булмаған шәхсән тормоштағы төрлө ығы-зығы тәңгәлендә һүз куйыртып, үзен вакламай ул. «Әрнеткәнде язам, зарланмайым — кысыр көйөктәрзе зар итеп. Яҙһам-язам башка сара юкта, тик язмайым юкты бар итеп», — ти шағир үзе лә. Бәлки, шул язмай булдыра алмаған сактарында ижад ителгәнгәлер зә, Ирек Кинийәбулатовтың шиғырзарына фекер тығызлығы, шиғри камиллык хас. Миһал өсөн уның «Мин башкорт» тип аталған шиғырын искә төшөрөү зә етә. Ун өс кенә куплеттан торған был шиғырға шағир үз халкының сығышы, үткәндәре һәм киләсәге һақындағы уйланыузарын һыйзыра алған.

Ирек Кинийәбулатов шиғриәтенең үзәгендә Ер, Ил, Ил-Халык, Кеше язьмыштары тураһындағы уйланыузар ята. Шағир өсөн Ер кеше кеүек үк тере йән. Ер тәне, ер йәне, ер кото, ер рухы, ер аяғы-ер башы, ер йөзө, ер күкрәге, ер тыны, ер хәле, ер иңрәүе, Ер-әсә кеүек һүзбәйләнештәр тел бизәү өсөн генә индерелмәгән шиғырзарға. Ер — тере йән образын сағылдырыу йәһәтенән шағирзың «Баш осонда торам» исемле шиғыры иғтибарзы айырыуса нык йәлеп итә. Тәрән психологизмға королған был тетрәндәргәс шиғырзы кысқартып бирергә базнат итмәнәм. Бына ул:

*Ғәзиз ерем, баш осонда торам,
Еңләймәй һис тә һулышың.
Йөрәккенәң дарслап-дарслап тибә,*

*Базлай күзең йәшкә тулышып,
Ятаһың һин, сак-сак тын алгандай,
Өмөт кәмей бара күзеңдә.
Әйтерһең дә, тамам ваз кискәнһең
Кемдер биреренән түземдәр.
Карап торғандарзың инде хәзер
Бер ни килмәс кеүек кулынан.
Ятаһың һин шулай, ак олатай
Тужмалгандай шакшы улынан.
Тәндәреңә һаман дарыу түгел,
Ағыу ямғырзары яуалар.
Ниндәй им-том килешер зә һиңә,
Шифа булыр ниндәй дауалар?
Кулдарымды өтөп алыр һымак,
Кызыу маңлайыңа һалганда.
Торам шулай хәлһез әсәйемдең
Баи осонда телһез калгандай.*

Ергә һакһыз қағылыу, уның котон ебәреү, тәнән йәрәхәтләү һәләкәткә тиң — ошо идея Ирек Кинйәбулатовтың экология проблемаларына қағылған һәр бер шиғырының нигезенә һалынған: «Инсебикә каяһы астында», «Торатау итәгендә», «Телһез таузар» һ.б.

Шағирзың “Торатау итәгендә” шиғыры, мәсәлә, үзе бер картина, рәссам һүрәте:
...Торатаузың итәгендә торам,
Оса болот канат тигезеп.
Ирлән һымак заман ер корттары
Кисерәләр тағы нигезен.

...

*Итәгендә торам Торатаузың,
Күгем бөтөп бара тишелеп.
Һин дә ауһаң, терәктәре бөтөп,
Төшөр һымак йыһан ишелеп.*

Ошо юлдарға Ирек Кинйәбулатовтың “Ирәндектә иртә” тигән шиғырын йәнәш куйып караһаң, шағир хистәренәң ни тиклем нескә, уйланыузарының ни тиклем тәрән булыуын аңлау ауыр түгел. Бына шул шиғырзан бер генә куплет:

*Ил карттары һымак олат таузар
Карап катқан. Иген сәсәләр.
Ә кара ер таңда тиртеп тора,
Тәүге бала көткән әсәләй.*

“Вақыт оса ярһып” шиғырынан бер өзөк:

*Ак биләүзәме ни, кар астында
Ерем серем итә изерәп.
Туң тупракка орлок түзмәй ята
Шытып сығыр өсөн тизерәк.*

Ил тойғоһо, Ер тойғоһо кеүек, — шағир йөрәгендәге иң изге хистәрзең береһе уның нескәлектәре шиғырзарзың йөкмәткеләренә (контексына) ярашлы, *олатайзар ил-ере, йәнтөйәк, тыуган ер, тыуган ил, башкорт иле, Башкортостан, Ватан* тигән төшөнсәләр аша еткерелә. «Илде һағыныу» исемле шиғырында (ул СССР тарқалғас язылған) ошондай юлдар бар:

*Тағы ни бар изге
Илгә табыныузан.
Күк һарғайыр төслө
Илде һағыныузан.*

*Мин диуана микән,
Бишанамын бына,
Ысын кеше итә
Ил тойгоһо ғына.*

Шағир күңеленән сыккан эскерһез, ихлас һүззәр был. Әгәр ошо оло тойгоһо булмаһа, бәләкәй генә сағынан атаһынан айырып йөрәгенә уналмаҫ яра һалған кәһәрле һуғыш йылдарына, унан һуңғы булған төрлө кан койоштарға карата үзенең нәфрәт утын сәсер инеме Ирек Кинйәбулатов, ошондай тетрәткес шиғыр юлдары тыуыр инеме уның күңелендә:

*Ил эсендә, ер ситендә
Һаман башкорт башын һала.
Сит тупракта бары каны,
Таш куйһалар, ташы кала.
Дүрт тарафка борол әле –
Ер күкрәге канға баткан.
Текләберәк карай бирһәң –
Мәңгелек таш канға баткан.
Шуга мәте кызыл төстә,
Ком да шуга кызыл төстә.
Ерзә канды киптерергә
Яна кояш кызыл төстә.
(«Йөрәк каны»).*

*Урамдарза йәп-йәш гәрип күрһәм,
Сатнай йөрәк, тығыла алкымым.
(«Афған һуғышының алкымы»).*

Ирек Кинйәбулатовтың әрнеү-көйөүзәре йөрәктәрзе өтөп алырлык, әммә үзе әйтмешләй, уның «ак донъяға кара уйы юк», уның йыһаны «әсә кулдарынан кешеләрҙән күңеленә тиклем». Шағир шиғриәте шәфкәтле, якты нурлы, кеше рухын нығыта торған шиғриәт.

Кыскаса булһа ла әйтергә кәрәк: шағирҙың ижад диапазоны ифрат киң. Ижтимағи темаларҙан тыш, уның шиғриәтендә тормош-көнкүреш хәлдәренә, әхләки-этик проблемаларға, мөхәббәт лирикаһына зур урын бирелә. Шуныһы мөһим: нимә тураһында ғына язмаһын, Ирек Кинйәбулатов үз юғарылығынан түбән төшмәй – талантлы кәләм әйһе, олпат фекерле оло шағир, илһөйәр шәхес, изге күңелле Кеше булып кала.

Ил-йортона, халкына тәрән һөйөү тойгоһон канына һендергән шағир күңелендә генә ошондай ябай, бер үк вақытта мәғәнәле образлы, якты энергетикалы шиғыр ярала алалыр ул.

*Үлән булһам, үсәр инем /Бәтә юлдар тулып.
Янған яраларға ябыр /Юл япрағы булып.
(«Юл япрағы»).*

Ирек Кинйәбулатов шиғриәтенең үзенсәлеген билдәләп, академик Ғайса Хөсәйенов шағирҙың ғүмер китабы тигән йыйынтығына яҙған инеш мәкәләһендә, хаклы рәүештә, түбәндәгеләрзе яҙы: “Ниндәй генә осорҙар кисермәһен, әзәбиәттә, сәнғәттә ниндәй генә үзгәрештәр, киҫкен һынамыштар булһаһын, Ирек Кинйәбулатовтың поэзияһы, нигеззә, тыштан тыныс тонлы, эстән үзенсә тәбиғи моңло ижад булып кала. Уның поэтик үзенсәлеге кәзимге һәм хәзерге тормошто тәбиғи ағышында һүрәтләүендә, йәшәү йәмен, күңел күркен үзенсә ғәзәти, традицион һүрәтләү саралары аша тасуирлауҙа”. Автор шиғриәтен эстәлеге, мәғәнәүи асылы буйынса кылыкһырлай торған төп һызат иһә, уның гражданлык мотивтары менән һуғарылған булыуында.

2. Свойства отыменных послелогов и свойства именных групп

2.1. Устройство посессивных именных групп в башкирском языке

В (1–2) зависимые при послелогох *аркаһында* и *алдында* оформлены по-разному: в (1) зависимое послелого находится в немаркированной форме, как во второй изафетной конструкции, ср. именную группу *һыйыр кәтәүе* в (3); в (2) зависимое принимает форму родительного падежа, как в третьей изафетной конструкции, ср. *һыйырзың исеме* в (4).

(3)	<i>Кала-ны</i>	<i>сығ-ып,</i>	<i>бер</i>	<i>аз</i>		
	<i>бар-ғас,</i>	<i>һыйыр</i>	<i>кәтәү-е</i>			
город-ACC	выходить-CV	один	мало	идти-CV.ANT	корова	стадо-Р.З
<i>оло</i>		<i>юл</i>	<i>аша</i>		<i>сығ-а</i>	
		<i>башла-ны.</i>				
большой	путь	через	выходить-CV.IPFV			
начинать-PRST						

‘Когда мы выехали из города и немного проехали, стадо коров стало переходить через большак’ [ашкадар.com].

(4)	<i>Ул</i>	<i>һыйыр-зың</i>	<i>исем-е</i>	<i>Куныр</i>	<i>Буга</i>	<i>бул-а.</i>
тот	корова-GEN	имя-Р.З	бурый	бык	быть-PRS	

‘Имя этой коровы было Куныр Буга’ [«Названия гор»].

Согласно источникам, выбор между второй и третьей изафетной конструкцией прежде всего или в большой степени зависит от определенности обладателя: в случае если обладатель является определенным, в большей части случаев используется третья изафетная конструкция, см. [Юлдашев (ред.) 1981, 370–372; Гарейшина 2013]. Для исследования того, различается ли поведение зависимых при послелогох и при существительных, использовались сочетания с такими зависимыми, которые при именных вершинах обычно принимают форму родительного падежа, поскольку не могут не быть определенными: личные и указательные местоимения, имена собственные и под.

Послелого и существительные также можно сравнить с точки зрения употребления показателя притяжательности. На существительных показатель притяжательности обязателен в случае, если обладатель относится к третьему лицу; при обладателе, выраженном местоимениями первого или второго лица, показатель может отсутствовать.

Наконец, для послелогов проверялась возможность присоединения показателя множественного числа. Показатель множественного числа на именных вершинах указывает на множественность референтов вершины или на множественность обладателей. Так, в (5) речь идет об одном объекте, принадлежащем нескольким обладателям.

(6)	<i>Машина-лар-ы</i>	<i>бар,</i>	<i>казенный</i>
<i>өй-зә</i>	<i>йәшә-й-зәр.</i>		
машина-PL-Р.З	имеется	казенный	дом-LOC
жить-PRS-PL			

‘У них машина есть, живут в казенном доме’ [«Рассказ о семье»].

Для послелогов возможность присоединения показателя множественного числа проверялась в контексте множественности референтов зависимого послелого (как в выражениях *перед ними*, *из-за них*), поскольку основы послелогов не отсылают к каким-либо референтам, а обозначают отношение, так что контекст множественности референтов вершины в послеложной группе задать затруднительно, особенно для послелогов с абстрактным значением (*аркаһында* ‘из-за’ и *тураһында* ‘о’), которые не отсылают ни к какой пространственной части объекта.

Сопоставляя поведение послелогов с поведением существительных, мы ожидаем, что послелого, в большей степени отделившиеся от источников, будут в большей степени демонстрировать отклонения от поведения, характерного для существительным, и редукцию морфологических свойств, которыми обладают существительные, см. о грамматикализации отыменных пред- и послелогов в [Lehmann 1995].

2.2. Общие свойства рассматриваемых послелогов

В предыдущем разделе рассматривались именные группы, на фоне которых послеложные группы могут демонстрировать редукцию морфосинтаксических механизмов маркирования связи. На поведение отыменных послелогов можно посмотреть также с точки зрения базовых послелогов башкирского языка, сближения с которыми можно ожидать от послелогов по мере грамматикализации. В качестве таких послелогов были выбраны послелог *менән* ‘с’ и *өсөн* ‘для’, которые являются наиболее базовыми послелогом башкирского языка, ср. [Дмитриев 1948, 119; Юлдашев (ред.) 1981, 324-325] и при которых для оформления зависимых также используется родительный падеж или немаркированная форма.

Прежде чем приступить к подробному обсуждению грамматического поведения послелогов, предположения о степени их грамматикализованности можно сделать на основании их значения и возможности установить связь с источником на синхронном уровне, ср. свойства послелогов в Таблице 1.

Таблица 1.

Общие свойства рассматриваемых послелогов

Послелог	Значение	Наличие именной морфологии	Знаменательное слово-источник
<i>менән</i>	‘с’, Инструмент	–	–
<i>өсөн</i>	‘для’, ‘из-за’	–	–
<i>тура-һы-нда</i>	‘о’	+	?
<i>арка-һы-нда</i>	‘из-за’	+	<i>арка</i> ‘спина’
<i>алд-ы-нда</i>	‘перед’	+	<i>ал(д)</i> ‘перед’
<i>эргә-һе-ндә</i>	‘рядом’	+	<i>эргә</i> ‘бок’
<i>өст-ө-ндә</i>	‘на, над’	+	<i>өс(т)</i> ‘верх’
<i>ян-ы-нда</i>	‘рядом’	+	<i>ян</i> ‘бок’
<i>арт-ы-нан</i>	‘из-за’ (простран.), ‘вслед за’	+	<i>арт</i> ‘задняя часть’

В Таблице 1 послелог с элементами именной морфологии приведены с показателем притяжательности третьего лица и разбиты на морфемы. Для всех послелогов приводится набор основных значений. Две верхние строки Таблицы 1 занимают базовые послелог. Эти послелог имеют абстрактное значение, они не содержат элементов именной морфологии и не могут быть синхронно возведены ни к какому знаменательному слову – источнику.

Послелог, содержащие элементы именной морфологии (семь нижних строк Таблицы 1), не однородны с точки зрения того, насколько легко они возводимы к источнику, и, в случае наличия источника, насколько они семантически отдалены от него. Послелог *тураһында* и *аркаһында*, в отличие от остальных послелогов с элементами именной морфологии, имеют абстрактное значение, хотя для послелога *аркаһында* все же можно обнаружить существительное-источник. Эти послелог от остальных отличает также то, что они выступают, как кажется, только с показателем местного падежа. Последние пять послелогов относятся к широкому классу послелогов / наречий, образующих группы единиц с общей основой и различными показателями пространственных падежей: дательного, местного и исходного. Из этого класса послелогов были выбраны наиболее частотные. Следует отметить, что Н. К. Дмитриев помещает послелог последнего типа в особый класс служебных слов, занимающий промежуточное положение между «отдельными словами» и послелогом, на основании того, что «они, сохраняя форму самостоятельного слова, уже утратили свое материальное смысловое

содержание и выражают грамматические отношения разного рода» [Дмитриев 1948, 49]. При этом послелог *аркаһында* упоминается в ряду послелогов, несмотря на его связь с существительным *арка* ‘спина’, см. [Там же 124]. Можно ожидать, что среди послелогов с элементами именной морфологии послелогои *тураһында* и *аркаһында* будут вести себя как наиболее грамматикализованные.

2.3. Форма управляемого слова

Как уже было сказано выше, при всех рассматриваемых послелогох зависимое выступает в немаркированной форме или в форме родительного падежа. Распределение этих двух форм при базовых послелогох *менән* и *өсөн* подробно описано в [Дмитриев 1948, 122-123]: если зависимым при этих послелогох является личное местоимение, кроме местоимения *улар*, оно принимает форму родительного падежа, в других случаях зависимое при этих послелогох выступает в немаркированной форме. С этим описанием согласуются и данные, полученные в ходе экспедиции. В Таблице 2 представлены возможные способы оформления зависимых при базовых послелогох и при послелогох с элементами именной морфологии: родительный падеж (GEN) и немаркированная форма (NULL). В качестве зависимых выступали личные местоимения, местоимение *улар*, которое отличается от остальных личных местоимений, и существительные, которые в данном случае были представлены именами собственными и другими типами существительных, которые могут быть только определенными.

Таблица 2.

Оформление зависимых при послелогох

Послелогои	Личн. мест., кроме <i>улар</i>	<i>улар</i>	Существительные
<i>менән</i>	GEN	NULL	NULL
<i>өсөн</i>	GEN	NULL	NULL
<i>тураһында</i>	GEN	NULL / [?] GEN	NULL
<i>аркаһында</i>	GEN	NULL / [?] GEN	NULL / GEN
<i>алдында, эргәһендә, өҫтөндә, яһында, артынан</i>	GEN	NULL / GEN	NULL / GEN

Таблица 2 показывает, что при всех послелогох с элементами именной морфологии местоимение *улар* и существительные обычно используются в немаркированной форме, как в примере (7), в то время как в качестве зависимого имени они обычно маркируются родительным падежом.

(7) ...*улар* *эргә-һе-ндә* *үз-егез* *зә*
тәкүәлек *тура-һы-нда*
 тот.PL бок-Р.3-ЛОС сам-Р.2PL же благочестие о-Р.3-
 ЛОС
онот-ма-Ө-гыз.
 забывать-NEG-IMP-2PL

‘...и вы сами рядом с ними не забывайте о благочестии’ (www.iyryzan.ru).

Между послелогоми существуют небольшие различия в приемлемости оформления родительным падежом зависимого, выраженного местоимением *улар* или существительным: послелог *тураһында*, при котором эти типы зависимых выступают почти исключительно в немаркированной форме, в наибольшей степени сближается с базовыми послелогоми, послелог *аркаһында* допускает оформление этих типов зависимых родительным падежом более свободно, для пространственных послелогов форма родительного падежа и немаркированная форма являются в равной степени приемлемыми.

Вариативность в оформлении местоимения *улар* была изучена более подробно: для каждого послелогоа было подсчитано количество употреблений с местоимением *улар* в

форме родительного падежа и в немаркированной форме, встречающихся в Интернете (Яндекс), см. Таблицу 3.

Таблица 3.

Оформление местоимения *улар*

Послелог	<i>уларзың</i> послелог	<i>улар</i> послелог	Доля употреблений с родительным падежом
<i>тураһында</i>	1	113	0,01
<i>аркаһында</i>	1	18	0,05
<i>эргәһендә</i>	6	31	0,16
<i>алдында</i>	13	64	0,17
<i>янында</i>	15	42	0,26
<i>өстөндә</i>	13	30	0,30
<i>артынан</i>	23	53	0,30

Как показывает Таблица 3, при исследуемых послелогах *улар* выступает в немаркированной форме чаще, чем в форме родительного падежа. Доля употреблений с местоимением *улар* в родительном падеже при послелоге *тураһында* она очень низка, для послелога *аркаһында* она немного выше, при пространственных послелогах она сравнительно высока, ср. Таблицу 2.

2.4. Употребление притяжательного показателя

Для исследуемых послелогов с элементами именной морфологии также проверялась допустимость употребления с посессивным показателем первого лица единственного числа, а также предпочтения говорящих в случае допустимости обоих вариантов. Таблица 4 показывает распределение оценок носителей и количество употреблений для двух вариантов в Интернете. Знак «+» соответствует наличию посессивного показателя, знак «-» – отсутствию, порядок оценок соответствует предпочтительности вариантов.

Таблица 4.

Употребление показателя 1 л. ед. ч. на послелогах

Послелог	Оценка	Количество употреблений		Доля употреблений с показателем
		с показателем	без показателя	
<i>турала</i>	- / ?+	0	56	0
<i>аркала</i>	- / +	2	14	0,13
<i>өстә</i>	+ / -	2	17	0,11
<i>арттан</i>	+ / -	11	45	0,20
<i>алда</i>	+ / -	19	36	0,35
<i>эргәлә</i>	+ / -	13	13	0,50
<i>янда</i>	+ / -	27	22	0,55

Как показывает Таблица 4, для послелога *турала* использование в форме *турамда* было признано сомнительным, в Интернете подобных примеров также не обнаруживается. Послелог *аркала* в данном случае скорее сближается с пространственными послелогами, а не с *турала*.

2.5. Использование показателя множественного числа на послелоге

Из послелогов с элементами именной морфологии, согласно оценкам носителей, принимать показатель множественного числа способны все послелоги, кроме *тураһында*. В Интернете употребления с показателем множественного числа не обнаруживаются только для послелогов *тураһында* и *аркаһында*, хотя ср. пример (8), записанный в экспедиции.

(8)	<i>Улар-зың</i>	<i>арка-лар-ы-нда</i>	<i>әсәй</i>	<i>эш-кә</i>
	<i>һуңла-ны.</i>			
тот.PL-GEN	спина-PL-P.3-LOC	мать	работа-DAT	
опоздать-PST				

‘Из-за них мама опоздала на работу’.

Возможно, отсутствие таких употреблений в Интернете свидетельствует об их маргинальном характере и подтверждает вывод о промежуточном статусе послелого *аркаһында* между наиболее грамматикализованным из этой группы послелогом *тураһында* и в большей степени сохраняющими свойства существительных пространственными послелогом.

3. Заключение

В работе рассматривались послелого башкирского языка, которые содержат в своем составе падежные показатели и принимают показатели притяжательности. Цель исследования заключалась в том, чтобы обнаружить такие свойства этих послелогов, которые отличают их от существительных, а также ранжировать эти послелого по степени грамматикализованности.

Основное различие в грамматическом поведении послелогов и существительных касается оформления зависимого, выраженного местоимением *улар* или существительным, отсылающим к определенному референту: при существительных такие зависимые почти всегда используются в родительном падеже, при послелогох – обычно в немаркированной форме.

Для упорядочивания послелогов по степени грамматикализованности исследовались свойства, в которых может отражаться удаление от источника и сближение с базовыми послелогом. 1) Возможность легко установить источник и семантическое сходство с ним свидетельствуют о меньшей степени грамматикализованности послелого, чем невозможность установить источник или развитие у послелого более абстрактного значения, чем у источника. 2) Для более грамматикализованных послелогов более частотным является использование с немаркированной *улар* и существительными в немаркированной форме, а не в форме родительного падежа. 3) С большей степенью грамматикализованности связано предпочтительное отсутствие маркера притяжательности на послелого при зависимом местоимении *миңең* <я.GEN> и 4) невозможность присоединения показателя множественного числа. По этим параметрам наиболее грамматикализованным является послелог *тураһында* ‘о’, источник которого не очевиден, значение абстрактно, а грамматическое поведение в наибольшей степени демонстрирует редукцию свойств существительных. Послелог *аркаһында* ‘из-за’ также имеет абстрактное значение, однако для него можно установить источник (*арка* ‘спина’), по ряду свойств он примыкает к послелого *тураһында*, однако в большей степени сохраняет свойства существительного. Пространственные послелого типа *алдында* ‘перед’ семантически близки к источникам и обладают грамматическими возможностями существительных.

Литература

Гарейшина А.Р. Многофакторный подход к падежному варьированию (на материале дифференцированного падежного маркирования в башкирском языке). Дипломная работа. МГУ, 2013.

Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – М.: Наука, 2008.

Юлдашев А.А. (ред.). Грамматика современного башкирского литературного языка. – М.: Наука, 1981.

Lehmann Ch. Thoughts on Grammaticalization (Lincom Studies in Theoretical Linguistics 1). – München: Lincom Europa, 1995.

BÜYÜK GÖÇÜN ZAMİRLERDEKİ YANSIMASI

Zamirler dilin gelişmesini farklı şekilde yansıtan söz varlığının en eski tabakasıdır. Çünkü zamirler olmadan da hiç bir dil olmaz. Dillerin hepsinde böyle mükemmel niteliklere sahip kelime türü olan zamirler bulunmaktadır. Şayet esas kelime türleri gerçeğin bir kısmını yansıtmaya yönelikse zamirler ise gerçeği değil bahsi geçen durumu yansıtmaya ve dildeki esas kelimeleri değiştirmeye yönelik kelime türüdür. Sonuçta zamirler konuşma sırasında ortaya çıkabilecek tekrarlardan korur, diğer kelime türlerin yerine geçer ve anlam yönünden bahsedilen şahısa işaret eder. Böylece metindeki kelimeleri ve cümleleri birbirlerine bağlama görevine üstlenir.

Türk ana dili devrinden günümüze kadar söz varlığının en eski tabakalarından birisini oluşturan zamirlerin eski metinlerde ve çağdaş Türk lehçelerinde kullanım özelliklerini ayrıca bir araştırmada ele alınması Türk dilleri tarihi için önemli bir problem olabileceği kesindir. Türk dillerindeki zamir kökleri genellikle bir birine benzer, fakat aralarında yer aldığı farklılıklar ise zamirlerin uradıkları fonetik değişikliklerinden kaynaklanır:

Alt., Tuv.	<i>men</i>	<i>sen</i>	<i>ol</i>
Kır.	<i>men</i>	<i>sen</i>	<i>al</i>
Tat.	<i>min</i>	<i>sin</i>	<i>ul</i>
Baş.	<i>min</i>	<i>hin</i>	<i>ul</i>
Az. Öz. Uyg.	<i>mən</i>	<i>sən</i>	<i>u</i>
Türk.	<i>ben</i>	<i>sen</i>	<i>o</i>

Türk dillerinde zamirlerin hal şekillerinde direk ve dolaylı gövdelerin yer alması ve hal eklerinin ana Türkçedeki şekillerini kesin olarak yerine getirmesi mümkün olmadığı, Türkologlar tarafından uzun zamandan beri tartışılmaktadır. Karşılaştırmalı tarihi Türkolojide *ben/men*, *sen*, *biz*, *siz* gibi zamirler yapı bakımından basit değil türemiş gövde olarak görülürken köken bakımından düz ünlüyle biten kökü ve şekil bilgisi görevini taşıyan eki içeren dolaylı gövde olarak bakılır [СИГТЯ 1988: 202].

Zamirlerin böylece direk ve dolaylı gövde olarak kullanılması çağdaş Türk dillerinin hepsine özgüdür. Krş. Türkçe:

<i>ben</i>	<i>sen</i>	<i>o</i>	<i>bu</i>
<i>ben-im</i>	<i>sen-in</i>	<i>on-un</i>	<i>bun-un</i>
<i>ben-i</i>	<i>sen-i</i>	<i>on-u</i>	<i>bun-u</i>
<i>ban-a</i>	<i>san-a</i>	<i>on-a</i>	<i>bun-a</i>
<i>ben-de</i>	<i>sen-de</i>	<i>on-da</i>	<i>bun-da</i>
<i>ben-den</i>	<i>sen-den</i>	<i>on-dan</i>	<i>bun-dan</i>

Görüldüğü üzere Türkçedeki zamirler tek başına kullanıldığında direk gövde şeklinde gelirken (krş. *ben*, *sen*, *o*, *bu* şekillerini) hal ekleriyle geldiğinde direk gövdeye *-n* sesi eklenen dolaylı gövde şeklinde (krş. *on*, *bun* şekillerini) kullanılır.

Kırgız dilinde bu zamirlerin yukarıdaki açıklamadan farkı yalın halinde *-l* sesi yer alan direk gövde şeklinde kullanılırken geriye kalan tüm hal şekillerinde *-n* sesi ile tamamlanan dolaylı gövde kullanılır.

<i>men</i>	<i>sen</i>	<i>al</i>	<i>bul</i>
<i>men-in</i>	<i>sen-in</i>	<i>an-in</i>	<i>mun-un</i>
<i>men-i</i>	<i>sen-i</i>	<i>an-ı</i>	<i>mun-u</i>
<i>mağ-a</i>	<i>sağ-a</i>	<i>ağ-a</i>	<i>buğ-a</i>
<i>men-de</i>	<i>sen-de</i>	<i>an-da</i>	<i>mın-da</i>
<i>men-den</i>	<i>sen-den</i>	<i>an-dan</i>	<i>mın-dan</i>

Yönelme hal şeklinde gövdenin -ğ sesi ile gelmesi Türk dillerinin çoğunda *n~η~ğ* değişmesinin sonucu olarak bulunur ve Azerbaycan dilinin Zakatal-Kâh, Cebrail, Karyağı, Kedabek, Nahçıvan ağızlarının olgusuyla ispat edilir [СИГТЯ 2002: 148-149]:

maη+a => maηa saη+a => saηa
mağ+ha => mağha sağ+ha => sağha.

Öylece Türk dillerindeki zamirlerin başka isim türlerinden ayrılarak direk ve dolaylı gövde halinde kullanılması Türk ana dilinin kalıplı devrinden önce başlanmış hadise olarak bakılması gerekir. Bunun kendisi zamirlerin ana dile kadarki özelliklerini saklayarak söz varlığındaki sözlerin en eski tabakasını oluşturduğunu delil ediyor. Bu özellikler yalnız Türk dilleriyle sınırlanmadan Altay ailesine giren Moğol, Tungus-Mançu dillerine de aynen yayılır (, Gaben, Kononov, Şerbak, v.b.). Bunu zamirlerin esasını oluşturan şahıs zamirlerin Türk Moğol, Tungus-Mançu ana dillerinden başlayıp Altay ana dilinin devrine kadar ulaşan ilk şekillerinin karşılaştırmalı tarihi gramerde yerine getirilmesi güzel bir şekilde ispatlar [Рамстедт 1957; СИГТЯ 1988: 204; Poppe 1965: 194; Benzing 1956: 108]:

Ana	Ana	Ana	Ana
Altayca	Türkçe	Moğolca	Man.-Tung.
*mi/*min	*bi/*män	*bi/*min	*bi/*min
*si/*sin	*si/*sän	*çi/*çin	*si/*sin
*i/*in	*i/*in	*i/*in	*i/*in

Altayistik ile türkolojide toplanan bu ve buna benzer değerli ilmi sonuçlar bazı devirlerde Altay dillerinin ve o dillerin sahibi olan Türk, Moğol, Tungus-Mançu (belki de Kore, Japon) boylarının arasında belli bir benzerliklerin ve tarihi bağlantıların yer almasını ispat eder. Bu örnekler Kırgız dilinin tarihi dil bilgisini oluştururken özellikle zamirlere dikkat ederek Türk dillerinin materyalleriyle sınırlandırılmaması gerektiğinin açığa çıkarır.

Altay ailesine giren Türk, Moğol Tungus-Mançu dillerinin olgusunun karşılaştırılmasıyla Anatürkçe için 3 şahıs zamirin **i/*in* şeklinde yerine getirilmesi, çağdaş Türk dillerinde bu zamirin kaybolması ve onun yerine *al, ol, o,u* işaret zamirinin yer alması, bu zamirin tarihi izlerinin bazı kelimelerde korunması ve 3 şahıs iyelik ekinin işte bu zamirden çıkışının ispatlanması Türk dillerinin tarihi morfonolojisindeki en önemli açılış olarak bakılması lazım. Sebebi bu ilmi olgular Kırgız ve başka bütün Türk dillerindeki 3 şahıs iyelik eki eklenen kelimelerin ve sıra sayı sıfatının *-ool/-öö* ve aitliğin *-nıki* eki eklenen sözlerin hal şekillerini kök ve eklere doğru ayırıp, onların hal şekilleri nasıl oluşturulduğunu doğru anlaması için ortam hazırlar:

Kırg. *eköö, üçöö~Yakut. iken, ühüön*

Kırg. *anıki, seniki~Türk. anınki, seninki* v.s.

Tarihi çerçeveye baktığımızda zamirlerin hal şeklindeki yönelme halinin *ban/man/maη/mağ/ma, san/saη/sağ/sa* şekillerinde gelişi ve bu meselenin tam çözülmesi ve ispat edilmesi Türkoloji için son derece manaya sahiptir:

Kırg.: *maηa/mağa/maa, saηa/sağa/saa, aηa/ağa/aa, buηa/buga/boo*

Hak.: *mağaa, sağa, ağaa, pugaa*

Tuv.: *maηaa, saηaa, aηaa*

Sarıyg.: *mağa/maağ/maa, sağa/saağ/saa*

Tof., çulum: *maa, saa*

Bunun gibi olgular Türk dilleri için genel ve şahsi özelliklere sahip olan morfonolojik olayların neticesidir. Onları doğru anlayıp, doğru sıfatlamakla ilk olarak kök almamış zamirlerin varoluşunu doğru açılması için mümküncülük olur. Ondandır onların sonuçlarını faydalanmakla otomatik çevirme, metni işletme ve analiz/ sentez sistemleri yapmak için yol açılır. Bu açıdan söz konusu şekillerini kök ve eke ayırmada Tuva, Hakas, Şor, Sarıygur, özellikle Azeri ağızlarının malzemeleri son derece önemlidir. Krş.:

Kırg. *mağa<meg+a< mağ+ga< maη+ga< men+ga*

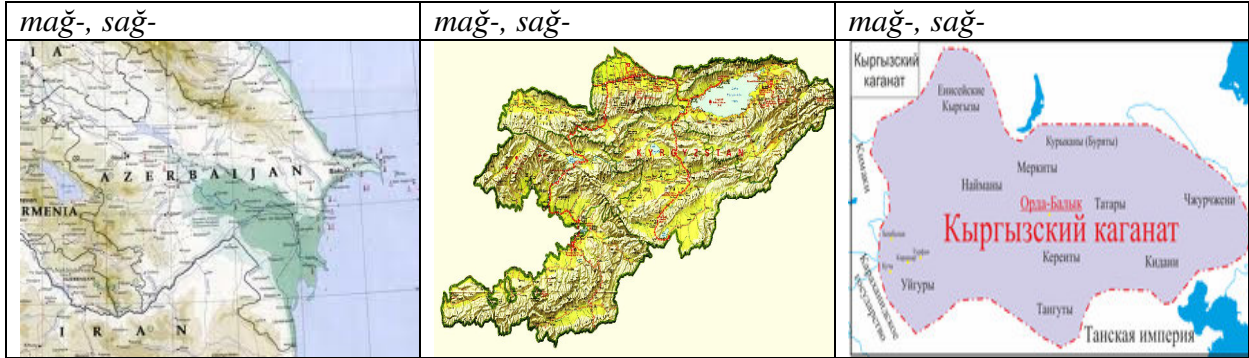
Tuv. *megee<meg+ee< meg+ge< meη+ge< men+ga*

Hak. *mağaa < mağ+aa < mağ+ga < mañ+ga < men+ga*

Az.ağzıl. *mağha < mağ+ha < mañ+ga < men+ga.*

Zamirlerin *maa, saa, aa* gibi kısaltılmış şekillerin ise söz konusu olan dillerin ana dilden bölünüp ama kendi içinde şimdiki gibi ayrılmaya başlamadığı zamanda ortaya çıkan şekiller olarak bakılması lazımdır.

Böylelikle bu örnekler folklorluk, etnografyalık arkeologluk tarihi ve başka malumatlarla birlikte Güney Sibirya'daki Hakas, Tuva, Tofalar, Şor, Altay, Saruygur ve başka boyların çıkış yeri onların Kırgızlar ile olan tarihi bağlantılarının derinden araştırılmasına ortam hazırlar.

Resim 1. Zamirlerin *mağ-, sağ-* şekilleri yayılan bölgeler.

Görüldüğü gibi zamirlerin yukarıdaki *mağ-, sağ-* şekilleri folklorik, etnografik, arkeologik, tarihi ve başka bilgilerle birlikte Eski Kırgız devleti jografisinde yaşayan Hakas, Tuva, Tofalar, Şor, Altay, Saruygur ve başka boyların ve Azeri ağzılarının Kırgızlar ile olan tarihi bağlantılarının derinden incelenmesine ve Türk boyları büyük göçünün bu açıdan araştırılmasına ortam hazırlar.

Böylece bu bilgiler Kök Türk devrinden günümüze kadar Türk dilleri ile şivelerinde kullanılan ek almamış zamirlerin varoluşun parçalamadan ve kademe kademe bir bütün şekilde işlenip tastiklenmesine imkân sağlar:

ben/men => *ban/man* => *bañ/mañ* => *mag* => *ma*

sen => *san* => *sañ* => *sag* => *sa.*

Eğer milletin genetik kodu dil olduğu şüphesizse dilimizde yer alan bu tarihi bütünlüğü koruma bizim kutsal borcumuzdur.

Кайнакча

Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание: морфология. – М: 1957.

СИГТЯ 1988 = Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – М: Наука, 1988.

СИГТЯ 2002 = Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: региональная реконструкция. – М: Наука, 2002.

Benzing J. Die tungusischen Sprachen: Versuch einer vergleichenden Grammatik. – Wiesbaden, 1956.

Poppe N. Introduction to Altaic Linguistica. – Wiesbaden, 1965.

Резюме

*Местоимения рассматриваются как древнейший пласт лексики, в котором достаточно рельефно отражены ареалы распространения тюркских языков и диалектов. Обсуждаются формы дательного падежа личных местоимений на *tag-, sag-, ag-*, которые охватывают ареалы распространения хакасского, тувинского, кыргызского языков и Жебраильского, Нахичеванского, Закавказского, Кедабекского и Карягийского говоров азербайджанского языка. Эти данные представляют интерес с точки зрения историко-лингвистического обоснования миграции древнетюркских племен в Евразийском пространстве.*

ИСТОРИКО-РЕЛИГИОЗНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГОРОДА (СТРАНЫ) БУЛГАР

(по стихам туркменского поэта-классика Махтумкули)

Наши расчеты, проведенные путем сплошной выборки стихотворных строк по изданным поэтическим сборникам великого туркменского поэта-классика XVIII века Махтумкули, показывают, что топонимом Булгар поэт-мыслитель пользовался, по меньшей мере, в трех своих стихотворениях. Как известно, в настоящее время древний город Великий Булгар (или Болгар) представляет собой небольшое городище с несколькими каменными палатами, большим и малым минаретами, музеем, расположенном в рядом стоящей церкви, и очаровательной природой.

В средние века город Булгар был столицей Волжско-Камской Булгарии (922–1241 гг.), позднее – одним из крупнейших городов Золотой Орды. Город был основан волжскими булгарами в X веке, в 1361 году разрушен золотоордынским князем Булат-Тимуром. Затем был восстановлен, но в 1431 году разрушен воеводой Фёдором Пёстрым, после чего был покинут жителями и более не восстанавливался. Городище расположено около современного города Болгар. Действует Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник, который в 2014 году решением заседания 38-й сессии Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО включен под номером 1002 в всемирный список охраняемых объектов общечеловеческой культуры [См. еще: История Булгар; Великие Булгары].

Приступаем к чтению любовной лирики Махтумкули Фраги. Так, поэт в третьей строфе своего шестистрофного стихотворения “Gözel sen” (в русском переводе “Красавица”) пишет [Magtymguly 1993, 47]:

*Gyzyl diýsem – gyzyl, al diýsem – al sen,
Hindistanda – şeker, Bulgarda – bal sen,
Yşk bilen açylan bir täze gül sen,
Ýusup–Züleyhanyň taýy, gözel sen!*

Эти строки на русском языке в поэтическом переводе А. Ревича звучат так [Махтумкули 1983, 159]:

*Ты – багрянец, ты – пурпур, ты – алый восход,
В Индостане ты – сахар, а в Булгаре – мед,
Лик твой в пору любви, словно роза, цветет,
Зулейха и Юсуп – ты, мой друг, красавица!*

Если открыть соответствующие страницы двухтомной книги “Magtymguly Pyragynyň Diwany: Tankydy tekst” (“Диван Махтумкули Фраги: Критический текст”) [Magtymguly 2009], изданную в 2009 году иранскими туркменами в Кунбед-Кабусе (ИРИ), то можно выявить написание топонима Булгар в рукописях стихов поэта следующими буквами арабского алфавита: “ба”, “вав”, “лям”, “гайн” и “ра”. Встречаются манускрипты, в которых при написании слова Булгар буква “вав” не использована, при этом какой-либо надстрочный знак также отсутствует, а в отдельных из них для обозначения гласного звука [o] или [y], обозначаемого буквой “вав”, вместе данной буквы использован надстрочный знак (‘) [См. 33-й и 156-й стихи в указанной выше книге, страницы которой, почему-то, не пронумерованы]. Как известно, Махмуд Кашгарский (XI век) описывает лексему булгар (болгар) как этноним (один из тюркских народов) и как топоним (название города на Волге) [См.: Divan 1986, 835]. Со своей стороны хотим несколько конкретизировать это утверждение, заявив, что в данной лексеме топонимическое значение является первичным в отношении ее вторичного значения, т.е. этнонима. Здесь наблюдается как раз тот случай, когда название местности (топоним) переходит на тот этнос, который населяет эту

местность (топоним). Ср. совр. Азербайджан и азербайджанцы. Исходя из этого, можно этимологизировать сложное слово болгар (булгар), разделив его на следующие компоненты: бол ('много', 'изобилие', 'скопление') + -(у)г (аффикс, образовавший прилагательные, типа долуг 'полный', сарыг 'желтый' и т.п.) + ар (т.е. эр 'мужчина', 'человек', 'люди'). Следовательно, Болгар (Булгар) – это исторически: '(город) с многочисленным населением', 'большой (город)'. Теперь наводим историческую справку к сочетанию "в Булгаре – мед" из приведенной выше строфы Махтумкули. Источники сообщают, что булгары (основное население Волжской Булгарии) наряду с пашенным земледелием, скотоводством, охотой и рыболовством занимались также бортничеством (сбором меда диких пчел). Следует добавить, что этот народный промысел процветал в этих местах, например, на территории современного Башкортостана с глубокой древности, примерно, 1500 лет тому назад, а наскальные рисунки, найденные в пещерах Бурзянского района, свидетельствуют о том, что в этих местах мёд добывали ещё первобытные люди. В наше время бортневые деревья с дикими лесными пчелами сохранились именно в Бурзянском заповеднике Башкортостана (ныне –заповедник Шульган-Таш). Развитию бортничества и в прошлом, и в настоящее время способствовали особые природные условия – обилие липовых и кленовых лесов, источника массовых медосборов [См.: История Башкирского мёда]. Таким образом, можно предположить, что Махтумкули был знаком не только с историческими трудами, рассказывающими о сборе меда диких пчел в Булгарии, но еще слушал рассказы своих сокурсников-башкир и татар по Хивинскому и Бухарскому медресе о превосходном меде, получаемым на их родине, откуда они приехали учиться и привезли с собой мед на пропитание, может быть, даже для продажи.

В 922 году хан Алмуш объявляет ислам в качестве государственной религии Волжской Булгарии. Вот выдержка из персоязычного сочинения 982 года "Худуд ал-алам" ("Границы мира"): "Булгар – город с небольшой областью, расположенный на берегу Итиля. В нем все [жители] мусульмане; из него выходит 20 000 всадников. Со всем войском кафиров (иноверцев), сколько бы его ни было, они сражаются и побеждают, это место крепкое, богатое" [См.: Волжская Булгария]. Уже к концу X – началу XI века Волжская Булгария стала страной классического ислама. Если говорить о времени принятия ислама другими тюркскими народами, населявшими тогда территорию современной России, то эта дата приходится на 737 год, когда большая часть тюркоязычных хазар (Хазария, 650–969) стала мусульманами, что на целых два с половиной века раньше, чем крещение восточных славян со стороны киевского князя Владимира в 988 году. Следует также особо отметить, что из-за распространения мусульманства так далеко на север географическое положение города Булгара и в целом страны Булгария диктовало некоторые отступления от канонов ритуальной практики ислама. Например, одной из серьезных проблем для булгар было то, что на этой параллели летом были короткие ночи, а зимой – дневной свет. Вследствие чего было затруднительно совершать положенные шариатом пять дневных намазов. Главным образом проблема состояла в невозможности чтения пятого ночного намаза, который совершался после заката солнца, поскольку летом он, по сути дела, сливался с утренним намазом [См.: Измайлов 2011].

Махтумкули из существовавшей тогда литературы узнал об особенностях, возникающих в Булгаре при совершении правоверными пятого ночного намаза (ясы/ятсы намазы), назвав его в своем стихотворении сокращенно ятсы (орфоэпически: яссы). Слово *yassy/yatsy* этимологически связано с глаголом *yatmak* "ложиться", "спать", и обозначает время отхода ко сну, часа через два после солнечного заката:

Bagdatda gyş bolmaz, Gyrgyzda – tomus,

Bulgaryň şähriniň ýassysy bolmaz [Magtymguly 1993, 204].

Наш дословный перевод этих двух поэтических строк с прибавлением некоторых разъяснений в квадратных скобках выглядит так:

В Багдаде не бывает [суровой] зимы, а [в стране древних, сибирских (?)] кыргызов – [жаркого] лета. / В городе Булгар не бывает [т.е. не совершается] пятый ночной

намаз. [Ибо он, ночной намаз, как бы сливается с утренним намазом следующего дня].

Казанское ханство (1438–1552), будучи историческим правопреемником, не только Волжско-Камской Булгарии (922–1241), но и одновременно возникшей после нее Золотой Орды (1224–1483), пало в 1552 году под натиском войск русского царя Ивана IV Грозного в результате взрыва городских стен ее столицы Казани заложенным в тайно сделанных подкопах порохом. Город был взят штурмом, значительная часть населения перебита, а сам город сгорел. Казанское ханство прекратило своё существование, и его территория в значительной своей части была присоединено к России [См.: Худяков 1991].

Махтумкули, который был знатоком исламской религиозной и исторической литературы, как философ-богоискатель и правоверный мусульманин во многих своих сочинениях мысленно представил положение народов и стран перед грядущим судным днем, концом мира. В последних четырех строфах одного из десятистрофных стихов, описывая наступающее светопреставление, он, в частности, представляет [См.: Magtymguly 1994, 134–135. Дословный перевод стихов наш – М.С.]:

*Kaşgary, Hotany käfir hind eger,
Hytaýa asmandan keždumlar ýagar,
Her keždum tewe dek bir-birge deger,
Hindistany ah-u zar harap eýläär.*
'Каишгар и Хотан будут завоеваны гяурами-индусами,
В Китай начнут падать [с небес] скорпионы,
Каждый с величиной верблюда, они будет рядом друг с другом,
Индия исчезнет из-за [всеобщей] печали (грусти).'

*Aden şahy etgeç Lahora azmy,
Gaýdur ýurdun tapmaz, dagmy ýa düzmi,
Ab-y Jeýhun harap eýläär Horezmi,
Etrapda her mülk, kim, bar – harap eýläär.*
'Падишах Адена пойдет войною в Лахор,
Но затем не найдет свою страну – [не станет] ни гор, ни равнин,
Вода Джейхуна (Амударьи) уничтожит [страну] Хорезм,
Все сопредельные с ним области тоже уничтожит'.

*Darganyň şährine gökde ses geler,
Ol bir ýowuz sesdir, eşiden öler,
Bulgaryň şährini ol orus alar,
Orsy Deçjal bile nar harap eýläär.*
'В городе Дарган будет услышан голос с небес,
Это будет суровый голос, кто услышит – умрет,
Город Булгар займут русские,
Русских уничтожит Дечджал (Антихрист) своим огнем'.

*Magtymguly, her kim diňlese jandan,
Bu işler öň geler ahyrzamandan,
Mäti ýerden çykar, Isa – asmandan,
Deçjaly ol iki är harap eýläär.*
'Махтумкули, кто слушает [меня] от души,
То поймет, что все это произойдет перед концом света,
Мехди выйдет из-под земли, Иисус [спустится] с небес,
Дечджала (Антихриста) убьют эти два мужа'.

Как видно из последних двух строк третьей строфы и четвертой заключительной строфы в целом приведенного выше стихотворения, Махтумкули завоевание русскими Булгарии (Казанского ханства) в 1552 году, представляет своим читателям как событие, которое произойдет перед началом светопреставления. Затем появившиеся на Земле заново последний двенадцатый имам мусульман Мехди и пророк Иса (у христиан Иисус, т.е. сам Христос) убьют ненавистного Антихриста (Дечджала). Обращаясь в своих

произведениях к мотивам апокалипсиса, великий поэт призывает людей и народы к добру и терпимости, межконфессиональной гармонии и толерантности. Именно с этой целью он художественно осмыслил и умело использовал доступные ему сведения из истории средневекового города (страны) Булгар. В конце отметим, что в текущем 2014 году под патронажем Президента Турменистана Гурбангулы Бердымухамедова в стране и за рубежом проводились и проводятся многочисленные мероприятия, посвященные 290-летию юбилею великого туркменского поэта Махтумкули Фраги [См.: Соегов 2014 (I), 69–78; Соегов 2014 (II), 57–64]. Решением 31-ого заседания постоянного совета TÜRKSOY (Международная организация тюркской культуры) 2014 год объявлен годом Махтумкули в тюркском мире.

Литература

- Бариев Р.Х. Волжские болгары. История и культура. – Санкт-Петербург, 2005.
- Великие Булгары (Болгар). [Электронный ресурс: <http://www.kazan-guide.ru/velikie-bulgary/>] (Дата обращения 16.10.2014).
- Волжская Булгария. [Электронный ресурс: <http://www.tataroved.ru/obrazovanie/textbooks/2/2/>] (Дата обращения 15.10.2014).
- Измайлов И.Л. Ислам в Волжской Булгарии: распространение и региональные особенности // История и современность. 2011, Вып. 2 (14). [Электронный ресурс: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/137336/>] (Дата обращения: 16.10.2014).
- История Башкирского мёда. [Электронный ресурс: <http://paseka-lemeza.ru/clauses/istorija-meda/>] (Дата обращения: 21.10.2014).
- История Булгар [Болгар Българ Bulgar]. <http://vk.com/bulgars> (17.10.2014).
- Махтумкули. Избранное. Стихи. Перевод с туркменского. – Москва, 1983.
- Соегов М. Из истории ознакомления западноевропейцев с наследием туркменского поэта-классика Махтумкули в XIX веке: лондонские издания 1842 и 1853–1854 гг. // Научный Татарстан. Гуманитарные науки, 2014, № 3 (I).
- Соегов М. Некоторые вопросы туркменской литературы и истории в научном наследии А.-З. Валидова-Тогана (к 290-летию Махтумкули Фраги) // Проблемы востоковедения, № 3 (65). – Уфа, 2014 (II).
- Сокровища болгарского народа. Этногенез. История. Культура / под редакцией акад. Ю.К. Бегунова. Вып. 1. – Санкт-Петербург, 2007.
- Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. Изд. 3-е, дополненное. – Москва, 1991.
- Divan-ü Lügat it-Türk Dizini “Endeks”. Çeviren Besim Atalay. – Ankara, 1986.
- Magtymguly Pyragynyň Diwany: Tankydy tekst. – Kunbed-Kabus, 2009.
- Magtymguly. Şygyrlar. Üç tomluk. I tom. – Aşgabat, 1993.
- Magtymguly. Şygyrlar. Üç tomluk. II tom. – Aşgabat, 1994.

Сулейманова Д.Д., г. Уфа

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ И МЕЖДИАЛЕКТНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ТЮРКСКИХ ГЛАСНЫХ (В СРАВНЕНИИ С БАСКСКИМ ВОКАЛИЗМОМ)

Языкам тюркской семьи характерна «большая диалектная раздробленность», большое «количество «необъяснимых» исключений» [Щербак 1970, 17-19]. Проблема фонетического варьирования гласных является одним из сложнейших вопросов в тюркологии. Неустойчивыми являются гласные в противопоставлениях $a \sim e$, $i \sim i$, $o \sim ö$, $u \sim ü$; $a \sim o$, $e \sim ö$, $i \sim u$, $i \sim ü$ (в караимском); $i \sim a$, $e \sim i$, $o \sim u$, $ö \sim ü$ (регулярно в татарском, башкирском языках и др.) [Баскаков 1988, 37]. Как отмечает Л.С. Левитская, «регулярность соответствий гласных в генетически тождественных односложных корнях между различными тюркскими языками нередко нарушается» [СИГТЯ 1984, 52], и не во всех случаях она может быть объяснена комбинаторными условиями (соседством с определенными согласными). К примеру, наблюдаются следующие соответствия: междиалектные $a \sim ä$, $u \sim ü$, межъязыковые $a \sim i$, $u \sim ü$, $i \sim ü$, $o \sim u$, $ö \sim ü$, $e \sim ü$ и др. [СИГТЯ

1984, 52-65]. Так, наименее вариативна фонема *a*: *a* ~ *ǎ* ~ *ï*, *a* > *a*^o, *a* > *ä*, *a* > *o*; далее *o*, *ö*, *ä*, *e* ~ *u*, *ü*, *i*; свободно варьирует *ï* ~ *i* [СИГТЯ 1984, 53]. Вариативность тюркского корня для ранних эпох в истории тюркских языков объясняется древнедиалектными чередованиями, увеличением числа гласных и расщеплением их по сингармоническим рядам и связывается с периодом становления агглютинативного строя; нерегулярность соответствий может проявиться и в процессе речевого функционирования [СИГТЯ 1984, 52].

Вариативность гласных характерна и для баскского языка. Баскский язык (*Euskera*) распространен в западной части Пиренейского полуострова, на территории севера Франции и юга Испании. Численность носителей к 1991 г. составляла около 650 000 человек, половина которых проживает в провинции *Gipuzkoa*. Предполагается, что индоевропейские языки на территории нынешней Европы вытеснили все предшествующие языки, кроме баскского языка, не считая кавказских, финских языков [Astrain 2003, 17]. По классификации С.А. Старостина, баскский язык, наряду с енисейскими языками, принадлежит дене-синокавказской семье языков [STARLING]. Нами выдвигается гипотеза о союзных, а возможно, и генетических отношениях между тюркскими и баскским языками, основанная на многочисленных типологических сходствах и фонетических соответствиях в базисной лексике.

К. Мичелена констатирует множественные междиалектные случаи соответствий гласных в баскском языке, объясняя это процессами диссимиляции или ассимиляции [Michelena 1990, 69]. Ср. *a* ~ *e*: *barrí* ~ *berri* 'новый', *garri* ~ *gerri* 'талия', *eskar* ~ *esker* 'положительный'; *e* ~ *i* преимущественно перед *l*, *r*: *élkhi* (*érkin*) ~ *ilk(h)i* 'взять' [Michelena 1990, 60-63]; *e* > *i* перед *n*: **enor* > *inor* 'кто-нибудь' [Trask 2008, 36]; соответствие *e* ~ *o*: *be(h)or* ~ *bóhor* 'кобыла'; случаи метатезы: *ékun* ~ *uk(h)an* ~ *ü'khen* 'есть, иметь', особенно в глаголах, что крайне затрудняет определение праформы; соответствие дифтонгов *ai* ~ *ei*: *egitai* ~ *egitdi* ~ *i(gi)tai* ~ *egitei* ~ *igitai* ~ *igitii* ~ *igiti* ~ *iriti* 'серб' [Michelena 1990, 82-85, 103]. Для баскского языка также характерны явления лабиализации и делабиализации (*i* ~ *u*) [Там же, 73]. (Заметим, что в диалектах ряда тюркских языков (караимского, татарского) широко распространен процесс делабиализации (*ü* > *i*) [Щербак 1970, 156]). В бискайском диалекте *i* ~ *u*: *igel* ~ *ugel* 'лягушка', *ile* ~ *ule* 'волосы', *e* > *a* перед сонорными: *berri* ~ *barri* 'новый', *beltz* ~ *baltz* 'черный' [Trask 2008, 35, 65].

Баскские соответствия указывают на относительную древность явления вариативности гласных и отражают сложные процессы установления системы гласных фонем. Данное обстоятельство предполагает более тщательный сравнительно-исторический анализ с учетом семантических дериваций и диалектного материала. При этом в обеих системах позиция гласной фонемы в структуре слова очень прочна.

Развитие и установление вокалических систем необходимо рассматривать с учетом эволюции консонантизма. Так, система сильных и слабых согласных, реконструируемая для праалтайского, также для прабаскского языков [СИГТЯ 2006, 17; Michelena 1990, 374], однозначно, имело влияние на развитие гласных. Особенности произношения сильных согласных могли способствовать огублению гласной *a*. Ср. Б *asaba* < **asaba* Т 110 'предок', *oseba*, *osea* < **osaba* Т 319 'дядя, пожилой человек'. Данные лексемы имеют соответствие в башкирском *avaba* 'коренной житель', ср. удм. *asaba* 'глава семьи' [Максютова 1967, 149-152]. Не исключена связь данных корней ТБ *azamat* / *adamat* > *uzaman* / *udaman* 'герой, молодец' с тюркским этнонимом *as* (вариант *яс*, *уз*, *аш*, *уш* и архаическая форма *уд*) – «самым древним этнонимом тюрков» и известным с IV-III тысячелетий до н. э. [Закиев 46; 170]. Возможно, башкирские *δ*, *θ* и баскская аффриката *tz* являются рефлексамы сильной фонемы.

Нейтрализация противопоставления сильных и слабых согласных могла дать толчок возникновению противопоставления по палатализации, обусловленной во-первых, фонетическими закономерностями. Во всех тюркских языках наблюдается «спорадическая палатализация заднерядных гласных (...) в смежных позициях с палатальными

согласными» и это, «по всей вероятности, имеет пратюркскую древность» [СИГТЯ 2002, 241]. «Смягчение» гласных, по мнению А.М. Щербака, опосредовано фонетическим окружением и общей эволюцией звуков в сторону опереднения [Щербак 1970, 38-39]. Заметим, что в некоторых диалектах баскского языка фонемы (*z, s, tz, ts, t, l, n*) автоматически палатализуются (*x [ʃ], x [ʃ], tx, tx, tt, ll, ŋ*) в позиции iCV или в конце слова iC [Trask 2008, 30].

Во-вторых – палатализация могла нести семантическую, далее морфонологическую функцию. В татарском и башкирском языках имеется достаточно большое количество пар слов (не только глагольного, но и именного класса), в которых варианты с гласными переднего ряда обозначают предмет, лицо, действие с ослабленной или более конкретной семантикой. В баскских же диалектах, как правило, наблюдаем варьирование гласных. Ср. примеры из татарского языка: *ata* ‘отец’ ~ *äti* ‘папа’ (ср. Б *aita, aite, aitxa, atta, *aita* Т 81 ‘отец’), *ana* ‘мать’ ~ *äni*, диалектное *inä* ‘мама’ (ср. Б *ama, *ama* Т 89 ‘мать’ ~ Б *eme, emazte, *eme / *ema- S, *ama S* ‘женщина’), *borma* ‘поворот’ ~ *börmä* ‘оборка, складка’ (ср. Б *bihur, biur, bühür, bior, mur* < **bi[h]ur* Т 144 ‘скручивать, изгиб, поворот’), *borçaq* ‘горох’ ~ *börček* ‘крапинка’ (ср. Б *mihuri, *mihuri, muhuri, *muhuri S* ‘семя (изюма, каштана), косточка, маленький’), *bau* ‘веревка’ ~ *bäj* ‘привязь’ (ср. Б *billur, bilhur, büllhür, bulur* Т 143 < **bilhur S* ‘узел, ремень, привязь’) и др.

Палатализация основы отмечается как фонетическое изменение, обуславливающее изменение смысла слов в тюркских языках, но, в целом, «в тюркологии почти нет работы, где бы ставился вопрос о лексико-грамматической сущности фонетических изменений» [Ганиев 1974, 35]. Фонетический способ словообразования («чередование гласных переднего – заднего рядов», чередование «глухих – звонких согласных») отмечается для древнетюркского языка [Кононов 1980, 103]. В этом контексте заслуживает внимания мнение Н.А. Баскакова, который считает, что в тюркских языках фонемами, «определяющими фонологическую структуру слова, являются все же согласные» и «строгая парность гласных» является вторичной, зависимой «от парности согласных» [Баскаков 1988, 17].

«Баскский язык формирует выразительный или уменьшительный вариант лексической единицы по палатализации. Нередки случаи, когда уменьшительная форма вытесняет оригинал. Оригинальная форма слова может функционировать в виде формального варианта, приобрести другой смысл или утратиться. Например, слово *zakur* означает ‘большая собака’, но утеряно в некоторых диалектах, в отличие от уменьшительного *x[ʃ]akur*» [Trask 2008, 44] (Ср. башкирское диалектное *šäke* ‘волк, шакал’, ср. чув. *agar*, ПТ **e(‘)ker* ‘борзая’, прамонгольское **nokaj*, пракорейское **nəkori*, ПА **ñjāk’u* ‘собака, волк’).

По исследованиям Дж.Г. Киекбаева, широкие гласные в алтайских языках служат для выражения понятия неопределенности, а остальные полуширокие и узкие – определенности: «...в личных местоимениях некоторых урало-алтайских языков идея множественности-неопределенности грамматически выражается путем замены узких передних гласных широким или задним» [Киекбаев 1972, 96]. Заметим, что в алтайских языках пространственные суффиксы *-ra* (состояние покоя), *-ri*, *-ru* (состояние движения в каком-либо направлении) имеют разные оттенки значений [Котвич 1962, 57]. Ср. баскскую систему указательных местоимений: *etxe hau* – этот дом (ближе к говорящему), *etxe hori* – тот дом (ближе к собеседнику), *etxe hura* – тот дом (удаленный от обоих собеседников).

Интерес представляют экспериментальные исследования по татарской фоносемантике, согласно которым, эмоциональные значения фонем *ä, ö, ü, i, e* в татарском языке воспринимаются аудиторией (носителями языка) как ‘мягкий, шустрый, приятный, вкусный, сладкий, теплый’, в противовес к *a, o, u, i* ‘большой, круглый, твердый, умный, передовой, работоспособный, гордый, широкий’ [Комиссар 2012].

Таким образом, фонетически и в большей степени морфонологически обусловлена палатализация основы, наблюдаемая в исследуемых системах, могла являться причиной явления вариативности гласных, констатируемой для тюркских и баскского языков. То

есть, палатализованные фонемы (далее – основы) могли являться вторичными, производными. Данный подход позволяет объяснить свободное варьирование сингармонических пар аффиксов в тюркских языках. В тюркских словах гласные аффиксов уподобляются сингармонистическому ряду основы. «Специфика фонологической структуры тюркской корневой морфемы заключается в том, что она во всех существующих тюркских языках сингармонистична не только по палатальной и лабиальной аттракции, но и по подъему» [Баскаков 1988, 18].

Заслуживает внимание гипотеза М.А. Черкасского, по мнению которого, «вариантные слова» (Дж.Г. Киекбаев) или «сингармонические параллелизмы» (Балашша Йожефа) в тюркских языках могут «представлять собой реликт полисинтетизма, предшествовавшего в алтайских языках агглютинации» [Щербак 1970, 36]. На наш взгляд, именно развитие агглютинации способствовало возникновению гармонии фонем, как словоорганизующего принципа.

Отдельные ученые (К.М. Мусаев и др.) придерживаются мнения о том, что «варианты палатального и лабиального сингармонизма ведут себя как равноправные единицы языка, наделены одинаковой функцией – словоразличительной», что они «первичны, изначальны в тюркских языках» [СИГТЯ 2002, 284-289]. Т.М. Гарипов считает, что «генезис релевантных фоноопозиций из первоначально несемантических, но сингармонических дублетов и повторов, которые в последующем утилизировались языком для целей смысловых, стилистических и жанровых противопоставлений», «сингармонические и прочие параллелизмы могли существовать в изначальном праречевых выражениях» [Гарипов 2007, 56].

Согласно новейшим исследованиям, «сингармонизм – это не фонетическое, а морфонологическое явление, проявляющееся в выборе по-разному огласованных вариантов присоединяемых аффиксов» [СИГТЯ 2006, 212]. Собственнотюркский материал, тюркско-баскские соответствия и баскские соответствия позволяют предполагать более поздний характер распределения гласных по сингармоническим рядам.

Таким образом, есть основание полагать, что в определенных этапах развития тюркских и баскского языков палатализация могла иметь экспрессивно-семантическую (маркировочную), а далее – морфонологическую функцию. Возможно, тюркские языки в дальнейшем развили сингармоническое противопоставление заднерядных и переднерядных гласных, в баскском же данный процесс остался в зачаточном состоянии, и баскологи говорят лишь об ареальных случаях гармонии гласных: *itaun* > *iteun* ‘признание, исповедь’, **ilhun* ‘темнота, мрак’ ~ *ülhün* в зубероанском диалекте ~ *ulun* в ронкальском диалекте, ср. *urritz* ~ *ürrüts* ‘карий’ [Trask 2008, 36-37], ср. диалектные *behor*, *beor*, *bóhor*, *beur* Т 135 ‘кобыла’; *hiri*, *hí(r)i*, *iri*, *uri* Т 229 ‘город’; *billur*, *bilhur*, *büllhür*, *bulur* Т 143 ‘привязь из ветвей’; *guti*, *güti*, *gutti*, *gutxi*, *gitxi* Т 213 ‘маленький’. Гармония гласных как одна из основных типологических характеристик баскской фонологии признается Ж.А. Лакарра. В баскском языке наблюдается гармония спирантов: «баскские лексические единицы могут содержать только ламинальные (*z*, *tz*) или только апикальные фонемы (*s*, *ts*)» [Trask 2008, 42]. Тюркский материал также предоставляет случаи гармонии спирантов, ср. ТБ тат. *čäč/säs* < **sač* Э 230 ‘волосы, коса, шерсть’. Данные факты говорят о том, что обособление баскского языка от ствола, общего с тюркской семьей, произошло на ранних этапах процесса установления сингармонических закономерностей в тюркских языках. Есть основание полагать, что заднерядные гласные первичны в отношении к переднерядным. Но нельзя исключить то, что сингармонизм в баскском языке мог утратиться, как, например, в узбекском.

Переход твердоядных слов в мягкоядные В.В. Радлов объясняет как результат регрессивной ассимиляции при наличии звука *i* (*i*) или прогрессивной ассимиляции при наличии анлаутного *j* или *č*, *š*, *ž* [Щербак 1970, 36]. Закономерность, тонко подмеченная В.В. Радловым, имеет объяснение в баскском материале. Баскский инфинитив имеет реликтовый префикс **e-*, развитие которого «по-разному сложилось в исторический

период, он дал *e-, i-, j-* или [0]» [Trask 2008, 22]. При этом основа может сохранять гласные заднего ряда. К примеру: Б *gan, igañ, ikan, ien, ijo, io* < **e-gan-i* Т 218, Б *igo, *igo* S ‘подниматься’. То есть, баскские соответствия указывают на возможную реликтовую морфонологическую роль анлаутных узких гласных и *j* в тюркских языках. ТБ *žij-ljeŋ* < **žeyin*- М 60 ‘быть выше, победить’, на наш взгляд, имеет связь с ТБ *juyarı* < ПТ **jok*- > ПА *ñiðk'è* (~-*k-*) ‘вверх, наверх; возвышенность, подъем’, тур. *joquş, *joquş* Э 215 ‘подъем, склон, горный переход’. Последние примеры соотносятся и с др. уйг. *aq-*, **a:γ-* Э 68 < ПТ *(*i*)*āg-* < ПА **ēga* ‘подниматься вверх, восходить, идти дальше, появляться, увеличиваться, носиться в воздухе (как птица)’.

На наш взгляд, проблему вариативности тюркских гласных нужно рассматривать с учетом «общекрыпчакской тенденции сужения гласных» [СИГТЯ 1984, 53] и проблемы перебоя гласных в татарском, башкирском и некоторых других языках. Перебой татарских и башкирских гласных по отношению к исконным тюркским гласным (**e* > *i*, **i* > *e*, **ö* > *ii*, **ü* > *ö*, **o* > *u*, **u* > *o*) имеет место в чувашском, хакасском языках и, отчасти, в языках рунических памятников [СИГТЯ 1984, 106, 123]. Причины данного явления объясняются ослаблением первого безударного гласного (В.А. Богородицкий, 1953), спецификой акцентуации (Г. Шараф, 1928). По гипотезе Дж.Г. Киекбаева, сужение широких гласных привело к образованию омонимичных форм со старыми и новыми узкими гласными, что вызвало второй этап передвижения гласных – расширение узких и их переход в полуширокие (Дж.Г. Киекбаев, 1959) [СИГТЯ 1984, 123]. По мнению А.М. Щербака, сверхкраткое произношение узких гласных способствовало некоторому расширению и сближению с широкими гласными, что вызвало изменение ступени раствора последних (*ä* > *i*, *o*, *ö* > *u*, *ii*) [Щербак 1970, 33]. Но до сих пор не раскрыты причины укоренения этого явления в поволжских тюркских языках. По мнению Г.П. Мельникова, перебой татарского и башкирского вокализма представляет собой «большую степень проявления тенденций, общих для всех языков тюркской группы» [СИГТЯ 1984, 123]. На наш взгляд, перебой гласных в отдельных тюркских языках и диалектах является закономерным продолжением глубинных процессов, запущенных экспрессивно-семантически обусловленной палатализацией, гармонией фонем, морфонологической ролью анлаутных гласных в раннепротюркский период.

В целом, можно утверждать, что межъязыковая и междиалектная вариативность тюркских гласных является следствием не только фонетических, но и древних морфонологических процессов. Развитие вокализма происходило в тесной связи с эволюцией консонантной системы, в частности, противопоставлением или нейтрализацией сильных – слабых, палатальных – непалатальных согласных. При этом, устойчивость гласных фонем является важной структурной особенностью тюркских и баскских корней. Генерализующую роль могли играть такие явления, как установление агглютинативного строя, гармонии гласных. Баскский язык представляет несомненный интерес для тюркологических исследований.

Литература

- Баскаков Н.А. Историко-типологическая фонология тюркских языков. – М., 1988. – 208 с.
- Гарипов Т.М. Учение о сингармонических параллелизмах в свете теории фонологических оппозиций. – Вестник ВЭГУ, 2007. № 29/30. С. 53-57.
- Закиев М.З. Этногенез тюрков, болгар и башкир. – Уфа: Гилем, 2011. – 288 с.
- Ишкильдина Л.К. историческое развитие консонантизма башкирского языка (на материале диалектов). Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2013. – 28 с.
- Киекбаев Дж.Г. Введение в урало-алтайское языкознание. – Уфа: Китап, 1972. – 152 с.
- Комиссар А.В. Татар телендәге сузык авазларның семантик төсмерләре // Проблемы изучения и преподавания тюркской филологии: история, современность, перспективы: сборник материалов Всерос. научно-практ. конф. – Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. академия им. З. Бишшевой, 2012. С. 324-326.

- Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII-IX вв.). – М.: Наука, 1980. – 256 с.
- Котвич В.Л. Исследование по алтайским языкам. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. – 372 с.
- Максютова Н.Х. Общие корни в лексике башкирского и удмуртского языков // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. IV. – Ижевск: Удмуртия, 1967. С. 149-153.
- СИГТЯ 1984 = Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: фонетика / отв. ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 1984. – 488 с.
- СИГТЯ 2002 = Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: региональные реконструкции / Э.Р. Тенишев, Г.Ф. Благова, Э.А. Грунина; отв. ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 2002. – 768 с.
- СИГТЯ 2006 = Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / под ред. Э.Р. Тенишева, А.В. Дыбо. – М.: Наука, 2006. – 908 с.
- Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. – Л., 1970. – 204 с.
- L.N. Astrain. El euskera arcaico. Extensión j parentescos // Txalaparta “The Archaic Euskera”. – 2003. – November. – 199 p. [Электронный ресурс] Режим доступа: [www. errenteria.net/es/ficheros/40_2717es.pdf](http://www.errenteria.net/es/ficheros/40_2717es.pdf).
- J. Lakarra. Protovasco, munda y otros: Reconstrucción interna y tipología holística diacrónica. – Oihenart, 21, 2006. P. 229-322. [Электронный ресурс] Режим доступа: euskomedia.org/PDFAnlt/literatura/21/21229322.pdf.
- K. Michelena. Fonetica historica vasca. – San Sebastian: Diputación Foral de Gipuzkoa, 1990. – 596 p.
- R.L. Trask. Etymological Dictionary of Basque. – University of Sussex. – 2008 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.sussex.ac.uk/linguistics/1-4-1-2.html>.

Список сокращений:

Б – баскский, ДТ – древнетюркский, ТБ – татарский/башкирский, ПА – праалтайский (реконструкция из EDAL), ПТ – пратюркский (реконструкция из EDAL 2003), *...Э... – пратюркская форма из соответствующего тома ЭСТЯ (1974-2003) с указанием страницы, *... М... – пратюркская форма из публикации О.А. Мудрака «Развитие пратюркской системы фонем» с указанием страницы (<http://altaica.ru/texts/prototurk.ru>), *... Т... – прабаскская форма по Р.Л. Траску с указанием страницы, *... S – прабаскская форма из базы данных STARLING (<http://starling.rinet.ru/cgi-bin/response>).

Сулейманова Р.А., г. Уфа

ДРЕВНЕТЮРКСКОЕ СЛОВО *ER-IR* / *ИР* В БАШКИРСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕНАХ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта “Формирование и развитие башкирского языка и его диалектов в сравнительно-историческом освещении (на общетюркском фоне)”, проект № 13-14-02009

Антропонимическая система любого языка является фундаментальным материалом для изучения, познания самосознания того или иного народа. Имя рассматривается, прежде всего, как хранитель культурно-исторической информации народа, как часть культуры человека, нации. Состав личных имен людей связан опосредованно с реальной действительностью, отражает мировоззрение и эстетические взгляды их носителей. Также изучение истории антропонимов позволяет в какой-то степени восстановить историю формирования, расселения народов. Так, например, на формирование и дальнейшее развитие антропонимической системы башкирского языка большое влияние оказали и культурные традиции древних тюрков.

Как отмечают многие исследователи, тюркские имена очень устойчивы. В прошлом они были более конкретными, а их значение прозрачным, понятным. В настоящее время такие имена стали употребляться все меньше и меньше, они до наших

дней сохранились в большинстве своем в фамилиях и документах. Определенные древнетюркские слова (*иш*, *бек*, *хан* и др.) активно функционируют в современном башкирском именнике. Например, к таким онимам относится слово *ир*. Он является частым имяобразующим компонентом в составлении башкирских антропонимов.

Башкирское *ir/up* ‘мужчина’; ‘герой’; ‘муж’; ‘мужской’ восходит к древнетюркскому слову *er* ‘мужчина’; ‘муж’; ‘мужской’ [Севортян 1974, 288], ср.: тур., кат., кар. к., кум, кбл., кир., каз., ног., уз., уйг., сюг., алт., караг., сойот. *er / er*; тат., хак. *ir / ir*; чув. *ap / ar* [СИГТЯ 2001, 661].

В “Академическом словаре башкирского языка” зафиксированы пять значений этого слова: 1. Мужчина. / Мужской (лицо, противоположное женщине по полу). 2. Мужчина (взрослое лицо, в отличие от мальчика, юноши). 3. Герой. 4. Муж, супруг. 5. Мужской [2012, 768-769]. В башкирском языке выделяются слова и словосочетания со словом *ир*, означающие ‘герой, богатырь, смелый’: *ир азаматы* ‘настоящий, достойный мужчина’, *ир-батыр* ‘смелый, сильный мужчина, богатырь’, *ир бауыры* ‘мужчина-молодец’, *ир булыу* ‘проявлять мужской характер, быть настоящим мужчиной’, *ир-егетлек* ‘молодечество, удаль, отвага’, *ирлек* ‘мужество, мужественность, геройство’. Также данное значение ярко прослеживается в пословицах и фразеологизмах: *ирмен тигән ир эсендә эйәрле-йүгәнле ат ятыр* (пословица); *ир йөрәкле* ‘смелый, мужественный’, *ирмен тигән ир* ‘настоящий мужчина’. Уже в давние исторические времена существования тюркского общества слово *ир* стало связываться с представлениями о богатырстве и геройстве, хотя и сохраняло ясно выраженную тенденцию к стилистической нейтральности, означая не столько богатыря, героя, сколько просто мужчину, чаще всего воина [Гаджихметов 2008, 87]. Мальчик – это будущий мужчина, воин, хозяин, защитник. И, конечно же, родители, нарекая ребенка именем, в составе которого включен компонент *ир*, прежде всего, хотели увидеть в нем храброго воина, защитника.

В древнетюркском словаре отмечены следующие имена со словом *er*: *Er böri*, *Er buya*, *Er toymış*, *Er toqa* [ДТС 1969, 175]. В антропонимической системе тюркских народов достаточно широко распространены имена с этим словом. Так, например, в системе личных имен хакасского языка встречаются такие имена, как *Иразан*, *Ирчет*, *Ирджин*, в казахском именнике функционируют имена *Ерасыл*, *Ерболат*, *Ерден*, *Ержан*, *Ерсайын*, у татар зафиксированы имена *Ирбай*, *Ирбулат*, *Ирбулсын*, *Ирбәк*, *Иркилмәк*, *Ирмоза*, *Ирсубай*, *Ирхәсәйен* и др. Некоторые башкирские антропонимы с компонентом *ir* имеют параллели в других тюркских языках: *Ирбуга / Er buya* (ср. уйг.), *Ирбек / Er beg* (тур., каз.), *Ирхан / Arхан* (турк.), *Ирназар / Er nazar* (узб.), *Ирбай / Er baj* (каз.) / *Ir baj* (тат.) и др.

Имена с указанным компонентом активно употребляются в именнике башкир. Например, *Ирали*, *Ираман*, *Ирбай*, *Ирбатыр*, *Ирбул*, *Ирбулат*, *Иргиз*, *Иргужа*, *Иргази*, *Иргали*, *Ирзат*, *Ирзагит*, *Ирзигит*, *Ирназар*, *Ирнас*, *Ирнур*, *Иртуган*, *Ирхан*, *Иршат*, *Ирали* [Сулейманова 2013, 100–102]. В книге “Башкирские шежере” зафиксирован оним *Ирмеш* (башк. *Ирмәш*) [Кузеев 1960, 119, 152], который образован из двух компонентов: *ир* + *меш* (более редкий пережиточный аффикс, который встречается в изолированных словах различного значения) [Дмитриев 2007, 60]. На сегодняшний день этот антропоним сохранился в названии деревни в Илишевском районе Республики Башкортостан (*Ирмашево*).

По мнению башкирского топонимиста А.А. Камалова, название деревни *Иртюбяк*, расположенной в Кугарчинском районе Республики Башкортостан, это антропоним [Словарь топонимов Башкирской АССР 1980, 57]. Данное утверждение является спорным, так как в именнике башкир имя *Иртюбяк* не зафиксировано. Название данного ойконима состоит из двух частей: *ир / ir* + *тюбяк* “определённая местность, место”, что буквально означает “местность мужчины”. Мы считаем, что в первый компонент заложены значения ‘герой’, ‘богатырь’, ‘воин’.

В книге Т.Х. Кусимовой “Башкирские имена” личные имена с компонентом *ир* вошли в состав антропонимов, образованных от родственных слов [Кусимова 2000, 160]. Мы предполагаем, что в основу личных имен с компонентом *ир* заложены значения: ‘герой’, ‘богатырь’, ‘мужественный’ и их нужно включить в состав имен, образованных от названий социальных титулов и прозвищ героев.

Имяобразующий компонент *ир* употребляется исключительно в мужских именах и только в препозитиве имен.

В именнике башкир в образовании имен с компонентом *ир* / *ир* существуют следующие структурные модели: 1) «ир + имя»: *Ир + булат* ‘сталь высшего качества’, *Ир + зат* ‘пол’, *Ир + зигит* ‘джигит’, *Ир+гужа* ‘хозяин’, *Ир + нур* ‘луч, сияние’, *Ир + гази* ‘победитель; воен, боец’, *Ир + назар* ‘взгляд, взор’, *Ир + нас* (инсан) ‘человек’, *Ир + хан*, и т. д.; 2) «ир + прилагательное» *Ир + гали* ‘великий, выдающийся’, *Ир + батыр* ‘смелый, отважный’, *Ир + бай* ‘счастливый, дольный’, *Ир + али* ‘великий, выдающийся’; 3) «ир + глагольная основа» *Ир + бул* ‘будь’, *Ир + туган* ‘родился’.

Среди этих моделей глагольная основа имеет давнюю традицию. Как отмечает Г.Ф. Саттаров, имяобразование с глаголом повелительного и желательного наклонений является наиболее древним [Саттаров 1973, 154].

Таким образом, в башкирской антропонимической системе древнетюркское слово *ир* является активным имяобразующим компонентом.

Литература

- Академический словарь башкирского языка. В десяти томах. Т. III. – Уфа: Китап, 2012.
- Валиева М.Р. Булгарские и башкирские антропонимы // Урал-Алтай: через века в будущее. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 22-25.
- Валиева М.Р. Булгарские мифонимы башкирского языка // Вестник ЧелГУ. № 10, 2014.
- Гаджихмедов Н.Э. Личные имена кумыков: традиции имянаречения, происхождение, семантика и грамматика. – Махачкала: Дагпресс Медиа, 2008.
- Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – М.: Наука, 2007.
- ДТС = Древнетюркский словарь / В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. – Ленинград: Наука, 1969. – 677 с.
- Каримова Р.Н. Источники формирования лексики башкирской народной медицины // Вопросы филологии. №4, 2007. С. 212-214.
- Кузеев Р.Г. Башкирские шежере. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1960.
- Муратова Р.Т. Отражение числовой символики в башкирской антропонимике // Язык, литература и культура в полилингвальном пространстве: Материалы Международной научно-практической конференции (Сибай, 14-15 марта 2013 г.). – Сибай, 2013. С.113-115.
- Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. I том.– М.: Наука, 1974.
- СИГТЯ = Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика: 2-е изд. доп. – М.: Наука, 2001.
- Словарь топонимов Башкирской АССР / Отв. ред. Т.М. Гарипов, А. А. Камалов, З.Г. Ураксин. – Уфа: Китап, 1980.
- Сулейманова Р.А. Башкирско-русский словарь-справочник личных имен и фамилий. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2013. – 364 с.
- Сулейманова Р.А. Антропонимическая система башкир как явление культуры // Актуальные проблемы истории, языка и культуры Башкортостана сборник научных трудов молодых ученых ИИЯЛ УНЦ РАН. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. С. 135-141.
- Сулейманова Р.А. Башкирская антропонимия в контексте тюрко-башкирской культуры // Феномен Евразийства в материальной и духовной культуре, этнологии и антропологии башкирского народа. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2009. С. 235-236.
- Сулейманова Р.А. Общеалтайский пласт личных имен // Урал-Алтай: через века в будущее: материалы IV Всероссийской научной конференции, посвященной III Всемирному курултаю башкир. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010. С. 305-308.

Уликанова Р.А. Личное имя как носитель этнокультурной информации//Межкультурная коммуникация: к проблеме формирования толерантной языковой личности в системе вузовского и школьного лингвистического образования: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Часть 2.— Уфа, 2001.— С. 100-102.

Хисамитдинова Ф.Г. Географические названия Башкортостана. – Уфа: Гилем, 1994.

Султангазина А.Н., Макажанов А.О., Астана (Казахстан)

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СИНОНИМИЧЕСКИХ РЯДОВ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

В современном казахском языке [Ысқақов 1991], наряду с основными грамматическими признаками имен прилагательных [Мұсабаев 2010; Шакенов 1961], активно изучаются особенности их применения и семантические роли [Мұсабекова 1977]. Кроме того, были проведены исследования лексических синонимов [Болғанбаев 1970] и синонимических рядов прилагательных [Оразбаева 1988] и других частей речи [Болғанбаев 1957; 1970]. К сожалению, перечисленные работы, ограничены лишь общим перечислением синонимов, и не содержат подробного анализа степени соответствия, экспрессивной силы, интенсивности эмоционального окраса, а также семантических и стилистических различий членов синонимического ряда. Возможность и необходимость такого анализа легко установить на простых примерах.

Рассмотрим синонимический ряд прилагательных [*қарт – кәрі – егде – кексе – мосқал*], характеризующий старость/преклонность возраста. Хотя данные слова могут равноправно употребляется для передачи одного и того же смысла, их применение зависит от желаемой интенсивности экспрессии и эмоционального окраса. Так, слово *қарт* (*пожилой*) указывает на преклонность возраста с оттенками уважения и почтительности, в то время как *кәрі* (*старый*) используется нейтрально как общий индикатор старости. Аналогично, *егде* (*пожилой, в годах*) используется нейтрально, а слова *кексе, мосқал* имеют оттенки пренебрежения и насмешки. Синонимы, входящие в данный ряд отличаются смысловыми оттенками, и классифицируются нами как *смысловые*. Мы выделяем также, *стилистические/контекстные* синонимы, такие как, на пример, члены следующего ряда [*қалың – ну – жиі – бітік – тығыз – қау – қаба – дүм*], соответствующий понятию толщины/плотности. Слово *қалың* употребляется практически во всех контекстах, в то время как слова *ну, бітік* употребляются только для обозначения признака густоты (толщины) растительности, т.е. употребления [*қалың орман*] и [*ну орман*] (*густой лес*) корректны, а [*ну тақтай*] (*густая доска*) – нет.

Актуальность настоящей работы определяется подробным исследованием синонимических рядов имен прилагательных, как в меньшей мере исследованной проблеме лингвистики казахского языка. В рамках настоящего предварительного исследования были достигнуты следующие результаты:

- дана условная классификации синонимов имен прилагательных по смысловым и стилистическим/контекстным признакам;
- проведен анализ более десятка примеров, и выявлены такие характеристики синонимических рядов прилагательных, как соответствие членов ряда по смыслу, стилю, контексту, экспрессивной силе и эмоциональному окрасу.

Условная классификация синонимов имен прилагательных

Синонимы играют важную роль в социально-языковом равновесии. С одной стороны, синонимы служат, своего рода, стандартом качества литературной речи, с другой – повышают красоту и разнообразие разговорной речи, приближая ее к литературной. Разнообразие синонимических рядов указывает на уровень развития языка, его гибкость, и

является отражением словестного богатства. На сегодняшний день в казахском языке можно наблюдать широкое разнообразие стилистических особенностей, как в письменной, так и в устной форме. Это разнообразие, в первую очередь, обусловлено функцией синонимов. Помимо относительно большого количества самих синонимов (к некоторым понятиям применимо от 20 до 30 слов [Болғанбаев 1957]), язык отличается широким разнообразием синонимических рядов.

При классификации синонимов в качестве важных показателей следует использовать значение, стилистический смысл, характер применения, а также эмоционально-экспрессивный окрас слов, отдавая основной приоритет значению слов. Учитывая особенности и предыдущий опыт исследований [Болғанбаев 1957; 1970; Оразбаева, 1988], мы условно делим синонимы имен прилагательных на две группы:

1. Смысловые (семантические) синонимы;
2. Стилистические/контекстные синонимы.

Смысловые синонимы прилагательных – прилагательные, используемые для передачи одного смысла в различных смысловых оттенках, используемые без стилистических и контекстных ограничений. Наряду с рассмотренным во введении рядом [*қарт – кәрі – егде – кексе – моқсал*] (*пожилой – старый – дряхлый*), примерами таких синонимов могут служить ряды [*кір – лас*] (*грязный*); [*жуан – семіз – толық*] (*толстый – полный*); [*тар – кіші*] (*тесный – маленький*); , и т.д.

Имена прилагательные в казахском языке делятся на качественные и относительные. Такое же деление распространяется на смысловые синонимы прилагательных. Примерами качественных смысловых синонимов могут служить ряды [*араз – қас – өш*], [*жеке – дербес*], [*тар – кіші*], [*шақ – дәл – тура*], [*жай – баяу*], [*кір – лас*], [*жуан – толық*], [*бай – мол – көп*], и т.д. Примерами относительных (образованных от другой части речи) смысловых синонимов могут служить ряды [*мейірімсіз – рақымсыз – қайырымсыз*], [*үлгілі – өнегелі*], [*атақты – даңқты – әйгілі*], [*маңызды – мәнді*], [*көлемді – қомақты – аумақты*], и т.д. Возможны также смешанные ряды, как [*тың – ширақ – күйлі*], где слова *тың*, *ширақ* являются качественными, а слово *күйлі* относительным прилагательным. Следует отметить, что разную степень эмоционального окраса и экспрессивной силы имеют лишь члены качественных и смешанных синонимических рядов прилагательных.

Стилистические/контекстные синонимы прилагательных – прилагательные, характеризующие одно и то же понятие, но имеющие стилистические и контекстные особенности применения. Например, синонимы в ряду [*зәулім – биік – бойшаң*] характеризуют высоту объекта, однако слово *бойшаң* применяется исключительно в отношении людей, а слово *зәулім*, как показывает статистика Корпуса Казахского Языка [Makhambetov, 2013] употребляется в основном в публицистических и литературных жанрах (97% всех употреблений), то есть имеет стилистическую особенность применения.

Характеристики синонимических рядов имен прилагательных

Исходя из приведенной выше классификации, мы рассматриваем следующие характеристики синонимических рядов имен прилагательных:

1. Эмоциональный окрас членов ряда;
2. Экспрессивная сила членов ряда;
3. Стилистическая ограниченность употребления членов ряда;
4. Контекстная ограниченность употребления членов ряда;

Эмоциональный окрас членов ряда. Как уже отмечалось, синонимы в одном ряду могут иметь различный эмоциональный окрас или, выражаясь терминами вычислительной лингвистики, *тональность*. К примеру, члены рядов [*семіз – жуан – толық*] (*обрюзглый/жирный – толстый – полный*) и [*лас – кір – қожалақ*] (*мутный – грязный – испачканный*) имеют негативный, нейтральный и вежливо-снисходительный оттенки соответственно.

Экспрессивная сила членов ряда. Эта характеристика немного похожа на эмоциональный окрас, однако она выражает интенсивность признака. Например, ряд [*араз – өш – өшпенді – егер*] (*недружный – мстительный – заклятый/непримиримый*) отсортирован по возрастанию силы экспрессии. Слово *араз* характеризует людей состоящих в *ссоре* (*незначительной*) еще не переросшей в *глубокую обиду*, в то время как слова *өш, өшпенді*, характеризуют людей мстящих друг другу вследствие, давнишней, глубокой обиды. Слово *егер* характеризует *заклятых, непримиримых* врагов, и обладает самым насыщенным экспрессивным оттенком среди членов данного ряда. Примерами рядов с аналогичным усилением экспрессивной силы являются [*ескі – көне – баяғы – бағзы*] (*старый → древний*), [*сүйкімді – әдемі – сұлу*] (*симпатичный → красивый*), и т.д.

Стилистическая ограниченность употребления членов ряда. Очевидно, что употребление конкретного синонима зависит также и от жанра и стиля контекста. Например, синонимы из ряда [*анық – айқын – зайыр*] употребляются в разных стилях с разной частотой: *анық* и *айқын* практически одинаково часто представлены во всех пяти стилистических жанрах Корпуса Казахского Языка, в то время как *зайыр* употребляется очень редко, и только в литературном и публицистическом жанрах.

Контекстная ограниченность употребления членов ряда. Наконец, в зависимости от контекста, допустимо применение одних членов ряда, и недопустимо употребление других. К примеру, синонимы *адал* и *халал* характеризуют чистоту (в том числе в ритуальном смысле), непорочность и пригодность предмета (чаще всего пищи) к потреблению. Однако, *адал* также используется для обозначения непорочности в более широком смысле честности. Таким образом, в то время как возможны употребления *адал тамақ* и *халал тамақ* (чистая еда), невозможны – *халал адам, еңбек* (чистый человек, труд).

Заключение

В настоящем предварительном исследовании мы рассмотрели возможные подходы к вопросам классификации синонимов имен прилагательных и характеристики синонимических рядов этой части речи в казахском языке. По результатам анализа многочисленных примеров, мы предложили условную классификацию синонимов на *смысловые* и *стилистические/контекстные*, а также выделили такие характеристики членов синонимических рядов, как *эмоциональный окрас, экспрессивная сила, стилистическая* и *контекстная ограниченность употребления*. В дальнейшем мы планируем провести работу по созданию словарей синонимов прилагательных с приведением характеристик синонимических рядов.

Литература

- Болғанбаев Ә. Қазақ тіліндегі синонимдер. – Алматы:Ғылым – 1970. – 335 б.
- Болғанбаев Ә. Қазақ тіліндегі зат есімдік синонимдер. Алматы,1957. – 88б. 20-30
- Makhambetov O., Makazhanov A., Yessenbayev Zh., Matkarimov B., Sabyrgaliyev I., and Sharafudinov A. Assembling the Kazakh Language Corpus. In Proceedings of the EMNLP Conference, 2013 – pp. 1022–1031
- Мұсабаев Ф. Қазақ тіліндегі сын есімнің шырайлары. – Павлодар:С.Торайғыров ат. П.М.У.,2010. -134б.
- Мұсабекова Ф.М. Сын есім, оның қолданылуы. Қазақ филологиясы. 4-кітап. Алматы,1977 – 138б.
- Оразбаева Ф. Қазіргі қазақ тіліндегі сын есім синонимдер.-Алматы:Мектеп, 1988. – 128б.
- Шакенов Ж. Қазіргі қазақ тіліндегі сын есім категориясы. – Алматы:Қазмемоқупедбас,1961. – 80б.
- Ысқақов А. Қазіргі қазақ тілі. – Алматы:Ана тілі,1991 – 384б.

МАГИЧЕСКИЙ ФОЛЬКЛОР: ЖАНРОВЫЙ РЕПЕРТУАР И ОСОБЕННОСТИ МИФОПОЭТИКИ

Искусство народной словесности целиком и полностью основано на магических верованиях в силу и могущество слова. Человек древности знал и ценил меру, время, возможности особых потенциалов этого кода, к помощи которого прибегал, глубоко веруя, что сказать – это совершить. Слово являлось главным инструментом всей жизнедеятельности, включая получение, охрану здоровья, а также достижение удачи и развитие творческих дарований. Магия слова приобрела художественные функции в эпосе, сказках, легендах, песнях, преданиях, пословицах, баитах, мунаджатах, отвечая эстетическим, духовным потребностям народа. Имеющие практические цели, особые функции и цели воздействия слова формируют заговорно-заклинательный репертуар обращений как сакральных способов контактов с божествами, сверхъестественными силами и стихиями Природы. Творцами и передатчиками поколениям этих тайных знаний являлись особо одаренные, обладающие экстраординарными способностями владения Словом, действием, напевами, телодвижениями и системой древних учений избранники, т.е. шаманы, у башкир – баксы, как и у казахов, кыргызов, туркмен [Токарев 1964, 290-305]. Созданный в течение многовекового служения соплеменникам уникальное творчество баксы предусматривает синкретичное единство мифологических, культовых, тотемистических представлений о времени, месте, пространстве, а также четкую логику причинно-следственных ориентиров и практических целей достижения желаемого результата. На этом фоне обнаруживается главное предназначение башкирского баксы – установление контактов с высшими, небесными силами, умилоствление божеств, покровительство которых способствует исцелению больных, благоприятным изменениям погоды, изгнанию духа беды и призыванию сил добра. В системе аналогичных традиций (сибирское, тюрко-монгольское шаманство) башкирский институт баксы, как показывает анализ материалов, отличается выраженное разумноинтеллектуальное начало, доминанта природопоклонческих мотивов, степенность и соразмерность действий, слов.

Жанры народного творчества, основанные на сакрализации слова, телодвижений, стихий, предметов, также целевых использований мифологических, сверхъестественных знаний во имя обеспечения благополучия и защиты физиологических, духовных сил этноса представляют собой магический фольклор. В широком смысле магизм содержится во всех жанрах фольклора, т.к. первопричина создания мифов, праздников, обрядов, сказок, эпоса и т.д. предусматривает влияние на волю божеств, сил Природы, умилоствление духов предков, батыров (демиургов) и приобретение благополучия. Процесс передачи этих знаний имел при этом свои нормативы. Так, рассказывание сказок днем или летом провоцирует очень холодную и затяжную зиму (Белорецкий р-н, с. Зуяк), сказывание кархуз (миф, эпос у башкир) летом или днем чревато гневом могучих духов, сильной засухой (Хайбуллинский р-н, с. Акъяр; Белорецкий р-н с. Бирдигулово), неверное проведение обряда (йола) – затяжными дождями вплоть до потоков или эпизоотий (Абзелиловский р-н, с. Аскарково; Кугарчинский р-н, с. Худайбердино). Вербализованный миф и ритуал по своей бытности действуют как праформы регулирования жизненного бытия, здоровья и искусства. В свое время рассказыванием кархуза-мифа "Урал-батыр" лечили припадочных (еннэнгэн), потерявших рассудок или обессиленных (зап. в Аскинском, Белорецком, Зианчуринском р-нах) и т.д. Таким образом, магия и магическое присутствует во всех моделях народных знаний в силу вложенных в них факторов времени, многовековой непрерывной культурной традиции и могучего интеллектуального потенциала поколений.

Магический фольклор в узком, "специализированном" его понимании представляют жанры и жанровые формы, функционально связанные с их целевым

пользованием в ритуалах, лечебных, сакральных актах. Например, в состоянии глубокого стресса потерявших дар речи женщин выводили в поле и били по щекам, заставляя кричать, произнося при этом специальные слова, проделывая телодвижения (Зианчуринский р-н, 1998 г.); речитативно-напевным словом заговаривали глаза, укусы змеи, порчу и т.д. Этот фонд архаичных знаний, открестившись от обрядовых комплексов, сохранился во времени и практике пользования в силу формульности словоформ и мыслеформ, долгой необходимости в практическом применении и преемственности творчества народных профессионалов – целителей, провидцев, баксы. В состав этого репертуара входят прозаические и стихотворные заговоры (арбау), заклички (сакырыу) дождя, ветра, кут, солнца и т.д., харнау (обращения к духам предков, силам Природы, божествам). Особую часть магического фольклора составляют приговоры (эйтемсэ), присказки (эйтем), приметы (ырым), толкования снов и событий, гадания-хынау (по костям, звездам, камням) способы народного лечения (им-том), преимущественно функционирующие в единстве слов, действий и напевов. Природу и замыслы этих форм творчества возможно расшифровывать только при комплексном и многопрофильном подходах, когда сугубо филологические или этнографические или антропологические аспекты изучения помимо как описательных не могут предоставить объективные научные обобщения.

Классические формы исполнения заговорно-заклинательного репертуара соединяют миф + слово + действие + отчасти напев; каждый из компонентов связан с архаичными реалиями, обусловившими особенности функций, лексики, способов отправления. Для заговора опухоли, например, необходимо соблюдение ряда условий: яйцо курицы, необходимое для лечения, должно быть снесено в среду, вода взята перед рассветом на убывающей луне, больной одет в старые одежды, приходиться на «сеансы» голодным, до и после никому не говорить о цели (результатах исцеления тем более) своего визита. В комплексе действуют манипуляции с предметами, проецируя яркое ассоциативное, мирозерцательное мышление целителей: болезнь «переносится» на четное число ненужных вещей, как то: ломаные расческа, иголка, выпавшие волосы, ногти, битые стекла, ржавые гвозди и т.д.; выбрасывая болезнь где-либо на перепутье, уходят, не оглядываясь и за собой бросая поперек дороги семь (по тяжести хвори девять) прутьев, предварительно освящая их молитвой – так прокладывается невидимая граница между миром этим и другим. Примечательны знания о духе: так, части тела (ногти, волосы и т.д.), являющиеся хранителями парциальной души, «уносят» с собой болезни, а смертоносная символика ломаных вещей провоцирует, по логике магии подобия, такой же эффект; среда в народных верованиях считается благоприятным днем для целительных актов и т.д. Семантический мир лечебной культуры таким образом вбирает древнейшие знания, реалии, за время многовековой практики приобретшие результативный опыт. Заговорный характер имеют алгыши (благопожелания) и каргыши (проклятия), в истоках предусматривающие функции особого воздействия магизма слова, также подчинение и призывание добрых (алгыш) или злых (каргыш) сил. *Теләк* (теляк) как благопожелание сосемантичен с алгыш с тем отличием, что условие произношения теляк в прошлом был связан с жертвоприношениями и даже заменял его. У северо-восточных, восточных башкир поныне сохраняется обычай «теляк салыу».

Идеологический замысел императивных обращений всех форм (заговоры, заклинания, алгыши и т.д.) восходит к представлениям о наличии "хозяина" сфер, болезней, природных стихий и т.д. *Эйә* (хозяин, владелец) у башкир созвучен, сосемантичен с алтайским, калмыцким "эзи", бурятским "эжин", якутским "иччи" [Фольклор.. 2011, 382]. Успех в достижении цели (заговор болезни, промысел, охота, заклинания животных, заклички стихий и т.д.) зависит от умения и искусства умилостивления «хозяев» и установления с ними «договоров», требующих специальных жертвоприношений и правильного использования предметов, действия, слова с учетом родовых, местных традиций.

Алгыш – магического назначения тексты, произносимые в заклинательной форме, восходят к древнетюркскому *алиа* "благословлять" [Сравнительный... 1975, 30] и направлены на увеличение производительных сил, снятие страха и решение определенных задач.

Идейно-функциональные замыслы полезной магии предопределяется глубиной знаний, уровнем природного или наследственного дарования, умением человека включаться в движения мира, вызывать покровительство божеств. В обращениях к небесному Тэнгри, духам-хозяевам лесов, полей, рек, четырем стихиям – воде, огню, земле, воздуху и в пожеланиях используется магия дорогого слова. В посевной работе произносится алгыш – благопожелание, призывается урожай:

<i>Ер! Ер! Ер!</i>	<i>Земля! Земля! Земля!</i>
<i>Көсөң бир!</i>	<i>Силы дай!</i>
<i>Алтмыш арба арна бир,</i>	<i>Шестьдесят телег ячменя дай,</i>
<i>Етмеш арба етен бир,</i>	<i>Семьдесят телег льна дай,</i>
<i>Бир! Бир!</i>	<i>Дай! Дай!</i>

Алгыши, единые по замыслу и различные по функциональному назначению, содержат благопожелания, просьбы о содействии в успешной охоте, путешествии, промысле и т.д. (произносятся перед дорогой, работой, заключением брачного союза и т.д.). Однако в *алгыш*, в отличие от *арбау*, харнау нет обращенности к божествам, духам болезней и желания подчинить своей воле. Как и в якутских, казахских алгыс, эвенкийских алга [Эртюков 1993, 82-83] в башкирском алгыш поэтизируются благопожелания, общими являются отсутствие гиперболизации и идеализации, изображения результата (*Донъяң матур булһын! Котло булһын йортоң!*).

Творчество, связанное с магией слова, пронизывает всю жизнь башкира, основные принципы жизневедения которого испокон веков связывались с поклонением живой природе, одухотворением неземных и земных сфер. Отсюда многообразие словесно-поэтического творчества, восходящего к сакрализации слова, действ, также звука. Произносимые в определенном времени, пространстве и месте в целях получения желаемых результатов и умиловивления высших сил, созданные при участии творчества особого человека рода – баксы (имсе, һынсы, арбаусы) произведения сформировались как культурные тексты магического назначения. Истоки создания и функционирования восходят в глубокую древность традиций, в центре которых фигурирует баксы (шаман) и его дарование и предназначение.

Объектом научного внимания жанры магического фольклора башкир (заговоры, заклинания) стали в XIX веке. В трудах А. Инана описаны заговоры змей, хищных птиц [Инан 1998]. Классифицируя эти жанры башкирского народного творчества, один из первых фольклористов Г. Вильданов относит их к "им-том" (народное лечение) и "ышаныу" (верования), даёт образцы заговоров болезней ушных раковин (татран), упоминает о призывании кот (благополучия) и лечении тредушия (өсйән) [Вильданов 2012, 77, 85].

Многообразием болезней, недугов, случающихся бед или необходимостью регулирования трудовых, жизненных забот обусловлены виды заговоров, закличек, что предопределило систематизацию и описания их в контексте обрядового фольклора [БХИ 1995, 60-252]. Магический фольклор традиционно классифицируется по функциональному признаку и формам болезней (заговоры змеи, собаки, сглаза, лихорадки и т.д.), необходимости восстановления здоровья (по уходу за ребенком при отсутствии речи, хождения, болезней и т.д.), улаживания трудовых и хозяйственных забот. В наибольшей системности, полноте описаний многообразного репертуара заговоры представлены в работе Ф.Г. Хисамитдиновой "Башкорттарзың им-том китабы" (2006). Магический фольклор, связанный с традиционными нормами здравоохранения, разделен на две большие части: 1) заговоры детских болезней; 2) заговоры болезней взрослых. Производится внутрижанровое разделение по видам болезней (заговоры сердечных,

костных, кожных недугов; заговоры, связанные с влиянием козней нечистых сил). В исследованиях, фрагментарно охватывающих вопросы магического фольклора, отмечается место и отражение заговоров в сказках, запретах [Гайсина 2013, 29-32; 2010, 103-108; Хусаинова 2012], а также особенности бытования во времени и сохранности в фольклорной памяти [Юлдыбаева 2012, 156-163; Хусаинова 2008, 193-196].

Научно-теоретический аспект изучения и освещения специфики заговорного репертуара имеется в многочисленных трудах фольклористов, языковедов, этнографов, соответственно профилям наук раскрывающих особенности сложного вида традиционной культуры. Дается классификация заговоров по функциональной направленности с охватом мировоззренческой основы, определяется место в системе жанров и их основные свойства как единство слов и действий, ритмичность строф, обращенность к высшим силам, духам предков [Галин 2004]. Подходы к классификации, систематизации жанра в основном едины, с различных точек зрения раскрываются лексические, тематико-структурные [Исхакова 2009, 25], культово-мифологические [Хусаинов 1990, 106-111] особенности. Лексика лечебной магии прочитывается в аспекте практической системы конкретных знаний предков по физиологии, анатомии и средств оздоровления [Кәримова 2011, 209]. В контексте шаманских, обрядовых комплексов исследованы древние истоки, функции, семантика, раскрыты особенности мифопоэтики заговоров [Султангареева 1999, 84-107; 1999, 47-54]. Изучены некоторые поэтико-стилевые, функционально-тематические особенности заговоров, формы творчества баксы (шаманов) [Баимов 1995, 28-33], раскрыты принципы и основные мотивации, функциональные особенности магических текстов [Сөләймәнов 1995, 38-51]. В многочисленных трудах этнографа З.И. Минибаевой, многие годы целенаправленно исследующей данную проблему, система этих знаний восстанавливается в ракурсе комплексной историко-этнографической, типологической характеристики деятельности знахарей, народная медицина реконструируется как первородная школа здравоохранения. На большом фактологическом материале широко освещены такие проблемы как народная медицинская терминология, виды врачевания (пульсовая диагностика, банная, растительная, водная терапии), даются наиболее полные вербально-акциональные описания заболеваний и способы лечения в их региональной, атрибутивной специфике [Минибаева 2008, 149-153; 2011, 3-26 и др.].

Краткий экскурс трудов показывает, что комплексное исследование магического фольклора во взаимосвязи и синкретичном единстве антропологических, этнографических, лингвофольклористических систем с охватом обрядовой целостности и специфики архитектоники лечебных актов еще не сделано. Потому как заговорно-заклинательный репертуар – сложнейший код знаний, объективное раскрытие замысла которого невозможно с сугубо филологической или этнографической точек зрения. Современный фольклористический подход предусматривает комплексность, когда ни один компонент не изучается в отрыве от другого или только с одной (лексикологической, этнографической, хореологической и т.д.) точки зрения, что позволяет полнее раскрыть закодированные в этих текстах духовные, интеллектуальные потенциалы и разумные познания предков о физиологии, психологии и анатомии человека.

Основной символ в расшифровке сакральных кодовых текстов и идей – Слово. В свете ностратических истоков обнаруживается глубокая архаичность основного в магическом фольклоре жанра арбау (заговор), «восходящего к общему и главному значению «колдовать» [Нафиков 2009, 77]. Функциональная направленность арбау в алтайских, индоевропейских, уральских языках связывается с идеей магического влияния, имеет цели «замыслить зло против кого-либо, быть в засаде, применять магические силы» [Dolgorolskiy 2008]. В таком контексте проявляется основная, отличительная от других жанров магического фольклора особенность заговора – волевое психотропное влияние на объект, исключение зла путем умиловливания покровителей-духов и привлечения особых тайных знаний и исключительных слов.

Заговор – башкирский арбау, ритуально-магический текст, созданный в процессе многовекового творчества в целях подавления воли кого-либо и подчинения, изменения хода событий, приводимый в действие при непосредственном присутствии объекта или на расстоянии. Различаются целительские, любовные, хозяйственно-бытовые, трудовые, охотничьи и др. заговоры. Арбау являет собой сакральный обрядовый акт с участием самых разных функциональных компонентов, действующих в единстве и обнаруживает сходства с харнау – архаичными формами обращений к духам предков, Природе и соединяющих слово, действие, напев. В отличие от арбау, направленных на ослабление воли и влияния враждебных, болезнетворных, также невидимых и видимых сил, харнау имеет в дополнение и обращенность к духам предков, природным силам, «Сарн» в тюркоязычной сфере означает песнь шамана, заговоры порчи, змей, заклички ветра [Абылкасымов 1992, 51] и созвучен с башкирским харнау, проводя сходства жанра. Структуры построения текста в арбау и харнау схожи, потому имеются одинаково функциональные ключевые моменты, выраженные вербально.

Традиционная структура и архитектоника арбау, всех заговоров (отчасти закличек) представляется таким образом: 1. Обращение к помощнику-духу и созывание по имени: “Эй дух! Дух воды! Или: «Коркот ата! Помогите!»”. 2. Предоставление сведений о себе (баксы заявляет о своей личности, возможностях): “Я Иртыш переплыл! Я Идель переплыл!» или «Ты змея, сильнее тебя я змея!” 3. Волеизъявление причин, вынудивших обратиться к божествам или описание болезни. “ От того (имярек) человека душа улетела” или “На том (имярек) сглаз есть. Надо лечить его”. 4. Просьба и конкретное описание цели обращения: “Верни кут! Верни силы!” или “Вылечи грыжу!”, “Татрана прогони”. 5. Волевое воздействие в целях погони злого: «Откуда пришла – туда иди!», «Кто наслал – тому вернись!» 6. Ожидаемый результат дается как свершившийся факт: “Исцеляется, исцеляется!”, “Вон, убежал, убежал! В поле исчез, в воде утонул”. 7. Заключительное слово “Не я исцелил – Аллах” и возблагодарение духов, стихий, «Тебе – платок, мне здоровье!». В такой структуре в основном строится арбау, а также все заговоры, варьируя в зависимости от целей акта и полноты знаний целителя. Большая часть заговоров бытует уже в усеченной форме, так как ввиду ослабления верований в духов, магию слова (телодвижений, дыхания, предметов и т.д.) заговорные акты выпадают из практики или переживают внедрение исламских элементов. Так, формулы обращения к духам, божествам заменяет просьба-получение благословления Аллаха на проведение лечебных, целительских процедур. “О, Аллах, с твоего ведома и разрешения начинаю лечение (Йэ, Аллам, hineң ризалығындан им итэм); ”Человек-причина, Ты – целитель, помоги мне!” (Бэндэ-сэбэпсе, Аллах-сихэтсе! Ярзам ит!”) (Записи автора в Хайбуллинском, Зианчуринском, Янаульском районах РБ). В текстах выпадают обращения к покровителям рода и зачастую действуют исламские святые. Очень редки в заговорах мотивы «знакомства» имсе и представления себя, своих возможностей. Идея жертвоприношения вмещается в короткие формулировки, типа «Тебе – платок, мне – здоровье!». Сократились дискурсы магического восхваления (заманивания) заговариваемого (-ых) объекта («Текучей реки быстрее змея!») или они вовсе отсутствуют. Такие особенности маркируют деятельность и особенности творчества сельских целительниц имсе, арбаусы, которые есть ещё почти в каждой местности.

«Профессиональные» целители соблюдают правила лечебной магии: сообщают больному время, место лечения и правила (прийти голодным, не есть мяса в течение 3 дней и т.д.): придерживаются необходимого этикета, просят помощи у «хозяев» воды, огня, земной почвы, соблюдают избегание бытового разговора, обращаются за помощью Аллаху, покровителям рода, импровизируют функциональные речитации в соответствии с народными традициями. Обругивания недуга заканчиваются словами изгнания злых сил, а по окончании сеанса благодарят Всевышнего и получая хаир, посвящают его воле Аллаха, прося пользы лечения. По словам информаторов, “Древний человек заговаривал все, что

имеет душу. Но не всякому этот дар-ремесло дается. Это могли проводить только – баксы" (с. Юмаш, Баймакского района А. Барлыбаев, 1914 г.р., Зап. 1993г.). "Раньше были могучие баксы. Вот они сотрясали мир! Слова говорили иногда непонятные и с мелодиями, и с напевами, прыгали, танцевали!" (с. Лагерево Салаватского района, 1994). Башкирские баксы (бакшы, бағыусы, бағымсы) – шаманы являются творцами харнау и арбау, они обладали недюжинной силой воли, голосом, экстраординарными способностями, дарованными им по наследству. (Ввиду ограниченного объема статьи эти свидетельства, собранные автором в течение многих лет, упоминаются лишь фрагментарно). Творчество башкирских баксы (шаманов) восходит к глубокой древности, связан с природопоклонческими воззрениями, языческими традициями и умением устанавливать контакты со стихиями при помощи Слова. Следы форм контактов с высшими силами и влияния на волю живых существ, природы, которые реализовывали баксы, запечатлены в самых различных формах магического фольклора: это заговоры животных, змей, заклички Солнца, радуги, дождей и т.д. С раскрытием и расшифровкой семантического мира этого кодового репертуара связано приобретение наиболее полных и объективных свидетельств об архаичных реалиях, причинно-следственных связях и артефактах, которые в других культурных текстах давно утрачены.

Литература

- Абылкасымов Б.Ш. Жауын шақыру // Изв. АН РК (Казахстан). Сер. фил. 1992/ 3. С. 50-54.
Баймов Б.С. Творчество баксы // Шонкар, 1993. № 1. С. 28. (на башк.яз.).
Башкорт халык ижады. Йола фольклоры / Төз., баш һүз, аңлатмалар авт-ры. Ә.М. Сөләймәнов, Р.Ә. Солтангәрәева. – Өфө, 1995. – 223 б.
Вильданов Ғ.Ф. Тәрки халыктарының донъяға боронго дини караштары // Халык хәтеренән халыкка. / Төз., башһүз, коммент. авт. Р.Ә. Солтангәрәева. – Өфө, 2012. 75-87 бб.
Гайсина Ф.Ф. Запреты как фольклорный жанр в традиционной культуре башкир. Автореф. дис. .. канд. фил. наук. – Казань, 2013. – 27 с.
Галин С.А. Башкирский народный эпос. – Уфа: “Аэрокосмос и ноосфера”, 2004. – 320 с.
Инан А. Шаманизм тарихта һәм бөгөн. – Уфа, 1998. – 210 с.
Исхакова Г.Г. Ритм как основной принцип организации заговорного текста // Урал- батыр и духовное наследие народов мира. – Уфа, 2011. С. 203-204.
Кәримова Р.Н. Халықтың донъяға карашын күрһәтеүсе сығанак буларак халык медицинаһы лексикаһы // Урал-батыр и духовное наследие народов мира. – Уфа, 2011. С. 208-210.
Минибаева З.И. Ислам и демонологические представления о болезнях в народной медицине башкир (на материале Курганской области) // Этногенез. История. Культура. – Уфа, 2011. С. 162-168.
Миннибаева З.И. Лечебные заговоры в народной медицине курганских башкир и алтайских народов // Урал-Алтай: через века в будущее. Материалы Всероссийской тюркологической конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Н.К. Дмитриева. – Уфа, 2008. С. 149-153.
Нафиков Ш.В. Тамыры уғата боронго башкорт. Мәкәләләр йыйынтығы.– Өфө, 2009.– 418 б.
Сравнительный словарь тунгуско-манчжурских языков / Отв. ред В.И. Цинциус. – Л., 1975, т.1.
Сөләймәнов Ә.М. Башкорт халкының им-том һәм мөззәти йола фольклоры // Башкирский фольклор. Исследования и материалы. – Уфа: Гилем, 1995.
Солтангәрәева Р.Ә. Арбаузар // Башкирский фольклор. Исследования и материалы. V вып. – Уфа: Гилем, 2004. С. 199 – 215.
Султангареева Р.А. Обрядовый фольклор как предмет реконструкции личности, функций и творчества бағымсы. – Уфа, 1999. С. 84-107.
Токарев С.А. Ранние формы религии и их развитие. – М., 1964.
Фольклор монгольских народов. – М., 2011. – 204 с.
Хисамитдинова Ф.Г. Башкорттарзың им-том китабы. – Өфө, 2006.
Хусаинов Г.Б. Древние башкирские письменные памятники // История башкирской литературы. – Уфа, 1990. т. 1 (на башк. яз.).
Хусаинова Г.Г. Современный фольклор северных башкир // Экспедиция материалдары – 2006: Бураевский район. – Уфа, 2008. – 239 с.
Эртюков В.И. Эпоха палеометаллов в Северо-Восточной Арктике и её роль в генезисе малочисленных народов Севера // Языки, культура и будущее народов Арктики. – Якутск, 1993. С. 82-84.

Уртегешев Н.С., г. Новосибирск

ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ШОРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Я бы хотел начать свою статью с цитаты об орфографии из работы Л.В. Щербы [1957, 45-49]: «Я полагаю, что практически для тюркских народов (хотя, конечно, я это говорю со всей осторожностью и со всей скромностью) самое правильное было бы – комбинация фонетического и этимологического принципов, комбинация в каждом отдельном случае своеобразная и разная, ибо правил общих тут никак нельзя дать. Вопрос этот практический, вопрос жизни, и жизнь должна подсказать правильное решение. Вопрос орфографии – мучительный и болезненный – и должен быть выработан в процессе жизненного опыта и в каждом данном случае и в данных конкретных отдельных случаях по-своему, по-разному».

Понятно, что нет в мире идеального алфавита, орфографии и орфоэпии. Язык постоянно находится в динамическом развитии. Не составляет исключения и шорский язык, который с 30-х годов прошлого века претерпел изменения: изменилась среда функционирования, катастрофически сократилось число говорящих на этом языке, но при этом практически не изменились правила написания и не оговорены правила произношения. Поэтому цель статьи – привлечь внимание к проблеме алфавита, орфографии и орфоэпии современного литературного шорского языка. Пришло время, чтобы сделать шаг к модернизации шорского языка: сделать его ближе и доступнее для народа, для тех, кто пытается выучить его самостоятельно или с педагогом. Помочь педагогам в преподавании этнического языка. Ниже рассмотрим некоторые проблемы, которые связаны с заявленной темой доклада.

Необходимо прекратить в шорском языке неуместную практику ассоциации палатальной гармонии только с гласными, а точнее привязывать ее к буквам, передающим на письме гласные звуки. Палатальная гармония – это более сложное явление, которое затрагивает как вокальные настройки, так и консонантные. Оно касается всего слова в целом. Следует говорить о мягкорядных и твердорядных сингармемах или о мягкорядных и твердорядных словоформах. Допускают грубейшую ошибку, когда говорят, что в шорском языке есть “мягкие” гласные *э(е), и, ö, ü* и “твердые” *а, ы, о, у*, подразумевая под этим то ли звуки, то ли фонемы, но при этом перечисляя буквы, которые передают некоторые гласные настройки. Так, например, действительно в словах *чЫл* ‘год’, *чЫлан* ‘змея’, *чОл* ‘дорога’, *қойЫм* ‘овца=моя’ пишутся так называемые “твердые” гласные, но произносятся гласные переднего ряда – *чИл, чИлан, чÖл, қойИм*, потому что после среднеязычных и умереннопалатализованных согласных гласные заднего ряда произнести НЕВОЗМОЖНО, действуют законы физиологические, законы гармонии слога. В словоформах *адЫм* ‘конь=мой’ [Уртегешев 2007, 10-16] и *эдИм* ‘мясо=мое’ функционирует гласный одного ряда – центральнозаднего четвертой ступени отстояния [Наделяев 1980, 3-43]. Разница лишь в том, что в мягкорядных словоформах он чуть продвинут от основной настройки вперед, а в твердорядных является основной или чуть сдвинутой назад настройкой, но в пределах одного ряда. Получается так, что разными буквами на письме обозначаются репрезентанты одного ряда и подъема одной гласной фонемы. Подобным образом, оттенки одной фонемы обозначаются в словах *чЫл* ‘год’ и

чИк 'шов' разными письменными знаками. И, наоборот, в словах *чИк* 'шов' и *эдИм* 'мясо=мое', а так же в паре *чЫл* 'год' и *адЫм* 'конь=мой' одной графемой передается звучание оттенков разных фонем. Попробуйте при такой нелепице правильно преподать маленьким детям в школе или самостоятельно выучить шорский язык. Поэтому правильно было бы писать и произносить *чИл*, *чИлан*, *чӖл*, *қойИм*, *эдЫм*, как собственно и звучит в живой речи. Если на письме учесть все эти вещи, то не получится так, что изучающие и некоторые педагоги шорского языка будут неправильно произносить особенно малоупотребительные слова в речи. Это вершина айсберга, которая касается только вокальных настроек.

Очередной раз пытаюсь привлечь внимание к проблеме палатализации [Уртегешев 2008, 158-161]. В шорском языке существует большое количество мягкорядных с точки зрения сингармонизма словоформ, в которых умереннопалатализованные согласные встречаются в ауслатной позиции, причем не только после гласных переднего артикуляторного ряда, но и после центральнорядных, смешаннорядных и даже центральнозаднерядных гласных; умеренное смягчение согласных здесь не обусловлено фонетическим контекстом (ср. с кумандинским [Селютина 1983]), например: *эр* «эр'» 'мужчина', *тер* «т.эр'» 'пот', *эм* «эм'» 'дом', *кдл* «к.ол'» 'озеро', *кел* «к.ул'» 'зола', *тил* «т.ыл'» 'язык' и т.д. [Уртегешев 1999, 100-102]. Особенно это заметно на давно заимствованных из русского или через русский язык словах в шорском языке: рус. *картошка* – шор. *картопке* «картопк'е» в место ожидаемого *картопка*, рус. *морковка* – шор. *маркопке* «марк.опк'е» в место ожидаемого *маркопка*, *серанке* «с'ер'ан'к'е» 'спичка' (рус. сера), рус. *сапог* – шор. *сапӖк* «сап'ок» в место ожидаемого *сапок*, собственно шор. *найле* «найл'е» в место ожидаемого *найла* 'очень'.

Более подробно остановимся на понятии палатализация в артикуляционном плане.

Палатализация в артикуляционном плане – подъем средней части спинки языка к твердому небу, сопровождающий губную, переднеязычную или заднеязычную артикуляцию согласного. Степень палатализации зависит от типа основной артикуляции: так, переднеязычные дорсальные палатализируются в большей степени, чем переднеязычные апикальные, образующиеся с поднятым к верхним зубам кончиком языка [Лингвистический ... 1990, 357]. Экспериментально-фонетические данные по шорскому языку, полученные соматическими методами исследования рентгено- и денто- и лингвопалатографирования свидетельствуют о том, что степень палатализации зависит от продвинутой передней части спинки языка к передней части твердого неба и подъема ее над остальными частями спинки [Уртегешев 2002, 2004]. Так в шорском языке выделяется две степени палатализации: слабая образуется вследствие небольшого продвижения передней части спинки языка к передней части твердого неба и незначительного подъема ее над остальными частями спинки, умеренная – результат значительного сближения второй половины передней части спинки языка с передней частью твердого неба и существенного подъема средне-межзубочной части спинки языка к последней трети передней части твердого неба. С одной стороны, слабо- и умереннопалатализованные согласные шорского языка можно было бы определить как позиционно-комбинаторные оттенки одной фонемы: слабопалатализованные – в составе мягкорядных словоформ в препозиции к центральнорядным гласным, умереннопалатализованные – в мягкорядных словоформах в препозиции к гласным переднего ряда. С другой стороны, при таком подходе остается необъяснимым использование в мягкорядных словоформах умереннопалатализованных звуков, употребляющихся в конце слова и слога – в финально-поствокальной **-V[C]** и в медиальной поствокально-преконсонантной позициях, где их появление не соответствует фонотактическим закономерностям современного шорского языка: в этих позициях наиболее вероятным являются согласные слабопалатализованные. Можно предположить, что финальные звуки являются рефлексамися самостоятельной фонемы, умеренная палатализация которой в конце слова не обусловлена комбинаторными условиями, а являются имманентным свойством. В пользу этого предположения говорит и

тот факт, что, оказавшись при агглютинации в медиали словоформы в препозиции к слабopalatalизованным типа С₁ или С₂, вопреки алгоритмам сочетаемости, действующим в шорском языке на современном этапе его развития, сохраняют умеренную palatalизацию, а не замещаются слабopalatalизованным звуком: *кеп* «к'эп'» 'одежда' > *кепти* «к'эп'т.ь» 'одежду (вин.п.)', *изеп* «с'эп'» 'карман' > *изептер* «с'эп'т.эр'» 'карманы (мн. ч.)', но *чип* «ч'ип.» 'нитка' > *чипти* «ч'ип.т.ь» 'нитку (вин.п.)', *эпчек* «эп.ч'эк.» 'лукошко' > *эпчектер* «эп.ч'эк.т.эр'» 'лукошки (мн. ч.)', а так же *көн* «к.оп.» 'много', *эпчи* «эп.ч'и» 'жена'; *кес* «к'эс'» 'режь' > *кести* «к'эс'т.ь» 'резал=он', *сөс* «с'Ос'» 'слово' > *сөстер* «с'Ос'т.эр'» 'слова (мн. ч.)' и т.д.

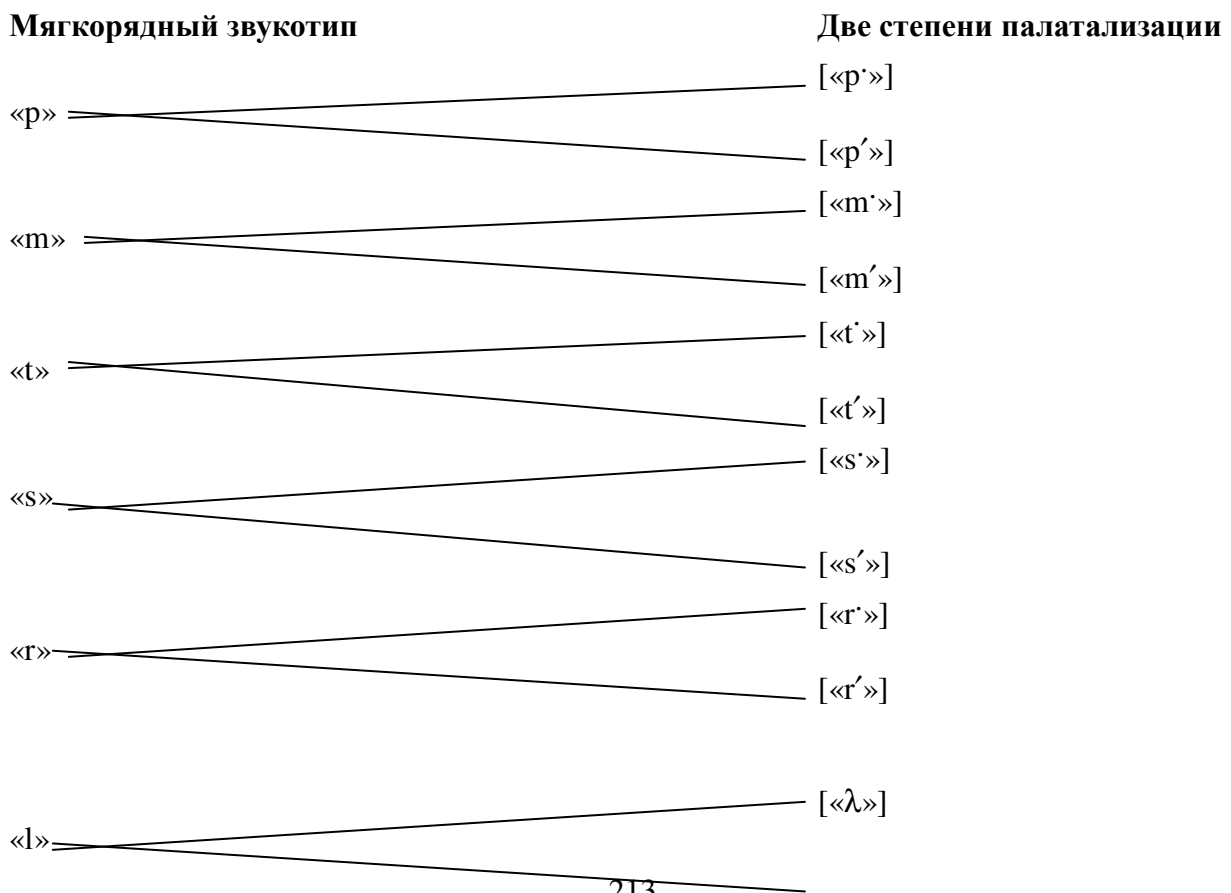
Таким образом, в составе мягкорядных словоформ выделяется два ряда фонем: одни слабopalatalизованные, другие – умеренно (см. Схему 1).

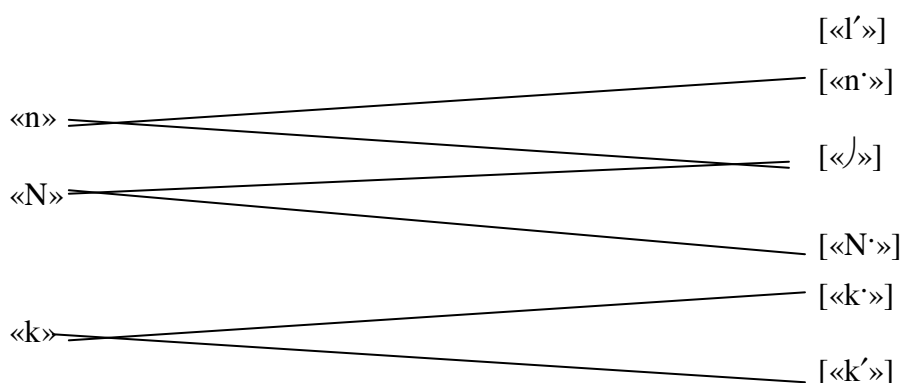
Хотя выявление фонем не должно сводиться только к поиску квазиомонимов, их просто может и не быть в языке [Fisher-JOrgensen 1956, 142; Mulder 1968, 127] можно привести пары слов, которые различаются степенью palatalизации, например: *эм* «эм'» 'лекарство' = *эм* «эм'» 'дом', *чексинерге* «ч'эк'с'ьн'эр'г'э» 'брезговать' = *чексинерге* «ч'эк'с'ин'эр'г'э» 'пугаться', *шаш* «ш'ш'» 'втыкай' = *шаш* «ш'аш'» 'волосы'; *инге* «ин'г'э» 'в нору' = *инге* «ин'г'э» 'иголка' и т.д.

К сожалению, две степени palatalизации никак не учитываются на письме, что создает сложности при изучении шорского языка. Возникают "перекося" при произношении мягкорядных словоформ: либо произносится все со слабой palatalизацией, на русский слух воспринимается как твердое произношение или нейтральное, либо наоборот произносится все умереннопalatalизованно, либо комбинируют их, например: вместо *тил* «т'ыл'» 'язык' произносят «т'ыл» или «т'ил», или «т'ил'»; вместо *келди* «к'эл'д'ы» 'пришел=он' произносят «к'эл'д'и» или «к'элд'и»; вместо *көн* «к'оп'» 'много' произносят «к'өп'»; вместо *нек* «н'эк'» 'корова' произносят «н'эк'», но *негиш* «н'эг'иш'» 'победа', а не «н'эг'иш'» и многие другие.

Схема 1

МЯГКОРЯДНЫЕ ЗВУКОТИПЫ

Исходя из вышесказанного, предлагаю некоторые изменения, которые должны коснуться алфавита, орфографических и как следствие орфоэпических норм шорского языка:

1. Ввести для мягкорядных слов специальный знак «'» – верхняя запятая слева, который бы указывал на их принадлежность к мягкому ряду, например, вместо *тилинде* – 'тылиндэ 'на языке', *көк* – 'кок 'синий', 'голубой' (но русское *кок* 'повар на судне'), *көгүлдириим* – 'когүльдырым 'синеватый'. Как следствие, сократится число аффиксов с узкими гласными типа «ы» и «и», например, останется два варианта аффикса вместо четырех для передачи прошедшего времени -ты – *пардым* 'ушел=я', 'кельдым 'пришел=я'.

2. Ввести мягкий знак для того, чтобы развести разные степени палатализации, а главное разные фонемы, для которых конститутивно-дифференциальным принципом выступает разная степень палатализации (слабая и умеренная), но при этом обозначать у согласных только умеренную степень, например: *эм* – эм 'лекарство', т.е. остается без изменений, а вместо *эм* – эмь 'дом', *тер* – 'тэр 'пот', *теер* – 'теэрь 'собирать с земли' и т.д.

3. Ввести в шорский алфавит еще одну графему для передачи позиционно-комбинаторных оттенков малошумной гуттуральной щелевой двухфокусной фонемы типа [γ] в таких словах как *улуГ* 'большой', *кичиГ* 'маленький', *пуГдай* 'пшеница', *суГ* 'вода', *таГ* 'гора': *улуу*, *кичиу*, *пуудай*, *суу*, *тау*.

4. Без введения дополнительных знаков развести две разные твердорядные гуттуральные нещелинные фонемы типа «к» (увулярную и корнеязычную). Глухие оттенки увулярной фонемы обозначать через букву 'ка с запятой' «к», а корнеязычной просто через букву «к», а их звонкие варианты через «ғ» (щелевые) и «г» (смычные) соответственно, например: *ақ* – ак 'белый' => *ағым* – агым 'белезна=моя', *ақ* – ақ 'течь' => *ағып* – агып 'текая', вместо *тоғус* – тоғус 'девять', *аага* – аага 'ему' остается без изменений.

5. Исключить удвоенное написание согласных в корне слова, оставить только на морфемных швах: вместо *мекке* – 'меке 'обман', *эжик* – 'эжык 'дверь' => *эжикке* – 'эжыкке 'к двери'.

6. Использовать буквы ö, ü только для передачи оттенков мягких переднерядных фонем типа [ö] и [ü] соответственно, в прочих случаях использовать буквы о, у (в начале слова, после межзачаточных и слабопалатализованных согласных) или ё, ю (после среднеязычных и умереннопалатализованных), например: *өөл* – 'өөль 'мокрый', *өл* – 'оль 'умирать', *төрт* – 'торьт 'четыре', *сөök* – 'сёок 'кость'.

7. Использовать буквы ё, ю, я не только в заимствованных словах из русского и через русский язык, но и в собственно шорских словах, т.е. фактически вернуться к написанию 30-х годов прошлого века [Бабушкин 1938]: *қайа* – кая 'скала', *қуйун* – куюн 'вихрь', *күйе* – кюе 'жук'. Кроме того, на морфемном шве и в аффиксах сочетание с й писать через йотированный знак и и: *қойым* – қоим 'овца=моя', *көйип* – 'коип 'горя', *көйе* – 'кое 'горя', *эмнийи* – 'эмьныи 'домашний'.

В заключении хотел бы сказать своим будущим оппонентам, что я не стремлюсь к “транскрипционному” письму, несмотря на то, что Э.Ф. Чиспиков при разработке новой графики шорского языка сделал попытку ... осуществить принцип звуко-буквенного соответствия ... [Чиспиков 1992, 19]. К сожалению, очень многие путают звук, фонему и букву. Когда говорят о фонеме, то автоматически представляют себе букву, чем запутываются сами и вводят в заблуждение других.

Литература

Бабушкин Г.Ф. Орфография шорского литературного языка. – Новосибирск: Новосиб. обл. изд-во, 1938. – 28 с.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – Москва: «Советская энциклопедия», 1990. – 687.

Наделяев В.М. Артикуляционная классификация гласных // Фонетические исследования по сибирским языкам. – Новосибирск, 1980. С. 3-43.

Селютина И.Я. Кумандинский консонантизм. Экспериментально-фонетическое исследование. – Новосибирск: Наука, 1983.

Уртегешев Н.С. Артикуляторные характеристики гласных: методика определения ступеней отстояния // Гуманитарные науки в Сибири, № 4. – Новосибирск, 2007. С. 10-16.

Уртегешев Н.С. Сингармонизм в мягкорядных словоформах шорского языка // Материалы XXXVII международной научной студенческой конференции “Студент и научно-технический прогресс”. Филология. – Новосибирск, 1999. С. 100–102.

Уртегешев Н.С. Шумный консонантизм шорского языка (на материале мрасского диалекта). – Новосибирск, 2002. Он же; Малошумный консонантизм шорского языка (на материале мрасского диалекта). – Новосибирск, 2004.

Уртегешев Н.С. О палатализации в шорском языке // Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения профессора А.И. Чудоякова «Историко-культурное взаимодействие народов Сибири». – Новокузнецк, 2008. С. 158-161.

Чиспиков Э.Ф. Графика и орфография шорского языка (Учеб. пос. для преподавателей и студентов). – Кемерово, 1992. С. 19.

Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М., 1957. С. 45-49.

Fisher-Jorgensen E. The commutation test and its application to phonemic analysis // For Roman Jakobson. – The Hague, 1956. P. 142.

Mulder J.W.F. Sets and relations in phonology. – Oxford, 1968. P. 127.

Файзуллина И.И., г. Уфа

ЕДА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОНОМАСТИКИ

Еда в жизни человека имеет огромное значение, ведь с помощью пищи человек восполняет свои физиологические потребности, восстанавливает силы. Еда и сами ритуалы еды (*table manners*, по Леви-Строс) занимают значительную часть человеческой коммуникации и напрямую отражены в языковой сфере. Даже яркие речевые метафоры зачастую носят вкусовой характер: *сладкая женщина, медовый месяц, горькая правда, пряный запах волос, ну просто конфетка!*, *шоколадный загар* и пр.

Именно поэтому в настоящее время названия пищевых продуктов (прагматонимов), стремительно входящие в нашу речевую сферу, привлекают внимание современных исследователей ономастики своим разнообразием, большой оригинальностью и нестандартностью. Стоит сказать, что одни только названия различных экзотических блюд (суши, роллы, пицца и пр.), насчитывающие сотни и сотни единиц, заполнили страницы наших рекламных изданий, демонстрируя экспортно-импортный обмен между

кулинарными системами разных стран. Анализируя новые составляющие пищевого каталога, можно отметить, что при отборе признака, положенного в основу номинации, и выборе языковых средств, номинаторы проявляют весьма яркие творческие (креативные) способности. По справедливому замечанию М.В. Голомидовой, «человек, создающий имя, величина, безусловно переменная: языковой портрет номинатора – от индивидуально-бытийного опыта до индивидуально-языкового знания и речеповеденческого репертуара будет меняться, но единственное, что, пожалуй, будет оставаться неизменным, так это понимание своего права на имятворчество в границах дозволенного общественными конвенциями» [Голомидова 2003, 114].

Как ответ на «пищевую экспансию» в России возросло количество заявок на регистрацию товарных знаков, существенное число которых составляют словесные товарные знаки пищевых продуктов. Ведь товарный знак является ядром любой рекламы, и он призван «покорять, соблазнять, очаровывать» [Телия 1986, 33]. Основной целью любой рекламной акции является воздействие на когнитивную систему человека, а мощнейшее средство этого воздействия – яркое и выразительное название. Многократное повторение товарного знака способствует его запоминанию, слово становится своеобразным сигналом, пробуждающим в сознании адресата всю совокупность вербальных и невербальных единиц исходной рекламы, а в случае с пищевыми продуктами, даже причиной физиологической реакции (выделение слюны). В условиях жесткой конкуренции значение оригинального, звучного и запоминающегося названия предлагаемого для продажи товара трудно переоценить.

Как синоним термина *словесный товарный знак* в нашей статье, вслед за Н.В. Подольской и И.В. Крюковой, используется термин *прагматоним* (от греч. *πραγμα* – ‘предмет’, ‘вещь’ + *ονομα* – ‘имя’, ‘название’). В словаре Н.В. Подольской под *прагматонимом* понимается “номен для обозначения сорта, марки, товарного знака” [Подольская 1978, 81]. Специфичность прагматонимов заключается в том, что: 1) они «маркируют» серию, тип однородных объектов и относятся как к отдельному элементу ряда, так и ко всей серии в целом; 2) прагматонимы относятся к сфере производства и торговли, что предполагает наличие аттрактивной и рекламной функций; 3) у данного вида онимов наличествует повышенная связь с экстралингвистическими факторами: они должны соответствовать определенным законодательным нормам, их соотнесенность с конкретным объектом фиксируется юридически.

Прагматонимы не только отражают, но и во многом способствуют формированию картины мира современного человека, или его когнитивной модели мира, выстраиванию специфического культурного (кулинарного) кода. Именно специфика гастрономической номинации составляет характерный для каждой нации арсенал языковых средств, в котором находит своё отражение дух народа. Не случайно даже тепловая обработка пищи знаменовала собой национальные пристрастия. Так, русская печь, поставленная в центр микрокосмоса избы, диктовала три вида обработки пищи: «до хлебов», «после хлебов» и на «вольном духу» [Похлебкин 2001].

Национально-культурная стратегия со всей очевидностью прослеживается в номинациях значимых для русской культуры продуктов питания. Как отмечает великолепный знаток русской кухни В.В. Похлебкин, забвение национальной кухни ведет к прямому разрушению национальной идентичности: «Организуя свое современное питание, нельзя в то же время игнорировать глубокие традиции национальной кухни своего этноса и в той тесной связи, которая существует между национальной кухней, и национальной психологией, и природно-географической средой обитания человека» [Похлебкин 2001, 286].

Выявленные нами типы прагматонимов «национального меню», как выяснилось, позволяют все же с определенным оптимизмом отметить наличие консервативной составляющей в названиях продуктов, направленной на сохранение национально-

культурной идентификации и участвующей в формировании языковой картины мира человека начиная с его рождения. В этом случае прагматонимы, ориентированные на детскую аудиторию, как бы дублируют функцию детского фольклора. Они зачастую повторяют имена, встречающиеся в сказках, песенках, загадках. Они могут быть украшены специфическими эпитетами, характеризующими повадки животного или птицы, соотносить название животного или птицы с его любимым кормом, напоминать о любимых растениях, явлениях природы и т.п.

Так, ориентируясь на детскую целевую аудиторию, номинатор создает названия конфет, в которых отражены знакомые ребенку звуки, издаваемые различными животными, или имитирующие команды, регулирующие их поведение: *Брысь-брысь, Жу-Жу, Кис-кис, Кря-кря, Му-му, Мур-мур, Тип-топ, Цып-Цып, Оп-па!, Сделай Ам!*. Подрастая, юный потребитель продуктов встречается в названиях любимых лакомств (конфет, мороженого, тортов и пр.) знакомые мужские и женские имена: *Ваня, Ванька, Гоша, Дядя Миша, Ивашка, Крошка Антошка, Тимка; Алёнка, Василиса, Манька, Марушка, Валентина, Маринка, Марья, Машенька, Светлана* и т.п.

Поле прагматонимов, представленных в названиях продуктов питания, ориентированных в основном на детскую аудиторию, также вбирает в себя наименования:

1) животных, обитающих в России: белка (конфеты *В гостях у белки, Бельчонок, Белочка, Белочка-разумница, Белочка-шалунья, Рыжая Белочка*), бурундук (конфеты *Бурундучок с орехами*); заяц (мороженое *Зайчонок*, конфеты *Зайка-зазнайка, Озорной зайчик*); медведь (конфеты *Мишутка, Мишка, Мишка на велике, Мишка на Севере, Мишка-шалунька*); ёж (торт *Ежик*, пирожное *Ежики*); кошка (*Киска-ириска*); корова (конфеты *Веселая коровка, Коровка, Коровка-красотка*, мороженое *Бодрая корова*);

2) птиц: буревестник (конфеты *Буревестник, Парящий буревестник*), голубь (конфеты *Голубка*), гусь (конфеты *Гусиные лапки, Гусь Лапыч*), журавль (конфеты *Веселый журавлик*), ласточка (*Весенняя ласточка, Городская ласточка, Крылатая ласточка, Ластыца, Ласточкина почта, Ласточка, Ласточки*), *Лебедушка*, печенье *Аист, Сова, Нежная пеленка, Пташка*, фазан (конфеты *Золотой фазан, Райский фазан, Серебряный фазан*), *Феникс*, торт *Чайка* и др.;

3) цветов (василек, ромашка, лилия, подснежник, фиалка, маргаритка и пр.): конфеты *Василек, Васильки, Лилия*, конфеты *Волжские маки, Огненный мак, Красный мак*; торты *Маков цвет, Маковый*; пряники *Маковое зернышко, Маргаритка, Мимоза, Лесная незабудка, Подсолнух*, печенье *Ромашка, Ромашка глянцевая*; конфеты *Белая ромашка; Ромашка для Наташки, Раз ромашка, два ромашка, Одуванчик, Подснежник, Фиалка*; торты *Анютини глазки, Хризантема*;

4) ягод: земляника (конфеты *Земляника, Земляника со сливками*, пряники *Земляничные*), клубника (конфеты *Клубника*, торты *Клубничка, Клубника со сливками*), клюква (конфеты *Клюковка*, торт *Клюквенный*), малина (конфеты *Малина, Малинка, Малина со сливками, Сладкая малина*; торт *Ягода-малина*), смородина (*Душистая смородина, Красная смородина, Черная смородина*), черника (конфеты *Черника*, торт *Черничный*), ягода (торт *Лесная ягода*, печенье *Сибирская ягодка*);

5) плодов: вишня (пирожное *Вишенка*, торты *Зимняя вишня, Пьяная вишня, Вишня*, мороженое *Вишня в шоколаде*), яблоко (карамель *Зеленое яблоко, Райское яблоко*);

6) деревьев: конфеты *Дубок, Елочка, Ивушка, Лещина*, кедр (конфеты *Кедрик с орехами*), *Рябинушка*; торт *Березка*.

Специфику прагматонимов также составляют названия:

– отмифонимные: конфеты *Буратино, Веселые гуси, Гуси-лебеди, Домовёнок, Золотая рыбка, Золотой теленок, Колобок, Маша и медведи, Мишка Косолапый, Петушок – Золотой гребешок, Старик-Хоттабыч, Три медведя, Умка, Чук и Гек*; мороженое *Коза-Дерева, Почтальон Печкин, Сорока-Белобока, Снегурочка* и т.д.;

– оттопонимные русские: пряники *Воронежские, Львовские, Киевский, Ленинградский*, булка *Ярославская, Московская, Тульская*, печенье *Ленинград* (названия городов); конфеты *Старый Арбат*, пирожное *Арбат* (названия улиц); колбаса *Волжская, Ленская, Чадская*, ветчина *Ладожская, Онежская*, сосиски *Невские* (названия рек и озер) и т.п.;

– связанные с историей (мороженое *Боярское, Гусарское*, конфеты *Боярин, Сударушка*, шоколад *Петр Великий*, печенье *Царское*, торт *Аристократ, Боярушка, Купеческий*);

– литературные: конфеты *Баллада, Басня, Былина, Лесные сказки, Песня, Сказка, Сказки Пушкина, Сказки леса*, торт *Зимняя сказка*, печенье *Бабушкины сказки*, мороженое *Серебряная сказка*, печенье *Лесная быль, Загадка*, шоколад *Поэма*, курабье *Русский романс*.

Как видим, прагматонимы участвуют в формировании языковой картины мира человека и обозначают предметы, значимые в его жизнедеятельности.

Интерес для исследования представляют также прагматонимы, мотивированные:

1) лексемами *Русь, русский, Россия, Славянский*, а также словосочетания, образованные по модели «русский (-ая, -ое, -ие) + N». Например, конфеты *Русский сувенир*, мороженое *Русский размах*, печенье *Русские узоры*, колбаса *Русская, Русская любимая, Русская для Вас, Российская, Славянская, Русский размер, Русский трактир, Русская чарка, Русский Север*. В названиях, указывающих на отнесенность к определенному народу, нации актуализируется семантическая оппозиция «свой – чужой» [Оглезнева 2006, 68].

2) безэквивалентной лексикой. Это названия, обозначающие реалии, свойственные исключительно русской материальной и социальной культуре. Например, конфеты *Былина, Былина Никитич, Золотые колокола, Матрешка*, эскимо *Балалайка*, торт *Лукошко с грибами* и др.;

3) обозначающие элементы русской материальной и духовной культуры. Русская национальная культура известна во всем мире своими историческими памятниками и художественными традициями, а также традициями русской православной церкви. Часть обозначений элементов российской культуры нашли отражение в названиях продуктов питания: шоколад *Покров, Перезвон*, водка *Гжелька, Крещенские морозы*. Так, лексема *тройка*, воплощенная в прагматонимах *Тройка, Русь-тройка*, является не просто обозначением лошадиной упряжки определенного вида, но и, благодаря знаменитой концовке первой части «Мертвых душ», символизирует Россию, удаль, лихачество и непредсказуемость русского характера, непонятного представителям иных европейских культур. Прагматоним *Перезвон* мотивирован лексемой *перезвон*, которая имеет не только смысл ‘перебор колоколов от самого большого до самого маленького’, но и коннотации, связанные с русской духовной культурой: колокольному звону приписывается способность изгонять нечистую силу, развеивать злые чары, отводить грозу [Маслова 2004, 239]. Прагматонимы *Родные просторы, Снежные просторы* воспроизводит другой фрагмент русской концептуальной картины мира. По мнению А.Д. Шмелева, тема пространственной беспредельности является общим местом всех расхожих представлений о России и русском национальном характере; семантически *простор* – это широта во все стороны, зрительно воспринимаемое открытое пространство, чаще всего связанное с равнинным пейзажем. Однако не менее важен эмоциональный компонент: *простор* – это отсутствие границ, когда легко дышится, можно пойти куда угодно [Зализняк и др. 2005, 69-84]. Концепт *простор* естественным образом гармонирует с концептом *родной*, что находит отражение в сочетаемости соответствующих слов (там же), ср. номинацию *Родные просторы* (шоколад и конфеты);

4) понятиями из сферы советских реалий: мороженое *ГОСТ, СССР, Советское*. Интересен тот факт, что подобные прагматонимы встречаются только в номинации мороженого, что, несомненно, связано с прошлым данного продукта. Известно, что в годы СССР мороженое было очень вкусным (советское – значит самое хорошее, лучшее),

поэтому номинатор использует соответствующие онимы для привлечения не только детей, но и взрослых к потреблению этого сладкого продукта.

Таким образом, рассмотрев номинацию продуктов питания, можно сделать вывод о том, что потребляемые нами продукты питания – это интереснейшее поле ономастического исследования, в котором проявляются гастрономические предпочтения народа и формируются новые кулинарные тенденции.

Литература

Голомидова М.В. Прагматический аспект именотворчества: общий взгляд // Ономастика и диалектная лексика: Сб. науч. тр. Вып. 4. – Екатеринбург, 2003.

Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. – М., 2005.

Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие – Минск: ТетраСистемс, 2004.

Новичихина М.Е. Коммерческая номинация. – Воронеж: Издательство Воронеж. гос. ун-та, 2003.

Оглезнева Е.А. Семиотика названий русской зарубежной периодики (на материале периодических изданий первой волны русской эмиграции) // Вестник АмГУ. Сер. «Гуманитарные науки». Вып. 32. – Благовещенск, 2006.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М., 1978.

Похлебкин В.В. Национальные кухни наших народов. – М., 2001.

Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М., 1986.

Хабибуллина З.А., г. Уфа

НАИМЕНОВАНИЯ РАЗНОВИДНОСТЕЙ ВЕТРА В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Вся жизнь и деятельность человека происходит на фоне природных, погодных явлений, поэтому метеорологические процессы и явления, оказывающие влияние на жизнь, хозяйственную деятельность, самочувствие человека, являются специальным объектом внимания человека и, следовательно, закрепляются в языке. Ветер, т.е. «движение воздуха относительно земной поверхности» [Хромов, Мамонтова 1974, 72], относится к одним из самых важных метеорологических явлений, находившийся в центре внимания человека. В качестве общего наименования движения воздуха относительно земной поверхности во всех говорах башкирского языка применяется существительное *ел*, которое употребляется безотносительно к скорости, направлению и другим его характеристикам. Например, *Ел кыуып килтерган кылый ямгыр, бэйзэн ыскынган һымак, бөтә көсө менән ергә койолдо, һыуһаған нәзек билле ак кайындар йәшел яулыкка ябынган баштарың һелктеләр* (Я. Хамматов). *Үтөп кенә барған был гүмер иртән генә өргән ел кеүек* (Халык йырынан).

Само слово *ел* `ветер` является общетюркским. В большинстве современных тюркских языков употребляются собственно тюркское название. Ср.: тур. *ел*, аз. *ел*, кар. *ел*, кбалк. *зел*, кум. *ел*, ног. *ел*, каз. *жел*, кирг. *жел*, алт. *дел*, узб. *ел*, уйг. *йәл*, сюг. *йил*, *йыл*, хак. *чил*, чув. *сил*, як. *тыал*.

В современных тюркских языках от главного смысла слова *jel* – `ветер` развились другие значения: 1) ветры, газы в желудочно-кишечном тракте; 2) воздух в тушке барана; 3) злой дух; 4) дух – помощник шамана; 5) название божества второго разряда; 6) общее название простудных болезней (от холодного ветра); 7) простуда, грипп; 8) название некоторых простудных болезней в народной медицине; 9) ревматизм; 10) бруцеллез и др. [ЭСТЯ 1989, 175; СИГТЯ 2006, 366]. Ср.: в ДТС *jel* `ветер`, *jel* `злой дух, демоническое существо`, *jel viikä* `дракон`, *jeliq* `ветрянка`, *jelpik* `дух болезни`, *jelvi* `волшебство, колдовство` и т.д. Эти значения отражают разные уровни, способы осмысления данного явления природы. Ветер, наряду с водой, огнем, землей, входит в круг явлений, глубоко

почитаемых древними тюрками, о чем свидетельствуют этнографические и фольклорные материалы. «Башкиры, как и многие другие тюркские народы, еще с древнейших времен вели регулярные наблюдения над погодой, которые в первое время изустно передавались из поколения в поколение, а, начиная со средних веков, велись специальные записи на свободных страницах или на полях различного рода рукописной литературы. На сравнениях и сопоставлениях составлялись метеорологические прогнозы на будущее. Наблюдая метеорологические условия, люди находили их взаимосвязи с разными объектами живой и неживой природы. Такие наблюдения башкир получили отражение в преданиях, пословицах, поговорках, предсказаниях и разного рода приметах» [Искандаров 2009, 7].

Например, данное слово выступает в составе башкирских пословиц и поговорок: *Ағас башын ел бутай, эҙәм башын һүз бутай* (Пословица). *Бер аяҡ кымыззың ике аяҡ эле бар* (Пословица). *Елдән килгән елгә оса* (Поговорка). *Ел өрмәй — курай һелкенмәй* (Пословица). *Йыл башында ел буһна, йыл әйләнә ел-дауыл булыр* (Поговорка). *Ярыҡ кайза — ел шунда* (Пословица). Слово *ел* употребляется в составе фразеологических единиц *бахетһезгә (йәки хәйерсегә) ел каршы* `несчастному и ветер навстречу`, *ел алдымы ни (йәки ел алгандай)* `как ветром сдуло (вмиг исчезнуть, мгновенно потеряться из виду)`, *елгә елгәреү* `соотв. пускать по ветру`, *елгә китеү* (йәки *осоу*) `оказаться напрасным, бесполезным`, *елгә һимереү* `легко полнеть, быть склонным к полноте`, *елдәр ысеү* `след простыл (кого, чей)`, *еле кагылыу* `испытать влияние чего`, *ел етмәс* `очень быстрый (о коне)`, *ел йотой* (йәки *уртлау, эсеү*) `переносить ветер и холод`, *ел кайһы якка ыһна, шул якка* (йөрөү, *барыу, карау*) `идти, смотреть куда ветер дует (не иметь своих убеждений, о беспринципном человеке)`, *ел канатлы* `быстрый, быстрокрылый`, *ел теймәс ерәнсә* `обидчивый; недоторога`, *ел, ямгыр тейҙермәү* `брать под защиту, оберегать`, *ыскән ел һымак* (йәки *елдәй*) `быстро, скоро (как ветер)`, *кайзан ел ташланы?* `Каким ветром занесло?` и т.д.

В народном сознании ветер осмысливается как явление, обладающее самыми различными свойствами и признаками. В башкирской мифологии *Ел* – ветер, персонифицированное явление, наделенное свойствами демонического существа. Является посланником нижнего мира. Судя по выражениям *елдән тыуган бала* `незаконорожденный ребенок`, *елдән еленләү* (досл. *беременеть от ветра*), в башкирской мифологии *ел* `ветер` имеет мужское начало [Хисамитдинова 2006, 90]. Ветер приносит болезни, засуху, но в то же время и дождевые тучи. Отсюда названия и выражения: *ел алыу*: *ауызыңдан ел алһын* – (прокл.) *типун тебе на язык, досл. чтоб из твоего рта ветер взял*; ответное выражение на чьи-либо проклятия, злословия, *ел зәхмәте* – болезни от ветра; *елдән килеү* – достаться легко, *досл. пришедший, доставшийся от ветра, духа, нечистой силы*, *ел күңеле тейеү* – заболеть эпилепсией, *досл. прикосновение духа, души ветра*, *ел кагылыу* – заболеть от прикосновения нечистой силы, *досл. прикосновение ветра* (Аналогичное выражение зафиксировано в ДТС: *jelpik* `касаться, поражать (о нечистой силе)`, *елкуз* – в башкирской мифологии духи болезней, *ел култык* – пустомеля, *досл. пустая подмышка, т.е. нечистая сила*, *елмауыз* (фольк.) – женщина-вампир, *елнеү* – дух болезни (в ДТС: *jelpik* – дух болезни; *уq jelpik* – лихорадка), *ел раббыһы* – божество ветра, *ел тәңре* – божество Ветер (в ДТС: *jel tänri* `бог-ветер`), *елненеү* – заболеть от воздействия духа ветра, *ел хужаһы*, *ел эйәһе* – дух, хозяин ветра, *елһенеү* – опухать, опухание от воздействия духа ветра и многие другие [Хисамитдинова 2006, 90].

В башкирском языке имеется большое количество наименований ветра, отражающие разнообразные его характеристики и объединяемые в отдельные микрогруппы. При этом определяющее значение имеет сила (или скорость) ветра, температура, направление, наличие вращательного движения, а также осадков (преимущественно в виде снега).

В башкирском языке значение `безветрие` передается словом *һил* `тихий, тихо`: *һил көн* `тихая погода`, *һил урын* `спокойное место`. Например, *Һилерәк урындагы шыйык кына томан таралған* (Ә. Вәли); *тымык* `тихий, спокойный`: *тымык көн* `тихая погода`; *тымызык* `тихий, спокойный`: *тымызык көн* `тихая погода`. *Иртәгәһен йокоһонан торғанда, буран тамам баһылғайны инде, һауа тымызыкһанып, матурһанып киткәһине* (Д. Юлтый).

Для наименования слабого ветра в башкирском языке употребляются названия: *еләс* `слегка прохладный, ветренный`, образованное путем прибавления к корню ел-словообразовательного аффикса –әс. Например: *еләс ер*, *еләс көн*. *Эй, күңелле йәйге өмәләргә бесән сабыуҙары. Күкрәгенде еләс елгә куйып салғы янауҙары* (М. Ямалетдинов); *екәт* `тихий ветер`: *Екәт кенә, екәт эй ел үтә Ағизелкәйҙәргә еткәнсә* (Из народной песни); *елкәт* (миасский, аргаяшский, кызылский г.г.) `тихий ветер после дождя`; *елбәзәк ел* `тихий ветер`; *елбәгәй ел* `умеренный ветер`; *йомһиак ел* `легкий ветер`: *Яз кояшының йомарт нурына, тәнгә сикәт биреп өргән йомһиак еленә ирәйеп, аяктарын һузып ебәрзе [Ихсанбай]* (Т. Ғарипова); *куһиы ел* (инзерский г.) `тихий ветер`; *һалмак ел* `тихий ветер`; *һәсим* (араб. заимст.) *ел* `легкий ветер`; *һимал* (сев.-зап. д.) `легкий ветер`; *һаба ел* `легкий утренний ветер, зефир`; *һалғын ел* `слабый ветер`: *Талғын ғына ел иҫә* и т.д.

В названиях ветра башкирского языка получают прямое отражение их температурные свойства: *йылы ел* `теплый ветер`, *һалкын ел* `холодный ветер` (Например, *...Кайындар һалкын елгә кара шәлен болгарға ... тотона*. Н. Мусин), *һәмүм* (араб. заимст.) `жаркий ветер`, *әсе ел* `пронизывающий ветер`, *һызма ел* `умеренный постоянный ветер` (Например, *Әсе елдәр аһарһанып килеп тейә торған буһна һәмеңә, һин һиңәлер һине юкһыһырың, әллә һиңә өшөр күңелең...* (Г. Котова) и т.д.

В башкирских названиях ветра наблюдаются пространственные и временные координаты этого природного явления: для обозначения направления ветра употребляются *төһләк йеле* (сакмарский г.) `южный ветер`, *һирҫ еле* (среднеуральский, сакмарский г.г.) `северный ветер`, *каһиы ел* `встречный ветер`, *ыңғай ел* `попутный ветер`, сюда же можно отнести *үтә ел* `сквозняк` и т.д. Для определения времени используются словосложения *кара ел* `резкий осенний ветер`, *һарһар* (араб. заимст.) `зимний холодный ветер; февральский буран`, *бүре һыргәһы* (демский г.) `февральский буран`, *яһрак еле* `холодный пронизывающий весенний ветер в период распускания листьев`, *һаба ел* `легкий утренний ветер, зефир`, *яһғы ел* `теплый весенний ветер` (Например, *...Аһз төһ. Йылы, йомһиак яһғы елдәр Сһуактаһ ауылы өһтөнә әллә кайһарһан, алыһтарһан, күкрәктәрзе кинәйтеүсе һиһфалы һауа кһуалаһ алып килә*. Н. Мусин), *аһман-тоһман* `поздний весенний буран с мокрым снегом`, *биһкуһнак* `буран в месяцах марта и апрель` и т.д.

Исключительно важное значение в народной жизни имеет связь ветра с осадками. Ее отражение отмечается не только в разнообразных приметах, но и в названиях ветра: *коро ел* `сухой ветер`, *кһуан ел* `суховей`, *дыһлы ел* `верет, несущий влагу; перед дождем`. Сильный ветер со снегом передается словом *буран* `метель`, *аһман-тоһман* `поздний весенний буран с мокрым снегом`, *биһкуһнак* `буран в месяцах марта и апрель`, *һиһһака бураны* (зилимский, ик-сакмарский г.г.) `поздний весенний буран с мокрым снегом`, *һаңғырт* `буран`, *өйөрмә буран* `вихревая пурга`.

Существенным признаком ветра является его сила. В башкирском языке для обозначения сильного ветра используются словосочетания *һыргәк ел* `жгучий ветер` (образовано от *һыр-* `дуть, мести`); *һыркәт* `сильный ветер` (образовано от *һыр-* `дуть, мести`); *һыһғырык ел* `пронзительный ветер` (образовано от *һыһғыр-* `свистеть`). Ср.: *ел һыһғыра* `ветер свистит`; *ыһжғыр ел* `сильный ветер`; *ыһһар ел* `сильный ветер` и др.

Ветер с разрушительной силой и значительной продолжительности, имеющий высокую скорость в башкирском языке называется *дауыл* `буря`, *ел-дауыл* (собир.) `буря`, *өйөрмә* `вихрь`, *коһион* `ураган; шквал`, *коһиом* `ураган; шквал`, *карабуран* (демский г.) `ураган; шквал`, *өйөрмә ел* `вихревой ветер`, *һәрәһәт* `буря`, *хәрәһәт* (таньпский г.) `буря`, *тайһфун* (рус. < ингл.) `тайфун`, *һквал* (рус. < ингл.) `шквал` и др.

Рассмотренные названия показывают, сколь многочисленными и прочными узами связан человек с природой, которую он воспринимает как целостность, находящуюся в движении и взаимопроникновении частей. Один и тот же ветер носит разнообразные названия, отражающие многообразие его признаков. Формирование метеорологической лексики происходит на фоне климатических особенностей территории, рода хозяйственной деятельности человека и др. Это обуславливает неравнозначность лексического пласта метеорологической лексики на разных территориях. Как видно из вышеизложенного материала разновидности ветра наиболее широко представлены в говорах и диалектах башкирского языка [Бһһ I, Бһһ II, Бһһ III], чем в литературном башкирском языке. Многие лексические единицы не включены в диалектные словари, что создают определенные трудности в сборе, систематизации этой группы слов. Между тем, интерпретация их может иметь огромное значение для реконструкции лексики башкирского языка.

Башкирские названия ветра в основном структурируются описательными конструкциями разной степени устойчивости (по модели "прилагательное + существительное"). В качестве опорного существительного в словосочетаниях выступает слово *ел* `ветер`, в прилагательном, как правило, содержится определенный метеорологический признак: *әсе ел, һызма ел, каршы ел, саба ел, коро ел, кыуан ел* и др. Отмечены однословные наименования *екәт, елбәзәк, дауыл, өйөрмә, койон*, а также составные наименования, структурно выраженные как "существительное + существительное": *ел-дауыл, ел-ямгыр* и др. Этимология большинства названий анализируемой группы достаточно прозрачна, они мотивированы словами литературного языка: *йылы, купшы, язгы, тымык, тымызык* и т.п. Многие из низ тюркского происхождения, единичные слова заимствованы из арабского, английского языков.

Литература

- Башкорт теленең академик һүзлеге: 10 томда. Т. III: (В-И хәрәфтәре) / Ф.Ф. Хисамитдинова редакцияһында. – Өфө: Китап, 2012.
- Башкорт һөйләштәренең һүзлеге. I том. – Өфө, 1967. – 300 б.
- Башкорт һөйләштәренең һүзлеге. II том. – Өфө, 1970. – 320 б.
- Башкорт һөйләштәренең һүзлеге. III том. – Өфө, 1987.
- Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1996. – 676 с.
- Искандаров А.Г. Метеорологическая лексика башкирского языка. Автореф. дисс. ... кандидата филологических наук. – Уфа, 2009. – 24 с.
- Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (в 4-х томах). – М., 1974-1989.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – М.: Наука, 2001. – 822 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. – М.: Наука, 2006. – 908 с.
- Хисамитдинова Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка. – Уфа, 2006. – Москва: Наука, 2010. – 452 с.
- Хромов С.П., Мамонтова Л.И. Метеорологический словарь. – М.: Гидрометеиздат, 1974. – 569 с.

Хисамитдинова Ф.Г., г. Уфа

С.Ф. МИРЖАНОВА И МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ДИАЛЕКТА БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта "Формирование и развитие башкирского языка и его диалектов в сравнительно-историческом освещении (на общетюркском фоне); проект №13-14-02009.

В исследованиях С.Ф. Миржановой большое внимание уделено диалектной тематической лексике. Ею собраны, классифицированы, описаны лексика растительного и животного миров, анатомии и болезней, традиционных занятий, быта и культуры башкир [1]. Для нас особый интерес представляет в работах С.Ф. Миржановой мифологическая

лексика, т. к., по сложившейся традиции, данный пласт лексики в исследованиях других авторов советского периода обычно игнорировался. Поэтому даже в диалектологических словарях башкирского языка, подготовленных и изданных в 60 – 80 годах прошлого столетия, мифологическая лексика практически не была представлена [2]. Что же касается исследований С.Ф. Миржановой, то в них, особенно в монографии по северо-западному диалекту, мифологическая лексика занимает достойное место. Она представлена даже как отдельная тематическая группа при описании таныпского говора северо-западного диалекта башкирского языка. Ср.: *Әждага* – лит. *Aждаһа* 'дракон', *Дуфиресе* – лит. *Дейеу пәрейе* 'див', *Папа //Бөкәй* – лит. Бапак 'бука', *Сәмрәу кош* – лит. *Сәмре кош* 'птица Самруг' и др. [3].

Судя по материалам, зафиксированным С.Ф. Миржановой, мифологическая лексика в северо-западном диалекте довольно оригинальна. Наряду с фонетическими или морфологическими вариантами названий, в говорах северо-западного диалекта представлена оригинальная, не зафиксированная в других диалектах башкирского языка мифонимия. Учитывая эти факты, в данной статье мы хотели бы рассмотреть мифологическую лексику северо-западного диалекта в качестве объекта исследования. Источниками для данной статьи стали, во-первых, монография и полевые дневники С.Ф. Миржановой по северо-западному диалекту, во-вторых, монография и полевые дневники исследователя говора среднеуральских башкир М.И. Дильмухаметова, в-третьих, третий том диалектного словаря башкирского языка [4]. Кроме этого, привлечены материалы фольклорных и комплексных экспедиций сотрудников Института истории, языка и литературы УНЦ РАН в северо-западные районы Республики Башкортостан, Пермский край, Свердловскую область в 2004-2008 гг., а также собранные автором этих строк материалы по мифологии башкир [5]. Всего для анализа нами привлечено около ста мифонимов. Собранная мифологическая лексика по северо-западным говорам нами поделена на две большие группы: лексемы, связанные с мифическими персонажами, объектами, предметами и лексемы, относящихся к мифологизированным персонажам, объектам, предметам, растениям, животным.

В данной статье мы остановимся только на первой группе, т. е. на названиях мифических персонажей, объектов.

Первую группу в основном составляют мифонимы, связанные с мифическими персонажами. Ср.: *Ер кортка* (нижнебельск) 'дух земли', *Сөбхи баба* (танып) 'дух скота', *Зәңке әбей* (среднеур.) 'дух скота', *Бибисара әбей* (сев.-зап.) 'дух-хозяин пчелиных и птичьих крыльев; *Жәлил жалпар* (среднеур.) 'дух дороги' и др.

С точки зрения семантики данную группу мифолексем можно разделить на следующие подгруппы:

- **названия духов** – хозяев, духов – покровителей тех или иных объектов действительности;
- **названия злых духов**, демонов башкирской мифологии;
- **названия духов** – страшилищ (демонов), которыми пугают детей;
- **названия духов** болезней.

Семантическая группа, связанная с наименованиями духов-хозяев, духов-покровителей, в мифологической лексике северо-западного диалекта башкирского языка составляет самую большую и оригинальную часть. Так, например, в качестве названия духа-покровителя скота (в лит. *Мал эйәһе*) в говорах северо-западного диалекта представлены следующие мифонимы: *Сөбхи баба* (танып.), *Зәңке бабай* (среднеур., карид.), *Зәңке әбей* (нижнебельск. среднеур., карид.) и др.

Интересные мифонимы, связанные с духами – покровителями скота, были зафиксированы фольклористами Института. Ср.: *Зәңке бабай* 'дух' – покровитель лошадей, коров, *Кармашана* 'дух' – покровитель мелкого скота (коз, овец), *Сөләймән пәйгәмбәр* 'дух – покровитель домашней птицы', *Мәрийәм ана* 'мать Марьям', *Дауыт пәйгәмбәр* 'пророк

Даут', *Шогаип пәйгәмбәр* 'пророк Шугаип', *Туйыш бабай* 'дед Туиш', *Ғәйшә әбей* 'бабушка Гайша' и др. По словам информаторов, для защиты скота от болезней, сглаза, падежа было необходимо упоминание имен вышеперечисленных духов, святых, покровителей в ежедневных молитвах [6].

В говорах северо-западного диалекта башкирского языка из данной группы довольно большую подгруппу составляют мифонимы, связанные с хозяином двора, хлева. Ср.: *Абзар ийәсе* (сев.-зап.), *Азбар хужа* (гайн), *Зәңге әбей* (среднеур., карид нижебельск.), *Азбар ийәсе* (среднеур.), в лит. - *Азбар эйәһе* 'дух двора'. В говорах других диалектов в качестве названий духов двора, дворовых зафиксированы мифонимы *Абзар эйәһе* (иргиз), *Албар эйәһе* (миас), *Кәртә эйәһе / Һарай эйәһе* (куб.), *Бәтәү эйәһе* (сальют) и др. Следует отметить, что отдельные мифонимы, связанные с духами скота и хлева, северо-западного диалекта совпадают с названиями персонажей других объектов. В частности таковым является мифоним *Зәңге әбей*, зафиксированный в качестве названия как духа-покровителя скота, так и духа хлева, двора. Очевидно, это связано с тем, что мифоним принадлежит двум близким, взаимосвязанным персонажам.

В говорах северо-западного диалекта в большом количестве представлены названия духов не только двора, хлева, но и дома, домовых построек. Ср. *Өй хужасы* (карид), *Йорт әбие* (гайн), *Йорт хужасы* (нижебельск), *Ызба ийәсе* (гайн.), *Йорт бабай* (среднеур.), *Хөппи бабай* (танып), *Хөппи хужа* (карид.), в лит. – *Өй эйәһе* 'домовой, дух-покровитель дома'. Кроме названий домовых, зафиксированы в говорах мифонимы, связанные с духами бани *Муса эйәсе*, *Мунча ийәсе*, в лит. – *Мунса эйәһе*, *Кәжүңкә ийәсе* (нижебельск), в лит. яз. – *Келәт эйәһе* 'дух кладовой'

Судя по полевым материалам фольклористов, вышеперечисленные мифонимы, связанные с духами – хозяевами, покровителями дома, домовых построек, довольно активно функционируют и сегодня в говорах северо-западного диалекта. Ср.: *Өйҙән сығып киткәндә*; «*Хөппи хужа, өйҙө һакла*!» – *тип сығып китәбез*» [7]. 'Когда уходили из дома, говорили: «*Хөппи-хужа*, охраняй дом!' Судя по материалу, в мифониме *Хөппи-хужа* элемент Хөппи представляет собой личное имя домового. Что же касается истока, происхождения имени домового, то сегодня объяснить его очень сложно. Следует только добавить, что, кроме имени Хөппи-хужа, в говорах северо-западного диалекта в качестве имени зафиксировано и имя Батин-хужа. Ср.: *Өй эйәһенең исеме Батин хужа*. 'Имя домового Батин-хужа' [8].

В северо-западном диалекте представлены и названия духов-покровителей, хозяев одиноких или чем-то примечательных деревьев. Ср.: *Ағас анасы* (среднеур.), *Ағас ийәсе* (нижебельск.), *Ағас хужасы* (гайн.), *Ағас хужа* (среднеур.), в лит. – *Ағас эйәһе* 'дух дерева'. Следует отметить, что в говорах других диалектов башкирского языка, а также фольклоре зафиксированы в основном фонетические или морфологические варианты. Ср.: *Ағас анаһы* (миас.), *Ағас эйәһе* (юж. диал.), *Ағас хужаһы* (бурз.), *Эйәле ағас* (фольк.), *Эйәле муйыл* (миас., киз.). В то же время в башкирском фольклоре и отдельных говорах зафиксированы мифонимы, отличающиеся и лексически. Ср.: *Ағас яманы* (сакмар) 'дух дерева', *Байтирәк* 'дерево с духом', *Байсауыл* 'одинокая береза с духом-покровителем', *Байкайын* 'священная одинокая береза с духом', *Ялғыз ағас* (сред.) 'одинокое дерево с духом'.

К данной группе в определенной степени примыкают и мифонимы, связанные с духами-покровителями леса, лесных угодий. В говорах северо-западного диалекта зафиксированы мифонимы *Урман анасы* (гайн.), *Урман кешесе* (танып.), *Урман сарығы* (среднеуралск.), *Урман эйәсе*, *Каранай бабай* (танып.), *Кара әбей* (танып.), в лит. – *Урман эйәһе* 'леший, дух-хозяин леса'. В говорах других диалектов и в фольклоре представлены названия Урман эйәһе (юж. диал.), *Урман бәреһе* (миас.), *Урман кызы* (средн.), *Урман пәрие* (ик-сакмар.), *Урман тәңреһе* (фольк.) 'божество леса'.

Не менее интересную группу составляют названия, связанные с духами-покровителями воды, водяными. Ср.: *Сыу бабасы* (гайн.), *Сыу атасы* (среднеур., гайн.),

Сыу эйәсе (танып), *Сыу уgezе* (танып), *Сыу хужасы* (среднеур.), *Сыу атасы* (нижнебельск), *Су анасы – Суан сакал* (танып.), в лит. – *Гыу эйәһе* 'дух воды'. В говорах других диалектов башкирского языка и фольклоре в основном представлены фонетические или морфологические варианты указанных мифонимов. Ср.: *Гыу инәһе* (вост. диал.), *Гыу эйәһе* (юж. диал.), *Гыу хужаһы* (фольк.) и др. В то же время в говорах зафиксировано несколько мифонимов, которые отличаются и лексически. Ср.: *Гыу атаһы Сөләймән* (фольк.) – досл. 'отец, дух воды Сулейман', *Сыу батшаһы* (дем.) 'хозяин, царь, дух воды', *Асылыкул батшаһы* (фольк.) 'царь, хозяин Асылыкуля', *Су анасы – Суан сакал* (фольк.) досл. 'мать воды' – *Суан сакал*, *Гыу инәһе – Гылыубикә* досл. 'мать воды Хылыубике', *Гыу кызы* (фольк.) 'водяная девушка', *Гыуһылыу* досл. 'водяная красавица, русалка' [10].

К группе мифолексем, имеющих отношение к духам тех или иных объектов, можно отнести и мифонимы, связанные с духами-покровителями земли. Ср.: *Ер анасы* (среднеур.), *Ер атасы* (карид., среднеур.), *Ер инәсе* (карид), *Ер кортка* (нижнебельск), *Ер-сыу хужасы* (гайн., среднеур.), в лит. – *Ер эйәһе* 'дух земли'. В башкирском фольклоре и говорах других диалектов представлены мифонимы *Ер эйәһе* 'дух-покровитель земли', *Ер хужаһы* 'дух, хозяин земли', *Ер-һыу* 'земля-вода', *Ер тәңреһе* 'божество земли', *Ер атаһы – ерән һакал* (фольк.), досл. 'отец земли – рыжебородый' и др. Кроме вышеперечисленных групп мифонимов, в говорах северо-западного диалекта представлены оригинальные названия духов-покровителей *зари*: *Таңбикә әбей* (среднеур.), *Таңсыу* (гайн.), *Таңсыубикә* (гайн.), *Таңсыу әбей* (среднеур.), *Таң сылыуы* (среднеур.), в лит. – *Таң эйәһе* 'дух – покровитель зари', в говорах других диалектов и фольклоре – *Таң һылыуы* (юж. диал.), *Таң батыр* (фольк.), *Таңбикә* (фольк.) и др.; *дождя*: *Ямғыр патшаһы*, досл. 'царь (хозяин) дождя', в лит. – *Ямғыр эйәһе*, в говорах других диалектов и фольклоре – *Ямғыр батшаһы* 'дух дождя', *Ямғыр хужаһы* 'хозяин дождя', *Ямғыр тәңре* (фольк.), *Ямғыр апай* (фольк.), *Яуын агай* (фольк.) и др. [11].

Кроме вышеперечисленных названий духов-хозяев, покровителей в говоре среднеуральских башкир отмечены мифонимы *Ел хужасы* 'дух ветра', в лит. – *Ел эйәһе*, *Урам хужасы* 'дух двора', в лит. – *Азбар эйәһе*, *Ут хужасы* 'дух огня', в лит. – *Ут эйәһе*. Изложенный выше материал по мифонимии, связанный с духами-хозяевами – покровителями, свидетельствует о том, что в качестве основных терминов в данной группе представлены лексемы *эйә* 'дух, хозяин', *ата* 'отец, дух, божество, создатель, предок, покровитель', *ана* 'мать, божество, покровитель, создатель', *батша* 'царь, покровитель, повелитель природных объектов'; *бикә* 'госпожа, покровительница, хозяйка', *инә* 'мать, дух – покровитель, создатель', *хужа* 'хозяин, дух-хозяин, покровитель' и др. А определяющую часть этих терминов представляют собой названия тех объектов, хозяевами, покровителями которых являются те или иные духи. Ср. *Тау эйәһе* 'дух горы', *Гыу эйәһе* 'дух' воды, *Күл эйәһе* 'дух озера', *Кыр эйәһе* 'дух поля', *Урман эйәһе* 'дух леса' и др.

Духи – хозяева, духи – покровители, их названия представлены в мифологии всех тюркоязычных народов. В частности, в якутской мифологии зафиксированы хозяин огня *Аан Уххан*, хозяин всех водоемов старик *Едюгет Боотур*, хозяин четвероногих зверей *Курагааччи Сюрюк Куралай Бэргэн*, дух плодородия *Айыысыт Хаан*, дух деревьев и трав *Аан Алах – чын* и др. В алтайской мифологии представлены духи гор (туу ээзи), духи вод (Су ээзи) духи огня (От эне) и др. [12].

О возникновении духов – хозяев у тюркских народов существует ряд легенд. Например у алтайцев зафиксирована следующая легенда:

«Эрлик, низвергнутый с неба, упал на землю. Слуги Эрлика, как град и дождь, посыпались за ним и пали: иной в воду, и он стал *су ээзи* (водяной), другой – на камень и стал таш – ээзи (хозяин камней), на гору – туу ээзи (горный), в лес – агаш ээзи (лесной), на

дом – уй ээзи (домовой), на скот – мал ээзи, на ровную землю – эр – ээзи, на зверей, рыб, птиц и на все живущее и существующее тому хозяин стал [13].

Интересно отметить, что в башкирской мифологии названия многих духов-хозяев, духов-покровителей часто совпадают с названиями божеств. По-видимому, они сформировались в результате низведения древних божеств. Ср.: *Ут тәңре* 'божество Огня', *Ут эйәһе* 'дух Огня'; *Тау тәңре* 'божество Горы', *Тау эйәһе* 'дух Горы'; *Урман тәңре* 'божество Леса', *Урман эйәһе* 'дух Леса' и др.

Небольшую группу в мифонимии северо-западного диалекта составляют названия злых духов, демонов. Следует сразу отметить, что данная группа мифолексем в основном совпадает с общебашкирской мифонимией. Ср.: *Албасты* (сев.-зап.), в лит. – Албасты; *Әждага* (танып), в лит. – Аждаһа 'дракон', в других говорах *Ажда йылан* (сакмар), *Аждайылан* (иргиз), *Әждаһа* (иргиз); *Дуфиресе* (танып), в лит. – *Дейеу пәрейе* 'див', в других говорах – *Дәу фарысы* (среднеур.), *Дәу пәрейе* (нежнебельск.), *Дәүфәре* (куб.); *Атсыз* (среднеур.), в лит. – *Убыр*, в других диалектах, говорах и фольклоре – *Убыр карсык* (гайн.), *Убыр кәйнә* (фольк.), *Убыр әбей* (дем.) *Убырлы карсык* (фольк.), *Мәсекәй* (куб.), *Мәсекәй әбей* (фольк.); *Мәскәй әбей* (танып) 'упырь, вампир, баба-яга', в лит. – *Мәскәй/Мәскәй әбей*; *Убыр әбей* (танып) 'вампир', в лит. – *Убыр*; *Жен* (танып) 'бес', в лит. – *Ен, Ен-пәрей*; *Шайтан* (среднеур.) 'шайтан, дьявол, черт', в лит. – *Шайтан*; *Шүрәле* (сев.-зап.) 'лесной дух, леший', в лит. – *Шүрәле*. Как уже говорилось выше, мифонимы северо-западного диалекта, связанные с демонами, злыми духами, мало чем отличаются от общебашкирских. Единственный мифоним северо-западного диалекта – *Атсыз* 'вампир, упырь' не зафиксирован в других диалектах башкирского языка. Однако, если учесть, что мифоним, *Атһыз* в значении 'злой дух' был зафиксирован в «Башкирско-русском словаре» В. Катаринского XIX в., то можно с уверенностью сказать, что практически все мифолексемы, связанные со злыми силами, демонами, в диалектах башкирского языка мало отличаются друг от друга [14]. Изложенное свидетельствует о том, что данная группа мифонимов сформировалась в основном за счет общих источников, в период развития общебашкирского языка.

В частности, мифонимы типа, *Аждаһа / Әждәга* 'дракон', *Пәрей / Бәрей / Бире* 'бес', по-видимому, восходят к иранской, а *Шайтан* 'шайтан' 'дьявол, черт', *Жен / Ен* 'черт, бес' – мусульманской мифологиям, время влияния которых на башкирскую культуру связано с средними веками.

Названия духов-страшилищ (демонов), которыми обычно башкиры пугают детей, составляют третью подгруппу мифонимов, связанных с мифическими персонажами башкир северо-западного региона. К данной подгруппе относятся мифонимы *Бакбай* (караид.) в лит. яз. *Бапак* 'бука', в других говорах – *Бапай* (сев.-зап.), *Бишмыйык* (киз., сакмар, куб.), *Бокай* (сев.-вост.), *Бөләләү* (танып), *Букай* (миас, ай), *Ек баба* (среднеур.), *Зөлпәкәй* (сакмар), *Бабай* (миас), *Артак* (фольк.), *Бөкәй* (танып), *Мәтуга* (сакмар), *Йызгүз* (иргиз), *Капак* (бурз.), *Кып-кып* (ик-сакм.), *Сейгүз*, *Сипсекүтән* (киз.) и др. В говорах северо-западного диалекта, в основном представлены названия, восходящие к корню *бок / бөк / бүк / бак, бук*, различающемуся только фонетически. Указанный корень фонетически сближается с башкирским словом *Бога* 'племенной бык', древнетюркским *biqa* 'бык-производитель'. Корень *bog / bug* зафиксирован и в других тюркских языках. Ср.: *буга/бугай* (каз.) 'бык'; *буга* (ккалп.) 'племенной бык', *буга* (тув.) 'бык-производитель' [15]. Интересно отметить, что корень *бук / буг* присутствует и в названиях страшилищ, формулах запугивания, брани русского и ряда других славянских языков [16]. Ср.: *бука* 'страшилище', *бугай* 'здоровяк, племенной бык, болотная птица' и др.

Происхождение мифонимов, связанных со страшилищами в тюркских языках, возможно связано с общетюркским словом *boya / biya* в значении 'бык-производитель',

встречающимся и в памятниках древнетюркской письменности [17]. Обычай пугать маленьких детей теми или иными животными у тюркских народов является распространенным и сегодня. Ср.: *Ана кәзә килә!* 'Вон коза идет!', *Кара , һыйыр һөзә үзәнде!* 'смотри, корова тебя забадает'; *Ана айыу;* *Ана бүре* 'вон медведь, вон волк'; *Какак теһләй* 'гусь щипнет'; *Ана эт килә* 'вон собака идет' и др. Перечисленные формулы устрашения, запугивания довольно активно употребляются и сегодня.

Что же касается мифолексем *Банай/ Панай, Пана* говоров северо-западного диалекта, то они, по-видимому, являются фонетическими вариантами общешкирского мифонима. *Банак* 'бука'. По рассказам башкир, этот персонаж представляет собой страшилище с толстыми ногами, красными глазами, большим ртом и растрепанными волосами. Южные башкиры словом *банак* называют не только детское страшилище, но и всех безобразных и омерзительных насекомых. Почти все территориальные группы башкир словом *банак* называют также безобразно и грязно одетых людей. Кроме самого слова *банак*, в башкирском языке функционируют словосочетания *банактау* 'пугать', *банак кеүек* 'как буква', *банак ашай* 'буква съест', *банак килә* 'буква идет', *банак-сапак* 'всякая нечесть'.

В словарях тюркских языков слово *банак* как название мифического персонажа не встречается. Только в киргизском языке употребляется словокомплекс *банак-сапак* в значении 'грязь, грязный'. Интересно отметить, что фонетическое звучание лексемы *банак* напоминает название древнеиранского демона *Ака-Манака*. Чередование *б ~ м* характерно для башкирского языка. Ср.: *бына ~ мына* 'вот' *боз ~ моз* 'лед', *бән ~ мән* (письм.) 'я' и др. Изложенные факты позволяют связывать мифический персонаж *Банак* с авестийским демоном *Ака-Манака* [18].

Интересно отметить, что мифонимы с основами *bub, bob, beb* в значении детских страшилищ (демонов) широко представлены в славянских и немецких диалектах. Ср.: *bubak/bobak* (в. -луж), *bubak* (н.-луж), *bubak* (чеш.), *bobak/babak* (чеш.диал.), *bobak* (словен.), *babak/bobak/bubak* (польск. диал.), *bubacz* (польск.), *bubu/buba, bebak, bebelak, bubock, bobok, bubatsch, bumbatsch, bumbatz, bubasch* (нем. диал.) и др [19]. Изложенные факты, по-видимому, также свидетельствуют в пользу связи башкирского мифонима *Банак* с *Ака-Манака* из Авесты.

Четвертую подгруппу названий мифических персонажей северо-западных башкир составляют наименования духов болезней. Данная группа является довольно представительной среди мифонимов. Представлены мифолексемы мало отличающиеся от общешкирских мифонимов, в то же время встречается довольно оригинальная группа, не имеющая параллелей в говорах других диалектов башкирского языка. Ср.: *Зәңлә сире* (караид.), в лит. – *Зәңге, Зәңге эйәһе* 'дух цинги', в других говорах – *Зәңнә сире* (среднеур., гайн.), *Зәңгелә* (дем., сев.-запад., киз., сред., куб., сакмар.), *Зәңке* (миас., сред.), *Зәмбәлә* (миас.), *Зәмзәм рәнйеүе* (сред.), *Ақсын хужасы* (караид.) и др.; *Кызамык эйәсе* (таньп.), в лит. – *Кызылса/ Кызылса эйәһе* 'дух, хозяин кори', в других говорах – *Кызамык әбей* (таньп.), *Кызылса инәһе* (вост. диал.), *Кызылса атаһы* (сред.); *Ошан* (таньп.), в лит. – *Өсйән* 'рахит', досл. 'три души', в других говорах – *Осан* (дем.) 'дух болезни живота', *Осан каста* (таньп.), *Ошан* (нижнебельск.), *Ердән тейенгән* (таньп.), 'болезни от духов земли', в лит. – *Ерзән тейенгән ауырыу, Етейән* (гайн., среднеуральск.), *Су зәхмәте* (таньп.), в лит. – *Һыу эйәһе* и др. В мифонимии северо-западного диалекта, связанной с духами болезней, кроме близких или общих с другими диалектами названиями, представлены оригинальные наименования. Ср.: *Һауана* (гайн.) 'дух мочеполовых органов', *Биләңке* (сев.-зап.) 'дух болезни мочевого пузыря'. В целом данная группа названий мифических персонажей довольно богата. В основном представлены мифонимы, имеющие фонетические и морфологические параллели в других говорах и диалектах. Отдельные мифонимы в других говорах не зафиксированы.

Подводя итоги, можно сказать, что мифологическая лексика северо-западного диалекта довольно богата. В большинстве своем эта лексика имеет фонетические или морфологические параллели в других говорах и диалектах башкирского языка, что свидетельствует о единых истоках их возникновения. Отмеченные в ряде говоров мифонимы, характерные только для говоров северо-западного диалекта, могли возникнуть после отделения северо-западного диалекта от общешкирского языка, по данным О.А. Мудрака, где-то после XVI – XVII вв. [20].

Условные сокращения

ай. – айский говор	нижнебельск. – нижнебельский говор
бурз. – бурзянский говор	польск. диал. – диалекты польского языка
в.-луж. – верхнелужицкий диалект	
вост. диал. – восточный диалект	
гайн. – гайнинский говор	сакмар. – сакмарский говор
дем. – демский говор	сальют. – сальютский говор
ик-сакмар. – ик-сакмарский говор	сев.-зап. – северо-западный диалект
иргиз. – иргизский подговор	словац. – словацкий язык
каз. – казахский язык	сред. – средний говор
карид. – каридельский говор	среднеур. – среднеуральский говор
киз. – кизилский говор	танып. – таныпский говор
ккалп. – каракалпакский язык	тув. – тувинский язык
куб. – кублякский говор	фольк. – фольклор
лит. – литературный язык	чеш. диал. – диалекты чешского языка
миас. – миасский говор	юж. диал. – южный диалект
н.-луж. – нижнелужицкий диалект	
нем. диал. – диалекты немецкого языка	

Литература

1. Миржанова С.Ф. Кубалякский говор // Башкирская диалектология. Уфа, 1963. С. 182–184; Она же. Диалектные пласты лексики кубалякского говора // Башкирский языковедческий сборник. – Уфа, 1975. С. 43–67; Она же. Южный диалект башкирского языка. – М., 1979. С. 83–95, С. 155–162, С. 232–239; Она же. Северо-западный диалект башкирского языка (формирование и современное состояние). – Уфа, 2006. С. 69–75, С. 125–135, С. 196–202, С. 263–275.
2. Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә. 2 томда. I том. Көнсығыш диалект // Н.Х. Мәксүтова, Н.Х. Ишбулатов. – Өфө, 1967. – 300 б.; Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә. 2 томда. II том. Көнъяк диалект // Н.Х. Мәксүтова. – Өфө, 1970. – 327 б.
3. Миржанова С.Ф. Северо-западный диалект башкирского языка. – Уфа, 2006. С. 135.
4. Миржанова С.Ф. Указ. раб. 300 с.; Дильмухаметов М.И. Говор среднеуральских башкир. – Уфа, 2006. – 191 с.; Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә. 3 томда. III том. Көнбайыш диалект // Н.Х. Мәксүтова. 232 с.
5. Экспедиция материалдары – 2006: Борай районы / Г.Р. Хөсәйенова. – Өфө, 2008. – 240 б.; Рухи мирас: Свердловск башкорттарының фольклоры // Ф.А. Нәзершина. – Өфө, 2008. – 256 б.; Төньяк Башкортостан башкорттарының хәзерге халык ижады // Г.В. Юлдыбаева. – Өфө, 2008. – 160 б.; Хисамитдинова Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка. – М., 2010. – 456 с.
6. Төньяк Башкортостан башкорттарының хәзерге халык ижады. – Өфө, 2008. 107–108 б.
7. Там же . С. 99.
8. Там же. С. 107.
9. Хисамитдинова Ф.Г. Указ. раб. С. 325–326.
10. Там же. С. 354–356.
11. Там же. С. 282–283; 378–379.
12. Ойунский П.А. Якутский героический эпос олонхо «Ньюргун боотур Стремительный». – М., 2007. С. 18–21.

13. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время.– Новосибирск, 1988. С. 80, 87.
14. Катаринский В.В. Башкирско-русский словарь. – Оренбург, 1899.
15. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и тюркские основы на букву «Б». – М., 1978. – 395 с.
16. Даль В. Толковый словарь русского языка. Современная версия. – М., 2008. С. 91–92.
17. Древнетюркский словарь // Надеяев В.М. и др. – Л., 1969. С. 125.
18. Хисамитдинова Ф.Г. Словарь башкирской мифологии. В 3 кн. Кн.1. – Уфа, 2011. С. 96.
19. Сятковский Я. Славянские названия страшилищ (демонов) в немецком языке и его говорах // Слово и культура. – М., 1998. С. 280–281.
20. Мудрак О.А. Место башкирского языка в кыпчакской подгруппе тюркских языков // История башкирского народа. В 7 т. Т. 2. – Уфа, 2012. С. 338.

Хуббитдинова Н.А. г. Уфа

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ ФОЛЬКЛОРА И ЛИТЕРАТУРЫ КАК КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АНАЛИЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В современной гуманитарной науке культурология является сравнительно молодой дисциплиной, обладающей междисциплинарным характером. Междисциплинарность, связь с другими областями гуманитарной науки ведет ее к интеграции, синтезу, взаимовлиянию, взаимосвязи и взаимопроникновению разнообразных областей знаний в исследовании общего объекта изучения. Наиболее тесно с культурологией связаны философия культуры, философская, социальная и культурная антропология, история культуры и социология, филология. Изучение связей между фольклором и литературой в культурологическом аспекте также углубляет представление о культуре, культурной антропологии духовного наследия народа в целом, дополняя его собственными исследованиями и знаниями. Одним из способов выявления всех своеобразий этих связей является метод интертекстуального анализа традиций устно-поэтического народного творчества и художественной литературы.

В отечественной науке предпринималась попытка исследования вопросов взаимосвязи и взаимовлияния фольклора и литературы в свете изучения интертекстуальной теории. Проблеме интертекстуального дискурса было посвящено немало работ, однако в отношении цитат, цитации до сих пор отсутствует единое мнение, нет теоретического исследования, в которых, как говорит Е.А. Козицкая, была бы «предпринята попытка суммировать накопленный опыт и предложить концепцию цитат с учетом многообразия имеющихся литературных фактов» (М.М. Бахтин, Юлия Кристева, В.М. Жирмунский, Роланд Барт, Д.Н. Медриш, О.Ю. Трыкова и т.д.) [Козицкая]. Понятие интертекстуальности было впервые предложено в 1967 г. теоретиком постструктурализма Юлией Кристевой, которая, опираясь на идею «диалогичности» М.М. Бахтина, понимала под ней интертекстуальную связь между разными текстами. Она, в частности, приходит к мысли о том, что «... открытие, впервые сделанное Бахтиным в области теории литературы» заключается в том, что «любой текст строится как мозаика цитации, любой текст – это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия *интерсубъективности* встает понятие *интертекстуальности*, и оказывается, что поэтический язык поддается как минимум *двойному* прочтению» [Козицкая 99; Кристева 2004, 166]. При этом тексты не только «пересказывают» друг друга, а вступают друг с другом в диалог, где смысл не только повторяется, а заново рождается именно в этом сопоставлении одного текста с другим [Десницкий 2008, 14].

Открытая в России в первой четверти XX в. и усовершенствованная в дальнейшем западноевропейской наукой теория интертекстуальности применительно к национальной

литературе способствует усовершенствованию методов изучения и анализа художественных произведений (равно как и фольклорных), расширению и обогащению научного понятийного аппарата. Потому что, как верно отмечает З.Я. Шарипова, впервые рассматривавшая метод «теории интертекстуальности» относительно башкирской литературы в своей отдельной статье, говорит о том, что «литературовед должен вооружиться современным теоретико-методологическим оружием... На сегодняшний день существует возможность выбора самых эффективных научных приемов, методологических способов» для решения тех или иных научно-практических задач [Шарипова 1993, 111]. Изучение проблемы с точки зрения интертекстуального подхода во многом позволяет переосмыслить литературное произведение, методы его сравнительно-сопоставительного филологического анализа, что поможет раскрыть особенности литературных традиций авторов разных эпох, выявить их идейно-эстетические, художественные позиции, взгляды, сложившихся под влиянием культуры той или иной эпохи.

Так, башкирская литература, являясь частью мировой культуры, не могла оставаться в стороне от других литератур, жила, развивалась, взаимодействовала с ними, тем самым обогащалась сама и вместе с ней обогащались другие. Фольклор, будучи первоисточником, к которому ссылались и ссылаются писатели многих поколений, в литературе является объектом художественного переосмысления, использования. В результате этого возникает интертекстуальная связь с сюжетом, мотивом литературного или фольклорного произведения.

Писатели, творчески осваивая традиционный сюжет, всегда использовали свой «вятельный» материал, художественно обогащали свое произведение, способствующее, в свою очередь, росту читательского спроса или выражению общественно-политических взглядов своего народа или правящего круга. Для средневекового поэта Кул Гали в процессе работы над знаменитым сюжетом о Прекрасном Йусуфе в своем «Кисса-и Йусуф»е (XIII в.) «вятельным» материалом послужили фольклорные традиции. Они генетически восходят к башкирскому народному устно-поэтическому творчеству (сюжеты многих сказок, эпических памятников построены на тематическом мотиве «Вещего сна», «Во сне влюбился – женился наяву», «Любовного треугольника», часто встречаются образы «Справедливого правителя», «Ущемленного родственника», падчерицы и т.д.). Эти фольклорные традиции являлись «вятельным материалом» не только для Кул Гали. Так, в произведении Багави – Багаутдина дастане «Бузьегет» (XIX в.), написанного в духе восточных любовных дастанов, многие моменты в сюжете, отдельные фольклорные мотивы вызывают реминисценцию на поэтические детали «Кисса-и Йусуф» Кул Гали и на традиции эпосотворчества башкир. Например, интертекстовая связь особенно усиливается в многочисленных эпизодах, связанных со сном героев – Бузьегета и его возлюбленной Карасэс.

Интертекстуальность, реминисценции, аллюзии на башкирские народные устно-поэтические традиции обнаруживаются только подготовленными исследователями, хорошо знакомыми с этими традициями. Иначе было бы сложно проводить подобный анализ, который помогает раскрыть культурологический пласт в изучаемом объекте. Обнаруженные фольклорные традиции в основе своем дают представление о богатстве культуры и истории башкирского народа, о его обрядах и обычаях. Этим объясняется популярность произведений Кул Гали «Кисса-и Йусуф» и Багави «Бузьегет» среди народа.

В башкирской литературе новейшей эпохи – начала XX века фольклорные традиции также имели огромное значение в творчестве писателей. Авторы, будучи носителями этнических мифопоэтических, архетипических традиций, обращались и использовали их в своих произведениях (М. Гафури, Ф. Туйкин, С. Якшигулов, Г. Сулейманов, Ш. Бабич и мн.др.). Чем теснее связь фольклора и литературы, где в авторском мировосприятии преобладало фольклорное мышление, фольклорное, образное видение мира, тем ощутимее интертекстуальная связь фольклора и литературы.

В совокупности они отвечают духовным потребностям людей своего периода и представляют собой духовную культуру народа. Применение культурологического подхода

в изучении национальной литературы даст шанс осознать ее внутренние закономерности, природу, раскрыть все стороны и грани исследуемых произведений в новом свете.

Литература

Десницкий А.С. Интертекстуальность в библейских повествованиях // Вестник московского университета. Серия 9. Филология. – 2008. №1. С.14-20.

Козицкая Е.А. Цитата, «чужое слово», интертекст: материалы к библиографии [Электронный ресурс]: URL: // <http://uchcom.botik.ru>

Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог, роман // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1995. №1. С.97-124.

Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / пер. с франц. Г.К. Косикова, Г.К. Нарумова. – М.: РОССПЭН, 2004. – 656 с.

Шарипова З.Я. Пером и словом. – Уфа: Китап, 1993. – 208 с.

Хөсәйенова Г.Р., Өфө к.

БЕЛОРЕТ БАШКОРТТАРЫ ХАЛЫК ИЖАДЫНЫҢ ХӘЗЕРГЕ ТОРОШО

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и РБ «Урал: история, экономика, культура» в рамках научно-исследовательского проекта № 14-14-02601 “Экспедиция в Зианчуринский район”.

Халык ижадын йыйыусылар араһында кайһы ваҡыт: “Зур калаға яҡын булған райондарҙа әллә ни мәғлүмәт табып булмай”, “Укытыусыларҙан фольклор буйынса мәғлүмәт һораһаң, күберәк китаптан укығанды һөйләйҙәр” – тигән һүҙҙәр ишетергә мөмкин, тик улар һәр ваҡыт дөрөслөккә тура килмәй. Тәүге фекерҙең шартлы булыуы Рәсәй фәндәр академияһы Өфө ғилми үзәгенең Тарих, тел һәм эзбикә институты Белорет районына ойшторған фольклор экспедицияһы материалдары миҫалында асыҡ күренде. Икенсе фекер зә үзен аklamаны: укытыусыларҙың да халыктан ишеткәндәрен, белгәндәрен һөйләгәндәре бар. Мәсәлән, Бөрйән районынан тарих укытыусыһы Ишморатова Флүзә Йомағужа кызы (1965), Ырымбур өлкәһе Гай районында йәшәүсә Әхмәтова Хаят Абдулла кызы (1935) һ.б. шундайҙарҙан.

2011 йылда безгә Белорет районының калаға яҡын алты ауылында (Әзекәй, Азналы, Казыш, Шығай, Үткәл, Әхмәр) эшләргә тура килде.

Тел үзенсәлектәренә килгәндә белореттар Урал аръяғы башкорттарына хас каты ялғау менән һөйләшәләр: *аттаһак, йоктап калды, һуңдап китһәң, һөрәндәй тегегә, бейә бәйзәп, әйзәнеп караны* һ.б. Заманға ярашлы, һәр яҡтағы кеүек, уларҙың да теленә “*ишишу*” (еще), “*тужы*” (тоже), “*будта*” (будто), “*әбижәйт*” (обижать) һ.б. кеүек варваризмдар хас. Әзекәй ауылында парлы һүҙҙәргә йыш кулланыу күренеше асыкланды: “Минен бабай *бутка-һатка* яратмай. Уға ит кәрәк”; “Тултырмаға *үткә-һүпкә*...турағыстан үткәрергә” (2), “*..аскыс-маскос төштө лә торзо...*”, “Килһәләр зә *ярты-йорто, ярым-йорто* булып килделәр” (3) (һуғыштан әйләнеп кайткан кешеләр тураһында һүз бара – Г.Х.). Лексик диалектизмдарҙан түбәндәгеләрҙе әйтәп үтергә мөмкин: *ямакай* (әз. *йәмһез*) (Мының күзе *ямакай* за ул. Маңғайында тора) (3), күлдәген *ямак* итеп тишкеләү (6), *әберсә* (әз. *журай еләге*) (3), *тургай еләге* (әз. *ер еләге*); *йөндө еләк* (япрағына карап) (әз. *кайын еләге*); *мышар* (әз. *миләш*) (2); *моһормансылык* – яҡшылык (әз. *миһырбанлы*) (3); *шур* – әз. *юшкын* (накипь) (1), *оскалак* (әз. *камка*) һ.б.

Экспедицияла төрлө ышаныуҙар, шуларға нигезләннгән хөрәфәти хикәйәләр, йола фольклоры үрнәктәре, йырҙар язып алынды.

Халықтың ырым-ышаныуҙары, нигеззә, башка яҡ башкорттарынан күпкә айырылмай. Әммә быға тиклем осрамаған мәғлүмәттәр зә осрап куя. Мәсәлән: “*Өй әйәһе базза балаһын йыуындырған. Балаһы сырылдап илаган. Атайым өй әйәһен аткан.*

Теймәгән инде. Атайымдар тороуга ете баш һарык тышта, һарайзың нигезендә, тезелешеп үлеп яткан. Өй эйәһенә насарзык эштәргә ярамай” (4). Өй эйәһенә зыян килтерергә ярамағанын ишеткәнәбез бар ине, әммә уның эземтәләре тураһында һирәк һөйләйҙәр.

Һыу эйәһенә бәйле булған хәл: “1932 йыл алыс йәйләүгә һуңғы мәртәбә күстек. Элек йортка күсә торғайнык йәйҙәүгә. Бейә бәйзәп ятабыз. Алыстарак Фәткулла койоһо бар. Нык һыуык була ине һыуы. Әсәм һыуға ебәрзе. Килә ятһам, берәү кайтырға сыжкан. Көйәнтәһе төп–төз, “Хәйриямал инәй, тороп тор”, – тинһәм, был боролоп қараны. Ике күзе маңдайының уртаһында. Курктым. Бизрәмде таштап қастым. Илап кайттым. Күзе ялтырап тора, үззәре туҫтақтай, көйәнтәһе төп–төз” (3). Был мәғлүмәт, бер яктан, халықтың көнкүрешенә, икенсе яктан, мифологияға бәйле булыуы менән дә киммәт. Һыу эйәһенәң таныш кеше киәфәтендә, етмәһә туҫтақтай ике күзенәң маңлай уртаһында булыуы, көйәнтәһенәң дә ғәзәти түгеллеге беренсе мәртәбә теркәлдә. Маңлай уртаһында бер күзе булған персонаждар донъя мифологияһына хас. Улар Белорет районы башқорттарынан да язып алынды: “Шүрәле. Маңлайында бер күз, тырнактары озон. Урманда йәшәй” (2). Әммә “маңлай уртаһында ике күз” тигән мәғлүмәт безгә орағаны юк ине.

Язып алынған тау эйәһе тураһындағы хәрәфәти хикәйә лә иғтибарзы йәлеп итә, сөнки унда урын алған персонаждың (илаған баланың) кылығы, хәрәкәте ғәзәттә һыу эйәһенә хас [Хөсәйенова һ.б. 2009, 32]. “Әберсәгә барзык. Ике әбей, бер малай, мин. Кайтып барғанда аузы сығып барһак, “Көтөп тороғоз”, – тин, бала илай. Көтөп тороп кыскырзык. Төлкосорған тау тирәһендә. Бәзерниса апай: “Эйәһе бар тизәр шул ерзең. Көтмәйек. Кайтайык”, – тине. Атлаһак, бала илай. Туктаһак, ул да илаузан туктай. Шулай бала илап қалды, без кайтып киттек. Яқын ғына ишетелә. Тау эйәһе шулай бала кеүек кыскырып тороп илай. Ул ерзең эйәһе бар, һыйыр, эт, кеше, бала булып күренә”, – тин әйттеләр азақ” (3). Ғөмүмән, хәзерге осорза язып алынған мәғлүмәттәргә қарағанда, өй, кәртә, тау, шишмә һ.б. эйәләр күп вақыт уртақ һызаттарға эйә: таныш, яқын кеше булып та күренә, төрлөсә барлығын белдерә: тауышланып йөрөй, берәй нәмәнә төшөрә, өндәшә, илай. Уларға зыян итергә ярамай.

Халықта, өйзә йәш бала булһа, мизгел үзгәргәндә балала ла ниндәйер үзгәреш булыуын көткәндәр (теш сыға, ултыра, атлай, һөйләшә башлай һ.б.). Көз етһә: “Торналар тәпей қалдыра”, яз булһа: “Торналар тәпей (информанттар “тәпәй” тип тә әйтәләр – Х.Г.) алып қилә” тип юрағандар. Белорет башқорттарында иһә: “Балаға торна – аяқ, һандуғас моң әпкилә” (5) тигән ышаныу за булған йәғни баланың йырлай, музыка қоралында уйнай белеү һәләтенә эйә булыуын да теләгәндәр. Быныһы инде – яңы сифат.

Һүз барған төбәк башқорттарында үзенсәлекле ғөрөф–ғәзәттәр зә һақланған: “Үкел (үгәй) қыз итеп қаз һыйзаны миңә Вәкил ағай. Себеш кенә йылы ете бәпкә сығарзы шул қаз. Шунан үрсеп китте қазым. Оқиған қыззы үкел қыз итеп алалар беззең яқта” (2). Донъя фольклорында қатын–қыззы кош рәүешендә символлаштырыу – таралған күренеш, шуға күрә қыз урынына қаз биреүзәре үзен ақлай. Үгәй қыззы қыз итеп алыу ғәзәте Бөрийән башқорттарында ла күзәтелә, тик ул бында “киәмәтлек қыз” тип йөрәтәләр.

Йәнә “Үлгән кеше төшкә инһә, икмәк бешереп, шуға энәгә еп һаптап икмәк ситенә сәнсеп бирәләр (хәйер итеп – Х.Г.): “Үлгән кеше төшәмә керзе, қабат кермәһен”, – тин кеше ала (әнә сәнсеп бирелгән икмәкте – Х.Г.)” (2). Был ғәзәт тә беззең тарафтан беренсе мәртәбә теркәлгәндәрзән.

Вақыт–мизгел байрамдарынан белорет башқорттарында йышырақ “Қарға бутқаһы”, “Һабантуй”, “Теләккә сығыу” телгә алынды. Һабантуй тураһында: “Элек бәйге–ярыш үткәрәләр ине. Ақкөсөктә бәйге була ине. Иген сәсмәгәнгәме икән, беззә “Һабантуй” түгел, “бәйге” булды”, – тине Әхмәр ауылының ақһақалы 91 йәшлек Хәмзин Ғәббәс бабай (8).

Теркәлгән мәғлүмәттәр араһында туй йолаһына қағылышлылары байтақ. Мәсәлән, қыззы һоратырға қилгәндә яусы әйтә торған һүззәр төрлөлөгә менән иғтибарзы йәлеп итте: “Беззең заманда һоратырға қилгәндә тураһын һорайзар ине: “Беззә қыз, һеззә ул”, – тизәр ине (2); “Һоратырға қилеүселәр: “Һеззә тана бар тин ишеттек”, – тин һүз

башлайзар. Яусы балак сыгарып, таякка таянып килә. Егетте мактай, зат–ырыуына, ете быуынына төшә. Кыззы белешә, ауырыуы юкмы, утырмаганмы?” (6); “Яусы катын йөрөтәләр. Ул белеп кайта ла, бирәбез тигәләр, козага киләләр. Горатырға алдан егеттең атаһы йә әсәһе килә. “Бешкән алма бар. Шуны эзләп килдек”, – тизәр. Ризалашһалар, кыздан һорамай бирзеләр” (3); “Яусы һүзе: “Күршегә килһәң, силәгеңде йәшермә”. “Төсө барзан төңөлмә. Кызыгыззың йәше еткән тип, риза булдылар. 17 йәш тә тулмагайны” (9). Кыз йәшереү, йыртыш аша үтеү, кыз кушыу тәртибе лә халык хәтерендә якшы һакланған. Йәнә никах төнөнән һуң кыз намысына бәйле аткарылған ғөрөф-ғәзәттәрзе (улар төрлө якта төрлөсә) белорет башкорттарында ла күзәтеп була: “Кыз булмаһа, кейәү шаршаузы йыртып белдергән. Хәтеремдә, кушкан еңгә булып сәй әсерергә барһам, Басир: “Еңгә, Мәрийәм кыз булманы. Әнә, шаршауығыззы йырттым”, – тип ултыра” (3). Икенсе бер мәғлүмәт биреүсе: “Кыз булмаһа төртмә йырзар була ине” (2), – тип тә әйтте. Туй һуңында кайтырға вақыт еткәнән ишаралау төрлө якта төрлөсә аткарылған. Хәйбулла башкорттарында, мәсәлән, сыбырткылау булһа, белорет башкорттары быны такмак менән белдергәндәр: “Туй өс көн була ине. Шунан әйтәләр:

*Кәзә, кайт, кәзә, кайт,
Кунактарга һөт кәрәк.
Был кәзәре кунактарзы
Нисек туйзырмак кәрәк?*

Был кайтыр сак етте тигәнде аңлаткан” (2).

Йәнә бер әһәмиеәтле мәғлүмәт: һүз барған төбәктә туй йолаһының тағы бер мөһим өлөшө – сеңдәү барлығы: “Кыззы озатканда бер өйгә йыйылып, бизрә сиртеп такмак әйтәләр. Баш остарына шаршау ябалар. Кыззар косакташып тороп илайзар. Иламаһалар, еңгәләре баштарына һуғып илаталар. Һүззәрен исләмәйем “(3); “Әүәл кыззы сеңдәп озаттылар. Әнисә апайзы сеңдәп озаттык. Әүәле калын иәл була торгайны. Шуны ябып илаттылар” (5). Кыззы күсереп алып кайтқас, ул килен булып төшкән ауылында бүләк тарата. Мәғлүмәт биреүсе әлеге осракта бик кызыклы хәбәр әйтте: “Еңгә бүләктәре араһында кылысмау за була. Сарык куңысын бәйләргә йөндө буяп, суктап тороп кылысмау эштәйзар. Хәзер малайзарга куляулык кына, кыззарга тасма тараталар” (3). Әлбиттә, өстә әйтелгән башкорт туй йолаһының элементтарын яңы мәғлүмәт тип әйтеп булмай, сөнки улар күп таралған күренештәр.

Башка яктарза бер зә язып алырға тура килмәгән һамак та осраттык был төбәктә. Уны хатта ике кеше әйтте. Оскалакка (божья коровка) әйтелә ул:

*“Ос, ос, оскалак!
Атайың калас әпкилә,
Үзең әллә нәмәһен ашарһың,
Миңә әллә нәмәһен бирерһең”* (3) һәм:

“Ос, ос, оскалак, тортоныңды (тире туныңды) кейеп ос, – тип әйтә инек оскалакка” (5).

Белорет башкорттарынан шулай ук “Йософ менән Зөләйхә” киссаһының кысқаса йөкмәткеһен (6), урык–һурык булһа ла “Вәзир менән бай”, тағы бер исемһез әкиәт (7), ер–һыу атамаларына бәйле байтак мәғлүмәттәр язып алырға насип булды. “Ташморон шишмәһе” тигән изге урын барлығын да белдек (1).

Халык йырзариһан “Сәлимәкәй”, “Илсе Ғайса” (тарихы менән), “Кара урман” һ.б. йырзарзы ишетеп, язып алыу бәхете тейзе.

Экспедиция барышында ошоға тиклем билдәле булмаған йырзар за язып алынды:
*Аткынамды менеп сығып киттем,
Еткән үлән белән үңергә (тауга),
Елә лә генә саба еталманым
Үтеп кенә киткән зүмергә.
Йүгереп кенә барып мин ултырзым
Күлгәнән төшкән һалкынға.
Яна зына йөрәк, көйә бауыр,*

Тар күкрәктән сыккан ялкынга (3).

Икенсе йырзы мәглүмәт биреүсе “атайымдың йыры” тине:

*Алдырмаҫ та кейек, һис алдырмаҫ,
Каршыһында кая тау булһа.*

*Алдырмаҫ та егет, һис хур булмаҫ,
Ғәзиз башкайзары һау булһа.*

*Һүрнәкәй буйына кармак һалдым,
Ҡызыл балык белән суртанға.*

*Йоктап китһәм, мине уятығыз,
Дошмандарым килһә тота(о)рға.*

(Искәрмә. Көйөн исләмәй).

Һауаларза оскан аккоштарзың

Аяктарын күргән бармикән?

Эскенәйем тулы хәсрәт икән –

Тыштан белгән кеше бармикән? (5).

(Искәрмә. Әсәһенәң йыры).

Белорет башкорттарынан язып алған мәглүмәттәр, нигеззә, ошолар. Әлбиттә, без әлеге оракта һайлап, үзенсәлекләректәрен биреүзе кәрәк тип таптык. Башка төбәк башкорттары менән уртақ әсәрзәр зә байтак кына теркәлде. Безең тарафтан Белорет районында теркәлгән фольклор материалдар киләсәктә ғилми әйләнешкә инер, халкыбыздың рухи байлығын арттырыуға бер өлөш булып, тип өмөтләнәбез.

Әзәбиәт

Хөсәйенова Г.Р., Юлдыбаева Г.В., Хәкимйәнова А.М. Экспедиция материалдары – 2009: Бөрйән районы. – Өфө, 2011. – 208 б.

Ауылдар һәм информанттар исемлеге

Әзекәй ауылы

1. Мостафин Мөжәүир Мортаза улы, 1935 йылда Әзекәйзә тыуған, 4 класс белемле, колхозда механизатор булып эшләгән, 8 бала атаһы.

2. Ғәлина Фәһилә Сәйфитдин кызы, 1936 йылда Азнағолда тыуған, 1984 йылдан Әзекәйзә йәшәй, 8 класс белемле, 4 бала әсәһе.

3. Вәлиева Бикә Өғзәм кызы, 1918 йылда Әхмәр (Козғон) ауылында тыуған, 1953 йылдан Әзекәйзә йәшәй, тамъян–катай ырыуынан, 5 класс белемле, 6 бала әсәһе.

Азналы ауылы

4. Ғәлина Мәрхәбә Сафуан кызы. 1946 йылда Азналы ауылында тыуған, тамъян ырыуынан, 8 класс белемле, һауынсы, 5 бала әсәһе.

Қазыш ауылы

5. Сафиуллина Зәйтүнә Йомабай кызы, 1938 й. Мышы ауылында тыуған, 1960 й. Қазыш ауылында йәшәй, 7 класс белемле, катай башкорто, һауынсы булып эшләгән, 8 бала әсәһе.

Шығай ауылы

6. Канафина Динә Рәсүл кызы, 1948 йылда Рысықай (Әрүк) ауылында тыуған, 1967 йылдан Шығай ауылында йәшәй. Катай ырыуынан (шығай–тамъян), махсус урта белемле, укытыусы, тәрбиәсе булып мәктәптә эшләгән.

Үткәл ауылы

7. Йомағужина Нәсихә Усман кызы, 1931 йылда Әбйәлил районының Күсей ауылында тыуған, 1950 йылдан Үткәл ауылында йәшәй, 5 класс белемле, тамъян ырыуынан, колхоз эшендә инә ауыр эштәрзә эшләгән, 6 бала әсәһе.

Әхмәр ауылы

8. Ғәлин Ғәббәс Хәмзә улы, 1920 йылда Козғон Әхмәр ауылында тыуған, козғон–катай ырыуынан, 4 класс белемле, 8 бала атаһы.

9. Ғәлина Сәмсихан Хәмзә кызы, 1929 йылда Ғәзелша ауылында тыуған, 1946 йылда Әхмәрзә йәшәй, төрлө эштә эшләгән, 8 бала әсәһе.

СЛОВЕСНОЕ УДАРЕНИЕ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Акцентология – раздел языкознания, изучающий природу и функции ударения. С помощью ударения (акцента) фонетическими средствами выделяются те или иные единицы в речи. В лингвистике различаются словесное ударение, тактовое (синтагматическое) и фразовое ударение. В данной статье мы рассматриваем особенности словесного ударения в башкирском языке.

Прежде всего, необходимо определить функции ударения как фонетического явления в языкознании. Отечественный лингвист, видный ученый XX века Л.Р. Зиндер в своей работе “Общая фонетика” (М., 1979) рассматривает следующие функции ударения:

1) *кульминативную* функцию ударения, которая важна в формировании общего фонетического облика слова;

2) *конститутивная* или *словопознавательная* функция словесного ударения заключается в том, что оно, так же как фонема, является обязательным элементом звукового облика слова. Перенос ударения на другой слог просто разрушит слова. Например, *та́нтана*, *ба́йрам*, *ба́лалар*. Перенос ударения, если и не сделает слово совершенно непонятным, то затруднит восприятие его, нарушит нормальный акт коммуникации;

3) *словоразличительная* функция ударения, обнаруживающаяся в таких парах, как *'бүлм'ә* и *'бүлмә'*, является вторичной по отношению к словоопознавательной. По мнению Л.Р. Зиндера, словоразличительная функция может быть только в языках с разноместным ударением, так как количество минимальных пар, различающихся местом ударения, как правило, относительно невелико. Следует отметить, что существование дублетного произношения некоторых слов появляются и под взаимодействием разных диалектов.

4) По мнению Л.Р. Зиндера, четвертая, *разграничительная*, функция ударения должна быть признана мнимой [Зиндер 1979, 261]. В языках, в которых ударение всегда падает на первый или на последний слог слова, можно по месту ударения судить только о том, какой слог перед нами – начальный или конечный.

Здесь необходимо уточнить, что в тюркских языках, как правило, по мере присоединения аффиксов ударение передвигается на конечный слог, т.е. переходит на присоединяемый аффикс. Этот существенный факт дает повод говорить о том, что ударение в тюркских языках является связанным, и мы можем рассматривать его *разграничительную (делимитативную)* функцию. Под этим термином понимается то, что определенное явление выполняет функцию разграничения, разделения отдельных слов и словоформ. В нашем случае словесное ударение в тюркских языках помогает при разделении (распознавании) слогов в составе слова и в более крупных единицах, таких, как предложение, в которых также важна разделительная роль словесного ударения.

Крупнейший русский и польский языковед И.А. Бодуэн де Куртенэ считает, что в тюркских языках *разграничительную* функцию выполняет сингармонизм, тогда как русское ударение выполняет как смысловоразличительную, так и объединяющую функцию.

По определению Н.С. Трубецкого, если расположенные рядом слова «разнотональные», то отпадает необходимость в использовании ударения для их разграничения. Если же рядом расположенные слова «однотональные», то ведущая роль в словоразграничении принадлежит ударению.

Исходя из вышеизложенного, мы предлагаем рассматривать в башкирском языке следующие функции ударения: *кульминативную* (ударение обеспечивает цельность и отдельность фонетического облика слова путем выделения просодического центра), *конститутивную* (ударение способствует различению омонимов, грамматических форм одного и того же слова), *делимитативную* (ударение способствует выделению границ между словами).

Рассмотрим типы ударения. Словесное ударение, под которым понимается выделение различными фонетическими средствами одного из слогов в слове, противопоставляемого другим слогам, описывается в первую очередь как *динамическое* (*силовое*) или *эспираторное*. Фонетически это явление может реализоваться путём повышения интенсивности ударного слога, достигаемого увеличением мускульного напряжения и усилением выдоха – *силовое ударение*; путём изменения высоты голосового тона – *музыкальное ударение*; путём удлинения звука – *количественное ударение*. Именно эти типы ударения в тюркских языках рассматриваются в работе “Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика” (М., 1984).

В одном языке, как правило, преобладает один тип ударения, хотя могут иметь место примеры и с другими типами ударения. Татарский фонетист У.Ш. Байчура, путем анализа кимографических записей произношения нескольких дикторов, носителей ряда тюркских языков, установил, что в башкирском и чувашском языках ударение *силовое*; в татарском, казахском, азербайджанском и туркменском языках – силовое и тоническое [СИГТЯ 1984, 408].

По мнению профессора Н.К. Дмитриева, ударение в башкирском языке *эспираторное*, т.е. основано на силе экспирации в момент произношения отдельных звуков. Этот тип характерен практически всем полнозначным словам. А на словах ослабленного реального значения (служебные имена, послелогии, модальные слова, частицы и некоторые наречия) ударение обыкновенно не ставится, и эти слова являются или проклитиками, если “прислонены вперед”, т.е. обслуживаются ударением следующего слова (*бйк^матур*), или энклитиками, если “прислонены” к предыдущему слову и обслуживаются его ударением (*матур^гына*) [Дмитриев 2007, 41-42]. Этот же тип ударения рассматривается профессором Дж.Г. Киекбаевым [Киекбаев 2012, 258].

В “Грамматике современного башкирского литературного языка” (М., 1981) профессор А.А. Юлдашев высказывает мнение, что по существу в башкирском языке ударение *эспираторно-квантитативное*: оно заключается не только в резком усилении экспирации ударного слога по сравнению с неударным, но и в одновременном увеличении его длительности чуть ли не вдвое [ГСБЛЯ 1981, 68]. При этом он ссылается на данные экспериментального анализа Г. Шарафа, представленные в его работе “Сонорная длительность татарских гласных” (Казань, 1928).

По мнению профессора Э.Ф. Ишбердина, в башкирском языке, как и в других языках агглютинативного строя, постоянное словесное ударение отсутствует, его функцию выполняет сингармонизм, организующий состав гласных слова. Существующее в башкирском языке ударение является *эмфатическим*, которое связано с экспрессивно-эмоциональным, оценочным содержанием слова [Ишбердин 1995, 149].

Ударение исторически изменчиво, в процессе развития языка один тип может сменяться другим.

Вопрос о месте ударения в тюркских языках рассмотрен в работе “Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика” (М., 1984). Авторами выделяются две концепции: первая, традиционная, считавшая, что ударение (не различая силового и тонического) всегда падает на последний слог в слове; вторая, разделявшая силовое и тоническое ударение, признает его разноместный характер [СИГТЯ 1984, 405].

Большой интерес представляет изучение природы ударения, его место и функции в тюркском языке. К сожалению, в этом направлении есть огромные трудности, связанные с отсутствием фактических данных по тюркским языкам, касающихся ударения, кроме того, не разработана историческая акцентология тюркских языков [СИГТЯ 410].

Вопрос об ударении в пратюркском языке прежде всего связан с проблемой состава слова – были ли древнетюркские слова односложными или многосложными? В современной тюркологии господствующей следует считать теорию моносиллабизма слов тюркского языка (В.В. Радлов, Э.В. Севортян, А.М. Щербак). В пользу этой теории можно привести следующие факты, которые имеют место в башкирском языке:

1. Подавляющее число существительных, бытующих в современных и древних тюркских языках, которые составляют древнейший фонд тюркской лексики, оказываются односложными: *ур, баш, кул, ай*;

2. Почти все глагольные основы – формы повелительного наклонения 2-го лица ед. числа односложны: *ал, хал, кил, кит*;

3. Имена прилагательные: *ак, кук, ал, буз*. Некоторые современные двусложные прилагательные возможно образованы от односложных: *кызыл – кызар – кызган – кызгылт, йәшел – йәшәргән – йәшкелт, хары – харгайган – харгылт, озон – озак (озат)*;

4. Имена числительные: *бер, өс, дурт, биш, ун, йөз, мең*;

5. Местоимения: *мин, һин, ул, без, һез, был, шул, кем, ни*.

Моносиллабизм предполагает место ударения только на единственном слоге. Проблема места ударения возникает тогда, когда появляются двусложные и многосложные производные слова, образованные с помощью словоизменятельных аффиксов.

Признавая моносиллабизм древнетюркских слов, следует отметить, что среди слов, бытующих во всех современных и древних тюркских языках, есть группа двусложных слов: *алтын, көмөш, тамга, тәңре, төмән*. Факт бытования этих слов во всех тюркских языках позволяет со отнести их к основной части словарного состава, и, следовательно, считать их входившими в ядро словарного состава пратюркского языка. По-видимому, в этих словах ударение приходилось в общетюркскую эпоху на первый слог, о чем свидетельствуют глухие начальные согласные [т], [к].

М.А. Черкасский в своей работе «Тюркский вокализм и сингармонизм» (М., 1965) рассматривает идею падения ударения на первый слог в пратюркском языке, так как:

1) в начальном слоге представлен весь набор огубленных гласных; только в нем различаются гласные [е] и [э];

2) качественная характеристика гласных начального слога весьма стабильна (если не считать сингармонических вариантов) и в очень небольшой степени подвержена влиянию комбинаторных условий. Случаи выпадения гласных начального слога, хотя и встречаются в тюркских языках, все же составляют скорее исключение, чем правило [Черкасский 1965, 75].

М.А. Черкасский подчеркивает, что в русском языке сильная позиция для гласных совпадает с ударным слогом, а в тюркских языках сильная позиция – это начальный слог. Ударный конечный слог в тюркских языках выполняет другую функцию – узкоделIMITATивную [Черкасский 1965, 146].

В работах профессора Дж.Г. Киекбаева проводится мысль о том, что и в башкирском языке возможно изначально ударение также падало на первый слог. В подтверждение этому он приводит следующие группы слов, в которых ударение падает на первый слог и в современном башкирском языке:

1) вопросительные местоимения: *нисә, кәсан, кайза, кайһыныһы*;

2) некоторые наречия: *йаңы, тамам, һаман, хәзер*;

3) союзы: *бәлки, ләкин, әммә*;

4) имена числительные при счете: *бәрәү, икәү, өсөү*;

5) имена существительны при перечислении: *катыны, балаһы, атаһы*;

6) глаголы повелительного наклонения: *кайтығыз, ултырығыз, ашағыз*.

Кроме этого, профессор Дж.Г. Киекбаев в качестве примера рассматривает башкирские народные сказки, в которых также можно обнаружить случаи падения ударения на первый слог, например: “*Акъял батыр һыу һоҗоп алайым ғына тигәндә...*” (Сказка “Акъял батыр”).

Многие исследователи основные причины, вызывавшие передвижение силового ударения с первого слога на последний, связывают с процессом становления агглютинативного строя общетюркского праязыка. По-видимому, сдвиг силового ударения с корня слова на аффиксы повлек за собой сдвиг ударения на конец слога и в двусложных

словах с первоначальным ударным слогом, что также имело место в общетюркскую эпоху [СИГТЯ 1984, 416, 418].

Есть и другие точки зрения. Так, татарский языковед Г.Х. Ахатов считает, что передвижение гласных в первом слоге ([ö] – [y]) послужило причиной передвижения гласных во втором слоге, что и привело к передвижению ударения со второго на последующие слоги. К сожалению, такое передвижение гласных известно лишь в башкирском и татарском языках, следовательно, сдвиг ударения на конечный слог должен был быть только в этих языках, но этот процесс наблюдается практически во всех тюркских языках. Поэтому его гипотеза не нашла поддержки [СИГТЯ 1984, 418].

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

- 1) в пратюркском языке в доагглютинативном периоде первоначально основы составляли моносиллабизмы;
- 2) в словах, состоящих из двух или более слогов, ударение падало на первый слог; как следствие этого явления можно рассматривать падение ударения на первый слог во многих грамматических формах слов современного башкирского языка;
- 3) передвижение ударения с первого на последний слог связано с процессом агглютинации.

Литература

ГСБЛЯ = Грамматика современного башкирского литературного языка / отв. Ред. Юлдашев А.А. – М.: Наука, 1981. – 495 с.

Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – М.: Наука, 2007. – 232 с.

Зиндер Л.Р. Общая фонетика. – М.: Высшая школа, 1979. – 312 с.

Ишбердин Э.Ф. Особенности словесного ударения в башкирском языке // Ядкяр. Вестник АН РБ. Гуманитарные науки. №1. – Уфа, 1995.

Кейекбаев Ж.Ф. Ғилми хезмәттәр йыйынтығы һәм һайланма әсәрҙәр. I т. Башҡорт әҙәби теленең дәрәжә әйтелеше. Башҡорт теленең фонетикаһы. – Өфө, 2012.

СИГТЯ = Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика / отв. ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 1984.

Черкасский М.А. Тюркский вокализм и сингармонизм. – М.: Наука, 1965. – 141 с.

Юлдыбаева Г.В., Өфө к.

БАШКОРТ ЭПОСТАРЫ ХӘЗЕРГЕ ЯЗМАЛА *

Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ “Урал: история, экономика, культура” в рамках научно – исследовательского проекта “Формирование и традиционная культура юго – западной этнографической группы башкир”, № 14–11–02019

Халык ижадының төп жанры һаналған эпостарҙы, сағыштырмаса тулы текстарын, уҙған быуатта уҙғарылған академик экспедициялар ваҡытында фольклорсылар күпләп яҙып алған, хатта кайһылары бер нисә вариантта һаҡланған. Әлеге көндә Башҡортостанда, йә иһә күрше өлкәләргә ойшторолған экспедиция материалдарын барлағанда, безгә ундай текстар осраманы. Меңәр юллыҡ эпос һөйләп ултырыусы әбей–бабайҙар күптән юк. Оло быуын кешеләре, ғәзәттә, эпик батырҙарҙың бары тик исемдәрен генә атап китә. Бик һирәк осраҡта кайһы бер эпостарҙың кыскаса йөкмәткеһен йә һасандыр шул төбәктә уны һөйләүҙәре тураһында кыска ғына мәғлүмәт яҙып алына. Хәзерге көндә күберәген “Кузыйкүрпәс менән Маянһылыу”, “Заятүләк менән Һыуһылыу”, “Алпамыша”, “Таһир

* Тел үзгәртеүгә һаҡланды

менән Зөһрә” кеүек эпостарзы хәтерзәренә төшөрә информанттар. “Урал батыр”, “Акбузат” тураһында борон ишеткәндәре булһа ла, текстарын язып алыу форсаты теймәне. “Элек ололар “Акъял батыр”зы, “Урал батыр”зы, “Кузыйкүрпәс менән Маянһылыу”зы һөйләй торғандар ине. Хәзер онотолоп бөткән инде. Үзебез зә балаларға һөйләгән юк. Карсәй һөйләй торғайны, свет юк, караңғы, ятабыз, шунда озон итеп һөйләй торғайны” – тип һөйләнә Күгәрсен районында информант (1).

2011 йылда Хәйбулла районында Р.Ә. Солтангәрәйеваның Ә. Усманованан “Урал батыр” эпосының вариантын язып алыуы мәғлүм булды [Султангареева 2012].

2014 йылда Рәсәй гуманитар ғилми фонды ярзамы сиктәрәндә М.М. Маннапов етәкселегендәге Тарих, тел һәм әзәбиәт институты ғалимдарынан торған комплекслы экспедиция Башкортостандың Күгәрсен районында, Ырымбур өлкәһендә эшләнә. Ике азна һузымында барған эш мәлендә тарих һәм филология ғалимдары тарафынан күп кенә мәғлүмәт тупланды. Миңә байтак кына халык ижады ынйылары менән бер рәттән, “Кузыйкүрпәс менән Маянһылыу”, “Алпамыша” эпостарының яңы варианттарын йөкмәткәһен язып алырға тура килде.

“Кузыйкүрпәс менән Маянһылыу” эпосы республиканың фольклор фондтарында кырктан ашыу язма вариантта һаклана. Был язмалар Курған, Силәбе, Ырымбур, һамар, һарытау өлкәләрендә, Баймак, Бөрйән, Ейәнсура, Йылайыр, Ишембай, Салауат, Учалы, Хәйбулла райондарында кағызға төшөрөлгән [БНТ 1987]. Был эпостың йөкмәткәһен беренсе тапкыр 1938 йылда Силәбе өлкәһе Конашак районы Таскы ауылында Ғ. Сәләм әсәһе Өммөгөлсәм Ғәлимованан язып алған [Сулейманов 2013]. Уларзан тыш, 2010 йылда эпостың сағыштырмаса тулы вариантын Хәйбулла районында фольклорсы Гөлнур Хөсәйенова язып алғайны [БХӘ 1939]. Быйыл иһә был эпос безең тарафтан Күгәрсен районы Исем ауылында Ишкилдина Шәмғиә Ғөбәйзулла кызынан (1937 й.) язып алынды (2). Информант көньяк диалекттың әйек – һакмар һөйләшәндә аралаша. “Борон әкиәттәр һөйләй инеләрме?” тигән һорауға, информант:

– «“Карһүз” тип һөйләй торғандар ине. “Кузыйкүрпәс менән Маянһылыу”зы ололарзан ишеткәйнем. Хәзер әкиәт һөйләшеү юк бит ул балаларға, – тип яуап бирзе.

– Уны нимә тип һөйләйзәр ине? – тигәс, уйланып ултырғандан һуң:

– Шул ике байзың баллары булған инде, Кузыйкүрпәс менән Маянһылыу. Маянһылыу байзың балаһы буған, ә Кузыйкүрпәс анда ялсыла йөрөгән инде, Маянһылыузарзың атаһында, элек яусы тоткандар бит инде, мал көтөргә. Шан тегеләр ғашик булғандар инде, Маянһылыу Кузыйкүрпәскә. Атаһы, байға бирәм, тип йөрөгән, был ярлы малайына ғашик булған та. Шунан быға атаһы бирмәй бит инде. Былар, ней, касып китергә уйлаған икән, һизеп калып, әйтеп, Кузыйкүрпәстән Маянһылыузы алып калғандар инде. Шан Кузыйкүрпәсте үлтерзек, тип, теге каскан вақытында, канлы күлмәкләрен апкайтып күрһәткәннәр инде. Маянһылыу сәпсим ниткән инде, өмөтөн өзгән. Шунан был үлмәгән икән, үтермәгәннәр, урманда йәшәп–йәшәп, шул Маянһылыуға берәү килеп һөйөнсөләгән инде. Шан, теге Маянһылыу ышанмаған инде. Ышанмағас, ялсыларының хатынына әйткәннәр инде, курмас курып бир, тип. Шан курмас курып биргән тә, Маянһылыузың усына һалған икән. Усын япқан да:

Һөйөнсө Маянһылыу, Кузыйкүрпәс тере, кайтып килә,

Һөйөнсө, Маян, һөйөнсө, Маян,

Итәгең осон төйөнсө, Маян,

Кузый за Күрпәс кайтып килә,

Кузый за Күрпәс кайтып килә,

– тигән инде. Шан был ышанмай, ахыры, теге кулы бешкәс, теге курмаска “ысынмы?” тип әйткәс, теге кулын асып ебәргән. Шан шул кулы бешкәнгә генә ышанған инде. Шулайтып һөйләй торғаннар ине.

– Шунан бергә булғандармы һуң улар?

– Шан бергә булғаннар, йәшәгәннәр. Кузыйкүрпәс тә һамаклаған ул, аныһын олотканмын, шул курмас һалғаны ғына иҫемдә калған инде», – тип һөйләне Шәмғиә Ғөбәйзулла кызы.

Күренеүенсә, һуңғы язмала эпостың йөкмәткеһе нык кына бозолған. Маянһылыузы атаһы Кузыйкүрпәскә бирмәс өсөн күсеп китә, ә бергәләп касырға уйлауҙары Кузыйкүрпәс һөйгәнән барып тапкас кына була. Курмаска бәйлә эпизод да шулай ук информанттың импровизацияһы. Эпостың башка варианттарында Кузыйкүрпәс әсәһенән усына курмас һалып йәрәшелгән кәләше булыуын, уның кайзальғын һорай. Шәмғиә әбей әсәрҙең һамаклау өлөшөн иһә үзенсәлекле генә итеп көйләп әйтте.

Йомғаҡлап әйткәндә, информант алдан ук иҫкәрткәнсә, эпостың бары тик һиндәйҙер өлөштәре генә безҙең көндәргәсә килеп еткән. Информантка: – Тағы һиндәй карһүзәр һөйләй торғайнылар? – тигән һорау биргәс:

– “Алпамыша” тигәндә һөйләй торғаннар ине. Аны ла шул көйләп һөйләй торғайнылар ул әбейләр.

Шул Алпамыша бик, һей, һунарсы булған инде, кош – корттарзы атып китә торған буған.

Шунан шуны, мына инде онотоп бөткәнмен, һисектер бикләп, зинданға япқаннар инде. Шан Алпамыша шул зинданда булһа ла, һей, кумыз тартып яткан инде, шул коштон кауырыһы менән кумыз тартып яткан.

Шан бер казмы барып йырлаған, һимә тип әле:

*Уйза булһа, уйза кырзың,
Һыуза булһа, һыуза кырзың,
Һин дә былай булмаһ, тинең,
Һин дә былай булдыңмы һей?
Һин дә былай булдыңмы һей?
Әзерәк кенә ята бир,
Әзерәк кенә ята бир, –*

тип аккошлар әйтеп үткән инде. Әй, хәҙер онотоп бөткәнмен инде.

– Алпамыша зинданға һисек эләккән һуң?

– Байзар бикләгән индте зинданға уны. Аккоштар шунда йырлаған инде, – тип һөйләне информант.

Башкорт халкының “Алпамыша” эпосы беренсә тапкыр 1968 йылда Башкортостандың Бөрйән районы Яңы Мәсәт ауылында М.М. Сәғитов тарафынан Өммөһаят Колдәүләтованан язып алынған. Ырымбур, һамар, һарытау өлкәләрендә, республиканың Әбйәлил, Ауырғазы, Бөрйән, Дәүләкән, Ейәнсура, Йылайыр, Краснокама, Күгәрсен райондарында егерменән ашыу вариантта билдәлә [БНТ 1987].

Шулай ук был эпос та информанттың хәтерендә бик һаҡыс һаҡланған, сюжеттың бер – ике деталә генә тура килә: зиндан һәм кош.

Язманан күренеүенсә, эпостар бына шундай хәлдә йәшәй хәҙергә көндә халык телендә. Уларзың һиндәй дәрәжәлә юкка сығыу кимәлен күрһәтеү максатында, язып алынған ике сюжетты ла һисек бар шул килеш, һөйләү үзенсәлектәрен һаҡлап биреүҙә кәрәкле, тип таптык.

Информанттар

1. Казбәков Хәсән Әхмәзулла улы, 1933 йылғы, 5 бала атаһы, урмансылык техникумын тамамлаған, Күгәрсен районы һатлык ауылы.

2. Ишкилдина Шәмғиә Ғөбәйзулла кызы, 1937 йылғы, 5 бала әсәһе, 7 класс белемле, колхозда һауынсы булып эшләгән, Күгәрсен районы Исем ауылы.

Әзәбиәт

БНТ = Башкирское народное творчество. Т.1. Эпос / Составитель М.М.Сагитов, комментарии Н.Т.Зарипова, М.М.Сагитова, А.М.Сулейманова. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1987. С. 509.

БХӘ = Башкорт халык әкиәттәре. – Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1939.

Сулейманов А.М. Сведения о версиях, вариантах башкирских кубаиров Материалы для Досье по включению башкирских кубаиров цикла «Урал –батыр» в Список шедевров нематериального наследия человечества / Составители Г.Р. Хусаинова, Г.В. Юлдыбаева, Т.Г. Мухтаров. Редакторы Ф.Г. Хисамитдинова, Ф.А. Надршина. – Уфа, 2013. С. 59.

Султангареева Р.А. Башкирское сказительское искусство (традиции, современность). – Уфа, 2012. – 296 с.

Хөсәйенова Г.Р. “Кузыйкүрпәс менән Маянһылыу” эпосы хәзерге язмала // Урал –батыр” и духовное наследие народов мира: Материалы международной научной конференции (30 ноября 2010 г.). – Уфа, 2010. С. 153 –156.

Ягафарова Г.Н., г.Уфа

КОНЦЕПТ УҢАЛ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ (на материале диалектизмов и паремий)

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН “Традиции и инновации в истории и культуре”.

В башкирской языковой картине мира выделяется ряд понятий, раскрывающих характер и особенности человека. К примеру, судя по статистическим таблицам, представленным проф. М.Х. Ахтямовым, самыми широкоупотребительными в башкирских пословицах являются слова *якшы* “хороший”, *яман* “плохой” [Әхтәмов 2008, 769]. С номинативной точки зрения в языке называнию чаще других подвергаются качества, несущие в себе отрицательную оценку [Ягафарова 2008, 110]. В данной статье мы попытаемся рассмотреть понятие *злой (человек)* как отдельный концепт, свойственный любому языку при описании внутренних характеристик человека.

Несмотря на то, что в вышеуказанной работе М.Х. Ахтямова зафиксировано лишь 7 словоупотреблений собственно слова *уғал* [Әхтәмов 2008, 73], данное понятие очень часто отражается через другие слова и выражения как в паремическом богатстве, так и в системе литературного и диалектного фонда башкирского языка. Так, наиболее близкими по своему значению являются слова *асыулы* ‘злбный, озлбленный’, *яуыз* ‘злой, зловредный, свирепый, лютый’, *яман* ‘злой’, *яһил* ‘злой, коварный’, *каты* ‘злой’, *ажарлы* ‘злой, энергичный’, *аҫтыртын* ‘скрытный, злой’, *зәһәр* ‘злой, жестокий’, *зәһәрле* ‘желчный, язвительный’, *үткер* ‘резкий’, *сая* ‘бойкий, смелый; отчаянный’, *мәкерле*, *шомбай*, *эскерле* ‘злой, коварный’, *үткер телле*, *зәһәр телле* ‘резкий, язвительный’; *хәтәр* ‘энергичный, злой’ – в литературном языке; в говорах понятие дополняется словами *ямантай*, *ансайын*, *илтабан*, *һаждә*, *ышаһыз*, *бүрес*, *каткылырак*, *бозок* ‘зловредный’, *зәһәр*, *зәһәрле*, *биреле*, *енле* ‘дурной, придурковатый’, *дыуамал* ‘злой’, *шепиә* ‘злой человек’, *салпа*, *салпы* ‘злой’, *сәсэн* ‘горячий, злой человек’, *чәчән* ‘злой человек’, *кызма таз* ‘злой’, *сәйәх* ‘злой’, *сарға* ‘визгливая женщина; злой человек’, *ажсау кеше* ‘злой человек’, *бәтлек* ‘зло, плохое’, *оздойлок* ‘зловредность’, *таш йөрәк* ‘злой’, *мөһөрманһыз*, *миһырбанһыз*, *текә*, *каты сырайлы* ‘злой’, *кара күкрәк* ‘злой’; *шомбай*, *шомбый*, *шомака*, *шомнок*, *шыкылһыз*, *эсле*, *эс қаҫталы*, *шымафый*, *өндәшмәс*, *мүкләк сыйыр*, *сәмсөз*, *һонтоймаҫ*, *һонтаймаҫ*, *аҫтыртын уғал* ‘злой человек, действующий исподтишка’ и др.

Нелишне будет указать, что большинство этих слов было впервые зафиксировано талантливым башкирским диалектологом С.Ф. Миржановой во время экспедиций по югу Башкортостана и прилегающим районам Оренбургской области – Сарыкташскому, Тюльганскому и Кувандыкскому районам. К примеру, слова *сәсэн*, *биреле*, *сарға* были записаны С.Ф. Миржановой в деревне Сунарчи Сарыкташского района Оренбургской области, синонимичные *сәйәх* // *яһил* // *уғал* – в дер. Максют Тюльганского района Оренбургской области, *кара йөрәк* // *зәһәр* // *бозок* // *яһил* – в деревне Салих Кугарчинского района, *әрәбәгәтһез* // *шыкылһыз* – в деревне Акбулат Кувандыкского

района Оренбургской области, *астыртын // шымафый // шомбый // шомбай // өндәшмәс // усал* – в деревне Имантамак Кувандыкского района Оренбургской области. Впоследствии все эти слова и выражения нашли отражение в монографии “Южный диалект башкирского языка” (М., 1979). Некоторые слова можно встретить в текстах башкирского народного творчества, записанных в той или иной местности, т.е. с учетом диалектного материала. Так, слово *сәсэн* в значении ‘злой’ встречается в 1-ом варианте эпоса «Алпамыша и Барсынхылу», записанном М. Бурангуловым в дер. Верхний Ильяс Люксембургского района Оренбургской области:

Атаһы – кызына:

Атаң Байдәүләт бирземе уға,

Әсәң Фатима бирземе уға?

Сәсэн бала, усал бабай бизәу була,

Үзең табын, үзең һайлап барзың уға [Башкорт халык ижады 1973, 65].

В лингвокультурологическом плане данный концепт *усал* представляет очень интересный материал для изучения, т.к. объединяет в единую цепь образы, взгляды башкир на человека в его отношении к другим людям.

В семантике самого слова *усал* выделяются несколько сем:

- 1) с резким характером, злой, злобный, зловерный; грубый;
- 2) лютый, хищный, кровожадный (о животных и птицах);
- 3) строгий, требовательный, грозный;
- 4) батыр, смелый, решительный;
- 5) язвительный, бойкий, резкий, едкий;
- 6) очень острый, крепкий, едкий (о напитках);
- 7) очень сильный в своем проявлении, воздействии (о природных явлениях); приносящий беды, неприятности.

Как видим, значения и репрезентанты данного понятия весьма разрознены, но все же объединяются в единый концепт, структурные элементы которого лишь дополняют друг друга. Поскольку концепт – «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов 2001, 43], попытаемся восполнить некоторые лакуны в структуре концепта *усал*.

Прежде всего, концепт включает в себя исходную форму – этимологию. Однако этимология слова *усал* не дает полной картины развития этого понятия. По Э.В. Севортяну, у древнетюркского *осал/усал* (как известно, пракрыпчакский **o* в кыпчакских языках уральской подгруппы перешел в *y* [СИГТЯ 2002, 219, 237]) зафиксировано 5 значений: 1) лентяй, ленивый; 2) небрежный, невнимательный, рассеянный, беспечный, беззаботный; 3) плохой, скверный, дурной, злой; 4) непрочный, некрепкий, неустойчивый; 5) уменьшение. При этом старейшими и центральными значениями являются ‘небрежный’, ‘нерадивый’, ‘небрежность, нерадивость’, ‘неумелый’, ‘непригодный к делу’, ‘беспечный’, ‘беззаботный’, которые зарегистрированы в самых ранних памятниках. Вместе с тем “так как в старых текстах зафиксированы не все значения встречающихся там слов, то нельзя категорически утверждать, что именно значение ‘нерадивый’ или ‘ленивый’ составляет исходный пункт для всех остальных значений, в частности, для значений ‘плохой/скверный’, ‘слабый/непрочный’, ‘злой/зло’, ‘беда’ и т.д.” [Севортян 1974, 479-480]. Поэтому вопрос об этимологии слова *усал/осал* в значении ‘злой/зло’ остается открытым. Для остальных случаев *осал/усал* выводится из глагольной формы **оса-/уса-* или **ос-/ус-* ‘уставать’ [Севортян 1974, 480].

На наш взгляд, можно предположить, что *усал* соотносится с *асы* ~ *әсе* ‘горький’, *асыу* ‘злоба’ (ср. чув. *us-* ‘открывать’ < пратюрк. **a’c-*) < *ачы* < **a:ч* *‘горечь’, *‘горький’, *‘кислотность’, *‘кислый’, *‘едкость’, *‘едкий’ и глагольным корнем *‘ач-’ *‘быть/становиться горьким, кислым, едким, жгучим’ [Севортян 1974, 92]. Сюда же примыкает корень *ус* < *ө:ч* ‘месть, мщение; вражда; ненависть; зло’, где важно

производное от него *ө.ча* ‘враждовать, ненавидеть’ [Севортян 1974, 559]. Если принять такую трактовку, можно объяснить развитие всех выявленных нами значений слова *усал*, функционирующих в башкирском языке: как прямых, так и переносных. В частности, развитие значения ‘язвительный, едкий, резкий на язык’, по нашему мнению, связано с переносным значением слова *асы* ~ *әсе* ‘горький, кислый’.

Практически каждая сема (за исключением 6 и 7-го значений, представленных выше) находит свое выражение и подтверждение в паремическом и диалектном фондах языка. Пословицы резко осуждают злобу, злобный нрав женщин: *Катын якшы булһа – казна, усал булһа – каза. Усал катынга тарыма, тарыһаң арыма. Усал катындан аждаһа курккан.* В последнем примере в текст образ аждахи вводится неслучайно. В языковой картине мира башкир аждаха – злой дух, дракон, мифический персонаж, наводящий страх и ужас на людей своим внешним видом, так и коварством, несомненно плохими деяниями. Сравнение женщины с аждахой в тексте пословицы утрирует злобность или отрицательные качества злобной женщины, равно как и сравнение с мифическими персонажами, которые встречаются в вариантах данной пословицы: *Яуыз катындан шайтан каскан. Яман катындан дейеү бәреһе лә каскан. Шайтан – чөрт, нечистая сила; дейеү бәреһе – див, демон, т.е. злоба, злость – черты, присущие представителям потустороннего мира, нечистым силам, демоническим персонажам, духам* (ср.: в чувашском языке злых духов обобщенно называют *усал, осал* ‘злой’ [Фетодов 1996, 292]).

У мужчин *усаллык* ‘злоба, злость’ или ‘строгость, требовательность’ приветствуется в умеренных количествах: *Бағалкы булһаң, бағырзар, усал булһаң, ағырзар, уртаса усал булһаң, ил ағаһы яһарзар.* Здесь также подчеркнуто то, что злость может привести к самым серьезным последствиям: *Усал усаллык итер – усаллығы башына етер.*

Злоба, злость – черта, которая проявляется в отношении к другим людям. По пословицам, сильнее злобы оказываются родственные чувства: *Усаллык еңмәс, туғанлык еңер* либо прямолинейность, правдивость: *Усаллык еңмәс, туралык еңер.* Злость – явление, которое может распространяться и по наследству: *Усалдан усал тыуа, тора-тора донъя тула.*

Человека злого пословица ставит в один ряд с глупым и скупым, связующим звеном при этом выступает отрицательное свойство. Поэтому формула и синтаксическое оформление пословиц одинаковы: *Усал катынга тарыма, тарыһаң, арыма. Тилеғә тарыма, тарыһаң, арыма. Һаранға тарыма, тарыһаң, арыма. Усал менән табышма, табышһаң, алышма.*

Понятие ‘злой’ всегда сопровождается понятием ‘коварный’. В башкирском языке мы это видим на примере сочетания *ақтыртын усал* ‘злой человек, тихоня, действующий исподтишка, коварный’, в диалектных синонимах *шымафый, шомбый, шомбай, шомака, шомнок, өндәшмәс, тойпо, эсле, қаста, эс қасталы, эсқаста, мүкләк сыйыр, сөмсөз, һонтоймас.* Первые семь слов из этого ряда объединены мотивом ‘тихий, тихоня, скрытный’. *Қаста, эс қасталы, эсқаста* подразумевают ‘скрытую злобу’ (от араб. *قاصد* ‘скрытая злоба’ [Экба 2004, 87]). Более того, если в башкирских говорах *қаста* передает понятие ‘короткий, низкорослый (о человеке)’ [Башкорт теленең академик һүзлеге 2013, 330], то в инзерском говоре южного диалекта *қаста* обозначает ‘низкорослого, вредного человека, вредину’, вся злоба которого скапливается у него в животе: *қаста кешенең эсе тулы хаслык була* [Башкорт һөйләштәренең һүзлеге 1970, 138]. *Эсле, эс қасталы, эсқаста* указывают на то, что злоба у злых людей накапливается в животе, что подчеркивается в пословице: *Берәү бар – һүззе күңеленә йыя, берәү бар – һүззе қарынына йыя.* Развитие значений фразеологизированного *мүкләк сыйыр* происходило, видимо, по направлению ‘безрогая корова’ – ‘неуживчивый человек’ – ‘злой человек’. Пословица же помогает раскрыть мотивацию самого слова *ақтыртын*: *Усал кеше астан қиғә, өстән ямай. Ақтыртын кеше астан қырка. Ақтыртын эт өрмәй теһләй. Ақтыртын астан қиғә,*

өстән ялгай, т.е. действия коварного человека не на поверхности, он, преисполненный злобы, действует исподтишка.

В пословицах *Күзе усалдан кырга кас; Каты күзән тал һына, йомшак һүзән таш һына* отражается вера в силу взгляда, глаз, в сглаз, т.к. в традиционной культуре башкир предполагалось, что глаза имеют стрелы [Багаутдинова-Ягафарова 2001, 93]; у человека злобного они очень опасны – настолько, что необходимо от них убежать прочь.

В языковой картине мира считается, что злость, злобный характер выражается даже внешне: *Усалдың түбә сәсе үрә торор. Ирәне йока кеше усал булыр*. Мы полагаем, что первая ассоциация связана с тем, что человек злой чаще всего бывает очень упрямым: существует представление, что если у человека упрямые (жесткие) волосы, то он и сам кажется упрямым. Вторая пословица, скорее всего, могла возникнуть потому, что у некоторых людей в случае раздражения, которое они пытаются скрыть, есть привычка поджимать губы. Губы становятся тонкими, значит, человек злится.

В эпическом народном творчестве башкир понятие *усал* чаще всего встречается в сочетаниях *усал януар, усал йырткыс, усал юлбарыс, усал арыслан, усал үгез, усал айыу*, которые функционируют как сравнения. В пословицах значение ‘лютый, кровожадный’ используется применительно к собаке: *Усал эт тешәнән языр, хәйләкәр төлкө койрогон өззөрөр* вкупе с пословицами *Астыртын эт өрмәй тешләй, Эт яманы өрмәй тешләр* и *Өргән эт тешләмәй, астыртын эттән һаклан* свидетельствует о том, что следует остерегаться злых собак (метафорично – людей: *Яман егет – яман эт; Яман катын яман эт менән бер*), а также предупреждает, что злобный человек может лишиться самого главного своего оружия – зубов. Связь понятия *усал* с зубами выражается в фразеологизме *тешле кеше* ‘злой человек’, в диалектном глаголе *тешегеу* ‘сердиться, злиться’.

Среди остальных сем прилагательного *усал* выделяется сема ‘язвительный, бойкий, резкий, едкий’, которая, на наш взгляд, соотносится со значением ‘едкий’ прилагательного *асы* < *ачы*: *үткер* ‘резкий’, *үткер телле, зәһәр, зәһәрле, зәһәр телле* ‘резкий, язвительный’: *Яман катындың бысагы үтмәс, теле – үткер. Яман катындың теле әсе, ябага тайзың тире әсе. Теле катының күңеле каты*. Производное *усаллашыу* в южном диалекте обозначает ‘пререкаться’ [Башкорт һөйләштәренән һүзлеге II 1970, 277] (ср. чув. *усалла*- ‘ругать’ [Федотов 1996, 290]). Язвительность, кислотность, едкость от слов злобного человека воспринимается как яд: *Йыландың тышы йомшак, әсе зәһәр. Балы телендә, азыуы күңелендә*. Отсюда и сочетания *зәһәрле, зәһәр телле*. Здесь же следует рассмотреть диалектное *сарға* ‘визгливая женщина; злой человек’ (*Яман кәзә тартышкак, яман әзәм орошкак*).

Таким образом, в данной статье мы попытались подробнее рассмотреть концепт *усал*, представленный в диалектной и паремической системе башкирского языка. За пределами нашего внимания остались фразеологическое богатство, метафорические переносы, мифонимы, также раскрывающие качества человека [об этом см. Ягафарова 2014]. Концепт *усал*, давая человеку нравственно-моральную оценку, характеризует его чаще всего с отрицательной стороны. Как показал анализ, в башкирской языковой картине мира человека описывается злым, если он: злой, как хищник; злой, резкий, невоздержанный на язык; со злым умыслом, намерениями; злой по натуре, что может сказываться даже во внешних характеристиках человека. Но все же в определенном окружении, в определенном контексте *усал* указывает на такие положительные качества человека, как смелость, решительность, бойкость, бесстрашие; строгость, требовательность, что, бесспорно, вызывает уважение, заставляет остальных подчиняться волевым качествам такой личности. Виду вышесказанного неоднозначный концепт *усал* был выбран нами для изучения. Действительно, как мы видели, он содержит в себе очень интересный материал для лингвокультурологического, лингвофольклористического исследования. Его анализ, как и анализ всякого другого концепта, помогает выявить сжатую до основных признаков содержания историю развития понятия, современные ассоциации, оценки, связанные с ним, что существенно помогает раскрытию ментальных особенностей народного мировоззрения.

Литература

Багаутдинова-Ягафарова Г.Н. Традиционные обычаи, обряды и поверья башкир, связанные с предметами вооружения // Ватандаш. – 2001. – №4. С. 96-102.

Башкорт теленең академик һүзлеге: 10 томда. Т. V: (К хәрефе) / Ф.Ф. Хисамитдинова ред. – Өфө: Китап, 2013. – 888 бит.

Башкорт халык ижады. Эпос. 2-се китап / Төзөүсе, баш һүз язуысы, аңлатмалар биреүсе М.М. Сәғитов; яуаплы редакторы Ә.И. Харисов. – Өфө, 1973.

Башкорт һөйләштәренең һүзлеге (ике томда). II т. Көнъяк диалект / ред. Н.Х. Мәксүтова. – Өфө, 1970. – 328 бит.

Блумфилд Л. Язык. – М., 1968. – 606 с.

Гарипов Т.М. Башкирские этимоны // Вестник ВЭГУ. № 17/18. – Уфа: Восточный университет, 2003. С. 11-16.

Гарипов Т.М. Историко-этимологический словарь башкирского языка. – Первый выпуск. Корнеслова с гласными инициалами. – Уфа: Издательство БГПУ, 2007. – 140 с.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные). – М.: Наука, 1974. – 768 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков (СИГТЯ). Региональные реконструкции / Отв.ред. Э.Р.Тенишев. – М.: Наука, 2001. – 767 с.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академический проект, 2001. – 590 с.

Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х тт. Т. II. С-Я. – Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. – 509 с.

Экба З.Н. Башкирско-русский словарь слов арабского и персидского происхождения. – Уфа: Китап, 2004. – 208 с.

Әхтәмов М.Х. Башкорт халык мәкәлдәре һәм әйтемдәре һүзлеге. – Өфө: “Китап” нәшриәте, 2008. – 776 бит.

Ягафарова Г.Н. Исследование тематических групп башкирской лексики (ономасиологический подход). – Уфа: ООО “Деловая династия”, 2008. – 128 с.

Ягафарова Г.Н. Концепт «злой» в башкирской языковой картине мира // Юсуповские чтения-2014: Сб. статей II Международной научной конференции. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014.

Яковлева Е.А., г. Уфа

МНОГОАСПЕКТНОСТЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ГРАДОВЕДЕНИЯ

(на примере исследования языковых кодов города Уфы)

Город с обозримых времен считается местом концентрации Истории, Языка и Культуры. Важнейшая особенность города – это интеграция разнообразных видов жизнедеятельности в единую саморазвивающуюся систему с собственными механизмами поддержания устойчивости и порядка. Многоаспектность научной литературы о городе (экология, экономика, повседневная жизнь, макросоциальные процессы, городская речь и пр.) – первая характерная черта современного градоведения.

В этом плане изучение Уфы, города сложного по расположению и структуре, среде обитания и поликультурной коммуникации, усиливает научную необходимость в формировании такой дисциплины, как градоведение (урбология), в том числе лингвистическое градоведение. Подобная дисциплина, имеющая объект и предмет исследования, ставит языковые коды города, способы речевой коммуникации его жителей и саму языковую личность горожанина в центр своих изысканий. Именно Город, в силу своей сущности, «вынуждает» заниматься самыми разными вопросами и интегрировать многообразные знания в некоторую единую концепцию.

Оформление лингвистического градоведения как особой дисциплины, на наш взгляд, уже произошло, поскольку является научно перспективным. Эта наука позволяет расширить парадигму лингвокультурных исследований в трех направлениях. Во-первых, изучать город как текст (урботекст / дискурс); обследовать город как социокультурное пространство (семиотика города); проанализировать, как происходило формирование «образа» города. Во-вторых, разработать коммуникативную модель «*город – урботекст – коллективная личность горожанина*», позволяющую производить анализ языкового материала в лингвопрагматическом режиме. Наконец, в-третьих, задействовать лингвокультурный аспект изучения городского текста и репрезентирующих его языковых единиц. Все это разрешает поставить в центр научных штудий: а) вариативные формы русского языка, функционирующего в полиэтничном городе; б) ономастическое пространство Уфы, имеющее характерные отличительные признаки; в) городской фольклор, мифотворчество, получившие неожиданное развитие на «полях» Интернета; г) языковую картину города, складывающуюся в коллективном сознании горожан и напрямую связанную с историей, культурой, наукой, знаменитыми жителями и пр. Таким образом, город как материализованно-вещественный объект, как территория, текст, как социокультурное пространство и как образ являет собой феномен духовной жизни человека: он концентрирует в себе ценности, идеалы различных социумов на всех этапах материальной и социокультурной деятельности. Выражение этих ценностей и идеалов носит семиотический характер, отражено в языке и является предметом исследования лингвистического градоведения.

I. Изучая город как территорию, имеют в виду, прежде всего, его общее устройство, архитектонику, объединяющую градостроительную сферу (здания, памятники), инфраструктуру, а также предметно-вещественную зону (символику, сакральные «локусы», транспорт, внешнюю рекламу и проч.). Перечисленные сферы играют существенную роль в жизни города, оказывая влияние на внутренний мир и модели поведения городского населения, поскольку «опредмеченное пространство» напрямую связано с существованием качественно разнородных городских жизненных сред и культурных ареалов. Кроме того, на конкретную городскую территорию накладывает отпечаток концентрированное местонахождение определенных социальных групп и субкультур.

К различным видам урбанонимов относят годонимы, эргонимы, прагматонимы, гемеронимы [Подольская 1978, 50, 113, 166] и прочие онимы, изучение которых привнесло весомые результаты в копилку лингвистического градоведения. Так, за последнее время в Уфе защищено около 10 диссертаций, связанных с изучением языка города.

Город как территория (урботекст) представлен в наших исследованиях в плане изучения годонимов (официальных и разговорных названий улиц и площадей), эргонимов, прагматонимов и гемеронимов. Например, языковой портрет городских улиц Уфы насчитывают более 1000 самых разнообразных годонимов, связанных с историей города, его статусом, географическим расположением и т.п. [Яковлева 1996, 52-61].

Проведенный анализ эргонимов Уфы, способствовал выявлению названий, подчеркивающих полиэтничность города (например, магазины *Алёнка*, *Катюша*, парикмахерская *У Надежды*, киоск *Захарыч*, фирма *Елизарьев*; минимаркет *Айгуль*, компания *Исмагил*, турфирма *Рашида-тур* и пр.) [Емельянова 2007].

Анализ гемеронимов (газетонимов) проводился с целью исследования онимов в семантическом, словообразовательном, лингвокультурном и риторическом аспектах. Теоретическая значимость исследования заключалась в выделении и привлечении к ономастическому изучению особого разряда собственных имен, еще недостаточно исследованных учеными. Выводы, полученные в результате анализа языкового материала, позволяют углубить сведения в области лексико-семантического и прагматического изучения ономастических единиц, расширить границы общей теории имени собственного [Смышляева, Яковлева 2010, 360-363].

Важные в научном отношении результаты были получены и при описании прагматонимов, или названий продуктов, как периферийных разрядов ономастического пространства. Изучение этих единиц велось в аспекте семантической классификации и лингвокультурологических составляющих. Были выявлены принципы создания прагматонимов, разработана их классификация, отмечена лингвокультурная специфика прагматонимов и региональный компонент номинаций пищевых продуктов. Так, весьма интересной в плане изучения прагматонимов стала «мужская витрина», то есть названия, связанные с алкогольными напитками. Анализ показал, что алконимы, если учитывать и продукцию иностранных производителей, приобщает горожан к миру различных национальных культур, отражая историю, быт, менталитет и традиции разных народов [Файзуллина 2009].

II. Изучение города как социокультурного пространства связано с анализом речевого поведения уфимцев. Здесь тщательной разработке были подвергнуты следующие темы: «Уличные объявления Уфы как речевой жанр», «Бизнес-клипы Интернет-коммуникации», «Транспортный дискурс», «Коллективный говорящий многонационального города», «Городской фольклор» и др.

Коммуникативная модель «ГОРОД – УРБОТЕКСТ – КОЛЛЕКТИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ ГОРОЖАНИНА», задействованная в исследовании, позволила произвести многоаспектный анализ языкового материала.

Так, изучение уличных объявлений Уфы плавно перетекло к исследованию интернет-контекста подобного вида сообщений горожан. К примеру, интернет-объявления, представляющие собой феномен неофициальной бизнес-коммуникации, возникают на основе живых деятельностных практик и аккумулируют различные социолекты, воссоздающие в письменной форме преобладающие модели деловых и личностных «диалогов» горожан. К примеру, тексты интернет-объявлений, рассчитанные на оперативное и однозначное понимание, включают ключевые слова с большой ассоциативной силой (*красота, здоровье, спорт, работа, знакомство, деньги, жилье, купля, продажа, хобби* и т.п.), что обуславливает формирование единого образа типизированной ситуации и позволяет максимально быстро извлечь из текста заданный смысл. Образы, сопоставляясь, взаимодействуя, отражают языковое сознание данного этнокультурного сообщества, при этом набор ключевых слов вариативен. Он определен рядом обстоятельств: частотностью употребления, интуитивно ощущаемой носителями языка; маркированным положением в текстовом пространстве; изменением или расширением сочетаемостных возможностей слова [Исламова 2009; Яковлева 2012].

Весьма плодотворным стало и обращение к городскому фольклору. Для усиления репрезентативности полевого материала в работах были использованы тексты различных записей (в т.ч. в Интернете, так называемый Сетевой фольклор: наивная литература, наивная поэзия и др.) и устные рассказы жителей, а также граффити, рекламные вывески и пр., зафиксированные в публичных пространствах Уфы. К примеру, фольклор городской молодежи обладает специфической направленностью, связанной с выполнением различных функций: психологической, развлекательной, дидактической, фатической, информативной, социальной, магической, эстетической и аксиологической. Так, оценка в фольклорном дискурсе городских топосов (учебных заведений, развлекательных комплексов, памятников, городских микрорайонов, улиц, зданий и пр.) обладает определенным смыслогенерирующим и смыслотранслирующим статусом, способствующим освоению городского пространства с учетом положительного или отрицательного отношения к нему («топофилия» и «топофобия»). Специфически новой формой Сетевого фольклора можно считать, к примеру, так называемую фотожабу как результат цифровой обработки в графическом редакторе некоего изображения с целью сделать его более смешным (название отсылает к популярному редактору *Adobe Photoshop*). Как правило, на форуме один из участников размещает оригинальное изображение и предлагает всем желающим его *зажабить*, после чего заинтересованными

пользователями размещается некоторое количество *фотожаб*, смешных «переделок» исходной картинка.

Анализ транспортного дискурса позволил дать многоаспектный анализ речевых стратегий и тактик коммуникантов транспортного диалога и способов их реализации. Транспортное объявление рассматривалось при этом как особый речевой жанр и как специфический образец современного городского фольклора, связанного с самим фактом существования горожанина – перманентного пассажира, его страхами и надеждами, способами выживания, попытками найти «эмоциональную отдушину» в жесткой реальности: «*Уважаемые пассажиры, сначала оплатите проезд, а потом вся ваша жизнь пролетит перед глазами*»; «*Пять минут страха, и вы уже дома, стоимость аттракциона – 15 рублей*»; «*Пассажиры не дрова, но и дорога – не взлетная полоса*». Квинтэссенцией универсальной метафоры «жизнь – дорога» служит стихотворение: «*Семья похожа на машину, / – сказал шофер. В них суть одна: / есть двигатель любви – мужчина, / но есть еще и руль – жена. / Ну что за путь любви, который / идет и вкривь и вкось юля. / Руль бесполезен без мотора, / мотор глупеет без руля*».

Среди речевых жанров транспортных объявлений были выделены следующие: лозунг (*Фабрики – рабочим, деньги – водителю!*); шутка (*Книга жалоб в следующем такси; Не говори водителю, как ехать, и тогда он не скажет, куда тебе идти!*); просьба (*Не стой над душой!*); извинение (*Не я тому виной, что бензин дорогой*); совет (*Хочешь выйти – кричи громче*); приказ (*Проехал – заплати!*); нравоучение и инструкция (*Если ты не уступишь место старушке, то это сделаю я; Остановок «здесь» и «туда» нет!*); угроза (*Береги зубы – торможу резко; Хлопнешь дверью – станешь льготником!*) и проч.

Можно отметить, что с развитием городского транспорта и уменьшением количества частных «веселых маршруток», транспортные объявления такого рода практически исчезли.

Исследование коллективной личности горожанина позволило определить его как собирательный образ уфимца, образ, формируемый путем интеграции городских типажей в некое единое обобщенное коммуниканта, говорящего на едином «урбоязыке», обладающего общими знаниями (пресуппозицией) и более или менее сходной реакцией на происходящие в городе события. В аспекте риторики – это единая «ментальная» сфера, куда можно отнести исходные «мировоззренческие концепты»: представления о географическом положении и природном ландшафте, о топографии города, его истории и обычаях, мифах и образах, фольклоре, что составляет своего рода фундамент, на котором позже горожанин воздвигнет индивидуальное строение своих знаний и представлений, не забывая включить сюда и гипотезы относительно систем других участников речевого акта.

Смоделировать наиболее характерные речевые ситуации, осуществляемые между городом, с одной стороны, и «коллективным горожанином» – с другой, в этом своеобразном диалоге, позволяют результаты тестирований горожан, а также полевые записи устных и письменных, канонизированных и неканонизированных текстов, которые включают бытовые диалоги, актуальные номинации, различного характера надписи, призывы, лозунги, приглашения, объявления, рекламные слоганы, плакаты и проч. [Сергеева, Хисамова, Шаймиев, Яковлева 2007, 177-239].

Особый интерес представляет при этом анализ так называемой «макаронической» речи уфимцев, что подразумевает использование в русских речевых жанрах тюркизмов, выполняющих несколько функций: 1) тюркизм является заимствованным словом «другого», способствующим установлению контакта с собеседником-билингвом; 2) усиливает эффективность коммуникативного акта; 3) расширяет стилистическую палитру русской речи уфимца; 4) свидетельствует о наличии варианта русского языка в полиэтнической сфере (типа *Vernacular Russian*). Использование тюркизмов русскоязычными уфимцами усиливает фатическую направленность речевого высказывания, наглядно демонстрируя стратегию говорящего: с помощью слова-пароля стать «своим». Такая стратегия, к примеру, усиливает (при обращении к тюркоязычному

коммуниканту) и снижает (при обращении к русскоязычному коммуниканту) иллюкутивную силу приказа *Кит! Китале отсюда! (Уходи! Убирайся!)*.

В этом плане можно особо выделить речевой жанр шутки, который связан с макаронизмами, типа *автоген-башка* (Змей Горыныч), *гуталин-малай* (негр), *колотун-бабай* (дед Мороз), *кошмар-ана* (баба-яга), *ишак-матрас* (зебра), *дурилаг-башка* (дурак); стихами: *Мин син яратам (я тебя люблю), приходи к воротам*. Сюда же можно отнести местные анекдоты: *«Встречаются два друга – мусульманин и православный на Пасху. Православный: «Махмут, Христос воскрес!».* Мусульманин: *«Вай, молодец!»*; выражение *«Будем есть по очереди»*, когда за Рамазаном последовал Пост. Исследование показало, что в русских речевых жанрах коллективный горожанин использует тюркизмы преднамеренно, с определенными задачами и на основе конвенциональности, «взаимодоговоренности», т.е. с ориентацией на собеседника.

III. Инновационным для филологической науки (поскольку при этом используют понятия и термины психологии и литературоведения) является также понимание города как некоего «образа» [Яковлева 2011, 771-774]. *«Париж – не город, – пишет Н. Берберова, – Париж – образ, знак, символ Франции, ее сегодня и ее вчера, образ ее истории, ее географии и ее скрытой сути»* [Берберова 1996, 262-263].

«Образ города» напрямую связан с его восприятием, под которым понимается целостное и комплексное отражение предметов, ситуаций и событий, возникающее при соприкосновении с ними личности и обусловленное рядом индивидуально-психологических особенностей (памятью, характером, мотивацией и др.), а также социально детерминированной целью. На формирование «образа города» оказывают влияние целый ряд факторов. Психологи выделили и исследовали три из них: сенсорные особенности среды, особенности диспозиционной структуры познающего субъекта (установки личности) и архетипы сознания. Человек выступает в этом случае как активная, творческая личность, которая воспринимает мир в виде целостной и определенной картины мира (*здесь: города*), в которой чувственные и рациональные компоненты находятся в единой системе.

Основополагающую роль в процессе восприятия и формирования «образа города» играет слово, знак, символ. Это проявляется, в частности, в том, что с давних пор, да и сейчас, люди наделяли города не только собственными именами, но и индивидуальными характеристиками: *Киев – мать городов русских, вольный Новгород, Москва златоглавая, Одесса – мама, Ростов – папа, Пермь – информационный канал в космос*.

Устоявшиеся выражения и подобные высказывания заставляют урбанистов задуматься также и о нерешенной проблеме типологии городов на основе социо-демографической, психологической, культурно-исторической и иных характеристик, поскольку именно с ними напрямую связаны понятия *«большой», «маленький», «столичный», «провинциальный», «уездный», «студенческий», «рабочий», «сибирский», «уральский», «приморский», «родной», «чужой», «старый», «молодой», «русский», «многонациональный»* город, *«город-герой», «город-спутник», «наукоград»*.

«Образ города», по мнению ученых, выполняет специфические функции в жизни горожан. Среди главных можно назвать мировоззренческую (так называемый городской патриотизм: осознание себя, к примеру, «коренным уфимцем», чувство гордости за великих земляков: *«Нестеров нам музей подарил», «Нуриев – это наш, и Шевчук наш тоже, и Земфира», «Спиваков и Маканин родились у нас, в Уфе»*). Эта функция способствует появлению различных сообществ и землячеств за пределами родного города. Характерное «локальное» мировоззрение поддерживается тем, что человек смотрит на мир через призму групповых норм и интересов, что П. Бергер и Т. Лукман назвали социальным конструированием реальности. Хотя конструирование образов – это в то же время и личностный процесс. Сюда также относятся социализационная функция, способствующая усвоению социальных норм поведения, характерных для горожанина, информированию жителей о различных социальных группах (профессиональных,

локальных, возрастных, национальный и проч.), о субкультурах (студенческих, молодежных), к которым житель города может примкнуть. Социализационная функция во многом обусловлена территориальным делением города: не секрет, что различные городские районы отличаются территориально-ландшафтными, экономическими и, в конечном счете, статусными характеристиками. Подобные «локусы» состоят, по мнению урбанистов, из *смысловых точек*. Смыслы становятся точками жизненного пространства, а применительно к городу – точкой отсчета городского пространства. Эти осмысленные «зоны» выстраивают некий порядок, задают *шкалу мест* (возложить цветы к памятнику Салавата Юлаева, к Монументу Дружбы, к Вечному огню и т. д.). Люди насыщают точки своими символами: храмами, властью, работой, отдыхом, торговлей, жильем. Постепенно смысловые точки среды обрастают плотным телом разнообразной застройки и деятельности, вокруг них складывается жизнь города. Они являются основой *осмысленной неравномерности городского пространства*.

Зачастую этот аспект напрямую воздействует на личность горожанина, его характер, уровень развития, ценностные ориентиры. Примером этому могут служить социально-оценочные названия различных районов (дворов и проч.), сложившиеся в Уфимском сленге: Например, в Уфе сформировался сниженный образ спального района Сипайлово. Это, в частности, проявилось в его неофициальных (социальных) номинациях: «Есть еще один микрорайон Уфы, который имеет достаточно много “кличек” – это Сипайлово: “Сипуха”, “Сипа”, “Сипа-сити”, “Пустыня”, “Уфимская Сахара”, “Каменные джунгли” и др.» [Вахитов 2008; Исмагилова 2007].

Образ города – с позиции филологической урбанистики – также играет магическую роль, с которой, на наш взгляд, связаны выражения, типа «*Карфаген должен быть разрушен*», «*Москва – третий Рим*», «*Увидеть Париж – и умереть*», «*Томск – умный город*», «*Уфа – толерантный город*» и др.

Сегодня Уфа – многонациональная столица Башкортостана с широкими проспектами и площадями, монументами, построенными и строящимися мечетями и соборами, памятниками, спортивными аренами, торгово-развлекательными комплексами, которая готовится к мировым форумам в рамках политической и спортивной жизни.

Таким образом, город по своей природе – генератор социального, культурного и лингвистического многообразия: он, являясь инновационным полем общества, самоусложняющейся и повышающей уровень собственной организации системой, городское пространство постоянно рождает новые смыслы. Все формы деятельности человека в городе читаются как тексты и оказываются элементом городского диалога, включенного в различные виды общения – семейного, бытового, производственного, социального, правового; общения индивидов, групп. То есть, политика, флирт, любовное признание, семейная или светская беседа, искусство, архитектура, публицистика, наука, городской фольклор – все это и многое другое – формы перманентной коммуникации, которая организует внутреннюю жизнь человека, образуя значимую оппозицию Я – Другой. В силу указанных причин существуют объективные онтологические и гносеологические потребности для становления современного многоаспектного лингвистического градоведения. Такая наука, взятая в ее лингвокультурном смысле, может помочь горожанам сохранить и даже обогатить «образ города» – его «душу», усилить эмоциональный аспект городской жизни уфимцев, столь важный сейчас и столь необходимый в будущем.

Литература

- Берберова Н.Н. Курсив мой: Автобиография. – М.: Согласие, 1996. – 776 с.
Вахитов С.В. Словарь уфимского сленга начала XXI века. – Уфа: Вагант, 2008. – 154 с.

Емельянова А.М. Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтничного города (на примере названий деловых, коммерческих, культурных, спортивных объектов г. Уфы). АКД. – Уфа, 2007. – 24 с.

Исламова И.Ф. Уличное объявление как речевой жанр: на примере уличных объявлений города Уфы. АКД. – Уфа, 2009. – 24 с.

Исмагилова Н.З. Язык города Уфы: функционирование различных языковых подсистем и билингвизма. АКД. – Уфа, 2007. – 24 с.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. - М.: Наука, 1978. - 200 с.

Сергеева Л.А., Хисамова Г.Г., Шаймиев В.А., Яковлева Е.А. Антропосфера дискурса. - Уфа: Гилем, 2007. – 252 с.

Смышляева К., В Яковлева Е.А., Названия газет и журналов Республики Башкортостан: психолингвистический аспект анализа // Ономастика Поволжья: Материалы XII Международной научной конференции (Казань, 14–16 сентября 2010 г.) / Под ред. И.А. Гилязова. – Казань: Отечество, 2010. – 444 с.

Файзуллина И.И. Ономастическое поле прагматонимов современного русского языка (на примере Уфы). АКД. – Уфа, 2009. – 24 с.

Яковлева Е.А. Урбонимика Уфы: лингво-культурно-семиотический аспект. // Вестник ВЭГУ. N 3: Педагогика. – Уфа: Восточный университет, 1996.

Яковлева Е.А. Лингвистика на службе у города // Дни русской словесности в Башкортостане. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. – 213 с.

Яковлева Е.А. Филологическая урбанология: новые аспекты изучения города: Язык, литература, культура на рубеже XX-XXI веков. Международная научная конференция к 95-летию профессора Бориса Николаевича Головина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011, № 6, ч. 2, т. II.

Яковлева Е.А. Бизнес-коммуникация Уфы как отражение языкового сознания современного горожанина (на примере уличных объявлений) // Коммуникативистика в современном мире: эффективность и оптимизация речевого взаимодействия в социуме / под ред. Н.В. Панченко, Т.В. Чернышовой, А.А. Чувакина. – Барнаул: Изд. Алт. Ун-та, 2012. – 327 с.

III. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИКЛАДНОЙ И КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ

*Блокланд Р., г. Уппсала (Швеция), Рийслер М., г. Фрайбург (Германия),
Партанен Н., г. Фрайбург (Германия), Федина М., г. Сыктывкар (Россия),
Чемьшев А., г. Сыктывкар (Россия)*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ КОРПУСОВ И КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРОГРАММ В ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Традиционно в описательных диалектологических исследованиях применяются метод монографического анализа диалекта в целом или диалектного явления и метод лингвистической географии. Но в последнее десятилетие в российских лингвистических исследованиях в целом и диалектологических в частности активно начинают использовать корпусные и компьютерные технологии. «Использование электронных лингвистических баз данных не только значительно ускоряет и оптимизирует трудоёмкий процесс сбора и обработки языкового материала, но и ведёт к смене научной парадигмы в лингвистике» [Кузнецова 2011, 96]. Активно начинает развиваться даже особый раздел диалектной лексикографии — компьютерная лексикография. «История диалектной компьютерной лексикографии насчитывает немногим более двух десятилетий и демонстрирует впечатляющую динамику научных знаний и методов их анализа в современном постиндустриальном и информационном обществе» [Загоровская 2012, 10]. В зарубежной лингвистике корпусные и компьютерные технологии начали применяться намного раньше. Первым большим компьютерным корпусом считается Брауновский корпус (Brown Corpus), который был создан в 1960-е годы в Университете Брауна и содержал 500 фрагментов текстов по 2 тысячи слов в каждом, которые были опубликованы на английском языке в США в 1961 году.

Использование цифровых корпусов и компьютерных технологий, несомненно, предоставляет колоссальные возможности для исследователей: с одной стороны, современные компьютерные технологии многократно упрощают и ускоряют процедуры лингвистической обработки больших массивов текстов, и с другой стороны, позволяют максимально точно и многогранно (в комплексе аудио-, видео- и текстовой форм) фиксировать, обрабатывать и сохранять собранный материал.

Исследовательская группа в составе Рохира Блокланда (Университет г. Уппсала, Швеция), Михаэля Рийслера (Университет г. Фрайбург, Германия), аспиранта Нико Партанена (Университет г. Хельсинки, Финляндия - Университет г. Фрайбург, Германия), Марины Фединой (Коми республиканская академия государственной службы и управления, Сыктывкар, Республика Коми, Россия) и студента Василия Чупрова (Сыктывкарский государственный университет, Республика Коми, Россия) в 2014 году начала реализовывать проект «Коми-ижемцы: Создание аннотированного электронного корпуса для дальнейших исследований по коми языковым сообществам российского Крайнего Севера». Основной целью проекта является социолингвистическое исследование всех территорий проживания ижемцев, сравнительное исследование локальных говоров ижемского диалекта, создание электронного архива аннотированных записей (видео, аудио, расшифрованные тексты на коми, в переводе на русский и английский языки). После завершения электронного архива предполагается создать сравнительный словарь кольского, ямальского и западно-сибирского наречия ижемского диалекта. Вторая цель проекта заключается в проведении нескольких отцентрированных этно- и социолингвистических исследований ижемской диаспоры.

Пилотный проект по ижемскому диалекту на Кольском полуострове был проведен в 2009 году, в результате которого созданный небольшой мультимедийный архив доступен с DoBeS [Blokland, R., Kaneva, I., Karvovskaya, E., Kuznecova, V. & Rießler, M. 2009–2010; Blokland, R. & Rießler, M. 2011].

Результатом проекта должен стать корпус устной речи ижемского диалекта. При этом материал корпуса складывается из двух источников: 1. новые записи, сделанные самими в полевых условиях, экспедициях, 2. старые материалы по ижемскому диалекту, записанные учеными на старые носители. Их достаточно по количеству и находятся они в разных местах (Сыктывкар, Хельсинки, Будапешт, Вена и др.). Для включения этих материалов в корпус необходимо в первую очередь технически перевести их нужный формат (если это ещё возможно). При этом требуется систематизация, каталогизация и восстановление этих записей и данных о них (место и время сбора и публикации, данные об информанте и др.). Создаваемый корпус должен быть объективен и сбалансирован. Под объективностью мы понимаем полноценную и объективную передачу информации информанта, а под сбалансированностью – включение в корпус максимально широкого круга информантов с точки зрения половозрастных, профессиональных и других различий.

Созданный корпус устной речи ижемского диалекта должен быть доступен пользователям через интернет. С этой целью создается инфраструктура с нашим сервером в Сыктывкаре, хотя аналогичные есть уже в Лондоне и Неймегене, но, по нашему мнению, наличие серверохранилища с устным корпусом ижемского диалекта на родине более естественно, ближе и кроме этого есть возможность более автономной работы.

При сборе информации исследовательской группой использовались цифровые диктофоны и видеокамеры.

Аннотации можно готовить в программах ELAN, Praat, Exmeralda. Нами была использована программа ELAN.

ELAN (EUDICO Linguistic Annotator) - программа, разработанная Институтом психолингвистики Макса Планка (Германия - Голландия), с целью обеспечения надёжной технологической основой для аннотации и эксплуатации мультимедийных записей. ELAN может применяться специалистами, работающими с языками жестов и диалектологами для создания, редактирования, визуализации и поиска аннотации для видео и аудио данных.

Также ELAN может использоваться для анализа поведения людей (жестов, мимики, речи, действий в коммуникации) создаются так называемые мультимодальные корпуса (например, Русскоязычный эмоциональный корпус), то есть корпуса, включающие запись звука и видео, собираются видеозаписи поведения людей в реальных эмоциональных ситуациях.

Программа ELAN является на сегодняшний день одной из лучших программ многоуровневого аннотирования мультимедийных данных.

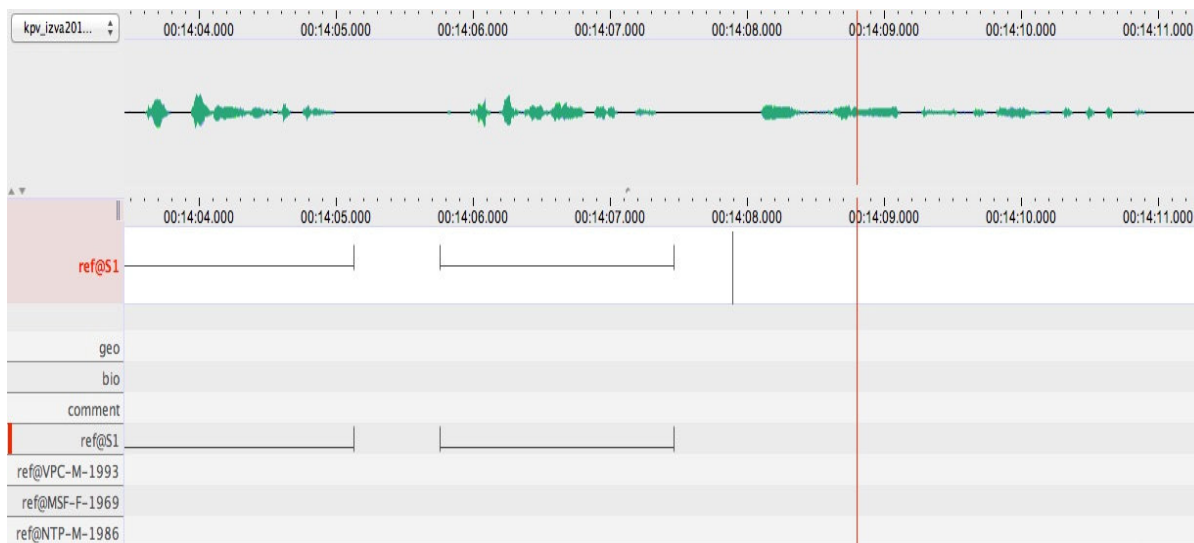
ELAN поддерживает:

- визуализацию аудио и/или видео сигналов одновременно с полученными аннотациями;
- временную привязку аннотаций к медийному потоку;
- сложные связи аннотаций друг с другом;
- неограниченное количество задаваемых пользователем уровней аннотации (Tiers);
- различные шрифты и кодировки;
- экспорт данных в виде текстовых файлов табличного вида (tab-delimited text);
- импорт и экспорт между ELAN, Praat, ToolBox, Shoebox и другими популярными лингвистическими программами;
- развитые поисковые опции.

Для организации метаданных используется Arbil — редактор метаданных, с помощью которого готовятся материалы для помещения в архив в форматах IMDI, CMDI и XML.

Примеры из нашей работы.

Сегментация делается в режиме сегментации ELAN-а:

Расшифровка и перевод делается в режиме транскрипции:

No	Type1 : orthT	Type2 : ft-engT	Type3 : ft-rusT
	разной пѳлбс поврежденниесъ , шумъ , пѳжарьясъсь ,	from different kind of damages, let's say, forest fires,	от разного рода повреждений , скажем , от пожаров ,
	сссъ нерациональнѳ вор пѳрѳбѳмьсь и так далее ,	then about non-rational forest felling and so on,	затем от нерациональной рубки леса и так далее ,
	и сѳдз водзѳ .	and so on.	и так далее .
orth@EEI-M-1913		ft-eng@EEI-M-1913	ft-rus@EEI-M-1913
	Но да .	Well.	Ну да .
orth@DIC-M-19XX		ft-eng@DIC-M-19XX	ft-rus@DIC-M-19XX
	Миян ѳбрьясъ кьсьѳнѳ возраст ѳвртисъ	Our reindeer is divided according the age to	Наши олени делятся по возрасту
	сѳзимъ группѳа .	seven groups.	на семь групп .
orth@EEI-M-1913		ft-eng@EEI-M-1913	ft-rus@EEI-M-1913
	Сѳдз .	So.	Так .
orth@DIC-M-19XX		ft-eng@DIC-M-19XX	ft-rus@DIC-M-19XX
	Тѳля рѳдѳтчѳмъ бѳртѳйсъ , коръ на	After the calf is born, when it is	После рождения олененок , когда еще
	дзѳля , шусьѳ пьѳжикѳн .	small, it is called pyzik.	маленький , называется пьѳжик .
	Кьѳк тѳльсь бѳртѳ кутасъ шусьѳны пемдукъ ,	After two months it is started to call pemduk,	После двух месяцев будет называться пемдук ,
	куимъ тѳльсь мысьѳтѳ неблѳуйѳн ,	after three months ѳiebѳuj,	после трех месяцев - неблѳуйѳн ,

Подготовленный материал в программе ELAN позволяет анализировать, например, употребление тех или иных форм в контексте:

Понятно, что чем детальнее и шире аннотация, тем больше возможностей для разного рода поиска. К примеру, если есть морфологическое аннотирование или что-либо указано про частицы (part of speech), то возможности поиска шире.

Во время работы очень важным моментом является качество звука. Как совместить звук и возможности всех отдельных микрофонов для достижения высококачественной записи, для избежания накладки нескольких голосов, что особенно важно при записи диалогов или полилогов?

Существующая сейчас система аннотаций позволяет уже исследовать многое. В структуре нашей работы есть место и морфологии, но сделать её вручную затратно с точки зрения и сил, и времени. В данный момент мы продумываем, как можно использовать уже имеющиеся морфологические анализаторы в ELAN-файлах, экспортирование и импортирование с использованием XSL и др.

Литература

Кузнецова Е. В. Проблемы и перспективы изучения лингвогеографического ландшафта региона (на примере Волгоградской области) // Гуманитарный вектор. – 2011. – №4 (28). – С.96-101.

Загоровская О.В. Становление диалектной компьютерной лексикографии в отечественной лингвистике // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2012. – №1. С.10-16.

Blokland, R., Kaneva, I., Karvovskaya, E., Kuznecova, V. & Rießler, M. 2009–2010. Izva Kyu Archive, MPI Nijmegen, www.mpi.nl/DOBES/.

Blokland, R. & Rießler, M. 2011. Komi-Saami-Russian contacts on the Kola Peninsula. In: Houtzagers, P. et al. (eds). Languages in Contact. Amsterdam: Rodopi. 5–26.

<http://wiki.komikyv.ru/index.php/ELAN>

*Бускунбаева Л.А., Сиразитдинов З.А.,
Ишмухаметова А.Ш., Ибрагимова А.Д.,
г. Уфа*

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

(на материале корпуса публицистики башкирского языка)

Статья подготовлена при поддержке Программы Президиума РАН “Корпусная лингвистика. Создание и развитие корпусных ресурсов по языкам народов России. Создание корпуса республиканских газет башкирского языка”.

Лингвистические корпуса являются ценным инструментом для проведения различного рода исследований и решения многих лингвистических проблем, которые были невозможны либо затруднительны до появления такого инструментария.

Разработанные усилиями сотрудников лаборатории лингвистики и информационных технологий ИИЯЛ УНЦ РАН корпуса башкирского языка (корпус прозы и корпус публицистики) не только открывают быстрый доступ к представительному массиву текстов на башкирском языке (на данный момент корпус прозы включает в себя 1127 произведений 83 авторов, корпус публицистики – 5107 статей, но и благодаря размеченности данных текстов (корпуса оснащены метаданными, морфологической и семантической разметками) позволяют пользователям всесторонне исследовать языковые явления (например, о сочетаемости лексических единиц, частотности лексем и грамматических категорий, изучение слова в диахроническом и синхроническом аспектах и т.д.).

Опираясь на богатый материал корпуса публицистики башкирского языка, функционирующего в сети Интернет по адресу <http://mfbl.ru/bashcorp/corpuspub>, авторы пришли к выводу, что в публицистических текстах в большом количестве можно обнаружить иноязычные вкрапления, т.е. слова, относящиеся к неассимилированной лексике и незафиксированные в толковых словарях конкретного языка.

Термин «иноязычное вкрапление» был введен русским ученым А.А. Леонтьевым, который рассматривает данные слова как «вставленные иноязычные «сегменты», слова, выступающие в иноязычном звуковом и/или графическом, грамматическом оформлении, а также с нерусской семантикой» и дает развернутую классификацию, основанную на комбинации четырех «независимых уровней» (лексемный, морфемный, фонемный и уровень звукотипов), включающую 16 видов иноязычных вкраплений.

Л.П. Крысин значительно расширил понятие “иноязычное вкрапление”, выделив его в самостоятельный тип иноязычных слов, характеризующийся собственной структурной и функциональной спецификой [Крысин 1968].

Если же основной причиной проникновения иноязычных вкраплений в разговорную речь выступает прежде всего билингвизм, то в публицистических и художественных произведениях, являясь средством большой художественной

выразительности, они играют сильную стилистическую роль [Листрова-Правда 1983]. В подавляющем своем большинстве выступая фактами речи, стилистические возможности вкраплений раскрывается в речи персонажей, при воссоздании определенного колорита, атмосферы либо придания определенной экспрессии и т.д.

Анализируемый языковой материал из корпуса публицистики башкирского языка позволяет выявить следующие типы иноязычных вкраплений: частичное вкрапление (вкрапления, которые включаются в текст с помощью русской графики, не изменяясь фонетически); полное вкрапление (вкрапления, в графике языка-источника, переданные нехарактерными для башкирского алфавита средствами (например, латиницей, специфическими буквами тюркских языков) и фонетические вкрапления (транскрибированные и видоизмененные под воздействием фонетических особенностей башкирского языка).

Такой способ классификации, на наш взгляд, наиболее оптимален для дальнейшей обработки и автоматического распознавания иноязычных вкраплений в корпусах башкирского языка.

Употребление *первого типа вкраплений* в башкирском языке связано прежде всего с явлением билингвизма, которое получило широкое распространение в Республике Башкортостан. Русский язык в РБ выступает в качестве основного языка-посредника, обслуживающего многонациональное население республики.

Сам по себе билингвизм, представляя собой “способность тех или иных групп населения объясняться на двух языках” [Щерба 1974, 313], – явление положительное, но в то же время ведет к интерференционным процессам.

В разговорной речи, в меньшей мере и в письме, башкиры употребляют иноязычные слова, так называемые варваризмы, несмотря на то, что данное понятие имеет собственную звуковую оболочку в исконном языке: *Самый главный – игтибар! Подарокта эш тормай.* Г. Сәлихова (“Шыршы төбөндә козағый аяк һузып ултырған”, Йәшлек. 04.01.2010/01). *«Минең тормошомдоң иң кара полосаһы – уның менән йәшәгән йылдарым, – тине ул [апай], айырылғас.* Ф. Гәрәева (“Йылмайыуы мәңге күңелдә”, Ағизел. 02.2013/02). – *Абзый, китергә булһаң, үзәмә звонить ит! – тип кағыз киçәгенә телефон номерын язып бирзе.* М. Хужин (“Яттар мөһөрө”, Ағизел. 01.2013/01).

Наряду с варваризмами из русского языка к первому типу вкраплений относятся иностранные слова (чаще всего из арабского, персидского и индоевропейских языков), переданные с помощью графических и фонетических средств башкирского языка: *Шөрләмә, былар гашиниктар, - тип кәлдө Римма һәм тегеләрзе кул болған сәләмләне. – Хелло!.* Бүләков Д. (“Гүмер бер генә”, 1990, роман). *Бергә әйтелгән сакта Әлхәмдуллиләһи һәм Собханаллаһи һүзәрә тәүхидте, бер Аллаһка табыныузы күрһәтә.* (“Йөрәктә нығынған ышаныу”, Киске Өфө. 15.08.2009/33).

Ко второму типу вкраплений относятся слова, переданные графическими и фонетическими средствами языка-источника (например, латиницей, арабицей и т.д.): *Башкорт телендә: «Укыу – якшы шөгәл»; руста: «чтение – хорошее занятие»; англиз телендә: «reading is good accuration.* С. Поварисов (“Тел тигән диңгез бар”, Ағизел.01.2013/01). *Инглиз телендә язылган ошо ник астында кызык кына бер статус тора: «Every person has his own field Safartu» («Һәр кешенең үз Сәфәртуй яланы бар»).* С. Бикмөхәмәтова (“Сәфәртуй яланы”, Ағизел. 01.2013/01).

Третий тип иноязычных вкраплений, транскрибированных под воздействием фонетических закономерностей башкирского языка, является наиболее многочисленной: *Тағы ла, кара әле, балдызым-яңгызым, тикшереүселәргә бәйләнмә, пажалыста.* Р. Ырысқужина (“Отчет-найлау йыйылышы”, Йәшлек. 11.02.2010/15). *Хәмдиә атылып сыгып китеп, соланында торған һәнәкте тотоп ингән дә: “Хәзер үк сыгып тай, әтеү үтәнән-үтә сәнсәм”, – тип тегене урамга тиклем бақтырып сыгарған.* Ф. Бикембәтова (“Мине тызуырыр өсөн”, Киске Өфө. 27.06.2009/26).

К данной группе можно отнести вкрапления с протетическим либо эпентическим гласным: *Һуңынан төрмә хужаһы олатайыбызга “ызнакум” булып килеп йөрөй.* Ә. Үтәбай

("Беззең зекер, намаззар...", Киске Өфө. 07.11.2009/45). *Әллә нисә мәртәбә хирургияға ызванит итеп белештем.* Х. Һөйөндөков ("Кызғансык", Ағизел. 02.2013/02).

Появление таких гласных призвано облегчить произношение тех вкраплений, которые вызывают затруднения при их воспроизведении, так как башкирскому языку исторически не свойственны в начале, в некоторых случаях и в середине слова встречающиеся подряд два или более согласных звука [Бускунбаева 2008, 54; Ишкильдина 2013].

К данному типу вкраплений относятся и слова, образованные путем стяжения иноязычного слова. Усечение слова происходит путем стяжения финальной, реже инициальной части слов: Балниска бара торған күперзе ағыззы. Р. Сабитова ("Артыкбикә", Ағизел. 04.2013/04).

Путем присоединения к иноязычному (в большинстве случаев русскому) слову продуктивных глаголообразующих аффиксов образуется большое количество глаголов в языке билингвов: *Көн һайын иллешәр-йөзәр грамлап кына кабул ителгән шарапка өйрәнү ай азағында ярты давайлай баилай.* Ә. Үтәбай ("Кемдәргәлер һабак, кемдәргәлер кәңәш булһын", Киске Өфө. 04.07.2009/27). *Шутлап караһам, ике йөз кубометр төзөлөш ағасы артык килә лә сыга.* Ә. Абушахманов ("Юморескалар", Ағизел. 03.2012/03).

Образованные таким образом глаголы принимают формообразующие, словоизменятельные аффиксы подобно исконным словам.

Таким образом, употребление иноязычных вкраплений в публицистике значительно меньше, чем в разговорной речи и художественных произведениях. В то же время они характерны и для периодической печати, где позволяют создать словесный портрет того или иного персонажа, наиболее реалистично описать быт определенной среды.

Корпуса башкирского языка снабжены словарями (базами) основ, созданными на базе нормативных словарей башкирского языка, и алгоритмической базой словоизменения башкирских слов [Сиразитдинов и др. 2013; Сиразитдинов 2006]. На основе данных баз осуществляется автоматическое распознавание корпусного материала. Слова, незафиксированные в данных базах, и орфографически неправильно оформленные лексические единицы попадают в Список некорректирующихся. Снятие слов из данного списка происходит только вручную, что ведет к увеличению объема работы и снижению скорости обработки данных корпуса.

В этом списке оказываются и иноязычные вкрапления (см. рис. 1).

Найдено: Предложений - 21 Словоформ - 21	
+20	Предложение
+20	— Ймуаны мешать / Не корректируется / итмәс ине, мәгәр....
+20	Ахбаш, Ахбаш, мешать / Не корректируется / итмә але.
+20	Кешенен уйынына мешать / Не корректируется / итеп ни эшләп йөрөй был? — тип жаршы алгабылар.
+20	— Егет кешегә буран мешать / Не корректируется / итәмә иң ул?
+20	Нинә, нәмәгә лә булһа, иңи кемгә лә булһа мешать / Не корректируется / итмәгәннелдер бит?
+20	Өгәр мешать / Не корректируется / иткән булһам, хәер сығып китәм?
+20	— Мешать / Не корректируется / итеүен итмәнегез эә....
+20	Исмаһам, беҗгә мешать / Не корректируется / итеүселәрҙен береһе кәмәгән, — тиве.
+20	Маһиҙы күрһәтте, кәһәмһөрәт — «Өс көндәшән булғансы, бер яҡты юлдашын булһын», тизәр бит, шулай булғас, яҡшы хыҙ беҗгә мешать / Не корректируется / итмәс, был Балал Кадировтын бәсәһе, — тиве.

Рис. 1. Примеры на слово "мешать".

В электронных корпусах башкирского языка рассмотренные слова должны иметь соответствующую разметку по всем трем указанным типам для их корректного размещения и дальнейшей работы с данными единицами.

Литература

Бускунбаева Л.А. Закономерности речевой экономии и их отражение в башкирском языке. – Уфа: Гилем, 2008. – 140 с.

Ишкильдина Л.К. Фонетические процессы в начальной и срединной позициях в башкирском языке // Язык, литература и культура: актуальные проблемы изучения и преподавания. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Башкирский государственный университет. 2013. С. 186-190.

Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке.– М.: Наука, 1968.– 206 с.

Леонтьев А. А. Иноязычные вкрапления в русскую речь // Вопросы культуры речи. № 7. – М., 1966. С. 60-68.

Листрова-Правда Ю.Т. Иноязычные вкрапления в русской литературной речи XIX в. дисс. докт. филол. наук, 1983.

Сиразитдинов З.А. Моделирование грамматики башкирского языка. Словоизменительная система. – Уфа, 2006. – 160 с.

Сиразитдинов З.А., Бускунбаева Л.А., Ишмухаметова А.Ш., Ибрагимова А.Д. Информационные системы и базы данных башкирского языка. – Уфа, 2013. – 116 с.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – М., 1974. – 424 с.

Жұбанов А.К., г. Алматы (Казахстан)

ҚАЗАҚ ТІЛІНІҢ ҰЛТТЫҚ КОРПУСЫ МӘТІНІНДЕГІ СӨЗҚОЛДАНЫСТАРДЫҢ СӨЗ ТАБЫНА ҚАТЫСТЫ ЫҚТИМАЛДЫ- СТАТИСТИКАЛЫҚ МОДЕЛІ

Тілдік бірліктердің мәтін ішінде кездесу мүмкіндігін математикалық модельдеу сандық деректерге статистикалық талдау жұмысын жүргізу арқылы жүзеге асады. Мұндай талдау бойынша кейбір тікелей байқала бермейтін бірқатар тілдік жайттардың аражігі анықталады. Ал тілдің ықтималдық моделі көмегімен қазақ тілінің Ұлттық корпусы мәтіні ішіндегі кейбір бірліктердің сандық қасиеттерін сипаттауға мүмкіндік туады. Егер осы анықталған бірліктер сипаттамасын ақиқат шындықтың көрсеткіші ретінде қабылдасақ, онда модельден нақты нысанға өту іске асады. Ол үшін зерттеуге алынған мәтін бірліктерінің сандық параметрлерін анықтай білу қажет [Жұбанов 2006, 200-208]. Бұл параметрлерге «арифметикалық орта» (\bar{X}) мен «стандартты» (S) жатқызуға болады. Әрі қарай \bar{X} пен S мәндері ықтималдық модельдің осы тәріздес параметрлерімен салыстырылады. Тілдік бірліктердің сипаттамалары зерттеушіні сол тәжірибеге түскен шекті көлемдегі нақты мәтінге қатысты ғана қызықтырмайды, ол бас мәтін жиынтығы сипаттамасы тұрғысынан қарастырғанды қалайды. Бұл жердегі «бас мәтін жиынтығы» (генеральная совокупность текстов) дегеніміз тілдің толық түрі немесе бөлек бір стиль, тіл қабаттары, жазушы тілі және т.б. Бұлайша қарастырудың себебі аталған «бас мәтін жиынтығын» қамтитын толық түрдегі қазақ тілінің Ұлттық корпусынсыз статистикалық талдау жүргізу тәжірибе жүзінде мүмкін бола бермейді. Яғни зерттеуге жататын нысан «бас мәтін жиынтығының» таңдалып алынған жеке бөліктері (частные выборки) немесе «таңдама бөліктер». Міне, осындай таңдама мәтін бөліктер параметрлерін бас мәтін жиынына қатысты статистика-математикалық зерттеу негізінде ықтималды модельден

тілдік нысанның өзіне көшу (өту) жүзеге асады. Мұндай «өту» процесі нақты (белгілі) критерийлерге сүйеніп, статистика-лингвистикалық болжамды тексеру (сынау) негізінде бірліктердің мәтін ішінде кездейсоқ оқиға ретінде «үлестірілу» (таралу) тұрпатын анықтау арқылы іске асады.

Мәселен, мынадай статистика-лингвистикалық болжамды сынау қажет болды делік: қазақ тілінің Ұлттық корпусы мәтіні ішіндегі зат есімге қатысты сөздер математикалық статистиканың «нормалды үлестірілу» деп аталатын теориялық заңдылығына бағынады. Мұндай болжамды тексеру үшін зат есім сөздердің эмпирикалық (тәжірибелік) үлестірілу деректерінің теориялық үлестірілу заңдылығы – «нормалды» заңдылығымен сәйкестік дәрежесін тексеру қажет. Ал ондай тексеру тек қана зат есім сөздердің таңдама бөліктер ішінде қайталану жиілігінің орта шамасының бірнеше «сериялары» (мүмкіндіктері) бойынша қарастырылады.

Кездейсоқтық жағдайдағы лингвистикалық шаманың мәтін бойында таралу (үлестірілу) тұрпатының не параметрлерінің сынауға ұсынылып отырған болжамға сәйкестігі нөлдік (негізгі) болжам (H_0) немесе оған қарама-қарсы қойылатын альтернативті болжам (H_1) ретінде тұжырымдалуы мүмкін. Негізгі – нөлдік (H_0) болжам белгілі критерий арқылы сыналады. Критерийлер – статистикалық және реттік деп екіге ажыратылады. Алғашқысы (статистикалық) кездейсоқ лингвистикалық шаманың үлестірілуіне (қолдану жиілігіне) бағыттала отырып, нөлдік болжамды сынауға (тексеруге) қолданылады, ал екіншісі аталған шамалардың реттік үлестірілуін қарастырады.

Әдетте, лингвистикалық болжамдар кездейсоқ таңдама бөліктер негізінде тексеріледі. Бірақ бұл тілдік бірліктің бас жиынындағы үлестірілу көрінісінің дұрыстығының айғағы бола алмайды, себебі, мұндай жағдай «болжамды сынау» процесін жалған жолға бұрып жіберуі де мүмкін. Сондықтан дұрыс шешім орнына, мысалы, дұрыс нөлдік (H_0) болжам орнына, бұрыс (H_1) болжам (не керісінше) қабылданады. Осындай жайттарға байланысты зерттеушінің қай болжамды (H_0 не H_1) негізгі деп қабылдауының көп мәні бар. Осы айтылғаннан жіберілетін қателердің мәнділік дәрежесі екі түрлі типпен ажыратылады. Олар – *1-ші* және *2-ші* дәрежелік мәнді қателер деп саналады. Тіл білімінде қатенің мәнділік дәрежелерін таңдау, көбінде, субъективті (жекелік) ой қорыту негізінде іске асады. Мысалы, түркі, монғол, тунгус-маньчжур тілдерінің «алтайлық гипотеза» деп аталатын генетикалық туыстығы жайлы болжам белгілі статистикалық критерий арқылы тексеруге болатындай тұжырымдалған [Клоусон 1969]. Мұндағы нөлдік болжам бойынша барлық алтай тілдері бір ғана генетикалық туыстас жеріне, яғни негіз-тілге (язык-основа) келіп тіреледі (восходят). Осы тұжырымды теріске шығаратын өзіне нағыз кәміл сенетін алтайшы да аса қауіпті *1-ші* дәрежелік мәндегі қате жіберген болар еді. Бұл жерде нөлдікке қарсы қабылданған болжамның өзі дұрыс болмаса да, мәнділік жағынан *2-ші* дәрежелі қате қауіпсіздеу деуге болады. Сондықтан болжамды тексеру (сынау) критерийін таңдау, сонымен бірге сынау аясын таңдаумен ұштасады деуге болады.

Сөйтіп, қандай да болсын дұрыс шешім қабылдар тұсында *2-ші* типті қате жіберуден гөрі *1-ші* типті қате жібермеу аса маңызды деп саналады. Қате дәрежесінің мәнділігін азайту мақсатымен болжамдар өзара тексерілуі (сыналуы) қажет.

Тәжірибелік құндылығына қарай, яғни *1-ші* типті қатеден күтілетін салдарына қарай, зерттеушіні қанағаттандыратын маңыздылық деңгейі таңдалады. Басқаша айтсақ, жіберген қатеден туындайтын салдардың сипатына қарай маңыздылық деңгейін де төмендеткен жөн болады. Әдетте, лингвистикалық зерттеулерде маңыздылық деңгейінің $\alpha=0,05$ немесе $\alpha=0,01$ шамасы да жеткілікті деп саналады. Мәселен, алтай тілдеріне қатысты болжамды статистикалық тәсілмен тексеру (сынау) үшін көрсетілген маңыздылық деңгей шамасы қанағаттандырарлық деп саналады.

Сонымен, лингвистикалық бірліктердің қазақ тілінің Ұлттық корпусы мәтіні ішінде үлестірілуінің математикалық тұрпатын анықтау мәселесі тілдік құбылыстың моделін құрудағы ең бір маңызды іске айналып отыр [Фрумкина 1962].

Аталған мәселе бойынша, қазақ тілінің Ұлттық корпусы мәтіні ішінде сөз таптарының статистикалық үлестірілуінің кейбір теориялық заңдылықтарға сәйкес келу болжамын сынауға қатысты зерттеулер жүргізілді. Теориялық үлестірілу заңдылықтары ретінде математикалық статистикадағы «нормальды үлестірілуі», «Пуассон үлестірілуі» және «Шарлье үлестірілуі» заңдылықтары қарастырылды.

Қазақ тілінің Ұлттық корпусы мәтіні нысаны ретінде М.Әуезовтің «Абай жолы» романынан 10 мың сөзқолданыс, газет мәтінінен 50 мың сөзқолданыс таңдама бөліктер тәжірибе ретінде алынды. Ал сөз таптары ішінен ең негізгілері деп: *зат есім, етістік, сын есім* және *үстеу* сөздердің мәтін ішіндегі статистикалық үлестірілуі сынаққа түсті.

Осындай мақсатпен жүргізілген тәжірибеде, мысалы, «Абай жолы» романы мәтіні бойынша алынған 10000 сөзқолданыстан тұратын мәтін көлемін үшке бөліп: $N_1=2500$, $N_2=5000$, $N_3=10000$ қарастырсақ, әрбір N_i көлемді $k=25, 50, 100, 200, 500$ сөзқолданыстан тұратын микробөліктерге (n) бөлсек, әр бөлікке сай, олардың саны да өзгеріп отырады. Сол сияқты, газет мәтіні бойынша тәжірибеге алынған 50000 сөзқолданыстан тұратын мәтін көлемі де осылайша серия бөліктеріне бөлініп зерттелді. Сол сияқты, әрбір вариантқа қатысты микробөліктер ішіндегі қажетті сөз табының жиілігі саналып, бірдей жиілікпен кездесетін сөз табының серия саны анықталды.

Жүргізілген тәжірибе бойынша, теориялық үлестірілімдік заңдылықтардың Пуассон және Шарлье В түрі дискретті вариациялық қатар құру арқылы, ал нормальды, логарифмды-нормальды және Шарлье А түрі үздіксіз вариациялық қатар құру негізінде олардың теориялық жиіліктері мен статистикалық параметрлері анықталды.

Енді, осындай зерттеуді, яғни эмпирикалық үлестірілудің таңдаудан өткен теориялық заңдылықпен сәйкестігінің мәнді не мәнсіз екендігін анықтау үшін жүргізілетін тәжірибе ретін анықтау А.Х.Джубановтың 1987 жылы жарық көрген «Квантитативная структура казахского текста» атты монографиясымен таныс болу қажет демекпіз [Джубанов 1987].

Лингвистикалық зерттеулерде нақты бір нормалауда сынаққа алынған тілдік бірлік «Пуассон үлестірілуі» заңына, ал басқаша түрдегі нормалауда сол бірлік мәтін ішінде «Нормаль үлестірілуі» заңына «бағынуы» немесе белгілі бір ішкі бөлік көлемінен бастап тек бір ғана теориялық заңдылыққа сәйкес келуі мүмкін екені анықталды [Бектаев и др. 1969; Лукьяненко 1970; Феллер 1969]. Сондықтан үлестірілу заңдылықтарының параметрлерін салыстыруда және оған лингвистикалық тұрғыда түсініктеме беруде зерттеу нысанын (мәтінді) нормалау сипатына аса көңіл бөлінуі қажет.

Үйлесімдік дәрежесін оның «артықшылық» тұрғысынан қарастырсақ, әрине, сын есім сөздерге қатысты Пуассонның теориялық үлестірілу заңы бірінші орынға ие. Солай бола тұра, нормалаудың $\{N \geq 2000, n \geq 100, k \geq 200\}$ мәндерінен бастап, қазақ тілінің сын есім сөздері «нормаль заңдылығымен» де жақсы үйлесімдік табатынын байқаймыз.

Сөз таптарының тәжірибелік жиіліктерінің теориялық үлестірілу заңдылықтарымен үйлесімдігі, көбіне, сериялар санына қатысты екені байқалды. Үстеу сөздерге қатысты ең «қолайлы» деп Пуассон үлестірілу заңын атауға болады. Ал сериялар саны $k > 500$ болғанда үлестірілу «нормаль заңымен» үйлеседі.

Сонымен, жоғарыда баяндаған жайттар қазақ тілінің Ұлттық корпусы мәтінін мөлшерлеу (нормалау) әдістерінің қазақ тіліндегі сөз таптарының тәжірибелік (эмпирикалық) үлестірілулерінің белгілі бір теориялық үлестірілу заңдылығына сәйкес келу не келмеу мүмкіндіктерін айқындауды көздейді. Бұл зерттеудің нәтижелері қазақ тіліндегі құбылыстарды модельдеу мәселелерінде аса маңызды рөл атқарады деп санаймыз.

Әдебиет

Жұбанов А.Қ. Қолданбалы лингвистика: формалды модельдер: Оқу құралы. – Алматы: Қазақ университеті, 2006. – 280 бет.

Клоусон ДЖ. Лексико-статистическая оценка алтайской теории // Вопросы языкознания, 1969. №5. С. 22-41.

Фрумкина Р.М. О законах распределения слов и классов слов // Структурно-типологические исследования. – М., 1962. С. 124-133.

Джубанов А.Х. Квантитативная структура казахского текста (опыт лингвистического анализа на ЭВМ). – Алма-Ата, 1987. С. 147.

Бектаев К.Б., Зубов А.В., Ковалевич Е.Ф. и др. К исследованию законов распределения лингвистических единиц // Статистика текста. – Минск, 1969. С. 131-162.

Лукияненко К.Ф. Использование схем Пуассона и Гаусса в исследовании распределения лингвистических единиц текста // Вопросы лингвостатистики и автоматизации лингвистических работ. Вып. 2. – М., 1970. С. 3-14.

Феллер В. Введение в теорию вероятностей и ее приложения. Т.1. – М., 1967.– 498 с.

Резюме

В статье рассматриваются вопросы математического моделирования статистических распределений частей речи в текстах Национального корпуса казахского языка. Благодаря вероятностным моделям можно будет описать некоторые статистические свойства языковых единиц данного языка.

Ибрагимов Т.И., Сайхунов М.Р., г. Казань

ПИСЬМЕННЫЙ КОРПУС ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА: СТРУКТУРНЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Создание корпусов национальных языков становится актуальной задачей отечественной лингвистики, активно разрабатываются корпусы башкирского, бурятского, осетинского, калмыцкого, лезгинского, языков, начаты работы в этом направлении хакасскими, шорскими, тувинскими лингвистами [Бадмаева, Бадагаров, Цыдыпов 2008; Есипова 2013; Шеймович 2011, Салчак 2012; Куканова 2013; Муталов 2009; Сиразитдинов 2013]. Созданию корпуса татарского языка уделяется внимание и в Республике Татарстан [Сайхунов, Ибрагимов, 2014]. Объем Корпуса современного татарского литературного языка в настоящее время составляет более 116 млн. слов, число различных словоформ более 1 миллиона единиц, и по этому показателю наш корпус в отечественной корпусной лингвистике занимает второе место после корпуса русского языка. При создании Корпуса использованы материалы WEB-ресурсов. Более половины текстов ($\approx 60\%$ от общего объема Корпуса) представляют публицистический стиль татарского языка. Остальные стили письменного литературного татарского языка содержатся в Корпусе примерно в следующих объемах:

- стиль художественной прозы $\approx 35\%$,
- стиль научной литературы гуманитарного профиля $\approx 4\%$,
- стиль деловых бумаг $\approx 1\%$.

В качестве основных источников лингвистического материала были использованы тексты, представленные на наиболее распространенных Web-сайтах, таких, например, как “Татар – информ”, “Ислам – татарлар һәм мөселманнар (Ислам – татары и мусульмане)”, “Татар электрон китапханәсе (Татарская электронная библиотека)”, “Дуслык (Дружба)”, “Азатлык (Свобода)”, “Яна гасыр (Новый век)”, “Татар әдипләре (Татарские писатели)” и т.д.

Стиль художественной прозы представлен отрывками из книг, включенных в “Таткнигафонд”, а также изданиями произведений известных татарских писателей – прозаиков, собранных из других источников.

В презентации научного стиля языка использованы статьи из журнала “Фән һәм тел (Наука и язык)”, а также монографии и учебники известных ученых, изданные на татарском языке.

Если учесть, что современный письменный татарский язык не отличается богатством стилевых разнообразий, а существующие стили распределены в языке примерно в указанных пропорциях, то можно полагать, что Письменный корпус

татарского языка сбалансирован. Поскольку общий объем Корпуса превышает 100 млн. слов, то можно считать, что Письменный корпус татарского языка удовлетворяет также и условию репрезентативности.

Основное предназначение Письменного корпуса татарского языка – исследование лексико-семантической системы татарского языка в рамках статистической лексикологии и когнитивной лингвистики.

Поисковая система Письменного корпуса позволяет проводить следующие операции:

- организовать поиск нужных слов, выявить частоту их употребления, находить примеры, подтверждающие употребление данного слова или данной формы в языке;
- определить, какие слова могут следовать впереди и за заданным словом (левый и правый контексты заданного слова), а также употребительность контекстно связанных слов в сочетании с заданным словом;
- находить примеры, подтверждающие употребление данного слова в сочетании с тем или другим словом из левого контекста;
- находить примеры, подтверждающие употребление данного слова в сочетании с каким-либо словом из правого контекста;
- находить полный текст, в котором было обнаружено данное слово в данном контексте.

Указанные функции поисковой системы демонстрируются на примере слова «*фикер* (мнение)». В результате ввода слова *фикер* в текстовое поле и нажатия кнопки “Найти” получаем, что

- слово *фикер* (мнение) в Корпусе встречается 39111 раз,
- перед словом *фикер* чаще (4429 раз) встречается послелог “*турында*”,
- за словом *фикер* чаще (3646 раз) следует глагол “*альшу*”,
- слово *фикер* может проявлять определенную избирательность не только в выборе контекстов, но и в выборе тематически связанных с ним слов. Так, в анализированных текстах, куда входит слово *фикер*, из существительных наиболее часто вне непосредственного контакта с ним (с *фикер*) встречаются слова: *Татарстан*, *татар*, *дәүләт* (государство), *мәсьәләләре* (задачи) и т.д.

В случае необходимости расширения левого контекста, т.е. знания того, какое слово предшествует сочетанию *турында фикер*, достаточно активизировать (нажать курсором мышки) слово *турында*. Выполнение данной операции позволит определить грамматическую категорию предшествующего слова, а также значения слова *фикер*. Расширение правого контекста, т.е. выявление слова, следующего за сочетанием *фикер альшу*, внесет дополнительные уточнения в значение просмотренного отрезка предложения и поможет снять все оставшиеся неопределенности относительно рассматриваемого слова. Отмеченные особенности Корпуса будут полезными в решении проблемы полисемии, при разработке систем машинного перевода и речевого общения с компьютером.

Объем каждого – правого, левого и тематического – контекстов включает до 100 наиболее часто наблюдаемых в окружении рассматриваемого слова словоформ. Предполагается, что данное количество часто встречающихся словоформ до и после рассматриваемого слова (в нашем случае перед и после слова *фикер*) достаточно для оценки сочетаемостных особенностей рассматриваемой словоформы.

В Корпусе предусмотрена также возможность ознакомления пользователя с предложениями, в которых используется заданное слово. При этом пользователь может ограничиться первыми 50 примерами – предложениями или ознакомиться со всеми предложениями, в которые входит слово *фикер* путем перехода на следующие страницы.

Кроме того, по указанному в конце примера – предложения адресу сайта пользователь может также прочитать и сам текст – оригинал, содержащий данное предложение.

В последней версии Корпуса путем вычисления показателя "Log-likelihood" (LL) – логарифмического правдоподобия [Dunning 1993] предусмотрена возможность получения информации об устойчивости или неустойчивости связей слов в данном словосочетании. Так, в Корпусе словосочетания *фикер дѳрес* (мнение правильное) и *фикер уята* (мысль пробуждает) встречаются 42 и 41 раза, соответственно (правый контекст). Вычисление логарифмического правдоподобия показывает, что LL в первом случае составляет всего 36,6, а во втором случае, т.е. относительно словосочетания *фикер уята* – 106. Следовательно, в текстах, содержащих слово фикер, распределение относительных частот словосочетаний *фикер дѳрес* является более равномерным, чем распределение относительных частот словосочетания *фикер уята*. Это означает, что связь между словами *фикер* и *дѳрес* более стабильна и устойчива, чем между словами *фикер* и *уята*.

Письменный корпус татарского языка – это собрание огромного количества текстов, вышедших из-под пера людей, достаточно хорошо владеющих языком и знающих культуру народа. Существенным, на наш взгляд, является и то, что в отличие от устных, создание письменных текстов не требует непосредственного контакта с ситуацией. Они пишутся на злобу дня в удобное для авторов время и в удобных условиях. Вместе с тем текст – это описание конкретного события конкретным человеком или «речь, погруженная в жизнь» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990].

Совокупность большого количества текстов, имеющихся в Internet и представляющих в Корпусе публицистический стиль татарского языка, а также поисковые ресурсы Корпуса позволяют ученым (языковедам, культурологам, этнографам) изучать особенности видения мира как отдельного носителя татарского языка, так и этнической общности в целом.

Письменный корпус представляет современный татарский язык и может оказаться несомненно полезным в определении этнокультурных ценностей, в изучении их современного состояния, а также культурной ориентации этноса. Корпус может внести существенный вклад в определение статистических характеристик словаря, грамматики, фразеологии татарского языка. Данная версия Корпуса, как и предыдущая, найдет применение в лексикографии, в деле обучения языку и в качестве справочника по татарскому языку. Работы по расширению функциональных возможностей Корпуса будут продолжены.

Литература

Бадмаева Л.Д., Бадагаров Ж.Б., Цыдыпов Б.З. Общие проблемы формирования корпуса бурятского языка /Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2008» 6–10 октября 2008 г., Санкт-Петербург. – Санкт-Петербург, 2008. С. 24-30

Куканова В.В. О национальном корпусе калмыцкого языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: материалы XIII международной конференции. – Уфа, 2013. С. 209-212.

Лингвистический энциклопедический словарь / под редакцией В.Н.Ярцева. – М.: «Советская энциклопедия», 1990.

Муталов Р.О. Опыт создания корпусов Дагестанских языков // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009» (Бекасово, 27-31 мая 2009 г.). Вып. 8 (15). – М.: РГГУ, 2009. С. 329 – 332.

Сайхунов М.Р., Ибрагимов Т.И. Письменный корпус татарского языка [Электронный ресурс]. – Казань, 2014. Режим доступа: <http://corpus.tatfolk.ru>

Салчак А.Я. Электронный корпус текстов тувинского языка // Новые исследования Тувы. 2012, № 3. (Электронный журнал). URL:http://www.new-tuva.info/journal/issue_15/5231-salchak.html (дата обращения: 17.06.2013).

Сиразитдинов З.А. Корпусные проекты лаборатории лингвистики и информационных технологий // Известия Уфимского научного центра Российской академии наук, №4. 2013, С. 104-112.

Шеймович А.В. (2011) Морфологическая разметка корпуса хакасского языка // Российская тюркология. № 2 (5). С. 48–61.

Dunning T. Accurate methods for the statistics of surprise and coincidence. Computational Linguistics, 1993, 19/1, pp. 61-74.

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДФОНД МАШИННОГО ФОНДА БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА (состояние и перспективы)

Разработанный в лаборатории лингвистики и информационных технологий ИИЯЛ УНЦ РАН Машинный фонд башкирского языка (МФБЯ) представляет широкий спектр данных по языку. Отметим, что Машинный фонд башкирского языка — это специально разработанная для лингвистов система филологических баз данных, основные идеи разработки которого были высказаны в башкирском языкознании еще в 1992 г. [Сиразитдинов, Надергулов, 1992]. Данная информационная система включает в себя специализированные базы данных, интерфейсы и программные обеспечения для обработки запросов к базам [Сиразитдинов, Бускунбаева, 2010, 78]. МФБЯ имеет 7 крупных баз данных, которые образуют подфонды единого Машинного фонда: подфонд генеральной картотеки; лексикографический подфонд; грамматический подфонд; подфонд каталога рукописных книг; подфонд каталога старопечатных книг; экспериментально-фонетический подфонд; диалектологический подфонд.

Принципы создания диалектологического подфонда и непосредственная работа по воплощению этих идей на практике была начата в 2008 г. [Сиразитдинов, 2008; Сиразитдинов, Ибрагимова, 2008]. На сегодня рассматриваемый диалектологический подфонд состоит из трех самостоятельных баз данных: лексическая, картографическая и текстологическая базы.

1. В лексическом разделе представлена информация о диалектной лексике. База данных содержит более 52000 диалектных единиц, зафиксированных в говорах диалектов башкирского языка. Лексические данные собраны на основе диалектологической картотеки отдела языкознания с привлечением материалов изданных в диалектологических словарях и опубликованных в работах сотрудников отдела языка ИИЯЛ материалов полевых экспедиций [Диалектологический словарь башкирского языка, 2005; Башкорт һөйләштәре һүзлеге, 1967; Башкорт һөйләштәре һүзлеге, 1970; Башкорт һөйләштәре һүзлеге, 1987. Батыршина, 2011; 2002; Каримова 2005; Каримова, 2013; Сулейманова, 2013; Уликанова, 2001; Хисамитдинова 2010].

По информационным записям базы данных (диалектное слово, литературная норма, русский перевод и т.д.) возможно осуществить поиск информации в следующих режимах: по точному совпадению слова, по совпадению фрагмента с началом слова, по совпадению фрагмента с концом слова, по совпадению фрагмента с любой частью слова. Сочетание разных записей с разными режимами поиска позволяет получить многообразные выборки из базы данных, отсортированных по замыслам лингвистического эксперимента [Сиразитдинов, Ибрагимова, Ишмухаметова, 2010, 189]. Структура данных лексического раздела представлена на рис. 1. [Сиразитдинов, Ишмухаметова, Ибрагимова, 2009, 230].

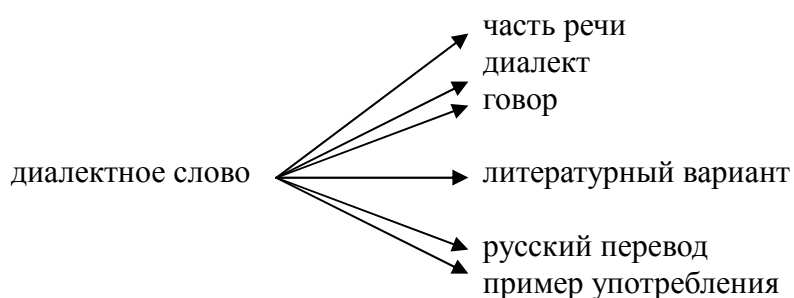

Рис. 1. Структура данных лексической базы диалектологического подфонда.

В базе данных диалектные явления рассматриваются согласно сложившимся в башкирской диалектологии взглядам о существовании 3-х диалектов национального языка: восточный, южный и северо-западный [Максютова, 1976; Миржанова, 1976; Миржанова, 2006].

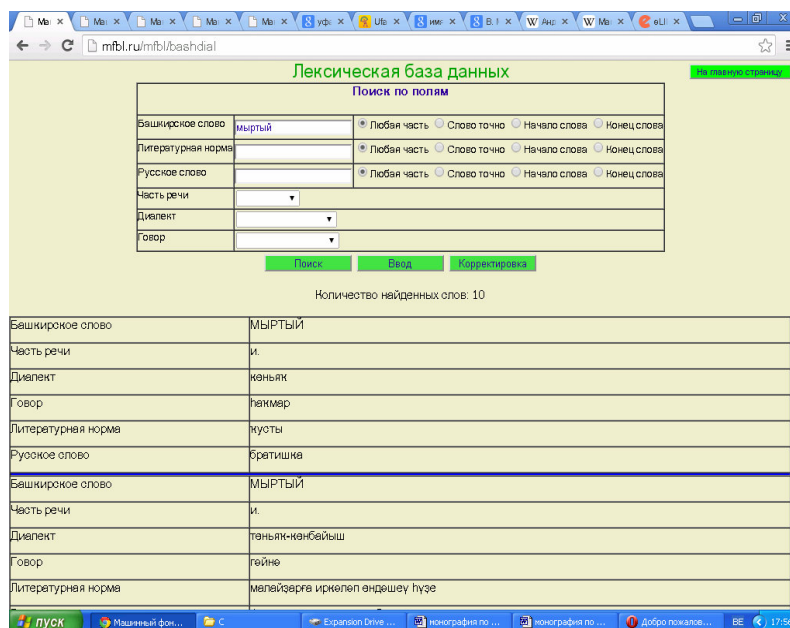

Рис. 2. Вид интерфейса лексической базы данных диалектологического подфонда. Поиск по диалектному слову **мыртый**.

По каждому из трех диалектов башкирского языка выделяются говоры:
 Восточный диалект:
 айский говор, аргаяшский говор, сальютский говор, миасский говор, кызылский говор.
 Южный диалект:
 ик-сакмарский говор, средний говор, демский говор.
 Северо-западный диалект: карадельский говор, таныпский говор, нижебельско-ыкский говор, гайнинский говор.

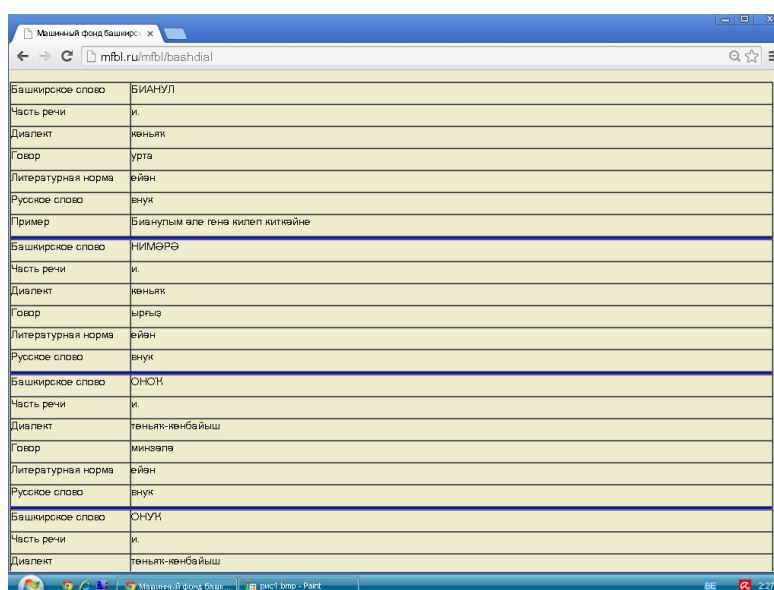

Рис.3. Интерфейс лексической базы данных диалектологического подфонда. Поиск по русскому слову **внук**.

В лексической базе предусмотрены поиски по всем 6 полям. По полям *диалектное слово, литературная норма, русское слово* возможны поиски по набору через клавиатуру. Поиски по полям *часть речи, диалект, говор* осуществляются по выбору из ниспадающего меню.

2) В базе данных диалектологического атласа представлена структурированная информация по диалектологическому атласу башкирского языка [Диалектологический атлас, 2005]. База данных диалектологического атласа включает фонетические, морфологические, лексические и синтаксические явления. Интерфейс состоит из меню 3-х уровней: 1. Меню выбора типа языкового соответствия: фонетический, морфологический, лексический, синтаксический. 2. Меню выбора подтипа языкового соответствия, например для фонетических соответствий: по сонантам и консонантам. 3. Меню выбора конкретного языкового соответствия (в виде конкретного противопоставления лингвистических явлений в разных позициях в опорных словах и конструкциях) [Сиразитдинов, Ибрагимова, 2008, 105].

Структура базы данных диалектологического атласа представлена на рис. 4 [Сиразитдинов, Бускунбаева, Ишмухаметова, Ибрагимова 2013, 25].

Рис. 4 Структура данных базы диалектологического атласа.

Языковые явления объединены в 4 группы:

- фонетический,
- морфологический,
- синтаксический,
- лексический.

Изоглоссы фонетических явлений выделяются по 250 опорным пунктам, включающим населенные пункты Республики Башкортостан, Оренбургской, Челябинской, Самарской, Саратовской, Пермской, Курганской, Свердловской областей, по которым сотрудниками Института истории, языка и литературы были собраны экспедиционные материалы с 1973 г. по 1980 г. Система по выбранным критериям выдает карту с изоглоссами и таблицу опорных пунктов.

№ на карте	Область, Республика	Район	Опорный пункт	Слово
1	Пермская обл.	Осинский	Ользовка	этморон
2	Пермская обл.	Бардымский	Ишимово	этморон
3	Пермская обл.	Бардымский	Аржино	этморон
4	Пермская обл.	Бардымский	Нижние Искильда	этморон
5	Пермская обл.	Бардымский	Тамп	этморон
6	Пермская обл.	Красноуфимский	Усть-Балк	этморон
7	Свердлов обл.	Артинский	Азигулово	этморон
8	Свердлов обл.	Нижнесергинский	Аракаево	этморон
9	РЕ	Янаульский	Новоургул	гөлвемеш/этморон
10	РЕ	Татыштинский	Едрашево	гөлвемеш/этморон
11	РЕ	Аскинский	Базачатаево	гөлвемеш
12	Свердлов обл.	Артинский	Арта-Шиняри	этморон
13	Свердловская обл.	Нижнесергинский	Шлюрово	гөлвемеш
14	РЕ	Янаульский	Каска-Каймо	гөлвемеш
15	РЕ	Янаульский	Косур	гөлвемеш
16	РЕ	Татыштинский	Сарытыбаш	гөлвемеш
17	РЕ	Татыштинский	Кальтаево	гөлвемеш
18	Свердлов обл.	Красноуфимский	Средний Бугатыш	гөлвемеш
19	РЕ	Аскинский	Мута-Елга	гөлвемеш
20	Челяб. обл.	Беловский	Иткуль	гөлвемеш

Рис. 5. Выдача населенных пунктов, образующих изоглоссы по названию боярышника.

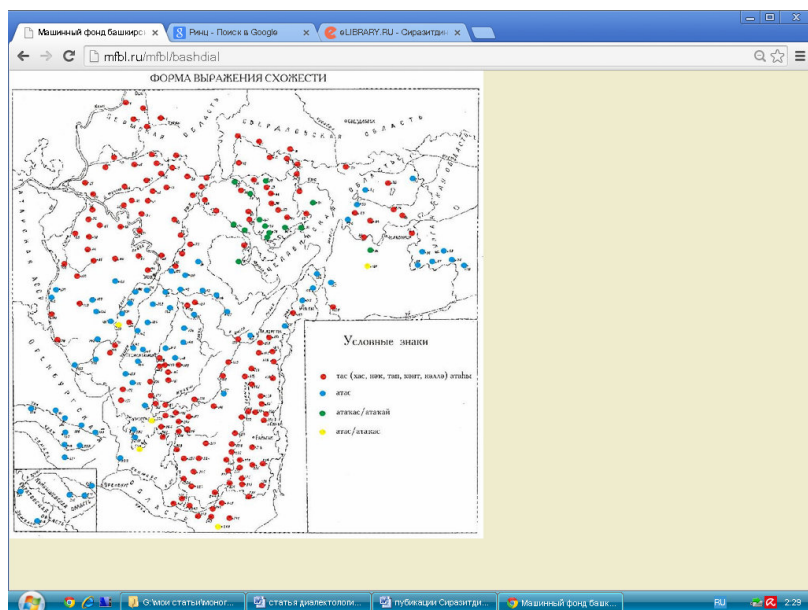

Рис. 6. Выдача карты с изоглоссами форм выражения схожести.

3) Текстологическая база представляет образцы текстов устной речи, собранных во время полевых экспедиций в разные годы сотрудниками ИИЯЛ. В базе можно производить выбор текстов по лингвистическим и экстралингвистическим параметрам. Объемы самих текстов разные. Структура базы данных представлена на рис. 7. Пометы образования, пол, национальность, возраст относятся к информатору, записаны с их слов. [Сиразитдинов, Бускунбаева, Ишмухаметова, Ибрагимова, 2013, 34].

Рис. 7. Структура данных текстологической базы данных.

Текстологическая база данных позволяет находить иллюстрационный материал (диалектный текст) для лингвистических исследований и является источником для широкого круга научных исследований, в том числе для социолингвистических исследований на уровне носителей диалектов. Последнее направление в башкирском языкознании до сих пор остается вне поля зрения лингвистов [Сиразитдинов, Бускунбаева, Каримова, 2010, 187].

Социолингвистические параметры, за исключением года записи, выбираются из ниспадающего меню. Год записи пользователь вводит сам. Образование включает следующие поля фиксации: без образования, начальное, неполное среднее, среднее, среднее техническое, высшее.

Возраст информатора задается в виде шкалы лет: 5–10, 11–20, 21–30, 31–40, 41–50, 51–60, 61–70, 71–80, 81–90, 91–100.

Программное обеспечение также дает возможность осуществить поиск текстов по любому из 7 параметров или по комбинации этих параметров. Отметим, что текстологическая база не является корпусной базой, но тем не менее позволяет

производить поиск словоформ или фрагментов текста по полю “текст”. На рис. 7 представлена выдача 29 текстов по южному диалекту, в которых зафиксировано употребление словоформы *анда*.

Текстологическая база данных

Поиск по полям

Диалект	южный	Говор		Пол		Национальность	
Год записи		Образование		Возраст		Текст	анда

Поиск

Количество найденных текстов: 29

Диалект	южный
Говор	демск.
Пол	жен
Возраст	61-70
Год записи	1977
Национальность	башкир
	Туй йолаһы Туй ҡалһын байтаҡ күрелде инде. Кейәүҙе ҡыҙ белмәй, ҡыҙы кейәү белмәй. Иң тәүле ҡыҙ белмәй бирелә. Никах уҡытырға йыйылалар. Үк ризалығын да алып тормайлар, ҡыҙ риза булды тейер за куйалар. Ҡыҙ йағына туйға киләләр. Кейәү барғас инде ҡыҙы йәшерәләр, аны селкә апсығалар. Мәһерен түлмәгәс ҡыҙы бирмәйләр, ул балалы булып ките торғайны. Шунан мәһәрҙе түләй алмағас, үз бисәнен үзе урлап алғай торғайнылар. Ине тун һорайлар ҡыҙын асаһенә. Ине туны ҡамалы тун инде, биҙәк йелле тун була. Атаһына нәсә һоранын белмәйем, йеләнде Тег еңе ғама тун. Ҡыҙ йағынан хәллеләре буна, нисәтә мал бирәләр инде. Кейәү китәс, кейәүҙе ей беренә йеретеп сай есерәләр. Кейәү ҡайтып ҡыҙ йағынан балды бауырсаҡ ағтайта. Шунан иптәштәрен, ауыл халыҡын ҡыҙ бауырсағына сайға йыйалар. Икенсе барғанда кейәү ҡыҙға булжак инде, хушбуйһымы, йеһле майһымы, йаулығомы, күлмәкәме апарып инде хәленән китәнсә. Кейәү белән ҡыҙы хушғас та тәйенһенәләрғә йаулы ейәрсенәренә ағса бира. Кейәү геше йаулығомы өсөн күлмәкәһнә ағса хала әле. Кейәү ҡыҙы озатып алып киткәндә урам буйына ағса, кәмф ките торғайны. Башҡортта мунса йағыу йүг ине. Ҡалһын да сәрмә гүтәрәүҙе айталар ул. Ҡыҙ йағына киткән туй була инде. Анда нисә пар булар йейишәләр. Аңа һыйыр һуйалар, йығыз һуйалар, һурна есеп та йырышып утарырлар ине. Мин балһай сағса ағайымнарҙын есеп утарығанға күрмөнөм. Елек хатын-ҡыҙ ирлер белән бергә ултырманьлар, айһырым ултырырлар ине. Өүлөһе ней йыр шап, кей шап Боронғоларҙын, тешеп т бейерлар ине йауан-йауан әбей хозайым. Дүрт кис бугас ҡайтып киталар. Төп хоза бер ғаһат алһа йереп сыға, шунан:

Рис.8. Выбор текстов по южному диалекту, в которых встречается слово *анда*.

Данная возможность поиска текстовых иллюстраций по словоформам, несомненно, будет полезна для диалектологов как в сравнительном анализе говора и литературного языка, так в выявлении характерных особенностей самих говоров.

Перед создателями диалектологического подфонда стоит задача разработки базы морфологических и фонетических данных диалектов башкирского языка. Среди них первостепенной является разработка базы данных позиционно-комбинаторных реализаций фонем в говорах, по которым ведется интенсивная работа в ИИЯЛ [Ишкильдина, 2011; Ишкильдина, 2012].

В заключении отметим, что диалектологический подфонд предоставляет большие возможности для исследования диалектных особенностей башкирского языка и в дальнейшем, несомненно, найдет свое место как инструмент и источник научного исследования. Лингвистические и технические решения, которые возникали в ходе создания данного фонда, будут учтены при разработке полноценного корпуса диалектных текстов башкирского языка, задача создания которого стоит перед сотрудниками лаборатории.

ЛИТЕРАТУРА

- Батыршина Г.Р. Лексика родинного обряда башкир.– Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011.–158 с.
 Башкорт һөйләштәре һүзлеге. 1 том. Көнсығыш диалект. - Өфө, 1967.
 Башкорт һөйләштәре һүзлеге 2 том. Көнъяк диалект. - Өфө, 1970.
 Башкорт һөйләштәре һүзлеге; 3 том. Көнбайыш диалект. - Өфө, 1987.
 Диалектологический атлас башкирского языка. – Уфа: Гилем, 2005. – 243 с.
 Диалектологический словарь башкирского языка. – Уфа, 2002. – 432 с.
 Ишкильдина Л.К. Фонема [п] башкирского языка: диахрония, позиционно-комбинаторные изменения//Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2011. № 5 (19). С. 301-303.
 Ишкильдина Л.К. Позиционно-комбинаторные реализации фонемы [з] башкирского языка//Урал-Алтай: через века в будущее:Материалы V Всероссийской тюркологической конференции, посвященной 80-летию Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. —Уфа, 2012. — С. 49-51.
 Каримова Р. Н. Башкирско-русский, русско-башкирский словарь терминов народной медицины башкир. – Уфа, 2005. – 120 с.

- Каримова Р.Н. Башкирско-русский словарь терминов ткачества и рукоделия. Лексика материальной и духовной культуры. – Уфа, 2013. – 122 с.
- Максютова Н.Х. Восточный диалект башкирского языка (в сравнительном освещении). – М.: Наука, 1976. – 292 с.
- Миржанова С.Ф. Южный диалект башкирского языка. – М.: Наука, 1979. – 272 с.
- Миржанова С.Ф. Северо-западный диалект башкирского языка (формирование и современное состояние). – Уфа: Гилем, 2006. – 298 с.
- Сиразитдинов З.А., И.У.Надергулов О создании Машинного фонда башкирского языка/Востоковедение в Башкортостане. История. Культура. Вып.3, Уфа, 1992. С. 104-106.
- Сиразитдинов З.А. О диалектологической подсистеме Машинного фонда башкирского языка/Теория и практика башкирского языка и литературы в свете современных достижений филологических наук. Стерлитамак, 2008. С. 178-182.
- Сиразитдинов З.А., Ибрагимова А.Д. Отражение фонетических явлений в базе данных диалектологического атласа Машинного фонда башкирского языка//Материалы Региональной заочной научно-исследовательской конференции “История и культура народов Урало-Поволжья в контексте мировой цивилизации”. Уфа, 2008. С.105-110.
- Сиразитдинов З.А., Ибрагимова А.Д., Ишмухаметова А.Ш. О структуре представления лексики в базе данных диалектологического подфонда Машинного фонда башкирского языка//Феномен Евразийства в материальной и духовной культуре, этнологии и антропологии башкирского народа: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, проводимой в рамках 7-томного издания “Истории башкирского народа” (Уфа-Сибай, 27-29 мая 2009). Уфа, 2009.— С. 229-231.
- Сиразитдинов З.А., Бускунбаева Л.А. Башкирский язык в информационных технологиях//Проблемы востоковедения, №4, 2010, С. 76-82.
- Сиразитдинов З.А., Бускунбаева Л.А., Каримова Р.Н. О текстологической базе данных диалектологического подфонда “Машинного фонда башкирского языка” // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы X региональной конференции. Уфа, 2010. С. 186-188.
- Сиразитдинов З.А., Ибрагимова А.Д., Ишмухаметова А.Ш. Диалектологический подфонд Машинного фонда башкирского языка// Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы X региональной конференции (Уфа, 21-23 сентября 2010 г.) Уфа, 2010.— С. 188-191 с.
- Сиразитдинов З.А., Бускунбаева Л.А., Ишмухаметова А.Ш., Ибрагимова А.Д. Информационные системы и базы данных башкирского языка. Уфа: Книжная палата РБ, 2013, 116 с.
- Сулейманова Р.А. Башкорт телендәге кайһы бер антропонимдарҙың фонетик варианттары хаҡында // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России Материалы XIII международной конференции. Уфа, 2013. С. 124-126.
- Уликанова Р.А. Личное имя как носитель этнокультурной информации//Межкультурная коммуникация: к проблеме формирования толерантной языковой личности в системе вузовского и школьного лингвистического образования: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Часть 2.— Уфа, 2001.— С. 100-102
- Хисамитдинова Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка. – М.: Наука, 2010. – 452 с.

Исмагилова А.М., г. Казань

ЛЕКСИКО – ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОФИЦИАЛЬНОГО ПОРТАЛА МЭРИИ ГОРОДА КАЗАНИ

Интернет как средство информации в России пока не может конкурировать с традиционными СМИ, но имеет в этом отношении большие перспективы и сможет в дальнейшем выступать наравне с другими информационными ресурсами. Рассматриваемое средство массовой информации является многогранным, содержащим весь спектр видов коммуникаций.

В Интернете реализуется классическая схема стандартной коммуникационной модели «источник-сообщение-получатель», где коммуникация принимает разные формы, от WWW-страниц до электронных писем между друзьями. Каждое звено в цепочке «источник-сообщение-получатель» может варьироваться в широких пределах.

Источником может быть как частное лицо, так и группа журналистов, сообщением – журналистский материал или текст сообщения в чате, а получателем – один человек или аудитория, потенциально состоящая из миллионов человек. [Володина 2008, 56].

Исходя из определения что такое СМИ, интернет можно рассматривать как средство массовой информации, когда есть *направленность на массовую аудиторию*. Фактически, Интернет может являться СМИ, юридически же статус интернета в РФ все еще не определен.

Примечательно и то, что не каждый сайт, расположенный в Интернет-сети является СМИ. Сайты в Сети можно (весьма условно) разделить на несколько видов: прежде всего, домашние странички, авторские проекты (из-за малой себестоимости такие проекты создаются и поддерживаются одним человеком, но являются довольно популярными в Интернете), всевозможные сайты развлекательной (анекдоты), сервисной (электронная почта) и справочной (поисковые системы, энциклопедии) направленности. И последний тип – это, собственно, так называемые «интернет-СМИ» [Володина 2008, 57]. По мнению исследователей, *интернет-СМИ* – это посещаемые относительно большой аудиторией крупные сайты, которые обновляются по несколько раз в сутки и созданные, чтобы предоставлять именно журналистскую продукцию, социально значимую информацию: новости, статьи и прочее [Володина 2008, 57].

В данной работе рассмотрим один из таких «Интернет-СМИ» сайтов – Официальный портал Мэрии города Казани [<http://www.kzn.ru>].

Целью данной работы является научный обзор переводных материалов с русского языка на татарский на страницах указанного портала, с тем, чтобы исследовать различные виды трансформаций, которые были обнаружены при переводе текста. В связи с этим, мы попытаемся дать краткий обзор выбранного для анализа Интернет-портала; определить языковые особенности переводных текстов; описать различные виды языковых трансформаций (преобразований) в переводных текстах.

В связи с тем, что старая версия сайта [<http://old.kzn.ru/tat/page3822.htm>] выполнена на трех языках: на татарском, на русском и на английском, а новая версия сайта [<http://www.kzn.ru/>] выполнена только на русском языке, основное внимание при анализе уделяется старой версии сайта. Эта версия сайта по указанному адресу была создана в 2007 году и продолжает действовать и сейчас наряду с новой версией сайта, которая была создана в 2012 году.

Как было упомянуто выше, старая версия сайта выполнена на трех языках, но сказать, что сайт выполнен на всех трех языках в совершенстве нельзя. На первый взгляд, кажется, что русская версия сайта содержит всю необходимую информацию во всей своей полноте, но стоит только перейти по ссылке на татарскую версию сайта как можно обнаружить, что далеко не вся информация, которая содержится в русской версии Интернет-портала Мэрии города Казани переводится на татарский язык. Встречается и такое, что информация сайта на русском языке не соответствует информации на татарском языке.

Для выявления трансформаций встречающихся на страницах Официального портала Мэрии города Казани [<http://www.kzn.ru>], рассмотрим следующий пример: *Давайте каждому пожмем руку, напишем благодарственные письма, соберем все положительные отзывы от горожан и передадим представителям бизнеса, чтобы они видели отдачу от своего вклада в благоустройство Казани. – Әйдәгез, һәрберсенә кулларын кысып, рәхмәт хатлары тапшырабыз, шәһәрлеләрдән бөтен уңай бәяләмәләрне жыябыз да аларны эшмәкәрлек вәкилләренә тапшырабыз, Казанны төзекләндерүгә керткән өлешләренә нәтижәсен күрсеннәр* [<http://www.kzn.ru//458782/>]. В данном примере в русском варианте предложения реализована схема: частица *давайте* + форма 1 лица будущего времени изъявительного наклонения глаголов совершенного вида: *`пожмем, напишем, соберем, передадим`*. Соответственно, судя по этой схеме можно сказать, что здесь мы имеем дело с повелительным наклонением.

Как видно из перевода на татарский язык предложение теряет свой оттенок побуждения к какому-либо действию (остается лишь частица `давайте` – `әйдәгез`) и переводится на татарский язык в настоящем времени: *Әйдәгез, һәрберсенең кулларын кысып, рәхмәт хатлары тапшырабыз, шәһәрлеләрдән бөтен уңай бәяләмәләрне жыйябыз да аларны эшмәкәрлек вәкилләренә тапшырабыз...*. Оттенок повелительного наклонения появляется лишь только во второй части предложения: *Казанны төзекләндерүгә керткән өлеشلәренең нәтижәсен күрсеннәр (чтобы они видели отдачу от своего вклада в благоустройство Казани).*

Замена формы 1 лица будущего времени изъявительного наклонения глаголов совершенного вида на настоящее время глаголов того же вида и наклонения вполне возможно, но не нужно забывать про частицу `давайте` – `әйдәгез`. Частица `давайте` – `әйдәгез` как уже было сказано выше, придает предложению определенный оттенок, побуждает к действию. Соответственно, если при переводе на татарский язык сохраняется данная частица, то и оттенок, который она передает также должен сохраниться. Здесь при переводе побуждение к действию, можно было бы заменить на желание совершить то или иное действие, чтобы достичь какой-либо цели, добиться того или иного результата. В таком случае, предложение выглядело бы таким образом: *Давайте каждому пожмем руку, напишем благодарственные письма, соберем все положительные отзывы от горожан и передадим представителям бизнеса, чтобы они видели отдачу от своего вклада в благоустройство Казани.* – *Әйдәгез, һәрберсенең кулларын кысык, рәхмәт хатлары тапшырыйк, шәһәрлеләрдән бөтен уңай бәяләмәләрне жыйыйк та аларны эшмәкәрлек вәкилләренә тапшырыйк...*

Если посмотреть на вторую часть предложения, то нужно сказать, что в оригинале первая часть предложения отделена от второй части предложения при помощи союза `чтобы`. В переводе же первая часть предложения отделена от второй части при помощи знака препинания “запятой”, а союз `чтобы` просто напросто опущен. Хотя вполне можно было передать союз `чтобы` на татарский язык как `өчен` и перевести предложение так, как оно выглядит в русском языке. Это выглядело бы так: *Әйдәгез, Казанны төзекләндерүгә керткән өлеشلәренең нәтижәсен күрсеннәр өчен, һәрберсенең кулларын кысык, рәхмәт хатлары тапшырыйк, шәһәрлеләрдән бөтен уңай бәяләмәләрне жыйыйк та аларны эшмәкәрлек вәкилләренә тапшырыйк.* Как видно из примера, при переводе предложения на татарский язык поменялся порядок слов в предложении. Это вполне нормальное явление. Объясняется это тем, что в каждом языке существуют свои правила построения предложения, своя структура.

Если говорить о лексических особенностях данного предложения, то здесь тоже можно увидеть некоторые недочеты в плане перевода определенных слов в предложении с русского языка на татарский. Например, выражение: *напишем благодарственные письма* перевели на татарский язык как: *рәхмәт хатлары тапшырабыз*. `Тапшырырга` в переводе на русский язык означает `вручать`, а `написать` означает `язарга`. Получается, что при переводе на татарский язык глагол `написать` (`язырга`), заменили глаголом `вручать` (`тапшырырга`). С лексической точки зрения выражение `напишем благодарственные письма` лучше было бы перевести на татарский язык как `рәхмәт хатлары языйк`. Нужно также заметить и то, что при переводе на татарский язык существительное `горожане` перевели на татарский язык как `шәһәрлеләр`. С лексической точки зрения это не совсем верный перевод. В русско-татарском словаре слово `горожанин` имеет два значения: 1) шәһәр кешесе; 2) шәһәрдә торучы. [Русско-татарский словарь 1991, 114] Поэтому в данном случае существительное `горожанин` правильнее было бы перевести на татарский язык как: `шәһәр кешесе`, `шәһәрдә торучы`. Исходя из всего сказанного, взвешивая все плюсы и минусы попробуем привести свой вариант перевода: *Давайте каждому пожмем руку, напишем благодарственные письма, соберем все положительные отзывы от горожан и передадим представителям бизнеса, чтобы они видели отдачу от своего вклада в благоустройство Казани.* – *Әйдәгез, Казанны төзекләндерүгә керткән*

өлешләренең нәтижәсен күрсеннәр өчен һәрберсенең кулларын кысык, рәхмәт хатлары языйк, шәһәр кешеләреннән или (шәһәрдә торучылардан) бөтен уңай бәяләмәләрне жъыйк та, аларны эшмәкәрлек вәкилләренә тапшырыйк [Перевод автора].

Исходя из этого примера, а также проанализированных ранее примеров на странице официального портала Мэрии города Казани [<http://www.kzn.ru>], можно сказать, что наиболее часто встречаемыми видами языковых трансформаций являются замена грамматического времени и замена одной части речи другой [<http://www.kzn.ru>]

Литература

Володина М.Н. Язык средств массовой информации (Учебное пособие для вузов). – М.: Академический проект, Альма Матер, 2008. – 760 с.

Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник. – М.: Изд-во Моск. ун-та. 2004. – 554 с.

Казан мэриясенен рәсми порталы. URL: <http://old.kzn.ru/tat/page3822.htm> (дата обращения: 02.10.2014)

Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). Учеб. для ин.-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.

Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. – М.: Международные отношения, 1980. – 166 с.

Комиссаров В.Н. Теория перевода. – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.

Латышев Л.К. Межъязыковые трансформации как средство достижения переводческой эквивалентности // Семантико-синтаксические проблемы теории языка и перевода, 1986. – 107 с.

Официальный портал мэрии города Казани. URL: <http://www.kzn.ru> (дата обращения: 02.10.2014)

Татарско-русский словарь: В 2-х т. Т.1 (А-Л). – Казань: Магариф, 2007. – 726 с.

Татарско-русский словарь: В 2-х т. Т.2 (М-Я). – Казань: Магариф, 2007. – 726 с.

Карбозова Б., г. Астана (Казахстан)

О РАЗГРАНИЧЕНИИ СЛОВ-ОМОНИМОВ И ПОЛИСЕМИИ В СВЕТЕ РАЗРАБОТКИ КОРПУСА КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА

Проблема омонимии и полисемии является достаточно изученной в западноевропейской и русской лингвистике. Определенные аспекты рассматриваемых категорий освещены в тюркологии и в казахском языкознании [Равшанов 1992; Жалмаханов 1992; Суфьянова 1998; Құрманәлиева 1998; Қайырбекова 2005]. В исследованиях лингвистов даются определения самим понятиям, рассматриваются широкий круг вопросов омонимии и полисемии. Однако проблемы образования омонимии и полисемии, связь этих явлений друг с другом до сих пор остаются спорными. Данная проблема становится актуальной практической задачей на современном этапе казахского языкознания, этапе создания национального корпуса языка. над созданием которого активно работают казахские лингвисты [Жубанов 2012].

Корпус как инструмент для решения различных лингвистических задач кроме массива текстов должен содержать дополнительную лингвистическую разметку, позволяющую использовать их для различных исследовательских и иных целей [Сиразитдинов 2013, 105]. Подчеркивая значимость глубокой аннотации текстов в корпусе, руководитель проекта Национального корпуса русского языка член-корр. РАН В.А. Плунгян считает «собственно, наука о корпусах... это прежде всего наука о том, как сделать хорошую разметку» [Плунгян 2005, 6]. Очевидно, глубокое лексико-грамматическое аннотирование национального корпуса казахского языка должно содержать информацию и об омонимичных парах.

В языке существуют совпадающие слова, являющиеся бесспорными омонимами. Рассмотрим для примера слово *өкле*. В значении «ауаны ішке тартып, сыртқа шығарып тұратын дене мүшесі» слово *өкле* и его значение «наз, реніш» являются омонимами.

Аналогично слово «**жала**» имеет такие формы: 1. Жалған, нақақ тағылған айып, бәле. *Алуаның жүрегіне бұл сұмдық жала қанжар сұққандай болады.* 2. Тілмен жалау, жалап-жұқтау, жалап қою. *Болар-болмас қылтанақ болса, қалдырмай жеп, құмның өзін жалапта қорек алғандай.* Так как вышеперечисленные слова являются точными и ясными омонимами, их легко отличить от слов полисемии. Говоря словами известного лингвиста Абаева, когда «два слова, которые в действительности генетически не связаны, мы говорим: здесь нет этимологической связи, это простая омонимия» [Абаев 1957, 33]. Отметим, что омонимия может возникнуть и при случайном совпадении форм заимствованных слов с уже существующими в языке [Современный ... 1989, 38].

Приведем еще один пример: 1. *Көлемі аз бұлақтың айналасына жиі қонған ауылдардың үйлері де, шұбыртқан малы да, адамдары да кешкі мезгілде ыю-қию араласып жатқан сияқты.* 2. *Қандай азғансың, қандай кіп-кішкене боп, ұсақ боп кеткенсіңдер?*

Слово `аз` в первом предложении является именем прилагательным и имеет значение «мало», «малый» («азғантай», «шағын»). А это слово в свою очередь зародив значения «физиологически измениться» («физиологиялық өзгеріске ұшырау»), «лишиться хороших качеств» («жақсы қасиеттен айырылу»), «изнуряться» («жүдеп-жадау»), постепенно породило ряд омонимов.

Однако омонимия и полисемия неразрывно связаны друг с другом, «живущие вместе явления» [Будагов 1958, 15]. В языке наблюдаются одновременно встречные процессы: отдельные значения полисемантических слов выходят из употребления, в результате чего возникают два вида слов омонимов, и в тоже время между словами омонимами возникает семантическая связь, объединяющая их в одну полисемантику. И в этом случае воплощение известных теоретических положений на практике сталкивается с трудностями, связанными с определением степени расщепления и объединения значений слов. Возникает неопределенность – к каким категориям относить языковое явление: к омонимии или полисемии.

Имеются и известные противоречия внутри полисемии, что позволяет некоторым исследователям утверждать, что полисемии вообще не существует.

Определение лексических значений слов и обозначение границ между ними является трудноразрешимой и сложной проблемой. Трудность заключается в отсутствии абсолютной границы между двумя категориями, их схожестью и участием в некоторой степени многозначных слов в образовании слов омонимов [Булаховский 1954, 43].

Но тем не менее большинство исследователей сходится в одном: основным критерием в различении границы омонимов и многозначных слов является смысловая связь между схожими словами, проявляющаяся в наличии общего семантического элемента.

Если между значениями сохраняется связь, и это обнаруживается ясно, то эти значения принимаются как разные значения одного слова (полисемантизм), но если между значениями семантическая связь прерывается, то эти значения являются значениями не одного, а нескольких разных слов омонимов. Развитие значений слов, образование омонимов считается одним из путей словообразования.

К сожалению, в реальности не все так просто. Так часто на базе общеупотребительных слов образуются научные термины, однако связь между ними остается осязательным. Например: *бұрыш* 1) `угол`, 2) `математический угол`.

Попытка решить проблему через критерии «далеко разошедшиеся значения», «разрыв семантических связей», к сожалению, не приводит к результатам. Понятие «разрыв семантических связей» является прежде всего субъективным и, кроме того, абсолютно не лингвистическим. Недаром в терминологии лексикологов, защищающих эту позицию, мы встречаем такие выражения, как «восприниматься», «ощущаться», «чувствоваться», «впечатление» – термины скорее психологии, чем лингвистики.

В различении полисемии и омонимии наряду с теоретическими концепциями большое значение имеют лексикографические работы, в особенности словари омонимов.

Среди изданных словарей такого рода особо выделяется словарь О.С. Ахмановой [Ахманова 1974]. В нем приводятся в алфавитном порядке омонимические пары (реже группы из трех или четырех слов), в необходимых случаях даются грамматические сведения и стилистические пометы, справки о происхождении. Словарь включает 2000 статей слов, в каждой из них указаны:

- 1) производная омонимия, морфологическая форма которой ясно выражена (исконно разные слова, полисемия с разошедшимися значениями);
- 2) грамматическая характеристика слов;
- 3) стилистическая характеристика;
- 4) этимологические данные;
- 5) перевод каждого слов омонимов на английский, французский и немецкий язык;
- 6) примеры употребления омонимов в словосочетаниях или предложениях.

Считаем, что содержание в словарях такой полной информации о каждой языковой единице оказывает огромную помощь в различении явлений омонимии и полисемии. Создание такого словаря для казахского языка и дальнейшее исследование вопроса разграничения самих омонимов весьма актуально в свете разработки системы автоматической лексико-морфологической разметки для корпуса национального языка.

Таким образом, перед казахскими лингвистами стоит сложная задача разработки теоретических положений взаимосвязи явлений омонимии и полисемии, создание коллективным усилием практического словаря омонимов казахского языка.

Литературы

- Абаев В.И. О подаче омонимов в словаре // Вопросы языкознания, 1957, №3. С. 31-43.
- Ахманова О.С. Словарь омонимов русского языка. – Москва, 1974. – 448 с.
- Будагов Р.А. Многозначность слов // Филологические науки. №1. 1958. С. 5-18.
- Булаховский Л.А. Введение в языкознание. Часть II. – Москва, 1954. С. 46.
- Жалмаханов Ш. Қазіргі қазақ тіліндегі көп мағыналы нақты түбір зат есімдердің мағыналық құрамы. Филол. ғ. к. ... дис. - Алматы, 1992.
- Жұбанов А.Қ. Қазақ тілінің аннотацияланған мәтіндер корпусындағы ететік сөздерге лексик-морфологиялық белгі-код (белгіленім) қоюдың алғышарттары / "Тілтаным", 2012. № 1. 18-25 б. (Журнал Института языкознания им. А.Байтурсынова, Казахстан, Алматы).
- Қайырбекова Ұ. Қазақ тіліндегі көп мағыналы етістіктердің функционалды-семантикалық құрылымы (10 томдық түсіндірме сөздіктің материалдары бойынша) [Мәтін]. Филол. ғ. к. ... дис. – Алматы, 2005. – 26 б.
- Құрманәлиева А. Қазақ тіліндегі гомогенді омонимдердің табиғаты. Филол. ғ. к. ... дис. – Алматы, 1999. – 25 б.
- Плунгян В.А. Зачем нужен Национальный корпус русского языка? Неформальное введение // Национальный корпус русского языка: 2003-2005. – М.: Индрик, 2005. С.6-20.
- Равшанов В. Омонимы в толковом словаре узбекского языка. Автореф. дис.... канд. филол. наук. – Ташкент, 1992. – 21 с.
- Сиразитдинов З.А. Корпусные проекты лаборатории лингвистики и информационных технологий ИИЯЛ УНЦ РАН // Известия Уфимского научного центра Российской академии наук. 2013, № 4. С. 104-112.
- Современный русский язык / под. ред. Белошапковой В.А. – Москва, 1989. – 800 с.
- Суфьянова Н.Ф. Проблемы многозначности в башкирском языке и ее лексикографическая разработка. – Уфа: Гилем, 1998. – 101 с.

Кожяхметова А.К., г. Алматы (Казахстан)

МЕТОДЫ РАЗМЕТКИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В КОРПУСЕ ТЕКСТОВ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА

Применение новых информационных технологий во всех общественных сферах является актуальной проблемой современности. Интенсивное развитие новых технологий привело к появлению новых направлений и возникновению новых концептуальных идей в

языковедении. Одним из проявлений которых стала корпусная лингвистика. На сегодня в мире насчитываются более тысячи корпусов, количество и объемы материалов которых растут изо дня в день. Созданы корпуса английского, немецкого, китайского, японского, эстонского, русского, польского и других языков. Ведутся разработки и по корпусам родственных тюркских языков [Куканова 2011; Салчак 2012; Сиразитдинов, Полянин 2014; Сулейманов, Хакимов, Гильмуллин 2011; Шеймович 2011; Sirazitdinov, 2014].

Корпус – это сборник объемных текстов в электронной форме. По корпусу исследователь находит нужные для себя слова, словосочетания и грамматические формы, значения по специально составленной поисковой системе. Обычно тексты используемые в корпусе имеют экстралингвистические и лингвистические разметки. К первым относятся указание жанровой принадлежности (художественная литература, публицистика, научно-технические тексты и т.д.), сведения об авторе и времени издания и др. Ко вторым – морфологические и семантические данные: каждое слово предложения приведено с полным морфологическим разбором и семантическим значением.

Одним из практических задач создания корпуса казахского языка является вопрос разработки методов автоматического разбора прилагательных.

Прилагательное в казахском языке, как в остальных тюркских языках, означает признак, объем, цвет и качество предмета. Основатель казахского языкознания А. Байтұрсынов в своем труде «Тіл тағлымы» разделял слова этой части речи на *сын* и *сыр сын* и считал, что только признак определяется в качестве слов обозначающих внешний и внутренний вид, цвет, форму предмета [Байтұрсынұлы 1992]. А. Ысқаков в своем труде дает такое определение: «Прилагательное – это лексико-грамматическая часть речи обозначающее качество, свойство, объем, массу и цвет и другие черты предмета» [Ысқаков 1991].

При морфологическом разборе прилагательных в корпусе текстов казахского языка по семантическому значению их можно разделить на качественные и относительные прилагательные. Например, *қара (қара - прилагательное: ед., корень, качественное), көңілсіз (көңілсіз – прилагательное: ед., производное, относительное)*.

В труде «Казахская грамматика» качественным и относительным прилагательным дано такое определение: главное различие качественного прилагательного от относительного прилагательного в семантике, «качественные прилагательные по семантике обозначает признак, цвет, вид предмета и может изменяться по степени», а «к относительным прилагательным относятся слова обозначающие признак одного предмета посредством другою предмета, действия». Относительные прилагательные образуются с помощью таких аффиксов: *лы/-лі, -ды/-ді, -ты/-ті, -лық/-лік, -дық/-дік, -тық/-тік, -ғы/-гі, -қы/-кі, -сыз/-сіз* и т.д. [Қазақ грамматикасы 2003].

Ж. Шакенов в работе «Категории прилагательных в современном казахском языке» употребляет термины качественные и относительные прилагательные и дает такие определения: «качественное прилагательное обозначает различное качество предмета, относительное прилагательное обозначает признаки но непосредственно, а через отношение к материалу, месту, времени, действию и т.д. [Шакенов 1961].

Учитывая вышесказанные мнения, считаем необходимым при аннотировании ставить разметки, различающие качественные и относительные разряды прилагательных. Это позволяет не допускать ошибок при дальнейшем морфологическом разборе. Например, морфологический разбор прилагательных в произведении «Қорғансыздың күні» М. Ауезова: *қара (қара - прилагательное: ед., корень, качественное), көңілсіз (көңілсіз - прилагательное: ед., производное, относительное)*.

При аннотировании, очевидно, необходимо отдельно выделять и сложные прилагательные: *ақ-сұр (ақ-сұр - прилагательное: сложное, удв., качественное), бірлі-жарымды (бірлі-жарымды- прилагательное: сложное, удв, относительное)*.

В любом языке встречается переход слов из одной части речи в другую, одним из которых является субстантивация, которую также необходимо фиксировать при разметке:

Күшікнай батыр жиырма бір жасында дүние салған екен. Это в корпусе указывается таким образом: *батыр* (*батыр* - прилагательное: ед., корень, качественное, субстантив + Ø ед.ч. + Ø надеж, именительный).

Разработка полной схемы разбора, создание всеобъемлющей системы пометок для прилагательных является одним из приоритетных задач казахской лингвистики в русле корпусной лингвистики. Дополнение и усовершенствование их требует дальнейших теоретических и практических исследований.

Литература

- Байтұрсынұлы А. Тіл тағлымы. – Алматы: Ана тілі, 1992. С. 217-218.
Қазақ грамматикасы. – Астана, 2002. С. 461-462.
Куканова В.В. Архитектура метаописания в Национальном корпусе калмыцкого языка // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 139–145.
Сулейманов Д.Ш., Хакимов Б.Э., Гильмуллин Р.А. Корпус татарского языка: концептуальные и лингвистические аспекты // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. № 4(26), 2011. С. 211-216.
Салчак А.Я. Электронный корпус текстов тувинского языка // Новые исследования Тувы. 2012, № 3. (Электронный журнал). URL:http://www.new-tuva.info/journal/issue_15/5231-salchak.html (дата обращения: 17.06.2013).
Бсқақов А. Қазіргі қазақ тілі. – Алматы: Ана тілі, 1991. С. 166.
Сиразитдинов З.А., Полянин А.И. Об опыте разработки интегрированной корпусной системы на базе СУБД Оракл // Труды Казанской школы по компьютерной и когнитивной лингвистике TEL-2014. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2014. – 298 с.
Sirazitdinov Z.A. The Corpora of Bashkir language//Turklang 14. TBV BBMD. Istanbul Technical University. 6-7 November 2014. P. 125-130.
Шакенов Ж. Қазіргі қазақ тіліндегі сын есім категориясы. – Алматы, 1961. С. 18-19.
Шеймович А.В. Морфологическая разметка корпуса хакасского языка // Российская тюркология. 2011, № 2(5). С. 48–61.

Куканова В.В., Бутаева А.О., Каджиев А.Ю., г. Элиста

ФОЛЬКЛОРНЫЙ КОРПУС КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ АНАЛИЗА ДИАЛЕКТОВ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА (на материале сказок, записанных Г.И. Рамstedтом)

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Национальный корпус калмыцкого языка: создание и разработка» (12-04-12047/в).

Корпусная лингвистика занимает стабильное развитие в регионах Российской Федерации, о чем свидетельствуют разработанные и ныне функционирующие языковые корпуса национальных республик (см., например: [Бадмаева, Бадагаров 2008; Бадмаева и др. 2008; Бадмаева 2009; Кибрик и др. 2007; Мутулов 2007; 2009; Ринчинов 2009; Сиразитдинов, Полянин 2013; Сиразитдинов и др. 2014]) и, более того, само применение корпусных данных в создании словарей, грамматик [Сиразитдинов 2013; Каримова, Сиразитдинов 2014]. Другими словами, прикладное значение созданных корпусов несомненно и очевидно. Это значительный шаг в становлении новых методов исследования структуры того или иного языка. Информационные технологии все более проникают в исследования языков, что уже становится невозможным изучение языка без их использования.

В рамках развития Национального корпуса калмыцкого языка разрабатывается фольклорный корпус, который может послужить прекрасным материалом для анализа

диалектных особенностей языка. Создание подобного ресурса значительно отличается от основного, хотя в некоторых моментах схожа, например в необходимости метаописания текстов, включенных в массив данных [Куканова 2012]. В подкорпус фольклорных текстов включены разные жанры произведений устного народного творчества: сказки, эпос, легенды, мифы, малые жанры фольклора и другие. Массив этих текстов снабжен только морфологической и семантической разметкой, необходимо, конечно, в будущем разрабатывать систему аннотирования, которая отвечала бы нуждам фольклористов и служила бы инструментом для поиска необходимого для исследования материала. Например, разметка по типам героев, по сюжетам, вариантам и версиям, топонимам и т. д.

В этой работе мы попытаемся продемонстрировать возможности анализа фольклорного текста в аспекте изучения диалектных особенностей, зафиксированных в фольклорном тексте. Как известно, научное издание произведений устного народного творчества отличается тем, что составители не изменяют стиля, языка текста сказителя, т. е. сохраняют аутентичность текста. Одной из особенностей подготовки фольклорного текста к публикации является сохранение диалектных черт, которые были зафиксированы в речи сказителя.

В ходе реализации задачей проекта РГНФ «Национальный корпус калмыцкого языка: создание и разработка» был оцифрован сборник калмыцких народных сказок в двух частях, изданный известным востоковедом Г.И. Рамstedтом в 1909 и 1919 гг. Тексты сказок представлены ученым в транскрипции на латинице и в переводе на немецкий язык. Г.И. Рамstedт не дал названий сказкам, а поместил их под номерами [Ramstedt 1909; 1919]. К сожалению, многие сказочные тексты из этого сборника еще не опубликованы в современной орфографии, хотя имеются переводы некоторых из них на русский язык.

Всего Г.И. Рамstedтом было записано 22 сказки. В начале XX в. финский ученый посетил степи волжских калмыков, где он познакомился с семьей Тундутовых. Видимо, он записывал фольклорный материал под диктовку у нескольких калмыцких сказочников, о чем свидетельствует разная транскрипция одних и тех же слов (например, *хөн* ‘овца’ было затранскрибировано следующим образом: *χonnā* (13) [№ 15, 17, 21] и *χōnā* (12) [№ 9, 18, 22]). Мы предполагаем, что его полевые записи отличаются точностью фиксирования устной речи, в транскрипции которой отражены многие произносительные особенности дербетского говора калмыцкого языка.

Сказки были набраны в фонетической транскрипции одним из авторов статьи (А.О. Бутаевой, студенткой КалмГУ), затем автоматически сегментированы на предложения, которые были соотнесены с переводом на немецкий язык. Тексты были обработаны согласно принятой разработчиками фольклорного подкорпуса концепции [Куканова, Горяева, Манджиева 2013]. Для анализа были привлечены тексты, затранскрибированные составителем на латинице. Вернее, Г. Рамstedт, являясь представителем финно-угорской лингвистической школы, использовал финно-угорскую систему транскрибирования речи, которая несомненно является самой удачной в отображении особенностей артикуляции тех звуков, которые не классифицируются как аллофоны и, следовательно, фонемы (см. таблицы 1, 2) [Венде 1967].

Таблица 1.

Гласные и их характеристика

а	средний	нижний			–
ә	ненапряженно-нижние	средний		сверхкраткий	–
ä	передний	нижний	палатализованный		+

ā	средний	нижний		долгий	–
ā̄	передний	нижний	палатализованный	долгий	+
e	ненапряженно-средний	нижний		краткий	–
ɒ	задний	нижний		краткий	+
ɔ	задний	нижний		сверхкраткий	–
ɑ	нижний	задний			+
ə	средний	средний		краткий	–
æ	передний	верхне-нижний			–
e	средне-верхний	передний	палатализованный		–
ē	средне-верхний	передний	палатализованный	долгий	–
ɛ	средне-нижний	передний	палатализованный		–
ɞ	средний	средний		сверхкраткий	–
Гл.	Ряд	Подъем	Палатал./непалатал.	Длина звука	Лаб-ция
ē	средне-нижний	передний	палатализованный	долгий	–
i	верхний	передний	нейтральный		–
ī	верхний	передний	нейтральный	долгий	–
î	верхний	средний	нейтральный	краткий	–
ï	верхний	средний	нейтральный	краткий	–
!̇	верхний	средний	нейтральный	сверхкраткий	–
o	средне-верхний	задний			–
ō	средне-верхний	задний		сверхкраткий	+
ö	средне-верхний	средний	палатализованный		+
ø*	средне-верхний	средний	палатализованный	сверхкраткий	+
ō	средне-верхний	задний			+
ō̄	средне-верхний	средний	палатализованный	долгий	+
u	верхний	задний			+
ū	верхний	задний		сверхкраткий	+
ū	ненапряженно-верхний	средний	палатализованный		+
ū*	ненапряженно-верхний	средний	палатализованный	сверхкраткий	+
ū̄	верхний	задний		долгий	+
ū̄	ненапряженно-верхний	средний	палатализованный	долгий	+
ū̄̄	ненапряженно-верхний	средний	палатализованный	долгий	+

* Поскольку в системе Unicode отсутствует кодировка для звука [ø̄], то мы заменили этот символ на [ø̄].

** Поскольку в системе Unicode отсутствует кодировка для звука [ū̄], то мы заменили этот символ на [ū̄].

Таблица 2.

Согласные и полугласные и их характеристика

Согласный	По месту образования	По способу образования	Глухой/Звонкий
b	билабиальные	плосивный	звонкий
c	дорсальный	фрикативный	глухой

d	дентальный	пловивный	звонкий
D	альвеолярный	пловивный	звонкий
dž	альвеоло-палатальная	аффриката	звонкий
ɟ	альвеолярный	аффриката	звонкий
g	велярный	пловивный	звонкий
ḡ	увулярный	пловивный	звонкий
j	палатальный	аппроксимант	звонкий
k	велярный	пловивный	глухой
ḵ	велярный	пловивный	глухой
l	альвеолярный	латеральный аппроксимант	звонкий
ɭ	палатально-альвеолярный	латеральный аппроксимант	звонкий
m	назальный	билабильный	звонкий
ṁ	назальный	билабильный	звонкий
n	назальный	альвеолярный	звонкий
ṅ	назальный	альвеолярный	звонкий
ṇ	назальный	альвеолярный	звонкий
ṅ	назальный	альвеолярный	звонкий
ṇ	назальный	велярный	звонкий
p	билабиальные	пловивный	глухой
r	дрожащий	дентально-альвеолярный	аппроксимант
ṛ	дрожащий	дентально-альвеолярный	аппроксимант
ṙ	дрожащий	дентально-альвеолярный	аппроксимант
s	фрикативный	альвеолярный	глухой
š	фрикативный	дентально-альвеолярный	глухой
t	пловивный	альвеолярный	глухой
w	билабиальные	велярный	аппроксимант
w̥	билабиальные	велярный	аппроксимант
x	фрикативный	велярный	глухой
z	фрикативный	альвеолярный	звонкий
ɣ	фрикативный	велярный	звонкий
χ	фрикативный	увулярный	глухой
ç	увулярный	пловивный	звонкий
в	смычный	билабильный	глухой
D	смычный	альвеолярный	глухой
ž	фрикативный	альвеолярный	звонкий

Приведем пример одной из сказок (№ 3) в фонетической записи, осуществленной Г. Рамстедтом.

1. *kezēnā sandži, g.urɣn köwūtā neg öwgŋ sandži.*
2. *ik^a köwū daxūlāw jowdž-jowtʃlḥ neg mod^o urʃdž-āsŋ kün irēD köwūn kelnā: “ur^a surnā-w” genā. “sur!” genā, ets^agḥ. “sur!”.*
3. *gēD g.arāD jownā.*

4. *gertān kūrṣ-irēD dākād neg köwū daxūlād g.arād jowdž-jowtllḡ bas neg mod^o urldž-āsḡ künēr irēD köwūn: “ur^u surnā-w” genā.*
5. *“sur!” gegēD üldētškād g.arād jowḡ.*
6. *gertān irēD bitš^hpn köwūnān daxūlād, jowdž-jowtllḡ neg tömr urldž-āsḡ kün bānā. tūnēr irēD: “āw”, tömörin ur^u surnā-w” genā.*
7. *awḡ “ugē” gedž kelwā.*
8. *tsārḡ jowdž-jowtllḡ neg tsar ter^oktā or^os jomnā.*
9. *“ūnēs tsarīn ḡulḡāldž amnā-w” gedž köwūn kelwā.*
10. *“ḡulḡā kek^olā džilē!” gēD ḡajtš^hpdžā.*
11. *köwūn ḡojr g.osān tāldž awād, neg g.osḡdān bāyād ömnān g.arād bāstā g.os^o ḡajtškād, bas neg g.osān tālād ḡalyḡ dērḡ ḡajtškād tedīkḡ g.arād bultād kept^onā.*
12. *ter^o or^os bāstā g.osīn oldž-awād “g.aksḡpn bolḡ, bāstā bolḡ, jū keḡə-w”.*
13. *gēD g.arād jowdž jowtllḡ dākād neg g.osḡ oldž-awād, tsarāntālād ḡārū bāstā g.osīn awḡār jowdž.*
14. *jowdž-jowtllḡ tsāt köwūn tsarīn ḡulḡāldž aptšī.*
15. *ḡulḡāldž awād neg mod^onā ör^o bāsḡ künā ör^o irēD: “ḡulḡā kīj” genā. “tši jamārḡ ḡulḡātšī bišī”.*
16. *“bi jowdž-jowḡ künēs tsar ḡulḡālād awdḡḡ gesḡ-l-ēnā”.*
17. *“tīk^olā en^o mod^onī üzūr dēr^o alvḡ, šāz^oyā önd^ogān dardž-ēnā.*
18. *ek^odḡ medl-ugē önd^ogḡ ḡulḡāldž aptš irkə-w” genā.*
19. *“aptš-ir!” genā.*
20. *dēkšān dawšād g.arnā.*
21. *g.arts-jowtllḡ ardāsḡ dawšād šalwūrīn ḡulḡālād awād-oknā.*
22. *önd^ogḡ ek^odḡ medl-ugē awād irnā.*
23. *“šalwūr-ugēyās bišī sān ḡulḡātšī sandžī tši” genā.*
24. *šalwūrān ḡāl^onā, šalwūr-ugē boldž-g.arwā.*

После проведения статистического анализа транскрипционной записи мы получили список словоформ с частотой употребления в тексте.

Таблица 3.

Список верхушек частотных словоформ по сказкам, записанным Г. Рамstedтом

Токен	Перевод	Часть речи	Граммема	Частота
gedž	‘говорить; что’	Conv Conj	Ipfvl	639
neg	‘один’	Num Pron	Noml	531
bolnā	‘статья’	V	Pres	517
genā	‘говорить’	V	Pres	339
kelwā	‘говорить’	V	Pst	305
köwūn	‘мальчик’	N	Nom	283
awād	‘брат’	Conv	Ant	279
ḡojr	‘два; и’	Num Pron	Ordl	259
öwḡḡ	‘старик’	N	Nom	246
g.arād	‘выйти’	Conv	Ant	208
kūn	‘человек’	N	Nom	192
kūrēD	‘беседовать’	Conv	Ant	182
irnā	‘прийти’	V	Pres	165
gegēD	‘говорить’	Conv	Ant	164

en°	‘он; этот’	Pron	Pers.NomlDem	157
emgŋ	‘старуха’	N	Nom	157
irēḅ	‘прийти’	Conv	Ant	148
ter°	‘он; тот’	Pron	Pers.NomlDem	140
χar°	‘черный’	Adj		138
g.urwŋ	‘три’	Num	Ord	135
bānā	‘быть’	V	Pres	133
bi	‘я’	Pron	Nom	127
ik°	‘большой’	Adj		120
bādbɔɔ	‘быть’	Ptcpl	Hab	115
χān	‘хан’	N	Nom	114
bolāḅ	‘стать’	Conv	Ant	113
χānā	‘хан’	N	Gen	111
jomnā	‘идти’	V	Pres	109
irwā	‘прийти’	V	Pst	103
kūḱŋ	‘девочка’	N	Nom	103

Как видно, из таблицы 3, наиболее частотным элементом является токен *gedž*. Интересно, что в список наиболее частотных попали нумеративы: *neg* (531), *χojr* (259), *g.urwŋ* (135), что не случайно: для сакрального текста употребление чисел имеет большое значение. Повествование в сказке идет, как правило, в настоящем времени, поэтому в тексте используется большое количество презенса. Наиболее частотным героем в сказочных текстах выступают мальчик, сын (*köwūn*, 283), старик (*öwŋŋ*, 246), старуха (*emgŋ*, 157), хан (*χān*, 114), девушка, дочка (*kūḱŋ*, 103).

Остановимся на анализе текста с диалектологической точки зрения.

Известно, что в калмыцком тексте существуют три диалекта: торгутский, дербетский, бузавский. Напомним, что язык сказок относится к дербетскому говору. Текст изобилует такими фонетическими особенностями, как наличие гласного *o* в позиции перед губно-губными *m* и *b*, например *öms-* [№ 4, 10, 11, 13, 15, 16, 17, 19, 22], *sowsŋ* [№ 11], *χöwtā* [№ 15], наличие в дербетском говоре устойчивого *ə* вместо *a*, например *dākŋ* (8) [№ 16, 17], *dākāḅ* (53) [№ 4, 9, 11, 12, 13, 15, 16 и др.], наличие в дербетском говоре *ə* в непервых слогах вместо *a*, например *dalā* (14) [№ 4, 8, 17 и др.], *orā* (13) [№ 9, 12, 15 и др.], *manā* (37) [№ 15, 16 и др.], *noχā* (20) [№ 11, 13, 22 и др.] и др.

К яркой фонетико-морфологической особенности языка сказок относится несоблюдение сингармонизма в случае присоединения аффикса *-a* (*-ə*) или аффикса, содержащего на *-a* (*-ə*). Однако ранее утверждалось, что только в аффиксах, которые оканчиваются на *-a* (*-ə*), не соблюдался сингармонизм [Убушаев 2006: 8]. Материал, сформированный сплошной выборкой и проанализированный нами, свидетельствует о том, что отсутствие сингармонизма имело место и в аффиксах, которые содержали гласный заднего ряда нижнего подъема: аффикс разделительного деепричастия *-äv*: *aläv*, *boläv*, *g.aräv*, *tšaptšäv*, *χurʷtšäv*.

Интересно, что транскрипционная запись начала XX в. свидетельствует о переходном этапе становления гласной фонемы /ə/. Например, *χalä* (3), *χal'ädž* (3), *χal'änā* (3), *χar'ū* (1) и *χäl'ä* (1), *χäl'äv* (1), *χäl'änā* (1), *χär'ū* (33).

В Интернет опубликован опыт составления диалектного корпуса на основе фольклорных материалов, записанных Г. Рамстедтом, – [http://kalmcorpора.ru/dial](http://kalmcorpورا.ru/dial). Запросы, которые реализованы в этом подкорпусе, можно отнести к простейшим. Результат выполнения запроса формируется в том же самом окне поиска с указанием в скобках частоты употребления того или иного слова в текстах. Можно отобразить результаты поиска, нажав на «стрелку». В скрытом блоке с сортировкой по левому контексту представлены результаты поиска с указанием источника и страницы цитирования. Кроме того, к концу года будет реализован расширенный поиск по характеристикам звуков, приведенных выше в таблицах 1, 2.

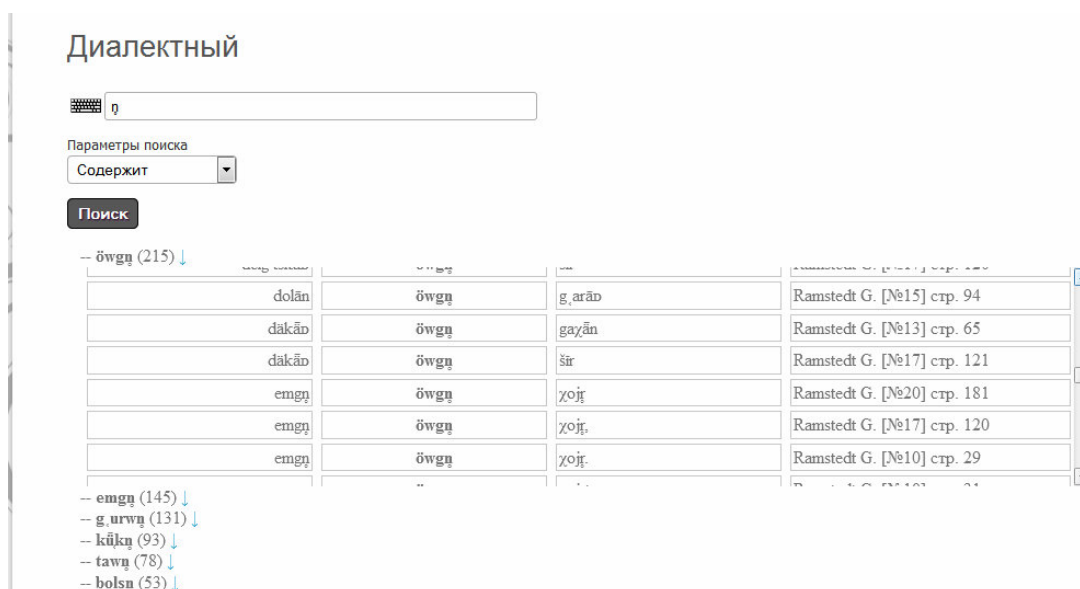

Рис.1. Вид интерфейса.

Таким образом, фольклорное произведение представляет собой яркий образец текста, сохранившего особенности того или иного говора, в нашем случае дербетского, который лег в основу формирования калмыцкого литературного языка. К сожалению, тексты устного народного творчества не позволяют выйти за пределы одного говора, поскольку сказитель является носителем только своего диалекта. Лишь в случае нахождения инварианта, рассказанного другим носителем, можно сравнить и сопоставить системы разных говоров.

Литература

Бадмаева Л. Д. Бурятский язык и корпусная лингвистика // Состояние и перспективы развития бурятского языка. Материалы форума бурятского языка. Улан-Удэ, 2009. С. 83–86.

Бадмаева Л. Д., Бадагаров Ж. Б. О репрезентативности текстов и элементах программного инструментария для корпуса бурятского языка // Современные информационные технологии и письменное наследие: от древних текстов к электронным библиотекам. ЕІ' Manuscript-08. Мат-лы Междунар. науч. конф. (Казань, 26–30 августа 2008 г.). Казань: Изд-во Казанского государственного университета, 2008. С. 28–31.

Бадмаева Л. Д., Бадагаров Ж. Б., Цыдыпов Б. З. Общие проблемы формирования корпуса бурятского языка // Труды Международной конференции «Корпусная лингвистика – 2008». СПб, 2008. С. 24–30.

Венде К. Финно-угорская транскрипция (ФУТ) в историческом аспекте и в сопоставлении с международным фонетическим алфавитом (МФА). Таллин, 1967. 75 с.

Каримова Р.Н., Сиразитдинов З.А. Практическое применение материалов корпуса прозаических текстов при составлении многотомного академического словаря башкирского языка // Ахнаф Харисов и актуальные проблемы башкирской филологии (к 100-летию со дня рождения). Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Уфа, 2014. С. 163-166.

Кибрик А. Е., Архипов А. В., Даниэль М. А., Кодзасов С. В., Майерс Т., Нахимовский А. Д. Технологии обработки языковых данных в документировании малых языков // Материалы Международной конференции "ДИАЛОГ 2007" «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии». М., 2007; URL: <http://www.dialog-21.ru/dialog2007/materials/html/35.htm> (дата обращения: 23.04.2011).

Куканова В.В. Фольклорный подкорпус: проблемы, структура и перспективы использования // Участие калмыков в укреплении Российской государственности: Мат-лы Региональной научно-практической конференции, посвящ. 1150-летию Российской государственности и Году российской истории (г. Элиста, 29 ноября 2012 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2012. С. 192–197.

Куканова В.В., Манджиева Б.Б., Горяева Б.Б. Оцифровка фольклорных произведений: вызовы и решения // Известия Высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. 2013. № 6. С. 123–129.

Мутулов Р. О. Опыт создания корпусов дагестанских языков [Электронный ресурс] // <http://www.dialog-21.ru/dialog2009/materials/html/50.htm> (дата обращения: 23.04.2011).

Ринчинов О. С. Корпус бурятского языка и прикладные задачи компьютерной лингвистики // Состояние и перспективы развития бурятского языка. Материалы форума бурятского языка. Улан-Удэ, 2009. С. 88–89.

Сиразитдинов З.А. Корпусные проекты лаборатории лингвистики и информационных технологий ИИЯЛ УНЦ РАН // Известия Уфимского научного центра РАН. 2013. № 4. С. 104-111.

Сиразитдинов З.А., Ибрагимова А.Д., Сиразитдинов Б.З. Информационные лингвистические ресурсы башкирского языка - средства повышения языковой культуры городской молодежи // Городские башкиры: проблемы этнокультурного и социально демографического развития: Материалы VIII Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной Году культуры в Республике Башкортостан и Российской Федерации. Уфа, 2014. С. 236-246.

Сиразитдинов З.А., Полянин А.И. О состоянии корпусных разработок башкирского языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XIII международной конференции. Уфа, 2013. С. 232-236.

Убушаев Н.Н. Диалектная система калмыцкого языка / отв. ред. Э.У.Омакаева. Элиста: Джангар, 2006. 256 с.

Куканова В.В., Каджиев А.Ю., г. Элиста

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ ПОДКОРПУС КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА: ПРОГРАММНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Национальный корпус калмыцкого языка: создание и разработка» (12-04-12047/в).

На современном этапе корпусная лингвистика является одним из самых популярных направлений в области языкознания. Корпусная лингвистика в основном сфокусирована на создании и разработке общих принципов построения и использования лингвистических корпусов для европейских языков, о чем свидетельствует существенное количество не просто коллекций текстов, а уже аннотированных текстовых массивов, например: Брауновский Корпус; ХАНКО — Хельсинкский аннотированный корпус; Национальный корпус русского языка; Банк английского языка; Британский национальный корпус; Корпус современного китайского языка; Корпус современного итальянского языка CORIS/CODIS; Мангеймский корпус немецкого языка и др. Разрабатываются корпусы дагестанских языков [Кибрик и др. 2007; Мутулов 2007; 2009], бурятского языка, структурно и типологически близкого калмыцкому языку [Бадмаева 2009; Бадмаева, Бадагаров 2008; Бадмаева и др. 2008; Ринчинов 2009], татарского [Хакимов, Гильмуллин 2009; Ибрагимов, Сайхунов 2014] и башкирского [Сиразитдинов и др. 2011; Сиразитдинов и др. 2012; Сиразитдинов и др. 2012] языков.

Одним из составных элементов Национального корпуса калмыцкого языка является параллельный подкорпус. Его развитие несомненно является важным шагом в разработке электронных ресурсов и компьютерных технологий, связанных с калмыцким языком. Оригинальные и переводные тексты, включенные в параллельный корпус, являются прекрасным материалом для сопоставительных исследований как родственных, так и неродственных языков, а также для сохранения языка. Они представляют собой и фактический материал для изучения стратегий перевода, его точности, функционирования безэквивалентной лексики. Современное поколение детей познают мир при помощи русского языка, в изучении уже других языков они отталкиваются от знаний русской языковой системы. Правила калмыцкого языка бессознательно или сознательно пропускают через призму русского языка, преломляя и постоянно сопоставляя их. О

популярности использования параллельных текстов в изучении иностранного языка свидетельствуют оформленные методы и приемы, объединенный под одним общим названием метод чтения параллельных текстов, или метод Ильи Франка.

Читая текст на языке, который плохо знаешь, можно создать пассивную языковую систему путем постоянного исследования текстов в целях его восприятия и понимания. Несмотря на то, что многие считают, что чтение – это пассивный процесс, на наш взгляд, это один из активных творческих процессов. Поскольку читающий осуществляет два процесса – перцепцию и понимание. Это один из самых сложных когнитивных процессов, где задействовано несколько отделов мозга. Метод чтения параллельных текстов весьма эффективный: при умелом развитии разговорной речи считается, что человек начинает быстрее думать на языке, который изучает. Планируется выложить параллельные тексты в свободном доступе к середине следующего года.

В Национальном корпусе калмыцкого языка параллельный подкорпус появился вследствие того, что при проведении оцифровки книг на калмыцком языке было обнаружено большое количество текстов-переводов. Несмотря на то, что они не являлись оригиналами, а все-таки вторичными текстами, было решено включить эти произведения в корпус, поскольку объем написанного на калмыцком языке не представительный, если сравнивать с литературой татар, башкир. например.

Под вторичным понимается «...текст, созданный на базе другого, первичного, текста со сменой авторства» [Майданова 1994: 81]. Существует и другое понимание первичных и вторичных текстов. Так, Л. Н. Мурзин, вслед за А. И. Ракитовым, относит к *первичным* текстам те, которые описывают непосредственно наблюдаемые объекты действительности; к *вторичным* – те, которые описывают абстрактные объекты [см.: Ракитов 1971: 41-45; Мурзин, Литвинова 1988: 123]. Исходный (первичный) текст является стимулом для порождения говорящим вторичного образования, которое, в свою очередь, характеризуется различными способами восприятия субъектом этого текста-стимула. Порождение вторичного текста по своей сути есть преобразование первичного, который сохраняет свою мотивирующую роль в структуре вторичного текста. Вторичный текст всегда отражает в той или иной степени структуру исходного текста.

Первичный текст (в нашем случае — предтекст) по отношению к редакторам, переводчикам является объективным, а вторичный текст (в нашем случае — перевод) как речевое произведение переводчика уже в некоторой степени пропущен через его сознание, поэтому отражает некоторые особенности восприятия субъекта, его социальные характеристики, проявляющиеся в речи на бессознательном уровне. Однако противопоставление первичности и вторичности по отношению к текстам носит условный характер, поскольку все тексты вторичны по своему происхождению, так как сам первичный текст является некоторой реакцией на тот или иной стимул.

Первоначально (в 2012 г.) тексты оригинала и перевода размечались в базе данных Starling. Однако в 2013 г. было принято решение написать свою собственную программу, которая позволяла бы производить полуавтоматическую сегментацию текстов оригинала и перевода и выравнивание этих блоков, а также производить редактирование материала вручную. При разработке программы использовались алгоритмы работы базы данных Starling, консультативии по которой провел д-р. филол. наук С.А.Крылов. Таким образом была написана программа ParallelText.

Текст оригинала и перевода загружается в указанную выше программу, где автоматически происходит сегментация на предложения (см. рис. 1). При этом алгоритм, разбивая текст на предложения, учитывал его длину. Если предложения в тексте-перевод не соответствует длине предложения в тексте-оригинале, то присоединяется следующее предложение перевода при условии, что их общий объем находится в диапазоне ± 5 словоформ объема предложения текста-оригинала. Если же разница объемов оригинальных и переводных предложений внутри параллельного блока превышает данный коэффициент, то такой блок выделяется цветной заливкой (см. рис. 2), на которую

исследователь позже обратит внимание в процессе ручной проверки правильности автоматического выделения параллельных блоков. Присутствует возможность редактирования параллельных блоков — их объединения или разделения на части (см. рис. 3).

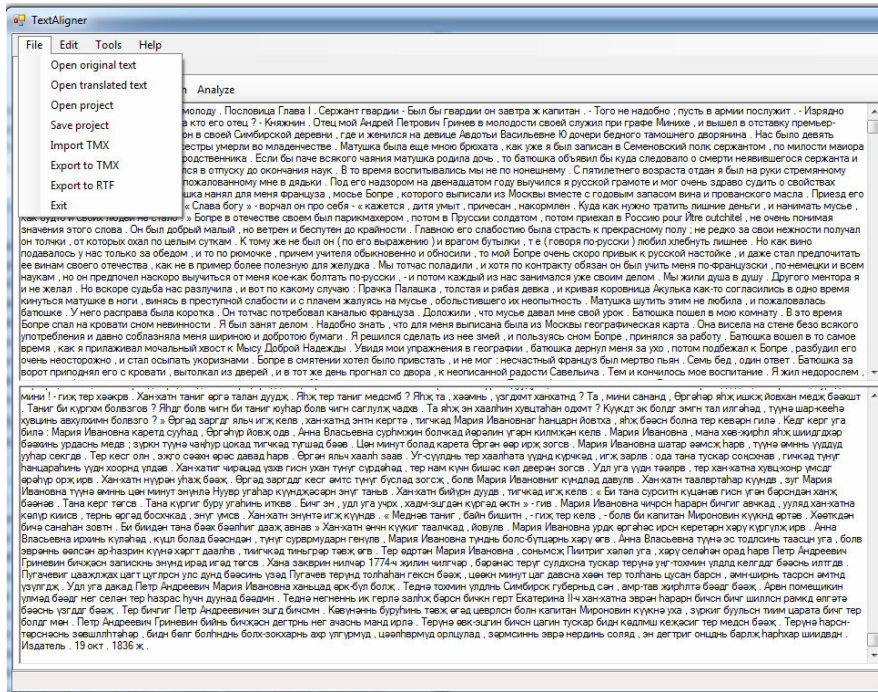

Рис. 1. Загрузка оригинала и перевода текста

The screenshot shows the TextAligner application window with a detailed comparison table. The table has columns for 'Original Text', 'Original Text Words Count', 'Translated Text Words Count', and 'Translation Text'. The table lists various text segments from the original and translated versions, along with their respective word counts. The segments are color-coded: red for matches, yellow for mismatches, and green for additions or deletions.

Original Text	Original Text Words Count	Translated Text Words Count	Translation Text
« Батюшка Петр Андреевич » - произнес он дрожащим голосом - « не умори меня с печали .	18	21	« Эй! мина , Петр Андреевич , - гик эи ээгэици дугулар кел . - зоваж намаг бина муудан ор .
Свет ты мой ! послушай меня , старика , напиши этому разбойнику , что ты пошутил , что у нас и денег - то таких не водятся .	26	23	Терп мина ! Софгэ нама , аеги ! - тер эадг тунуцдан би шооглж бөлөө .
Сто рублей !	3	3	Эун арслг !
Боже ты милостивый !	4	4	Өршөну бурхд мина !
Скажи , что тебе родители крепко на крепко закатали не играть , кроме как в орену .	18	12	Эк ээгиц денгас ондан наад бина наад гила , гигад термидан кел .
- Полно врать , - прервал я строго , - подавай сюда деньги , или я тебе в зашия прогону .	21	26	- « Болж худл келсөнч , гик би шурулар угунь таслу . - эс нааран менган . - эс гила би намаг гижг арнь туркад көкөж »
Савельич поглядел на меня с глубокой горестью и пошел за моим догом .	13	15	Савельичан нан тал ээрич ведон дуртар халачад , мина өрш ах менг кургхар од .
Мне было жаль бедного старика ; но я хотел вырваться на волю и доказать , что уж я не ребенок .	21	23	Өнч өгнч нанч харм бол , бол би биян эгине улмаас сулжж авхар , гичкад би бичин куудж бигеи гисан ууулар седла .
Деньги были доставлены Зурину .	5	5	Менгг Зуринд кургад өгч .
Савельич поспешил вывезти меня из проклятого трактира .	8	12	Савельич намаг эи амдан харалта патрын герас адинарлар авч хархар од .
Он двинулся с известием , что лошади готовы .	9	8	Мөрд белн болжч гисан зөнг авч ир .
С неспокойной совестью и с безмолвным раскаянием выехал я из Симбирска , не прощаясь с моим учителем и не думая с ним уже когда-нибудь увидеться .	26	26	Ирктан зогдсн , тагчкар биян гешад , зарань багшла мендл уг . - көзө чигч дөжг термине хархов гиж санл уг , би Симбирскас нарч иовла .
Глава II . Вожатый	3	2	Ич БӨПГ КӨТӨРЧ
Сторона ль моя , сторонашка . Сторона незнакома ! Что не сам ли я на тебя зашел , что не добрый ли да меня конь завез : завела меня , доброго молодца , прыгость , бодрость молодецкая . И жемелинушка кабылка .	42	36	Һазр мина , һазрлий , Таньгад уг һазр ! Би заран ирси угай . Сан марн авч эс ир . Соргли , шамда намаг , Сөгси аркин манлар , Куржа баһ насанди Курж авч ир .
Старинная песня	2	3	Хуучна дун .
Дорожные размышления мои были не очень приятны .	8	10	Мини хаалгдан сансн санам йир дегд талта биш биле .
Проигрыш мой , по тогдашним ценам , был немаловажен .	10	13	Тер цагин унар тоолжа , мина шуугдан менгн баһ чигн биш биле .
Я не мог не признаться в душе , что поведение мое в Симбирском трактире было глупо , и чувствовал себя виноватым перед Савельичем .	24	20	Симбирск һарһон йовдан би чевхдан санж , гени йовд гиж биян гешад уг баһсөнч , Савельичд хажгг һарһсан тодул .
Все это меня мучило .	5	5	Эн хамг намаг зоваж .
Старик угромо сидел на облучке , отворотясь от меня , и молчал , изредка только покрывая	17	19	Өвгн тергне өмж колздр дер , нанас буру хамдад суучад , хаяхад холан аскад , тагчг һуринилад суу .

Рис. 2. Результат разбиения программой ParallelText на блоки.

Параллельные тексты дают богатый иллюстративный материал для исследования лексики, семантики единиц и др., а также позволяют выявить неточности, пропуски в переводе, редактировании текста. На сайте Национального корпуса калмыцкого языка размещен данный параллельно выровненный текст оригинала и перевода повести А. С. Пушкина «Капитанская

дочка» с возможностью поиска (см. рис. 3). При финансовой поддержке РГНФ создан интерфейс, запросы с возможностью скачивания результата поиска в текстовом формате, который может преобразовать в таблицу, и база данных, где хранятся выровненные блоки текста-оригинала и текста-перевода.

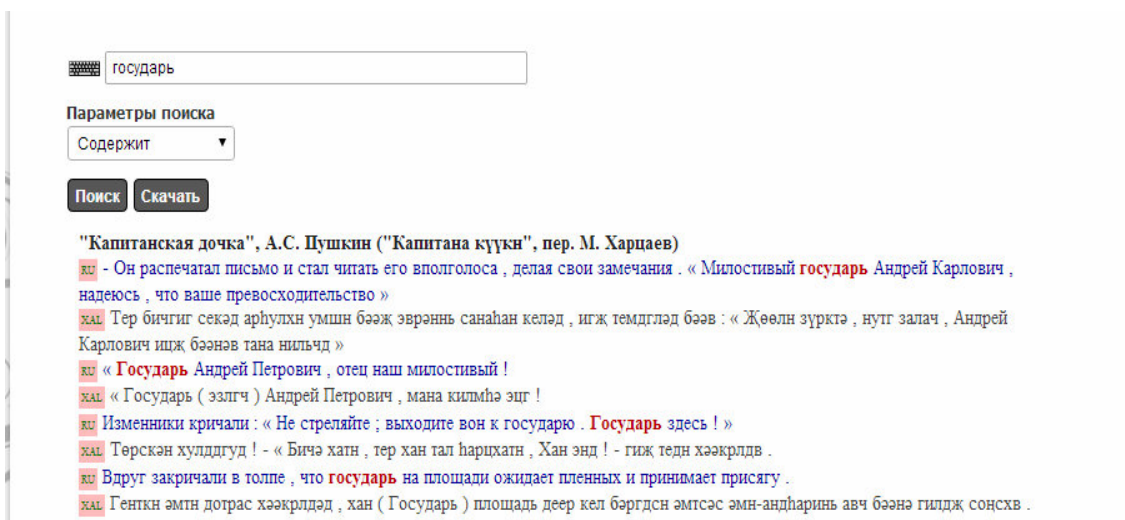

Рис. 3. Результат выполнения запроса поиска слова *государь* в параллельном корпусе калмыцкого языка

Хотя пока на сайте доступен поиск только по одному тексту, тем не менее оцифровка текстов для параллельного подкорпуса практически закончена.

Сейчас при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда уже распознаны следующие тексты:

– русский → калмыцкий: Айматов Ч. “Прощай, Гульсары!”, Амур-Санан А. “Мудрешкин сын”, Гоголь Н. “Рассказы”, Горький М. “Рассказы”, Ляшенко М., Мусатов Л. “Бережки”, Лермонтов М. “Стихи и поэмы”, Пушкин А. “Повести Белкина” Толстой Л. “Рассказы”, Тургенев И. “Рассказы”, Чехов П. “Рассказы”;

– калмыцкий → русский: Бадмаев А. “Зултрһн — теегин ноһан”, “Му көвүн”, Балакаев А. “Арвн һурвн жил арвн һурвн өдр”, Бембеев Т. “Көк теңгсин көвәһәр”, Инджиев Л. “Дочь Ольды”, Хонинов М. “Чи медхмч, Смоленский һазр”.

Далее при финансовой поддержке Фонда фундаментальных лингвистических исследований проводится работа по созданию базы выровненных предложений по данным текстам. В скором времени на сервер будут загружены база данных параллельных предложений.

Значимость проекта состоит в том, что в научный оборот введены тексты на калмыцком языке, что позволит более системно изучать те или иные грамматические явления, категории и т. д. Естественно того объема, который сейчас существует, недостаточно, но при системном его пополнении можно будет проводить исследования по грамматике и лексике калмыцкого языка, используя корпусный подход.

Литература

Бадмаева Л. Д. Бурятский язык и корпусная лингвистика // Состояние и перспективы развития бурятского языка. Материалы форума бурятского языка. Улан-Удэ, 2009. С. 83–86.

Бадмаева Л. Д., Бадагаров Ж. Б. О репрезентативности текстов и элементах программного инструментария для корпуса бурятского языка // Современные информационные технологии и письменное наследие: от древних текстов к электронным библиотекам. Е1' Manuscript-08. Мат-лы Междунар. науч. конф. (Казань, 26–30 августа 2008 г.). Казань: Изд-во Казанского государственного университета, 2008. С. 28–31.

Бадмаева Л. Д., Бадагаров Ж. Б., Цыдыпов Б. З. Общие проблемы формирования корпуса бурятского языка // Труды Международной конференции «Корпусная лингвистика – 2008». СПб, 2008. С. 24–30.

Бускунбаева Л.А., Сиразитдинов З.А., Ишмухаметова А.Ш., Ибрагимова А.Д., Мигранова Л.Г. Корпус текстов периодической печати на башкирском языке // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XII региональной конференции. Уфа, 2012. С. 139-141.

Ибрагимов Т.И., Сайхунов М.Р. Письменный корпус татарского языка: идеи, проблемы, решения // Нематериальное культурное наследие тюркских народов как объект сохранения: сборник материалов Международной научно-практической конференции (16-19 июля 2014 г.) (URL: <http://corpus.tatfolk.ru/>)

Кибрик А. Е., Архипов А. В., Даниэль М. А., Кодзасов С. В., Майерс Т., Нахимовский А. Д. Технологии обработки языковых данных в документировании малых языков // Материалы Международной конференции "ДИАЛОГ 2007" «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии». М., 2007; URL: <http://www.dialog-21.ru/dialog2007/materials/html/35.htm> (дата обращения: 23.04.2011).

Мутулов Р. О. Опыт создания корпусов дагестанских языков [Электронный ресурс] // <http://www.dialog-21.ru/dialog2009/materials/html/50.htm> (дата обращения: 23.04.2011).

Ринчинов О. С. Корпус бурятского языка и прикладные задачи компьютерной лингвистики // Состояние и перспективы развития бурятского языка. Материалы форума бурятского языка. Улан-Удэ, 2009. С. 88–89.

Сиразитдинов З.А., Бускунбаева Л.А., Бардыбаева А.Д., Ишмухаметова А.Ш., Рафикова Л.Н. О разработке Национального корпуса башкирского языка // Роль и место национальной библиотеки в социокультурном пространстве Материалы Международной научно-практической конференции. Уфа, 2012. С. 118-126.

Сиразитдинов З.А., Бускунбаева Л.А., Барлыбаева А.Д., Ишмухаметова А.Ш. К разработке корпуса прозаических текстов башкирского языка с 1917 по 1940-е годы // Этногенез. История. Культура: I Юсуповские чтения: Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти Рината Мухаметовича Юсупова. Уфа, 2011. С. 269-274.

Хакимов Б.Э., Гильмуллин Р.А. К разработке системы параметров разметки документов в электронном корпусе татарских текстов // Сборник Трудов X Казанской школы-семинара по компьютерной и когнитивной лингвистике TEL-2008. Изд-во КГУ, 2009. С. 24-29.

Майзина А.Н., г. Горно-Алтайск

ОЦИФРОВКА И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПО ДИАЛЕКТАМ АЛТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта ФФЛИ №С-11 «Оцифровка и лингвистическая обработка архивных материалов по диалектам алтайского языка».

В данной статье освещены некоторые результаты, полученные в результате выполнения проекта «Оцифровка и лингвистическая обработка архивных материалов по диалектам алтайского языка» при финансовой поддержке Фонда фундаментальных лингвистических исследований на 2013-2014 гг.

Целью проекта является лингвистическая обработка архивных материалов по диалектам алтайского языка, хранящихся в фонотеке Научно-исследовательского института алтаистики им. С. С. Суразакова. Это единственное специализированное научное учреждение в Республике Алтай гуманитарного профиля, где проводятся фундаментальные и прикладные исследования в области алтайского языкознания. На сегодняшний день институт обладает богатым и уникальным архивом. Однако большинство архивных материалов записано на магнитной ленте, которая с течением времени размагничивается, что приводит к постепенному ухудшению качества записи. Оцифровка же позволяет хранить материалы на DVD / CD-дисках или на любом другом цифровом носителе.

Хранящиеся в архиве тексты в основном представляют собой разножанровые произведения фольклора народов Горного Алтая – сказки, песни, мифы, легенды,

героические сказания и др. – так называемую устную публичную речь, ориентированную на слушателя. Многие из них являются диалектными материалами, исследование которых представляет большой научный интерес.

В алтайском языке традиционно выделяется шесть диалектов: южные (алтай-кижи, телеутский и теленгитский) и северные (чалканский, кумандинский и диалект туба). Однако в настоящее время языковая ситуация в Республике Алтай характеризуется существенными изменениями. Так, в 1993 г. северные этносы Республики Алтай – чалканцы, кумандинцы и тубалары получили статус малочисленных народов России. Их языки относятся к числу исчезающих языков; они занесены в Красную книгу языков народов России.

Кроме того, в настоящее время под влиянием нормированного литературного языка происходит постепенная нивелировка южных диалектов алтайского языка. Так, теленгитский диалект – язык теленгитов, проживающих на территории Улаганского и Кош-Агачского районов Республики Алтай, современными исследователями рассматривается как говор [Тыдыкова 2006].

Из истории алтайского языка известно, что письменный алтайский язык был создан на базе телеутского диалекта в середине XIX в. членами Алтайской духовной миссии. На территории Республики Алтай телеуты до недавнего времени компактно проживали в Шебалинском и Майминском районах. Основная масса телеутов сейчас проживает в Чумышском районе Алтайского края и в Беловском районе Кемеровской области по рекам Большой и Малый Бачат.

Уже в начале 80-х гг. XX в. ученые А. Т. Тыбыкова и М. Ч. Чумакаева отмечали, что язык телеутов почти растворился под влиянием алтайского языка [Тыбыкова, Чумакаева 1981, 60-87]. В настоящее время на территории Республики Алтай телеутский диалект практически не используется, за исключением малого количества телеутов, проживающих в основном в г. Горно-Алтайске. По переписи 2010 г. на территории Республики Алтай проживает всего лишь 0,7% населения от всей численности телеутов.

Несмотря на сложившуюся языковую ситуацию, диалектные материалы, хранящиеся в архиве НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, представляют особый научный интерес прежде всего для выявления изменений, которые произошли в диалектах алтайского языка со времени их фиксации.

В ходе выполнения данного проекта всего оцифровано 88 аудиокассет, проведено краткое описание содержания 175 звуковых файлов (около 7875 мин.).

Оцифрованные файлы представляют собой экспедиционные материалы, собранные в основном сотрудниками Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы (ГАНИИИЯЛ, ныне БНУ РА НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова) в разные годы: 80-90 гг. XX в., 2000-2002 гг. В звуковых файлах содержатся песни, сказки, легенды и предания, былички, скороговорки, благопожелания, загадки, рассказы об обычаях и обрядах народов Горного Алтая, героический эпос (горловое пение) и т.д.

Кроме того, большое количество оцифрованных файлов представляют собой экспедиционные материалы, собранные сотрудниками Горно-Алтайского института истории, языка и литературы совместно с сотрудниками Института истории, филологии и философии СО РАН и Новосибирской государственной консерватории им. М.И. Глинки во время фольклорно-этномузыковедческих экспедиций в 80-е гг. прошлого столетия. В звуковых файлах в основном представлен музыкальный фольклор народов Горного Алтая: игры на народных музыкальных инструментах (топшуур, икили, комус, шоор др.). В них также представлены различные виды музыкального интонирования (подражания голосам животных и птиц, подражания звукам явлений природы, призывания домашних животных и т.д.). Об этих экспедициях подробно освещено в статье М.А. Демчиновой «История развития алтайской фольклористики» [2010, 59-73].

Оцифрованные звуковые файлы содержат записи по всем диалектам алтайского языка: южным (алтай-кижи, телеутский, теленгитский) и северным (чалканский,

кумандинский и тубаларский) диалектам. Так, например, по телеутскому диалекту имеется несколько файлов, содержащих записи учителя-языковеда К.И. Максимова, телеута по происхождению, жителя г. Заринска, собранные им в январе 1984 г. в Кемеровской области. Материалы К.И. Максимова впоследствии были обработаны и опубликованы Т.М. Садаловой в сборнике «Алтай фольклор» (1995). По телеутскому диалекту в оцифрованных материалах имеются также файлы, содержащие записи Н.А. Яимовой, собранные ею 1-7 октября 1997 г. в п. Беково Кемеровской области. Материалы содержат телеутские песни, интервью, рассказы о приготовлении телеутских блюд.

По теленгитскому диалекту имеются фольклорные материалы, собранные в Кош-Агачском и Улаганском районах Республики Алтай. В оцифрованных файлах содержатся песни, сказки, легенды и предания, рассказы об обычаях и обрядах теленгитов т.д. Особую ценность представляют файлы, содержащие уникальный голос выдающегося алтайского сказителя, теленгита по происхождению, А.Г. Калкина.

Безусловно, подавляющее большинство из всех оцифрованных файлов составляют материалы по диалекту алтай-кижи.

По чалканскому, тубаларскому и кумандинскому диалектам содержатся записи, проведенные сотрудниками ГАНИИИЯЛ, Института истории, филологии и философии СО РАН и Новосибирской государственной консерватории им. М.И. Глинки во время фольклорно-этномузыковедческих экспедиций в 80-е гг. XX в. К сожалению, данные о записях в них отсутствуют. Поэтому в дальнейшем еще предстоит кропотливая работа по восстановлению этих пробелов.

Вместе с тем следует отметить, что качество многих записей плохое. Это значительно затрудняет их расшифровку и лингвистическую обработку. Тем не менее нам удалось обработать некоторую часть текстов со звучащей диалектной речью. Для наглядности приведем отрывок из тубаларской сказки «Сан-Ару» (ХД-77 В).

Ўч карындаш, эки карындаш десе эр кижги, пирси кыс кижги, кыс кижги полгон. Ангнын. Аннап жүрсе, ангнын семисини, киштин jakшысыны сыйнысына перип турар. А эки немеси десе аа тарынын: «Мыны кайдытен, мыны чтобы жок полсын. Жок полсын, писке полор» – деп. Айда айткан. Айарда, ол десе эки женеси эрмектежиш алала, агашка пагып көрөктөр деп. Айарда, паккан, паккан. Эки немеси ол кысты чы. Анын чачынан кабалала, агашка буулап салган. Боолап салан. Айарда, боолап саларда, анын карындаштары ньанып келген. Ньан келеле, «Сан-Ару!» деп кыйгырар полсо, Сан-Ару жок. «Сан-Ару!» деп кыйгырар полсо, жок. Сан-Ару айткан неме деп. Кошонноган:

*Төримтө төрт агаиш
Көрөрсөсөн, акамай.
Төбөмдөги төрт самай
Тешип алсан, акамай.*

Перевод:

Три единоутробных родственника, два родственника, значит, мужчины, одна была девушка. Из зверя. Когда охотились, из зверя самого жирного, из соболя самого лучшего сестре своей отдавали. А эти двое, значит, сердясь на нее, сказали так: «Зачем она нужна (нам) (букв.: Эту куда девать)», чтобы этой не стало. Чтобы не стало, нам достанется (букв.: нам будет). Так сказали. Таким образом, эти, значит, две снохи, сговорившись, решили привязать ее к дереву. Так, привязали, привязали. Эти двое ту девушку. Затем, схватив за волосы, привязали к дереву. Привязали. Когда привязали, ее братья возвратились домой. Когда, возвратившись домой, закричали «Сан-Ару!», Сан-Ару нет. Когда закричали «Сан-Ару», нет (ее). Сан-Ару сказала так. Запела:

*На пригорке четыре дерева,
Посмотри (на них), брат мой.
На макушке моей четыре косы
Отрежь (их), брат мой.
(Перевод наш – А.М.)*

Общий объем всей сказки составляет 9,13 мин. Исполнительница текста на данный момент не установлена. При обработке данного текста мы старались предельно точно воспроизвести речь исполнительницы, полностью сохраняя ее диалектное произношение.

Полная и содержательная в композиционном плане версия тубаларской сказки «Сан-Ару» в переводе Т. М. Садаловой опубликована в сборнике «Алтайские народные сказки» (серия «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока») [2002, 322-338]. Данный вариант был записан Т. С. Сыркашевым от выдающегося сказителя Н. У. Улагашева в 1939 г. Сравним:

Озогыда Алтайдын ичинде јаан суудын јанында, јаан туудын јаказында үч карындаш анчылар Сан-Ару сыйныла јуртап јадып тургандар. Олор ойнойто јуртарларда, ончолоры үч карындаштар јараш бүдүшүтү, керсү, адучы мактулу анчылар болгондор. Олор онойып андап јүреле, кижси алар дештилер. Олор бойы-бойлорына ончозы байлардын кыстарын јараш јүрген бүдүштериле, јаан мактулу андаачыларыла бактырып, олорды алдылар.

Айдарда, олордын алган үй кижилери курсак этирзе, курсак эдип билбестер. Аннын терезин уужатса, тере уужап билбес болгондор. Айдарда, ол карындаштар качан андап келгенде, аннын терелерин, эттерин бойлорынын сыйнына Сан-Аруга беретен болгондор. Сан-Ару кичүден бери не ле курсак эдип, кандый да аннын терезин уужап, јүренип калган болгон. Сан-Ару ондый ус та, агалары терелерди, база эттерди де артатпай, јакшы уужазын дежип, база јакшы јапсык курсак быжырзын дежеле, Сан-Аруга берип туратандар. Ол ондый јаан иштерди Сан-Аруга берип турганына күйүнижип, јенелери коптоштылар. Ол олордын ондый копторы ол үч карындаштын үй кижилеринин төрөгөндөрине угулды. Ондый керектерди келиндердин төрөгөндөри – байлар – угала, кыстарын үреттилер: «Слер ол Сан-Ару агаларыла көрүштирбес эдип өөркөштиреер». Кандый јүзүн јөптөр бердилер. Кыстары адаларынын сөстөрүн, бай адаларынын кара санаалу иштерин өткүрдилер.

Бирүзінде үч карындаштар андап барган кийинде, јанар өйи јууктап келерде, јанып келерлерин каруулдадылар. Јанып кледедерлерде, бирүзи көрөлө, айылга кирип, айтты: «Је, кайда Сан-Аруны олјолоор керек» – дештилер. Айылдын төр јанында төрт кайың турган болгон. Сан-Арудын төрт кејегезинен төрдө төрт кайыңнын будагына тагып ийдилер.

Карындаштар јанып келдилер. Сан-Ару уткып чыкпады. Улу карындажы үйинен сурады:

– Сан-Ару кайда? Көрүнбей јат.

Үйи айтты:

– Мында ла јүрген: «Мени кижее бербей јазаар» – деп, чугулдап јүрген – деди.

Улу агазы кожондоды:

Кара торко тонымды

Кем кийетен, Сан-Ару?

Кара јорго адымды

Кем минетен, Сан-Ару?

Кызыл торко тонымды

Кем кийетен, Сан-Ару?

Кызыл јорго адымды

Кем минетен, Сан-Ару?

Сан-Ару каруузын айда кожондоды:

Төрдө турган төрт кайың

Көрө койзон, агайым.

Төбөмдөги төрт чага

Буулап койды, агайым.

Перевод:

Раньше на Алтае у большой реки, у подножия огромной горы жили три брата-охотника с сестренкой Сан-Ару. Так они и жили, все три брата были красивые, умные, [славились как] меткие охотники. Они занимались охотой, [но однажды] решили жениться. Все они, своей красотой, большой славой охотников покорив байских дочерей, женились.

Но их жены, когда их просили приготовить еду, не могли ее приготовить. Когда их просили выделывать шкуры, оказалось, что выделывать шкуры они тоже не умели. Поэтому братья, когда приезжали с добычей, шкуры, мясо маралов отдавали своей сестренке Сан-Ару. Сан-Ару с детства привыкла готовить разные яства, выделывать шкуры любых зверей. Сан-Ару была такой мастерицей, братья отдавали ей шкуры, чтобы они были хорошо выделаны, мясо, чтобы она готовила хорошую и вкусную еду.

Снохи, завидуя, что такую сложную работу доверяют [только] Сан-Ару, стали наговаривать на нее. Их сплетни, дошли и до родственников жен этих трех охотников. Узнав об этом, родственники снох – баи – наставляют своих дочерей: «Вы эту Сан-Ару с братьями рассорьте, чтобы они ненавидели ее. Много разных советов дали. Дочери, выслушав советы отцов своих, согласились осуществить их черные замыслы.

Однажды, когда братья должны были вернуться с охоты, они стали караулить, когда [те] появятся. Когда они возвращались, одна из них, увидев, зашла в аил и сказала об этом. «Ну где Сан-Ару, ее надо схватить», – говорят они. За тёром аила росли четыре березы. Сан-Ару привязали за четыре косы к веткам четырех берез, растущих за тёром аила.

Братья вернулись. Сан-ару не вышла их встречать. Старший брат спросил у жены:

– Сан-Ару где? Не видно ее.

Жена ответила:

– Тут [она] была: «Меня замуж не выдаете», – так сердилась.

Старший брат запел:

Черную шелковую шубу мою

Кто будет надевать, Сан-Ару?

На вороном иноходце моем

Кто будет ездить, Сан-Ару?

Красную шелковую шубу мою

Кто будет одевать, Сан-Ару?

На красном иноходце моем

Кто будет ездить, Сан-Ару?

Сан-Ару спела в ответ:

На пригорке четыре березки,

Посмотри [на них], мой брат.

У меня четыре косы

Привязали [за них], мой брат.

Представленные выше варианты одной и той же сказки отличаются языком повествования. Если первый текст характеризуется разговорным стилем, то второй – высоким поэтическим стилем. В первом тексте, на наш взгляд, специфические диалектные черты представлены более наглядно. Это касается прежде всего фонетических и лексических особенностей тубаларского диалекта. В этой связи мы предполагаем, что текст сказки «Сан-Ару», опубликованный в сборнике «Алтайские народные сказки», в некоторой степени был подвергнут литературной обработке.

Таким образом, приведенный выше анализ двух текстов одной и той же сказки составляет лишь малую часть большой научно-исследовательской работы по обработке архивных материалов. Безусловно, подобного рода исследования могут внести посильный вклад в развитие алтайской диалектологии.

Литература

Алтайские народные сказки / Сост. Т.М. Садалова. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 21). – Новосибирск: Наука, 2002.

Алтай фольклор (К.И. Максимовтын телеут диалект тиле јууган фольклор бичимелдеринен) / Тург. Т.М. Садалова. – Горно-Алтайск, 1995.

Демчинова М.А. История развития алтайской фольклористики // Институт алтаистики им. С. С. Суразакова / Сост. Н.В. Белоусова. – Горно-Алтайск, 2010. С. 59-73.

Тыбыкова А.Т., Чумакаева М.Ч. О диалектах алтайского языка // Вопросы изучения алтайского языка. – Горно-Алтайск, 1981. С. 60-87.

Нұрлыбаев Н.М, г. Астана (Казахстан)

БАЛАЛАР СӨЗДІК ҚОРЫНЫҢ ДАМУЫНА ЕРТЕГІЛЕРДІҢ ЫҚПАЛЫ

Тілді, оның дамуы мен жеке адамның қалыптасуындағы ролін зерттеу – адамның бүкіл таным қызметінің қалыптасуын қарастыруда ерекше маңызға ие болып отырған ғылымның басты мәселесіне айналды. Ал танымдық қызмет баланың өзін көрмеген ортамен қарым-қатынас жасауы, яғни ұрпақтан-ұрпаққа бұрынғылардың тәлімі мен тәрбиесі, іс-тәжірибесінің берілуі процесінде қалыптасады. Балғын шақтан есейіп, ересектер қатарына өту барысында баланың психикалық дамуының негізгі бір формасы – өзара сөйлесу, пікірлесу арқылы өзгелердің іс-тәжірибесін бойына сіңіру болып табылады. Жеке адамның қалыптасып, дамуындағы балалар тілінің ролін, олардың сөйлесу қызметін зерттеу ғылымның басты міндеттерінің бірі болып отыр.

Заттар мен құбылыстарды және олардың арасындағы байланыстар мен қарым-қатынастарды атау және түсіндіру барысында ересектер баланың өз бетінше қалыптасатын таным-түсінігінен гөрі күрделі әрі терең танымдық байланыстарды қалыптастырады.

Ырықсыз ес, ерікті әрекет пен қызығушылық секілді барлық жоғары психикалық процестер таным әрекетінің формалары ретінде өзара бірлікте іске асады да, содан кейін ғана бала тілі арқылы таным қызметінің психологиялық формасына көшеді. Алғашқы кездегі жоғары психологиялық қызмет екі адам арасындағы өзара бөліскен әрекетке келіңкіреді, яғни, бір адам екіншісінің іс-әрекетін арнайы тітіркендіргіштер арқылы, әсіресе сөйлеу арқылы реттеп отырады.

Өз зерттеулерін ғылыми түрғыда негіздей отырып, бала тілін зерттеуге алғаш ден қойған психологтар болды. 40 жылдары О.Моурер фонологиялық даму теориясының негізін қалаушылардың бірі болды. Р.Якобсонның болжамы бойынша, балада алғашқы фонологиялық дағдылардың қалыптасуы алғашқы он - он екі айлық кезеңде басталады. Яғни, бұл бастапқы фонетика баланың өзін қоршаған ортаға, үлкендерге тән тілдің бастапқы бастапқы негізі болып табылады [Бутон 1984, 312].

Кейбір теоретиктер (Р. Якобсон, 1969; Б. Москович, 1971) баланың тілін туа бітті механизмнің, яғни сөйлеу қабілетінің дамуына немесе оның жан-жақты дамуының бір бөлшегі ретінде қарастырса, енді біреулері (Д. Ольмстед 1971, Д. Стэмп 1969) бала тілінің дамуын оның өзін қоршаған ортамен қарым-қатынас жасауына байланысты қалыптасатындығын дәлелдеуге тырысады. Б.Московицтің пікірінше, бала бірте-бірте айқындала түсетін дыбыстық бірліктерді айтуды үйрене бастайды, яғни СГ, ГС немесе СГС формасындағы буындардан ол өз бетінше дыбыстық құрылымдар түзуге (сөздер құрастыруға) бейімделеді [Бутон 1984, 312].

Балалар тілін, олардың сөйлеу қызметін зерттеу тілшілер мен психологтарды әсіресе ХХ ғасырдың басында көбірек қызықтыра бастады. Осы кезеңде түрлі жастағы балалар тілін статистикалық әдіс-тәсілдермен зерттеуге арналған алғашқы ғылыми ізденістер пайда болды. Атап айтқанда, Н.А. Рыбников, А.Н. Гвоздев, Э. Штейнфельдт, А. Люблинская, М.Р. Львов, т.б. балалар тілін квантитативтік әдіспен зерттеушілердің алғашқы өкілдері болса. Қ. Молдабек 70 жылдардағы БСО мен БӘ мәтіндерін лингвостатистикалық әдіспен зерттеу арқылы балалар тілінің даму динамикасын анықтауға біраз еңбек сіңірді. Зерттеуде БСО мен БӘ мәтіндеріндегі сөз қолданыстардың игерілу, меңгерілу шамасын анықтау мақсатында қала және дала мектептерінде арнайы эксперименттер жүргізіп, зерттеу нәтижелерін лингвостатистикалық әдіспен зерттеу

арқылы алынған қорытындылармен салыстыра отырып, мектеп оқулықтарындағы мәтіндердің оқушылардың сөздік қорын кеңейту мен байыту мақсатындағы қызметіне лайықты бағалар берілген.

Бұл теорияның тиянақсыздығы кезінде кеңестік психологтардың қажырлы еңбегінің нәтижесінде (Ф.И. Фрадкина, Т.Е. Конникова, Г.Л. Розенгарт-Пупко) дәлелденген болатын. Бұлардың зерттеуінде баланың жаңа сөздерді үйрену, тілінің дамуындағы бірден-бір қажетті нәрсе – үлкендерге еліктеу, олардың айтқанын қайталауға ұмтылу екендігі айтылған.

Үлкендермен қарым-қатынас жасау баланың тілін тез дамытады. Оның түсінетін және айта білетін сөздік қорының дамуы үлкендермен және өзін қоршаған ортамен қарым-қатынас жасауына байланысты. Ол үлкендерден көмек сұрауы, өз ойын жеткізгісі келуі т.б. мүмкін. Немесе үлкендердің сұрағына жауап берумен қатар, өзі де сұрақ қоя бастайды. Ол алғашқы мынау не? Мынау қалай аталады? секілді сұрақтары арқылы үлкендердің өзіне назар аударуына жағдай туғызады. Әрбір сұрағына тиісті жауап алу арқылы бала әрбір заттың, нәрсенің өзіне тән атауы бар екендігін пайымдайды. 1 жыл 8 ай – 2 жастан кейін баланың сөздік қоры жедел дамиды. Егер 1,5 жастағы баланың сөздік қоры 18-25-тен аспаса, 3 жастан кейін ол 1000-1200 сөзге жетеді. Мұның ішінде сөздік қордың басым бөлігін зат есімдер (60%), етістіктер (25-27%), сын есімдер (10-12%) құрайды [Люблинская 1971, 284-285].

Н.А. Рыбников, Н.А. Менчинская, А.Н. Гвоздев секілді зерттеушілердің айтуы бойынша, 1 жыл 6 айдан 2 жыл 6 айға дейінгі жас кезеңінде баланың сөздік қорындағы зат есімдер саны 4 есе, етістіктер 8 есе, сын есімдер 5-6 есе өседі. Сонымен бірге жоғарыда аталған ғалымдар әрбір жас кезеңіндегі сөздік қордың қалыптасуындағы балалардың өзіндік ерекшеліктері мен сөздерді қабылдау және қолдану ерекшеліктеріне де баса назар аударады. Ал баланың алғашқы грамматикалық формаларды, яғни сөйлемдегі сөздердің өзара байланысын меңгеруге бейімделуі жалпы динамикалық стереотиптің қалыптасу заңдылығы негізінде жүзеге асады. Әртүрлі заттар мен құбылыстар арасындағы түрліше қатынастарды білдіретін грамматикалық құрылымдар баланың бойында әңгімені тыңдау және қайталау барысында қалыптасады әрі жетіліп отырады. Сонымен қатар тілдің грамматикасын меңгеру баланың жалпы дамуымен де (ақыл-ой қызметінің кеңеюі, өз бетінше ізденістері) сабақтас дамиды. Сондықтан да түрліше әрекет жасау барысында баланың мазмұнды өмір сүріп, ой-өрісін дамытуы, үлкендермен тілдік қарым-қатынас жасауы оның тілінің дамуына ықпал етеді. Олардың сөздік қоры молайып, алғашқы грамматикалық формаларды меңгеруі жетіле түседі.

Соңғы жылдардағы көптеген зерттеулерге сүйенсек, (Д. Мак Нейл 1970; Р. Меньюк 1969; М. Брейн 1971 т.б.), бала тілінің грамматикалық жағының дамуындағы олардың пікірлері бір бағытқа келіп саяды: бала тілінің грамматикалық жағы үнемі өзгерісте болып отыратын динамикалық үрдіс. Бала тілінің грамматикалық жағынан дамып, жетіліп отыруы ересектердің тіліне қатысты болғанымен, оған тәуелді емес. Ядешконның айтуы бойынша, баланың сөздік қоры жинақталумен бірге, оларда белгілі бір қателіктер жүйесі де пайда болады. Сөздермен еркін қарым-қатынас жасау барысында бала өз бетімен сөйлем құрастыра бастайды. Олар сөйлемдегі бастауышты немесе баяндауышты тастап кетеді, жіктеу есімдіктерін 3 жақпен алмастырады. Әсіресе, олар сөйлемдегі тұрлаусыз мүшелерді жиі тастап кетеді [Бауэр 1979, 61-62.]. Сөйлеу қызметі өзара байланысты екі формада көрінеді: 1) пікірлесінің сөзін түсініп тыңдау, 2) өз сөзі. Бұл ретте өз сөзіне қарағанда пікірлесінің сөзін түсінуі жедел түрде дамиды. Дауыстап сөйлеу негізінде проблемалық жағдайлар туғызуға байланысты іштей сөйлеу қалыптасады.

А.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.А. Рубинштейннің зерттеулері көрсеткендей, баланың психикалық дамуында оның алдыңғы ұрпақта жинақталған қоғамдық тәжірибе негіздерін игеруі үлкен роль атқарады. Бұл процесс қоршаған ортамен әңгімелесу және олармен бірге әрекет жасау нәтижесінде іске асады. Баланың қоршаған ортамен байланысы оның үлкендермен қарым-қатынас жасауына қатысты болады. Сондықтан да

"іс-әрекеттің субъектісі жеке бала ғана емес, үлкендермен бірге әрекет жасаушы, яғни олармен қарым-қатынастағы бала болып табылады" [Выготский 1982, 9].

Анық дәлелденген нәрсе – өмірінің алғашқы күндерінен бастап-ақ бала үйренуге қабілетті болып келеді. Бұған қоса, адам ересек кездегіге қарағанда жас кезінде тез қабылдайды.

Таным қызметінің қалыптасу процесін зерттеу барысында психологияға қатысты ойлау мен сөйлеудің қатысы, балалар ойлауының негізі – арнайы оқытудың бала ақыл-ойының даму бағытын анықтайтын жалпылаушы процесі қарастырылуы тиіс.

А.С. Выготскийдің пікірінше, баланың білім мазмұнының қалыптасу процесі оның мінез-құлқы және ақыл-ойы дамуының бағытына байланысты анықталатын таным әрекеті арқылы іске әрі жетіліп отырады. Баланың қоршаған ортамен, адамдармен қарым-қатынасы әсерінде қалыптасқан таным-түсінігі танымдық байланыстар жүйесін құрайды. Демек, бала алғашқыда өзге адамдардың іс-әрекетін үйлестіруші, реттеуші қызметін атқара отырып, бірте-бірте өзінің де іс-әрекетін басқаруды үйренеді. Олай болса, ерікті іс-әрекеттің негізі тіл арқылы адамдардың өзара сөйлесуінде жатыр. Ал сөйлесу өз іс-әрекеттерін басқара білу механизмінің негізін құрайды.

Баланың сөйлей білуге деген алғашқы талпынысы – оның дамуының бастапқы кезіндегі басты нәрсе. Ол үлкендердің сөйлеген сөздерінен бірнеше мәрте қайталанатын белгілерді ептеп түсіне бастайды. Сөйтіп ол т.б. сөздерге түсінетін сияқты көрінеді. Ғалымдардың зерттеуіне сүйенсек, екі жастан бастап бала тілі күрт дамиды. Мектеп жасына келген бала, яғни 6-7 жасар бала 3,5-4 мыңға жуық сөз біледі екен. Демек, ол тілдің бүкіл фонологиялық жүйесін түсінеді. Олай болса, өз бетінше сөйлемдер құрастыра, өз ойын өзгеге түсіндіре, жеткізе алады.

Зерттеулер көрсеткендей түске, үлкендікке, заттың жай-күйіне байланысты ерекшеліктерді жас баланың естіп қабылдауынан гөрі, сол заттарды көріп, қолмен ұстап барып, ажырата қабылдауы 10-12 есе тезірек іске асады да, бала жадында ұзақ сақталады [Лурия 1982, 35-38].

Жалпылама "сөзге" қарағанда, балаға сол зат, белгі, құбылысты көрсету, оларды ажырата отырып көрсету арнайы үйретусіз-ақ тез қабылданады. Сөз жалпылама ұғым болғандықтан, бала тез арада өзі қабылдаған сөздерді белгілі бір топтарға бөле отырып меңгере бастайды (мысалы: биік, үшбұрыш, ащы т.б.). Баланың өз бетінше меңгеруі алғашқыда әрине, қателесусіз жүрмейді. Табиғаттағы зат пен құбылыс арасындағы байланысты білдіретін сөздер (кеңістік, сан т.б.) сезімдік қабылдауға негізделеді де, балаға көрінбейтін болғандықтан, ол нәрселер мен байланыстарды үлкендер түсіндіреді, яғни елестетеді. Бұларды түсінуге талпыну және тілде қолдану баланың ойлау қабілетін дамытады.

Балада алғашқы кезде өз шамасын байқап көру қасиеті үлкендермен, заттармен байланысқа түсу, яғни сөз арқылы жүзеге асады. Алғашқыда ол зат пен құбылыстың аттары арқылы, ал кейінірек жіктеу есімдіктері арқылы, содан соң өзін басқа балалармен салыстыру арқылы жақсы және жаман қасиеттерді ажырата бастайды. Сөздік қорын дамыту арқылы бала ертегі, өлең тыңдауға, ән салуға, мәнерлі де мәнді сөйлесуге бейімделе бастайды.

Демек, баланың алғашқы даму сатысында оның физиологиялық және физикалық дамуы мен ойлау белсенділігі үлкендердің жүйелі тәрбиелік жұмыстарына байланысты болады. Өмірдегі құбылыстарды көру, есту арқылы бұл жаста бала психикасында үлкен өзгерістер байқалады. Ол өзін қоршаған әлемді тек байқаушы ғана емес, онда өзі әрекеттенуші де. Ол өмірде өзі көрген құбылыстарды, үлкендердің сөздері мен іс-әрекеттерін ойын арқылы ойнап, сол ойындарда қолдана бастайды.

Дұрыс ұйымдастырылған ойындарда балаларда жақсы дағдылар қалыптаса бастайды, яғни ойын – ойды дұрыс дамытады. Тек баланың ақыл-ой қызметін активтендіру және ұйымдастыру нәтижесінде ғана білімді меңгертуге болады. Н.А.Менчинскаяның пікірінше, "таным, танымның қалыптасуы өзара байланысты екі процестен тұрады: білімді игеру және оны қолдану".

Баланың екінші сигналдық жүйесі ретіндегі сөйлеуі бірінші сигналдарға карағанда жетекші орында болады, екінші сигналдар оған қызмет етеді. Ал сөздік қоры мен ойлау жүйесі нашар дамыған балалардың сөздік қоры, сөз байланыстары тек белгілі бір ғана бағытта болады да, әр түрлі жағдайдың өзгеруіне қарамай, олардың жауаптары бір жақты болады. Психикалық процестердің дамуындағы сөйлеудің (тілдің) ролі жайындағы келесі зерттеулер бұл саладағы зерттеулердің объектісіне жататын көптеген өзекті мәселелердің туындауына әкеледі.

Жоғарыда айтылғандардан шығатын қорытынды: балалар тілінің дамуы мен қалыптасуын зерттеу балалар психологиясы мен психолінгвистиканың проблемаларын шешуде ғана емес, сонымен қатар тілдің табиғаты жөніндегі аса маңызды теориялық мәселелерді талдау, зерттеу барысында да ерекше маңызды. Әсіресе, бұл зерттеулер балалар тілі онтогенезін, ол арқылы лексикалық, грамматикалық категорияларының филогенезін, оның фонологиялық жүйесін және мәтін тудыру механизмдерін танып-білуде аса маңызды роль атқарады [Негневицкая 1981, 192].

XIX ғасырдың соңы мен XX ғасырдың басында балаларды сөйлеу тілін зерттеу психологтар мен тілші ғалымдар назарын өзіне аударды, балалар ойлауының, ой-өрісінің деңгейін білдіретін алғашқы жиілік сөздіктер пайда болды.

Батыс Еуропа психолінгвистикасына тән жасөспірімнің сөйлесу қызметінің қалыптасу процесін туа пайда болатын құрылымға жатқызатын көзқарастарға қарсы шыға отырып, қазіргі ғалымдар мен психологтар бұл физиологиялық, лингвоментальдық құрылымдар баланың сыртқы ортамен байланысы, яғни әлеуметтік әрекетінің нәтижесі екендігін көрсетті.

Адамның сөйлеу әрекеті, оның құрылымдық-типологиялық ерекшеліктері жоғары лингвистикалық шамалар – лексикалық, морфологиялық, семантика-синтаксистік ерекшеліктер нәтижесінде қалыптасады.

Элькониннің пікірінше, бала қызметінің барлық жағы мазмұны, формасы бойынша қоғамға байланысты, сондықтан бала өз өмірінің алғашқы күндерінен бастап қоғамдық дене болып табылады. Оның адамзатқа тән мәдениетке жетуі белсенді әрекетіне байланысты болады.

Баланың сөздік қоры сыртқы жағдайлармен, динамикалық әрекетпен сипатталады. Баланың жеке іс-әрекеттерінің күшеюі және өзге балалармен көбірек араласуы оның өз жолдастарынан көргендері мен алған әсерін айту үшін монолог түрінде түсіндіру, айту қажеттілігін тудырады. Бұған қоса әрекеттердің өзара байланысуы, бір нәрсеге баға беру, бұйыру т.б. формасында да сөйлеуі үнемі даму үстінде болады. Мұның барлығы балалардың сөздік құрам мен тілдің грамматикалық құрылысын интенсивті меңгеруіне әкеледі де, олардың сөзі бір-бірімен байланысты, жүйелі бола түседі.

Заман қанша өзгерсе де, балалардың ой-санасын қалыптастыруда көркем әдебиеттің алатын орны зор. Ата-бабаларымыздан ұрпақтан-ұрпаққа келе жатқан мәңгілік философиясы, тәлім-тәрбиесі мен өмірлік тәжірибесінің берілу процесіндегі баланың танымдық қызметі мен ұлттық сана-сезімінің қалыптасуында көркем әдебиеттің алатын орны аса құнды.

Балалардың көркем шығармаларды оқу процесінде меңгеретін әдеби тілі ойды тәртіпке, жүйеге келтіреді, баланың ой тасқындарын реттеп, оны ауыспалы мағынада бере білуге үйретеді.

Бүгінгі таңда балалардың білім деңгейі мен сана-сезімін қалыптастыру мен дамыту мақсатында көптеген іс-әрекеттер жүргізілуі тиіс. Мектепке дейінгі кезеңде балалардың практикалық іс-әрекеттерін жоспарлау мен бағыттау, реттеуге негізделген сөйлеудің жаңаша қызметтері қалыптасады. Сондықтан да ауызша тілді меңгерудің жүйесіз түрінен мектепте морфология мен лексиканы үйретудің жүйелі тәсілдеріне көшу үшін мектеп оқулықтарындағы мәтіндердің сөздігіне мүмкіндігінше тілімізде жиі және сирек қолданылатын жаңа мәнге ие сөздерді ала білудің айрықша маңызы бар. Бұл мақсаттарды шешу үшін, алдын-ала 6-10 жас аралығындағы балалар тілінің лексикасы мен

морфологиясын, сонымен қатар балалар тілі дамуының көзі болып табылатын балаларға арналған оқулықтар мен көркем шығармаларды лингвостатистикалық әдіспен зерттеу қажет [Жұбанов 2004].

Қазіргі тіл білімінің даму тәжірибесі көрсеткендей, тілдің түрлі топтарының лексикасы мен морфологиясын салыстыруға және оның нәтижелерін алуға жағдай туғызатын мәтіннің квантитативтік әдісінің ерекше тиімді түрі: жиілік сөздік, алфавитті-жиілік сөздік және кері алфавитті-жиілік сөздіктер алу болып табылады [Қазақ тілінің статистикасы 1973]. Бұл сөздіктер арқылы бастауыш сынып оқушыларының оқып қабылдайтын әдеби тілін тілдің басқа түрлі салаларымен салыстыруға және квантитативтік әдіс арқылы алынған мәтіндердегі сөз қолданыстарды анықтап, зерттеу нәтижелеріне сүйене отырып, оқушыларға ана тілді меңгерудің тиімді әдіс-тәсілдерін қолданудың маңызы зор.

Әдебиет

- Бауэр Т. Психическое развитие младенца. – М.: Прогресс, 1979. 25-67 б.
Бутон Ш. Развитие речи // Психолингвистика. – М.: Прогресс, 1984. – 732 б.
Выготский Л.С. Мышление и речь // Сбор. Соч. в 6-ти томах. – М.: Педагогика, 1982.
Жұбанов А.Қ. Қолданбалы лингвистика: Қазақ тілінің статистикасы. – Алматы, Қазақ Университеті, 2004. 222-227б.
Люблинская. А. А. Детская психология. – М.: Просвещение, 1971.
Лурия А.Р. Современная психология // Сборник статей памяти А.Р. Лурии. – М.: Изд-во Московского Университета, 1982. 56-58 б.
Қазақ тілінің статистикасы. – Алматы: Қазақ ССР Ғылым Академиясы, 1973. – 731 б.
Негневицкая Е.И., Шахнарович А.М. Язык и дети. – М.: Наука, 1981. 222-227 б.

Резюме

В статье на основе квантитативного анализа частотных словарей казахской детской литературы анализируется процесс становления детской речи. Устанавливается значительное положительное влияние лексики народных сказок. Проведенный анализ позволяет оптимизировать процесс создания учебников для начальных классов и разработать методику обучения родному языку.

*Сиразитдинов З.А., Ишмухаметова А.Ш.,
Бускунбаева Л.А., Ибрагимова А.Д., г. Уфа*

О ЧАСТОТНЫХ СЛОВАРЯХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Коллективом лаборатории лингвистики и информационных технологий ИИЯЛ УНЦ РАН с 1997 г. по 2006 г. подготовлены и изданы частотные словари (ЧС) башкирского языка по трем функциональным стилям: наука и техника, проза, публицистика [Сиразитдинов 1997; Сиразитдинов 2002; Сиразитдинов, Шамсутдинова 2006]. Все три тома словарей составлены по единой методике на базе одинакового объема выборочных текстов.

За основу составления ЧС была принята методика, разработанная Всесоюзным центром “Статистика речи”, предполагающая минимальные объемы выборки и достаточные объемы текстов [Бектаев 1978, 29-31; Турыгина 1988, 35]. Это методика и сейчас широко используется в отечественной квантитативной лингвистике. По этой методике для составления каждого из ЧС были подготовлены 200 выборки сплошного текста объемами в 1000 словоупотреблений каждая. Выборки из произведений отбирались случайным образом в виде сплошного текста, во избежание влияния авторской индивидуальности, в совокупность не включались завершённые тексты отдельных авторов.

Для того чтобы получить усредненные характеристики самих функциональных стилей, тексты выборок отбирались из разных подвидов (подъязыков) стилей. Структура выборочной совокупности текстов для словаря по научному стилю дана в таблице 1.

Хронологическая рамка текстов по данному функциональному стилю была определена как 1956 –1995 гг.

Для публицистического стиля совокупность текстов была сформирована на базе двух республиканских газет (“Башкортостан”, “Йэшлек”) и пяти журналов (“Ағизел”, “Ватандаш”, “Тамаша”, “Шоңкар”, “Башкортостан кызы”). Отбирались тексты, опубликованные с 1993 г. по 2004 г. Структура выборочной совокупности текстов соответствует пропорциям тем в оригиналах и представлена в таблице 2.

Основу для стиля художественной прозы составили тексты 142 авторов за период 1940 – 2000 гг. У каждого автора отбирался один текст, за исключением классиков башкирской литературы и авторов, наиболее читаемых в последнее время. Привлекались тексты романов, рассказов, повестей на современную и историческую тему.

Таблица 1.

**Структура выборочной совокупности текстов
для частотного словаря по научному стилю**

Типы текстов	Количество выборок	Процентное соотношение (%)
Физика и математика	33	16,5
Химия и геология	33	16,5
Биология и медицина	34	17
Языкознание	33	16,5
Литературоведение	34	17
История	33	16,5
Итого	200	100

По всем трем функциональным стилям были получены алфавитно-частотные и частотные словари лексем, индексированных по частям речи и разграниченных по омонимии. В словарях приведены следующие статистические данные: абсолютная частота; количество выборок, в которых слово встречается; коэффициент стабильности употребления слова по Анрющенко [9]. В частотном словаре языка науки эти характеристики даны отдельно для подъязыков гуманитарных и естественных наук.

Частотные словари являются ценным материалом для сравнительного изучения функциональных стилей национального языка. Сопоставимость объемов текстов и наличие аналогичных ЧС по казахскому, узбекскому и каракалпакскому языками позволяет проводить и сопоставительные исследования [Ахабаев, 1973; Мухамедов, Пиотровский, 1986; Айымбетов, 1991]. Отметим, анализ именно сопоставимых объемов текстов является неприменным условием сравнительного анализа ЧС, поскольку структура и содержание последнего напрямую связаны с объемами исходных текстов [Бектаев 1978, 46, 52; Тулдава 1974, 7].

Объемы самих словарей: ЧС языка науки включает 9512 лексем, ЧС языка прозы – 11983 лексем, ЧС языка публицистики – 10473 лексем.

Лексическая картина текстов функциональных стилей в сжатом виде хорошо представляется в распределении лексики по частотным зонам частотного словаря (ЧС). Существуют разные подходы в выделении частотных зон. Нами был выбран подход группирования слов ЧС по частотным зонам на основе доли отдельных слов от всего объема. Такая методика позволяет выделить по всем трем ЧС одинаковые 5 зон. Так первая зона ЧС публицистики имеет границы частот 0,01164–0,01159, вторая зона – 0,00998–0,00101, третья зона – 0,000995– 0,00010 и т.д.

Первая зона всех ЧС предоставляет собой сверхвысокочастотную зону. Вторая зона – высокочастотная, третья зона – среднечастотная, четвертая – низкочастотная, пятая зона – зона редких слов.

Объем статьи не позволяет рассмотреть все количественные характеристики ЧС функциональных стилей, поэтому ограничимся покрываемостью текста массивом слов по зонам ЧС, которая является одной из важных характеристик в количественной типологии [Бектаев 1978, 52]. Данные по трем функциональным стилям башкирского языка по двум верхним зонам приведены в таблице 3.

Таблица 3 показывает, что языки текстов науки и прозы по количественным показателям имеют сходство в самой верхней зоне ЧС, но отличаются по зоне высокочастотной, где наблюдается близость между текстами публицистики и прозы. Слова из сверхвысокочастотной и высокочастотной зон по всем ЧС трех функциональных стилей покрывают от 43,75% до 47,58% текстов. То есть можно сказать, что около 200 наиболее частых слов покрывают приблизительно 50% любого башкирского текста. Этот факт имеет немаловажное значение в оптимизации преподавания башкирского языка, в создании научно обоснованных учебных грамматик и лексикографических справочников.

Таблица 2.

**Структура выборочной совокупности текстов
для частотного словаря по публицистическому стилю**

Типы текстов	Количество выборки	Процентное соотношение (%)
Общественно-политическая жизнь	50	25
Экономика (производство, агропромышленность, строительство)	40	20
Культура и искусство	40	20
Наука и техника	30	15
Эссе, очерк, репортаж	30	15
Физкультура и спорт	10	5
Итого	200	100

Таблица 3

Покрываемость текстов зонами ЧС

Функцио- нальный стиль	Количество слов в ЧС		Покрываемость текста	
	Зона 1	Зона 2	Зона 1	Зона 2
Публицистика	4	155	11008 (5,50%)	76504 (38,25%)
Наука	6	167	19722 (9,86%)	71221 (35,61%)
Проза	7	148	18926 (9,43%)	76289 (38,15%)

На сегодня проводится разностороннее изучение количественных и качественных характеристик словарей, которые в ближайшее время будут опубликованы.

Литература

Айымбетов М. Опыт лингвостатистического анализа лексики и морфологии каракалпакского публицистического текста. – Нукус: Билим, 1991. – 128 с.

Андрющенко В.М. Некоторые вопросы теории и техники составления частотных словарей // Иностранные языки в школе, 1969. №1. С. 61-69.

Ахабаев Ә. Қазіргі қазақ газеттері тілінің алфавитті-жілік сөздігі/Қазақ тексінің статистикасы. – Алматы: Ғылым, 1973. Б.344-464.

Бектаев К.Б. Статистико-информационная типология тюркского текста. – Алма-Ата: Наука, 1978. – 167 с.

Мухамедов С.А., Пиотровский Р.Г. Инженерная лингвистика и опыт системно-статистического исследования узбекских текстов. – Ташкент: Фан, 1986. – 162 с.

Сиразитдинов З.А. Частотный словарь башкирского языка. Т.1 (наука).– Уфа: Гилем, 1997.– 328 с.

Сиразитдинов З.А. Частотный словарь башкирского языка. Т.2 (проза). Уфа: Гилем, 2002. – 413 с.

Сиразитдинов З.А., Шамсутдинова Г.Г. Частотный словарь башкирского языка. Т.3 (публицистика). – Уфа: Гилем, 2006. – 382 с.

Тулдава Ю.А. О статистической структуре текста // Советская педагогика и школа. Вып. IX. – Тарту, 1974. С. 5-33.

Турьгина Л.А. Моделирование языковых структур средствами вычислительной техники. – М.: Высшая школа, 1988. – 175 с.

*Сиразитдинов З.А., Бускунбаева Л.А.,
Ишмухаметова А.Ш., Ибрагимова А.Д., г. Уфа*

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО КОРПУСА БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА (на рассматриваемом этапе)

Статья подготовлена при поддержке Программы Президиума РАН “Корпусная лингвистика. Создание и развитие корпусных ресурсов по языкам народов России. Создание корпуса республиканских газет башкирского языка”.

Одним из приоритетных и бурно развивающихся направлений современной лингвистики является корпусная лингвистика. Данная прикладная область языкознания занимается созданием общих унифицированных принципов представления сверх-больших массивов языковых данных (корпусов), непосредственным созданием самих корпусов и выполнением конкретных экспериментальных лингвистических исследований на их основе [Захаров, 3].

По объему привлеченных текстовых материалов выделяются корпусы немецкого (DeReKo, 5,4 млрд. слов), английского (BNC, 100 млн. слов), американского варианта английского (450 млн. слов), китайского (LIVAC Synchronous Corpus, 1 млрд. слов), венгерского (100 млн. слов), испанского (100 млн. слов), итальянского (100 млн. слов), чешского (200 млн. слов), русского (НКРЯ, 500 тыс. слов) языков.

Объектом языковых корпусов являются речевые материалы, реализованные в виде как письменных текстов, так и устных (фонетических) массивов данных.

В зависимости от стилистической принадлежности текстов выделяются художественные, научные, публицистические, драматургические, поэтические корпусы.

В лаборатории лингвистики и информационных технологий ИИЯЛ УНЦ РАН разрабатываются корпусы прозаических и публицистических текстов. Отметим, что в отечественной лингвистике имеются ряд корпусов текстов публицистического стиля русского языка [Корпус текстов русских газет конца XX века; Компьютерный корпус текстов русских газет конца XX века]. Активно ведутся работы по составлению корпусов средств массовой информации языков народов России [Муталов, 2009; Куканова, 2013; Сайхунов, Ибрагимов, 2014]

Работа по созданию корпуса публицистических текстов была начата в 2012 г. в рамках программы Президиума РАН “Корпусная лингвистика. Создание и развитие корпусных ресурсов по языкам народов России”. В данной статье мы хотим осветить функциональные возможности корпуса на сегодняшний день, не затрагивая его лингвистических и технических принципов реализации, которые достаточно освещены в наших публикациях [Сиразитдинов, Бускунбаева, Ишмухаметова, Ибрагимова, 2013; Сиразитдинов, Полянин, 2014; Sirazitdinov, 2014].

2. Средства квантитативно-статистического анализа текстов корпуса. Данные средства находятся на стадии разработки. На сегодня разработаны функции построения частотных словарей словоформ и лексем. На рис. 3. представлена выдача частотного словаря словоформ по корпусу.

Корпус также содержит функциональный блок, дающий информацию по содержанию корпуса: количество статей по жанрам, по тематикам, по автору. На рис. 4. представлена выдача информации о статьях автора Г. Хусаинова, содержащихся в базе корпуса.

В корпусе также имеется возможность поиска статей по названиям или по ключевым словам в названиях. Это средство позволяет выделить внутри тематических групп статьи с определенным содержанием и будет весьма полезным для литературоведческих, исторических и социологических исследований. На рис. 5 представлена выдача всех статей корпуса в названиях которых есть слово *башкорттар*.

N	Издание	Год	Номер	Месяц	День	Статья	Автор	Тема	Жанр
1	Йэшлек	2010	25	9	25	Без, башкорттар, баллы, ташызылы һәм аты халык	А. Ишметголова	политическая и социальная жизнь	статья, очерк, репортаж, обозрение
2	Йэшлек	2010	44	4	20	Без үзбөз - башкорттар, бик борончо халык	Ф. Кинйәбулатов	наука и техника	статья, очерк, репортаж, обозрение
3	Йэшлек	2010	67-68	6	10	Башкорттар - Рәсәйҙең тәүге парламентында	Л. Ямьева	частная жизнь	статья, очерк, репортаж, обозрение
4	Агыйҙап	2012	01	1	0	Башкорттар китеге һуғышһа	Ә. Йәнгалин	наука и техника	статья, очерк, репортаж, обозрение
5	Кыяк Әфә	2009	42	10	17	Башкорттар рус гаһоштары һәм тикшеренеүселәре ҡеҙметтәрендә	Р. Буканова, В. Фәйһазин	наука и техника	обзор печати

Рис. 5. Поиск текстов по ключевому слову *башкорттар* в названиях.

II. Блок администратора (с правами входа для сотрудников лаборатории). Включает следующие программные средства:

1. Программные средства ввода и автоматической разметки текстов. Данные средства производят морфологические и семантические разметки новых введенных текстов.

2. Средства редактирования. Предусмотрены возможности редактирования основного словаря, списков словоизменительных категорий, моделей словоизменения и правка самих текстов.

3. Средства ручного снятия грамматических и лексических неоднозначностей. Сотрудники лаборатории могут просматривать текст по предложениям и устранять омонимичные явления, которые не разрешаются самой системой.

4. Средства принятия решений по небашкирским словам. В процессе морфологического анализа словоформ текстов система сталкивается с ситуациями, когда нет идентификации ни с основами базового словаря, ни со списком аффиксов словоизменения. Данные словоформы относятся условно к небашкирской лексике. Часть словоформ данной группы составляют опечатки, авторские неологизмы, диалектные слова и вкрапления из других языков. Программные средства позволяют исправлять опечатки, добавлять новые основы или размечать словоформы как вкрапления. Языки-источники иноязычной лексики могут добавляться или удаляться из соответствующего списка.

5. Программы статистического учета посещаемости корпуса прозаических текстов.

6. Программа экспорта любого размеченного текста из базы данных Оракл в формате xml для обмена данными с другими национальными корпусными проектами.

В ИИЯЛ корпус публицистических текстов активно используется сотрудниками отдела языкознания при составлении многотомного академического толкового словаря башкирского языка, начаты лингвистические исследования языка публицистики на материалах корпуса.

Перед коллективом лаборатории лингвистики и информационных технологий ИИЯЛ УНЦ РАН на ближайшие годы стоят следующие задачи:

- 1) доведение объема корпуса до 20 миллиона словоупотреблений;
- 2) разработка системы выдачи статистических распределений по любому заданному пользователем подкорпусу.

Литература

Бускунбаева Л.А., Ишмухаметова А.Ш., Ибрагимова А.Д. Система метаданных в корпусе публицистики башкирского языка//Труды Казанской школы по компьютерной и когнитивной лингвистике TEL-2014. — Казань: Изд-во “Фэн” Академии наук РТ, 2014.— С. 106-111.

Захаров В.П. Корпусная лингвистика: Учебно-методическое пособие. – СПб., 2005. – 48 с.

Компьютерный корпус текстов русских газет конца XX века. URL:<http://www.philol.msu.ru/~lex/corpus/> (дата обращения: 17.06.2013).

Корпус русских публицистических текстов второй половины XIX века. URL:<http://smalt.karelia.ru/corpus/index.phtml> (дата обращения: 17.06.2013).

Корпус китайского языка. (LIVAC Synchronous Corpus). URL:<http://www.rcl.cityu.edu.hk/livac> (дата обращения: 17.09.2014).

Куканова В.В. О национальном корпусе калмыцкого языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: материалы XIII международной конференции. – Уфа, 2013. С. 209-212.

Муталов Р.О. Опыт создания корпусов Дагестанских языков // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009» (Бекасово, 27-31 мая 2009 г.). Вып. 8 (15). – М.: РГГУ, 2009. С. 329 – 332.

Национальный корпус русского языка. URL:<http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 17.09.2014)

Сайхунов М.Р., Ибрагимов Т.И. Письменный корпус татарского языка [Электронный ресурс]. – Казань, 2014. Режим доступа: <http://corpus.tatfolk.ru>

Сиразитдинов З.А., Бускунбаева Л.А., Ишмухаметова А.Ш., Ибрагимова А.Д. Информационные системы и базы данных башкирского языка. Уфа: Книжная палат РБ, 2013.— 116 с.

Сиразитдинов З.А., Поляни А.И. Об опыте разработки интегрированной корпусной системы на базе СУБД Оракл// Труды Казанской школы по компьютерной и когнитивной лингвистике TEL-2014. — Казань: Изд-во “Фэн” Академии наук РТ, 2014.— С. 85-88.

British National Corpus (BNC). URL:<http://www.natcorp.ox.ac.uk> (дата обращения: 17.09.2014).

Das Deutsche Referenzkorpus (DeReKo) URL:<http://www.ids-mannheim.de/kl/projekte/korpora> (дата обращения: 17.09.2014).

Corpus del español (корпус испанского языка). URL:<http://www.corpusdelespanol.org> (дата обращения: 17.09.2014).

Corpus di riferimento della lingua italiana scritta contemporanea (“CoLFIS”) (корпус итальянского языка) URL:<http://www.ge.ilc.cnr.it/dizionari.php> (дата обращения: 17.09.2014).

Český národní korpus (ČNK) (чешский национальный корпус). URL:<http://ucnk.ff.cuni.cz> (дата обращения: 17.09.2014).

Magyar Nemzeti Szövegtár (корпус венгерского языка). URL:<http://corpus.nytud.hu/mnsz> (дата обращения: 17.09.2014).

Sirazitdinov Z.A. The Corpora of Bashkir language//Turklang 14. TBV BBMD. Istanbul Technical University. 6-7 November 2014. P. 125-130.

The corpus of contemporary american english (COCA). URL:<http://corpus.byu.edu/coca> (дата обращения: 17.09.2014).

**ОТЧЕТ С.Ф. МИРЖАНОВОЙ, УЧАСТНИКА КОМПЛЕКСНОЙ
ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1958 ГОДА ПО РАЗДЕЛУ
«БАШКИРСКИЙ ФОЛЬКЛОР»***

Этнографическая экспедиция в южные и юго-восточные районы Башкирии включала в себя также и работу по сбору материалов башкирского устного творчества.

В задачу фольклористов входило выявление и запись памятников народного творчества дореволюционного и советского периодов, бытующих в районах исследования и с последующей обработкой их и приведением в систему, сгруппировав по жанрам, с характеристикой бытования.

Сбор полевого материала проходил в следующих деревнях: Смак (Алама Тамьян), Танып (Арслан), Мукас, Кызрай Мелеузовского района; Иштуган Юмагузинского района (совр. Кугарчинский р-н); Тунгаур, Санъяп Кугарчинского района; Байдавлет, Ибрай, Сураш (Юлдыбай), Иткул (Юлдаш), Баиш, Акдавлет Зианчуринского района; Юмагужа (Кыпсак), Новый Якуп Зилаирского района; Верхний Смак Хайбуллинского района; Первый Эткул, Буранбай, Күсей, Басай Баймакского района; Халил, Ярлыкап, Кускар, Ташбулат, Баим Абзелиловского района; Казаккул, Москово, Науруз Учалинского района; Байназар, Магадей, Этик Бурзянского района – всего 32 населенных пункта.

Было опрошено 100 информантов, носителей устного народного творчества в возрасте от 7 до 90 лет.

Как известно, южные и юго-восточные районы Башкирии издавна славятся богатством и самобытностью своего устного народного творчества, особенно выгодно отличаются в этом отношении юго-восточные районы, которые были постоянным источником фольклорного материала. Очень интересным и богатым представляется Зианчуринский район. Вообще лесные районы, на мой взгляд с точки зрения фольклора гораздо интереснее, нежели степные районы.

Для современного фольклора обследуемых нами районов характерным является сильно развитое устно-поэтическое творчество. Прозаических же произведений гораздо меньше. Так, сказок на современные темы мы не встретили. Записанные более 20 сказок, в большинстве своем фантастических, являются вариантами древнего творчества. Большинство сказок записано в Зианчуринском, Баймакском, Хайбуллинском районах.

Был записан новый вариант эпоса «Кусяк бий» (по башкирски «Күсәк бей»²) в Юмагузинском районе, новый, на мой взгляд, интересный вариант эпоса «Алпамыша», «Изеге» в Зианчуринском районе и известный нашим фольклористам вариант «Күсәк бей» в Бурзянском районе.

Значительный материал был собран по устной поэзии. За время экспедиции мной было прослушано и записано около 500 песен (озон кей) и записано около 200 такмаков, кыска кей, 16 обрядовых песен и игр, 6 легенд к песням, 19 преданий, 3 байта, 4 обряда (свадебных и похоронных), 120 пословиц, 59 загадок, 16 молодежных игр. Кроме того, извлечено 6 тетрадей с песнями, такмаками, стихами о дружбе, о любви.

Несмотря на то, что в современной башкирской деревне широко распространены мандолина, гармонь, по-прежнему почетное место занимает курай и [молодые люди – ред.] учатся играть на нем. В деревне Иштуган Юмагузинского района одиннадцатилетний мальчик Игебаев Тимербай, приловчился играть на курае с одной

* Научный архив УНЦ РАН Фонд 3, опись 2, ед. хранения 423.

Отчет подготовлен к изданию Р.Н. Каримовой

² Далее названия текстов, географические названия передаются в том виде, в каком зашифрованы в рукописи.

дырочкой. Интересно то, что он довольно хорошо выводил все мотивы, которые были ему знакомы.

Эпос

Все меньше и меньше остается людей-сказителей старого поколения, помнящих прекрасное сокровище башкирского устного творчества – эпос.

Эпос как жанр отходит в область преданий, и те варианты, которые сейчас бытуют в народе, представляют собой простой прозаический пересказ когда-то прекрасных эпических героических песен с некоторыми стихотворными припевками (*һармаклар әйтеү, һамаклар әйтеү, әйтемнәү*). Они сейчас называются просто сказками. По крайней мере в нашей экспедиции встретились только такие.

Поэтому, пока еще живы носители этого древнейшего жанра, со всей необходимостью встает вопрос об организации специальной экспедиции по извлечению эпических произведений. Характер же нашей экспедиции не позволял углубиться в эту работу.

За время экспедиции я записала 3 произведения эпического характера: эпос «Күсәк бей» в двух вариантах: юмагузинский и бурзянский, «Алпамыша» и «Изеге» в Зианчуринском районе.

В бурзянском районе вариант эпоса «Күсәк бей», ввиду праздника «Курбан байрам», был рассказан Ягафаровым Шайхисламом поверхностно, второпях. Я там записала некоторые топонимические названия. Другой вариант «Күсәк бей» записан в дер. Иштуган Юмагузинского района от Уметбаева Мухамета, 82 года, бывшего муллы, окончившего Каргалинское медресе, издавшего очень много и даже, по его словам, «партизанившего» в гражданскую войну, между прочим, большого дипломата.

Оба варианта эпоса «Күсәк бей» представляют собой обыкновенный рассказ и исполнялись в стиле исторического повествования.

В противоположность бурзянскому варианту, в юмагузинском варианте «Күсәк бей» все события разворачиваются вокруг Турахана, который наделен умом, спокоен, справедлив, ни одного решения не принимает без предварительного совета с аксакалами.

Когда Кусяк бий приходит к Турахану с просьбой разрешить ему совершить карымта, дед его посоветовавшись с аксакалами, решает дать ему в советники своего, самого мудрого аксакала, который и сопровождает Кусяк бия. Кусяк бий во всем следует советам этого аксакала.

Далее, прослышав о том, что Мәсем хан и Темәс хотят в свою очередь отомстить за Каракулумбета (Карағоләмбәт), Кусяк бий по совету аксакала строит город-крепость *Имән-түш* (информатор объяснил, откуда произошло название *Уфа*) и едет к белому царю с поклоном.

Интересно объясняет М. Уметбаев имя Күсәк-бий в бурзянском варианте. Как известно, жену Бабсака *Ямлю* истязали волосяными вожжами, и здесь несколько мужчин по ее телу катают большую дубину (күсәк). Потом говорят: дитя должно погибнуть, если не күсәк.

В Зианчуринском районе в деревне Байдавлет был записан новый, интересный вариант эпоса «Алпамыша» и «Изеге», называемый народом сказкой. Их рассказал нам колхозник-охотник Сайфуллин Абдулла, 62 лет. Характерно, что члены семьи информатора (жена, двое сыновей, бабушка Сәхип инэй (старшая сестра) и снохи оказались знатоками фольклора. Так, при рассказе Сайфуллина участвовали все: бабушка говорила һамак, сам Сайфуллин – повествование, а сыновья уточняли время, названия, имена.

Записанный вариант эпоса «Алпамыша» несколько отличается от известных до сих пор вариантов и, вероятно, является одним из древних вариантов. Об этом говорит этимология слова Алпамыша.

В песне Барсын:

*Ална килә, ална килә,
Ална эсендә берәү килә,
Алты йәшәр бала килә,*

*Ултырганда уй емерер
Таянганда тау емерер.*

Термин *алпа* объясняется как *яу, гәскәр*.

Или такая маленькая деталь, как плененного Алпамышу спускают в глубокую яму – более примитивное место заключения, а не закрывают в темницу-зندان.

В отличие от известных вариантов эпоса «Алпамыша» в Зианчуринском варианте против Алпамыши выступает его старший брат Колтаба, который и собирается жениться на Барсын.

Значительная часть эпоса посвящается, причем в эпической форме, родному дому, когда Алпамыша собирается в поход: здесь фигурирует отец Албуре, мать Кештэй һылыу, старший брат Колтаба, владелец сказочного коня – өйөрбашы Акколай, и чернобровая сестра Карлуғас.

Эпос исполнялся в стиле традиционных сказок: повествование оживляется напевами.

В «Изеге» отражены отголоски борьбы батыра Изеге (баш. *Изеге* – видимо, от *Идеге, Идекай*) против Туктамыш-хана и его 9 сыновей. Как видно из содержания, это произведение было услышано Сайфуллиным от человека, который хорошо не знал его, или Сайфуллин сам многое перезабыл – во всяком случае, оно не оставляет впечатления целостности и полноты, является отрывочным: неизвестным остается легендарность Изеге и недоверие и боязнь Туктамыш-хана, неожиданный уход Изеге от Туктамыш-хана. В связи с этим можно привести диалог между Янбаем, которого послал хан на переговоры.

Янбай:

*Ай, Изегем, Изегем,
Эйәренең кашы алтын,
Йүгәненең башы алтын,
Койошканы – коймалтын,
Өзәңгеһе – һум алтын,
Казығын аҡ калайзан кактырған,
Тукмағын һум алтындан һуктырған
Хан һиңә ат бирә ләү,
Шуны лау алып менһәнә.*

Изеге:

*Ай, Янбайым, Янбайым,
Мин кайтмамдыр, кайтмамдыр,
Кайтып та Изел кисмәмдер,
Кайтып та Изел кисмәмдер,
Биргән дә атым менмәмдер,
Токомымдан кото киткәндер...*

В ответах Изеге не раскрываются причины его ухода. Но и в этом виде «Изеге» представляет немалый интерес для фольклористов.

Сказки

Всего было записано 17 сказок: из них 10 фантастических и 7 бытовых. Тематикой фантастических сказок является борьба героя против чудовищ, злых сил, в бытовых – смелого, остроумного парня против несправедливого, жестокого или глупого царя («Бур егет»), состязание в смекалке, остроумии в сказке «Алты тәкә» и т.д.

На фантастические темы записано 10 сказок: «Сүлмәк анай», «Йылан егет» (в двух вариантах), «Бей алтмыш», «Карағау бай», «Муса батыр», «Кирэй Мәргән», «Аждаһа». На бытовые темы 7 сказок: «Алты тәкә», «Бур егет», «Ерәнсә сәсэн», «Бармак башындай малай», «Һуктырылған һалдат», «Юлбаһарзар», «Бабай шалқан сәсте» и др. без названий.

Все записанные сказки являются творчеством дореволюционного периода, на современные темы не удалось найти ни одной сказки. Героями сказок являются традиционные батыр егет или красивая умная девушка («Кирэй Мәргән», «Сүлмәганай» и др.).

Все сказки начинаются с известной присказки «*борон-борон заманда бер эбей белән бабай булган, ти*». Они, как обычно заканчиваются словами: «... *дыу һеңкетеп донъя кәтәп торалар, ти*»; «*Әкиәтем ары китте, үзем бире калдым*» или «*мин аларза кунакта булдым, кисә барып бөгөн кайттым, атымды һиңә тугарзым*» («Кирәй Мәргән»). Интересная концовка в эпическом произведении «Изеге»: «*Мин аларза кунакта булдым, бик шәп туйланылар. Сатан бейә һуйып Сазаланы (күрше ауыл исемдәре) сакырзылар, ала бейә һуйып Алабайталды сакырзылар, үзебез зә (Байдәүләт ауылы) бергә булдык. Кисә барып, бөгөн кайттык*».

В бытовых сказках с комическим сюжетом концовки приобретают несколько иную окраску: «*Мин шул һыйза булдым, исереп йырзап ултырзым, әкиәтемде ары ебарзем, үзем бире калдым*» («Дуфәрәй»). Немалую роль в оформлении концовки играет характер, натура, образ жизни самого сказителя, является ли он женщиной или мужчиной. В связи с этим сказитель по-своему оформляет, обогащает или вовсе опускает концовки.

Легенды и предания

Легенды и предания в основном связаны с названиями деревень (*Мокас ауылы, Смак ауылы тарихы, Йомагужа ауылы и др.*), с топонимикой и рассказывают о том, откуда пришло это название, кто был основателем деревни и т.д.

Преданий, связанных с историей той или иной деревни, записано 8. Эти предания говорят о том, что названия деревень связаны с именем основателя и объясняют причину основания деревни (удобные пастбища, приволье земли; разросшийся род по тем или иным причинам выделяет какое-либо *ара* (родовые подразделения – ред.) на переселение (например, дер. Юмагужа Зилаирского района или дер. Халил Абзелиловского района как заслон на границе между кыпчаками и бурзянами). Основание деревни там, где наиболее спокойно от нападения казахов, например, Смак).

11 преданий-легенд рассказывают о борьбе башкирских родов с казахами («*Яуыш батыр*», «*Көтөү карт*», «*Көтөү батыр*», «*Өрөмбәт карт*», «*Сура батыр*», «*Акыс (Акназар)*», «*Акназар карт риүәйәте*, Тамъян башкорттары араларының тарихы т.д.).

Некоторые легенды связаны с топонимическими названиями (*Зөһрә тау, Мәзинә тауы, Һандуғас, Сибәғәт тауы, Күсем, Мазал, Яңғүзәй, Мәсем тау, Хан калғаһы*) и рассказывают почему даны эти имена.

Было записано три легенды о происхождении слова «башкорт» (одну рассказал в Зианчуринском районе дер. Байдавлет Бикжанов Басыр, 75 лет, другую в дер. Новоякупово Зилаирского района Латиф бабай, и третью в дер. Юмагужа Зилаирского района Аккужин Ахметьян, 53 года).

Некоторые легенды-предания рассказывают, почему тот или иной *ара* так называется (например, *ара «бәбәләш», «киһекәй», «туптар»* из рода тамъян, *ара «төркмән»; «ай-һай», «калмак»* из рода бөрйән и т.д.).

В форме предания был рассказан третий вариант «*Күсәк бей*», где спор между биями возникает из-за земли.

Рассказчиками преданий и легенд были только старики за исключением одной старухи – Билаловой Кунсулу, 68 лет.

Песни

Одним из распространенных, самых продуктивных жанров башкирского фольклора являются песни.

Песни слагают и охотно поют от мала до велика.

Например, семилетняя Райфа Вагапова из дер. Кусяпкул Мелеузовского района поет:

*Һикереп төштәм баксага,
Бастым тимер аксага,
Был китапты урламагыз,
Һатып алдым аксага.*

80-летняя Хатиа Зилькарнаева из дер. Иткул Баймакского района напевает:

*Эткол ерләренә барган сакта,
Яным кеүек Менәүәрә кем,*

*Былбыл кеуек сайразыр кем,
Карурманнарынан ат үтмэй.
Менәүәрә һылыуым китте бик йыракка,
Яным кеуек Менәүәрә кем,
Былбыл кеуек сайрайзыр кем,
Хәл белешер инек – хат етмэй.*

Народ любит песни, бережно хранит их. Как только до слуха их доходит, что приезжие интересуются песнями и записывают их, постепенно дом, где работают члены экспедиции, заполняется желающими петь и слушать.

Восьмидесятилетняя бабушка Кидрасова Кайниял (Кызрасова Кәйнеямал) из деревни Ибрай Зианчурино района в беседе с нами говорит: «*Любим, чтобы наши песни возвращались к нам*».

Примечательным является то, что народ помнит, кто, когда, по какому поводу сложил данную песню. Так, например, жители дер. Ибрай помнят почти все песни, сложенные во время Великой Отечественной войны Хасановой Зульхизой, которая умерла в 31 год:

*Яланнарза йоклап яткан сакта,
Тартып ябынабыз һаламды.
Симәнәгә тиеп кыуалайлар,
Кемгә калдырайым баламды.
Симәнәгә һөйрәүләре бигерәк кыйын,
Сәскән сакта тайны акныйым.
Герман һугышында ятып калды,
Кайталманы минең яныйым.*

Песни ее отражают всю тяжесть войны, когда в деревне хозяйство целиком легло на плечи женщин и стариков. И, с другой стороны, тут же, рядом с этими песнями – неиссякаемый оптимизм, смех, юмор.

*Елле Кая буйын төшкән сакта,
Һыулар ага төшөп улакка.
Ирзәребез кайтып килдениһә,
Без зә йөрөрбөз әле кунакка.
Телеграм баганаһын
Ултыртканнар һөйәүһез.
Их, сукынган Германия,
Калдырзы бит кейәүһез!
Лутфикамалдың картуфы,
Ак сәскә лә күк сәскә.
Картуфтарзы утамайһың,
Икенсе йыл күп сәсмә! и т.д.*

Слагают песню по любому поводу, начиная от лошади, кончая философскими размышлениями о жизни.

Песни *озон көй* (протяжные песни – *ред.*) в основном слагаются при значительных событиях их жизни – отдельной личности, семьи или целого народа. Разлука с детьми, с мужем, с родными, смерть близкого человека; пожар, война, любовь, веселье, пиры, гости – таков неполный перечень тематики башкирских песен на озон-көй. Сюда не входят исторические песни, связанные с определенными событиями или личностями, именами.

Из записанных песен выделяются песни дореволюционные и песни современные.

В дореволюционных песнях лейтмотивом проходят печальные рассуждения о бренности жизни, сожаление об умершем, неуверенность в завтрашнем дне, покорность судьбе:

*Кызыл ғына буйы кызыл кырсын,
Кызыл кырсын буйын кызырзым.
Үтеп кенә барган был гәмөрзөң
Алдарына сыгып һызгырзым.*

*Ерэнсэй зә атым ялларын,
Кыйбаланан сыккан ел тарай.
Үзе лә бәхетләрең, ай, булмаһа,
Байзан байға йөрөп, кем ярай.*

(Баймухаметов Аитбай, 81 год, д. Атик, Бурзянский район)

*Ике лә генә ерән, барлар көрән,
Әйләп кыуып булмай юл белән.
Маңғайыңа язган хак язмышын,
Һыйпап ташлап булмай кул белән.*

(Тайфа Утябаева, 62 года, д. Буранбай, Баймакский район).

Особенно много песен о тяжелой, безрадостной доле башкирок:

*Атка ла гына бесән һал, еңгә,
Ауыззыкайларын ал, еңгә.
Сеңдәтеп тә биреп ебарәгәнсә,
Ғәзиз йәндәремде ал, еңгә.*

(Аитбаева Канифа, 59 лет)

*Кеземир зә шаршау ебәк бау,
Сук өстөнә сугы бумаһын.
Был донъякайларзың шуныһы кыйын –
Йәр өстөнә йәрләр бумаһын.*

Отражаются в песнях и старинные обычаи башкир, как содержание престарелых или сирот в своем *ара*, или когда овдовевшую сноху с детьми должен взять самый близкий к мужу родственник, будь он намного младше своей невестки (еңгә):

*Баләкәй генә йылға кескенә,
Кисмәлекте бирмәй һис кенә;
Минең сәүгән (һөйгән – ред.) йәрем кескенә,
Илай-һыктай килә кис кенә.*

Эту песню, записанную в дер. Ибрай Зианчуринского района, сложила когда-то одна вдова, которая с двумя детьми должна была выйти замуж за 12-летнего своего деверя (кәйнеш), и каждый вечер она на руках переносила сонного мальчика в свой дом, ибо он не хотел идти, плакал. Так она приучала его несколько лет.

И на лирических песнях дореволюционного периода лежит отпечаток быта, обычаев того времени:

*Туңарәкәй күлдә дүрт өйрәк,
Мәргәнсе лә булһаң, ат, егет.
Һатып та гына алған йәрең түгел,
Таң атып та килә, кайт, егет.*

(Аитбаева Канифа, дер. Атик, Бурзянский район)

*Ишекәйем төбө карағас,
Менә алманым, кирәм бумағас.
Ошо ауылкайларза бер матур бар,
Ала алмайым малым бумағас.*

(Аитбаева Канифа, дер. Атик, Бурзянский район)

*Тимер генә һандык, әй, ез йөзөк,
Асылыукайлары шул бик озак.
Уртақ кына йәрзе һөйзөниһәң,
Таң аттырып бумамай – төн озак.*

(Зулькарнаева Хамия, 80 л., д. Иткул, Баймакский район)

В тематике современных озон көй чувствуется тенденция развития так называемых меджлисных (*мәжлес* – пир) песен, песен приуроченных определенным знаменательным датам, а также лирических песен:

*Үткәүелкәйләрзән шул, әй, үтәйек,
Йүкәлекәйләргә лә етәйек.*

*Үтөп кенә барган был гөмөрзөң
Кәзерләрен белеп көтәйек.
Гандугаслар һайрай яз булһа (тиең),
Язгы бәпкә көзгә каз булар.
Инде, дуслар, һезгә ней теләйем,
Йөз йыл гөмөр теләһәм, аз булар.*

(Бурангулова Кулгизар, 67 лет, д. Танып, Мелеузовский район)

На исторические темы были записаны: песня «Урал», отдельные куплеты песни «Каһым түрә» и песни на мотив «Урал», несколько песен о Великой Отечественной войне.

*Уралып-уралып яткан Урал тауы,
Биләп ята үзенә күп ерләр.
Ватан һугышында удар биреп,
Башкайларын һалды күп ирләр.*

На мотив «Ашказар» Сулейманова Хадиса из дер. Исламгул Мелеузовского района сложила песню о своем погибшем брате:

*Ашказаркай буйы ай шау камыш,
Шау камыштан сыга бер тауыш.
Ватан һугышында танкист булып,
Башкайларын юйзы шул байгош.*

Была записана также песня и легенда о Хашия-батыр (Хәшейә-батыр), которая погибла в борьбе с казахами, песни о беглецах «Зәнкә», «Норокай», «Юныс» и легенды о них.

Все песни, за исключением *атама йырзар* (именные песни), исполнялись на различные старинные мотивы «Урал», «Ашказар», «Шәүрә», «Тәфтиләү», самым популярным из которых является «Урал». Так, все 5 песенниц (йыраусы) двух деревень Смак и Танып Мелеузовского района пели все свои песни на один мотив «Тәфтиләү».

Таким образом, в старую форму (мотив) свободно вкладывается новое содержание. Ярким примером этому может служить песня, сложенная Гумеровым Сибагатом на религиозный мотив мунажат (мөнәжәт):

- 1. Беззең Линин лузгы белән алга сыкты,
Әһмиәтле күп эшләрзе юлга һалды.
Ихлас тәкдир еткәс инде, үлеп калды,
Үлек булһа ла, ул терек миҫалда,
Ага беззең дога кылык тейешле инде.*
- 2. Аның урынында Сталин баба ултырып калды,
Күп һакимнәр, күп хөкөмнәр кылып һалды.
Беззең дошмандарыбыззы кире какты,
Ихлас тәкдир еткәс, ул да үлеп калды.
Ага ла беззең дога укыу тейешле инде...*

Несколько слов о *кыска көй*, которая существенно отличается от *озон көй*.

Чтобы песню, исполнить на *озон көй* и *кыска көй*, нужно изменить поэтическую структуру песни, облегчив и приблизив ее к такмакам. Наиболее близко стоят друг к другу *кыска көй* и *такмак*.

Песенницы дер. Ибрай Зианчуринского района *кыска көй* называют *һармак* (короткие песни) и разницу между *такмак* и *һармак* видят только лишь в мотиве: мотив *һармак* – песенный, а *такмак* – быстрый, плясовой.

Например:

*Өстөмдәге күлмәгемдең
Галстуклары кара.
Бик һагынһаң, айга кара,
Ай беззән һезгә бара.*

Эту песню можно исполнить в ритме *кыска көй* и в ритме *такмак*.

Широко распространенным, охватывающим все области жизни, является *такмак*. Такмак – эта сегодняшняя жизнь. Тематика их необъятна. Такмак звучит и на свадьбе, и в клубе, на улице, на фермах, на летних пастбищах и в доме, если там сидит бабушка с внучкой.

*Бейе, кызым, бейе, кызым,
Бейеуең бер тауык.
Ул да булһа кыһыр тауык,
Һөтөн эсерһең һауып.*

Такмаки записаны шуточные, лирические, сатирические, обрядовые.

Шуточный: *Мин үзем бик тәүфикһыз,*

*Сәй эсмәйем кәнфитһез,
Эй, хозайым, тәүфик бир,
Сәй эсергә кәнфит бир.*

Исключительно велика общественно-воспитательная сила такмак.

1. *Колхозниклар эшкә бара,
Кулларында күнәге;
Игенде тазартылмауы
Вилкәселәр* һаләге .*

2. *Аръякларзан берәү килә
Һыбай кеше түгелме?
Эскәһярзең комбайны
Тамырланған түгелме?*

3. *Коза, атың сабан икән,
Сыбырткыгыз юкм(ы) әллә?
Йыуасагыз каты бешкән,
Әсеткегез юкмы әллә?*

4. *Кәйнәң менән ирешиң,
Кешеләргә бирешиң,
Кәйнәң барһа түрбашка,
Кашык менән бир башка.*

Интересным являются встречные такмак (*төртмә такмак*):

*Мин һөйә торған егеттең
Кәстүме бар кейәргә,
Кәстүме булгас кейәргә,
Мужны аны һөйәргә.*

Ответ:

*Кәстүме булган егеттең
Кәстүмен кейәһеңме?
Атаһының кәстүме бар,
Аны ла һөйәһеңме?
Өйөлөп-өйөлөп үсә икән
Кырза ат кузгалагы.
Төртмә телеңде төртмәһәң,
Бүһерең кузгаламы?...*

Так называемый *әйтеһнәү* (*һамаклау, һалмаклау, һармаклау*) исполняется без напева, в ритме пляски, приговаривается как прибаутка. Например, в Юмагузинском (совр. Кугарчинский) районе называется *әйтеһнәү*: *Баһар ул, баһар ул,*

*Баһар өсөн килгән ул.
Беззең күңелләребеззе*

* Вилкәселәр – рус. вейлкасылар (работающие на вейлках – ред.)

Асар өсөн килгән ул!
 В Зианчуринском районе – *һалмаклау*:
 1) *Ох-ли, весела тей,*
Икенсегә бирә ала!
 2) *Байзың кызыл үгезен*
Һындыра һук мөгөзөн.
Бейеп йөрөгән егеткә
Димлә кызың һимезен!
 Баймак – *әйтемнәү*:
Бейе, бейе остарак,
Бер аягың кыскарак!
– Ике аяғым бер тиң булһа,
Бейер инем остарак!

В юго-восточных районах Башкирии был отмечен интересный вид фольклора, если можно его так называть – *тәрит*, разновидность такмака без слов. В противоположность *такмаксы*, который заставляет плясать под такмак, *тәритсе* исключительно полагается на искусство выводить всевозможные трели голосом и прищелкиванием языка. *Тәрит* может сопровождаться прищелкиванием пальцев (особенно, если исполнитель женщина, пальцы у которой бывают украшены множеством колец с подвесками – *сыңгалы балдак*), ударами деревянных ложек по колену или мягкими скользящими ударами пальцев по дну ведра, по медному подносу, причем на пальцах может быть наперсток.

Так в д. Атик Бурзянского района живет знаменитая *тәритсе* Аитбаева Канифа, которая не раз выступала на сцене со своим искусством. Сейчас это вытестняется мандолиной, гармонью.

К сожалению, не было записано ни одной песни *сеңләү*. Но был отмечен *сеңләү* как один из важных моментов свадебного обряда – когда выданная девушка и ее подруги оплакивают в голос невесту перед уходом из родительского дома, из родной деревни.

Баиты

Записано всего два баита, третий баит о продаже земли неполностью записан на магнитофон.

Баиты и форма их исполнения до сих пор сохраняют традиционную устойчивость, особенно не изменяется форма. Баит на современную форму слагается на трагическую смерть человека. Жанр баита в современном фольклоре не имеет почвы, он не развивается.

Пословицы, поговорки, загадки

Всего собрано 124 пословиц и поговорок, 59 загадок. Пословицы в большинстве своем состоят из одной-двух законченных фраз – параллелей. Например: *ир бирмәк – йән бирмәк*, или: *куйыныңдан йәрең сыккансы, күкрәгеңдән йәнең сыкһың; агай алғанса, еңгә килгәнсә (якшы); касканды кыума, каршы торғанды куйма; куркакты күп кыуһаң батыр сығар; булһа көйөп тора, булмаһа куйып тора; кызык кызларзан сыға.*

Но были отмечены и такие поговорки, которые составляют целые строфы. Например:

1. *Ил талап ауызға кергән хәлүзән,*
Ер тарап табылған икмәк татлырак.
Өшкөрөп маллар жинаған тәкүзән,
Эш күрөп тапқан кашклар якшырак.
2. *Кеше үз гәйебен белмәгәс,*
Белгәннәр кешенән көлмәс.
Кешезән көлгән әзәмнең
Кулындан һис нәмә килмәс.
3. *Кеше күрсәң, кесеклек кыл,*

*Тиз ук олуглыкка бара.
Нисек ернең йөзөндә, кем
Кесек агас күп алма.*

(Мутагар Фаизов, умер 87 лет, дер. Баиш, Зилаирский р-н)

Мы списали их из старых книг, на полях которых старик написал своей рукой эти строфы. Являются ли они собственным сочинением или это народные поговорки – сказать трудно, так как автор давно умер.

Привлекает к себе также внимание поэтическое оформление загадок.

Например: 1. *Эйелмәс–бөгөлмәс*

Кейәү кеше өйгә инмәс (саңғы).

2. *Алтмыш агас башынан*

Алдым-өйзөм һыргалак.

Етмеш агас башынан

Елдем-өйзөм һыргалак.

3. *Ары ла тәтә, бире лә тәтә,*

Кунак килһә, йүгеректәтә (һепертке).

Причем загадывается загадка и прибавляется что-либо для пояснения.

Например: *Бәләкәс кенә бизәр*

Йыһан ерзе гизәр.

(Гиндә лә бар, миндә лә бар, байзарза күберәк була) Акса.

Аръякта ла кашка ат,

Биръякта ла кашка ат

Тибешә лә һуғыша.

(Йәбешкәһе һәр кешелә була) Теш.

Часто встречаются и такие загадки, внешнее оформление которых рассчитаны на двусмысленное понимание их и при разгадке дающие самые неожиданные ответы.

Некоторые рифмованные загадки содержат сразу два ответа. Например:

1. *Ана бара – эзе юк (кәмә)*

Богазһаһаң каны юк (балык).

2. *Тимер сыпсык, сүс койрок (әнә-еп).*

Базы тузһа, бағанаһы кала (йөй).

Обряды

Было записано два старинных свадебных обряда в Юмагузинском и Белорецком районах и один современный *кызыл туй* в Баймакском районе. В Зианчуринском районе был записан похоронный обряд.

Как уже было отмечено, ценным в отношении терминологии является свадебный обряд, рассказанный Арсланбаевой Фазилей (67 лет) из деревни Иштуган Юмагузинского района. По ее словам, невеста не только заранее не могла увидеть парня-жениха, но и после замужества не могла даже взглянуть на него. Сама она несколько раз выходила замуж. Живя с последним мужем, она со стороны стала слышать, что у ее мужа Хисмата большие отвислые губы (*ауызы шалбайып тора*). Хотя любопытство ее было огромным, но Фазила инэй только месяца через полтора во время чаепития осторожно, из-под платка взглянула на мужа. К ее огорчению, муж действительно оказался губастым.

Несколько иную картину дает свадебный обряд, рассказанный Миграновой Муслихой (58 лет). Здесь уже ее будущий муж (он был из соседней деревни) видел ее девушкой (тогда девушки ходили непокрытой головой), высматривал ее, следил за ней и потом заявил отцу, что больше ни на ком не женится. Она, конечно, не догадалась, что именно он будет сватать.

В вышеуказанных обрядах есть некоторая разница и в терминологии:

Белорецкий	Юмагузинский (совр. Кугарчинский)
1. 10 дуға кунак сакырзы.	1. 10 козағылы кунак сакырзы
2. Мәһәр килешкәндәр: бер бейә, бер	2. Өстәл аксаһына ярлы кыздарына 30-40

һыйыр, бер һарык, 50 һум акса – калым шул булды. 3. Коза балы Мир балы Хуш итеү балы и т.д.	һум, бай кыззарына 100-120 һум хала 3. Тәүге аш Йорт ашы Хуш ашы
--	---

Современная свадьба «Кызыл туй» сильно отличается тем, что она упрощена, облегчена. Моменты из старого обряда, как «кыз йәшереү», «кыз кушыу» сохранены скорее всего как веселое развлечение, ибо в них нет страха девушки перед неизвестным человеком, ни боязни за свою судьбу. Современные свадьбы обычно проводятся зимой, и иногда едущие на свадьбу *козалар* за 4-5 км от деревни устраивают *бәйге*, и коза-победитель со своей повозкой и с бәйге на дуге объезжает всю деревню. Он же самый почетный гость на свадьбе (Абзелиловский район, дер. Кулукас).

Интересный момент из свадебного обряда, который отмечен в дер. Иткул Баймакского района «килен һөйөү» («обласкивание снохи»). Сюда на чай приглашаются самые близкие родственницы и соседки. Свекровь обласкивает свою килен, читает нравочение, какой должна быть килен, родственницы дают советы.

Вот такмаки из килен һөйөү:

1. Кәйнә: *Килен-килен киленсәк,
Ауылсы бума, киленсәк.
Ауыз-мороноң останнап,
Хәбәрсе бума, киленсәк.*
2. Другие советуют: *Йомортканан ак бул,
Һайыскандан һак бул.
Аһыныңа бирешмә,
Бүтәннәр белән ирешмә.
Бүтәннәргә бирешмә,
Кәйнәң белән ирешмә.
Кәйнәң барһа түрбашка,
Кашык менән бир башка.*

Современная свадьба представляет такую схему:

1. Дружба молодых.
2. Сватание девушки.
3. Жених со своим дружкой едет на бракосочетание:
 - а) кыз йәшереү (прятание девушки),
 - б) кыз кушыу,
 - в) на следующий день поездка в ЗАГС,
 - г) жених 3 дня гостит, молодежь гуляет.
4. Свадьба у невесты (за счет жениха).
5. Кыззы озатып алып кайтыу (переезд килен в дом мужа), килен һөйөү.
6. Выплата калыма.

Старинные девичьи игры

Из старинных девичьих игр записаны «көрс-тарак» («ткацкий станок»), «сеймәләш» («путаница»), «Ак тирәк – күк тирәк», «Балдыя апай балға бар, балғалағың тота бар» («Балдыя апай, с ложкой иди за медом»), «Яңғыз кайын» («Одинокая береза») (Тляубаева Зарифа, 70 лет, д. Юмагужа, Зилаирский район); «Аулакай» («Посиделки»), «Үгез йөзөк» (игра в колечко) (Юлдыбаева Вазифа, 33 года, дер. Элмәле, Зианчуринский район).

Были записаны обрядовые игры-гулянья «Карға буткаһы» («Каша для вороны» в дер. Сураш, Юлдаш, Юмагужа Зианчуринского района, «Кәжүк сәйе» («Кукушкин чай»), «Һыу һалышыу» («Обливание водой после окончания посева») д. Баиш Зианчуринского района.

Из молодежных коллективных игр 30-х годов записаны хороводные игры: «Күләгә», «Римский папа», «Еще раз!», «Үрзәкәйем» («Уточка»), «Ак калас» («Каравай»), «Парлы күләгә», «Күрше» («Сосед»), «Күз кысыш», «Фигурный марш», «Станок», «Прогульщик» и «Комсомольский танец» – со слов Кулгариной Хадиры (35 лет, дер. Ибрай, Зианчуринский район).

Сейчас молодежь в деревне под гармонь или под такмак играет «Өс таған», хороводные, одиночные пляски с вызовом другого лица. Все большее распространение среди молодежи получают танцы.

Таким образом, полевые работы, проведенные нами дали богатый материал по башкирскому устно-поэтическому творчеству. Особенно ценными представляются произведения эпического характера. Собранный материал может быть полезным для этнографов, а также для языковедов.

Материал подготовлен к печати Р.Н.Каримовой

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ С. Ф. МИРЖАНОВОЙ

- Башкорт теле һөйләштәренәң һүзлек составын йыйыу өсөн һораулык. – Өфө, 1959. 18 бит.
- Анкета. Башкорт теле һөйләштәренән материалдар йыйыу өсөн. – Өфө, 1961. 56 бит. (авторзаштар Максүтова Н.Х., Ишбулатов Н.Х.).
- Кубалаякский говор башкирского языка. Автореферат ... канд. филол. наук. – Уфа, 1967. – 29 с.
- Южный диалект башкирского языка. – М.: Наука, 1979. – 272 стр.
- Южный диалект башкирского языка (в сравнительно-историческом освещении). Автореферат дисс. доктора филол. наук. – Баку, 1984. – 48 стр.
- Северо-западный диалект башкирского языка: формирование к современные состояние. – Уфа, 1991. – 296 стр.
- Словарь башкирских говоров. Т. I. Восточный диалект. – Уфа, 1967. – 300 стр. (соавторы Н. Х. Ишбулатов, Н. Х. Максүтова).
- Словарь башкирских говоров Т. II. Южный диалект. – Уфа, 1970. – 328 стр. (соавторы Н. Х. Максүтова и др.).
- Словарь башкирских говоров. Т. III. Западный диалект. – Уфа, 1987. – 232 стр. (соавторы Н. Х. Максүтова, М. И. Дильмухаметов, У. Ф. Надергулов и др.).
- Образцы башкирской разговорной речи. – Уфа, 1988 (в соавторстве).
- Диалектологический атлас башкирского языка. – Уфа: Гилем, 2005. – 232 стр; 169 карт. (соавторы Н.Х. Максүтова, М.И. Дильмухаметов, и др.)

**Статьи из сборников, продолжающихся изданий
(ученых записок, известий, трудов)**

- Материалы экспедиции 1958 г. (Предварительное сообщение) // Башкирский диалектологический сборник. – Уфа, 1959. С. 195-212.
- Кубалаякский говор // Башкирская диалектология. – Уфа, 1963. С. 128-130.
- О единой фонетической транскрипции для тюркских языков на материале башкирского языка // Вопросы диалектологии тюркских языков. Т. 3. – Баку, 1963. С. 170-172.
- Кубалаякский говор в его отношении к другим говорам башкирского языка // Итоговая научная сессия Уфимского института истории, языка и литературы АН СССР за 1965 год. Тезисы докладов. – Уфа, 1966. С. 45-50.
- Из наблюдений над русскими заимствованиями в диалектной лексике башкирского языка. // Башкирская лексика. – Уфа, 1966. С. 89-103.
- Финно-угорские элементы в говорах башкирского языка // Археология и этнография Башкирии. – Уфа, 1971. – 28-286.
- Терминология родства в диалектах башкирского язык // Советская тюркология, 1973. №4. С. 99-109.
- О языке башкир-кыпчаков // 7-я региональная конференция по диалектологии тюркских языков. – Алма-Ата, 1973. С. 44-47.
- Старые русский заимствования в башкирском литературном языке // Вопросы башкирского языкознания. – Уфа, 1973. С. 115-120.
- Диалектные пласты лексики кубалаякского говора // Башкирский языковедческий сборник. – Уфа, 1975. С. 43-47.
- Рукопись баита о Буранбае // Южно-Уральская конференция по археографии и источниковедению истории литературы и языка. – Уфа, 1975. С. 63.

Влияние русского народно-разговорного языка на диалектную речь башкир // Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. – М., 1975. С. 172-173.

Этнолингвистические процессы на северо-западе БАССР // Развитие языков и культур в их взаимосвязи и взаимодействии. – Уфа, 1976. С. 235-244.

Некоторые вопросы исторической диалектологии башкирского языка // Всесоюзная тюркологическая конференция. Тезисы докладов. – Алма-Ата, 1976. С. 225-227.

О древних этноязыковых связях башкир и венгров. // Советская тюркология, 1981. №1.

Некоторые синтаксические особенности народно-разговорного башкирского языка // Исследования и материалы по башкирской диалектологии. – Уфа, 1981.

Башкорт эзэби теле һәм көнъяк-көнбайыш һөйләштәре // Башкортостан укытыусыһы. 1983. №8. 50-53-сө бб.

Семантическая характеристика лексики караидельского говора // Актуальные проблемы башкирской лексики и лексикографии. – Уфа, 1994. С. 90-94.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абубакирова Лидия Фатиховна, кандидат филологических наук, доцент БГПУ им. М. Акмуллы, г. Уфа, Республика Башкортостан.

Абулгатина Зиля Ревалевна, аспирант отдела фольклористики Института истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа, Республика Башкортостан.

Аккубеков Рашит Юмадилович, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела литературоведения Института истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа, Республика Башкортостан.

Алишина Ханиса Чавдатовна, доктор филологических наук, профессор, почетный академик АН Татарстана, профессор кафедры общего языкознания ИФиЖ ТюмГУ, директор центра тюркологии ТюмГУФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет», г. Тюмень, Россия.

Аплонова Екатерина Сергеевна, студентка Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия.

Апсарова Серафима Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры башкирской, татарской и марийской филологии Бирского филиала БашГУ, г. Бирск, Республика Башкортостан.

Асмондьяров Венер Надирович, аспирант Башкирского государственного университета, г. Уфа, Республика Башкортостан.

Бакланова Ирина Ивановна, кандидат филологических наук, зав. каф. русского языка, доцент Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Пермь, Россия.

Балтайс Мария Дмитриевна, студентка Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия.

Баязитова Флера Саитовна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, г. Казань, Республика Татарстан.

Бекасова Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный педагогический университет», г. Оренбург, Россия.

Беласарова Жайдаркул Тауирбаевна, докторант Казахского национального педагогического университета им. Абая, г. Алматы, Казахстан.

Бембеев Евгений Владимирович, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории экспериментальной и прикладной лингвистики КИГИ РАН, г. Элиста, Республика Калмыкия.

Биликова Маргарита Зориктуевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры филологии Центральной Азии ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет», г. Улан-Удэ, Республика Бурятия.

Блокланд Рохир, Ph.D., профессор финно-угорских языков в Уппсальском университете, г. Уппсала, Швеция.

Булякова Гадила Мударисовна, кандидат филологических наук, доцент Сибайского института (филиал) ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Сибай, Республика Башкортостан.

Бускунбаева Лилия Айсовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела языкознания Института истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа, Республика Башкортостан.

Валиева Мадина Раилевна, м.н.с. отдела языкознания Института истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа, Республика Башкортостан.

Вахитова Айсылу Галинуровна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры башкирской, татарской и марийской филологии Бирского филиала БашГУ, г. Бирск, Республика Башкортостан.

Генералова Валерия Антоновна, студентка Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия.

Добринина Альбина Альбертовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск, Россия.

Драгой Ольга Викторовна, заведующий нейролингвистической лабораторией Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”, г. Москва.

Емельянова Аксана Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков УЮИ МВД России, г. Уфа, Республика Башкортостан.

Жамсаранова Раиса Гандыбаловна, доктор филологических наук, профессор кафедры Теоретической и прикладной лингвистики ФФиМК Забайкальского государственного университета, г. Чита, Забайкальский край.

Жубанов Аскар Кудайбергенович, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института языкознания им. А. Байтурсынова, г. Алматы, Казахстан.

Ибрагимов Тавзих Ибрагимович, кандидат филологических наук, доцент Казанского (Поволжского) федерального университета, г. Казань, Республика Татарстан.

Ибрагимова Альфия Дамировна, старший лаборант-исследователь лаборатории лингвистики и информационных технологий Института истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа, Республика Башкортостан.

Иванов Владимир Андреевич, заведующий сектором научной библиотеки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва.

Илиева Алена Андреевна, кандидат филологических наук, доцент Бирского филиала ФГБУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Бирск, Республика Башкортостан.

Исакова Анна Алексеевна, соискатель Тюменского государственного университета, г. Тюмень, Россия.

Исмагилова Аида Маратовна, аспирант Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Республика Татарстан.

Исянгулов Шамиль Наилевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новейшей истории Башкортостана Института истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа, Республика Башкортостан.

Исянгулова Гульназ Абдулхаковна, кандидат филологических наук, доцент кафедры башкирского языкознания и этнокультурного образования БашГУ, г. Уфа, Республика Башкортостан.

Ишегулова Алсу Минифариевна, м.н.с. отдела языкознания Института истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа, Республика Башкортостан.

Ишкильдина Линара Камилловна, кандидат филологических наук, м.н.с. отдела языкознания Института истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа, Республика Башкортостан.

Ишмухаметова Анита Шаукатовна, младший научный сотрудник лаборатории лингвистики и информационных технологий Института истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа, Республика Башкортостан.

Каксин Андрей Данилович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, г. Абакан, Республика Хакасия.

Каджиев Араша Юрьевич инженер-исследователь отдела теоретической и экспериментальной лингвистики Калмыцкого институтп гуманитарных исследований РАН, г. Элиста, Республика Калмыкия.

Карбозова Булбул Давлетханкызы, научный сотрудник отдела прикладной лингвистики Института языкознания им. А.Байтурсынова Министерства образования и науки Республики Казахстан, г. Алматы.

Каримова Гульназ Рафаиловна, кандидат филологических наук, м.н.с. отдела языкознания Института истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа, Республика Башкортостан.

Каримова Рамиля Нигматьяновна, м.н.с. отдела языкознания Института истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа, Республика Башкортостан.

Кобенко Юрий Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», г. Томск, Россия.

Кожамметова Актоты Кожамметкызы, научный сотрудник отдела прикладной лингвистики Института языкознания им. А.Байтурсынова Министерства образования и науки Республики Казахстан, г. Алматы.

Кузьменко Елизавета Алексеевна, студент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва.

Куканова Виктория Васильевна, кандидат филологических наук, Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, г. Элиста, Республика Калмыкия.

Куулар Елена Мандан-ооловна, кандидат филологических наук, доцент ФГБОУ ВПО «Тувинский государственный университет», г. Кызыл, Республика Тыва.

Леонтьева Татьяна Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи Российского государственного профессионально-педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия.

Лобанова Алевтина Степановна, кандидат филологических наук, доцент Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Пермь, Россия.

Майзина Аржана Николаевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института им. С.С. Суразакова, г. Горно-Алтайск, Республика Алтай.

Макажанов Айбек Омиржанович, магистр компьютерных наук, младший научный сотрудник частного учреждения "Nazarbayev University Research and Innovation System", г. Астана, Республика Казахстан.

Миров Мухтар Орынбасарулы, кандидат филологических наук, доцент, проректор по воспитательной работе и социально-экономическим вопросам Актюбинского регионального государственного университета им. К. Жубанова, г. Актюбе, Казахстан.

Муратова Римма Талгатовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела языкознания Института истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа, Республика Башкортостан.

Надергулов Минлегали Хусаинович, доктор филологических наук, заведующий отделом литературоведения Института истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа, Республика Башкортостан.

Надршина Фануза Аитбаевна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа, Республика Башкортостан.

Назарова Гульназ Анваровна, учитель башкирского языка и литературы МБОУ СОБШ с. Татыр-Узяк, Хайбуллинский район, Республика Башкортостан.

Нафиков Шамиль Валиевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа, Республика Башкортостан.

Нечаева Наталья Александровна, студентка Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Пермь, Россия.

Новгородов Иннокентий Николаевич, доктор филологических наук, профессор ФГАОУ ВПО «Северо-восточный федеральный университет» им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Республика Саха (Якутия).

Нургулина Халида Бариевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков Сибайского института (филиал) ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет», г. Сибай, Республика Башкортостан.

Нурлыбаев Нуржан Мадирай улы, кандидат филологических наук, доцент Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан.

Овсянникова Мария Александровна, аспирант Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург, Россия.

Партанен Нико, докторант при Фрайбургском университете, г. Фрайбург, Германия.

Рамазанова Дария Байрамовна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ, г. Казань, Республика Татарстан.

Рийсслер Михаэль, Ph.D., научный сотрудник и преподаватель кафедры лингвистики Фрайбургского университета, г. Фрайбург, Германия.

Садыков Ташполот, доктор филологических наук, профессор Бишкекского гуманитарного университета, г. Бишкек, Кыргызстан.

Сай Сергей Сергеевич, кандидат филологических наук, Институт лингвистических исследований Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Россия.

Сайхунов Мансур Равхатович, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института информатики АН РТ, г. Казань, Республика Татарстан.

Саляхова Зугура Идрисовна, доктор филологических наук, профессор, декан факультета башкирской филологии Стерлитамакского филиала БашГУ, г. Стерлитамак, Республика Башкортостан.

Семенова Виктория Ильинична, кандидат филологических наук, доцент кафедры бурятской филологии Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия.

Сиразитдинов Зиннур Амирович, кандидат филологических наук, с.н.с., заведующий лабораторией лингвистики и информационных Института истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа, Республика Башкортостан.

Соегов Мурадгелди, доктор филологических наук, профессор, академик АН Туркменистана, г. Ашхабад, Туркменистан.

Сулейманова Дильбар Данисовна, соискатель кафедры башкирского языкознания и этнокультурного образования БашГУ, г. Уфа, Республика Башкортостан.

Сулейманова Резида Ахметьяновна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Института истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа, Республика Башкортостан.

Султангазина Айтолкын, Нурлановна, бакалавр, консультант частного учреждения "Nazarbayev University Research and Innovation System", г. Астана, Республика Казахстан.

Султангареева Розалия Асфандияровна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела фольклористики Института истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа, Республика Башкортостан.

Уртегешев Николай Сергеевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск, Россия.

Усманова Минсылу Губайтовна, доктор филологических наук, профессор БГПУ им. М. Акмуллы, г. Уфа, Республика Башкортостан.

Файзуллина Ильсюяр Ильгизовна, кандидат филологических наук, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа, Республика Башкортостан.

Федина Марина Серафимовна, кандидат филологических наук, руководитель Центра инновационных языковых технологий при Коми республиканской академии государственной службы и управления (ЦИЯТ КРАГСИУ), г. Сыктывкар, Россия.

Хабибуллина Зулейха Ахметовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры башкирского языка и методики его преподавания факультета башкирской филологии БГПУ им. М. Акмуллы, г. Уфа, Республика Башкортостан.

Хисамитдинова Фирдаус Гилмитдиновна, доктор филологических наук, профессор, директор Института истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа, Республика Башкортостан.

Хуббитдинова Нэркэс Ахметовна, доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературоведения Института истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа, Республика Башкортостан.

Худякова Мария Викторовна, младший научный сотрудник нейролингвистической лаборатории, Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, г. Москва.

Хусаинова Гульнур Равиловна, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой фольклористики Института истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа, Республика Башкортостан.

Хусаинова Лейла Мидхатовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой башкирского языка Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак, Республика Башкортостан.

Чемышев Андрей Валерьевич, сотрудник Центра инновационных языковых технологий при Коми республиканской академии государственной службы и управления (ЦИЯТ КРАГСИУ), г. Сыктывкар, Россия.

Шайхисламова Зубаржат Фанилевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры башкирского и общего языкознания БашГУ, г. Уфа, Республика Башкортостан.

Шайхулов Алмас Галимзянович, доктор филологических наук, заведующий кафедрой татарской филологии и культуры БашГУ, г. Уфа, Республика Башкортостан.

Шарина Сардана Ивановна, кандидат филологических наук, заведующий сектором эвенской филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Республика Саха (Якутия).

Юлдыбаева Гульнар Вилдановна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела фольклористики ИИЯЛ УНЦ РАН, г. Уфа, Республика Башкортостан.

Ягафаров Ринат Галимьянович, кандидат филологических наук, директор "Башкирский лицей № 2", г. Уфа, Республика Башкортостан.

Ягафарова Гульназ Нурфаезовна, кандидат филологических наук, с.н.с. отдела языкознания Института истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа, Республика Башкортостан.

Яковлева Евгения Андреевна, доктор филологических наук, профессор БГПУ им. М. Акмуллы, г. Уфа, Республика Башкортостан.

СОДЕРЖАНИЕ

I. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ РОССИИ

<i>Назершина Ф.А., Өфө к.</i> Сәриә Миржанова язмаларында халык ижады комарткылары	6
<i>Рамазанова Д.Б., г. Казань</i> Сария Фазулловна Миржанова как многогранный ученый.	10
<i>Каримова Р.Н., г. Уфа</i> Роль С.Ф. Миржановой в изучении диалектов башкирского языка	13
<i>Усманова М.Ф., Өфө к.</i> Башкорт һөйләштәрендә үсемлектәр атамаһы (С.Ф. Миржанованың “Башкорт теленен төньяк-көнбайыш диалекты” хезмәте нигезендә)	16
<i>Ягафаров Р.Г., г. Уфа</i> О варианте башкирского эпоса «Алпамыша», записанном С.Ф.Миржановой	19
<i>Абубакирова Л.Ф., г. Уфа</i> Грамматическая категория будущего определенного времени в системе алтайских языков и диалектов (исторический аспект)	21
<i>Абубакирова Л.Ф., г. Уфа</i>	24
К вопросу о лингвогеографическом изучении оренбургских русских говоров	24
<i>Аккубеков Р.Ю., г. Уфа</i> Язык оренбургских башкир в исследованиях А.Г. Бессонова	29
<i>Алишина Х.Ч., г. Тюмень</i> Тоболо-иртышский диалект сибирских татар: имя действия	31
<i>Апсатарова С.И., г. Бирск</i> Система падежей в мишкинском говоре марийского языка	34
<i>Бекасова Е.Н., г. Оренбург</i> Об особенностях представления тюркских заимствований в оренбургских русских говорах	39
<i>Бүләкова Ф.М., Сибай к.</i> Балалар өсөн язылган әсәрҙәрҙә диалектизмдарҙың кулланылышы	44
<i>Вахитова А.Г., г. Бирск</i> Монголизмы в говорах башкирского языка	45
<i>Иванов В.А., г. Москва</i> Подзывные слова в финно-угорских и русских диалектах и их связь с названиями животных	47
<i>Ильева А.А., г. Бирск</i> Современное состояние лексики балтачевского говора марийского языка	52
<i>Ишкильдина Л.К., г. Уфа</i> Современное состояние говора оренбургских башкир	55
<i>Каксин А.Д., г. Абакан</i> Койбалынский говор хакасского языка: традиционные и новые подходы в вопросах документации	58
<i>Куулар Е.М., г. Кызыл</i> К вопросу об изучении грамматического строя диалектов тувинского языка	61
<i>Леонтьева Т.В., г. Екатеринбург</i> Зоологическая метафора в обозначениях человека по общительности или необщительности (на материале русских народных говоров)	65
<i>Миров М., г. Актубе (Казахстан)</i> Қазақ диалектология ғылымының арнабасында	68

<i>Назарова Г.Э., Хэйбулла районы</i>	
Башкорт теле һәм әзәбиәте дәрестәрәндә диалект һүзәрзең кулланышы	71
<i>Нафиков Ш.В., г. Уфа</i>	
Происхождение башкирского диалектизма <i>йәшәнҗезеу</i> 'слезиться'	73
<i>Саляхова З.И., г. Стерлитамак</i>	
Особенности функционирования залоговых форм глаголов в башкирском литературном языке и в диалектах	75
<i>Семенова В.И., г. Иркутск</i>	
О некоторых генонимах эхиритских бурят	79
<i>Уртегешев Н.С., Добринина А.А., г. Новосибирск</i>	
Звукотип «т» в аларском диалекте бурятского языка: (по данным МРТ)	83
<i>Хадыева Р.Н., г. Уфа</i>	
К вопросу о литературном языке и народной речи	86
<i>Шайхулов А.Г., Шайхисламова З.Ф., Асмондьяров В.Н., г. Уфа</i>	
Методологические аспекты составления диалектных словарей языков урало-поволжья в евразийском контексте	88
<i>Шарина С.И., г. Якутск</i>	
Некоторые итоги и перспективы изучения диалектов и говоров эвенского языка	92
II. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ И СМЕЖНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ	
<i>Абулгатина З.Р., г. Уфа</i>	
Калым туй в свадебном обряде башкирского и казахского народов	96
<i>Аглонова Е.С., Сай С.С., г. Санкт-Петербург</i>	
Числовое маркирование сказуемого(на материале башкирских устных текстов)	98
<i>Бакланова И.И., г. Пермь</i>	
Русская речь Коми-Пермяцкого округа как источник образных выражений	108
<i>Балтайс М.Д., г. Санкт-Петербург</i>	
Конструкции с сентенциальными актантами в башкирском языке (матричные предикаты мыслительной деятельности)	111
<i>Баязитова Ф.С., Казань</i>	
Халык традицияларен этнолингвистик яктан торгызу: туй персонажлары(жирле сөйләш һәм фольклор текстлары яссылыгында)	114
<i>Беласарова Ж.Т., г. Алматы (Казахстан)</i>	
Қазақ тіліндегі көптік жалғауының сипаттамасы	117
<i>Бембеев Е.В., г. Элиста</i>	
«Сказание о хождение в тибетскую страну малодербетовского Бааза-бакши» как источник ономастического исследования старописьменного калмыцкого языка	120
<i>Биликова М.З., г. Улан-Удэ</i>	
Деепричастия монгольского и турецкого языков в функции обстоятельства	124
<i>Валиева М.Р., г. Уфа</i>	
Булгаризмы поволжья в апеллятивной лексике башкирского языка	126
<i>Генералова В.А., г. Санкт-Петербург</i>	
Дифференциальное маркирование субъекта в конструкциях с сентенциальными актантами	130
<i>Емельянова А.М., г. Уфа</i>	
Изучение языка города в рамках преподавания языковых дисциплин (на примере использования эргонимов в различных социальных сферах г. Уфы)	136
<i>Жамсаранова Р.Г., г. Чита</i>	
Тунгусский геноним дулигатский: языковая и этническая принадлежность	138
<i>Исакова А.А., г. Тюмень</i>	
Годонимы села Ембаево Тюменского района Тюменской области	144

<i>Исянгулов Ш.Н., г. Уфа</i> Еще раз о гидрониме «Ашкадар»	146
<i>Исәнголова Г.А., Өфө к.</i> Башкорт телендә аптыраузы, гәжәпләнеүзе белдергән ымлыктар	147
<i>Ишеголова А.М., Өфө к.</i> Н.Ф. Суфиянова – тел һәм фән физикаре	151
<i>Каримова Г.Р., г. Уфа</i> Семантика названий животных в башкирском языке	154
<i>Кобенко Ю.В., г. Томск</i> Российские немцы в Томской области: критика современных лингвистических подходов и исследований	157
<i>Кузьменко Е.А., Драгой О.В., Худякова М.В., г. Москва</i> Психолингвистический эксперимент о восприятии категории эвиденциальности носителями башкирского языка	160
<i>Лобанова А.С., Нечаева Н.А., г. Пермь</i> Собственные имена коми–пермяков. этнолингвистический аспект	164
<i>Муратова Р.Т., г. Уфа</i> Семантика числа два в составе тюркских фразеологических единиц	167
<i>Нафиков Ш.В., Ишкильдина Л.К., г. Уфа</i> Этимология башкирского соматического термина <i>тырнак</i> ‘ноготь’	169
<i>Новгородов И.Н., г. Якутск, Ишкильдина Л.К., г. Уфа</i> Об устойчивом словарном фонде башкирского языка	171
<i>Нургалина Х.Б., г. Сибай</i> Изобразительно-выразительный потенциал стилистической метонимии	174
<i>Назерголов М.Х., Өфө к.</i> XIX быуат башкорт мемуар язмаһының кайһы бер тел үзенсәлектәре	176
<i>Назеришина Ф.А. Өфө к.</i> Ирек Кинйәбулатов ижадында гражданлык мотивтар	178
<i>Овсянникова М.А., г. Санкт-Петербург</i> Грамматические свойства послелогов башкирского языка, содержащих элементы именной морфологии	182
<i>Sadikov Taspolot, Bişkek (Kırgızistan)</i> Büyük göçün zamirlerdeki yansıması	188
<i>Соегов Мурадгелди, г. Ашхабад (Туркменистан)</i> Историко-религиозно-лингвистическая характеристика города (страны) Бугар (по стихам туркменского поэта-классика Махтумкули)	191
<i>Сулейманова Д.Д., г. Уфа</i> Мжъязыковая и междиалектная вариативность тюркских гласных (в сравнении с баскским вокализмом)	194
<i>Сулейманова Р.А., г. Уфа</i> Девнетюркское слово <i>er-ig</i> / <i>ир</i> в башкирских личных именах	199
<i>Султангазина А.Н., Макажанов А.О., Астана (Казахстан)</i> О некоторых особенностях синонимических рядов имен прилагательных в казахском языке .	202
<i>Султангареева Р.А., г. Уфа</i> Магический фольклор: жанровый репертуар и особенности мифопоэтики	205
<i>Уртегешев Н.С., г. Новосибирск</i> Проблемы практического применения современного шорского литературного языка	211

<i>Файзуллина И.И., г. Уфа</i> Еда сквозь призму ономастики	215
<i>Хабибуллина З.А., г. Уфа</i> Наименования разновидностей ветра в башкирском языке	219
<i>Хисамитдинова Ф.Г., г. Уфа</i> С.Ф. Миржанова и мифологическая лексика северо-западного диалекта башкирского языка	222
<i>Хуббитдинова Н.А., г. Уфа</i> Интертекстуальность фольклора и литературы как культурологический аспект анализа национальной литературы	229
<i>Хөсәйенова Г.Р., Өфө к.</i> Белорет башкорттары халык ижадының хәзерге торошо	231
<i>Хусаинова Л.М., г. Стерлитамак</i> Словесное ударение в башкирском языке	235
<i>Юлдыбаева Г.В., Өфө к.</i> Башкорт эпостары хәзерге язмала	238
<i>Ягафарова Г.Н., г. Уфа</i> Концепт <i>уҫал</i> в башкирском языке (на материале диалектизмов и паремий)	241
<i>Яковлева Е.А., г. Уфа</i> Многоаспектность лингвистического градоведения (на примере исследования языковых кодов города Уфы)	245
III. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИКЛАДНОЙ И КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ	
<i>Блокланд Р., г. Уппсала (Швеция), Рийсслер М., г. Фрайбург (Германия), Партанен Н., г. Фрайбург (Германия), Федина М., г. Сыктывкар (Россия), Чемышев А., г. Сыктывкар (Россия)</i> Использование цифровых корпусов и компьютерных программ в диалектологических исследованиях: теория и практика	252
<i>Бускунбаева Л.А., Сиразитдинов З.А., Ишмухаметова А.Ш., Ибрагимова А.Д., г. Уфа</i> Иноязычные вкрапления в башкирском языке (на материале корпуса публицистики башкирского языка)	255
<i>Жұбанов А.Қ., г. Алматы (Казахстан)</i> Қазақ тілінің ұлттық корпусы мәтiнiндегi сөзқолданыстардың сөз табына қатысты ықтималды-статистикалық моделi	258
<i>Ибрагимов Т.И., Сайхунов М.Р., г. Казань</i> Письменный корпус татарского языка: структурные и функциональные характеристики .	261
<i>Ибрагимова А.Д., Ишмухаметова А.Ш., г. Уфа</i> Диалектологической подфонд машинного фонда башкирского языка (состояние и перспективы)	264
<i>Исмагилова А.М., г. Казань</i> Лексико–грамматические особенности официального портала мэрии города Казани	269
<i>Карбозова Б., г. Астана (Казахстан)</i> О разграничении слов-омонимов и полисемии в свете разработки корпуса казахского языка .	272
<i>Кожяхметова А.К., г. Алматы (Казахстан)</i> Методы разметки прилагательных в корпусе текстов казахского языка	274
<i>Куканова В.В., Бутаева А.О., Каджиев А.Ю., г. Элиста</i> Фольклорный корпус калмыцкого языка как материал для анализа диалектов калмыцкого языка (на материале сказок, записанных Г.И. Рамstedтом)	276

<i>Қуқанова В.В., Каджиев А.Ю., г. Элиста</i>	
Параллельный подкорпус калмыцкого языка: программное обеспечение и возможности использования	283
<i>Майзина А.Н., г. Горно-Алтайск</i>	
Оцифровка и лингвистическая обработка архивных материалов по диалектам алтайского языка	287
<i>Нұрлыбаев Н.М, г. Астана (Казахстан)</i>	
Балалар сөздік қорының дамуына ертегілердің ықпалы	292
<i>Сиразитдинов З.А., Ишмухаметова А.Ш., Бускунбаева Л.А., Ибрагимова А.Д., г. Уфа</i>	
О частотных словарях функциональных стилей башкирского языка	296
<i>Сиразитдинов З.А., Ишмухаметова А.Ш., Бускунбаева Л.А., Ибрагимова А.Д., г. Уфа</i>	
Функциональные возможности публицистического корпуса башкирского языка (на рассматриваемом этапе)	299
ПРИЛОЖЕНИЕ I	
Отчет С.Ф. Миржановой, участника комплексной этнографической экспедиции 1958 года по разделу «башкирский фольклор» (<i>Материал подготовлен к печати Р.Н. Каримовой</i>)	304
ПРИЛОЖЕНИЕ II	
Список основных работ С.Ф. Миржановой (<i>материал подготовлен к печати Р.Н. Каримовой</i>)	316
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	318

Научное издание

Актуальные проблемы диалектологии языков народов России

Материалы XIV Всероссийской научной конференции

(Уфа, 20-22 ноября 2014 г.)

Печатается в авторской редакции

Компьютерная верстка:
Сиразитдинов З.А.

Разработка и дизайн обложки:
Т.К. Сурина

Подписано в печать 13.11.2014.
Формат 60x84_{1/8}. Бумага офсетная
Гарнитура “Таймс”. Печать на ризографе.
Уч.-изд. л. 26,8. Усл. печ. л. 24.

Тираж 500.

Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН
45005г Республика Башкортостан, г. Уфа, пр. Октября, 71
Тел.: (347)235-60-50
E-mail: rihll@anrb.ru

ISBN 978-5-91608-118-3

9 785916 081183